

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

УРОКИ ЖИЗНИ

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

УРОКИ ЖИЗНИ

Перевод с английского

АГРАФ
Москва
2003

Оформление серии художника
З.Ю. Буттаева

Информационный спонсор —
радиостанция «Эхо Москвы»

Конан-Дойль Артур

К 64 Уроки жизни. — М.: Аграф, 2003. — 608 с.

Издание статей и писем Артура Конан-Дойля позволяет по-новому понять творчество замечательного английского писателя в целом. Публицистическое наследие Конан-Дойля очень велико, оно охватывает широчайшую тематику, отражающую весь круг незаурядных интересов этого выдающегося человека в самых различных областях науки, общественной жизни и духовных исканий: от медицины, истории, политики, религии, искусства до оккультных явлений. Во всех этих публикациях Конан-Дойль снова и снова выступает как человек, наделенный могучим здравым смыслом и самостоятельностью суждений, как человек, чьи взгляды и идеи, направленные на совершенствование его соотечественников, заслуживают того, чтобы быть услышанными и нами.

ББК 84(4)(Англия)

ISBN 5-7784-0230-9

© Издательство «Аграф», 2003
© П. Гелева, В. Поляков, перевод, 2003
© П. Гелева, составление, 2003

ТАЙНА ГРЕЙТ-ВИРЛИ

Конан-Дойль часто получал письма, адресованные Шерлоку Холмсу, с описанием уголовных дел и с просьбой помочь.

Однажды вечером Конан-Дойль выбрал из стопки писем толстый конверт, набитый вырезками из газет. Вырезки относились к уголовному делу, завершённом три года назад. Дело выглядело таинственным, сенсационным.

Если в письме всё было правдой, то дело требовало, конечно, нового расследования. Давайте же внимательно ознакомимся с обстоятельствами этого загадочного дела.

...Мальчик, спешивший на работу в город, увидел в поле лошадь. Лошадь лежала в луже крови. Живот был вспорот.

Потом приехали полицейские. Двадцать полицейских, созованных со всего графства, бросились прочёсывать окрестные поля и кустарники... И понятно: это был восьмой случай за полгода.

Между февралём и августом 1903 года восемь коров и лошадей были убиты каким-то маньяком. Полиция получила около сотни издевательских писем. В письмах смаковали резню, и одно из них заканчивалось словами: «Весёлые времена наступят в Вирли к ноябрю. Мы примемся за маленьких девочек – каждая стоит двадцати лошадей».

Угроза вызвала ужас, охвативший всю деревню. И вот 18 августа ещё одна лошадь... Кто-то сделал это, хотя двадцать полицейских день и ночь патрулировали окрестные поля.

И тогда инспектор Кэмпбелл принял решение.

Инспектор Кэмпбелл верил, как верили и все его коллеги, что знает, кто во всём виновен. В полумиле от места происшеств-

вия стояла церковь. Туда и пошли инспектор и его люди. Там они надеялись найти доказательства, достаточные, чтобы арестовать сына священника.

Здесь необходимо заметить, что Шапурджи Эдалджи, священник тамошнего прихода, был парсом*, выходцем из Индии. И потому казался обывателям подозрительным человеком.

Священник Шапурджи Эдалджи был женат на англичанке. Их старший сын – двадцатисемилетний Джордж Эдалджи, юрист по образованию, работал в Бирмингеме. Каждое утро в семь тридцать он уезжал поездом на работу и в половине седьмого вечера возвращался в деревню. Джордж был худ и темнокож. Он с отличием окончил университет и был известен как автор весьма толковой книги о железнодорожном праве. Достоинства и способности молодого парса делали его в глазах обывателей человеком опасным.

– И не странно ли, – шептались в кабачке. – Не пьёт и не курит. И не замечает тебя. Вот так. Смотрит и не замечает. А помнишь, прошлый раз?..

Несколько лет назад, когда Джордж ещё учился в школе, по округе прокатилась волна подмётных писем. В письмах ругали священника и его семью. Особенно доставалось Джорджу. От имени священника в газетах помещали глупые объявления. Непристойные открытки, подписанные его именем, рассылались другим священникам графства. Преследование парса продолжалось три года. Местные полицейские власти делали вид, что ничего не замечают. Это и понятно: главный констебль графства, капитан Энсон был твёрдо уверен, что все «чёрные» хуже скотины. Энсон утверждал, что автором анонимок был Джордж Эдалджи. И на протесты священника однажды ответил: «Надеюсь, ваш сын получит своё».

* Т. е. последователем *парсизма*. Парсизм – одна из поздних форм *зороастризма*, древнеиранской дуалистической религии – по имени основателя – пророка Зороастра, или менее правильно – Заратустры. Главное ее содержание – учение о постоянной борьбе в мире двух противоположных начал: добра и зла. Потомки приверженцев Зороастра бежали из Персии в Индию в X веке от преследований мусульман и образовали коммуны в Бомбее и его окрестностях. Как и зороастризму, парсизму присущи идеи о загробном воздаянии, последнем суде и воскресении мёртвых, о рождении Девой грядущего Спасителя, оказавшие большое влияние на христианство и иудаизм (П. Г.).

В конце 1895 года поток писем прекратился. Семь лет в Грейт-Вирли всё было спокойно – и вот...

– Джордж Эдалджи, – без колебаний заявили полицейские.

Таково было положение вещей к 18 августа, когда инспектор Кэмпбелл отправился к дому Эдалджи.

– Покажите мне одежду сына, – приказал Кэмпбелл. – А также оружие, которым он это делает.

Весь дом был перерыт, но полиции не удалось найти ничего, кроме четырёх бритвенных лезвий, принадлежавших священнику. Нашли они также ботинки и плащ Джорджа, запачканные грязью.

– Плащ мокрый, – сказал Кэмпбелл.

Священник потрогал плащ и заявил, что плащ совершенно сух.

– Но тогда на нём лошадиные волосы, – сказал Кэмпбелл.

– Покажите хоть один! – возмутился священник.

– Я не обязан, – ответил Кэмпбелл и передал плащ одному из полицейских.

Как впоследствии указывал Конан-Дойль, полиция не предъявила ни одного волоска, снятого с плаща в присутствии свидетелей.

Плащ полицейские положили в один свёрток со шкурой убитой лошади и послали в суд. Плащ поступил к экспертам, и те без труда обнаружили на нём множество волос и пятен.

Это был единственный козырь полиции.

Вечером того же дня Джордж был арестован.

– Я и не удивляюсь, – сказал Джордж по пути в тюрьму. – Я этого давно ожидал.

Эти слова были записаны и фигурировали на процессе как свидетельство признания Джорджем своей виновности.

– Что вы делали вчера вечером? – спросили Джорджа.

– Я вернулся домой в половине седьмого. Несколько человек видели меня. Весь день шёл дождь, и я промочил ботинки.

(Впоследствии Конан-Дойль обратит внимание на то, что ботинки Джорджа были в чёрной грязи деревенской дороги, а не в жёлтой глине поля.)

– Я поужинал и отправился спать. Я сплю в одной комнате с отцом. Я не покидал спальни до утра.

Отец Джорджа подтвердил это.

Как только новость об аресте Джорджа распространилась по деревне, никто уже не сомневался, что именно он преступник. Чтобы толпа не линчевала «чёрного», полиция переправила арестованного в центр графства. Толпа пыталась вытащить Джорджа из полицейской кареты.

«Множество теорий бытует в округе относительно целей убийства скота. Однако самая популярная из них, – писал репортёр бирмингемской газеты «Экспресс энд стар», – заключается в том, что молодой Эдалджи приносил лошадей и коров в жертву своим языческим богам».

20 октября 1903 года состоялся суд.

Решающее впечатление на присяжных произвели отпечатки следов преступника. Полицейский сравнил следы, оставленные преступником, с отпечатками ботинка Джорджа. Правда, на земле было множество следов, поэтому остаётся загадкой, как полицейский умудрился найти там единственный нужный ему след. Но всё-таки полицейский нашёл нечто. (Когда автор Шерлока Холмса читал это место судебного отчёта, он не мог удержаться от смеха.) Полицейский вдавил в грязь рядом с трупом лошади ботинок Джорджа и таким образом достиг сразу двух целей. Получил отпечаток следа Джорджа и испачкал ботинок жёлтой грязью. Потом полицейский измерил оба отпечатка и убедился, что они одинаковой длины.

– Были ли сфотографированы отпечатки?

– Нет, сэр.

– Были ли сделаны с них слепки?

– Нет, сэр.

– А где же вещественные доказательства?

– Моё слово.

– Каким образом вы измеряли длину следов?

– Палочкой. И когда её не хватило, соломинкой.

В это время в деревне Грейт-Вирли была найдена ещё одна зарезанная лошадь. Джордж сидел в тюрьме, и обвинить его в преступлении было невозможно. В ноябре ещё одна... Тем не менее Джордж был приговорён к семи годам заключения со строгим режимом.

А жизнь в деревне шла своим чередом. Кто-то резал лошадей. Кто-то продолжал писать подмётные письма...

В 1906 году, через три года, двери тюрьмы, в которой был заключён Джордж, открылись. Джорджа выпустили. Нет, его не оправдали. Никто не сказал ему, почему он был отпущен на свободу. Он оставался под наблюдением полиции, и обвинение не было с него снято. Что же послужило причиной такого решения?

Тысячи англичан штурмовали правительство петициями, требуя пересмотреть дело Эдалджи. В защиту Джорджа выступили и некоторые органы печати. Дело получило широкую огласку за рубежом. Однако министерство внутренних дел не ответило ни на одну петицию. И когда Джорджа выпустили из тюрьмы, никакого заявления в этой связи сделано не было.

– Что же мне теперь делать? – спрашивал в отчаянном письме к Конан-Дойлю Эдалджи. – Из списков юристов я вычеркнул. Да и вряд ли я могу вернуться к своей профессии, находясь под гласным надзором полиции. Я хочу получить ясный ответ – виновен я или нет? И не получаю никакого ответа...

Расследование дела Эдалджи, которое предпринял Конан-Дойль, потребовало от писателя восьми месяцев напряжённой работы. Он отложил в сторону все свои дела, сам оплачивал все издержки, связанные с расследованием.

«Или человек виновен, или нет, – писал Конан-Дойль. – Если виновен, он заслуживает того, чтобы провести в тюрьме все семь лет, на которые осуждён. Если нет, то он должен быть не только освобождён, но и полностью оправдан».

Впервые Конан-Дойль встретился с Джорджем в январе 1907 года.

– Одного взгляда на Джорджа Эдалджи, – заявил после этого Конан-Дойль, – было достаточно, чтобы полностью убедиться в том, что он не виновен в приписываемых ему преступлениях. Когда я увидел его, он читал, приблизив газету к глазам, глядя на неё немного вбок, что доказывало...

Писатель подошёл к Джорджу, протянув ему руку, представился и спросил:

– Мистер Эдалджи, вы случайно не страдаете астигматической миопией?

Нам трудно судить о чувствах молодого юриста, ибо вряд ли

он мог предполагать, что именно такими будут первые слова знаменитого писателя. Однако Конан-Дойль продолжал:

– Я по образованию врач. Мне показалось, что у вас ясно выраженный астигматизм, сопровождаемый близорукостью. Вы не носите очков?

– Нет. Я был у специалистов, но они не смогли подобрать мне очки. Они сказали...

– Поднимался ли вопрос о вашей болезни на суде?

– Сэр Артур, – ответил Джордж, – я хотел пригласить окулиста в качестве свидетеля, но мой адвокат сказал, что улики против меня настолько смехотворны, что никаких свидетелей не понадобится.

Никаких сомнений больше у Конан-Дойля не осталось. Ведь Джордж плохо видел и днём. Ночью же, в поле, он был бы беспомошен. Представить себе этого человека крадущимся ночью по полям невозможно.

И всё-таки Конан-Дойль немедленно отправился с Джорджем к известному окулисту. Врач обнаружил у Джорджа близорукость в восемь диоптрий.

11 января первая часть «Дела Джорджа Эдалджи» появилась на страницах «Дэйли телеграф» за подписью Конан-Дойля. Писатель подробно разбирал свидетельства обвинения и доказывал, что они не имеют никакого отношения к правосудию.

Конан-Дойль писал: «Если возможно извинить чувства тёмных обывателей, внушённые цветом кожи Эдалджи, то значительно труднее извинить главного констебля. Это, – продолжал Конан-Дойль, – повторение дела Дрейфуса. Капитан Дрейфус во Франции был сделан козлом отпущения, потому что был евреем. Эдалджи был сделан козлом отпущения в Англии, потому что он парс. Англия, которая привыкла гордиться тем, что она свободная страна, была возмущена до глубины души, узнав о деле Дрейфуса, о том, что такое может случиться во Франции. А почему же мы молчим, когда подобное случается у нас?»

«Правительство захлопнуло дверь перед лицом правосудия, – заканчивал статью писатель. – И теперь я обращаюсь к последней инстанции трибунала, трибунала, который никогда не должен ошибаться. Я обращаюсь к народу Великобритании с вопросом: неужели мы потерпим такое в нашей стране?»

На следующий день вся страна говорила об Эдалджи. Газета была завалена самыми противоречивыми откликами. Крупнейшие специалисты по уголовному праву требовали нового расследования. Министр внутренних дел был вынужден заявить, что дело Эдалджи «будет внимательно рассмотрено». Однако эти слова оставались словами. В то время в Англии не существовало апелляционного суда, и потому формально некому было пересматривать дело. Тогда Конан-Дойль решил найти настоящего преступника. Он отправился в деревню Грейт-Вирли собирать доказательства.

И вдруг Конан-Дойль начал получать анонимные письма.

Сравнив эти письма с письмами, приписываемыми Джорджу, Конан-Дойль пришёл к заключению:

«На основании почерка я полагаю, что письма 1892–1895 годов написаны подростком, который к 1903 году вырос, однако ни почерк, ни метод выражения не изменились коренным образом. Я предполагаю, что этот человек и виновен в резне».

Конан-Дойль обратил внимание, что с 1895 по 1903 год никто писем не получал.

Вернее всего, автор этих писем куда-то уезжал. Но куда? Писатель обратился к письму 1904 года. В нём автор несколько раз упоминает о море. Можно предположить, что он служил на каком-нибудь корабле. Да и последний выпад против Эдалджи-старшего в 1895 году исходил из прибрежного города Блекпул. Блекпул расположен по соседству с крупным портом Ливерпулем. И Конан-Дойль принял этот вариант в качестве рабочей гипотезы.

Необходимо было обнаружить, где мог учиться автор письма. Конан-Дойль обратился к архивам Вальсальской школы. Ключ от этой школы был подброшен вместе с мусором на участок священника. Подписаны письма именами разных учеников этой же школы. Кроме того, в письмах встречаются нападки на директора школы.

«Моим следующим шагом было выяснить: был ли в Вальсальской школе ученик, который а) не любил директора, б) отличался вредным характером, в) после школы ушёл служить в море».

И вот что выяснил писатель: в Вальсальской школе учился

между 1890 и 1892 годом некий Питер Гудсон. Гудсон был исключён из школы, потому что никто не мог с ним справиться. Он был известен тем, что подделывал письма и документы. Никогда не расставался с ножом. После исключения из школы Питер поступил учеником к мяснику. Там он научился резать скот. В конце декабря 1895 года Питер нанялся на корабль и ушёл в море... Вернулся он домой в 1905 году и жил в деревне Грейт-Вирли.

Конан-Дойль нашёл в деревне некую миссис Смолкинг, которая рассказала, что в 1903 году зашла как-то в дом к Питеру. Разговор зашёл о преступлениях в округе. Питер подошёл к шкафу, вынул оттуда большой нож, которым режут скот, и сказал:

– Посмотрите, вот этой штукой и зарезана вся скотина.

– Немедленно спрячьте нож, – сказала миссис Смолкинг. – А то я ещё подумаю, что вы и есть преступник.

Питер спрятал нож в шкаф.

Впоследствии Конан-Дойль раздобыл этот нож и переслал его в министерство внутренних дел. Больше того, Конан-Дойль доказал, что все лошади и коровы были зарезаны в 1903 году именно этим ножом.

Выяснилось также, что вначале Питеру помогал писать письма его старший брат – вся семья Гудсонов жгучей ненавистью ненавидела «цветных» Эдалджи.

Все улики, собранные в деревне, Конан-Дойль переслал в министерство внутренних дел, которое было вынуждено создать специальную комиссию для пересмотра дела Эдалджи. Писатель не сомневался, что дело будет выиграно.

– Мне осталось только пригласить Джорджа к себе на свадьбу, – писал он.

В мае было опубликовано решение комиссии. Комиссия признавала, что Эдалджи был неправильно обвинён в преступлении, но, с другой стороны, комиссия продолжала считать, что Джордж мог быть автором анонимных писем. «Несмотря на то, что он не виноват в преступлении, он до какой-то степени виноват в тех неприятностях, которые ему пришлось пережить». Поэтому комиссия признавала, что Джордж должен быть оправдан, однако в компенсации за трёхлетнее заключение ему было отказано, потому что он сам якобы был виновен в том, что его арестовали.

Другими словами, комиссия пошла на компромисс.

Общественность, убеждённая Конан-Дойлем в полной непричастности Джорджа к этому делу, была возмущена. Последовали ядовитые запросы правительству в Палате общин. Общество юристов единогласно постановило восстановить Эдалджи в правах. «Дэйли телеграф» объявила подписную кампанию сбора средств в пользу Джорджа.

А Конан-Дойль, едва владеющий собой от возмущения, бросился в министерство внутренних дел.

– Вы, очевидно, полагаете, что Джордж Эдалджи сумасшедший? – требовал он ответа.

– Нет, не полагаем.

– Тогда вы считаете, что он и мне посылал угрожающие письма?

– Обратитесь к докладу комиссии. Мы ничего не можем добавить.

Но Конан-Дойль не сдался. Он выступил с серией статей «Кто написал письма?». Писатель раздобыл образцы почерков Джорджа и Питера Гудсона, подозреваемого в преступлении, привлёк крупнейших экспертов-графологов, в том числе и тех, кто выступал на стороне защиты в деле Дрейфуса. Мнение экспертов было единогласным: авторами писем являются Питер Гудсон и его брат.

В ответ министерство заявило, что оно не собирается открывать дела против Гудсона. Дальнейшего расследования не будет.

...В конце того же года в газетах появились сообщения: «Женитьба сэра Конан-Дойля».

На свадьбе присутствовали только самые близкие друзья. Среди них был гость, которого встретили особенно тепло. Это был Джордж Эдалджи.

Эдалджи, который принёс в подарок новобрачным однотомники Шекспира и Теннисона, был смущён тем, что общее внимание приковано к нему.

И на вокзале, перед тем как поезд увёз Конан-Дойля в свадебное путешествие, он подошёл к сэру Артуру и тихо сказал:

– Я счастлив. Мне вообще-то повезло.

В том же году не без усилий Конан-Дойля в Англии был создан наконец апелляционный суд.

Джон Диксон-Карр

СТРАННЫЕ УРОКИ, ПРЕПОДАННЫЕ ЖИЗНЬЮ*

КРОВАВАЯ РАСПРАВА НА МЭНОР-ПЛЕЙС

Люди, изучавшие психологию преступления, знают, что главной его основой является непомерно развитый эгоизм. Себялюбец такого рода теряет всякое чувство меры, он только и думает что о себе; вся цель его заключается в том, чтобы удовлетворить собственные желания и прихоти. Что касается до других людей, то соображения об их благе и интересах себялюбцу чужды и непонятны.

Порой случается, что к преступлению человека побуждают импульсивность его характера, мечтательность или ревность. Всё это бывает, но самая опасная, самая отталкивающая преступность та, что основана на себялюбии, доведённом до безумия. В английской литературе тип такого эгоиста выведен в лице сэра Виллоугби Паттерна. Сей господин безобиден и даже забавен до той поры, пока желания его удовлетворяются, но затроньте его интересы, не выполните какого-либо его желания – и этот безобидный человек начинает делать ужасные вещи. Гексли сказал где-то, что жизнь человеческая – это игра с невидимым партнёром. Попробуйте сделать в игре ошибку, и ваш невидимый партнёр сейчас же вас за эту ошибку накажет. Если

* Все три случая, представленные здесь, действительно имели место. Автор, излагая их, как бы проводит собственное расследование (Л.Г.).

Гексли прав, то приходится признать, что самой грубой и непростительной ошибкой в игре жизни является непомерный эгоизм. За ошибку подобного свойства человеку приходится более всего расплачиваться, — разве только посторонние, следящие за игрой, не жалеются над ним и не примут на себя часть проигрыша.

Я предлагаю познакомиться с историей Уильяма Годфри Янгмена, и вы убедитесь, при каких странных порой условиях приходится человеку платить за совершённые им ошибки. Ознакомясь с историей Янгмена, вы убедитесь также, что эгоизм не есть невинная шалость. Это коренное, основное зло жизни, ведущее к ужасным последствиям.

Приблизительно в сорока милях от Лондона и в близком соседстве с Тонбридж-Уэльсом, модным некогда курортом, есть небольшой город Уодхерст. Город этот находится почти на самой границе Сассекского и Кентского графств. Местность богатая, живописная, и фермеры благоденствуют, сбывая свои продукты в Лондон, благо тот находится неподалёку.

В 1860 году здесь жил некто Стритер. Он был фермер, вёл небольшое хозяйство, и у него была дочь, очень красивая девушка. Звали её Мэри Уэльс Стритер. Ей было лет двадцать; высокая ростом и сильная, она прекрасно знала всю деревенскую работу, но в то же время бывала и в городе, где у неё имелись знакомые.

Был у Мэри Стритер приятель, молодой человек двадцати пяти лет. Познакомилась она с ним случайно, в одну из своих поездок в город. Девушка ему очень понравилась, он сделал визит в Уодхерст и даже ночевал в доме отца Мэри. Стритер не отнёсся к ухаживанию дурно. Ему, видимо, понравился этот бойкий и красивый молодой человек. Разговаривал тот интересно, оказался отличным собеседником, был весьма общителен. Неопределённые и неясные ответы он давал только в одном-единственном случае, а именно когда Стритер расспрашивал, чем тот занимается и каковы его виды на будущее.

Знакомство завязалось и кончилось тем, что ловкий горожанин Уильям Годфри Янгмен и простодушная, воспитанная в деревне Мэри Стритер стали женихом и невестой. Уильям успел за это время изучить Мэри как следует; но зато Мэри знала о своём женихе очень мало. 29 июля приходилось в том году на вос-

кресенье. Полдень миновал. Мэри сидела в гостиной отцовского домика; на коленях у неё лежала куча любовных писем, полученных от жениха, и она их внимательно и по нескольку раз перечитывала.

Из окна был виден хорошенький зелёный лужок. Это был типичный английский деревенский садик. В нём росли высокие мальвы, громадные, качающиеся на стеблях подсолнухи. На красивых клумбах цвела красная гвоздика и кустики фуксий. Через полуоткрытое окно в комнату проникал слабый и тонкий аромат сирени. Откуда-то доносилось жужжание пчёл. Сам фермер по случаю воскресенья спал сладким, послеобеденным сном, и гостиная находилась в полном распоряжении Мэри.

Всего любовных писем было пятнадцать. В одних говорилось только о любви, и они были восхитительны; в других встречались деловые намёки. Читая эти намёки, девушка сдвигала свои хорошенькие бровки. Взять хотя бы историю со страховкой: сколько хлопот стоила эта история её возлюбленному прежде, нежели она не устроила её! Конечно, её жениху лучше знать, чем ей, но всё-таки её поразило, что он несколько раз говорил о возможной смерти. Это ей-то умирать, такой молодой и здоровой! Иногда в самый разгар любовных объяснений он начинал пугать её разговорами о смерти. В одном из писем он ей писал:

«Дорогая моя, я подготовил заявление и отнёс его в контору страхования жизни. Контора напишет госпоже Джеймс Бош сегодня, а ответ она получит в субботу. Таким образом, мы с Вами можем поехать в страховое общество в понедельник».

В следующем письме, всего два дня спустя, он писал так:

«Помните, дорогая, что Вы мне обещали. Вы обещали выйти за меня замуж, и до замужества никому не говорить о страховке. Напишите, пожалуйста, миссис Джеймс Бош, чтобы она сходила в страховое общество, а в понедельник мы съездим вместе и застрахуем нашу жизнь».

Эти выдержки из писем смущали Мэри; она ничего не могла в них понять. Но, слава Богу, теперь с этим покончено, и дело-

вые хлопоты не будут мешать их любви. Мэри уступила прихоти жениха, застраховавав свою жизнь на сто фунтов. Ей пришлось заплатить за первую четверть десяти шиллингов четыре пенса, но Мэри не жалела о деньгах: она успокоила своего Уильяма и избавилась от скучного дела.

Садовая калитка скрипнула, и на тропинке показался рассыльный со станции. В руках его было письмо. Увидав в окно девушку, он приблизился и подал ей письмо, а затем удалился, лукаво улыбаясь. Этот парень в плисовой куртке и тяжёлых сапогах считал себя вестником любви и посланником Купидона, но увь! он был посланником совсем другого, весьма мрачного языческого божества.

Девушка нетерпеливо разорвала конверт и прочла письмо.

«Мэнор-плейс, 16, Невингтон.

Суббота вечер. 28 июля

Моя дорогая Мэри! Сегодня после полудня я отправил Вам письмо, и только после того выяснилось, что мне завтра не придётся ехать в Брайтон. Дела мои все завершены, и я могу теперь увидеться с Вами, о чём и уведомляю Вас настоящим письмом. Письмо это отправлю завтра утром к поезду, отходящему в 6 часов 30 минут со станции Лондон-Бридж. Письмо я передам кондуктору, чтобы он отвёз его в Уодхерст. Кондуктору я заплачу сам, а рассыльному с Уодхерстской станции дайте что-нибудь. Ждать я Вас буду, дорогая, в понедельник утром, с первым поездом. Встретить Вас надеюсь на станции Лондон-Бридж. Завтра я должен быть у дяди, и поэтому приехать к Вам не могу. Но в понедельник вечером или, самое позднее, во вторник утром я провожу Вас назад домой. В Лондон же я вернусь во вторник вечером, чтобы быть готовым в среду приступить к делам. Вы знаете, какие это дела; я Вам говорил. Итак, я Вас жду в понедельник утром. Надеюсь устроить всё как следует. Пока что до свиданья, дорогая Мэри, извините, что не продолжаю письма. Нужно ложиться спать, чтобы завтра встать пораньше и отвезти письмо на почту. Не забудьте, дорогая моя невеста, привезти мне или съесть все мои письма. Целую Вас, жду в понедельник утром в четверть десятого. Не забудьте съесть письма. Вечно любящий Вас
Уильям Годфри Янгмен».

Это было чрезвычайно настойчивое приглашение приехать повеселиться в городе. Но в письме попадались и странные вещи. Про какие такие дела, будто бы известные его невесте, говорил Янгмен? Никаких дел Мэри не знала. И затем, почему это Уильяму вздумалось требовать, чтобы она сожгла его любовные письма? Это требование не понравилось девушке, да и вообще повелительный тон письма задел её самолюбие, и Мэри решила послушаться жениха и не жечь писем: они были ей слишком дороги. С ними нельзя обращаться столь бесцеремонным образом, решила она.

И Мэри собрала все письма, счётом 16, уложила их в маленькую жестяную шкатулочку, в которой хранились все её незатейливые сокровища, и побежала навстречу отцу, который тем временем успел проснуться и спускался по лестнице. Мэри рассказала ему, что она едет к жениху в Лондон, где будет веселиться целый день.

В понедельник, ровно в четверть десятого, Уильям Годфри Янгмен уже стоял на платформе станции Лондон-Бридж и ждал поезда из Уодхерста, в котором должна была приехать в столицу его невеста. По платформе ходило множество людей, и отыскать Янгмена в этой толпе было нелегко. В нём не было решительно ничего выдающегося или примечательного: роста и сложения среднего, наружность самая что ни на есть заурядная, он мог бы считаться полным ничтожеством, не будь в его характере непомерного себялюбия. Кто мог бы предсказать в ту минуту, что не далее как через сутки имя этого незаметного молодого человека станет известным всем трём миллионам жителей Лондона и приведёт их в ужас?

Себялюбие у Янгмена доходило до безумия. Он был глубоко убеждён, что важнее его желаний и капризов ничего на свете нет, что все должны склониться пред ним и выполнять его желания. Самоуверен он был до крайности и думал, что может обмануть весь мир. Пускай обман шит белыми нитками, что за беда? Раз он, Янгмен, задумал обмануть людей, так они и должны ему верить.

По профессии, как и его отец, Янгмен был портной, но занятие это его нисколько не удовлетворяло, и он, желая возвысить свою персону, поступил выездным лакеем к доктору Дункану в

Ковент-Гардене. Некоторое время Янгмен преуспевал в своей новой должности, но в конце концов ему и это надоело. Он отказался от места и вернулся к отцу, где и жил за счёт родственников, тяжёлым трудом добывавших себе пропитание. Одно время Янгмен уверял родных, будто собирается заняться фермерством. Несомненно, эта идея зародилась в его бездельной голове после того, как он побывал в Уодхерсте. Красивые коровы, жужжание пчёл и деревенский воздух понравились ему, и вот он пожелал сделаться фермером.

Но вернёмся к нашему рассказу. Уодхерстский поезд медленно подошёл к станции, и из окна одного вагона третьего класса выглянуло свежее, розовенькое личико Мэри Стритер. Увидав жениха, девушка покраснела ещё более. Влюблённые встретились. Янгмен берёт чемодан девушки и ведёт невесту по платформе, которая вся заполнена дамами в кринолинах и мужчинами в мешковатых панталонах – такая мода царила в Лондоне в 60-е годы.

Янгмен жил на юге Лондона, в Уолворте. Около самого вокзала стоял omnibus. Парочка забралась в него и доехала почти до самого дома.

Было одиннадцать, когда Уильям и Мэри приехали на Мэнор-плейс, где жило семейство Янгмена.

Расположение квартир в этом доме показалось бы нашему современнику очень странным. В 60-х годах о «флэтах» в Лондоне и понятия не имели*. И цели, осуществляемые «флэтами»,

* Здесь надобно отметить, что в означенную эпоху всякий уважающий себя англичанин считал неудобным жить в квартире, помещавшейся только на одном этаже, и, сообразно с этим, дома, сдаваемые в аренду, проектировались в Англии совершенно иначе, чем в России и в остальной Европе. У каждого квартиранта были помещения на всех этажах дома, а также лестница, идущая до чердака. Если представить себе такой пятиэтажный дом, то получалась квартира в девять или десять комнат. В нижнем этаже помещалась кухня, на втором – столовая, на третьем – гостиная и кабинет; поднимаясь выше, мы попадали в спальню, а на самом верху оказывалась комната прислуги. Такая система постройки домов, разумеется, сильно увеличивала плату за квартиры, и вот почему впоследствии, приравниваясь к карману бедных людей, в Англии стали строить европейские квартиры, где помещение ограничивалось одним этажом. Дома этого рода называли «флэтами»

достигались иным способом. Квартира в трёхэтажном доме снималась субъектом, который поселился сам в первом этаже, а второй и третий этажи сдавал жильцам. В первом жил квартирохозяин Джеймс Беван, второй этаж занимали супруги Бард, а третий – Янгмены. Стены в доме были тонкие, и ходя по одной лестнице, жильцы знали всё друг о друге.

Чете Бард, например, было отлично известно, что молодой Янгмен привёз к родителям невесту. Когда Уильям и Мэри поднимались наверх по лестнице, супруги Бард приоткрыли дверь и украдкой наблюдали за ними. Госпожа Бард потом показала, что Уильям обращался со своей невестой очень ласково.

Когда Янгмен привёл свою невесту на квартиру, там почти никого не было: отец уходил на работу в пять утра и возвращался только к десяти часам вечера; двое младших сыновей – мальчики одиннадцати и семи лет – ещё не пришли из школы. Дома была только мать – добродушная, хлопотливая, вечно погружённая в работу женщина. Она поздоровалась со своей будущей невесткой и стала с ней беседовать, расспрашивать о том, о сём. Вполне естественно, что она интересовалась девушкой, которой суждено было вековать век с её сыном. После обеда жених и невеста отправились осматривать достопримечательности Лондона.

Никаких известий не осталось о том, как развлекалась эта странная парочка. Он, разумеется, вынашивал свой ужасный план, а она удивлялась его рассеянному виду и рассказывала ему деревенские новости. Бедная девушка! Она веселилась, а тень смерти уже витала над ней.

Впрочем, кое-что об этой экскурсии влюблённых известно. У отца Мэри Стритер был знакомый в Лондоне, некто Эдуард Спайсер. Это был трактирщик, весёлый, прямой человек. Заведение его – «Зелёный Дракон» – помещалось на Бермондс-стрит. Мэри хотела показать жениха, и парочка явилась в «Зелёный Дракон», где Уильям был представлен невестой Спайсера. На последнего молодой человек почему-то произвёл очень (теперь переводится как «квартира», от слова flat – «плоский»). «Флэты» предназначались для рабочих и бедняков. Средний же класс придерживался прежних традиций и жил в домах с многоэтажными квартирами (П.Г.).

дурное впечатление. Трактирщик отвёл невесту в сторону.

– Так ты хочешь выйти замуж за этого молодца? Знаешь, что? Возьми-ка уж лучше верёвку и повесься на чердаке. То же на то и выйдет.

Но раз девушка влюблена, то всякие увещевания бесполезны. Слова трактирщика, оказавшиеся пророческими, по всей вероятности, не возымели на Мэри Стритер никакого действия.

Вечером Уильям и Мэри отправились в театр посмотреть трагедию в постановке Макреди*. Знала ли бедная девушка, сидя в набитом битком партере рядом со своим молчаливым женихом, что её собственная мрачная трагедия окажется куда страшнее всех сценических ужасов! На Мэнор-плейс парочка вернулась около 11-ти часов вечера.

На сей раз трудолюбивый портной оказался дома. Ужинали все вместе, а затем пришла пора ложиться спать. В квартире было всего две комнаты. Мать, Мэри и семилетний мальчик легли в передней комнате. Отец лёг в задней комнате на своём верстаке, около него в постель легли Уильям и его одиннадцатилетний брат. Знали ль эти простые люди, ложась вечером в постель, что завтра о них и об их трагической судьбе будет говорить весь Лондон?

Отец проснулся по обыкновению очень рано. В серых очертаниях предрассветного воздуха он увидел что-то белое. Это был вставший с постели Уильям. Отец сонным голосом спросил: куда это он так рано собрался? Уильям снова улёгся, и оба заснули.

В пять часов старик встал, торопливо оделся и, спустившись в двадцать минут шестого по лестнице, запер за собой входную дверь. Таким образом, с места драмы ушёл последний свидетель, и всё, что случилось после его ухода, известно лишь на основании логических выводов и косвенных улик. Точных подробностей случившегося никто не знает, и для меня, летописца, это, пожалуй, очень кстати, так как едва ли события, подоб-

* Уильям Чарльз Макреди (1793 – 1873) – выдающийся английский режиссёр и актёр. Один из первых деятелей английского театра, осуществивший ряд реалистических реформ в области режиссуры. Его заслугой является также восстановление на английской сцене подлинных текстов Шекспира, шедших до него обычно в переделках (П.Г.).

ные нижеизлагаемому, можно смаковать, вникая во все их ужасные подробности.

Я уже говорил, что внизу, под Янгменами, жили супруги Бард; в половине шестого, через десять минут после того, как из дома ушёл старик-портной, госпожа Бард проснулась; её разбудил шум, доносившийся с верхнего этажа. Казалось, что в квартире Янгменов бегают взад и вперёд дети. Лёгкий топот голых ног явственно слышался сверху.

Женщина стала прислушиваться и, наконец, сообразила, что всё это очень странно: с какой стати дети принялись бегать и резвиться в такой необычный час? Госпожа Бард разбудила мужа и обратила его внимание на необычный шум. Оба сели на постели и стали слушать. И вдруг...

И вдруг они услышали громкий задыхающийся крик, и затем на пол над их головами упало что-то мягкое и тяжёлое.

Бард выскочил и бросился по лестнице вверх. Но на верхнюю площадку он не пошёл, ибо, ещё стоя на верхних ступенях, он взглянул в открытую дверь квартиры Янгменов. Его глазам представилось нечто такое, что заставило его дико закричать и поспешно броситься вниз. Ещё момент – и Бард стучался к Бевану, крича:

– Ради Бога, откройте скорее! Здесь убийство.

Беван выскочил на лестницу. Он и сам слышал зловещий стук от падения чего-то тяжёлого. Оба – и Беван, и Бард – опять поднялись по скрипучей лестнице наверх. Золотые лучи июльского солнца освещали их бледные и перепуганные лица.

Но и на этот раз они не добрались до места. Они остановились на ступеньке, с которой была видна площадка. На пороге двери и на площадке виднелись лежащие белые фигуры. Эти фигуры были залиты кровью. Зрелище было прямо до ужаса нестерпимое!

На площадке виднелось всего три трупа, а по комнате кто-то ходил; этот кто-то вышел на площадку. Перепуганные соседи увидели перед собой Уильяма Годффри Янгмена. Он был в одном нижнем белье, весь перепачканный кровью. Один рукав рубашки был разорван и висел. Увидав перепуганных соседей, Уильям крикнул:

– Мистер Бард! Ради Бога, приведите поскорее врача! Может быть, ещё можно кого-то спасти!

Соседи побежали по лестнице вниз, а Янгмен крикнул им вдогонку:

— Это всё моя мать наделала! Она зарезала мою невесту и братьев, а я, защищаясь от неё... кажется, убил её...

Это объяснение Янгмен повторял до самой своей смерти. Но соседям рассуждать было некогда. Они бросились каждый в свою комнату, поспешно оделись и выскочили на улицу искать врача и полицию. А Янгмен стоял на верхней площадке и всё повторял своё объяснение.

Я воображаю, как сладок показался Бевану и Барду летний утренний воздух после того, как они выскочили из этого проклятого дома; представляю, как удивлялись честные продавцы молока, глядя на этих двух растрёпанных и перепуганных людей. Но идти далеко им не пришлось. На углу улицы стоял городской Джон Уорней, солидный и невозмутимый, как тот закон, который он представлял своей особой.

Городовой Уорней, вселяя в двух испуганных обывателей бодрость, медленно и с достоинством двинулся к дому, в котором произошла трагедия.

Увидав на лестнице лакированную каску полицейского, Янгмен вскричал:

— Глядите только, что здесь произошло! Что мне делать?

Констебль Уорней и при виде кровавых тел остался невозмутимым. Янгмену он дал самый своевременный и практический совет:

— Одевайтесь и следуйте за мной!

— Но за что? — воскликнул молодой человек. — Я убил мать, защищая себя, ведь и вы поступили бы так же. Я не нарушил закона.

Констебль Уорней не любил высказывать своих мнений о законе и был вполне убеждён, что лучшее, что может сделать в данном случае Янгмен, это одеться и следовать за ним.

Между тем на улице перед домом стала собираться толпа, и на место происшествия прибыли другой констебль и полицейский инспектор. Положение было совершенно ясное: правду или нет говорит Янгмен, но в убийстве матери он признался и, стало быть, должен быть арестован.

На полу был найден нож, погнувшийся от сильных ударов.

Янгмен вынужден был признать, что этот нож принадлежит ему. Оглядели и трупы. Раны были ужасны: такие раны мог нанести только человек, обладающий мужской силой и энергией. Выяснилось, таким образом, что Янгмен заблуждается, называя себя жертвой обстоятельств. Совершенно напротив, Янгмен оказывался одним из крупнейших злодеев нашей эпохи.

Но прямых свидетелей не было: злодейская рука заставила замолчать всех – и невесту, и мать, и малолетних братьев. Бессмысленность этого ужасного преступления поразила всех. Негодование общества было чрезвычайно велико. Затем, когда открылось, что Янгмен застраховал в свою пользу жизнь бедной Мэри, стало казаться, что повод к преступлению найден. Обратили внимание на то, что обвиняемый лихорадочно торопился закончить дело со страховкой. И зачем он просил невесту уничтожить его письма? Это были наиболее тяжкие улики против Янгмена.

Но в то же время, как Янгмен мог зарегистрировать и получить страховую сумму из общества «Аргус», не будучи ни мужем, ни родственником Мэри? Ведь всё это было до крайности нелепо и заставляло думать, что преступник или круглый невежда, или сумасшедший.

Стали исследовать дело с этой стороны, и оказалось, что безумие было не чуждо предкам Янгмена. Мать его матери и брат отца содержались в психиатрических больницах. Дед Янгмена (отец портного) также одно время находился в сумасшедшем доме, но перед смертью «пришёл в разум».

Основываясь на этих данных, приходилось признать, что деяние на Мэнор-плейс надо зарегистрировать не с уголовной, а с медицинской точки зрения. В наше гуманное время Янгмена едва ли бы повесили, но в 60-х годах на преступников глядели иначе.

Дело разбиралось в главном уголовном суде 16 августа. Председательствовал судья Уиллионс. На суде выяснилось, что нож, которым было совершено убийство, Янгмен приобрёл заблаговременно, он даже показывал его в каком-то кабачке своим знакомым, и один из них, добрый британец, преданный закону и порядку, тогда заметил, что мирному гражданину носить такой нож не пристало. Янгмен на это ответил:

– Всякий может защищать себя при надобности таким способом, какой сочтёт нужным.

Добрый британец едва ли подозревал, что беседует с невменяемым и находится на волосок от смерти.

Жизнь обвиняемого была подвергнута самому тщательному исследованию, но ничего компрометирующего этот анализ не дал. Янгмен продолжал упорно стоять на своём первоначальном показании. Судья Уиллионс в своём резюме сказал, что если бы обвиняемый говорил правду, это означало бы, что он обезоружил мать и отнял у неё нож. А если так, то зачем было убивать её? А он не только не удержался от насилия, но и нанёс ей несколько смертельных ран. И кроме того, на руках убитой матери кровавых пятен не было найдено. Все эти данные были приняты во внимание присяжными, и они вынесли Янгмену обвинительный приговор.

На суде Янгмен держал себя спокойно, но, сидя в тюрьме, обнаружил свой раздражительный и злой нрав. Когда его посетил отец, Янгмен разразился в адрес старика бранью и упрёками, обвиняя его в том, что он будто бы дурно обращался со своим семейством. Но он стал вне себя от бешенства, узнав, что трактирщик Спайсер посоветовал его покойной невесте скорее повеситься, нежели выходить за него, Янгмена, замуж. Этими словами Янгмен был уязвлён до крайности. Его самоуважение было не на шутку задето ими, а самоуважение было главной чертой в характере этого человека.

– Одного я только желаю! – вскричал взбешённый Янгмен. – Добраться до этого Спайсера и проломить ему башку!

Эта неестественная кровожадность лучше всего показывает, что Янгмен был маньяком. Малость успокоившись, он с тщеславием в голосе прибавил:

– Неужто вы думаете, что столь решительный человек, как я, позволил бы кому-нибудь безнаказанно оскорблять себя? Да я убил бы такого нахала.

Несмотря на все увещания, Янгмен унёс свою тайну в могилу. Он не переставал повторять, что его невеста и братья убиты его матерью и что мать он убил, защищая себя. По всей вероятности, он придумал эту историю ещё задолго до преступления.

Всходя вместе с Янгменом на помост, священник сказал:

– Не оставляйте этого мира с ложью на устах!

– Я солгал бы, если бы взял на себя вину. Я невиновен, – тут же ответил Янгмен.

Этот человек до такой степени верил в себя, что до самого конца надеялся, что люди поверят его выдумке. Уже стоя на по-мосте, с петлёй на шее, он продолжал лгать и изворачиваться.

Казнили Янгмена 4 сентября, немногим более месяца спустя после содеянного им преступления. Виселица была сооружена перед Хорзмонской тюрьмой. На казни присутствовало свыше 30 000 человек. Многие стояли всю ночь, дожидаясь зрелища. Когда вели преступника, толпа подняла дикий крик. Защитников у Янгмена не было совсем, и люди самых противоположных взглядов и воззрений сходились в том, что он должен быть казнён.

Умер преступник спокойно и как-то равнодушно.

– Благодарю вас, мистер Джессон, за вашу доброту, – сказал он. – Повидайте моих знакомых и передайте им мой поклон.

Блок звякнул, верёвка натянулась, и последний акт страшной драмы закончился. В лице Янгмена английские уголовные летописи описывают одного из самых страшных и кровожадных убийц.

В том, что Янгмен понёс заслуженную кару, сомневаться, кажется, не приходится, но вместе с тем нельзя не сказать, что косвенные улики никогда не бывают вполне убедительными, и опытный в уголовных делах человек, относясь критически к цепи косвенных улик, приходит нередко к заключению прямо противоположному тому, которое было сделано судом.

1901 г.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ДЖОРДЖА ВИНСЕНТА ПАРКЕРА

Около сорока лет тому назад в одном английском городе жил некий господин Паркер; по роду занятий он был комиссионер и нажил себе значительное состояние. Дело своё он знал великолепно, и богатство его быстро росло. Под конец он даже построил себе дачу в живописном месте города и жил там со своей красивой и симпатичной женой. Всё, таким образом, обещало Паркеру счастливую жизнь и неомрачённую бедствиями старость. Единственная в его жизни неприятность заключалась в том, что он никак не мог понять характер своего сына. Что делать с этим молодым человеком? По какой жизненной дороге его пустить? Этих вопросов Паркер решить никак не мог. Молодого человека звали Джордж Винсент. Это был, что называется, трагический тип. Он терпеть не мог городской жизни с её шумом и суматохой. Не любил он также и негоцианства: перспектива больших барышей его нисколько не прельщала. Он не симпатизировал ни деятельности своего отца, ни образу его жизни. Он не любил сидеть в конторе и проверять книги.

Но это отвращение к торговым делам не было следствием порочности или лени, оно было следствием характера, являлось чем-то прирождённым. В других отношениях молодой человек оказался предприимчив и энергичен. Так, например, он очень любил музыку и обнаруживал незаурядные музыкальные способности. Он с успехом изучал языки и недурно рисовал. Короче говоря, то был человек с артистическим темпераментом, и характер у него оказывался под стать: нервический и вспыльчивый. Живи Джордж Винсент в Лондоне, он встретил бы сотни подобных себе людей, нашёл бы себе также подходящее занятие, стал бы заниматься критикой, литературой или чем-нибудь в том же роде. Но здесь, в провинциальном городе, в обществе торговцев хлопком, юноша чувствовал себя совершенно одиноким. Отец, наблюдая за ним, покачивал головой и выражал сомнение в его способности продолжать торговое дело.

Манеры у молодого человека были утончённые, в общении со знакомыми он проявлял сдержанность, но зато со свои-

ми немногочисленными друзьями казался весьма общительным. Мягкий по характеру, он, однако, не выносил того, что выглядело в его глазах несправедливостью, в таких случаях он совершенно выходил из себя. Словом, Джордж Винсент Паркер представлял собой тип, которому деловые, практические люди не симпатизируют.

Но зато хорошо известно, что именно к таким поэтическим юношам благоволят женщины. В этих артистических натурах есть что-то беспомощное, какой-то призыв к сочувствию и сопереживанию, и женское сердце всегда откликается на такой призыв. И что всего замечательнее – чем сильнее, чем энергичнее женщина, тем скорее она идёт навстречу симпатии этого рода. Мы не знаем, сколько утешительниц имел сей юный беспокойный дилетант, и были ли оне у него, но история одной его любви дошла до нас во всех подробностях.

Однажды Джордж Винсент оказался на музыкальном вечере в доме одного доктора, и тут он впервые встретился с мисс Мэри Гровз. Она приходилась доктору племянницей и приехала в город погостить. Постоянно же она жила при дедушке, которому было уже за восемьдесят. Несмотря, однако, на этот преклонный возраст, старик был чрезвычайно энергичен, лично занимался хозяйством (он был помещик) и, кроме того, отправлял судейские обязанности.

После спокойной и уединённой жизни в деревенском доме, городская жизнь пришлась по душе молоденькой и красивой девушке. Молодой музыкант с утончёнными манерами понравился ей. В его внешности и манерах было что-то романтическое, а это, как известно, нравится молодым особам. Что касается Джорджа Винсента, то его привлекала в молодой девушке её деревенская свежесть и то, разумеется, что она ему симпатизировала. Между молодыми людьми возникла дружба.

Прежде, чем девушка успела вернуться в деревню, их дружба перешла в любовь, и они поклялись друг другу в верности. Но у родственников с обеих сторон эта помолвка не находила сочувствия. Старого Паркера в это время уже не было на свете. Он умер, оставив жене значительное состояние, но сыну тем не менее предстояло найти себе какое-нибудь занятие и работать. Между сыном и матерью часто происходили на этой почве ссо-

ры. Мэри Гровз принадлежала к дворянству, и родственники её, со старым помещиком во главе, не соглашались на её брак с молодым человеком, у которого к тому же был столь странный вкус и характер.

История тянулась таким образом целых четыре года. Всё это время молодые люди постоянно переписывались, но редко встречались. И вот Джорджу Винсенту исполнилось двадцать пять лет, а его невесте двадцать три. А свадьба всё откладывалась и откладывалась.

В конце концов девушка уступила настояниям родственников, и постоянство её поколебалось. Она решила прервать отношения со своим женихом. Тон писем её переменился, да и в письмах стали появляться фразы и намёки, заставившие молодого человека насторожиться. Он заранее почувствовал, что ему готовят какой-то удар.

12 августа она написала ему, что познакомилась с молодым пастором. Мэри прибавляла, что никогда не встречала таких очаровательных людей, как этот пастор. *«Он гостил у нас, – писала она. – Дедушка, кажется, хочет, чтобы я вышла за него замуж, а я едва ли пойду на это».*

Эта фраза, несмотря на слабые слова утешения, страшно взволновала Винсента Паркера. Мать его говорила потом, что, получив это письмо, сын впал в ужасное уныние. Родственники его, впрочем, не обратили на данное обстоятельство внимания, так как Винсент вообще был склонен к меланхолии и на все события глядел с самой мрачной точки зрения.

На следующий день молодой человек получил от своей невесты другое письмо, уже в более решительном тоне. Оно гласило:

«Мне нужно сказать Вам многое, и я намереваюсь сказать Вам это теперь же. Дедушка нашёл Ваши письма и страшно разгневался. Он недоволен тем, что мои отношения с Вами мешают браку с пастором. Я хочу, чтобы Вы вернули данное мною слово. Это нужно для того, чтобы я имела право сказать дедушке, что я свободна. Если Вы меня хоть немного любите, не сердитесь на меня; я сделаю всё от себя зависящее, чтобы не выйти замуж за пастора».

Это второе письмо произвело на молодого человека потрясающее действие. Он впал в такое состояние, что мать должна была вызвать знакомого доктора, который и просидел с ним всю ночь. Джордж Винсент шагал взад-вперед по комнате в состоянии страшного нервного возбуждения, то и дело заливаясь слезами. Когда его уговорили наконец лечь спать, руки и ноги его конвульсивно дёргались. Ему дали морфия, но это не произвело никакого действия. От пищи Паркер отказался. Особенно ему было трудно отвечать на письмо, и он исполнил это на следующий только день, при помощи всё того же доктора и друга, который провёл рядом с ним ночь. Письмо его было ласково и рассудительно.

«Дорогая Мэри, – писал он, – Вы всегда будете для меня дорогой. Я солгал бы, скажи я Вам, что не убит Вашим письмом. Но во всяком случае я не хочу быть Вам помехой: Вы свободны. Впрочем, я не даю Вам ожидаемого ответа на Ваше письмо и соглашусь на Ваше желание только после того, как из Ваших уст услышу то, что Вы мне написали. Вы меня хорошо знаете, я не стану устраивать Вам чувствительных сцен или делать глупости. Я покидаю Англию, но перед своим отъездом хотел бы увидеть Вас ещё раз. Боже мой! Я увижу Вас в последний раз! Какое несчастье! Согласитесь, что моё желание видеть Вас вполне естественно. Назначьте мне место свидания.

До свидания, дорогая Мэри. Ваш, всегда любящий Вас
Джорджс».

На следующий день он послал ей другое письмо, снова умоляя о свидании и говоря, что они могут увидеться в любом месте между их домом и Стэндвиллем – ближайшим селением.

«Я совсем болен и расстроен, – писал он, – наверное, и Вы находитесь не в лучшем состоянии. Повидавшись, мы оба успокоимся. На свиданье я приеду непременно.

Навсегда Ваш

Джорджс».

По-видимому, на это письмо им был получен от девушки какой-то ответ, потому что в среду 19-го Джордж Винсент написал такое письмо:

«Моя дорогая Мэри!

Сообщаю, что непременно приеду с указанным Вами поездом. Ради Бога, дорогая Мэри, не беспокойтесь и не мучьте себя. Меня, пожалуйста, не жалейте. Повидаться с Вами я хочу для собственного успокоения. Надеюсь, что Вы не сочтёте меня поэтому себялюбцем. Du rest, повторяю уже сказанное ранее: я хочу слышать из Ваших собственных уст то, что Вы хотите, и исполню все Ваши желания. У меня есть то, что французы называют savoir faire**. Я не стану горевать о том, что неизбежно. И, кроме того, я не хочу быть причиной раздора между Вами и Вашим дедушкой. Если Вы хотите свидеться в гостинице, то я буду ждать Вас там, но, впрочем, я предоставляю всё это Вашей воле».*

Но мисс Гровз уже раскаялась в том, что назначила ему свидание. Может быть, она вспомнила некоторые черты в характере своего возлюбленного и побоялась довериться ему? Не дождавшись от него последнего письма, она ответила ему следующим:

«Дорогой Джордж!

Тороплюсь Вам сообщить, чтобы Вы ни под каким видом не приезжали. Я сегодня уеду и не могу сообщить, когда вернусь. Видеться с Вами я не хочу и очень желала бы избежать этого свидания. Да, кроме того, нам видеться невозможно по случаю моего отъезда, поэтому надо оставить дело так, как оно есть теперь. Простимся друг с другом без свидания. Увидеться с Вами мне было бы слишком тяжело. Если Вы хотите ещё написать мне, то напишите не позже трёх дней. За мной следят и письма Ваши вскрывают.

Ваша Мэри».

Это письмо, должно быть, решило дело. В голове молодого человека, наверное, и прежде бродили разные неопределённые планы, а теперь эти планы превратились в какое-то конкретное решение. Мэри Гровз давала ему только три дня срока, стало

* впрочем (фр.).

** опыт, умение, сноровка (фр.).

быть, времени терять было нельзя. В тот же день он отправился в город, но прибыл туда поздно и уже не поехал в Стэндвилль. Прислуга гостиницы обратила внимание на странное поведение молодого человека: он был рассеян и бродил по общей зале, бормоча себе что-то под нос. Приказав подать себе чаю и котлет, он не прикоснулся к пище и пил только виски с содовой. На следующее утро, 25 августа, он взял билет до Стэндвилля и прибыл туда к половине двенадцатого. От Стэндвилля до имения, в котором жила мисс Гровз, было две мили. Прямо около станции есть гостиница, называемая «Бычьей Головой». В эту гостиницу и отправился Винсент Паркер. Он заказал себе виски и спросил, не было ли на его имя писем. Когда ему ответили, что писем нет, он очень расстроился. В четверть первого Паркер вышел из гостиницы и направился к имению, в котором жила его возлюбленная.

Отправился он, однако, не в имение, а в находившуюся в двух милях от него школу. Учитель школы был в отличных отношениях с семейством Гровзов и немного знал самого Винсента Паркера. В школу Паркер направился, конечно, за справками и прибыл туда в половине второго. Учитель был очень удивлён, увидев этого растрёпанного господина, от которого разило спиртным. На вопросы его он отвечал сдержанно.

– Я прибыл к вам, – заявил Паркер, – в качестве друга мисс Гровз. Вы, конечно, слышали, что мы с нею помолвлены?

– Да, слышал, – ответил учитель, – что вы были помолвлены, но слышал также и то, что эта помолвка расстроилась.

– Да, – сказал Паркер. – Она написала мне письмо, в котором просила меня вернуть ей слово. А увидаться со мной она отказывается. Я хотел бы знать, как обстоят дела.

– Я, к сожалению, не могу сказать вам того, что мне известно, так как связан словом, – ответил учитель.

– Но я всё равно узнаю об этом, рано или поздно, – возразил Паркер.

Затем он стал расспрашивать о пасторе, который гостил в имении Гровзов. Учитель ответил, что действительно там гостил пастор, но имя его назвать отказался. Паркер тогда спросил, находится ли мисс Гровз в имении и не притесняют ли её родственники? Учитель ответил, что она находится в имении, но что решительно никто её не притесняет.

– Рано или поздно, но я должен её увидеть, – произнёс Паркер. – Я ей написал, что освобождаю её от данного мне слова. Но я хотел бы услышать от неё самой, что она даёт мне отставку. Она уже совершеннолетняя и может поступать, как ей угодно. Сам знаю, что я ей жених неподходящий, и мешать ей не хочу.

Учитель извинился, что должен спешить на урок, но прибавил, что в половине пятого будет свободен, и если Паркер хочет ещё поговорить с ним, то пусть придёт к нему. Паркер ушёл, обещав вернуться. Неизвестно, как он провёл два следующих часа. По всей вероятности, он сидел в какой-нибудь соседней гостинице и завтракал. В половине пятого он вернулся в школу и стал просить у учителя совета, как ему поступить. Учитель предложил написать мисс Гровз письмо, чтобы она назначила ему свидание на следующее утро.

– А впрочем, – прибавил добродушный, но не слишком-то рассудительный учитель, – отправляйтесь-ка к ней лучше сами, она вас, наверное, примет.

– Так я и сделаю, – отвечал Паркер, – надо поскорее кончать эту историю.

Около пяти часов он ушёл из школы; держал он себя при этом спокойно и сосредоточенно.

Сорок минут спустя отвергнутый любовник подошёл к дому своей невесты, позвонил и попросил доложить о себе мисс Гровз. Но девушка и сама увидала его из окна, когда он шёл по аллее. Она вышла к нему навстречу и пригласила его в сад. Конечно, у барышни в эту минуту душа была в пятках. Она боялась, что дедушка встретится с её бывшим женихом и устроит ему скандал. Для безопасности она и увела его в сад. Итак, молодые люди вышли из дома и, усевшись на одной из садовых скамеек, спокойно беседовали около получаса. Затем в сад пришла горничная и доложила мисс Гровз, что подан чай. Девушка отправилась в дом одна, из чего явствует, как отнеслись в доме к Паркеру: его даже не хотели пригласить выпить чашку чая. Затем она снова вышла в сад и долго разговаривала с Паркером; наконец оба они поднялись и ушли. По-видимому, они собрались погулять около дома. Никто никогда не узнает, что произошло во время этой прогулки. Может быть, он упрекал её в вероломстве, а она отвечала резкими словами. Были, однако, люди,

видевшие, как они гуляли. Около половины девятого рабочий, переходя по большому лугу, отделявшему большую дорогу от помещичьего дома, увидел двигавшуюся ему навстречу пару. Было уже темно, но рабочий узнал в женщине внучку помещика, мисс Гровз. Пройдя мимо и отойдя несколько шагов, рабочий оглянулся; теперь пара стояла на одном месте и о чём-то разговаривала.

Очень скоро после того рабочий Рувим Конвей, проходя по этому же лугу, услышал тихий стон. Он остановился и стал прислушиваться. Стоял тихий вечер, и вот рабочему показалось, что стон будто к нему приближается. С одной стороны забора шла стена, и в тени этой стены рабочий разглядел: кто-то медленно двигался.

Сперва рабочий думал, что это какое-нибудь животное возится у стены, но, подойдя ближе, с изумлением увидел, что это женщина. Едва держась на ногах и стеной, она подвигалась вперёд вдоль стены, держась за неё руками. Рувим Конвей вскрикнул от ужаса: из темноты на него глянуло белое, как мел, лицо Мэри Гровз.

– Отведите меня домой! Отведите меня домой! – прошептала она. – Меня зарезал вон тот господин.

Перепуганный рабочий взял её на руки и понёс к дому. Пройдя ярдов двадцать, он остановился, чтобы перевести дух.

– На лугу никого не видно? – спросила девушка.

Рабочий оглянулся. Между деревьями вслед за ними медленно двигалась человеческая фигура. Рабочий стал ждать, поддерживая падающую голову девушки. Наконец молодой Паркер настиг их.

– Кто зарезал мисс Гровз? – спросил рабочий.

– Это я убил её! – с полным хладнокровием ответил Паркер.

– Ну, в таком случае помогите мне отнести её домой, – сказал Рувим Конвей.

И по тёмному лугу тронулась странная процессия: крестьянин и любовник-убийца несли умирающую девушку.

– Бедная Мэри! Бедная Мэри! Зачем ты меня обманула? – бормотал Паркер.

Когда процессия приблизилась к воротам, Паркер попросил Конвея принести что-нибудь, чтобы остановить кровотечение.

Конвей отправился на поиски, и эти трагические любовники ещё раз – в последний раз – остались наедине. Вернувшись, Конвей увидел, что Паркер старается остановить текущую из горла девушки кровь.

– Что, жива? – спросил рабочий.

– Жива, – ответил Паркер.

– О, отнесите меня домой! – простонала бедная мисс Гровз.

Пошли далее и встретили двух фермеров, которые присоединились к ним.

– Кто это сделал? – спросил один из них.

– Она знает, кто это сделал, и я знаю, – угрюмо ответил Паркер. – Сделал это я, и меня теперь ждёт виселица. Да, я это сделал – и нечего более разговаривать.

Удивительно, но несмотря на такие ответы, Паркеру не удалось услышать ни единого оскорбления и никто не подверг его побоям. Трагичность положения была очевидна всем, и все молчали.

– Я умираю, – ещё раз простонала бедная Мэри, и то были её последние слова. Навстречу выбежал старый помещик. Ему, очевидно, донесли, что с внучкой случилось что-то неладное.

Когда седая голова помещика показалась в темноте, несшие труп остановились.

– Что случилось? – воскликнул старик.

– Ваша внучка Мэри зарезана, – спокойно ответил Паркер.

– Кто совершил это? – закричал старик.

– Я.

– А кто вы такой?

– Меня зовут Винсент Паркер.

– Зачем вы это сделали?

– Она обманула меня, а женщина, меня обманувшая, должна умереть.

Спокойствие Паркера было поразительно.

Входя в дом вслед за дедом убитой им девушки, он сказал:

– Она знала, что я убью её. Я её предупреждал, и она знала, что у меня за характер.

Тело внесли в кухню и положили на стол. Старик, растерянный и убитый горем, направился в гостиную; Паркер последовал за ним. Он вынул кошелёк с деньгами, часы и ещё несколько

ко вещей, подал их старику и просил передать всё это матери убитой. Помещик гневно отказался. Тогда Паркер вынул из кармана две связки писем – жалкие остатки своей любовной истории.

– В таком случае возьмите вот это! – произнёс он. – Можете их прочитать, можете их сжечь. Делайте с ними всё, что угодно. Я не хочу, чтобы эти письма фигурировали на суде.

Дед Мэри Гровз взял письма, и они были преданы пламени.

Между тем к дому спешно приближались доктор и полицейский чиновник – всегдашние провожатые преступления. Бедная Мэри лежала бездыханная на кухонном столе, на её горле виднелись три страшных раны; сонная артерия оказалась перерезанной, и прямо удивительно, как это мисс Гровз прожила так долго, получив столь ужасные раны. Полицейскому чиновнику не пришлось хлопотать, разыскивая преступника. Едва он вошёл в комнату, к нему приблизился Паркер:

– Я убил эту молодую особу и отдаюсь в руки закона, – сказал он. – Я отлично знаю ожидающую меня участь, однако я спокойно последую за вами. Дайте только мне взглянуть на неё ещё раз.

– А куда вы девали нож? – спросил полицейский.

Паркер вынул нож из кармана и подал его представителю власти. Это был обыкновенный складной нож. Замечательно, что после этого при обыске Паркера у него было найдено ещё два ножа.

Паркера отвели в кухню, и там он ещё раз взглянул на свою жертву.

– Теперь, убив её, я чувствую себя более счастливым, чем прежде. Надеюсь, что и она чувствует себя так же, – сказал он.

Такова история о том, как Джордж Винсент Паркер убил Мэри Гровз. В преступлении видна непоследовательность и какая-то мрачная безыскусственность. Этими свойствами жизнь всегда отличается от выдумок. Сочиняя романы, мы заставляем своих героев делать и говорить то, что, по нашему мнению, на их месте делали бы мы, но на самом деле преступники говорят и поступают самым необычным образом, угадать который заранее невозможно. Я ознакомил читателя с письмами Паркера. Можно ли угадать, что эти письма – прелюдия к убийству? Ко-

нечно, нет. А что делает преступник после убийства? Он старается остановить кровь, текущую из горла его жертвы, ведёт со стариком-помещиком самые странные разговоры. Может ли придумать всё это самая пылкая фантазия?

Перечтите все письма Паркера, взвесьте все обстоятельства дела – и вы поймёте, что на основании этих данных нельзя предположить, что он прибыл в Стэндвилль с заранее обдуманном намерением убить свою возлюбленную.

Почему же дело кончилось убийством? Зрела ли эта идея в голове Паркера прежде, или же он рассердился на мисс Гровз за что-нибудь, когда они разговаривали на лугу – это так и останется неизвестным. Ясно во всяком случае, что девушка не подозревала того, что у её жениха имеются злые намерения, иначе она позвала бы себе на помощь рабочего, который встретился им по пути.

Дело это наделало много шума во всей Англии. Судили Паркера в ближайшей сессии. Председательствовал судья барон Мартин. Доказывать виновность подсудимого не было надобности, ибо он открыто похвалился своим деянием. Спорили только о вменяемости Паркера, и спор этот привёл к необходимости пересмотра всего уголовного уложения. Вызваны были родственники Паркера, и все они уверяли, что ненормальность у них в роду. Из десяти двоюродных братьев Паркера – четверо сошли с ума. В качестве свидетельницы была вызвана и мать Паркера, и она со страшной уверенностью доказывала, что её сын – сумасшедший. Миссис Паркер заявляла, между прочим, что родители не хотели даже выдавать её замуж, боясь, что от неё пойдёт больное потомство.

Из показаний всех свидетелей явствовало, что подсудимого нельзя назвать человеком дурным или злым. Это был чувствительный и воспитанный молодой человек. Склонность к меланхолии у него была очень сильная. Тюремный священник заявил, что имел несколько бесед с Паркером. Священник говорил, что у Паркера совершенно отсутствует нравственное чувство и что он не может отличить добро от зла. Два врача-психиатра свидетельствовали Паркера и высказали мнение в том смысле, что он ненормален. Мнение это основывалось главным образом на заявлении подсудимого, отказывавшегося сознаться в том, что он сделал злое дело.

– Мисс Гровз обещала выйти за меня замуж, – твердил он, – она была моя, и я мог сделать с нею всё, что хотел. Таково моё убеждение, и только чудо может заставить меня от него отказаться.

Доктор попробовал с ним спорить:

– Представьте себе, что у вас была картина. У вас эту картину украли. Что вы будете делать, чтобы вернуть картину себе?

– Я потребую, чтобы вор отдал мне мою собственность назад, а если он откажется, то я убью его без малейшего зазрения совести.

Доктор сказал, что это рассуждение неправильно. Зачем же существует закон? Надо обращаться к защите закона, а не самоуправничать.

Паркер, однако, не согласился с доктором.

– Меня не спрашивали о том, хочу ли я родиться на свет. Ни один человек в мире не имеет права судить меня.

Из этого разговора доктор вывел заключение, что в Паркере моральное чувство до чрезвычайности извращено. Но такое рассуждение, по моему мнению, неправильно. Если мы будем идти по этому пути, то окажется, что злые люди не ответственны за свои злые дела, всех их придётся признавать безумцами и освобождать от ответственности и наказания.

Барон Мартин в своём председательском резюме стал на точку зрения здравого смысла. Он указал на то, что чудаков и эксцентриков в мире видимо-невидимо и что если всех их признать безумными и невменяемыми, то общество окажется в опасности. По закону сумасшествие равно отсутствию сознания. Невменяемым может быть назван лишь такой преступник, который, совершая преступление, не знал, что делает. Но Паркер знал, что делал. Он доказал это, сказав, что его ждёт виселица.

Барон согласился с мнением присяжных, вынесших обвинительный приговор, и приговорил Паркера к смертной казни.

На этом дело и кончилось бы, если бы барона Мартина вдруг не охватили сомнения. Сам он прежде был глубоко убеждён в виновности подсудимого и вёл процесс твёрдой рукой, но его смутили показания психиатров. Совесть барона заговорила. А что, если он ошибся и приговорил к смерти невменяемого че-

ловека? Весьма вероятно, что мучаясь этими мыслями, барон Мартин не спал целую ночь, ибо на следующее же утро он написал письмо Государственному секретарю, в котором излагал свои сомнения и просил его пересмотреть дело. Государственный секретарь, внимательно прочтя дело, готовился утвердить приговор суда, но накануне смертной казни какие-то лица – люди, лишённые всяких медицинских знаний, – посетили Паркера в тюрьме и затем донесли властям, что Паркер обнаруживает все признаки безумия. Государственный секретарь отложил смертную казнь и назначил комиссию из четырёх знаменитых психиатров. Все четыре врача освидетельствовали Паркера и единогласно заявили, что он вполне здоровый человек. Но есть неписаный закон, в силу которого отсрочка смертной казни равна помилованию, и поэтому смертная казнь была заменена для Паркера пожизненными каторжными работами. Так или иначе, но это смягчение участи убийцы успокоило совесть общества.

1901 г.

СОМНИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ МЭРИ ЭМСЛЕЙ*

В судебной практике Англии таких сомнительных дел, к сожалению, очень много. Ещё грустнее, что все такие дела решаются не в пользу подсудимых. Общественная психология в данном случае совершенно понятна. Представьте себе, что совершенно зверское, отвратительное преступление. Общественное мнение возмущено и громко требует возмездия, требует жертвы. И вот жертва отыскивается. Улики против подсудимого сомнительны, но ни судья, ни присяжные заседатели не обращают на это внимания, и несчастный приносится на алтарь правосудия. Некоторые юристы пытаются даже оправдать такую систему. Лорд Тентерден заявил, что суд не должен обращать излишнего внимания на улики и что лучше, если он будет руководствоваться простым здравым смыслом. Но, Господи Боже мой! кто не знает, сколько людей сделались жертвами этого самого здравого смысла!** Я полагаю, что если только эта теория здравого смысла восторжествует в наших судах окончательно, то закон наш сделается величайшим убийцей в Англии. Я верю в то, что на судах должно применяться правило, в силу которого лучше оправдать девять виновных, чем осудить одного невинного; но, к сожалению, это правило далеко не всегда в наших судах соблюдается. В данном случае я хотел бы рассказать читателям об одном крайне сомнительном деле. Это дело об убийстве госпожи Мэри Эмслей.

Не всем иностранцам, посещавшим нашу страну, известно, что такое представляет из себя рабочий Лондон. Это совершенно особенный город. Представьте себе целые ряды улиц и кварталов, застроенных бесконечными рядами кирпичных домов. Дома эти некрасивы и как две капли воды похожи один на другой. Это томительное однообразие несколько нарушается толь-

* Дело об убийстве старухи-процентщицы, эдакое «Преступление и наказание» на аглицкий манер, без Раскольникова и его терзаний (П.Г.).

** Помнится ещё Пушкин указывал: «Здравый смысл – путеводитель редко верный и почти всегда недостаточный» (П.Г.).

ко кабаками и часовнями на перекрёстках, причём часовен гораздо меньше, чем кабаков, и посещаются оне гораздо реже.

Эти рабочие кварталы своими бесконечными рядами некрасивых домов много содействовали увеличению столицы. Особенно усердно строился Лондон в эпоху между Крымской войной и 1860-м годом. Строительством тогда занимались многие подрядчики, у которых мало денег, но много ловкости. Такой предприниматель строил дом, закладывал его, на заложенные деньги строил второй, закладывал его снова и принимался опять за постройку, и так до бесконечности. Ввиду того, что цены на недвижимость в это время росли, многие из аферистов обогатились и нажили громадные состояния. Между этими ловкими строителями был некий Джон Эмслей. Умирая, он оставил своей жене Мэри огромное состояние, заключавшееся в большом количестве домов и солидных капиталов.

В описываемое время Мэри Эмслей была уже старухой. Всю жизнь она прожила в бедности и теперь, разбогатева, не желала менять привычек. Детей у неё не было; всю энергию она посвящала делам и сама управляла своею собственностью. Она самостоятельно собирала недельную плату со своих небогатых жильцов. Госпожа Эмслей была угрюмая, суровая чудачка. На Гровской улице в Степнее, где она жила, её недолюбливали, но чудачества старухи интересовали всех.

Как я уже сказал, домов у неё было очень много, и они были разбросаны в трёх кварталах. Но, невзирая на дальность расстояния и на свои преклонные годы, Мэри Эмслей ходила повсюду лично, взыскивала с жильцов плату, подавала на неисправных в суд, сдавала квартиры и так далее. Способности к хозяйственной деятельности у неё были немалые. Она никогда не упускала своего. На всём старуха старалась нажиться и сэкономить. Так, постоянных управляющих она не держала, а нанимала себе служащих на время, когда у неё накапливалось много дел и одна справиться с ними она не могла. На службе у госпожи Эмслей перebывали таким образом многие, в том числе были двое, чьим именам было суждено приобрести всеобщую известность. Одного из них звали Джон Эммс, другой был штукатур Джордж Мэллинс.

Несмотря на своё богатство, Мэри Эмслей жила в полном

одиночестве. Только по субботам к ней приходила подёнщица мыть полы и чистить дом. Старуха была чрезвычайно боязлива и подозрительна. Эта черта всегда наблюдается в характере людей, которым суждено погибнуть насильственной смертью. Человеческой природе присущи глубокие инстинкты, лежащие вне сознания, и эти инстинкты предсказывают нам наше будущее.

Дверь Мэри Эмслей отворяла с соблюдением разных предосторожностей. Сперва она оглядывала посетителя из окна, выходявшего на улицу, и уж только потом вступала с ним в переговоры.

Мэри Эмслей была очень богата, она могла бы утопать в роскоши, но привычкам своим не изменяла и жила в маленьком домике, который состоял из двух этажей и подвала. Позади дома находился заброшенный садик. Старуха вела существование поистине жалкое.

Последний раз госпожу Эмслей видели вечером в понедельник 13 августа 1860 года. В этот день, в семь часов вечера, два соседа видели её сидящей у окна своей спальни. На следующий день в десять часов утра или позже к ней приходил один из её временных служащих переговорить с нею относительно каких-то медных кранов. Этот человек долго звонил, стучал в дверь, но так и ушёл, не добившись ответа.

Во вторник к госпоже Эмслей приходили многие, но тоже ушли, не повидав хозяйки. Среда и четверг прошли таким же образом. В доме не было заметно никаких признаков жизни. Это обстоятельство было само по себе чрезвычайно подозрительно, но соседи так привыкли к чудачествам вдовы, что и не думали тревожиться.

Только в пятницу сапожник Джон Эммс, ходивший к вдове по делу и тоже ничего не добившийся, заподозрил, что в доме, погружённом в гробовое молчание, произошло что-то неладное. Он уведомил адвоката вдовы Эмслей, господина Роза и одного из её дальних родственников, господина Фэза. Все трое двинулись к дому Мэри Эмслей, захватив по дороге полицейского констебля Диллона.

Дверь и окна оказались запертыми; поэтому все четверо перелезли через забор, вошли в сад и направились к заднему

крыльцу, которое отворили без затруднений. Джон Эммс, знакомый с расположением комнат в доме, шёл впереди. В нижнем этаже никого не было, царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь крадущимися шагами и осторожным шёпотом вошедших. На второй этаж они поднялись несколько ободрённые. Им стало казаться, что всё в этом доме обстоит благополучно. Весьма вероятно, что чудачка-вдова просто уехала куда-нибудь гостить.

Поднявшись по лестнице и оказавшись на верхней площадке, Джон Эммс внезапно остановился и вперил глаза во что-то. Роз, Фэз и Диллан последовали его примеру. Они увидели нечто, что разрушило все их надежды.

На деревянном полу виднелось пятно крови, на котором явно отпечатался след мужской ноги. Дверь, ведущая в комнату, была притворена, а кровавый след был перед дверью и указывал на то, что человек, оставивший его, вышел из этой затворённой комнаты; полицейский бросился к двери и попытался отворить её, но дверь не отворялась. Что-то, лежавшее на полу по ту сторону двери, мешало ей отвориться. Тогда все принялись толкать дверь, и она наконец открылась.

Перед ними, раскинув руки и ноги, лежала на полу несчастная старуха. Под мышкой у неё торчали два рулона обоев. Ещё несколько таких рулонов было раскидано по полу возле трупa. Старуха была убита несколькими ужасными ударами по голове. Удары эти, по-видимому, обрушились на неё неожиданно, и она сразу же упала на пол без чувств. Смерть страшна, только когда она приближается, но старухе, очевидно, не пришлось испытать этого ужаса.

Известие об убийстве богатой домовладелицы вызвало в округе сильнейшее волнение. Все усилия были направлены к тому, чтобы отыскать убийцу. Правительство назначило сто фунтов награды тому, кто укажет преступника. Скоро эта награда была повышена до трёхсот фунтов, но всё без толку. Тщательный обыск дома не дал решительно никаких указаний. Час убийства было трудно определить. Судя по тому, что постель осталась неоправленной, можно было решить, что убийство совершено ночью или рано утром, но наверняка сказать этого было нельзя. Старуха могла позабыть оправить постель, и в таком случае

преступление могло совершиться вечером. На это указывало и то обстоятельство, что старуха была одета, да и едва ли бы она рано поутру стала возиться с обоями.

В общем, было предположено, что убийство совершено в понедельник вечером после семи часов. Ни окон, ни дверей взломанных не оказалось. Стало быть, убийца был впущен в дом самой госпожой Эмслей. Но, как уже сказано, старуха была осторожна и боязлива и вечером к себе никого не впускала. Выходит, убийца принадлежал к числу людей, которым она доверяла. Убийца пришёл к ней по делу: на это указывали рулоны обоев в руках убитой.

Эти выводы полиции были вполне правильны. Воспользовался убийца очень немногим. В доме оказалось всего сорок восемь фунтов наличными, и эта сумма, спрятанная в погребке, осталась нетронута. Похищенными оказались только несколько вещей, представлявших весьма незначительную ценность.

Неделя шла за неделей, публика нетерпеливо ожидала ареста преступника. Полиция усердно работала, но молчала. Наконец этот долгожданный арест был произведён и при чрезвычайно драматических обстоятельствах.

Среди многих людей, находивших себе скудный заработок временной службой у убитой вдовы, был некто Джордж Мэллинс – человек почтенной наружности, пятидесяти с лишком лет от роду, но свежий и бодрый. Мэллинс служил прежде в солдатах, и военная выправка у него осталась. Одно время он также служил в ирландской полиции, а затем менял профессии и после многих превратностей судьбы сделался штукатуром, после чего поселился в восточной части Лондона.

Вот этот-то человек и явился к сержанту полиции Тапперу и сделал ему заявление, из коего явствовало, что тайна убийства госпожи Эмслей скоро разъяснится. Мэллинс заявил, что он с самого начала подозревал в преступлении сапожника Эммса и следил за ним, чтобы проверить свои подозрения. Занялся же этим Мэллинс, по его словам, во-первых, из любви к правосудию, а во-вторых, потому, что желал получить награду. Триста фунтов стерлингов – сумма немалая, и Мэллинс очень желал её получить.

– Если вы мне уплатите деньги, я вам всю эту историю рас-

крою, – заявил он при своей первой беседе с полицией, а затем, намекая на то, что и сам прежде служил полицейским, прибавил:

– По этим делам я ходок!

И, действительно, Мэллинс оказался ходоком. Полиция, благодаря ему, нашла если не преступника, то козла отпущения за убийство Мэри Эмслей.

Заподозренный сапожник жил в небольшом домике на краю пустыря, занятого кирпичными заводами. В пятидесяти ярдах от домика стоял полуразрушенный и заброшенный сарай.

Мэллинс сообщил, что всё время следил за Эммсом. Однажды, по его словам, он видел, как Эммс вынес из дома какой-то свёрток и скрыл его где-то в сарае.

– Весьма вероятно, – прибавил хитроумный Мэллинс, – что он спрятал вещи, взятые им у убитой.

Полиции этот рассказ показался правдоподобным, и на следующий день трое полицейских – Мэллинс следовал в отдалении – явились в дом Эммса и устроили обыск в нём и в сарае. Поиски, однако, оказались напрасными, и ничего найдено не было.

Такой итог, однако, не удовлетворил наблюдательного Мэллинса, и он осыпал полицейских упрёками за то, что они плохо искали. Он уговорил их повторить обыск, который производился на этот раз в его присутствии и по его указаниям. Обыск дал великолепные результаты. Под одной из половиц был найден бумажный свёрток с очень интересным содержимым. Свёрток был завязан ремешком, а в нём найдены три чайника, одна столовая ложка, два увеличительных стекла и чек на имя госпожи Эмслей. Чек этот, как установлено, она получила в уплату за квартиру в день своей смерти. Ложки и стёкла также оказались принадлежащими госпоже Эмслей.

Находка, без сомнения, имела первостепенную важность, и вся компания двинулась в полицию. Эммс был растерян и сердит, а Мэллинс важничал и хвастал, как то всегда случается с сыщиками-любителями.

Но недолго длилось его торжество. В полиции его встретил инспектор и объявил ему, что его считают соучастником преступления.

– Так-то вы благодарите меня за услугу! – воскликнул Мэллинс.

— Если вы не виноваты, вам нечего бояться, — ответил инспектор.

И Мэллинса арестовали и предали суду.

Столь внезапная «смена декораций» вызвала сильнейшее волнение в обществе. Негодование против Мэллинса было страшное. В нём видели не только злодея, совершившего зверское убийство, но и подлеца, который с целью получить награду в триста фунтов хотел взвалить свою вину на другого, невинного человека.

Невиновность Эммса была выяснена очень скоро. Он вполне доказал своё алиби. Но раз Эммс невиновен, то кто же убийца? Конечно, тот, кто спрятал в сарай Эммса украденные у вдовы Эмслей вещи. Спрятал же эти вещи там, разумеется, Мэллинс. Ведь это он уведомил полицию о том, что вещи там находятся.

Словом, дело об убийстве г-жи Эмслей было решено прежде, чем Мэллинс появился на скамье подсудимых; улики, собранные полицией, были не таковы, чтобы общество изменило свой взгляд на дело. Полиция не теряла времени даром, она собрала целый ряд фактов, уличавших обвиняемого, и факты эти до сведения присяжных довёл сержант Парти.

Дело разбиралось в Главном Уголовном суде 25 октября, десять недель спустя после убийства. На первый взгляд улики против Мэллинса убийственны. При обыске его дома, последовавшем вслед за его арестом, оказались найдены такие же шнурки, какими был завязан пакетик, спрятанный в сарае. Найден также кусок сапожного вара. Зачем, спрашивается, понадобился Мэллинсу этот вар? При его профессии он ему был совсем не нужен. Очевидно, он нарочно намазал варом шнурок с тем, чтобы заставить поверить полицию в преступность несчастного Эммса.

В доме был найден и штукатурный молоток, который казался совершенно подходящим орудием для нанесения ударов вроде тех, от которых умерла Мэри Эмслей. Найдена также серебряная ложка, как две капли воды похожая на ложки, похищенные у убитой.

Выяснилось, помимо того, что в один из последних дней жена Мэллинса продала соседнему кабатчику золотую вставку для карандаша. Двое свидетелей показали под присягой, что эта зо-

лотая вставка принадлежала покойной Эмслей и что этот карандаш они видели у старухи совсем незадолго до её смерти.

У Мэллинса оказалась найдена также пара сапог. Один из этих сапог вполне соответствовал следу около двери, а на подошве сапога медиками был обнаружен человеческий волос. Тот же врач показал под присягой, что на золотой вставке, проданной госпожой Мэллинс кабатчику, имеется след крови.

Подёнщица, убравшая дом по субботам, показала, что в последнюю субботу – за два дня до убийства – к вдове Эмслей приходил Мэллинс. Он принёс ей несколько обойных рулонов и старуха велела ему отнести обои в ту комнату, в которой впоследствии она была найдена убитой.

Очевидно, Мэри Эмслей была убита в то время, как разговаривала с кем-то об обоях, а потому естественно заключить, что она разговаривала с лицом, эти обои ей доставившим. Сверх всего прочего было доказано, что в субботу Мэри Эмслей вручила Мэллинсу ключ, который был найден в той же комнате, где лежал труп. Обвинитель указывал на то, что этот ключ мог быть принесён сюда только Мэллинсом.

Факты, которыми располагала полиция, были неопровержимы, но полиция постаралась сделать их ещё более убедительными. Полиция хотела выяснить, как и когда Мэллинс совершил преступление. Некто Рэймонд показал под присягой, что видел Мэллинса в день убийства в восемь часов вечера около дома госпожи Эмслей. Мэллинс был в низкой чёрной шляпе. Другой свидетель, матрос, показывал, что видел Мэллинса на другой день, в пять с небольшим часов утра, в Степней-Грине. Матрос утверждал, что внешность Мэллинса обращала на себя внимание: он выглядел возбуждённо, размахивал руками, а карманы его были оттопырены. На голове у него была коричневая шляпа.

Услышав об убийстве, матрос немедленно же отправился в полицию и сообщил о том, что видел. Матрос готов был поклясться, что человек, им виденный, и есть Мэллинс. Таковы были главные улики против подсудимого.

Было много и второстепенных обстоятельств, подтверждающих основательность предъявленного ему обвинения. Так, делая донос на Эммса, Мэллинс соврал, что Эммс – единственный человек, которого вдова Эмслей не боялась и пускала в дом.

– Ну, а вас она пустила бы? – спросили у Мэллинса.

– Нет, – ответил он, – меня она окликнула бы из окна.

Лживость данного ответа была доказана на суде, и Мэллинсу пришлось за эту ложь поплатиться.

Защитнику Мэллинса Бесту пришлось изрядно потрудиться для того, чтобы найти возражения против всех этих убийственных для его клиента обвинений. Прежде всего он постарался установить алиби Мэллинса, вызвав в качестве свидетелей детей его, которые показали, что в роковой понедельник их отец вернулся с работы ранее обычного. Но это показание было неубедительно, тем более что одна из свидетельниц, прачка, показала, что дети Мэллинса путают один день с другим. Присутствие волоса на подошве сапога защитник находит неважным и ничего не значащим обстоятельством ввиду того, что в штукатурной работе употребляется человеческий волос. Защитник спрашивал, почему на подошве сапога нет человеческой крови, которая должна на ней быть, если обвинитель прав, утверждая, что кровавый след оставлен Мэллинсом. Защитник указывал на то, что не видит ничего важного в следах крови на золотой вставке карандаша. Кабатчик, купив эту вставку, тщательно её вымыл и вычистил, и если на ней всё-таки оказалась кровь, то это кровь не госпожи Эмслей.

Обелая своего клиента, защитник указывал на противоречивость показаний Рэймонда и матроса. Рэймонд видел подсудимо-го в восемь часов вечера в чёрной шляпе, а матрос, видевший его в пять часов утра, нарядил его в коричневую шляпу. Обвинитель предполагает, что Мэллинс провёл ночь в доме убитой им женщины, но раз это так, когда же он успел переменить шляпу? Или один, или другой свидетель лжёт, а может быть, лгут и оба. Замечательно также, что матрос видел Мэллинса в Степней-Грине. Зачем Мэллинс попал туда? Степней-Грин ему был не по пути, и, возвращаясь домой с места убийства, Мэллинс не мог очутиться в Степней-Грине. Матрос рассказывает, что карманы у Мэллинса отдувались, но ведь из дома вдовы Эмслей были похищены многие вещи и притом небольших размеров. От этих вещей карманы не стали бы топорщиться, как говорит матрос. И, наконец, ни Рэймонд, ни матрос не говорят о том, что Мэллинс нёс с собой молоток, которым, как предполагается, он совершил убий-

ство. В заключение защитник выставил двух весьма важных свидетелей, показания которых были для публики новым сюрпризом в этом тёмном, полном неожиданностей деле.

Госпожа Бёрнс, жившая на Гровской улице, прямо против дома, в котором произошло убийство, была готова показать под присягой, что во вторник утром, в сорок минут десятого, она видела, как кто-то возился в верхней комнате с кусками обоев. Видела она также, что правое окно немножко приотворилось. Заметьте, пожалуйста, что это происходило ровно через двенадцать часов после того, как по полицейской теории произошло убийство. Если предположить, что госпожа Бёрнс сделалась жертвой галлюцинации, то придётся сказать, что у неё была не одна, а две галлюцинации. Предположим, что она ошиблась один раз, но ошибиться два раза она не могла. Очевидно, по комнате двигался какой-то человек. Этим человеком могла быть или сама госпожа Эмслей, или её убийца. Но и в том, и в другом случае картина преступления, воссозданная полицией, оказалась ложной.

Вторым свидетелем выступил строитель Стефенсон. Он показал, что во вторник утром встретился с неким Раулендом, тоже строителем. Рауленд вышел из какого-то дома со свёртками в руках. Это было немного позже десяти часов. Стефенсон не мог сказать наверняка, из какого дома вышел Рауленд, но ему показалось, что он вышел из дома госпожи Эмслей. Стефенсон был знаком с Раулендом, но тот торопился на этот раз и пробежал мимо. Стефенсон остановил его и спросил:

– Разве вы занимаетесь обойным делом?

– А как же, разве вы не знали? – ответил Рауленд.

– Нет, не знал, – сказал Стефенсон, – а иначе я бы вам сделал заказ.

– Ну как же, я давно занимаюсь этим, – подтвердил Рауленд и пошёл своей дорогой.

После этого показания давал сам Рауленд. Он заявил, что считает Стефенсона полоумным. Да, действительно он встретил Стефенсона и имел с ним такой разговор, какой тот показывает, но происходило это за несколько дней до убийства. Вышел же он тогда не из дома миссис Эмслей, а из соседнего, где у него была работа.

Таковы были факты, подводить итоги которым пришлось председателю суда. Дело оказалось нелёгкое. Многие из фактов, которым полиция придавала огромное значение, судья отбросил совсем. Так, например, он не придавал значения тому обстоятельству, что шнурок, найденный в доме Мэллинса, походил на шнурок, которым был завязан пакет. Удивительного тут, по мнению судьи, ничего не было: все шнурки похожи один на другой. Равным образом судья не находил ничего важного и в том, что в доме Мэллинса найден кусок сапожного вара. Вар вовсе не такое уж необыкновенное вещество, чтобы оно не могло очутиться в доме штукатура. Неудивительно также, что у штукатура находится штукатурный молоток. Судья находил, кроме того, что сапог Мэллинса не соответствует кровавому отпечатку, как то воображала полиция. Самой страшной уликой против обвиняемого, по мнению председателя суда, было то, что он спрятал украденные у покойной вещи в сарае Эммса. Если он не совершал преступления, то почему он не скажет, как эти вещи к нему попали?

Подсудимый также солгал, объявив полиции, что госпожа Эмслей не отперла бы ему двери, между тем как доказано, что она ему доверяла и пускала его к себе в дом. Что касается показаний Рэймонда и матроса, будто бы видевших Мэллинса возле места преступления, то судья не придавал им никакого значения. Не придавал он значения и случаю с ключом. Ключ мог быть возвращён владелице в течение дня. Вся суть дела, по мнению судьи, заключалась в сокрытии вещей в сарае. Это была единственная улика против подсудимого, но зато улика тяжкая и неопровержимая.

Присяжные совещались три часа и вынесли обвинительный приговор. Судья одобрил приговор. Читая своё постановление подсудимому, он сказал несколько слов, из которых было видно, что он не вполне убеждён в виновности Мэллинса.

– Если вы можете доказать свою невиновность, – сказал он, – то советую вам поторопиться. Учреждение, которое будет рассматривать приговор суда, сумеет восстановить вас в правах...

Я считаю эту выходку варварской и нелогичной. Как это можно, сомневаться в виновности человека и в то же время принуждать его к виселице? Положим, улики против Мэллинса бы-

ли очень тяжки. И, кроме того, установлено, что его прошлое далеко небезупречно. Всё это так, но Мэллинс был осуждён на основании одних только косвенных улик. А с уликами этого рода надо обращаться с крайней осторожностью. Часто этим уликам приписывают совершенно ложное значение.

Допустим, что суд не имел права верить детям Мэллинса, установившим алиби отца. Допустим, что показание Стефенсона не имеет никакого значения, но вот вам положительное и вполне беспристрастное свидетельство госпожи Бёрнс. Из этого свидетельства явствует, что если даже преступление и совершено Мэллинсом, то оно совершено им при иной обстановке, а вовсе не так, как воображала полиция. Да, вообще, теория, которой руководствовалось в данном случае правосудие, совершенно бессмысленна. По этой теории выходит следующее: преступник совершает убийство приблизительно в 8 часов вечера и остаётся на всю ночь в доме вместе с трупом жертвы. Сидит он в темноте, ибо свечку зажечь опасно: как бы не увидели соседи. Кроме того, преступник не уходит, пользуясь темнотой, а ждёт белого дня и убегает на глазах у всех, при ярких лучах августовского утра.

Прочтя это дело во всех подробностях, вы остаётесь под неотразимым впечатлением, что суд, произнёсший смертный приговор, действовал впотьмах. Мэллинс, по всей вероятности, был виноват, но полиции не удалось выяснить дела ни на йоту.

Дело это вызвало в своё время большой спор между специалистами, но публика осталась как нельзя более довольной. Преступление было возмутительное, и против подсудимого оказались настроены все.

Повешен был Мэллинс 19 ноября. Умирая, он снова заявил, что невиновен. Объяснить дело, стоившее ему жизни, он и не пытался. Но в последнюю минуту заявил, что Эммс в убийстве невиновен. Эти слова Мэллинса сочли за признание в том, что он сам спрятал вещи в сарае.

Сорок пять лет минуло с той поры, но и до сего времени это тёмное дело не прояснилось.

1901 г.

ПУБЛИЦИСТИКА

(1879 – 1930 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ РУССКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Настоящим переводом статей и писем сэра Артура Конан-Дойля мы надеемся привлечь внимание русской читающей публики к этой не известной ей ранее стороне творчества замечательного английского писателя. Основу данной нашей подборки составляют случайно попавшие в поле нашего зрения разрозненные статьи-письма писателя, напечатанные при его жизни в различных газетных изданиях. Стало быть, данная подборка никоим образом не является лучшим, что им было написано по разным поводам. А значит, очень может быть, что как раз самые интересные из его коротких публикаций и не попались нам на глаза.

Надо сказать, что публицистическое наследие Конан-Дойля невероятно велико. Оно охватывает собой широчайшую тематику, отражающую весь круг незаурядных интересов этого выдающегося человека в самых различных областях науки, общественной жизни и духовных исканий: от медицины до оккультных явлений. Между этими двумя полюсами помещаются история, политика, право, военное дело, криминалистика, религия, философия, искусство и многое другое. Во всех этих своих публикациях он снова и снова выступает как человек, наделённый могу-

чим здравым смыслом и самостоятельностью суждения, как человек, чьи взгляды и идеи, направленные на совершенствование его соотечественников, вполне заслуживают того, чтобы быть услышанными и нами. Полное издание его работ в этом жанре, насколько нам известно, в самой Англии всё ещё не было осуществлено, и тем более оно ждёт своего издателя и переводчика у нас, в России. Мы, таким образом, закладываем здесь лишь первый камень той интересной литературоведческой и философской работы, которую нашим филологам предстоит ещё совершить в будущем.

Как можно видеть даже по названиям статей, не говоря уже о содержании, очень многие темы книги как нельзя более актуальны для нашей страны сегодня. Весьма любопытно то, как предлагал решать эти проблемы своим соотечественникам Конан-Дойль. К голосу его тогда не прислушались, и у нас, таким образом, есть возможность учиться на чужих ошибках. Попади эта книга в руки вдумчивого политика – хотя где, конечно же, такого взять? – она смогла бы принести много пользы.

Павел Гелева

ГЕЛЬСЕМИНИЙ И ЕГО ЯДОВИТЫЕ СВОЙСТВА

Сэр! Несколько лет назад из-за продолжительной невралгии мне пришлось принимать, причём весьма активно, настойку гельсеминия. Указанную в справочниках максимальную дозу я превышал не раз без всяких для себя негативных последствий. Получив недавно возможность поэкспериментировать со свежим запасом настойки, я решил установить, насколько далеко можно зайти в приёме этого препарата и каковы первичные признаки передозировки. Принимая лекарство в течение нескольких дней в установленный час (и избегая влияния посторонних факторов, таких, как табак), я записал результаты эксперимента. Понедельник и вторник: 40 и 60 капель соответственно не возымели никакого эффекта. Среда: в 10 часов 30 минут я принял 90 капель, а в 10 часов 50 минут, вставая с кресла, почувствовал сильное головокружение и слабость в членах. И то, и другое быстро прошло. Тошноты не чувствовалось; пульс был нормальный, хоть и прощупывался слабо. Четверг: 120 капель. Головокружение было уже не столь сильным, как накануне. Выйдя из дому около часа дня, я понял, что взгляд на отдалённых предметах фокусирую с трудом, лишь сознательным напряжением лицевых мышц.

Пятница: 150 капель. От увеличения дозы первые и наиболее явные физиологические симптомы совершенно исчезли. Головокружения почти не ощущалось, зато появилась сильная головная боль во фронтальной области черепа и общая слабость. Началась диарея.

Суббота и воскресенье: по три драхмы и 200 капель. Расстройство кишечника было столь долгим и изнурительным, что я понял: 200 капель и есть мой предел. Наблюдались: глубокая депрессия, сильная головная боль во фронтальной области и ослабление пульса с сохранением частоты.

Из результатов эксперимента можно сделать следующие выводы:

1. Притом, что в описанном некоторое время назад случае фатальной оказалась доза в 75 капель, здоровый взрослый мужчина может принять до 90 капель без всяких для себя последствий.

2. 90–120 капель препарата, судя по всему, отчасти нарушают моторику, вызывают слабость, головокружение и частичный паралич цилиарной мышцы.

3. Дальнейшее увеличение дозы ведёт к диарее и крайнему упадку сил.

4. Организм (как и в случае с опиумом) привыкает к гельсеминию, если дозы наращивать постепенно. Уверен, что мог бы принять пол-унции, если бы не такой сильный понос.

Искренне Ваш

А.К.Д.

Клифтон-Хаус,
Эстон-роуд,
Бирмингем

«Ланцет»

25 марта 1882 г.

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ЛЕЙКОЦИТАМИИ

Сэр! Поскольку причины этой редкой и странной болезни до сих пор малоизучены и все попытки лечения её заканчивались неудачей, думаю, Вашим читателям будет небезынтересно узнать об одном случае этой болезни, судя по всему, отчасти проливающим свет на оба эти вопроса.

К моему другу доктору Хоуру пришёл 29-летний мужчина атлетического телосложения: у него в брюшной полости появилась большая опухоль, простиравшаяся от нижней рёберной границы справа до верхней части подвздошной кости слева. Осмотр показал, что это необычайно гипертрофированная селезёнка, с глубокой впадиной на уровне чуть повыше пупка. Пациент рассказал, что несколько лет назад в Аспинволле на американском побережье тяжело переболел малярией, от последствий которой с тех пор окончательно избавиться так и не смог.

Вздутие, впрочем, возникло сравнительно недавно, свои гигантские размеры обретя в течение считанных недель. Анализ крови выявил резкий рост числа лейкоцитов (практически забивших пространства между эритроцитарными столбиками) и – как относительный, так и абсолютный – дефицит красных кровяных телец, помимо всего прочего, деформированных. Отношение белых кровяных телец к красным составило пропорцию один к семи. Болезнь не сказалась на деятельности других кровеносных органов, и пациента мучали лишь те симптомы, что были явно связаны с физическим воздействием опухоли: диспепсия и рвота (из-за сдавливания желудка), боли в ногах, вызванные постоянным давлением на поясничные нервные узлы. Печень оказалась чуть увеличенной и на ощупь болезненной, но жёлчь выделялась нормально. В явно ослабленном сердце прослушивались функциональные шумы. Другой характерной особенностью болезненного состояния явилась крайняя степень истощения организма: в течение нескольких недель вес больного с 90 килограммов упал до 70. Испробовав хинин в сочетании с железом и не добившись эффекта, мы стали давать больному мышьяк в больших дозах, а также йод и хлористый калий. Этот курс лечения вкупе со щадящей диетой и строгим контролем за состоянием кишечника оказался весьма эффективен. Опухоль резко спала; ослабили и наиболее мучительные из вторичных симптомов. Полагаю, описанный случай интересен прежде всего тем, что он указывает на прямую связь между малярией и лейкоцитозом – по сути, её осложнением. Судя по всему, эта редкая болезнь есть не что иное, как разновидность всем известного «малярийного пирога»*, дальнейшее развитие которого предопределено физиологическими особенностями организма и темпераментом больного.

Примите, сэр, мои наилучшие заверения.

Артур Конан-Дойль

Эстон, март 1882 года

* увеличение селезёнки при малярии (Прим. перев.).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗАРАЗНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Милостивый государь!

Поскольку крупница факта, как говорится, важнее зыбучих песков теории, полагаю себя вправе рассказать о некоторых последствиях, которые имела недавняя отмена известного постановления. Будучи врачом в городе, который оказался затронут этим решением в наибольшей степени, я имею все основания высказаться на эту тему.

На прошлой неделе в портсмутскую гавань прибыл большой транспортный корабль из Индии с военными, выслужившими свой срок. В тот же день несколько недолечившихся женщин покинули свою больницу, явно поспешив встретить пассажиров, и выяснилось, что нет закона, который мог бы им воспрепятствовать. Утверждаю, что если злосчастный солдат, возвратившийся домой после многолетнего отсутствия, не удержался от соблазна и заразил дурной болезнью себя и потомство, основная вина за это лежит не на нём, а на кликушах-законодателях, которые разносчиц инфекции спустили с цепи. Из боязни оскорбить невинность там, где таковой нет и в помине, они выпустили на волю страшное зло, которое заставит теперь мужчин страдать, детей – умирать, а чистых женщин – наследовать мерзость, неопишемую словами.

Туманное словоблудие насчёт морали способно убедить лишь самых впечатлительных слушателей; если же упростить вопрос, станет ясно: факт приостановления действия на неопределённый срок постановлений, которые нельзя было бы отменять даже на день, принимает характер социального бедствия. Апологеты свободной торговли инфекцией потрудились на славу: в течение нескольких недель прибрежные улицы нашего города превратились в ад – порок просто-таки взвился на дыбы там, где прежде опасался приоткрыть лицо. В районах сосредоточения публичных домов упала в цене недвижимость: из-за наплыва порочных женщин, поднимающих здесь злословный

гвалт, сама ночь сделалась невыносимой. Осмелюсь предположить, что если бы уже завтра действие акта было восстановлено, и через сто лет можно было бы встретить людей со следами морального и физического уродства, вызванного тем роковым послаблением, что дали пороку защитники прав на распутство.

Артур Конан-Дойль

Саутси, 1983 год

«Ивнинг ньюс», Портсмут

27 марта 1884 г.

ОБРАЩЕНИЕ К АССОЦИАЦИИ МОЛОДЫХ ХРИСТИАН ПОРТСМУТА И ИХ ПРЕПОДОБНОМУ КРИТИКУ

Милостивый государь!

По мере ознакомления с тремя письмами, опубликованными во вчерашнем выпуске Вашей газеты, авторы которых защищают действия преподобного Линдсея Янга в отношении Ассоциации молодых христиан Портсмута, я не раз ловил себя на желании вслед за Шекспиром воскликнуть: «Ах, эта песня даже лучше прежней!». Сия досточтимая троица могла бы весьма заинтересовать архивариуса. От рассуждений её участников веет средневековым душком: невольно переносишься в те времена «просвещённого христианства», когда последнее считало своим долгом последовательно бороться с метанием колец, мэйполем и пагубной привычкой к употреблению сливового пудинга на Рождество Христово. Неужто и сегодня страна должна отказать себе в пиве и пирожных – потому лишь, что того хочется господину Янгу, викарию церкви Св.Иоанна? Как вы думаете, когда малые дети начинали резвиться в присутствии Спасителя из Галилеи, он сохранял суровый вид? До чего же любят словечко «миряне» наши узколобые догматики, начисто лишённые воображения! Вспомним: Христос употреблял его в отношении погрязшего во всевозможных грехах римского проконсула времён становления Империи и саддукеев, которые купались в роскоши, проповедуя при этом воздержание. Можно ли вообразить

себе, будто он осудил бы таким же образом в высшей степени серьёзных и набожных молодых людей лишь за то, что воображение и интеллект они упражняют в обществе дамы безупречнейшей репутации? Как справедливо заметил «Веритас», господин Янг не испытает по поводу своих действий никаких угрызений совести. Но давайте же вспомним, какую широту взглядов продемонстрировал Спаситель на ячменных полях, и устыдимся наконец нашего придиричивого ворчания. Пристало ль нам лишать этих юношей права называться христианами лишь потому, что они внимали рассказу о жертвенности ребёнка, вознамерившегося вселить искру надежды в ещё более юное дитя, возлежащее на смертном одре? Об этом, собственно, и идёт речь в «Billy's Rose», но, конечно же, г-н Янг не читал этой книги, которую считает «мирской» и антихристианской. Возблагодарим же Господа за то, что немногие сегодня разделяют воззрения г-на Янга на христианство. Иначе в поиске новой религии нам пришлось бы выбирать между магометанством и атеизмом.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Ивнинг ньюс», Портсмут
23 сентября 1884 г.

ОБ АМЕРИКАНСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ДИПЛОМАХ

Милостивый государь!

Поднимая вопрос о дутых учёных званиях и липовых дипломах, Вы делаете большое дело. В любой профессиональной сфере неграмотный специалист, как правило, всего лишь доставляет неудобства; навредить тем самым он способен скорее себе самому, нежели другим. Иначе дело обстоит в медицине. Здесь ошибка в диагнозе или лечении может стоить человеку жизни. Совершенно очевидно, что малообразованному бедняку трудно отличить квалифицированного доктора от мошенника, купившего себе звучный титул. Для защиты интересов этой части населения и следует использовать всю силу воздействия общественного мнения.

Типичным заведением, специализирующимся на выдаче липовых документов, является так называемый Филадельфийский университет. Он был образован кучкой дельцов-бумагомарателей, открывших торговлю поддельными дипломами и дурачивших публику с поразительным успехом, пока правительство Соединённых Штатов не отказало им наконец в поддержке. После чего они открыли агентства в Европе, где и продолжают жульничать.

В результате иному проходимцу достаточно собрать определённую сумму долларов, дабы приобрести учёную степень; честный же специалист для достижения этой цели должен потратить многие годы жизни, не говоря уже о сотнях фунтов стерлингов. Несомненно, врачебная практика с лжедипломом подпадает под действие закона о врачебной деятельности. Последний, однако, работает крайне редко по очень простой причине: чаще всего мошенник предстаёт перед судом, будучи финансово несостоятельным, и все судебные издержки ложатся на плечи истца. Существует так называемая Ассоциация по защите прав медицинских работников; время от времени её представители выставляют на всеобщее посмешище какого-нибудь уличённого мошенника и, измываясь над козлом отпущения, надеются отпугнуть остальных.

Однако популярная пресса тут – самый лучший метод борьбы; она-то и способна, подняв проблему, раскрыть глаза доверчивым простофилям, потенциальным жертвам такого рода мошенничества. Вышесказанное вовсе не означает, что я пытаюсь как-то сравнить качество британских и американских дипломов. Учёная степень респектабельного заокеанского колледжа всегда пользовалась в Англии заслуженным уважением, и каждый из нас почёл бы за честь назвать своей *alma mater* научную школу, взрастившую таких светил, как Гросс, Сэйер и Остин Флинт.

Мы протестуем здесь лишь против порочной практики получения учёных степеней обманным путём, позволяющей жуликам прикрыть громким званием собственное невежество и получить таким образом право решать вопросы, связанные с жизнью и смертью, будучи совершенно к тому неподготовленным.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

ПОДАГРА И НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

Сэр! Я с большим интересом прочёл в последнем номере «Ланцета» о той связи, что существует между некоторыми глазными болезнями и подагрой. В своём докладе г-н Хатчинсон также уделил внимание симптомам неартрического характера, проявляющимся у здоровых детей, чьи родители страдали подагрой. Я в своей практике встретил два таких случая, и они столь удачно иллюстрируют сказанное, что не могу не сообщить о них. Однажды ко мне пришёл г-н Г., страдавший хронической экземой и псориазом. Сам он полагал, будто причиной тому явились резкие перепады температур, связанные с его родом деятельности, и как следствие – усиленное потоотделение. Назначенный мною курс лечения мышьяком и йодидом калия не возымел эффекта. Вскоре за консультацией ко мне явилась его замужняя дочь, миссис Б., у которой нарушение пищеварения каждый раз сопровождалось болью в глазах, временной закупоркой сосудов и частичной утратой зрения. Распознав в этом подагрический симптом и вспомнив о необъяснимых кожных заболеваниях её отца, я провёл небольшое расследование. Выяснилось, что дед миссис Б. (и отец мистера Г.) долгие годы мучился подагрой и скончался, по-видимому, от болезни Брайта: только так можно было истолковать запись о «резком сжатии гранулированной почки» – явлении, непосредственно связанном с подагрой.

Полагаю, эти случаи интересны тем, что выявляют многоликость недуга, проявившегося в трёх поколениях. Дед страдал острой формой подагры, отец – кожными болезнями без подагрических симптомов; в третьем же поколении болезнь дала осложнения на глаза. Остаётся лишь добавить, что в обоих случаях применение препаратов кальция и щелочных растворов привело к быстрому улучшению состояния пациентов.

С совершенным почтением

А. Конан-Дойль,
бакалавр медицины

Саутси, 24 ноября 1884г.

КАРЛЕЙЛЬ: ФИЛОСОФ И ЛИЧНОСТЬ

Милостивый государь!

Не знаю, считаете ли Вы всё, что печатается на страницах Вашей газеты, не подлежащей сомнению истиной в последней инстанции, но надеюсь, что Вы любезно позволите мне сказать всё же несколько слов по поводу Ваших заметок о Карлейле*.

Душ ледяной критики, обрушенный Вами на высказанные мною суждения, стал испытанием будоражающим и даже бодрящим. Вполне согласен с Вашим замечанием о том, что некоторые расхождения сторон лишь добавляют нашей дискуссии остроту, в которой она так нуждается.

И всё же высказанные в Вашей статье мнения относительно характера Карлейля выявляют, на мой взгляд, столь вопиющее непонимание этой личности, что вряд ли было бы справедливо оставить их без ответа.

Не было ещё в истории литературы скандала более мелочного и вызывающего глубочайшее сожаление, чем те нападки, которым подвергся Карлейль сразу же после своей кончины. Смели ли кто при жизни шепнуть против него хоть слово? Но вот старый лев испускает дух, и стая шакалов от мала до велика набрасывается на его бездыханный труп! Если бы даже кому-то удалось доказать со всей неопровержимостью, что он нарушил сразу десять библейских заповедей, вряд ли можно было ожидать, что по этому поводу подымут такой оголтелый лай. Жизнеописание Гёте и Байрона вместе взятые содержали в себе, наверное, меньше ругательных слов, чем то, что обрушилось на Карлейля. Соединись в его характере развратность Гейне, невоздержанность Кольриджа и мстительность Лэндора – нашли бы мы в себе силы для столь же страстного обличения? Кстати, в чём же всё-таки суть его преступления?

Если исследовать с величайшей тщательностью все 85 лет жизни Карлейля, то прегрешения обнаружатся столь незначи-

* Томас Карлейль (1795–1881) – английский философ, историк и публицист (П.Г.).

тельные, что смешно даже о них говорить. Перечтём «Жизнь» Фрода, «Письма» миссис Карлейль, «Дневник Каролайн Фокс» и большую статью в «Гемпшир пост». Суммируем все грехи этого человека – всё то, из-за чего нам предлагается пересмотреть теперь взгляды на его наследие.

Первое и главное обвинение более чем серьёзно. Карлейль ненавидел петушиный крик и раздражался, если это мешало его работе. Печальное обстоятельство, ничего не скажешь. Второе обвинение почти столь же убедительно: Карлейль не любил брэнчание соседа на фортепьяно, а также звуки уличной шарманки. После этого, конечно же, и речи быть не может о том, чтобы рассматривать его в качестве реформатора общественной морали.

Стоит упомянуть ещё о нескольких поистине дьявольских прегрешениях покойного. Он весьма сурово отзывался о некоторых своих современниках и заносил свои наблюдения в дневник, опубликованный впоследствии без купюр. Здесь он называет Чарльза Лэмба пьяницей, Ли Ханта – неряхой, а Кольриджа – мечтателем. Всё это правда – и то, что упомянутые деятели грешили соответственно пьянством, неряшливостью и мечтательностью, и то, что Карлейль при жизни не только писал, но и открыто говорил об этом. Последнее обстоятельство, с точки зрения критиков, не столько смягчает, сколько отягощает его вину.

Главный грех Карлейля состоял в том, что он говорил правду; из всех проступков этот в нашем мире прощается наименее охотно. Однако несправедливо было бы утверждать, что Карлейль злословил в адрес большинства своих современников. Он искренне восхищался в числе прочих Рёскином, Теннисоном, Оуэном, Стерлингом, Эмерсоном и чувства свои выражал с характерной для него энергичностью и прямоотой.

Остаётся последний ужасный вопрос – о пресловутой раздражительности Карлейля. Но, позвольте, если и жил когда-либо на земле человек, страдавший одновременно чрезвычайно возбудимой нервной системой и хронической диспепсией и обладавший при этом покладистым, мягким характером, то с точки зрения психолога он являл собой чудовищную аномалию. Если Карлейль таковым не являлся, значит, он был всего лишь

нормальным человеком. Кроме того, раздражительность его была преходящего свойства. Имеющаяся в нашем распоряжении его переписка с женой, относящаяся к позднему времени, когда супруги были уже убелёнными сединами стариками, дышит такой страстью, такой нежностью, словно в письмах этих Карлейль обращается всё ещё к той юной девушке из Хаддингтона, которую повстречал 41 год назад. Может быть, не так уж и невыносим был его характер, коли по прошествии четырёх десятилетий супруги могли переписываться в таком духе? Нет человека, который, будучи в положении Карлейля, не грешил бы, по выражению американского юмориста, «искупительными пороками». Несомненно и то, что мало найдётся деятелей, обладавших таковыми в столь ничтожной степени. Предлагая непредвзятому читателю самостоятельно решить, не смешно ли, не унижительно ли на основании столь смехотворных обвинений утверждать, будто публикация документов, упомянутых в Вашей статье, действительно повредила репутации этого великого человека.

Даже в большей степени, нежели замечания о характере Карлейля, вызывает у меня неприятие то, каким образом Вы представили его философию. Последняя отнюдь не была «Библией отчаяния». Выявлять зло, скорбеть по поводу происходящего – вовсе не означает впадать в отчаяние. Во все времена не было философа, обладавшего столь широким и оптимистичным взглядом на наш мир. Да, говорил Карлейль, это плохо, и это, и это – но окончание нашего пути будет, вне всяких сомнений, счастливым. Приведу отрывок, один из сотни подобных: «Свет, энергия и порядок, *thatcraft* или практическая добродетель, так или иначе поступают от нас к Богу, в Его великую сокровищницу, где живут и действуют, выполняя свои функции, в течение вечности. Мы не исчезаем – продолжает жить каждый атом нашего физического бытия».

И это – «воплоть отчаяния»? Не уместнее ли было бы назвать учение такого рода «Библией оптимизма»?

В одном письме трудно ответить на все огульные обвинения, появившиеся на страницах Вашей газеты: затронув здесь лишь несколько вопросов, остальные я опустил не потому, что не могу ничего возразить (все выдвигаемые Вами аргументы очень

слабы), – просто не хотелось бы злоупотреблять читательским вниманием.

Вы утверждаете, будто Карлейль жаловался нудно и всегда на одно и то же. Согласимся же, что последовательность – не порок. Далее Вы утверждаете, что влияние его идей падает. Трудно вообразить себе нечто, более далёкое от истинного положения дел. Влияние Карлейля не просто возрастает: только оно практически и определяет сегодня взгляды нового поколения. И спустя триста лет Карлейль будет возвышаться над авторами Викторианской эпохи точно так же, как Шекспир высится над своими елизаветинскими современниками. Впрочем, ответ на вопрос об истинной ценности учений Карлейля способен дать только время. Сесть за это письмо меня вынудили нападки личного свойства. Подобно мухам, липнувшим к наименее аппетитным частям мясной туши, критики облюбовали себе относительно тёмные уголки великого разума. Строгость, с какой они его судят, может ввести в заблуждение человека, не изучавшего обсуждаемый вопрос самостоятельно. В надежде свести вероятность этого к минимуму я и рискнул побеспокоить Вас этим длинным письмом.

Искренне Ваш

А.К.Дойль,
доктор медицины

Саутси, 26 января 1886 г.

«Ивнинг ньюс», Портсмут
7 мая 1886 г.

О ПРОЕКТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СПОРТИВНЫХ ПЛОЩАДОК В НОРТ-ЭНДЕ

Сэр! Мне кажется, что вопрос о строительстве спортивного комплекса в Норт-энде содержит в себе два пункта, которым до сих пор не было уделено должного внимания. Первое: важно определить принципы, исходя из которых это мероприятие будет проведено. Второе: следует выяснить, насколько реально будет сделать спортивный комплекс самоокупающимся. Я скло-

нен считать, что сумма, вырученная от взносов за пользование площадками, легко покроет проценты от взятой на строительство ссуды, так что полагаться на и без того раздутый городской бюджет нам здесь не придётся. Заявив об этом со всей определённойностью, мы успокоим некоторых противников проекта, не без оснований опасаящихся понести дополнительные расходы.

Теперь о том, что касается управления спортивным комплексом. Поскольку совершенно очевидно, что сам проект был разработан в интересах многочисленных атлетических клубов города, следует предоставить им право высказаться на сей счёт.

Ходят разговоры о том, что это будет открытый для всех желающих парк, посетители которого – от мала до велика – смогут разгуливать, где душа ни пожелает. Если такое решение будет принято, площадка тотчас утратит свой *raison d'être**. О каком крикете может идти речь, когда площадка испорчена неопытными игроками? Стоит ли создавать качественный велотрек, если велосипедист вместо того, чтобы свободно мчаться по трассе, будет зорко вглядываться вперёд, опасаясь появления перед собой очередного малыша или мамыши с коляской? Для любителей прогулок на свежем воздухе у нас имеются Коммон, Виктория-парк, Портсдаун-хиллс – тут и могут они бродить в своё удовольствие. Все футболисты и мастера крикета оттуда уже сбежали: то же произойдёт и здесь, если открыть новый комплекс широкой публике.

Строить спортивные сооружения для атлетических клубов города для того лишь, чтобы поставить их в такие условия, при которых проект потеряет всякий смысл, – это полнейший абсурд. С другой стороны, наладив работу комплекса так, чтобы он приносил реальную прибыль, мы получим все шансы сделать его самоокупающимся.

Давайте построим первоклассную площадку для крикета, оснащённую так, чтобы можно было постоянно поддерживать её в идеальной готовности, хороший битумный трек для бегунов и велосипедистов, теннисные корты по периметру территории с уютным павильоном и примыкающей к нему будкой привратника. Но обязуем при этом все клубы, которые будут пользоваться этим услугами – футболистов, велосипедистов, бегунов, тен-

* Здесь: смысл (*фр.*).

нисистов и игроков в крикет, – платить за услуги – либо раз в год, либо в каждое очередное посещение.

Городские спортклубы вовсе и не намерены вынуждать общественность оплачивать их удовольствие. Им нужно лишь иметь свою территорию; они готовы вносить за это такие взносы, которые покроют затраты на погашение годового процента со ссуды. На площадке для игры в крикет – если опять-таки добиться поддержания её в идеальном состоянии – в следующем сезоне нетрудно будет организовать проведение матчей чемпионата графства. Трёхдневное состязание (если предположить, что зрителей сюда будет приходить в среднем по тысяче в день и за вход каждый заплатит шиллинг) должно принести доход в 150 фунтов. Организация нескольких таких встреч (учитывая суммы взносов, вносимых соревнующимися на всех площадках спортсменами) позволит комплексу полностью окупить своё существование.

Вынужден в очередной раз со всей настойчивостью обратить внимание городского Совета на тот факт, что любая попытка превратить парк в место отдыха для горожан и при этом открыть здесь спортивные сооружения в конечном итоге приведёт к тому, что гуляющие окажутся в опасности, спортсмены будут недовольны, а город взвалит на свои плечи весь финансовый груз этого предприятия.

Возникает вопрос: почему вообще за строительство комплекса берутся городские власти? Дело это слишком громоздкое, чтобы можно было решить его индивидуальными усилиями. Кроме того, парк станет нашей ещё одной достопримечательностью. Никто из налогоплательщиков не сможет утверждать, будто бы он лишён права пользоваться его услугами: пожалуйста, вступайте в свой местный клуб – и доступ к любой из площадок открыт. Если упустить такую возможность сейчас, то спустя год-другой станет ясно, что путь был выбран более дорогостоящий и наименее удобный.

Остаюсь искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Буш-Вилла

ПЛАТФОРМА ЮНИОНИСТОВ

Сэр! Как человек, придерживающийся в основных вопросах современности либеральных взглядов, хочу объяснить, почему я, как и многие другие, намереваюсь отдать свой голос на выборах кандидату от юнионистов. Суть дела можно свести к шести постулатам, ни один из которых, насколько мне известно, никем опровергнут не был.

1. Начиная с 1881 года политическая нестабильность в Ирландии была отмечена многими преступлениями против человека и собственности.

2. Эти преступления, стоившие многим гражданам здоровья или даже жизни, до сих пор не были сколько-нибудь внятно осуждены ни одним из членов Ирландской парламентской партии.

3. Политики, неспособные выразить протест против происходящего, не могут считаться носителями высокой политической морали и потому, вне зависимости от личных способностей, не должны вершить судьбу государства.

4. Майкл Дэвитт, по влиянию в Ирландии ничем не уступающий Парнеллу, публично заявил, что до окончательного решения ирландского вопроса ещё далеко.

5. Ирландия, несомненно, вправе пользоваться теми же привилегиями юридически полноценного государства, какими пользуются Англия, Шотландия и Уэльс, но вряд ли имеет основания рассчитывать на то, что у неё будет более трёх законопослушных соседей, родственных по языку.

6. Близится к завершению разработка обширного проекта Имперской федерации, согласно которому каждое государство получит возможность решать собственные проблемы самостоятельно, оставляя в компетенции центрального Парламента с представительством от каждой страны вопросы, касающиеся Империи. Какое-либо особое законодательство, предназначенное исключительно для Ирландии, нанесёт ущерб этой гармоничной и объективной системе управления, заслуга в разработ-

ке которой принадлежит гениальному ирландскому радикалу, ныне покойному У.Э.Форстеру.

Опубликовав это короткое заявление, Вы в очередной раз продемонстрируете добрую волю, которая послужит добрым знаком для всей этой политической кампании.

Если мы и расходимся во взглядах с людьми, которых во многих других вопросах поддерживаем, то не из-за узкопартийных или классовых предрассудков, а исходя из искреннего убеждения, что ирландский Парламент не сможет способствовать укреплению Империи и её процветанию, к чему все стороны, несомненно, стремятся.

Остаюсь искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Ивнинг мэйл», Портсмут
26 марта 1887 г.

О КОРОЛЕВСКОМ МЕМОРИАЛЕ

Сэр! Мне кажется, что идея генерала Говарда о мемориале королевы Виктории в форме бюста или скульптуры заслуживает общественной поддержки. Я знаю, в наш век практицизма трудно организовать дело, которое не даст немедленной выгоды, но если и простительно проявить нам немного сентиментальности, так именно сейчас, в канун 50-летия Викторианской эпохи. И портсмутский госпиталь, и Колониальный институт простоят сотню лет, но многие ли из потомков, проходя мимо этих зданий зададутся вопросом, по какому поводу были они воздвигнуты? А статуя с соответствующей надписью сама расскажет свою историю: пока цел будет сам гранит, она останется олицетворением той любви, которую питают славные жители нашего города к Королеве, деятельность которой может служить примером любому её преемнику на монаршем поприще. Вряд ли будет преувеличением сказать, что со времён Эдуарда-Исповедника не было в Британии монарха, который вёл бы столь добродетельный образ жизни, оказывая самое благотворное влияние на граждан в их семейной и общественной жизни.

Вот почему уместно было бы отдать дань уважения непосредственно Её Величеству, ведь здания, в честь Королевы воздвигнутые, – это дар, скорее, городу и нации, нежели ей самой.

Верность Королеве не есть прерогатива определённой партии (в чём можно было убедиться на днях в демократическом Бирмингеме), и либералам нужно в первую очередь отдать должное государыне, чьими главными принципами всегда были следование Конституции страны и воле народа, что представителями последнего и было признано.

Могу предложить в заключение, чтобы статуя украсила собой новый зал городской ратуши. Сумма, требующаяся для её возведения, столь незначительна, что никоим образом не скажется на прочих проектах, о которых широкая общественность уже осведомлена.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Буш-Вилла

«Ивнинг мэйл», Портсмут
15 июля 1887 г.

О ВСЕОБЩЕЙ ВАКЦИНАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ (1)

Сэр! Несмотря на то, что время от времени тот или иной представитель партии противников вакцинации решается выразить свои взгляды в прессе, эти периодические вылазки редко приводят к дискуссии, поскольку изначальная ущербность их позиции всякий ответ делает необязательным. Однако, раз уж такой оппонент, как полковник Уинтль, начинает выступать с нападками на систему, которую всякий знающий человек отнесёт к числу величайших достижений науки, пора кому-нибудь из противоположного лагеря подать голос. Любое чудачество может считаться безвредным вплоть до каких-то пределов; когда чудак начинает призывать невежественных людей забросить профилактическую санитарию, погрузиться в состояние блаженного неведения и ждать, пока сама жизнь не накажет их за ошибку, возникает реальная опасность для общества в целом.

На карту поставлены важнейшие принципы, и люди, суть прогресса узревшие в возвращении к тому, что творилось в тёмные времена, до рассвета медицинской науки, должны понимать, какую берут на себя ответственность.

Возражения полковника Уинтля против прививок сводятся к следующему: вакцина, дескать, «аморальна», неэффективна и даже вредна. Рассмотрим все пункты обвинения, уделив морали место, какого она по праву заслуживает. Итак, поступает ли правительство аморально, принимая на вооружение процедуру, которая (как свидетельствуют научный и повседневный опыт) способствует сохранению здоровья людей и росту продолжительности жизни? Аморально ли подвергнуть ребёнка временному испытанию с тем, чтобы защитить его от смертельной болезни? Разве хотя бы в этом случае цель не оправдывает средство? Или столкнуть полковника Уинтля с путей, по которым к нему приближается поезд, тоже было бы аморально? Если так, остаётся лишь молить Бога о том, чтобы Он уберёт нас от морали. Логика полковника сродни доводам тех представителей шотландского духовенства, что протестовали против использования хлороформа. «Боль ниспослана нам Провидением, поэтому обезболивание есть грех», – заявляли досточтимые отцы Церкви. Похоже, и полковник Уинтль склонен считать, что оспа ниспослана нам Провидением, и грех пытаться предотвратить это зло. Достаточно лишь установить факт наличия эпидемии и более уже ничем не волновать население.

Второй вопрос: была ли профилактика оспы успешной? Вот уже почти сто лет метод вакцинации находится в поле зрения общественности. За это время он многократно обсуждался в научных кругах и медицинских журналах, оценивался статистикой, одним словом, проверялся и так и эдак. В результате все, кто так или иначе соприкасался с болезнью, пришли к единодушию, редко встречаемому в медицинской науке. Гомеопаты и аллопаты, отечественные и иностранные специалисты – все нашли здесь для согласия почву. Вряд ли мнение отдельных дам и пациентов районной больницы города Саутси, которых цитирует полковник Уинтль, перевесит консенсус, установившийся в научных кругах.

Нынешнее гигиенически образованное, привитое поколение

вряд ли в силах осознать, сколько бед приносила оспа нашим недавним предкам. В первые годы правления короля Георга, отмечает Маколей, ни одно объявление о поиске пропавших родственников не обходилось без упоминания главной приметы: «лицо изъедено оспой». Такие лица встречались повсюду: в городе и деревне, в сельском домике и королевском дворце. От оспы умерла Мария, жена Вильгельма Третьего. Эпидемии опустошали целые районы. А в наше время врач может жизнь прожить, не столкнувшись с этой болезнью. В чём же причина столь удивительных перемен? Люди, прожившие при старой системе и на себе ощутившие эффект дженнерианского нововведения, отвечают на этот вопрос без малейших сомнений. Собственно, премия в 30 тысяч фунтов, вручённая в 1802 году Дженнеру, была собрана его благодарными согражданами, всю ценность открытия осознавшими на свежем контрасте.

Насколько я понимаю, противники вакцинирования пытаются объяснить удивительное снижение числа заболеваний оспой тем, что сам характер болезни будто бы претерпел изменения. Но это – умозрительное предположение, не подкреплённое фактами. Известно, что прочие инфекционные заболевания не изменили характеристик, да и оспа восстанавливает себя в правах с прежней силой там, где ей способствуют антисанитария или преобладание единомышленников полковника Уинтля. Не сомневаюсь, что недавняя мини-эпидемия в Портсмуте обрела бы гигантский масштаб, если бы только нашла для себя благодатную почву в массах непривитого населения.

В специализированной лондонской лечебнице за пятьдесят лет непосредственного контакта с оспой никто из врачей, хирургических сестёр, медперсонала не заболел ни разу. Вряд ли стоит даже упоминать о том, что все они периодически получали прививки. Интересно, члены комиссии, организованной Обществом борьбы с вакцинацией, будь они не привиты, долго ли бродили бы по палатам, оставаясь здоровыми?

Большая часть «последствий» (которые полковник Уинтль называет «неописуемыми») относится к разряду воображаемых ужасов. Конечно, у нас есть слабые дети, которые заболеть могут и от загноившегося укола булавкой. Вполне возможно, что кто-то из опрошенных пациентов районной больницы вспом-

нил случай такого рода. Подобное случается крайне редко: я проработал пять лет в одной больнице, три – в другой, шесть лет здесь, и встретил лишь одного человека, который заболел от прививки, правда, он тут же и выздоровел. Вообще, некоторые родители выработали странную привычку объяснять всё, что бы ни происходило с их детьми, будь то коклюш или перелом ноги, воздействием вакцины. Из такой среды и мобилизует своих сторонников партия врагов прививки. В заключение хотел бы подчеркнуть, что вопрос этот столь важен, а иммунитет наш против оспы в данный момент столь основателен, что для обоснования каких бы то ни было перемен необходимы очень веские доводы. Впрочем, если аргументы оппонентов столь слабы, что они вынуждены обосновывать их соображениями морали, значит, постановлению о всеобщей вакцинации населения отмена пока не грозит.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Буш-Вилла, 14 июля 1887 года

«Гемпшир каунти таймс», Портсмут
27 июля 1887 г.

О ВСЕОБЩЕЙ ВАКЦИНАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ (2)

Милостивый государь!

На мой взгляд, второе письмо полковника Уинтля представляет собой набор статистических данных и цитат, из которых одни вообще не имеют отношения к делу, а другие подтверждают ту самую истину, которую он пытается опровергнуть. Если действительно все сходятся на том, что в период с 1815 по 1835 год лиц, изъеденных оспой, в Британии стало намного меньше, не уместно ли будет предположить, что именно в это время открытие Дженнера начало приносить первые плоды? Полковник Уинтль, судя по всему, пытается доказать, что спад оспы в те самые годы, когда профилактическое лечение стало массовым, есть результат чистого совпадения. Медики, однако, видят тут причину и следствие; весь последующий опыт лишь утверждает

нас в этом мнении. Полковник полагает, что, поскольку отдельные вспышки оспы всё же имеют место, систему вакцинации следует признать неудачной. Но ведь наоборот, эти-то мелкие эпидемии и свидетельствуют в пользу вакцинирования самым убедительным образом: статистика ясно показывает, насколько уровень смертности зависит от степени привитости населения. Люди, не получившие прививок, и заболевают быстрее, и тяжелее переносят болезнь. Шеффилдский случай, описанный в статье за подписью «Здравый смысл», всего лишь в очередной раз замечательно подтверждает известную истину.

Степень защиты, обеспечиваемая прививкой, находится в прямой зависимости от основательности вакцинирования. Поскольку даже самый отъявленный противник прививок не решится утверждать, будто больницы фабрикуют статистику исходя из каких-то собственных интересов, приведу результаты двадцатилетних наблюдений Марсона за лечением оспы в одной из клиник. Если и это не убедит полковника Уинтля, не знаю, какие ещё ему нужны доказательства. Одного взгляда на таблицу достаточно, чтобы увидеть, в какой мере степень привитости больных соответствует уровню смертности.

Из пациентов, получивших четыре прививки, умерли 0,5%; получивших три прививки – 1,9%; две – 4,7%; одну – 7,7%; из тех, что утверждали, будто получили прививку, но отметины не имели, – 23,3%; из непривитых – 37%.

Итак, мы видим, что уровень смертности колеблется в диапазоне от менее чем 1% у пациентов, прошедших вакцинацию правильно, до 37% у последователей полковника Уинтля. Напомню, что эти данные – результат наблюдения не за единственной эпидемией (которая может протекать и под воздействием субъективных факторов): они представляют собой среднестатистическую оценку положения дел в Лондоне. Можно было бы проиллюстрировать вышесказанное и другими примерами, но человека, которому мало этих цифр, не убедят и никакие другие.

Замечая, что эпидемиям оспы особенно подвержены Лондон и Ливерпуль, полковник Уинтль и отсюда выводит аргумент против прививки. Между тем причина проста: в этих двух городах наибольший процент мигрирующего населения, и следова-

тельно, именно здесь постановление о всеобщей вакцинации труднее всего воплотить в жизнь. Никакое усердие не поможет медслужбам полностью искоренить оспу в большом портовом городе, куда постоянно прибывают иностранцы и моряки.

Наши оппоненты не устают кричать, что вакцина – это яд. Разумеется, но то же можно сказать про опий, дигиталис или мышьяк – ценнейшие лекарственные препараты. Суть медицинской науки и состоит в том, чтобы научиться слабыми ядами побеждать яды смертельные. Уж на что опасен вирус бешенства, но и его Пастер сумел использовать для лечения гидрофобии.

В отношении осложнений, возникавших после прививок, можно сказать следующее: врачи сегодня прекрасно осознают, насколько важно использовать чистейшую лимфу, и готовы честно признать, что в прошлом халатность в этом вопросе действительно иногда приводила к несчастью. Подобные случаи столь же досадны, сколь редки, и сейчас делается всё, чтобы исключить возможность передачи инфекции через лимфу. Как я уже отмечал в предыдущем письме, есть дети, болевающие от укола иголки; у них прививка может способствовать развитию какого-нибудь наследственного заболевания. Подобные единичные случаи (даже если бы они и происходили еженедельно, как утверждает полковник Уинтль) есть капля в море того добра, что несёт нам вакцина. Сегодня, если ребёнок, получивший прививку, спустя какое-то время почему-либо умирает, противники вакцинации тотчас усматривают тут причину и следствие. Конвульсии (от глистов ли, прорезывающихся зубов или при болезнях мозга) также объявляются результатом «этого грязного ритуала» (как принято выражаться в этих кругах).

Хотел бы сказать в заключение, что никто не может запретить полковнику Уинтлю иметь по данному вопросу личное мнение. Но, мобилизуя себе через прессу последователей из числа тех, кому не терпится войти в те самые 37% больничной статистики, он не только противоречит гигантскому фактическому материалу, собранному людьми, непосредственно занимавшимися болезнью, но и берёт на себя большую ответственность. Только очень сильный аргумент может оправдать стремление непрофессионала противоречить врачам в медицинском вопросе, и даже его следует использовать с величайшей осторожностью.

тью, когда речь идёт о здоровье общества. Что, если бы я начал вдруг решительно и безосновательно высказываться относительно стрельбы из винтовки или о траектории полёта снаряда? Полковник Уинтль, как артиллерист, мог бы с полным правом потребовать разъяснений относительно того, с какой стати у меня сформировались те или иные убеждения. Основная тенденция развития медицинской науки (о чём можно судить по работам Пастера и Коха, Бурдона-Сандерсона и Туссена) состоит в переходе к профилактической вакцинации, преграждающей путь инфекции. Противодействуя этой тенденции, полковник Уинтль, как бы сам он этого ни отрицал, пытается бороться с прогрессом и пропагандировать ошибочные представления.

Тем, кто хотел бы ознакомиться с фактами, на которых основывается практика вакцинации, я порекомендовал бы книгу «Факты о вакцинации», опубликованную Национальным обществом здравоохранения в Лондоне.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Буш-Вилла, Саутси

«Хемпшир пост», Портсмут
27 апреля 1888 г.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЮНИОНИСТЫ

Милостивый государь!

Как недавний секретарь организации либерал-юнионистов, думаю, имею полное право ответить «Старому либералу». В случае, о котором идёт речь, либерал-юнионисты испытывают трудности в попытках усовершенствовать свои организационные структуры, поскольку всё здесь приходится начинать с нуля. Сейчас, однако, у них есть Центральный комитет, а также список нескольких сот избирателей, разделяющих их взгляды. Комитет в полной мере отдаёт себе отчёт в том, что списки эти далеко не полны, и были бы счастливы вписать сюда имена «Старого либерала» и тех его друзей, которые пожела-ли бы к нам присоединиться. Любую информацию, которая

только может заинтересовать «Старого либерала» и других избирателей, можно получить у меня или у господина Шервина (Хай-стрит, 23).

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Буш-Вилла, Эльм-Гроув

21 апреля 1888 г.

«Ивнинг ньюс», Портсмут

1 ноября 1890 г.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ И ЕГО РАСЧЁТ

Сэр! Позвольте на страницах Вашей газеты задаться вопросом: нельзя ли (например, массовым выражением негодования) изменить хоть что-то в нелепой системе расчёта подоходного налога? В настоящий момент этот процесс разделён на две стадии, которым соответствуют жёлтый и голубой налоговые листы. На жёлтом листе вас просят указать сумму дохода, причём под несколькими хитроумно сформулированными заголовками, явно рассчитанными на то, чтобы заполняющего анкету запутать. Сделав это, вы возвращаете документ, будучи в полной уверенности, что налог заплатите на указанную сумму, которая, как вы точно знаете, является верной.

Тут-то и начинаются проблемы с голубым листом. Получив его, вы обнаруживаете, что господин Оценщик с необъяснимой дерзостью проигнорировал указанные вами цифры и налог исчислил из произвольной суммы, которую выдумал сам. Получается, налог этот взимается не с реального вашего дохода, а с той суммы, которую, как считает некто, вам полагается зарабатывать. Пусть бы тогда этот неизвестный с самого начала указал на бумаге цифру, соответствующую его домыслам: это избавило бы нас от фарса с жёлтым листом, а главное, сэкономило бы время и нервы. Ведь чтобы аккуратно заполнить форму, требуется время, и уж конечно, человека нервирует, когда кто-то за глаза объявляет его обманщиком.

При этом вас уверяют, что вы вправе подать апелляцию. Но

что это означает на деле? Да то, что вам, как преступнику перед судьями, придётся предстать перед представительной группой горожан и пройти унижительное испытание, открывая для придирчивого внимания посторонних частные счета и личные проблемы. Господин Оценщик, беря на себя смелость изменить сумму, указанную в налоговом листе, прекрасно знает, что 9 из 10 человек предпочтут смириться с несправедливостью, нежели бороться с нею таким способом. Помню, несколько лет назад, сочтя очередную догадку господина Оценщика совсем уж оскорбительной, я потрудился-таки подать апелляцию. Разумеется, я доказал правильность первоначально указанной цифры, но теперь точно знаю, что даже сумма, в три раза её превышающая, не заставит меня повторить этот опыт.

Если господин Оценщик полагает, будто поступившие к нему данные не соответствуют действительности, пусть он на себя и возложит бремя опровержения. Игнорируя же сообщение налогоплательщика и заставляя его либо смириться с несправедливостью, либо пройти через унижительную процедуру, он ведёт себя возмутительно. Думаю, общественность сможет положить конец этому безобразию, лишь в полный голос выразив своё к нему отношение.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Дэйли телеграф»

20 ноября 1890 г.

О ЛЕЧЕНИИ ТУБЕРКУЛЁЗА

Милостивый государь!

Думаю, я, как английский врач, получивший возможность непосредственно в Берлине проследить за новым развитием в области лечения туберкулёза, вправе рассказать немного о нынешнем положении дел и ближайших перспективах. При всей значимости открытия Коха* не вызывает сомнения тот факт,

* Роберт Кох (1843–1910) – выдающийся немецкий учёный, один из основоположников микробиологии. Пользуясь изобретёнными им

что наши знания здесь по-прежнему ограничены, и есть вопросы, остающиеся без ответа. Чем скорее это будет осознано, тем меньше вероятность того, что людей, преисполнившихся надежды обрести панацею в Берлине, постигнет глубокое разочарование.

Я наблюдал за работой профессоров Бергмана и Барделебена в больнице «Чарити», а также доктора Леви в его клинике на Прецлауэр-штрассе. Полученные впечатления (наряду с информацией, которой делились со мной врачи-ассистенты и студенты-практики) позволяют сделать некоторые общие выводы о сильных и слабых сторонах нового метода.

Начну с вопроса о получении лимфы, которая играет здесь сверхважную роль. От доктора Либберца, ответственного за распределение этого продукта, я узнал, что в настоящий момент его не хватает даже для немецких больниц; все же остальные запросы начнут удовлетворяться не раньше, чем через полтора месяца. Некоторое представление о том, каким может быть спрос на лимфу, даёт куча писем высотой по колено, занимающая четыре квадратных фута на полу. Все эти письма поступили, как мне сказали, только из одного почтового отделения.

Теперь о том, чего вправе мы ждать от этой жидкости, когда проблема с её получением будет решена. Следует иметь в виду, что сам Кох никогда не утверждал, будто его препарат убивает туберкулёзную палочку. Совсем наоборот, на неё он не действует, уничтожая лишь низшие формы живой ткани, в которых обитает бацилла.

В тех случаях, когда ткань отшелушивается (при волчанке) или выделяется с мокротой (при чахотке) и при этом содержит в себе всю инфекцию, находящуюся в организме, можно действительно надеяться на полное излечение. Однако, принимая во внимание число и микроскопические размеры этих опаснейших микробов, а также способность их помимо органов поражать лимфатические узлы, можно утверждать, что полностью вывес-

способами окраски и культивирования микробов, открыл возбудителя туберкулёза. Выделил возбудителя холеры. В 1890 г. опубликовал свой метод лечения туберкулёза экстрактом из культуры туберкулёзной палочки. Однако препарат Коха оказался неэффективным и сохранил значение лишь для диагностики заболевания (Л.Г.).

ти инфекцию из организма таким способом можно будет лишь в исключительных случаях. По отсутствию реакции на инъекцию можно судить о том лишь, что из организма выведена вся туберкулёзная ткань, но в какой степени он очистился от бацилл, узнать невозможно. Оставшиеся бациллы, несомненно, образуют новую туберкулёзную ткань, которая в свою очередь может быть уничтожена дополнительным курсом инъекций. Увы, очевидно, что очень скоро болезнетворные микробы вырабатывают иммунитет против вводимого раствора, и рано или поздно наступит момент, когда непрерывно нарождающаяся поражённая ткань перестанет реагировать на препарат, в каких бы дозах он ни вводился. В этом и состоит огромная разница между методом Коха и вакцинированием оспы. Прививка (по крайней мере, на какое-то время) даёт окончательный результат, а противотуберкулёзная жидкость даже не затрагивает корней болезни. Простейшей аналогией тут может служить поведение человека, который, каждое утро убирая крысиный помёт, надеется таким образом уничтожить грызунов в доме. Профессор Кох и сам признаёт, что его метод не действует на бациллы, и прошло ещё слишком мало времени, чтобы можно было судить, в какой степени их остаточное присутствие в организме способно вернуть его к прежнему состоянию. Есть, однако, все основания опасаться, что описанный мною исход более чем вероятен.

Другое (хотя и не столь веское) возражение касается того факта, что процесс отторжения ткани пробуждает все туберкулёзные процессы, пребывавшие до этого в спячке. В одном из наблюдавшихся мною случаев от инъекции, целью которой было излечение поражённого туберкулёзом сустава, вскрылась язва глазной роговицы, зажившая лет двадцать назад – теперь только выяснилось, что и она была вызвана палочкой. Наверное, в конечном итоге инъекция благотворно скажется и на состоянии глаза, но пациент, в организме которого все застарелые недуги просыпаются разом, оказывается перед лицом серьёзного испытания. Стоит добавить, что температура тела от инъекции в некоторых случаях поднимается до 41 градуса, из-за чего препарат нельзя вводить ослабленному больному.

Таковы слабые стороны метода. По мере накопления нового опыта могут обнаружиться и другие. С другой стороны, у новой

системы (знаменующей начало качественно нового пути развития медицины) есть и многочисленные достоинства, в частности диагностические. Поскольку реагирует на инъекцию лишь туберкулёзная ткань, в сомнительных случаях одного укола достаточно, чтобы выявить волчанку, чахотку, золотуху – любую из многочисленных туберкулёзных форм. Уже одно это позволяет нам признать метод Коха важнейшим вкладом в развитие медицинской науки.

Волчанка и болезни суставов (золотушного характера), несомненно, излечиваются легче всего, но сам Кох не решается точно сказать, насколько окончательным может быть этот успех. Опять-таки при чахотке в начальной стадии инъекция значительно улучшает состояние больного. Но после того, как образовались каверны, признаёт сам Кох, без хирургического вмешательства не обойтись – то есть речь идёт о серьёзной и обширной операции.

Что бы ни говорили мы о системе лечения, не может быть двух мнений относительно личности самого этого человека. С замечательной (но весьма характерной) скромностью предоставив коллегам разъяснять публике его взгляды, Кох скрылся от посторонних глаз за стенами своей лаборатории, и я по своему опыту могу утверждать, что приезжему врачу не стоит надеяться повидать в Берлине человека, знакомства с которым он желал бы больше всего на свете. Надеюсь, эти заметки доставят практическую пользу тем из Ваших читателей, у кого есть личные причины интересоваться тем, что думают в самом Берлине о произведённом здесь недавно открытии.

Примите мои искренние заверения в совершенном почтении.

А. Кохан-Дойль,
доктор медицины

Гостиница «Центральная»,
Берлин, 17 ноября

«ВО ИМЯ НЕЛЬСОНА»

Сэр!

Некоторое время я выжидал, надеясь, что кто-нибудь ответит на письмо «R.N.», но теперь, думаю, более простительно будет мне повторно вторгнуться на страницы Вашей газеты, чем позволить ему так и остаться без ответа. Если инициалы, которыми подписался автор, означают, что он офицер Королевского флота*, остаётся надеяться, что на морских просторах он не столь беспомощен, как в логике своих рассуждений.

Автор утверждает, что, желая сохранить для народа флагман Нельсона, мы проявляем незнание истории морского флота. Большинство читателей наверняка сделали противоположные выводы. Если, как утверждает «R.N.», все остальные корабли уже распроданы, значит, ещё важнее для нас сохранить реликвию, которая может оказаться последней.

Вопрос о том, в каком моральном и психологическом состоянии пребывал Нельсон, командуя судном, неуместен. Важно, что под его флагом ходило два корабля, один из которых за весьма незначительную сумму был продан иностранной державе.

Вопрос о том, во сколько обойдётся нам содержание этого старого корабля, не заслуживает того, чтобы о нём спорить. Пока мы имеем свой флот, у нас будут склады, плавучие базы и гавани для приёма и обслуживания действующих судов, наравне с которыми будет содержаться и «Foudroyant». Допустим, чтобы вдохнуть в него вторую жизнь, потребуется 10 тысяч фунтов. Если мы сумели собрать 70 тысяч, чтобы отдать дань памяти её старому капитану, наверное, и для сохранения этой национальной реликвии найдутся средства.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Теннисон-роуд, 12
Саут-Норвуд

* Буквы R.N. значат Royal Navy, т.е. Королевский флот (П.Г.).

БРИТАНИЯ И ЧИКАГСКАЯ ВЫСТАВКА

Сэр!

Один-единственный акт доброй воли может сделать больше, нежели целый ряд тщательно подготовленных официальных мероприятий на государственном уровне. К примеру, жест, сделанный Францией, передавшей в дар Америке Статую Свободы, в нашей истории аналогов не имеет. Между тем если и есть на земле два народа, в отношениях между которыми дух взаимной учтивости был бы более чем уместен, так это мы и американцы. Сейчас они больше всего на свете хотели бы успешно провести свою выставку, и были бы рады любой помощи, какую только мы могли бы им предложить. Вопросу о наших общих корнях и интересах по обе стороны океана было посвящено немало послеобеденных спичей. И вот теперь у нашего правительства появляется практическая возможность проявить добрую волю. Только что Германия отказалась предоставить американцам какой-либо из своих военных оркестров. Британские власти поступили бы благородно, отправив туда, скажем, три наших превосходных полковых оркестра, включая гвардейский – с тем, чтобы они могли выступить в британском зале выставки. Участие эскадрона лейб-гвардейцев в церемонии открытия лишь приумножило бы положительный эффект.

Немецкие и французские полковые оркестры уже играли на выставках в Лондоне, американские – приезжали в канадские города, так что это предложение оригинальным не назовёшь. Просто именно сейчас нам предоставляется одна из тех редких возможностей упрочить дружбу между двумя народами, и грех был бы ей пренебречь.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Пэлл-Мэлл
22 декабря

«Критик», Нью-Йорк
2 декабря 1893 г.

ПРОТЕСТ ДОКТОРА КОНАН-ДОЙЛЯ

Милостивый государь! В обзорах американских газет мне попало на глаза упоминание о сборнике рассказов под названием «Убийца, мой приятель» с моим именем на обложке. Позвольте мне заявить на страницах Вашей газеты, что эта книга была издана без моего согласия и что включённые в неё рассказы были написаны много лет назад в расчёте на то, что проживут они ту недолгую жизнь, какую заслуживают. Разумеется, для читателя всё это не представляет ни малейшего интереса, но Вы должны понять ту лёгкую досаду, которую испытывает автор, чьи произведения, в своё время умышленно умерщвлённые, возвращаются кем-то к жизни вопреки его воле.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Лондон
13 ноября 1893 г.

«Критик», Нью-Йорк
27 января 1894 г.

ЕЩЁ ОДНО ПИСЬМО ДОКТОРА ДОЙЛЯ

Сэр! На страницах Вашей газеты я прочёл заявление Ловелла и К^о о том, что мои недавно опубликованные рассказы они приобрели у «агента мистера Хогга, заплатив ему 25 фунтов». Наверняка теперь у Ловелла и К^о для недовольства появились столь же веские основания, как и у меня, но у человека, представляющего себя литературным агентом, всё же следовало бы испросить документы, удостоверяющие его личность и род занятий. Я никогда не нанимал агента по фамилии Хогг, а о появлении этой книги впервые узнал из литературного обзора в американском журнале.

А. Конан-Дойль

Давос-Платц, 7 января 1894 г.

«ЭСТЕР УОТЕРС» И БИБЛИОТЕКИ

Милостивый государь!

Какое бы решение ни приняло Общество писателей по поводу изъятия «Эстер Уотерс» с книжных полок железнодорожных вокзалов, думаю, долг каждой газеты, которой небезразличны судьбы литературы, состоит в том, чтобы прокомментировать случившееся.

Мне могут возразить: «У.Х.Смит и сын», дескать, фирма частная, а значит, может поступать как ей заблагорассудится. В действительности, огромная монополия, которой обладает фирма, практически превращает её в общественную организацию: она несёт слишком большую ответственность, чтобы вершить дела, исходя из собственных капризов и предрассудков. В руках её руководителей сосредоточена огромная власть. Изъятие произведения из книжных палаток и вокзальных библиотек практически закрывает ему путь к читателю. Такой властью следует пользоваться осмотрительно, чтобы не принять решение, которое может оказаться несправедливым по отношению как к автору, так и к читающей публике. «Эстер Уотерс», на мой взгляд, книга очень хорошая и серьёзная. Она хороша тем, что охватывает многие жизненные аспекты, раскрывая каждый из них с наблюдательностью и вдумчивостью, характерными для высокой литературы. Книга серьёзна, поскольку, рассматривая ряд жизненно важных проблем, не может не заставить даже самого легкомысленного читателя задуматься о том, что маленькие человеческие трагедии окружают его на каждом шагу, и что для демонстрации благородства духа иногда не стоит идти дальше собственной кухни.

Из всех проповедей против азартных игр, когда-либо звучавших в литературе, эта – самая сильная. Несмотря на то, что речь тут идёт о вещах, которые, если преподнести их грубо, действительно могут вызвать неприятие, вряд ли найдётся критик, который упрекнул бы г-на Мура в отсутствии вкуса. Одно дело выявлять порок, совсем другое – пытаться сделать его привлекательным для читателя.

Исходя из этого, должен задать вопрос: вправе ли господа «Смит и сын» столь сурово наказывать автора и его книгу, закрывая для неё значительную долю национального рынка? Совершенно очевидно, что обязанность фирмы-поставщика состоит в том, чтобы распространять литературу, а не в том, чтобы по собственной инициативе брать на себя незаконные функции цензора. Возможно, советникам фирмы действительно представляется аморальным описание определённых сторон человеческой жизни. Но есть люди, которые считают ничуть не менее аморальным тот факт, что огромная масса литературы посвящена вещам в высшей степени легкомысленным.

Если книга вызывает законные нарекания, есть и законные методы воздействия на неё. В данном случае автор и публика имеют все основания утверждать, что монополизм компании используется таким образом, что превращается в «закон в рамках закона». «Эстер Уотерс» – книга хорошая как в художественном, так и в этическом отношении, и если она окажется запрещена, трудно ожидать, что любое другое правдивое и серьёзное произведение сможет рассчитывать на благосклонность фирмы.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Реформ-клуб», 30 апреля

Дэйли кроникл»

3 мая 1894 г.

О БОЙКОТЕ «ЭСТЕР УОТЕРС»

Милостивый государь!

Те, кто защищают фирму, отказавшую в распространении «Эстер Уотерс», исходят из заведомо ошибочной предпосылки. Они полагают, будто вопрос о том, что читать человеку, должен решать не он сам, а агент-распространитель литературы. Если бы последний отреагировал таким образом на чьи-то просьбы о запрете на распространение книги, сказанное господином Фоксом следовало бы признать справедливым. Но никто ни о чём

подобном фирму не просил. Речь идёт всего лишь о том, что это произведение должно иметь такое же право на существование, как и все остальные. Если подписчики г-на Смита не захотят покупать книгу, — что ж, значит, спрос на неё упадёт. Если же захотят, то они имеют полное право реализовать свой выбор, равно как и автор — право довести своё детище до читателя.

Г-н Фокс ошибается, если полагает, что молчание подписчиков — знак согласия. Чтобы не ходить за примерами далеко, замечу, что сам, будучи долгие годы подписчиком библиотеки г-на Смита, так ни разу и не отправил жалобу по поводу его «Index Expurgatorius»*. Что ж, если ему не хватает именно читательских жалоб, я прошу всех, кто прочтёт это письмо, не поленился и таковую составить. Спор идёт не о конкретном романе, а о том, должна ли наша литература следовать тюремным предписаниям Бэйли или она наделена всеми привилегиями, естественными для любой великой литературы мира. Если книга грешит против морали, давайте призовём на помощь закон. Мы возражаем лишь против вмешательства самозванных судей, которые не только вершат приговор без суда и следствия, но и наказывают автора суровее любого суда.

Г-на Фокса удивляет, что я не усмотрел в «Эстер Уотерс» роковых изъянов. Должен заметить, что все критики, с суждениями которых мне довелось ознакомиться, оказались в этом смысле столь же слепы. Не откровенность средств выражения, а оправдание порока — вот что делает книгу аморальной. Если г-н Фокс прочёл это произведение внимательно, он не может не согласиться, что оно возбуждает в читателе прежде всего ужас перед азартными играми и глубочайшее сочувствие страдающим беднякам. Аморальная книга никогда бы не смогла произвести подобного впечатления.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Теннисон-роуд, 12

Саут-Норвуд

2 мая

* список исключённых произведений (лат.).

Г-Н КОНАН-ДОЙЛЬ И АМЕРИКА

Милостивый государь!

«Дэйли кроникл», как я заметил, приписала мне некоторые высказывания относительно Америки, не имеющие ничего общего ни с тем, что в действительности было мною сказано, ни с реальным положением дел. Я не высказывался столь обобщённо о государственных учреждениях обеих стран и, кстати, обнаружил в Америке немало такого, чему нам следовало бы поучиться. Что касается улучшения англо-американских отношений, убеждён в том, что именно это сейчас и происходит; если и может что-то повредить этому процессу, так поспешные и подчас вредные впечатления разного рода путешественников, которые делают далеко идущие выводы на основании самого мимолётного знакомства со страной, отказываясь понять, что отличающиеся от наших условия могли способствовать развитию совершенно иного типа мышления и незнакомого нам образа жизни.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Давос-Платц, 27 декабря

«Автор»

июль 1895 г.

ЛЕКЦИИ В АМЕРИКЕ

Милостивый государь! В номере «Автора» за прошлый месяц я прочёл о том, сколько денег можно заработать на лекциях в США. Многое в этом вопросе преувеличено, так что, думаю, не помешает сказать по этому поводу несколько слов – тем более что в заметках упоминалось и моё имя.

Тот, кто отправляется в Америку, чтобы познакомиться со страной и людьми, рассчитывая с помощью доходов от лекций

всего лишь покрыть затраты, прекрасно там проведёт время. Он вернётся домой интеллектуально обогащённый и долго будет вспоминать американское гостеприимство и своих новых друзей. Но каждого, кто едет в Америку с целью подзаработать, ожидает разочарование. Правда, что Теккерей и Диккенс хорошо там заработали, но чтобы повторить их достижение, необходимо стать новым Теккереем или новым Диккенсом. Британский лектор с более скромным именем вскоре обнаружит, что разница между его заработком и расходами столь мала, что здесь, не выходя из кабинета, он мог бы заработать куда больше.

В отрывке, привлёкшем моё внимание, упоминается цифра: 500 долларов за лекцию. Это абсурд. Приуменьшив её раз в пять, мы, пожалуй, приблизимся к истине, получив сумму, которой и в британской глуши заручиться нетрудно. Раз уж мы взялись спорить, давайте делать это предметно. Допустим, средний гонорар за лекцию в Америке составляет 125 долларов. Вычтем 15 процентов на оплату услуг агента, расходы на дорогу и проживание в гостинице: получится 80–85 долларов чистыми. За четыре лекции в неделю – 320–350 долларов, за два месяца – около трёх тысяч. Отнимем от этой суммы стоимость билетов в оба конца, а также деньги, которые можно было бы заработать здесь за тот месяц, что был потрачен на подготовку к поездке. Если остаток превысит сумму, которую писатель мог заработать здесь своим пером, значит, путешествие себя оправдало. Тем из моих братьев по ремеслу, кто соберётся всё же в США, настоятельно рекомендую воспользоваться услугами моего друга, майора Дж.Б.Понда: в нём они найдут не только опытного менеджера, но и милейшего компаньона.

Поездка в Америку стала для меня одним из самых приятных событий в жизни, однако, поставив перед собой цель заработать побольше, я наверняка остался бы разочарован. Всё это – мелочи личного характера, однако преувеличенные суммы, упомянутые в письме Вашего читателя, могли бы ввести кого-нибудь в заблуждение и стать причиной глубокого разочарования.

А. Конан-Дойль

Гранд-отель «Бельведер»
Давос, Швейцария

«Критик», Нью-Йорк
21 сентября 1895 г.

ПИСЬМО Д-РА ДОЙЛЯ

Милостивый государь!

По Вашим отзывам о моём лекционном турне может сложиться впечатление, будто оно прошло неудачно. Отдавая должное моему весьма предприимчивому менеджеру, майору Дж.Б.Понду, хочу заметить с Вашего позволения, что поездка, напротив, сверх всяких ожиданий оказалась успешной: я повсюду собирал почти полные залы и легко мог бы удвоить число запланированных лекций. Мои замечания относительно турне по Америке сделаны были с точки зрения стороннего наблюдателя, и я готов повторить свои слова о том, что английский писатель должен ехать туда, имея перед собой одну цель: знакомство со страной и людьми; заработок должен остаться для него на втором плане.

Артур Конан-Дойль

Малойя, Швейцария
2 сентября 1895 г.

«Критик», Нью-Йорк
26 октября 1895 г.

«ТАИНСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ»

Милостивый государь!

Позвольте со страниц Вашей газеты предупредить читателей о том, что сейчас продаётся книга «Таинственные истории» с моим именем на обложке. Из множества включённых в неё рассказов мне принадлежит только один – очень короткий, в середине книги.

А. Конан-Дойль

«Гранд-отель», Кокс
30 сентября 1895 года*

* Речь идёт о книге «Strange Secrets» («Таинственные истории», или «Рассказы о таинственном»), выпущенной в 1895г. в Нью-Йорке фирмой R.F.Fenno & Co. По поводу авторства на титульном листе сообщается, что истории сии «рассказаны А.Конан-Дойлем и другими» («другими» набрано петитом) (Л.Г.).

АНГЛИЯ И АМЕРИКА

Милостивый государь!

Исходя из собственного опыта могу сказать, что англичанин, проехав по Соединённым Штатам, возвращается домой под влиянием двух основных впечатлений, совершенно затмевающих прочие. Первое оставляет атмосфера почти чрезмерной доброжелательности, в которой оказывается там английский гость. Второе – это горькие чувства которые испытывает американское общество, в частности пресса, по отношению к нашей стране. Недавний взрыв недовольства – всего лишь очередной кризис, один из многих, постоянно омрачающих историю взаимоотношений наших двух стран. Недовольство это тлеет в глубине общественного сознания, и по поводу любого спорного вопроса тут же может вспыхнуть новый пожар. Я был всегда убеждён, и сейчас придерживаюсь мнения, что более всего на свете Британской империи угрожает именно дух враждебности, живущий в народе, которому – притом что уже сегодня он достиг величия и силы, – предстоит в будущем подняться к невероятным высотам. Слишком долго наши государственные деятели стояли, обратившись лицом к востоку. Чтобы узреть величайшие опасности и одновременно надежды будущего, им следует повернуться в противоположную сторону.

Что касается причин этой неприязни, то она не столь мелочны, как бы хотелось думать о том англичанину. В последнее время модно стало винить во всём американцев ирландского происхождения, а также политиков, рассчитывающих на голоса последних. Однако суждение это слишком поверхностно, чтобы можно было объяснить им тот факт, что губернаторы тридцати штатов незамедлительно ратифицировали президентское послание, которое может быть расценено как прямой шаг к войне. Списывать столь массовые чувства неприязни к Англии на этнических ирландцев никак невозможно.

Чтобы понять отношение американцев к Великобритании, достаточно прочесть школьный учебник американской исто-

рии, принимая все его утверждения с теми же верой и патриотизмом, с какими воспринимаем мы всё, что в нашей истории связано с Францией. Американская история – во всяком случае, если речь идёт о внешней политике, – есть, в сущности, не что иное, как сплошная череда конфликтов с Британией, конфликтов, многие из которых, стоит признать, возникли по нашей вине. Мало кто из нас станет сегодня оспаривать тот факт, что Англия была не права в вопросе о налогообложении, который явился причиной первой Гражданской войны в Америке, или в конфликте с нейтральными судами, явившемся причиной второй.

Из пятисот страниц английской истории войне 1812 года уделено, наверное, страницы две, но это огромная глава в американской истории, и она оставила после себя множество самых горьких воспоминаний. Стоит напомнить и угрюмую позу, принятую Британией, когда США обрели независимость, и постоянные трения в наполеоновскую эпоху, и нападение на американский фрегат со стороны военного корабля с пятьюдесятью орудиями на борту в мирное время. Затем был послевоенный флоридский спор, и годы правления Эндрю Джексона – конфликт по поводу Орагонской линии, Майн и Нью-Брунсуик, не говоря уже о враждебности нашей прессы по отношению к Соединённым Штатам во время Гражданской войны. После чего возникло ещё два ожесточённых конфликта: один касался притязаний штата Алабама, второй – рыболовства в Беринговом проливе, в результате чего были поставлены под сомнение и права американцев на ловлю рыбы у берегов Венесуэлы. Таким образом, с точки зрения американца, вся история Великобритании – это нескончаемые войны с США, и вправе ли мы осуждать его подозрительность, если и сами не изжили её в себе – по отношению к Франции? Если все мы, как нация, несём определённую ответственность, по меньшей мере, за часть этих печальных исторических казусов, то в ещё большей степени мы виноваты (теперь уже каждый в отдельности) за ту антипатию, что питают к нам американцы. За всю историю у нас не нашлось тёплого слова, чтобы выразить искреннее восхищение достижениями наших заокеанских братьев, их промышленным прогрессом, героизмом в войне и ни с чем не сравнимыми мирными доброде-

телями. Увлёкшись мелкими придирками, мы не заметили великих свершений. Ползая по полу в поисках пятен от плевков, не заметили движения суфражисток и обретения народом права на образование. Наши туристы – от миссис Троллоп до Диккенса – не уставали поражаться тому, что трудящийся американец, овладевший десятком разных профессий, чтобы адаптироваться к нуждам быстрорастущего общества, не обрёл манер выпускника Оксфорда или сассекского пенсионера. Они не смогли понять того, что необыкновенные достоинства, взращённые в себе народом благодаря всеподавляющей энергичности и природной жизненной силе, должны обязательно иметь и обратную сторону. Вряд ли среди английских путешественников найдётся хотя бы один, кто не нанёс бы своими путевыми заметками ущерба отношениям между двумя нашими странами; лишь в наши дни Брэйс хотя бы попытался восстановить справедливость. И это отсутствие понимания и доброжелательности тем более непростительно, что никто не писал об Англии с такой любовью, как Вашингтон Ирвинг, Эмерсон и Холмс.

Каждая из этих причин, личных или политических, сама по себе, возможно, и незначительна, но вкупе с остальными перерастает в масштабы уровня национальной безопасности.

Сейчас среди наших журналистов и общественных деятелей стало принято отзываться об Америке и американцах в самом дружественном тоне, что может возыметь эффект в будущем, если недавние неприятности не ухудшат положения дел. Лишь тот, кто побывал в Америке, способен почувствовать, сколько в этих людях «ангельской» доброты – если воспользоваться выражением мсье Бурже. Трудно поверить, что они сохраняют неприязнь к державе, народ которой настроен по отношению к ним дружелюбно. Но тень прошлого всё ещё разделяет нас, и наверняка пройдёт немало времени, прежде чем мы устраним этот барьер. Тем временем, мне кажется, мы не должны упускать ни малейшей возможности, чтобы демонстрировать наши братские чувства пусть даже самыми незначительными практическими действиями. Можно спорить о художественной ценности Статуи Свободы Бартольди, но нет никаких сомнений в том, что как символ дружеских чувств французского народа она несёт свет каждому судну, входящему в нью-йоркскую гавань. Возможно-

сти проявить расположение к американскому народу время от времени возникают и у нас. На одну из них я обращал внимание два года назад, когда на страницах «Таймс» предположил, что визит гвардейских оркестров в Чикаго способствовал бы укреплению дружбы между двумя народами. Тот шанс был упущен, но могут появиться и новые. Более всего мне хотелось бы, чтобы в Лондоне образовалось Общество англо-американской дружбы с подразделениями во всех государствах Британской империи. Задачей его стало бы распространение духа доброжелательности, смягчение любых трений, знакомство широкой публики с литературой двух стран, которая сама по себе является сильным аргументом в пользу англо-американского союза, и так далее. Убеждён, что создать такую организацию будет легко, и что она послужит достижению величайшей цели – укреплению дружбы между всеми англоговорящими странами.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Отель «Мена-Хаус», Каир
30 декабря

«Таймс»
10 ноября 1896 г.

ДЕЛО МИССИС КАСЛ

Сэр!

Позвольте нижайше просить Вас использовать всё своё влияние, чтобы заступиться за злосчастную американку миссис Касл, которую приговорили вчера к трём месяцам тюрьмы, признав виновной в краже. Даже не принимая во внимание данные медэкспертизы, совершенно невозможно себе представить, чтобы женщина такого общественного положения стала бы, находясь в здравом уме, красть совершенно одинаковые предметы в количестве двух-трёх штук. В числе похищенного, если мне не изменяет память, были четыре решёточки для тостов. Среди вещей, упакованных в её саквояже, обнаружили крошечные серебряные вещицы с гостиничной маркировкой.

Наверняка никто не станет оспаривать тот факт, что существуют по крайней мере некоторые основания для того, чтобы усомниться в способности этой женщины нести моральную ответственность за свои поступки. Так пусть же сомнения эти заставят нас быть чуть милостивее к той, чья принадлежность к слабому полу и положение гостьи нашей страны вдвойне требуют снисхождения. Эту женщину следовало бы препроводить не в тюрьму, а в приёмную доктора.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Грейсвуд-Бичез», Хаслмир

7 ноября

«Сэтердей ревью»

2 января 1897 г.

ПОСЛЕДНИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЗУС ДОКТОРА А.КОНАН-ДОЙЛЯ (1)

Милостивый государь!

Я вижу, в представлении о том, как выглядел денди начала этого века, мы с Максом Беербомом расходимся радикальным образом. Каждый имеет право включиться в спор, и если мой оппонент возжаждал составить собственное описание модника того времени, остаётся лишь пожелать ему заслуженного успеха.

Между тем надеюсь, что Вы позволите мне обратить внимание Вашего читателя на некоторые исторические и социальные неточности, допущенные в этой его небольшой статье.

Мистер Беербом выказал по отношению ко мне особую суровость за то, что я не привёл описание внешности Питта-сына. Я, однако, не видел в том ни малейшей необходимости, ведь младший Питт (если не считать упоминания о нём в одном из разговоров) в книге не фигурирует. Желая исправить мою оплошность, мистер Беербом приводит точное, как он утверждает, и всем хорошо известное описание, сделанное Теккереем. Действительно, описание Теккереем хорошо известно – всем, кроме, судя по всему, самого мистера Беербома, поскольку к че-

ловеку, о котором идёт речь, оно не имеет никакого отношения.

«Ужасная фигура в инвалидной коляске, – пишет Теккерей, – безжизненно-бледное лицо, напудренный парик, римский нос... Вот он, величайший из завсегдатаев Палаты общин!»

Как можно было вообразить, будто речь тут идёт о Питте-сыне, если тот никогда не передвигался в инвалидной коляске, не носил париков и уж наверняка не мог похвастаться римским носом? Это же описание Питта-отца, впоследствии графа Четхэма. Перепутать двух Питтов, может быть, и простительно, но что скажем мы о неспособности распознать то явное, что содержит в себе сама цитата? Хотелось бы надеяться, что мистер Беербом действительно не станет «молоть вздор» по поводу обсуждаемой нами эпохи, – во всяком случае, до тех пор, пока не прочтёт о ней что-либо более существенное, нежели пусть и живой, но во многом неточный очерк д'Орвилли.

Встречая в тексте описание денди, стоявшего, сунув большой палец под мышку, мистер Беербом тут же исполняется насмешливого презрения. При этом о Брюммеле автор статьи пишет в таком тоне, который позволяет предположить, будто он хоть что-то знает об этом человеке. Что ж, в таком случае ему должно быть хорошо известно, что описанная поза как раз и была для Брюммеля весьма характерна. Именно так стоящим изображали его в своих зарисовках многие современники. Любому студенту тут же придёт на ум фронтиспис ко второму тому мемуаров Гроноу. Там Брюммель стоит именно так, как не мог бы, по Максу Беербому, стоять стилига того времени: сунув большой палец под мышку.

Упоминает мистер Беербом и «некогда распространённую, но давно осмеянную сказку» о том, как «регенту запретили участвовать в скачках». После приведённых примеров, характеризующих степень приверженности мистера Беербома исторической точности, голословное утверждение о том, что этот эпизод – не более чем сказка, удовлетворить нас уже никак не может. Тем более что даже упомянуть о нём он не в состоянии, не допустив ошибки: происшествие, о котором идёт речь, имело место в 1791 году – за двадцать лет до того, как Георг сделался регентом.

Действительно, принц Уэльсский не был тогда назван по имени – такую дерзость не могла себе позволить даже автокра-

тичная верхушка Жокейского клуба, – но его жокей, Сэм Чифней, был дисквалифицирован, что в конечном итоге имело тот же смысл. С рассказом о том самого Чифнея можно познакомиться, прочтя его небольшой памфлет под названием «Истинный гений».

Мистер Беербом утверждает, что принц никак не мог быть курносым. Тут ему предстоит поспорить скорее с художником Лоуренсом, изобразившим его таковым.

Суть комментария мистера Беербоба к обрисованной мной картине того времени сводится к мысли о том, что я, владея, возможно, фактической информацией, не сумел уловить дух времени. Не могу сказать об оппоненте противоположное; в своей попытке «уловить» отдельные факты он оказался далёк от успеха.

Мистер Беербом вправе разглагольствовать о моих «домашних манерах» и очках в золотой оправе, не боясь ошибиться; о нравах недавнего прошлого он, однако, не имеет ни малейшего представления.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Пэлл-Мэлл

«Сэттердей ревью»
9 января 1897 г.

ПОСЛЕДНИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЗУС ДОКТОРА А.КОНАН-ДОЙЛЯ (2)

Сэр! Я вижу, спасти положение может лишь ряд уступок с моей стороны мистеру Беербому. Если он ими удовлетворится, то я – тем более. Не могу мысленно не поаплодировать его выводу о том, что поскольку в какой-то момент своей жизни Георг носил звание регента, вполне позволительно нам будет именовать так его и впредь. Полагаю, следуя логике этого аргумента, любую историческую личность удобнее всего было бы называть просто «младенцем» – это избавило бы нас от многих сложностей.

«Грейсвуд-Бичез», Хаслмир
4 января 1897г.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ЭТИКЕТЕ

Милостивый государь!

Кипплингу, написавшему «Recessional», не пришлось публично разглагольствовать о том, что сам он думает по поводу этого стихотворения, или делиться воспоминаниями о том, как он его написал. Барри, создавшему прекрасное произведение, «Маргарет Огилви», также не было нужды давать пространные интервью, рекламирующие книгу до её появления. Величие литературы как таковой – вот что служит единственной рекомендацией для разборчивого читателя; информацию же о конкретных достоинствах той или иной работы доводят до сведения широкой публики самые обычные рекламные агентства.

На правах коллеги-литератора я хотел бы убедительно попросить мистера Голла Кейна следовать тем же принципам. Действительно ли это его произведение – самое лучшее, каждый читатель должен решить самостоятельно. Лично я высокого мнения о некоторых его аспектах, но это уже выходит за рамки обсуждаемого нами вопроса.

Судя по всему, мистер Кейн так и не сумел до сих пор осознать, что в каждом цехе высокой профессии – юридическом и медицинском, военном и литературном – существуют определённые неписанные законы, джентльменский этикет, коими связаны все, но в наибольшей степени – мастера, претендующие на ведущее место в общем ряду.

Если пользующиеся успехом авторы будут с помощью прессы рекламировать продукт собственного труда, дабы подстегнуть интерес к книге прежде, чем она попадёт в руки к литературным критикам, подающая надежды литературная молодёжь решит естественным образом, что реклама есть непосредственная причина успеха, и примет на вооружение ту же тактику, снизив уровень всей системы ценностей нашей профессии.

Книга Голла Кейна ещё не вышла в свет (и я пожелаю ей после появления всевозможных успехов), но, мне кажется, представитель нашей профессии должен испытывать унижение, ви-

дя, как в каждой газете читатель встречает бесконечные рассказы автора о грандиозной задаче, взваленной им на свои плечи, и о колоссальной работе, доведённой наконец до завершения, – с подробным описанием различных этапов творчества, не говоря уже о неисчислимых трудностях, которые пришлось ему преодолеть. Глядя на всё это со стороны, мистер Кейн и сам бы наверняка отметил, что подобные вещи автор о себе говорить не должен – самореклама такого рода смешна и в чём-то даже оскорбительна. Но ведь таким образом мистер Кейн возвещает о каждой своей новой книге.

Все эти саморекламные интриги унижают литературу, и прошло время каждому уважающему себя человеку осудить их, но не в силу каких-то личных причин, а просто потому что именно на нас лежит обязанность хранить славные традиции, полученные по наследству от великих предшественников.

Подобные вопросы литературной этики предпочтительнее было бы оставить критикам, но каждое профессиональное сообщество должно стоять на страже собственной чести; если мы сами не восстановим этические нормы в своей среде, вряд ли стоит ожидать, что за нас это сделает литературная критика. Дисциплина в любом уважающем себя профессиональном цехе должна устанавливаться изнутри и вследствие лишь внешнего давления возникнуть не может. Дисциплина эта в последние годы, как ни печально, ослабла, и некоторые из нас выражают надежду, что этим займётся наконец Писательское общество – по примеру юридических и медицинских организаций, обязующих своих членов следовать профессиональному этикету самого высокого уровня. В данный момент нам остаётся лишь выразить протест, не более того.

Я не подписываю это письмо, потому что не желаю придавать характер личной склоки обсуждению темы, которая представляется мне самой общей, но чтобы не оказаться в роли злостного анонима – прилагаю карточку, которую редакция может отправить мистеру Голлу Кейну, если он того пожелает.

Искренне Ваш

Английский писатель.

Писательский клуб, 7 августа

«Таймс»
20 октября 1897 г.

ЮБИЛЕЙ НЕЛЬСОНА (1)

Милостивый государь!

Позвольте мне на страницах Вашей газеты выразить следующее мнение: Морская Лига могла бы объединить общественное мнение и устранить все поводы для возражений, если бы перенесла ежегодные празднования на день рождения Нельсона 29 сентября, отказавшись отмечать дату его гибели у Трафальгара. В противном случае мы, как бы ни оправдывали свои мотивы, наносим оскорбление соседним странам.

Возьмись французы ежегодно чествовать маршала Сакса в день победы при Фонтенуа, никакие объяснения не могли бы избавить нас от ощущения уязвлённого национального достоинства. Торжествовать над поверженным врагом – это не по-английски, да и просто неблагородно. Выбрав же в качестве праздничной даты день рождения Нельсона, Лига смогла бы достичь поставленных целей, одновременно лишив противников всех аргументов.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Отель «Морлей'с»

Трафальгарская площадь, Лондон

«Таймс»
23 октября 1897 г.

ЮБИЛЕЙ НЕЛЬСОНА (2)

Сэр!

Сожалея о невозможности сойтись во мнении с адмиралом Гамильтоном и другими джентльменами, отреагировавшими на моё письмо, я всё же считаю, что, выбрав в качестве национального праздника день рождения Нельсона, мы проявили бы больше такта, чем если бы стали ежегодно праздновать победу над двумя дружественными соседними странами.

Мне кажется, вопрос совершенно не в том, следует ли французам обижаться на этот счёт. Приходится признать – факт этот в полной мере подтверждён комментариями французской прессы, – что Франция не в восторге от решения Лиги; впрочем, это чувство познали бы и мы, оказавшись на её месте.

Если существует ни для кого не обидный путь к достижению двух целей: возможности отдать дань памяти нашему герою и повышения общественного интереса к делам Военно-Морского флота, – так ли уж необходимо выбирать провокационный метод? «Не бей лежачего», – требует от нас старый британский обычай. Празднование даты, которая нашим недавним противникам представляется днём катастрофы, нарушает это правило.

При всём своём сочувствии к общим задачам Морской Лиги, хотел бы напомнить исполненные высокого благородства слова, произнесённые лордом Роузбери в Стерлинге, о том, что Британия оставила за спиной у себя так много побед, что не имеет больше ни времени, ни ресурсов памяти, чтобы теперь все их праздновать.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Пэлл-Мэлл
22 октября

«Дэйли кроникл»
16 мая 1899 г.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (1)

Сэр! Вы не раз великодушно предоставляли мне свои страницы, когда у меня появлялся случай коснуться предмета, имеющего отношение к общим интересам литературы нашей страны. Позвольте мне вновь привлечь общественное внимание к явлению, которое представляется мне вопиющим безобразием, и пригласить собратьев по перу к обсуждению этого вопроса.

Речь идёт о публикации одним критиком нескольких рецензий на ту или иную книгу в разных изданиях, так что у непосвя-

щённого может возникнуть впечатление, будто в печати поднялась буря восхищения или, наоборот, негодования, хотя на самом деле при ближайшем рассмотрении оказывается, что взбаламучена таковая одним человеком.

Я отдаю себе отчёт в том, что эта тема уже обсуждалась. Однако из года в год порочная практика анонимной критики нарастает, и дело, как мне представляется, достигло той точки, когда необходимо искать средство против этого недуга.

Не имея никакого желания опускаться до выяснения личных отношений, я тем не менее вряд ли смогу достаточно убедительно изложить свою точку зрения вне конкретного примера, рассмотреть который я постараюсь в как можно более корректной форме.

У нас есть великолепный, очень полезный ежемесячник «Букмен», на страницах которого его редактор, известный критик, имеет возможность и естественное право высказываться по поводу той или иной книги. Тот же самый редактор посылает – или, во всяком случае, посылал до последнего времени – статьи в нью-йоркский «Букмен», тем самым формируя общественное мнение по обе стороны Атлантики. В обоих случаях, как мне представляется, он не нарушает правил игры и действует совершенно законно.

Есть у нас другой хорошо известный журнал – еженедельник «Бритиш уикли», – а редактирует его всё тот же джентльмен. Это издание представляет собой главный оплот литературного неконформизма. Здесь наш критик получает возможность вновь отрецензировать всё ту же книгу, и этой возможностью пользуется. Все эти статьи анонимны, и у широкой публики нет оснований заподозрить между ними какую-то связь. Общественность воспринимает их как совершенно независимые авторитетные суждения.

В том же еженедельнике есть две колонки литературных комментариев, авторы которых подписываются соответственно «Клаудиус Клиар» и «Человек из Кента». Надёжный источник сообщил мне, что за обоими псевдонимами скрывается личность всё того же критика, уже имевшего возможность высказаться в трёх иных ипостасях. Достаточно потянуть одновременно за все эти верёвочки, чтобы создать ощущение, будто в прессе царит чудесное единодушие. Однако ниточками этими управляет одна пара рук.

Оторвав взор от серьёзных изданий и обратив его к более фривольному «Скетчу», мы наткнёмся здесь на колонку литературной критики, автор которой подписывается «О.О.». Невероятно, но мнение «О.О.» – это мнение «Клаудиуса Клиара», «Человека из Кента», критика двух «Букменов», английского и американского, а также «Бритиш уикли». И это, осмелюсь утверждать, уже нечестная игра. Если я добавлю к сказанному, что тот же критик нередко выражает своё анонимное мнение в колонке одной ежедневной газеты, таким образом добавляя к уже имеющимся шестой рычаг воздействия на общественное мнение, станет ясно: пришло время выразить протест по данному поводу.

Выбранный мной пример – не единственный (хоть и наверняка самый вопиющий): есть и другие группы изданий, выражающих мнение одного человека. Любая пара подобных групп, заключив между собой союз, способна оказать на публику такое давление, которое может легко предрешить судьбу книги. Вряд ли будет преувеличением, если я скажу, что вследствие этого собственность авторов и книгоиздателей попадает в зависимость от воли очень небольшой кучки людей. Четверо или пятеро таких рецензентов способны монополизировать всю литературную критику Лондона, так что ни один дебютант не сумеет пробиться к читателю без их санкции. Я утверждаю, что такое положение дел недопустимо.

Вопрос состоит лишь в том, какие средства имеются в нашем распоряжении, чтобы прекратить это безобразие. Не исключено, что само по себе обнаружение этих фактов и последующая свободная дискуссия помогут в какой-то мере изменить ситуацию. Кроме того, стоило бы, наверное, воззвать к здравому смыслу главных редакторов и спросить их: разве не вправе мы ожидать, что мнение, высказываемое на страницах газеты, принадлежит самой газете, а не доносится отголоском из другого издания?

На самый крайний случай у нас имеется решающее средство, с помощью которого можно было бы восстановить правила честной игры. Это мощное оружие, и я воздержался бы от призыва к его использованию, если бы того не требовали высшие интересы литературы. Авторы и издатели выработали правила, регулирующие публикацию рекламы, а литературные издания зависят от неё напрямую. Группа авторов, которая решила бы воспрепятст-

воватъ продолженію этого лицедейства подъ множествомъ масокъ, могла бы легко – действуя какъ независимо, такъ и черезъ Писательское общество – положить конецъ этой порочной системѣ.

Хотелъ бы подчеркнуть въ заключеніе, что осуждаю не негативную критику какъ таковую. Её намъ какъ разъ не хватаетъ; другое дело, что это оружіе применяется временами неправильно.

Я выступаю противъ системы, позволяющей одному человеку писать по нѣскольку критическихъ статей, выдавая ихъ за мнѣнія разныхъ авторовъ. Система эта, какъ мнѣ представляется, таитъ въ себѣ величайшую опасность для британской литературы.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клубъ», Пэлл-Мэлл

«Дэйли крониклъ»

16 мая 1899 г.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (2)

Милостивый государь!

Изъ текста моего письма, опубликованнаго Вами, выпала одна фраза (произошло это, несомненно, случайно, поскольку гранки были мною сверены), изъ-за чего аргументы его были ослаблены, а смыслъ – искажѣн. Действительно, серьёзная опасность состоитъ въ томъ, что публикации такого рода могутъ не имѣть ровно ничего общаго съ честной литературной критикой; не исключено, что авторъ ихъ – неважно, сознательно или нѣтъ – руководствуется исключительно собственными финансовыми интересами. Критикъ, обладающій талантомъ многоголосія и многочисленными псевдонимами, можетъ быть материально заинтересованъ въ успехѣ рецензируемой имъ книги – вотъ въ чёмъ, на мой взглядъ, состоитъ вопиющее безобразіе.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (3)

Сэр! Заявления доктора Николла заставили меня безоговорочно поверить в то, что он действительно никогда не использовал, прямо или косвенно, своё очень влиятельное положение в прессе (или той её части, что ведаёт литературной критикой) для достижения каких-то личных или коммерческих целей. Скажу больше: после его опровержения я сожалею, что позволил себе – пусть даже в самой сдержанной форме – предположить такую возможность.

Всё это, однако, может послужить по крайней мере одной доброй цели: доктор Николл, несомненно, и сам осудит порочность существующей системы (при которой джентльмен, обладающий целым рядом возможностей воздействия на общественное мнение, состоит на оплачиваемой должности в издательском доме), хотя бы потому, что именно она послужила причиной для столь несправедливых с моей стороны подозрений. Могу заверить доктора Николла, что оказал ему услугу, позволив положить конец спекуляциям такого рода. Хотел бы закончить тем, с чего начал: а именно, с утверждения о недопустимости ситуации, когда несколько статей об одной книге (некоторые из которых подписаны так, некоторые – эдак, а прочие не подписаны вообще) выражают мнение одногоединственного человека. Думаю, доктор Николл всё же осуществлял такого рода давление на общественное мнение, тем более что и сам он в основном не стал оспаривать приведённые мною факты.

Мистер Буллок утверждает, что существуют ещё более порочные газетные группировки. Вполне возможно. Пусть же он назовёт их, как сделал это я, и сослужит таким образом добрую службу интересам литературы.

Что же до литературного уровня моих собственных книг, то при очевидной плачевности одного, должен заметить, что именно о нём речи у нас не идёт. Под молью побитой поговоркой, которую приводит доктор Николл, я подписываюсь всей душой.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Пэлл-Мэлл

«Таймс»
18 декабря 1899 г.

ВОЙНА И ДОБРОВОЛЬЦЫ

Сэр!

Со всех сторон слышны призывы отправить к месту ведения боевых действий побольше граждан британских колоний. Но можем ли мы восполнить таким образом недостаток военных кадров, если наши собственные граждане не отправляются на фронт?

В Великобритании избыток мужчин, которые способны стрелять и ездить верхом. Предлагаю хотя бы составить для всех открытые списки, куда каждый желающий отправиться на войну мог бы внести своё имя, – имея в виду, разумеется, что предпочтение будет отдано тем, кто способен взять с собой и коня. Тысячи мужчин скачут сегодня за лисицами и палят в фазанов; конечно же, они с радостью послужили бы своей стране, предоставь им такую возможность.

Эта война наконец-то заставила нас признать простую истину: чтобы стать солдатом, достаточно иметь всего лишь храброе сердце и современную винтовку.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Таймс»
22 февраля 1900 г.

ВОЕННОЕ ВЕДОМСТВО И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Сэр! В свете предстоящей реформы военного ведомства хотел бы обратить внимание на один его департамент, который, я убеждён, должен быть полностью реорганизован или, правильнее было бы сказать, организован, поскольку никакой организованности там нет и в помине.

Я имею в виду отдел, занимающийся рассмотрением военных

изобретений. Мне и прежде приходилось слышать о прохладном приёме, который встречают здесь изобретатели. Получив возможность убедиться в этом самостоятельно, я считаю своим общественным долгом поделиться своими впечатлениями.

Задача, которую я попытался решить, состоит в достижении точности (или хотя бы примерной точности) попадания при ведении так называемого «падающего» огня – стрельбе под высоким углом. Мне представляется неоспоримым тот факт, что в будущем все военные действия будут вестись войсками, защищёнными в окопах или каких-либо иных укрытиях. В ходе продолжающейся войны нашим солдатам редко выпадает возможность увидеть бугор. Прямой огонь в таких условиях почти бесполезен. В лучшем случае противник может приоткрыть лишь часть лица и руки. Не ведя огонь, он остаётся совершенно скрыт из виду. В таких условиях вести стрельбу (если, конечно, речь не идёт об очень близких расстояниях) – значит попросту тратить боеприпасы. Человек в окопе или за камнем оказывается уязвим только с одной стороны – сверху. Предположим, мы обрушили на вражескую позицию настоящий град пуль: в таком случае вероятность случайного попадания возрастает – противник открыт, в то время как при ведении прямого огня случайной пулей может быть поражена живая площадь не более чем в несколько квадратных дюймов. Ни окопы, ни укрытия тут не помогут. В пределах ограниченной местности само существование человеческой жизни можно сделать совершенно невозможным. При таком методе обстрела поражается не отдельный солдат, а вся позиция (скажем, горный кряж или копи), занятая противником.

Поясню свою мысль примером. Допустим, противник закрепился на холме, заняв площадь в тысячу на сто ярдов. Если мы обрушим сюда 100 000 пуль, то в среднем на квадратный ярд придётся по пуле. Но 100 000 пуль – сущий пустяк: это всего лишь содержимое магазинов десяти тысяч стрелков. Можно представить себе, сколь уязвимой окажется эта позиция, если нам удастся при ведении огня таким методом добиться той или иной степени точности. Однако в настоящее время не существует средства, с помощью которого можно было бы контролировать точность поражения цели. Попросите лучшего снайпера

британской армии, чтобы тот заставил пулю упасть вертикально вниз на холм в пятистах ярдах, и он, беспомощно поглядев на винтовку, вынужден будет признать, что не в состоянии выполнить подобную просьбу. Наверное, он поднимет винтовку и под углом разрядит её в воздух, но сделает это вслепую, а потому поразит какую-то местность вдалеке от цели и не сможет скорректировать ошибку, просто потому, что не узнает, куда именно упала пуля.

Я провёл эксперименты с небольшим, простым и экономичным устройством, которое, будучи прикреплено к винтовке, позволит стрелку точно определить угол подъёма ствола, чтобы пуля опустилась вертикально вниз и поразила цель, находящуюся на определённом от него расстоянии. Это устройство будет лёгким и дешёвым (стоимостью всего около шиллинга); оно займёт немного места и не станет мешать обзору. При этом оружие может быть использовано для ведения как прямого, так и «падающего» огня по распоряжению офицера.

Убедившись в основательности собственного предложения, я, естественно, захотел, чтобы оно тут же было рассмотрено и в случае одобрения использовано в войсках. Поэтому, письменно обрисовав идею, я связался с военным ведомством, и моё письмо было должным образом переправлено генеральному директору отдела артиллерии. Только что я получил его ответ:

«Военное ведомство, 16 февраля 1900 года.

Сэр! В отношении Вашего письма, касающегося устройства для перевода винтовки в режим «падающего» огня, я уполномочен Государственным секретарём военного министерства проинформировать Вас о том, что он не станет беспокоить Вас по данному вопросу.

Остаюсь, сэр, Вашим преданным слугой (подпись неразборчива). Генеральный директор отдела артиллерии».

Итак, сэр, моё изобретение, возможно, полнейший вздор, а возможно, событие исторического масштаба; в любом случае мне не предоставили возможности ни объяснить его суть, ни продемонстрировать принцип действия. Может быть, нечто подобное уже испытывалось, и идея потерпела фиаско; если так, почему бы не проинформировать меня об этом?

Я показывал устройство солдатам действующей армии,

один из которых всё ещё залечивал пулевое ранение ноги выстрелом из «маузера», – и все они сошлись на том, что моя идея основательна и применима на практике. И тем не менее я не имею возможности быть выслушанным. Если каждый, кто пытается внести какое-либо усовершенствование в систему вооружения нашей страны, встречает такой же радушный приём, какой выпал на мою долю, не стоит удивляться тому, что свои самые последние изобретения мы обнаруживаем в руках наших противников задолго до того, как сами получаем возможность ими воспользоваться.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб», 19 февраля

«Вестминстер газетт»
26 февраля 1900 г.

МИСТЕР КОНАН-ДОЙЛЬ И ВЕДЕНИЕ ОБСТРЕЛА ПОД ВЫСОКИМ УГЛОМ

Сэр! Только что я обратил внимание на интервью в «Вестминстер газетт», касающееся моей неудачной попытки вынудить военное ведомство ознакомиться с моими взглядами относительно метода обстрела под высоким углом и рассмотреть средства, которыми я предлагаю осуществлять его регулировку.

Капитан Кэньон, как я заметил, утверждает, будто я получил три письма по этому вопросу, из которых привёл лишь последнее. Он добавляет, что именно таким был бы официальный ответ, если бы вопрос был поднят в Палате. Полагаю, что это не так, поскольку заявление капитана Кэньона от начала и до конца ошибочно.

Из отдела артиллерии я получил два письма по обсуждаемому вопросу и опубликовал первое. Я не стал воспроизводить текст второго, поскольку он полностью повторял предшествующий, с той лишь разницей, что после слов: «...не станет беспокоить Вас по данному вопросу» было добавлено: «поскольку при-

менение этого метода обстрела не представляется желательным». Таким образом, я получил два письма, которые являются в сущности двумя копиями одного ответа. Где же они, эти три письма, которые, как здесь утверждается, были мне отправлены?

«Вестминстер газетт» искажает мои слова, утверждая, будто я заявил об успехе своей идеи. Напротив, я готов признать, что допустил ошибку. Другое дело, что сам принцип верен – просто детали нуждаются в более тщательном рассмотрении. Применимы этот метод обстрела (заранее заручившись той или иной степенью точности), отряд Кронье, окружённый на замкнутом участке силами численностью в 20 тысяч человек с винтовками Ли-Метфорда, ни при каких условиях не смог бы выдержать осаду. Каждый квадратный ярд его позиции был бы покрыт падающим огнём, и бурам оставалось бы разве что вырыть себе по норе, чтобы укрыться от прямого попадания сверху.

Что касается утверждения капитана Кэньона о том, что ветер может помешать такому ведению огня и даже сделать его опасным для стреляющих, то оно совершенно справедливо. Но я и не предлагал снимать у винтовок обычный прицел; падающий обстрел не должен будет использоваться при неблагоприятных погодных условиях. Большую точность мог бы, конечно, обеспечить специальный патрон с утяжелённой пулей и меньшим количеством кордита. Высота, на которую поднимается пуля, выпущенная из обычного патрона, такова, что с момента выстрела и до её падения на землю проходит 55 секунд.

Капитан Кэньон наверняка будет утверждать, что отправленные его кабинетом письма выдержаны в стандартной форме, но я – не только от своего имени, но и от имени всех, кто пытается таким же образом помочь своей стране, – протестую как раз против её оскорбительной краткости.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб»

ЭПИДЕМИЯ БРЮШНОГО ТИФА В БЛУМФОНТЕЙНЕ

Сэр! Вы выразили весьма благосклонное пожелание, чтобы я после отъезда из Англии отправил Вам заметки по любому поводу, какой только покажется мне достаточно важным. До сих пор загруженность мешала мне выполнить эту просьбу, и даже эти комментарии наверняка покажутся Вам поверхностными.

Когда придёт время и нация вернёт наконец долг благодарности людям, которые отдали себя этой войне, боюсь, почти наверняка обделёнными вниманием останутся те, на чью долю выпала самая тяжёлая и вместе с тем важная работа. Прежде всего, это – комиссариат, железнодорожники и полевые санитары. Существенная роль двух первых групп сомнению не подлежит: без провизии и железных дорог на войне не обойтись. Однако куда более опасная и трудная доля выпала третьей группе людей.

Вспышка эпидемии брюшного тифа в наших южноафриканских подразделениях явилась бедствием, масштабы которого невозможно было ни предвидеть, ни даже в полной мере оценить. Естественно, пока шла война, мы старались не придавать особого значения этой проблеме. Но эпидемия была ужасна, и причинила она огромный ущерб, как на количественном, так и на качественном уровнях. Об эпидемиях подобных масштабов в ходе современных войн мне до сих пор слышать не приходилось. Я не имел доступа к официальной статистике, но знаю, что только в течение одного месяца с тифом – этой самой изнуряющей и продолжительной лихорадкой – слегло от 10 до 12 тысяч человек. Был месяц, когда 600 человек были похоронены на блумфонтейнском кладбище. И день, когда только в этом городе скончались 40 человек. Эти факты, получи они в своё время широкую огласку, позволили бы Претории ужесточить сопротивление. Говорить об этом стало возможно только сейчас, когда худшее позади.

Что же помогло нам преодолеть этот непредвиденный и беспрецедентный кризис? Прежде всего – самоотверженный труд

врачей и преданность санитаров своему делу. Когда департамент сталкивается с задачей, требующей в четыре раза больше людей, чем имеется в распоряжении, решить её можно только одним путём – заставить каждого работать за четверых. Благодаря этому кризис и был разрешён. В некоторых госпиталях санитары дежурили по 36 часов в течение двух суток; обо всех ужасах, связанных с теми обязанностями, что приходилось им выполнять, лучше меня расскажут те, кому пришлось пережить эту болезнь.

Санитар, как известно, – не самый живописный персонаж военного времени. Скромному служащему, скажем, госпиталя Св.Иоанна, штат которого набирался из числа рабочих одного северного города, всегда было далеко до подтянутого, холёного армейского фата, а сейчас он и вовсе пришёл в плачевное состояние. Усталые, осунувшиеся лица, заношенная форма цвета хаки (которой в Англии, надеюсь, мы никогда не увидим – хотя бы в интересах общественного здоровья) не источают лучей боевой славы. И тем не менее эти люди – истинные патриоты: многие из них, взяв на себя этот изнурительный труд, значительно проиграли в заработке, а взамен обрели лишь смертельную опасность, которой в течение 12 часов они подвергаются не меньше, чем скаут, пробирающийся к вражескому *копье**, или артиллерист под обстрелом «пом-пома».

О нашем конкретном случае хотел бы рассказать языком цифр. Замечу лишь, что не могу утверждать, будто мы тут находимся в худшем положении, чем остальные. В штате у нас трое врачей: мистер Гиббс, мистер Шарлиб и я. Начинали четверо, но один покинул нас уже в самом начале. У нас 6 медсестёр, 5 хирургических сестёр, начальник палаты, 1 прачка и 18 санитаров – всего 32 человека, которым приходится так или иначе вступать в контакт с больными. Из 6 сестёр одна умерла, три других слегли с тифом. Начальник палаты полмесяца пролежал со степной язвой. Тиф у прачки. Из 18 санитаров один умер, 8 других больны. Так что из строя вышли 17 человек – 50 процентов, и это только в течение 9 недель. Двое мертвы, а остальные утратили трудоспособность до конца кампании: тот, чьё сердце «прогре-

* *корје* (бурск. от голл. *kor* – «холм») – небольшой холм в Южной Африке (П.Г.).

лось» до температуры 40 градусов, в течение трёх месяцев не сможет выполнять тяжёлую работу. Интересно, сколько человек останется от нашего первого состава, если война продлится ещё девять недель. Когда скауты и лансеры вместе с другими наряженными героями двинутся по Лондону парадом, вспомните же об измождённом санитаре – он ведь тоже отдал стране все свои силы. Он не писанный красавец – в тифозных палатах вы таких не найдёте, – но там, где необходимы кропотливая работа и тихое мужество, равных ему нет во всей нашей доблестной армии.

Мы допустили один промах, который, надеюсь, в следующих военных кампаниях не повторится: не сделали обязательными прививки от тифа. Таким образом армия смогла бы избежать многих проблем. Вопрос этот будет, несомненно, рассмотрен ещё с привлечением статистики, но могу сказать, руководствуясь собственным опытом: прививка если и не защищает от тифа на все сто процентов, то значительно облегчает течение болезни. До сих пор среди привитых у нас не было (*absit omen*) ни одного летального исхода, и не раз мы догадывались о том, что больной получил прививку по температурному графику прежде, чем сам он успевал нам о том сказать. В нашем штате из привитых заболел лишь один, и болезнь он перенёс намного легче, чем остальные.

Что же касается мужества и терпения, которые демонстрируют в госпитале наши солдаты, то их трудно описать словами. Через наши руки прошли полсотни больных, а это немалый опыт. Мне всегда представлялось, что в любой крупной армии не обойтись без какого-то малого числа «сачков» и трутней, но в наших южноафриканских подразделениях таковые совершенно отсутствуют. Я в своих палатах столкнулся лишь с парой случаев, заставивших меня заподозрить симуляцию; о том же говорят и мои коллеги. Все здесь одинаково терпеливы, послушны и жизнерадостны – а главное, полны неуёмного желания «добраться до Претории». Даже бред их отмечен доблестью – потому что все, как один, здесь бредят о кресте королевы Виктории. Однажды я зашёл в палату и увидел, что пациент шарит у себя под подушкой: оказывается, он потерял там «свои два викторианских креста»! И заботятся они друг о друге очень трогательно. Дружеские узы, объединяющие фронтовиков, священны. Как-то раз в

палату мистера Гиббса был доставлен солдат с тремя пулевыми ранениями. Я поддержал его товарища с простреленной ногой, ковылявшего следом. «Мне нужно быть рядом с Джимом, – сказал он. – Я за ним присматривать должен». Ему и в голову не пришло, что позаботиться он должен прежде всего о себе.

Должен заметить, что те, кто оборудовал частные госпитали, нашли своим денежным средствам самое достойное применение. Офицеры из военно-медицинского ведомства откровенно признают, что без последних не знали бы, что и делать. Частные госпитали появились здесь как раз вовремя, когда масштабы заболевания стали уже вызывать тревогу, и взяли на себя значительную долю нагрузки. Если крупные медицинские центры не смогли сразу включиться в работу из-за транспортных перегрузок, помешавших перевозке их громоздкого оборудования, то их более мобильные частные собратья приступили к делу почти немедленно после прибытия. Нагрузки были огромны. Наш госпиталь, оборудование и штат которого были рассчитаны на 100 человек, сразу разместил 150 жертв паардебургского вируса и вынужден был затем по мере сил справляться с задачей. Все приступили к работе, и даже неквалифицированные санитары не жаловались на огромные перегрузки. Без йоменов, портлендцев, ирландцев, шотландцев, валлийцев и других госпитальных «частников», задействовавших добровольцев, трудно представить, как мы сумели бы побороть эпидемию.

Несомненно, после окончания войны военно-медицинскому ведомству не избежать критики: лицом к лицу с трудной ситуацией оно оказалось, имея в своём распоряжении неадекватные ресурсы, из-за которых сбои в работе сделались неизбежны. Придирчивый критик легко приведёт в пример госпиталь, в котором не хватало персонала, или расскажет о тяготах, которые выпали на долю больных и раненых. Но чего ещё можно было ждать от ведомства, предназначенного для обслуживания двух армий, если ему пришлось иметь дело с 200 тысячами военнослужащих, среди которых разразилась эпидемия тифа? В целом ведомство работало хорошо и организованно, решив в конечном итоге все непредвиденные проблемы.

Боюсь, медицинская статистика этой кампании окажется искажена из-за вошедшего в обиход туманного и ненаучного тер-

мина «обычная продолжительная лихорадка», часто мелькающего в военных сводках. «Степная» или «лагерная» лихорадка – также распространённый диагноз. Думаю, медики уже сошлись во мнении, что почти всё это – случаи заболевания брюшным тифом той или иной степени тяжести. Наш старший хирург, мистер Гиббс, в нескольких случаях, когда имелись отклонения от привычной картины, провёл пост-мортем*, и всё равно обнаружил характерные для тифа язвы.

А. Конан-Дойль

Госпиталь «Лангман»

Южно-Африканские полевые войска,

Блумфонтейн, 5 июня 1900 г.

«Эдинбург ивнинг диспэтч»

26 сентября 1900 г.

К ИЗБИРАТЕЛЯМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭДИНБУРГА

Джентльмены!

Я обращаюсь к вам с просьбой поддержать мою кандидатуру и отдать мне свои голоса не как посторонний. В этом городе я провёл своё детство. Тут я учился в университете и получил диплом. Я многим обязан старому городу и был бы безмерно горд получить возможность представлять интересы его граждан в Парламенте.

Обстоятельства, при которых проходят настоящие выборы, можно назвать исключительными. Все вопросы стали второстепенными в сравнении с главным – этой ужасной затянувшейся войной, которая потребовала от народа неисчислимых жертв и многих из нас заставила одеться в траур. Теперь, наконец, пройдя через многие битвы к победе, мы должны сделать выбор. Или мудрость наших граждан поможет сохранить то, что было добыто мужеством наших воинов, или же в этот последний час величайшая политическая ошибка нанесёт нам непоправимый

* После смерти (*лат.*). Имеется в виду посмертное вскрытие (*Прим. перев.*).

ущерб, обесценив плоды военных успехов. Таков главный вопрос дня, стоящий перед избирателями.

В самом начале этой войны я взял на себя труд создать её полную историю. Работа заставила меня с величайшей тщательностью исследовать все свидетельства и привела к глубокому убеждению в справедливости и необходимости этой борьбы. Затем настал час напряжения всех духовных сил, когда каждый почувствовал необходимость помочь общему делу. Я оказался в Южной Африке и в силу обязанностей побывал как в Блумфонтейне, так и в Претории. Здесь у меня появилась возможность из первых рук получить мнения британцев-ройялистов, африканеров, буров всех мастей и оттенков, британских офицеров и наших же официальных лиц. Я вернулся с очень твёрдыми убеждениями относительно сложившейся ситуации. Главное из них состоит в следующем: окончательное и успешное решение проблемы может быть обеспечено лишь всенародной поддержкой правительства, которое, преодолев многочисленные трудности, довело войну до успешного завершения.

Но проявив хотя бы минутную нерешительность, дав понять, что мы изменили своим целям, мы сыграем на руку врагам и деморализуем граждан больших колоний, проявивших такую верность и поддерживавших нас в этой борьбе. Канада, Австралия и Новая Зеландия отдали общему делу своё золото и свою кровь. Неужели вы не отдадите ему же свои голоса и свой труд? Солдаты выполнили свой долг. Теперь настала наша очередь. Шотландские солдаты проявили чудеса героизма на поле брани; не может быть, чтобы избиратели центрального района шотландской столицы проявили бы к целям этой борьбы безразличие или враждебность.

Джентльмены, многие из вас принесли в жертву этой войне свой домашний уют, семейное счастье, рисковали жизнью. Я прошу ещё лишь об одном: пожертвуйте всеми вопросами, которые кажутся вам насущными, ради самого важного и всеобъемлющего. Наверняка вас интересуют конкретные проблемы — например, пропаганда воздержания или улучшение системы образования; и всё же — не отдавайте свои голоса тем, кто готов ослабить вашу страну в том самом главном вопросе, который как раз и требует себе немедленного решения. Можно ли отдать

судьбу страны в руки партии, одна половина которой обвиняет правительство в нерешительности при ведении боевых действий, а вторая – в том, что оно вообще ввязалось в войну?

В своей социальной политике я буду всегда отстаивать свободу, терпимость и прогресс, следуя традициям великой партии вигов, которая в течение столь долгого времени прочно ассоциировалась с Эдинбургом.

Вновь возвращаясь к вопросу о патриотизме, я должен сказать, что считаю необходимым противостоять любому узколобому или реакционному законодательству и в первую очередь руководствоваться интересами своих избирателей.

Не теряя надежды, что своё решение в день выборов вы примете, исходя из интересов широкой национальной платформы, не позволив мелким вопросам отвлечь вас от главного.

Ваш верный слуга, джентльмены,

А. Конан-Дойль

Дюнард, Грандж-Лоун, Эдинбург
24 сентября 1900 г.

«Дэйли кроникл»
28 сентября 1900 г.

ДОКТОР ДОЙЛЬ И «РЕФОРМ-КЛУБ»

Милостивый государь!

Только что я прочёл опубликованное Вами письмо некоего джентльмена, не удосужившегося подписаться собственным именем, письмо, смысл которого состоит в том, что я будто бы нарушил принципы «Реформ-клуба», выставив свою кандидатуру от либерал-юнионистов и приняв поддержку консервативной части электората.

До сих пор у меня складывалось впечатление, что среди членов «Реформ-клуба» либерал-юнионистов никак не меньше, чем радикалов. Мне, кроме того, ничего не известно о существовании предписаний, которые препятствовали бы им баллотироваться в Парламент и получать поддержку с какой бы то ни было стороны.

Если бы нечто подобное имело здесь место, на что и намекает Ваш корреспондент, я, конечно, безоговорочно согласился бы с решением совета клуба по этому вопросу.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

27 сентября

«Скотсмен»

3 октября 1900 г.

ДОКТОР ДОЙЛЬ И ЕГО РАБОТА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Милостивый государь!

Насколько мне стало известно, во время встречи у сэра Льюиса Мак-Айвора прошлым вечером кто-то заметил, касаясь моей работы в Южной Африке, что я отправился туда «из деловых соображений».

Я никогда не стал бы сам поднимать эту тему, но поскольку такое заявление прозвучало, позвольте мне заявить, что за работу там я не получил ни шиллинга, и считаю, что посвятил её своей стране. Моя поездка не только не принесла мне доходов, но и обошлась в двести фунтов. Неловко обременять читателя этими личными деталями, но не я заговорил об этом первым.

Ваш и т.д.

А. Конан-Дойль

Отель «Олд Уэверли»

«Айриш таймс»

3 октября 1900 г.

ЮЖНЫЙ ОКРУГ ДУБЛИНА

Сэр! Позвольте мне, ирландцу, проживающему за пределами Ирландии, сказать слово о кандидатуре мистера Планкетта и о противодействии, которое ему оказывается. Любому сторонне-

му наблюдателю ясно, что в течение многих лет Ирландия нуждается в центристской партии, свободной от всяких религиозных и политических разногласий, готовой протянуть руку как левым, так и правым, и таким образом дать со временем любому ирландцу (независимо от того, живёт ли он на севере или на юге) возможность почувствовать, что у него есть родина, общая для всех её граждан, которым нет причин разъединяться на два лагеря. Поменьше бы нам религиозного догматизма и политической озлобленности с обеих сторон – тогда, возможно, Ирландия смогла бы объединиться на основе идей национального единства и долга перед Империей.

Создание такой партии представляется мне насущнейшей необходимостью нашей политической жизни. Мистер Горас Планкетт – один из тех, кто в последние годы выступал за её создание: он понимает важность компромиссов, предполагающих, что ирландцы любого вероисповедания должны, отринув мелкие разногласия, взглянуть друг на друга как братья; только в этом случае страна может прийти к миру и процветанию.

Создание организации, которая объединила бы разумных и трезвомыслящих людей, способных живой стеной встать между изуверами-фанатиками с обеих сторон, представляется серьёзной задачей. Будучи кандидатом в Парламент от юнионистов, я тем не менее опечален узколобой нетерпимостью ирландских юнионистов, препятствующих продвижению кандидатуры человека, который более чем кто-либо из ныне живущих ирландских политиков мог бы принести пользу своей стране. Заняв такую позицию, они лишатся поддержки людей, которые, подобно мне, не столько заинтересованы в победе своей фракции, сколько всей душой желали бы видеть Ирландию богатой и счастливой частью Империи, созданной не в последнюю очередь при участии ирландского мужества и ирландского интеллекта.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

ДОКТОР КОНАН-ДОЙЛЬ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Милостивый государь!

Мне пришлось подождать, пока не спадёт ажиотаж вокруг избирательной кампании, прежде чем адресовать Вам это письмо в надежде, что Вы поможете мне таким образом обратиться к избирателям центрального района по поводу недавней предвыборной гонки.

Наверняка те, кто следил за событиями в этом избирательном округе, помнят, как утром в день выборов на стенах появились триста плакатов, утверждавших, будто бы я – папский заговорщик и эмиссар иезуитов, призванный вести подрывную работу среди прихожан-протестантов. Нет сомнения в том, что эти плакаты, встречавшие рабочих, когда те утром шли на работу, нанесли мне значительный ущерб. Если я добавлю, что оказавший решающее влияние на ход выборов плакат не содержит в себе ни слова правды, то станет ясно, что инцидент являет собой пример вопиющего общественного скандала. В самый последний момент, когда не оставалось времени для опровержения с моей стороны, избиратели оказались вдруг под воздействием злобного и клеветнического заявления.

Я никогда не стал бы афишировать свои религиозные взгляды, но тема была поднята настолько недвусмысленно, что теперь этого невозможно избежать. Позвольте мне раз и навсегда прояснить свою позицию.

Я не являюсь последователем Римской католической церкви; более того, не был им со школьной скамьи. В течение двадцати лет я страстно выступал в поддержку полной свободы совести и считаю, что любая заскоруждая догма недопустима и в сущности антирелигиозна, поскольку голословное заявление она ставит, вытесняя логику, во главу угла, чем провоцирует озлобленность в большей степени, нежели любое иное явление общественной жизни. Нет, наверное, ни одной книги, в которой я не пытался бы выразить это своё убеждение; одна из них – «Письма

Старка Монро» – целиком посвящена этой теме.

Если я добавлю, что посещаю в Лондоне церковь мистера Войзи на Своллоу-стрит, то станет очевидно, насколько терпим я в своих религиозных взглядах, основывающихся на почти-тельном теизме, а не на учении той или иной секты. Думаю, самый благоприятный с точки зрения счастья человечества ход развития религиозной мысли в будущем состоит в том, чтобы представители различных вероисповеданий обратили своё внимание на имеющуюся между ними общность вместо того, чтобы делать упор на разделяющие их догматические и ритуальные элементы, к сути христианства не имеющие никакого отношения.

Вот и всё о предмете, к обсуждению которого мне не хотелось бы возвращаться. Мои давние связи с Католической церковью не оставили во мне никаких горьких чувств по отношению к этому глубокоуважаемому институту, в рядах которого состоят самые благочестивые люди из тех, что встречались мне на жизненном пути. Вспоминая собственный опыт недавнего прошлого, я могу достаточно ярко представить себе, каким клеветническим нападкам они подвергаются. Но каждый человек несёт в себе собственные душу и разум; руководствуясь их зовом, он и должен идти вперёд. Этот прямой путь открылся передо мной с той поры, как я оставил позади детские годы.

Таковы мои религиозные убеждения; пусть теперь читатели сами судят, насколько несправедливы были обвинения, использованные в этих оскорбительных плакатах. В высшей степени авторитетные источники проинформировали меня о том, что недавно принятый Закон о противоправных действиях от 1895 года предоставляет мне реальный способ юридического воздействия на нарушителей. Однако, как бы ни наказали теперь человека, несущего ответственность за появление плакатов, ничего этим уже не исправишь. Я предпочёл бы огласить факты в надежде, что это само по себе предотвратит повторение столь вопиющего безобразия.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Лондон
13 октября 1900 г.

ВЫБОРЫ В ЮЖНОМ ДУБЛИНЕ

Сэр! Позвольте мне, человеку ирландского происхождения, живущему за пределами Ирландии, который много сделал для юнионизма в ходе последних выборов, в нескольких словах поделиться впечатлениями от выборов в Южном Дублине.

Главное, в чём нуждается Ирландия (и это необходимое условие улучшения здесь ситуации), – образование центристской партии, которая была бы в равной степени далека от узко-провинциального патриотизма Юга и нетерпимости Севера.

В настоящее время остров остаётся разделённым на два враждующих лагеря; их образуют силы, которые никогда не смогут прийти к соглашению из-за расовых, религиозных и социальных разногласий. Пока дело обстоит таким образом, каждый государственный акт будет разменной картой в игре соперничающих группировок, и трудно надеяться, что законодательные инициативы могли бы улучшить положение дел.

Но самый никудышный путь к примирению – это Гомруль*, потому что тогда под одним потолком весь антагонизм, раздражающий обе стороны, сконцентрируется в мощную силу. Плохо, когда враги потрясают кулаками с разных концов острова, но будет ещё хуже, если они начнут это делать, сидя за одним столом.

Главное, что необходимо для улучшения ситуации, это создание партии здравомыслящих, умеренных политиков, сердца которых наполнены тем духом истинного ирландского патриотизма, который подавляет религиозные и расовые предрассудки ради служения святой и великой цели – процветанию страны и примирению между ирландцами, с незапамятных времён раздраемыми враждой. Такую партию составили бы люди, которым были бы чужды забота исключительно о собственных интересах, фанатизм и нетерпимость (неважно, какого толка, протестантского или католического); люди, в равной степени приверженные интересам своей родины и благосостоянию Империи, в создание

* самоуправление, автономия (*истор.*).

которой было вложено так много ирландского мужества и ирландского интеллекта. Такая партия, будь она создана, вскоре смогла бы уравновесить враждующие фракции и оказать на каждую из них сдерживающее влияние. Она могла бы привлечь в свои ряды благоразумных и просвещённых людей из всех слоёв общества. Мне кажется, достаточно было бы создать ядро, и эта партия тут же разрастётся до гигантских размеров, потому что трудно поверить, что Ирландия – единственная страна мира, населённая исключительно экстремистами. Наверняка существует и большая прослойка умеренных политиков; остаётся лишь найти средства, с помощью которых они смогли бы о себе заявить.

С развитием и ростом этой прослойки связаны, как мне кажется, все лучшие надежды на будущее нашей страны; на заживление раны, которая постоянно вытягивает соки из организма Империи. Появление кандидатуры мистера Планкетта – человека, который всегда был патриотом и никогда экстремистом, – предоставляет нам идеальную возможность для создания такого ядра. Он для Ирландии сделал больше, чем все её крикливые провокаторы. У мистера Планкетта глубокий ум и большое сердце: благодаря этому он, находясь в гуще фракционных схваток, не теряет из виду интересы страны в целом. Именно он сможет найти те необходимые компромиссы, которые следует предпринять умеренной партии; для осуществления таких шагов потребуется благоразумие совершенно непредвзятого политика. Он позволит наконец успокоиться старым ранам, потому что стремление бередить их беспрестанно и есть непосредственная причина всех ирландских невзгод. На пост секретаря он пригласит ирландца, отличающегося компетентностью, вне зависимости от его религиозных или политических убеждений. Он проголосует за создание университета, в котором молодёжь будет воспитываться в духе преобладающей в Ирландии религиозной доктрины, даже в том случае, если он сам таковую не разделяет. Он сумеет организовать маслобойное дело, интересуясь при этом политическими взглядами фермеров ничуть не больше, чем мировоззрением коров, и действуя исключительно в интересах процветания национальной экономики. Это был бы идеальный претендент на роль лидера центристской партии; такого человека в равной степени ждут и Ирландия, и Империя.

Однако в Дублине этот человек потерпел поражение – при попустительстве наших самых влиятельных средств формирования общественного мнения; последние тут же сделали вывод о том, что правительственный нейтралитет себя не оправдал и что мы оказали недостаточную поддержку Юнионистской партии Ирландии.

Будучи сам в сложившейся ситуации убеждённым юнионистом, я всё же считаю, что причина происшедшего – в том, что сами ирландские юнионисты использовали методы, которые шокировали даже их самых горячих сторонников, продемонстрировав при этом полное отсутствие объективного, государственного взгляда на суть ирландской проблемы. Примером такого извращённого мышления может служить письмо человека, назвавшегося «ирландским лойялистом», который в Вашем сегодняшнем номере осуждает мистера Планкетта за то, что в ходе заседаний последнего состава Парламента он дважды голосовал в поддержку мер, предлагавшихся националистами.

Означает ли это, что каждый парламентарий должен непременно сверяться с мнением своей партии? Что он должен сопротивляться принятию даже самого разумного предложения в том случае, если оно исходит от враждебной фракции? Жалкое зрелище являет собой политик в представлении автора подобной жалобы.

О твёрдости позиции мистера Планкетта лучше всего свидетельствует тот факт, что он выдержал нападки такого фанатика, как мистер Дэвитт, с одной стороны, и ультраоранжистов, с другой. Подобная эпитафия на могильном камне сделала бы честь любому ирландцу.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
17 октября

«Гроусерз эссистант»

1 ноября 1900 г.

ДОКТОР ДОЙЛЬ О РАННЕМ ЗАКРЫТИИ МАГАЗИНОВ

Сэр! Отвечая на Ваш запрос от 25 числа, сообщаю, что буду рад принять делегацию, о которой Вы говорите, практически в любой день между пятью и шестью часами вечера*.

Я очень интересуюсь проблемой сокращения рабочего дня работников торговли, поскольку уверен: в стране, где нет обязательной воинской службы, физическое состояние и здоровье граждан могут быть гарантированы лишь повсеместным сокращением рабочего дня и частыми выходными.

Лично я считаю, что эта цель не может быть достигнута исключительно законодательными инициативами, но, полагая, регулярное освещение этого вопроса и постоянная деятельность в русле народного просвещения сами по себе способны создать непобедимую силу, перед которой не устоят противники прогресса в этом направлении.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Таймс»

1 ноября 1900 г.

УРОКИ ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ (1)

Милостивый государь!

Я прочёл опубликованное Вами письмо полковника Лонсдэйла Хэля, который выражает несогласие с моими взглядами на военную реформу. Могу заверить его в том, что не имею ни малейшего желания «учить» профессиональных военных, и хотел бы лишь одного – возможности вести свободную дискуссию по военным вопросам. Недопустимо, чтобы от доводов граж-

* Ответ на обращение секретаря эдинбургского отделения «Продавцов бакалей», попросившего о встрече с А. Конан-Дойлем (П.Г.).

данского человека отмахивались проставлением после них единственного комментария: «(sic)»*.

Я думаю, полковник Лонсдэйл Хэль весьма недооценивает мужество своих соотечественников, если опасается, что мы не сможем противостоять вторжению извне, не имея внутри страны профессиональной армии, призванной противостоять агрессору. Маленькая Швейцария находится в окружении четырёх великих военных держав и тем не менее в течение столетий сохраняет свою независимость. В своей оборонной стратегии она полагается исключительно на милицейские подразделения, но даже Германия должна рассматривать нападение на неё как очень сложную военную операцию. В Южной Африке мы и сами убедились в том, как трудно одолеть подразделение внутренних войск численностью лишь в 50 тысяч человек.

Итак, основная идея плана, обрисованного мною в последней главе «Великой бурской войны», состояла в том, что число стрелков в пределах страны должно быть доведено до миллиона и что следует обеспечить им сильную артиллерийскую поддержку. Численность войск агрессора, несомненно, будет ограничена, и он не избежит трудностей, связанных с транспортировкой и снабжением. С одной стороны, неприятель будет лишён возможности совершать фланговые манёвры, сталкиваясь с силой, противостоящей его продвижению, с другой – не решится на серию лобовых ударов, следствием которых могли бы стать большие потери в живой силе. В то же время он вынужден был бы либо продвигаться вперёд, либо готовиться к голоду. Мне трудно представить себе ситуацию, в которой может оказаться такая армия, и должен повторить – рискуя навлечь на себя неудовольствие полковника Лонсдэйла Хэля, – что опасность вторжения извне, которой нас пугают, – дело прошлого.

Скептики возразят: миллион стрелков, дескать, невозможно призвать под ружьё. В случае необходимости можно было бы сделать это в принудительном порядке, расширив действие Закона о внутренних войсках; мне кажется, подобные меры не встретят особого общественного противодействия, если заранее воззвать к патриотическим чувствам народа. Не исключено,

* так (*лит.*) – общеупотребимая помета, используемая с целью привлечь внимание читателя.

что эта цель может быть достигнута и без всякого принуждения.

Помимо внутренних войск и добровольческих соединений у нас имеется огромный источник невооруженной военной силы: огромная масса населения, представители которой с радостью научились бы владеть винтовкой, но не могут присоединиться к организованным подразделениям волонтеров. Крестьяне большинства наших деревень совершенно не в состоянии стать добровольцами, но с радостью уделяли бы по два часа каждый субботний вечер обучению стрельбе – при наличии соответствующих возможностей.

Но создание такого движения нуждается в поощрении со стороны правительства. Последнему предстоит назначить инспекторов, которые будут разосланы во все концы страны, чтобы обсудить с местными властями вопрос открытия местных стрельбищ; при этом правительство обязано не продать, а дать винтовку каждому мужчине, который проявит готовность вступить в клуб и научиться стрелять.

Почти повсюду можно найти площадки, подходящие для открытия стрельбища длиной 200 ярдов; мужчина, научившийся хорошо стрелять из современной винтовки с низкой траекторией полета пули, будет полезен в любом бою, как ближнем, так и дальнем. Там, где нет возможности разбить стрельбища, можно использовать трубки Морриса и с их помощью проводить обучение пользованию огнестрельным оружием.

В настоящее время сам я как раз занят строительством полигона в Хайндхэде – по примеру того, что был создан в Гилфорде моим другом мистером Сейнт-Лоу Стречи. Я уверен, что не испытаю недостатка в желающих стать членами клуба и что скоро мы сможем организовать местное подразделение стрелков-любителей из числа мужчин, которые по тем или иным причинам не могут поступить в добровольческие соединения. Если бы такое движение распространилось по всей стране, набрать миллион бойцов местной самообороны не составило бы труда. Согласен, это будут не слишком умелые новобранцы, но отряды их будут сильны числом и духом. Мне кажется, главный урок, который преподала нам бурская война, состоит в необходимости осознать простой факт: храбрый человек с хорошей винтовкой очень скоро становится непобедимым солдатом.

Что же касается остальных деталей того же плана, то не стану их перечислять – просто всем интересующимся порекомендую вернуться к той главе, где об этом рассказывается подробно. Суть сказанного состоит в следующем: профессиональная армия должна быть сокращена и состоять из военнотружущих, которые бы лучше оплачивались, получали более квалифицированную подготовку (особенно в том, что касается искусства стрельбы) и использовались исключительно для защиты наших интересов на внешних границах Империи, поскольку жители острова прекрасно способны позаботиться о себе.

Преимущество тут состоит в том, что в случае столкновения с противником мы будем иметь высокоэффективную военную силу, избежав таких затрат, какие несём сейчас, когда постоянно кормим и содержим огромные, никому не нужные войска. При этом в нашем распоряжении будет резерв, из которого мы в любой момент сможем составить многочисленную армию – большую, чем позволяет нам иметь существующая система. Я думаю, всё это может быть осуществлено исходя из обрисованных мною принципов, но, понимая, что рассуждаю как дилетант, очень хотел бы подвергнуться профессиональной критике, доброжелательной или нет – неважно.

Что же до имперской лёгкой кавалерии, которая представляется мне главной силой армии будущего, то полковник Лонсдэйл Хэль вправе называть бойца такого подразделения как ему будет угодно – кавалеристом или конным пехотинцем. Это не имеет никакого значения (майор Кэрри Дэвис, собравший такой отряд, называет своих воинов конными пехотинцами); главное тут – чтобы своим основным оружием они считали винтовку и были готовы вести бой на земле. Для меня было новостью узнать, что некая спешенная кавалерия поднялась на возвышенность Эландслаагте вместе с имперской лёгкой конницей, но это также к обсуждаемому вопросу не имеет отношения.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

УРОКИ ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ (2)

Сэр! Не хотелось бы беспокоить Вас снова, но может быть, Вы позволите мне сказать несколько слов в ответ на письмо «Кустоса» и второе письмо полковника Лонсдэйла Хэля.

Совершенно ясно, что «Кустос» прочёл моё письмо, не ознакомившись со статьёй, к которой оно всего лишь является приложением. У него сложилось впечатление, будто я предлагаю создать исключительно оборонительную армию. Достаточно обратиться к последней главе моей «Великой бурской войны», чтобы увидеть обратное. Я утверждаю, что наша регулярная армия должна обрести максимальную эффективность, став самой оснащённой, подготовленной и обученной армией в мире. Всё это, на мой взгляд, может быть достигнуто сокращением вдвое её численности, двукратным повышением жалования и сведением её основной функции к защите внешних рубежей Империи. При такой системе средства, затраченные на питание, транспортировку и оплату каждого военнослужащего, не будут выброшены на ветер. В случае военной опасности у нас не возникнет необходимости оставить дома 92 тысячи человек в силу их неподготовленности к участию в активных боевых действиях. Сэкономив на оплате и содержании этих бесполезных подразделений, мы сможем поднять остальные войска до высочайшего уровня. Таким образом, «Кустос», если он действительно возмнил, будто я выступаю за создание оборонительной армии, просто неправильно меня понял.

Однако, отрядив эти хорошо оснащённые силы на защиту внешних границ Империи, мы должны принять меры против возможного вторжения извне на нашу внутреннюю территорию. Было бы полезно – как для всей страны, так и для каждого её гражданина, – если бы последний понял, что не должен целиком полагаться на других и обязан защитить себя сам. Я вижу несколько аргументов против введения всеобщей воинской обязанности и ни одного – против обязательного обучения стрелковому искусству, если, конечно, честные власти всерьёз займутся

созданием стрельбищ. Я уверен, что без всякого принуждения можно призвать под ружьё очень большое количество стрелков помимо тех, что будут задействованы в отрядах волонтеров и милиции. Не сомневаюсь, что, имея такие силы и мощную артиллерию, мы сможем освободить регулярную армию для ведения наступательных боевых действий.

Жаль, что одно из моих предложений было понято полковником Лонсдэйлом Хэлем превратно. Должно быть, я сформулировал свою мысль слишком свободно. Я не имел в виду, что пустив неприятеля на нашу территорию и не оказав ему сопротивления, мы сможем затем отбить его наступление; я хотел сказать, что в таких условиях временная утрата контроля над морскими границами при отсутствии регулярной армии не окажется фатальной – если в стране найдётся миллион мужчин, умеющих пользоваться винтовкой. Я по-прежнему придерживаюсь этого мнения.

Полковник Лонсдэйл Хэль полагает, что подавить сопротивление бургских внутренних войск труднее, чем смять соответствующие английские подразделения, потому что там нам пришлось иметь дело с огромными территориями. Его доводы представляются мне не слишком серьезными. Действительно, нашим людям и обозам со снаряжением приходилось преодолевать большие пространства. Однако, прибыв на место, мы тут же нашли дружественную поддержку, пользуясь которой получили возможность организовать свои силы и перейти в наступление – при поддержке отрядов из местного населения численностью в 15 тысяч человек. Высадившись в Англии, агрессор окажется под огнём наших стрелков и не получит никакого плацдарма, кроме того, который сумеет сам для себя отвоевать. Я думаю, военное вторжение в Англию станет операцией несравненно более трудной, даже невозможной – если на пути его встанет организованное вооружённое население.

С извинениями за частое появление на Ваших страницах,

А. Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Пэлл-Мэлл

МИСТЕР ДОЙЛЬ И РЕФОРМА АРМИИ

Сэр! Ваш критик, великодушно снизошедший до оценки моей книги «Великая бурская война», утверждает, будто бы мой план реорганизации армии состоит в том, чтобы создать хорошо обученные войска численностью в 100 тысяч человек для защиты домашних территорий, и задаёт уместный в таком случае вопрос: каким же образом будет тогда осуществляться защита Империи?

Выдвинутый мною план подразумевает нечто совершенно противоположное. Я предлагаю выставить сто тысяч хорошо обученных и высокооплачиваемых солдат для обороны имперских границ, оставив дома лишь гвардейцев и артиллерию. Пусть ответственность за защиту острова возьмёт на себя миллион волонтеров, полицейских и свободных стрелков; поднять их на вооружённую борьбу будет не так уж трудно, если общественность поймёт, что при обороне страны ей придётся полагаться исключительно на собственные силы. Это позволит нам укрепить свои позиции как дома, так и за рубежом и обеспечит на случай войны огромный резерв живой силы; людей, имеющих представление о пользовании оружием, можно будет очень быстро превратить в хороших солдат.

Остаётся лишь пожалеть о том, что наша молодёжь увлечена играми и стрельбой в кроликов, хотя могла бы внести свой вклад в укрепление обороноспособности державы. Очень многие – не считая вступивших в добровольческие соединения – смогут легко научиться стрелять из винтовки, если мы приложим хотя бы минимум усилий к тому, чтобы обеспечить им такую возможность. Без особых затрат мы сделаемся непобедимыми на собственной территории, если встряхнёмся от старомодного представления о дисциплинированном солдате, который, кстати, и сам никогда не признает, что боевым духом можно всегда компенсировать недостаточность боевой подготовки.

Полностью согласен с Вашим критиком в том, что сейчас невозможно создать историю этой войны в полном объёме, но,

взяв за правило вносить дополнения и поправки в каждое новое издание книги, надеюсь таким образом внести в неё всю последнюю информацию. Возможно, таким образом мне удастся уменьшить основания для возражений, выдвигаемых моим оппонентом.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Глазго ивнинг ньюс»

19 декабря 1900 г.

ПОДДАННЫЕ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

Сэр! Меня очень интересует обсуждаемая проблема, и я вынужден лишь пожалеть о том, что не смогу посетить Глазго в названный Вами день. Проект, над которым я работаю в Хайндхэде, – это всего лишь создание стрелкового отряда, набранного из горожан. Все они представляются мне очень старательными и умелыми учениками, любой из которых, кстати, способен сам оплатить каждый патрон; при использовании системы ведения огня с трубкой Морриса таковые обходятся в один пенни за три штуки. Я построил здесь стрельбища в 50, 75 и 100 ярдов (последний соответствует шестистам – если вести стрельбу без трубки Морриса) и дважды в неделю провожу смотры. По праздникам я выставляю приз, предлагая за него побороться стрелкам, и – уверен – через год-другой в районе не отыщешь возницы, кэбмена, землепашца или продавца, который не был бы превосходным стрелком. Общая стоимость мишеней (в количестве 5 штук), щитов, винтовок (3) и трубок не превышает тридцати фунтов. Надеюсь, наш опыт найдёт себе распространение и в окрестностях, что позволит буквально наводнить местность потенциальными бойцами. Наиболее открытыми для внешней агрессии остаются южные графства Англии: именно там движение должно получить всеобщую поддержку. Если учесть, что всё это делается добровольно, правительству остаётся лишь проверить подготовку каждого стрелка, прошедшего обучение

в стрелковом клубе и выдать ему за патриотические устремления наградной патронташ, который тот сможет хранить у себя дома. Так будут созданы самые дешёвые вооружённые силы в мире. Призывая мужчин от 16 до 60 лет, самых лучших солдат мы будем получать как раз из представителей старшего поколения.

В отношении выдачи штыков у меня нет полной уверенности. При виде заточенного острия у некоторых возникают не совсем верные представления относительно назначения такового. Никаких красных повязок и костюмированного чванства: широкополая шляпа завитком с кокардой – и больше никаких знаков отличия. Я убеждён, что таким образом мы сможем привлечь полмиллиона человек, что не только не воспрепятствует, но и поможет движению волонтёров.

С пожеланиями счастья,
искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Вестминстер газетт»
27 декабря 1900 г.

О ГРАЖДАНСКИХ СТРЕЛКАХ (1)

Сэр! Ваш военный корреспондент имеет крайне неприятную привычку критиковать мнение оппонента, не удосужившись прежде поинтересоваться, каково оно. Несколько недель назад он приписал мне нечто противоположное тому, что я предлагал в действительности. В своё время я с Вашей помощью указал ему на эту ошибку. Вместо того, чтобы после своей нелепой оплошности преисполниться хотя бы минимумом скромности, он вдруг в новой статье делает крайне энергичный выпад против движения гражданских стрелков, не имея ни малейшего представления о том, что критикует.

Цель движения, как указывалось уже не раз, состоит в том, чтобы не заменить регулярную армию, а дополнить её. Да, чем больше у нас будет военнотружущих в регулярных подразделениях, тем безопаснее будет наша жизнь – это так; но совершенно очевидно, что если мы надеемся подготовить умный нервно-

классный персонал, то должны и платить людям больше, а значит, существует предел затратам, которые вправе позволить себе страна.

Нашей главной военной силой должен остаться военно-морской флот; следовательно, финансируя армию, мы должны придерживаться определённых рамок. Исходя из этого, я не вижу ровно ничего фантастического в следующем предположении: последняя война доказала со всей убедительностью, что в оборонительных сражениях храбрец, хорошо владеющий винтовкой, представляет собой непобедимую силу – её-то и можно было бы мобилизовать на защиту нашей страны. Военному корреспонденту «Милитэри газетт» такая идея может показаться надуманной, но это всего лишь выдаёт в нём жертву предрассудков и административной рутины, а вовсе не реформатора, как можно было надеяться. Может ли находящийся в здравом уме человек всерьёз утверждать, что страна не станет сильнее, если в её распоряжении появится полмиллиона вооружённых людей, готовых защищать свои внутренние рубежи? Если он полагает, что сражаться способен лишь тот, кто прошёл подготовку на армейском плацу, значит, урок, за который нам пришлось заплатить деньгами и кровью, так ничему его и не научил. Страна должна быть счастлива, что в трудную минуту может положиться на этих людей, и они, в свою очередь, должны быть рады возможности сослужить ей добрую службу. Такие люди нужны нам, и я уверен, что вопреки позиции, которую заняли Ваш военный корреспондент и другие обструкционисты, уже через несколько лет станет ясно, что движение пустило корни.

В своём самом нелепом абзаце Ваш корреспондент задаётся вопросом: зачем этим людям широкополые шляпы и кокарды? Но должны же они носить какие-то головные уборы: почему бы не выбрать шляпы, благодаря которым они смогли бы узнавать друг друга и одновременно защищать глаза от солнца? Что касается отличительного знака, то в стране множество участников разнообразных подразделений и клубов. Как можно отличить члена того или иного клуба, если не благодаря кокарде? Отвечать на подобные вопросы – сплошная трата времени, но они создают проблему, которая, очевидно, вполне по душе Вашему корреспонденту.

К созданию гражданских стрелковых отрядов первым призвал лорд Солсбери, а всего лишь неделю назад лорд Дандональд, в памяти которого свежи уроки войны, заметил, что Британии нечего бояться вторжения, если каждое зелёное ограждение с обороняющими его стрелками станет таким же неприступным, как холмы Южной Африки. Рекомендация премьера и мнение военного могут послужить убедительным противовесом скептицизму джентльмена, который столь озадачен значками на шляпах и совершенно не понимает, как можно позволить воевать человеку, которому под шестьдесят, как это сделали буры, — пусть он даже и годен к службе.

Весь сегодняшний день я провёл, выставляя мишени для наших отрядов гражданских стрелков. Джентльмены, продавцы, кэбмены, возницы и крестьяне стреляли, стоя плечом к плечу. Приз за стрельбу с расстояния, эквивалентного шестистам ярдам, взял человек, выбивший 83 из 90 возможных; следовавшие за ним показали результаты 82, 81 и 80 очков. Свои выходные на моём стрельбище провели пятьдесят человек, и всё это очень напоминало сельские игры где-нибудь в Швейцарии. Только глупость может помешать нам получить в своё распоряжение такой военный резерв, если единственное, что от нас требуется, это выдать по винтовке и сумке с патронами!

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Гроусерз эссистант»
январь 1901 г.

ДОКТОР КОНАН-ДОЙЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ НАШИ ТРЕБОВАНИЯ

Сэр! Моё глубокое убеждение (которое я выражал уже, балотируясь в Парламент) состоит в том, что продавцы магазинов — как мужчины, так и женщины — заняты слишком изнурительным трудом. В некоторых отраслях торговли положение дел стало катастрофическим.

Я выступаю за принятие законопроекта, согласно которому магазины получили бы право закрываться в более или менее удобное для работников время – если в поддержку такого решения коллектив соберёт две трети голосов. Мы имеем тут дело с проблемой государственного масштаба, поскольку очевидно, что в интересах нации обеспечить огромному числу мужчин и женщин возможность заниматься физическим и умственным самосовершенствованием. Неудобство, которое будет испытывать покупатель, вынужденный поспевать в магазин пораньше на час-другой, – ничто в сравнении со здоровьем тысяч людей.

Так что я от всей души выражаю сочувствие требованиям, которые выдвинула Ваша организация.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Вестминстер газетт»
5 января 1901 г.

О ГРАЖДАНСКИХ СТРЕЛКАХ (2)

Милостивый государь!

Итак, Ваш корреспондент признал, что свои замечания по проблеме гражданских стрелков высказал, будучи в раздражительности. Очень милое признание; вопрос, однако, мы обсуждаем серьёзный и предпочли бы иметь дело не с раздражёнными репликами военных, а с серьёзной критикой в свой адрес.

В своей последней статье он изложил собственные аргументы более основательно; поскольку так же поступил и автор, подписавшийся псевдонимом «Защитник Империи», у нас возникли некоторые основания для дискуссии.

Ошибка, которую допускают оба моих оппонента, состоит в предположении, будто гражданские стрелки таковыми при любых обстоятельствах и останутся. Но цель движения, как мне представляется, состоит в том, чтобы создать в стране множество клубов, где каждый британец мог бы научиться стрелять – и стрелять хорошо. Овладев этим искусством, он – в качестве ценной воинской единицы – поступает в ведение государства, по-

сколько прошёл тот главный курс воинской подготовки, в котором преуспеть труднее всего. В военное время он сомкнёт ряды с такими же, как сам, усилив таким образом регулярную армию, милицейские подразделения и батальоны волонтёров.

Разумеется, каждый район страны должен иметь резервистов, готовых к вступлению в нерегулярные части, однако подавляющее большинство стрелков пополнит собой действующую армию.

Но почему бы ему не вступить в ряды регулярной армии прямо сейчас? – спросит критик. Да потому, что не вступает он в неё, и всё тут: вот вам и весь ответ. Кого-то смущает страх потерять работу, кого-то – расстояние от места жительства до воинской части, а кто-то просто испытывает отвращение к муштре и униформе. Всех этих людей, однако, можно, как минимум, обучить стрельбе: когда над страной нависнет угроза, все они в едином порыве объединятся в строю, но уже не в качестве новобранцев, а как стрелки со стажем.

Ваш корреспондент утверждает, что и сейчас у нас хватает людей, которые в случае необходимости могли бы занять оборону за сельскими зелёными заграждениями. Это действительно так, но не будем забывать, что мы живём в мирное время. Что, если Британии пришлось бы вступить в войну с Россией на севере Индии? Хватило бы нам сил, чтобы отразить ещё и одновременное вторжение неприятеля с территории Франции? Только в том случае, если бы мы получили возможность пополнить ряды бойцов огромным резервом обученных стрелков. Предлагаемая нами организация обеспечивает единственную, помимо призыва, возможность создания такого резерва.

Наша главная задача состоит в том, чтобы получить стрелков в своё распоряжение. Проблемы транспортировки и другие вопросы, поднятые моим оппонентом, обсуждать преждевременно. В дальнейшем военное ведомство само решит, как использовать эти кадры в случае необходимости. Я лично всегда считал, что в основном они должны укрепить нашу регулярную армию: в этом случае мы избежим необходимости создания дополнительных организационных структур. Реформаторские предложения Вашего корреспондента в большинстве своём прекрасны, но главное для нас, как мне представляется, – привлечь

население к воинской подготовке и расширить тем самым базу, на которой функционирует наша военная машина.

Отсутствие в обществе интереса к армейским делам и, как следствие – недостаток энтузиазма, на который ссылается Ваш корреспондент, объясняются просто: мы – единственная страна в Европе, которая вместо того, чтобы сделать обороноспособность общенародной задачей, – при формировании армии по-прежнему полагается на представителей одного социального класса. Естественно, средний гражданин пришёл к выводу, что всё это – не его проблема. Распространение инициатив, подобных нашей, в сельских районах должно поднять волну патриотических чувств и способствовать воспитанию гражданского мужества – что наблюдается сейчас в таких странах, как Швейцария и Норвегия.

Что же касается помощи, которую военное ведомство могло бы оказать такому движению, то чем менее заорганизованной она будет, тем лучше. Каждый приход в состоянии организовать строительство собственных стрельбищ; сами люди, в чём я теперь убедился, охотно готовы оплачивать покупку боеприпасов. В настоящее время движение гражданских стрелков не нуждается ни в какой поддержке со стороны – разве что министр финансов мог бы освободить от налога винтовки, используемые не в спортивных целях. Стрелка, который в порыве энтузиазма покупает оружие за свои деньги, государство, по существующему закону, тут же штрафует на десять шиллингов. Впоследствии, когда движение докажет свою жизненность, власти могли бы выдавать особо отличившимся наградное оружие и именные наборы боеприпасов – но это уже дело будущего.

Ваш корреспондент предлагает мне отвлечься от проблем стрелкового движения и обратить внимание на организацию велосипедных подразделений или поиска рекрутов для добровольческих отрядов. Оба эти направления, несомненно, предлагают широкое поле деятельности, в котором должны быть задействованы патриотически настроенные люди. Но куда более важным, чем все эти мелочи, представляется мне прислушаться к мудрому совету нашего премьер-министра. В этом смысле я считаю привлечение максимального числа граждан к пользованию стрелковым оружием жизненно важной задачей и намерен

вложить в развитие движения столько сил и энергии, сколько будет возможно.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хиндерхэд, Хаслмир

«Фарнэм, Хаслмир энд Хайндхэд геральд»

5 января 1901 г.

СТРЕЛКОВЫЙ КЛУБ В АНДЕРШОУ

Сэр! Позвольте мне с Вашей помощью выразить благодарность людям, оказавшим мне помощь в деле организации этого клуба. Моя задача оказалась значительно облегчена благодаря той доброй воле, которую проявили господа Гармен, Ингэм, Уайтэкер, член Парламента Чарльз Макларен, Барри, Бернард Гамильтон, преподобный Дж.М.Джикс, Джексон, Терл, доктор Линдон, Хенслоу, Эндерсон Уэллс, Булли, а также мисс Джеймс. Я очень благодарен также миссис Тиндалл, которая любезно предоставила под стрельбище свой земельный участок.

Дела у клуба идут превосходно, и мы надеемся очень скоро выпустить сотню хороших стрелков. Места на стрельбище достаточно, так что мы ждём всех желающих по средам и субботам с двух часов до половины пятого дня. Тем, кому ни разу в жизни не приходилось держать в руках винтовку, стесняться не нужно: именно таких людей – в возрасте от 16 до 60 лет – мы и ждём.

Клубы, подобные нашему, мне хотелось бы видеть в Хэдли, Чарте, Тилфорде, Уитли, Чиддингфолде и особенно в Хаслмире. Тем, кто желает организовать такой клуб и поспособствовать тем самым решению важной общественной задачи, я с радостью расскажу о том, как удалось нам добиться такого успеха.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Спектэйтор»
20 апреля 1901 г.

О ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ИГРОКАХ В КРИКЕТ (1)

Сэр! Нашу страну, как было объявлено, намерена посетить команда из Южной Африки по крикету. В это было бы трудно поверить, но имена обнародованы, дата прибытия утверждена. Остаётся надеяться, что визитёрам будет оказан самый холодный приём, и английские спортсмены откажутся от игры с ними.

В то время, когда наши юноши едут на юг, чтобы отстоять наши государственные интересы в Южной Африке, эти южноафриканцы едут на север, чтобы поиграть здесь в крикет. Уклониться от сражения с агрессором, предоставив такую возможность другим, — это, мне кажется, позор для мужчины. В Англии вообще пора поднять вопрос о том, насколько уместны разного рода спортивные соревнования в момент государственного кризиса. Интересно, понимают ли эти игроки, что назначение спортивных состязаний состоит в том лишь, чтобы способствовать поддержанию хорошей физической формы граждан на случай, если жизнь потребует от них выполнения каких-то серьёзных заданий? Несомненно, этот визит южноафриканцев вызовет скандал. Думаю, даже сейчас избежать нам его не удастся.

Искренне Ваш

А. Коппан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Спектэйтор»
4 мая 1901 г.

О ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ИГРОКАХ В КРИКЕТ (2)

Сэр! Готов признать, что письмо в «Спектэйтор» от 20 апреля было написано мною в полемическом задоре; надеюсь, Вы позволите мне уточнить свою позицию по этому вопросу в бо-

лее спокойных тонах, хоть и ничуть не менее твёрдо. Неужели мистер Боухи вместе с другими моими оппонентами готов всерьёз утверждать, что команда отборных молодых людей вправе покинуть страну в тот момент, когда та подверглась агрессии, чтобы заняться игрищами где-то на стороне? Смогут ли они убедительно обосновать свою позицию? Если да – значит, уровень наших представлений об ответственности гражданина перед обществом пал как никогда низко.

Мистер Боухи говорит, что в таком случае следовало бы запретить театральные представления, скачки и тому подобное. При этом он, судя по всему, имеет в виду представления и скачки в самой Англии.

Тут мы имеем дело с явным недоразумением. По сути дела, война в Южной Африке ведётся прежде всего в интересах южноафриканцев британского происхождения. Они-то и присылают к нам команду своих молодых граждан, препоручая защиту собственного государства людям со стороны. Правильно ли это?

Несомненно, некоторые из этих спортсменов принимали участие в военных действиях. Вполне вероятно, что они несли службу в городских патрульных подразделениях, поскольку участие в них носит почти обязательный характер. Но это не меняет сути дела. Пока в Южной Африке остаются британские и австралийские волонтеры, которые готовы пожертвовать личным благополучием, а возможно, и жизнью ради общего дела, вопрос чести для южноафриканцев – довести войну до победного конца, а не отправляться преждевременно на увеселительные прогулки.

Мистер Боухи считает, что отсутствие на фронте столь незначительного количества людей не окажет решающего влияния на ход боевых действий. Если бы они явились сюда каждый в частном порядке, – возможно. Но как общественное мероприятие такой визит может лишь деморализовать наших людей, сражающихся на территории Южной Африки. К примеру, имперские йомены – на мой взгляд, самый доблестный отряд, когда-либо покидавший пределы нашей страны, – всё ещё находятся на полях сражений. Что, по-Вашему, они могут сказать об этой авантюре с крикетом? Поможет ли им новость снять раздражение,

которое накопилось в ходе их и без того затянувшегося пребывания в Южной Африке?

Наши молодые люди всерьёз восприняли эту войну: ради победы в ней они решились пожертвовать многими удобствами, возможно – интересами карьеры. Но оказывается, пока они сражаются за южноафриканцев, те у нас играют в крикет.

Сожалею, что суждения, мною высказанные, вызвали недоумение у мистера Боухи и двух других журналистов. Готов их заверить, что чувство это взаимное. Мне и в голову не могло прийти, что такие элементарные вещи и столь ясная позиция могли потребовать каких-то дополнительных обоснований.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

«Таймс»

5 сентября 1901 г.

О ВЗРЫВАХ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ (1)

Милостивый государь!

Не кажется ли Вам, что к каждому железнодорожному составу, проезжающему по опасному району страны, мы могли бы подсоединить по вагону с военнопленными из числа непримиримых буров?

Только на прошлой неделе жертвами этих подлых преступлений стали 40 человек убитых и раненых. Из-за железнодорожных диверсий в ходе войны погибли несколько сот человек. Предлагаемая мною мера немедленно положила бы предел этому безобразию, и непонятно, почему до сих пор она не была принята. В 1870 году немцы всюду ездили с французскими заложниками в своих вагонах.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир.

О ВЗРЫВАХ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ (2)

Сэр! При всём уважении к мистеру Маккарнесу, не могу представить себе, какое отношение имеют деяния Атиллы, предводителя гуннов, или Веллингтона на полуострове к этической стороне вопроса о взрывах на железных дорогах и мерах по их предотвращению.

Наша первейшая обязанность состоит в том, чтобы защитить британских солдат, используя для этого методы, санкционированные практикой ведения боевых действий. Сделав это с самого начала, мы могли бы спасти сотни человеческих жизней. Мистер Маккарнес не может понять, почему пускание под откос поездов я считаю преступлением трусливым и подлым. Да потому, что жертвами этих акций часто становятся люди, в военных действиях не участвующие, – в частности, женщины и дети. В недавнем случае в числе пострадавших оказалась женщина. В предыдущем – группа солдат, направлявшихся в госпиталь. Я не могу отказать бурам в праве использовать подобные методы, какими бы они ни казались нам варварскими; я не могу понять лишь, что за логика запрещает нам принимать соответствующие меры – для их предотвращения?

Мистер Маккарнес утверждает, что малая страна способна противостоять великой державе, лишь пользуясь подобными методами. Очень может быть: в таком случае предлагаемая мною мера – единственное, чем великая держава может на это ответить. Пусть либо оба дерущихся наденут перчатки, либо оба их сбросят.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Клуб «Атенеум», Пэлл-Мэлл

ПИСЬМО МИСТЕРА КОНАН-ДОЙЛЯ В СВОЮ ЗАЩИТУ

Сэр! Моё внимание привлекло письмо мистера Маркса, в котором он подвергает сомнению некоторые заявления, содержащиеся в моём памфлете о Южноафриканской войне. Столкнувшись с весьма суровыми замечаниями по поводу якобы содержащихся в документе неточностей, я приготовился было узнать от мистера Маркса нечто важное, но был весьма в этом смысле разочарован: всё, о чём он говорит, к сути дела не имеет ни малейшего отношения и ни в коей мере сделанных мною выводов не опровергает. Готов заверить его: как только он убедит меня в том, что в памфлете допущена ошибка, я с радостью внесу в текст полученное от него исправление.

Относительно проблемы сюзеренства могу повторить лишь уже мною написанное: «Дискуссия эта совершенно беспочвенна, поскольку обе стороны согласны в том, что Великобритания должна сохранить за собой определённые права, касающиеся заключения межреспубликанских договоров, и это ставит её в особое положение по отношению к любому суверенному государству. Равносильны ли эти права статусу сюзерена – есть предмет академической дискуссии для специалистов по международному праву. Факты для нас важнее формулировок». Такова моя точка зрения на этот вопрос. И мне совершенно безразлично, кто прав – королевские адвокаты или сэр Эдвард Кларк.

Мистер Маркс, поборник точности, начинает своё нравоучение следующими словами: «У доктора Конан-Дойля есть глава объёмом чуть менее двух страниц, касающаяся разрывных или осколочных пуль». Но такой главы не существует: речь идёт всего лишь о небольшом фрагменте девятой главы.

Мистер Маркс, разумеется, прав, утверждая, что военные не употребляют таких терминов, как разрывная пуля. Однако особый тип тяжёлых пуль разрывного типа нами производился, и, возможно, часть этих боеприпасов всё ещё находится в распоряжении бурских стрелков. Если выражение «разрывная пуля» мо-

жет кого-то ввести в заблуждение, то действительно, лучше бы нам его не использовать. Существуют разные типы пуль тяжёлого поражения: расщеплённые, полые, тупоносые – различающиеся по степени тяжести наносимых ими ран.

Мистер Маркс считает характерным тот факт, что британцы, ведущие боевые действия, в основном против слаборазвитых дикарей, изготовили такое множество «тупоносых» пуль. Если он прочёл мой памфлет, то должен знать, что я ни в коей мере не поддерживаю в этом смысле правительство и выражаю несогласие с позицией по этому вопросу, занятой представителями Великобритании и США на международной конференции в Гааге.

Стоит заметить, справедливости ради, что эти пули никогда не предназначались для использования против представителей белой расы и что военное ведомство не раз налагало на них запрет в ходе Южноафриканской войны. Вопрос о том, каким образом оказалась там часть этих боеприпасов и как она была затем изъята, составляет содержание моей работы, чего сам мистер Маркс не опровергает. Что именно хотел он сказать своими статистическими выкладками, касающимися их производства, не имею ни малейшего представления. Оне не относятся к сути проблемы и не противоречат ни одному из моих заявлений.

Охотно принимаю следующее его замечание: «По тому, как обращается доктор Конан-Дойль с этой проблемой, можно судить и о ценности его мнений по другим вопросам». Ничего другого читателю я и сам бы не осмелился предложить.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Клуб «Атенеум»

«Дэйли кроникл»

1 февраля 1902 г.

О ФОТОГРАФИИ ЛИЗЗИ ВАН ЗИЛЬ

Милостивый государь! В своём письме «Дэйли кроникл» мисс Хобхаус, судя по всему, выразила сомнения относительно истинности моего заявления о том, что девочка по имени Лиззи

ван Зиль стала жертвой собственной матери, а вовсе не британских властей. Обращаю её внимание: на том же настаивает в сегодняшней прессе медсестра Кеннеди, свидетельница происшествия. То же утверждают и два других источника.

Мисс Хобхаус весьма глубоко и прочувствованно выражает опечаленность тем фактом, что в таких документах, как мой памфлет, вообще поднимаются подобные проблемы. Об этом, однако, пусть судит читатель – призвав на помощь всю свою объективность. Вопрос о бурских детях и отношении к ним в лагерях служил главным оружием анти-национальной партии. Оставив в своём памфлете эти обвинения без внимания, я бы неминуемо дал кому-то основания полагать, будто не знаю, как на них ответить.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
31 января

«Таймс»
4 февраля 1902 г.

«ПРИЧИНЫ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ» (1)

Сэр! Поскольку широкая общественность проявила такой интерес к проблеме распространения моих военных очерков в странах, до сих пор не знакомых с британской позицией по этому вопросу, позвольте на Ваших страницах рассказать о том, как продвигается наше дело. Когда работа будет завершена я, с Вашего позволения, таким же образом предоставлю полный отчёт обо всём предприятии.

Для приведения моего плана в действие требовалась значительная сумма денег. Однако общественность откликнулась на мой призыв (что, надеюсь, будет делать и впредь), проявив немалую активность и щедрость. Непредвиденно большой спрос на книгу в Великобритании (250 тысяч экземпляров были раскуплены здесь за неделю) упростил решение финансового во-

проса. Не стремясь к финансовой выгоде, мы всё же отчислили себе небольшой процент с каждого экземпляра, дабы покрыть расходы, связанные с почтовой рассылкой и распространением бесплатных копий. Этот процент вырос затем в такой «ком», что у нас появилась возможность внести несколько сот фунтов в фонд оплаты переводов. Общественность, кроме того, собрала несколько сотен фунтов по подписке, но более подробно об этом я расскажу позже. Так что мы (то есть я и издатель, мистер Реджинальд Смит) уверены в том, что сумеем привести задуманное в исполнение; хотя то, в какой мере мы сумеем сделать это, будет зависеть от того, будет ли продолжать поддерживать нас общественность.

Денежные суммы, нами полученные, разнятся в самом широком диапазоне: лорд Розбери внес 50 фунтов, а один школьник – 6 пенсов. Письма, которыми сопровождалась эти вклады, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что нападки на наших военнотружущих, ставящие под сомнение их честь и этичность, глубоко оскорбили наших людей. В числе тех, кто пожертвовал деньги (собрать которые было, несомненно, нелегко), оказались жёны и матери воинов, павших в войне, которую ведёт наша страна. Значительная часть средств поступила от духовенства. Сами священнослужители объясняют свою активность тем, что начиная с первых дней войны они регулярно получают антипатриотическую литературу, рассылаемую бесплатно – теперь у них появилась возможность самим выслать денежные чеки – в знак протеста против этого.

Характерно, что несмотря на протесты отдельных немцев, проживающих в нашей стране, по поводу нападков на британскую армию (возмутивших прессу даже в Германии), почти никто из них (за небольшим исключением) не попытался практическим вкладом компенсировать причинённый их соотечественниками ущерб. «Деньги говорят лучше слов», – утверждают американцы, и верно: несколько гиней могли бы оказаться красноречивее, чем письма, в которых выражается сожаление происходящим и предлагаются встречи, заведомо невыполнимые.

В Германии мы столкнулись с такой озлобленностью, что не сумели даже найти там издателя, который согласился бы опубли-

ликовать книгу, выражающую весьма умеренное изложение сути британской позиции, – и это притом, что мы обещали взять на себя все расходы. Какое ещё требуется нам подтверждение тому факту, что тут, в эпицентре чудовищной антибританской пропаганды, не желают играть по правилам? Разве что барон Таухниц, единственный честный немец, встретившийся на нашем пути, согласился включить книгу в список своей библиотеки английской литературы. Тем временем немецкий перевод почти готов, и если в Германии найти издателя не удастся, мы отпечатаем 5 тысяч экземпляров в Лондоне и самостоятельно начнём рассылать книгу тем, чьё мнение для нас важно.

Французский перевод, осуществлённый с поистине патриотическим рвением профессором Сумикрастом, также почти готов и будет издан Galignani. Мы предполагаем заказать десяти тысячный тираж для распространения в Швейцарии и Франции.

Подготовлен скандинавский перевод, и книга вот-вот должна появиться. Мы обнаружили союзника в лице господина Томассена из ведущей норвежской газеты «Verdensgang», заинтересовавшегося этой проблемой. Поначалу он был настроен к нам очень враждебно, и если бы выяснилось, что свою позицию он смягчил после того, как ознакомился с документом, в котором изложено британское отношение к происходящему в Южной Африке, я преисполнился бы великой гордостью.

Несколько тысяч экземпляров были распространены в Норвегии, Дании и Швеции. В Голландии нас ждали те же трудности, что и в Германии, но если мы не найдём там издателя, перевод книги будет отпечатан в Лондоне. Выход её задерживается по не зависящим от меня причинам. Итальянский перевод, также некоторое время задерживавшийся, на подходе. Мы предполагаем отпечатать здесь 5 тысяч экземпляров. В нашем распоряжении уже есть переводы на испанский и русский языки. Задерживаются венгерский и португальский варианты, но они будут готовы. Книга переведена на валлийский: в Уэльсе мы надеемся распространить ещё 5 тысяч экземпляров.

В США нами были предприняты весьма действенные меры к тому, чтобы обеспечить бесплатную доставку издания всем влиятельным лицам страны.

Обширная переписка, которую я веду с гражданами многих государств, свидетельствует о том, что общественное мнение постепенно склоняется в нашу пользу. Людям многих стран здравый смысл подсказывает: вряд ли наш народ стал бы жертвовать огромными средствами и кровью лучших своих сынов, не имея на то жизненно важных причин.

Думаю, я рассказал достаточно, чтобы убедить людей, пожертвовавших нам деньги, в том, что мы пытаемся использовать их с толком. Надеюсь, что в дальнейшем смогу представить читателям более полный отчёт о своей деятельности на этом поприще.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Дэйли мессенджер», Париж
13 февраля 1902 г.

ВОЙНА И ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Мсье! Французский перевод моей книги «Причины и ведение Южноафриканской войны» вскоре выйдет в издательстве Galignani. Позвольте мне по этому поводу сказать несколько слов Вашим читателям. Я попытался ознакомить французскую общественность с истинными фактами и рассеять пелену лжи, окутавшую эту проблему. Наши фонды позволят разослать книгу всем политикам, журналистам и лидерам общественного мнения. Но в надежде войти в контакт с широкой общественностью Франции я хотел бы заручиться поддержкой проживающих здесь британских граждан, которые могли бы помочь мне в этой борьбе за правду.

Я предложил бы в каждом городе, начиная с Парижа, образовать комитет, который занялся бы сбором средств для закупки книги по оптовым ценам. Каждый экземпляр, насколько я знаю, будет стоить полфранка и отправится туда, где в нём ощущается наибольшая необходимость. Если бы в каждом городе

мне удалось найти хотя бы одного соотечественника, который взял бы на себя создание такого комитета, остальное, думаю, произошло бы само собой.

Позвольте мне воззвать к патриотическим чувствам тех Ваших читателей, которые могли бы способствовать таким образом как установлению истины, так и восстановлению репутации нашей страны.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Джерман таймс», Берлин
3 марта 1902 г.

ОБРАЩЕНИЕ ДОКТОРА КОНАН-ДОЙЛЯ К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Милостивый государь!

Позвольте мне сказать несколько слов Вашим читателям. Перевод моей книги «Причины и ведение Южноафриканской войны» почти готов и через неделю будет выпущен в Вашей стране. Она представляет собой попытку показать немецкому читателю истинные факты и помочь ему осознать, насколько злобно вводили его в заблуждение те, кто были в этом заинтересованы. Достигнута договорённость о бесплатной рассылке книги всем политикам и журналистам. Теперь мне хотелось бы убедиться в том, что книгу можно будет распространять в любом немецком городе. Выполнение этой задачи я оставляю на попечении проживающих здесь граждан Британии. Думаю, они сослужат хорошую службу своей стране и интересам истины, если в каждом городе организуют комитет, соберут средства и начнут распространять книгу в тех социальных кругах, где она будет максимально полезна. Лишь в этом случае мы сумеем противостоять лжи, которая систематически и безнаказанно навязывалась общественности в течение всех этих лет.

Организация таких комитетов будет облегчена, если британцы, проживающие в Берлине, наладят контакт с соотечественни-

ками из других немецких городов. Более всего мне хотелось бы, чтобы книгу получили рейнские пасторы, несколько месяцев назад подписавшие своё нелепейшее воззвание.

Британские граждане, проживающие в Германии, прислали мне немало горьких жалоб на отношение здесь к себе. Я же как раз и предлагаю им способ достаточно ясно заявить о своей позиции.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Таймс»

11 апреля 1902 г.

«ПРИЧИНЫ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ» (2)

Милостивый государь!

Некоторое время назад я пообещал читателям Вашей газеты представить более полный отчёт о своих попытках ознакомить критически настроенную европейскую общественность с британской позицией. Подводить окончательные итоги рано, поскольку работа ещё продолжается; но я на некоторое время уезжаю из Англии и хотел бы рассказать о проделанной работе тем своим многим друзьям, что доверили мне свои денежные средства. Мой призыв встретил горячий отклик, выразившийся в получении 2 тысяч фунтов – суммы достаточной, чтобы в полной мере осуществить намеченную программу.

Во-первых, я хотел бы сказать пару слов о последствиях критики, которой подверглась книга. В основном это были лишь пустые насмешки, но как только сомнению подвергались фактические данные, я выражал готовность дополнительно изучить проблему и в случае необходимости исправить допущенную ошибку. Я считаю, однако, что за исключением некоторых разногласий по поводу возможных точек зрения и средств выражения, ошибки были малочисленны и незначительны.

Я неточно процитировал мистера Чарльза Хобхауса: он не ут-

верждал, что заявления миссис Х. не выдержат проверки, – а всего лишь, что она их не засвидетельствовала. Прочие претензии касаются вопроса о том, насколько хорошо миссис Х. говорит по-голландски, как называть пули – «разрывными» или пулями «тяжёлого поражения», и одного «бородатого» анекдота о судьбе Григоровски. Несомненно, из тысячи приведённых мною фактов найдутся и другие, заслуживающие критического обсуждения, но речь идёт о тех, которые мне удалось установить и исправить.

Относительно британского издания сказать мне особенно нечего, не считая того, что оно было отпечатано тиражом 300 тысяч экземпляров. Я в большом долгу у Южноафриканской имперской ассоциации; она помогла мне разослать 25 тысяч экземпляров представителям британского духовенства, которое с самого первого дня войны оказалось завалено антинациональной литературой.

Я получил много писем от честных людей, под влиянием прочитанного пересмотревших свои взгляды. «Я от всего сердца раскаиваюсь в том, что позволил себе так плохо думать о своих соотечественниках», – мужественно признался один из корреспондентов. Издание книги в Соединённых Штатах и Канаде в субсидировании не нуждалось: там она разошлась очень большим тиражом. Судя по множеству дошедших до меня газетных комментариев и заметок, изложенные мною факты получили там широкое распространение. Валлийский 10-тысячный тираж был также распродан полностью.

Норвежское издание, адресованное читателям Норвегии, Швеции и Дании, первым на континенте вышло в свет. Осуществлению его выпуска сопутствовали самые невероятные проблемы. В самый последний момент выяснилось, что написанное мною специально для читателей скандинавских стран предисловие не было переправлено переводчиком издателю из-за сильного шторма, прервавшего связь. Оно на протяжении 100 миль передавалось гелиографом от одной возвышенности к другой и подошло как раз вовремя, чтобы оказаться добавленным к основному тексту. Это предисловие было затем перепечатано многими скандинавскими газетами: брошюрка, разосланная лидерам общественного мнения, удостоилась широкого освещения в прессе.

Норвежский джентльмен, господин Кнудсен, призвав к со-

трудничеству группу скандинавов, собрал по подписке в Лондоне сумму, которой с лихвой хватит, чтобы оплатить расходы на это издание. Если и пришлось нам сожалеть по поводу поведения некоторых британцев, которые не поддерживали свою страну в тяжёлую минуту, то, по крайней мере, утешение мы можем найти в том, что обрели в лице нескольких щедрых иностранцев самых искренних друзей.

В Голландии мы столкнулись с серьёзными трудностями, но все они будут преодолены. В этой стране отсутствует закон о соблюдении авторских прав – что само по себе ложится серьёзным пятном на национальную репутацию. Зато там есть широкий круг издательств, по очереди ворующих книги, издающиеся за рубежом. Один ставит на похищенной книге собственное имя – остальные с этого момента относятся к нему как к автору. Едва только появился мой памфлет, как нашлась фирма, поставившая на нём чужое имя – чем перечеркнула все наши надежды на осуществление перевода книги и публикацию в этой стране. Однако мы нашли обходные пути, и, думаю, через несколько дней голландское издание будет распространено среди политиков, журналистов, профессоров Объединённых провинций. Оставшиеся экземпляры будут переправлены в Южную Африку.

Французский перевод вышел несколько недель назад. Его замечательно осуществил профессор Сумикраст из Гарвардского университета, канадец французского происхождения. Руководствуясь патриотическим стремлением поддержать нашу страну, он отказался от всякого вознаграждения за кропотливую работу, отнявшую у него несколько недель. 10 тысяч экземпляров были распространены бесплатно, ещё 10 тысяч – выставлены на продажу. Пессимизм британцев, полагавших, будто европейская пресса ни при каких обстоятельствах к нашему мнению не прислушается, не оправдался.

Многие газеты здесь в своих комментариях были более чем объективны. И если, скажем, от г-на Ива Гийо из «Le Siecle» мы заранее могли ждать сочувственной и справедливой оценки, то появление во влиятельной бельгийской газете «Independance Belge» целой страницы, посвящённой беспристрастному обсуждению изложенной нами позиции, было приятной неожиданностью. Множество писем от отдельных граждан – как сочувствен-

ных, так и острополемических (но никогда не озлобленных) — показывает: наша книга достигла своей цели. Французский перевод был распространён во франкоязычных районах Швейцарии, и предполагалось, что немецкий перевод отправится в кантоны с преобладанием германоязычного населения. Благоприятное развитие событий заставило нас изменить планы. В Швейцарии нашлось значительное число людей, которым надоела злостная антибританская пропаганда (совершенно не делающая честь стране, которая первой в Европе вместе с нами поднялась на борьбу за соблюдение гражданских прав), и они решили выпустить здесь самостоятельное издание. Перевод был выполнен господином Тоггенбургером из Цюриха (отказавшимся от вознаграждения), а организационная сторона дела оказалась решена в основном благодаря усилиям мистера Энгста, британского консула из того же города.

В результате появился прекрасно подготовленный 2-тысячный тираж с примечаниями и картой. Книга только что вышла и в соответствующих кругах распространяется бесплатно. Этот замечательный жест доброй воли, символизирующий торжество справедливости в отношениях между народами, в значительной степени способствовал и осуществлению германского издания.

Теперь подхожу к проблеме, которую мы считали самой важной частью нашего предприятия и которая причинила нам множество проблем: речь идёт об издании книги в Германии. В последний момент выяснилось, что перевод выполнен исключительно безалаберно и необходимо в значительном объёме практически переделать его заново. Весьма энергичную поддержку в этом деле оказал нам мистер Масгрейв из «German Times». Этот германский патриот британских кровей оказался столь горячим поклонником пантевтонизма, что решился преодолеть расстояние от Берлина до Сифорда только ради того, чтобы добиться от меня смягчения пассажа, в котором я намекнул на то глубокое негодование, которое ощущают британцы по поводу недостойного поведения германской прессы, да и самих немцев, в ходе войны. Именно с его помощью нам удалось преодолеть все трудности: как раз сегодня памфлет и выходит в Берлине. В этом случае, как и в некоторых других, задержка пошла на пользу, потому что позволила мне дополнить книгу свежими

фактами – о том, как лорда Китченера* вынудили создать концентрационные лагеря, а также свидетельство барона Хюбнера о поведении британских солдат.

Ещё до выхода в свет книга активно обсуждалась в германской печати, причём таким образом, который позволяет надеяться на то, что британский голос будет наконец услышан. В газете «National Zeitung» были проведены разбор книги и дискуссия по этому поводу – так что трудно было бы ожидать лучшего. В городах Германии были созданы соответствующие комитеты, и когда 20 тысяч будут распространены, мы надеемся отправить туда свежую партию.

Итальянское и испанское издания увидят свет в течение этой недели и будут активно распространяться как в Европе, так и в Южной Америке. Португальское издание должно быть готово к печати, русское – почти готово.

Активное распространение ждёт книгу в Австрии и Германии: уже сейчас благодаря участию доктора Эрнста фрагмент её был опубликован на страницах демократической «Wiener Tageblatt». Отпечатано и специальное венгерское издание: оно уже на днях увидит свет в Будапеште в течение нескольких дней. Усилиями английского джентльмена мистера А.Х.Синджа, взявшего на свои плечи весь груз этой проблемы, подготовлено и румынское издание.

Вот таким образом мы с издателями распорядились вверенными нам средствами. Сейчас еще рано говорить о том, в какой степени сумели мы изменить в свою пользу общественное мнение на Континенте, но, по крайней мере, мы выполнили поставленную задачу: каждому депутату, каждому журналисту вручили документ, отпечатанный на его родном языке и объясняющий британскую позицию. Тот, кто и после этого продолжит заниматься искажением фактов, уже не сможет оправдать это неосведомлённостью.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Клуб «Атенеум», 9 апреля

* Гораций Герберт Китченер (1850–1916) – английский политический деятель, фельдмаршал, в 1914–1916 гг. – военный министр Великобритании (П.Г.).

«ПРИЧИНЫ И МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ» (3)

Сэр! Настало время, когда я наконец могу дать полный отчёт о нашем мероприятии и проинформировать всех, кто внёс в наш фонд деньги по подписке, о том, как мы распорядились этими средствами и что намереваемся делать в дальнейшем.

События развивались так стремительно, что сейчас даже трудно представить себе, что в конце 1901 года о британской позиции в отношении войны на Континенте практически ничего не было известно. Изложенная в «Голубой книге» и объёмистых томах, она оставалась недоступной широкому читателю и совершенно игнорировалась зарубежной прессой. Попытки с помощью листовок исправить наиболее вопиющие ошибки носили частный характер. Стало ясно, что необходимо сделать заявление – одновременно лаконичное и чёткое, но вместе с тем – охватывающее всё поле существующих разногласий.

Необходимость в таком издании назрела после того, как антибританская кампания, продолжавшаяся в Германии на протяжении всей войны, достигла такого уровня, что стало ясно: отношения между нашими двумя странами могут испортиться теперь на долгие годы. Как раз в этот момент, пользуясь поддержкой своего друга, издателя Реджинальда Смита, я попытался сформулировать британский взгляд на проблему в общедоступной форме и образовать денежный фонд, с помощью которого можно было бы снабдить экземпляром книги каждого, кто обладает сколько-нибудь значительным влиянием в цивилизованном мире. Мы не питали никаких иллюзий и не надеялись сразу же привлечь на свою сторону огромную аудиторию; просто вознамерились лишить недругов права ссылаться впредь на неосведомлённость, – а именно так они иногда пытаются пригасить то справедливое негодование, что вызывает у нас эта лживая кампания.

Благодаря широкому и щедрому отклику общественности мы получили более 2 тысяч фунтов. Книжки британского издания распространялись по очень низкой цене; не желая даже ни-

какой финансовой для себя выгоды, мы тем не менее оказались в выигрыше, дополнительно получив ещё 2 тысячи фунтов. Эти две суммы и позволили нам осуществить намеченное.

Книга вышла на многих языках и была разослана не только депутатам и журналистам, но также профессорам, мэрам, школьным директорам. Она пошла в полковые подразделения, клубы, отели – одним словом, туда, где, на наш взгляд, могла бы оказаться наиболее полезной. Осечка вышла разве что с русским изданием: оно было задержано местным цензором в Одессе и выйдет в свет только сейчас. Если не считать этой неприятности, мы сделали всё, что намевались, и даже более того. Огромное количество откликов в прессе свидетельствует о том, что работа эта была проведена не зря. Такие газеты, как норвежская «Verdensgang», германская «National-Zeitung», венская «Tageblatt» брюссельская «Independance Belge» и вся венгерская пресса приняли книгу весьма благожелательно. Не вызывает сомнений тот факт, что в течение нескольких последних месяцев уровень англофобии на Континенте заметно спал, и заведомая ложь (ещё совсем недавно являвшаяся повсеместной) теперь уже наверняка подвергнется насмешкам и встретит отпор в приличных изданиях. Счесть всё это нашей заслугой было бы, наверное, самонадеянно, но если изменения эти случайно совпали с проведённой нами работой, то это очень приятное совпадение.

Получив средства, мы расширили сферу наших действий. В марте я закупил 600 экземпляров «Recht und Unrecht im Burenkrieg», великолепного австрийского издания нашей книги, и распространил их там, где эффект обещал быть максимальным. Одновременно я отправил бесплатные экземпляры издания всем муниципальным советникам и священникам Ирландии.

Теперь, когда работа завершена, на руках у нас осталась значительная сумма денег. Точную цифру назвать нельзя, потому что бухгалтерские отчёты к нам ещё не поступили, но наверняка там не менее 1400 фунтов. Основную часть этой суммы составляют деньги, полученные нами от продажи книги. Понимая, что вольны распорядиться ею по собственному усмотрению, мы всё же хотели бы использовать деньги в общественных целях, имеющих поддержку людей, усилиями которых был составлен начальный фонд.

Мы предполагаем разместить в банке тысячу фунтов и на проценты от этого вклада начислять стипендии малоимущим южноафриканцам (неважно, бурского или британского происхождения), которые желали бы получить образование в Эдинбургском университете. Оставшуюся сумму мы хотели бы использовать на покупку небольших сувениров – с тем, чтобы разослать их многочисленным друзьям Британии за рубежом – людям, проявившим преданность нашей стране в тот момент, когда многие родные дети от неё отвернулись. Остаток, если таковой обнаружится, я хотел бы оставить у себя и использовать по собственному усмотрению для поддержки движения гражданских стрелков.

Благодарю и Вас, сэр, за мощную поддержку: ведь это Вы предоставили мне страницы Вашей газеты для обращения к людям, которые помогли нам успешно осуществить проект. Хотел бы выразить особую благодарность мистеру Реджинальду Смитту за оказанную им неоценимую помощь. В осуществлении этого трудоёмкого дела он позволил задействовать все ресурсы своей фирмы, ни словом не помянув возможность получения выгоды или вознаграждения.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Клуб «Атенеум», Пэлл-Мэлл

«Спектэйтор»

4 июля 1903 г.

О НОВОМ ПРОТЕКЦИОНИЗМЕ (1)

Милостивый государь!

Поскольку Вы открыли на своих страницах дискуссию относительно новых предложений, касающихся торговых тарифов, позвольте и мне – давнему читателю, выступающему время от времени в качестве корреспондента, – сказать по этому поводу несколько слов. Понимаю, что мои слова особого веса иметь не могут; тем не менее полагаю, что речь идёт об одном из тех вопросов общенациональной значимости, которые требуют от

пишущего – прежде чем обнародовать своё мнение – тщательно изучить все имеющиеся факты. Приступая к обсуждению этого вопроса, я имею по меньшей мере одно преимущество – полное отсутствие каких бы то ни было предубеждений. Я прочёл всё, что было по этому вопросу опубликовано (в том числе на страницах Вашей газеты), и в результате стал сторонником как принципа внутриимперской взаимности в торговых отношениях между странами, так и протекционизма, считая всё же, что последнее гораздо важнее.

До сих пор мне не приходилось встречать такого заявления, в котором обе позиции были бы представлены объективно – так, чтобы читатель имел возможность их сопоставить. Так что автор, которому удастся изложить суть спора без спешки, рассудительно и бесстрастно, думаю, выполнит тем самым задачу национальной важности.

В поддержку принципа свободной торговли можно было бы сделать упор на аргумент, выдвинутый «Спектэйтором»: действительно, в ситуациях, когда закон затрагивает финансовые интересы, возникает опасность коррупции в среде политиков, этот закон принимающих. Подобные обвинения уже выдвигались в адрес государств, пользующихся протекционизмом. С другой стороны, мне не приходилось слышать о том, что приверженность такого рода торговой политике вызвала бы в Германии или Швеции катастрофическое падение нравов.

Второй аргумент состоит в том, что Британская империя, сейчас и без того не пользующаяся в мире особой симпатией, возбудит против себя открыто враждебные настроения, если установит в двусторонней торговле тарифные пошлины. В таком случае все страны мира объединились бы в устремлении помешать Империи расширить свои границы. Для тех, кто, подобно мне, считает обширность её достаточной, это не Бог весть какое зло, но всё же провоцировать к себе открытую враждебность не хотелось бы.

Есть и другое существенное соображение: в течение последних 60 лет мы практиковали принцип свободной торговли и на нём построили всю нашу коммерческую систему, функционирующую в целом успешно.

Всё это не вызывает сомнений. Оставаясь, несмотря на это,

протекционистом, я хотел бы изложить и позицию противоположной стороны. Прежде всего, нам предстоит как-то отреагировать на заявление Канады о том, что она готова заключить двустороннее торговое соглашение с третьей стороной в случае, если такого соглашения не заключим с ней мы.

В течение многих лет упадок наших импортных показателей компенсировался ростом импорта колониальных товаров. Если и последний также придёт в упадок, серьёзные потери в торговле со странами остального мира ничем возмещены быть не смогут, и это нанесёт нам тяжёлый ущерб. Если исключить из экспортных показателей торговлю углём (а экспортировать уголь – значит транжирить имеющийся капитал), то выяснится: доходы от продажи наших товаров европейским странам упали со 100 миллионов фунтов стерлингов (в 1872 году) до 79 миллионов – в 1902-м. Такой тридцатилетний итог мог бы иметь катастрофические последствия, если бы за тот же период доходы от экспорта в колонии не возросли бы с 60 до 108 миллионов фунтов. Я снова утверждаю: эти торговые связи необходимо сохранить, ибо наше коммерческое могущество зависит только от них. Если сохранение этих связей сопряжено с принятием нами каких-то условий, значит, эти условия нам придётся принять.

Нам говорят: пытаюсь получить свои 200 миллионов от торговли со странами Империи, мы рискуем потерять значительную часть из тех 800 миллионов, что составляют товарооборот с остальными странами мира. Это, на первый взгляд, весьма тревожное заявление не выдерживает серьёзного анализа. Всё, что только могло нанести ущерб нашим торговым отношениям с иностранными державами, уже было сделано. Имеющиеся показатели в любом случае останутся на прежнем уровне, если, конечно, мы не обложим пошлиной сырьё, увеличив тем самым его себестоимость. На этот шаг мы идти не должны: он противоречит нашим интересам. Остаётся импорт, который приносит нам около 500 миллионов фунтов стерлингов. Какая же доля этой суммы окажется под угрозой?

Около 160 миллионов фунтов стерлингов приходится на ввоз хлопка из Америки, льна из России и конопли с Филиппин: пошлины тут для нас смерти подобны. Остаётся сумма в 350 миллионов.

100 миллионов мы получаем за ввозимую в нашу страну готовую продукцию. Суть позиции протекционистов состоит в предположении, что, пожертвовав этой суммой торгового оборота, мы, скорее, укрепим своё экономическое положение – поскольку сможем предложить собственным гражданам новые рабочие места, а значит, и дополнительные денежные средства в форме зарплаты. Думаю, что сторонники свободной торговли, призвав даже на помощь всю свою изворотливость, не сумеют меня убедить в том, что, выплачивая 1000 фунтов стерлингов парижскому производителю автомобилей и внося их в сумму импортного оборота, я приношу больше пользы своей стране, чем когда выписываю чек бирмингемскому промышленнику и тем самым снижаю показатели на ту же сумму. Между тем бесчисленные сделки такого рода и составляют львиную долю от этих 100 миллионов.

Остаются те 220 миллионов фунтов стерлингов, которые мы платим за ввозимые продукты питания: вот так ещё недавно ужасавшие нас 800 миллионов сократились уже до вполне приемлемой суммы. Колониальный импорт таких продуктов, как овёс и ячмень, ничтожно мал; предметом дискуссии могут стать лишь пшеница, маис, вино и мясо. Признаюсь в том, что не вижу способа обложить эти продукты пошлиной, не подняв цену на них *pro tanto**, однако – на какую тысячную пенни поднимется стоимость пшеничного батона вследствие введения 5-шиллинговой пошлины, – этого я высчитать не сумел. Достаточно сопоставить, с одной стороны, все эти потери, с другой, – поддержку собственного сельского хозяйства, возмещение убытков Ирландии (аграрной стране, весьма пострадавшей от проводимой нами политики свободной торговли) и перспективы установления взаимовыгодных торговых связей с колониями (вроде уже существующих между странами Содружества), чтобы понять: на этом направлении и следует нам сконцентрировать усилия.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

* пропорционально, соответственно (*лат.*).

О НОВОМ ПРОТЕКЦИОНИЗМЕ (2)

Сэр! В номере от 11 июля двое Ваших корреспондентов прокомментировали приведённый мною пример с производством автомобиля, и я хотел бы объяснить, почему они не сумели меня переубедить.

Смысл моего утверждения сводился к тому, что ввоз из-за границы товаров, которые могут быть произведены внутри страны есть зло; в качестве иллюстрации я привёл пример с автомобилем стоимостью 1000 фунтов, задав вопрос: где выгоднее государству заказывать его – в Париже или в Бирмингеме? Ваши корреспонденты сочли, что ввоз товаров из-за границы стимулирует торговлю, сделав вывод, который мне представляется совершенно немыслимым. Если согласиться, что по достоинствам своим оба произведённых автомобиля равнозначны, то утверждение о том, что нам будто бы выгоднее направить тысячу фунтов на поддержку иностранной промышленности, противоречит здравому смыслу.

Знаю: формула «торговля порождает торговлю» считается сегодня аксиоматичной, но способ её доказательства на этот раз избран крайне неудачный. Оба Ваших корреспондента согласились во мнении, что эта самая тысяча фунтов для Британии не потеряна, что она вернётся нам в виде оплаты за британские продукты. Конкретный пример всегда тем и хорош, что на нём можно проследить, по каким каналам растекутся эти деньги. Итак, мсье Панар оплачивает продукт моим чеком и переводит деньги на свой банковский счёт. Определённая часть этой суммы идёт на поддержку его завода: последний становится для французского правительства важной мишенью налогообложения. Поступившая сюда сумма делится между работодателями и рабочими. Но если в расходной статье работодателей может действительно оказаться британская продукция, то рабочий – тот самый «синий воротничок», что предпочитает *vin ordinaire*, сабо и все атрибуты чисто французской экипировки, – вернёт нам очень небольшую часть этих денег. Какую-то часть своей

доли он положит в банк – и таким образом накопит, вполне возможно, очередной кредит России.

Скорее всего, из этой тысячи фунтов в Британию вернётся не более двадцати. А ведь мы могли бы сохранить её всю, обеспечив работой наших собственных граждан. Так, конечно же, предпочтительнее оставить эти деньги у себя, чем отправлять их за рубеж в надежде всего лишь на то, что малая часть их вернётся к нам по торговым каналам. Мне могут возразить: пример приведён слишком конкретный – торговый баланс определяется несравненно более крупными сделками. Но у Америки мы покупаем товаров на 100 миллионов долларов, а себе из них возвращаем 18: где же тут баланс? Или, может быть, это – исключение? Хорошо: на 32 миллиона мы получаем товаров из Голландии: отдаём – на 9. Где баланс? Тут уж положение дел никак не оправдаешь инвестиционными процентами или налогами судоходства. Бельгия продаёт на 24 миллиона, покупает – на 8. И снова на торговый баланс нет и намёка. По сравнению с нами Германия и даже Франция улучшают собственное положение, опровергая тем самым все общепринятые политэкономические аксиомы.

Я могу понять упрямцев, которые не желают соглашаться с приведёнными аргументами; мне непонятно лишь, как можно отрицать необходимость проведения серьёзного исследования по этому вопросу.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Спектэйтор»
1 августа 1903 г.

КОНАН-ДОЙЛЬ И ЕГО АВТОМОБИЛЬ

Милостивый государь!

Когда Вы удостоили этот мой «примерный» автомобиль честью стать главным персонажем передовой статьи в «Спектэйторе» от 18 июля, я решил, что продолжение дискуссии было бы чревато падением общественного интереса к проблеме. По-

сколько мой пример вызвал новый поток корреспонденции, я хотел бы добавить несколько слов, дабы, как минимум, отдать должное добродушию и чувству юмора, продемонстрированным Вашими читателями.

Некоторые из этих писем вряд ли можно назвать убедительными. Например: я готов признать, что с моей стороны попытка самому себе изготовить обувь означала бы бессмысленную трату времени, потому что я по профессии не обувщик. Но мы делаем автомобили, и делаем их очень неплохо. Если каждую машину, ввозимую из-за рубежа обложить пошлиной в размере 100 фунтов, то либо казна наша в каждом отдельном случае будет становиться богаче на эту сумму, либо заказ получит наш производитель – что благотворно скажется на развитии отечественной промышленности. Последняя не включает в себя ничего сколько-нибудь экзотического – вроде, например, виноделия. Ей, однако, предстоит вернуть себе некоторые утраченные позиции, и даже сейчас я не считаю большим злом вмешательство государства, которое могло бы сохранить для внутреннего рынка сумму, затрачиваемую на ввоз иностранных автомобилей.

Что же касается любопытного примера, приведённого мистером Альюнсенем, то протекционистским тарифом, я думаю, мы стали бы пользоваться осмотрительно, а значит, оставили бы те виды производственных машин, о которых он рассказывает, свободными от пошлины. Даже если протекционизм одержит победу, противостоять ему будет в нашей стране столь влиятельное меньшинство, что каких-либо злоупотреблений со стороны правительства можно не опасаться.

Меня поразила высказанная в Вашей статье мысль о том, что возможности британского производителя ограничены количественно, что лишает нас перспектив для организации расширенного производства. Это не очень-то согласуется со статистическими данными, приводимыми мистером Бруксом, согласно которым более 30 процентов наших рабочих зарабатывают не более 23 шиллингов в неделю. Именно здесь перед нами обширный фронт рабочей силы, который может быть реорганизован в высшие производственные формы.

Наконец, вынужден вновь вернуться к утверждению о том,

что импорт – это оплата экспорта и что выгода от торговли тем больше, чем выше разница между этими показателями. Если это правда, вынужден признать: наше государство переживает небывалый период расцвета. Но, оглядываясь по сторонам, я вижу, что страны, которые вывозят больше, чем ввозят, вместо того чтобы пребывать, как полагается, в плачевнейшем состоянии, напротив, благоденствуют. Если теория противоречит фактам, значит, её следует выбросить на помойку. Мне говорят, что за импорт мы не переправляем странам-производителям золото; но в то же самое время я читаю о том, как американский рынок оказался восстановлен благодаря наличности, которую страна получила за проданный урожай. Ни один из Ваших корреспондентов не затронул более или менее основательно вопрос о переправке золотых слитков, а между тем он-то и составляет суть проблемы.

С извинениями за очередное вторжение на Ваши страницы

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд

«Бойс оун пейпер»

31 октября 1903 г.

К 25-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ

Сэр! Позвольте мне пожелать «Boy's Own Paper» ещё четверти века столь же полезной деятельности. Я лично перед Вашей газетой в неоплатном долгу: она первой перестала возвращать мне рукописи и начала их печатать.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

5 сентября 1903 г.

«Хоуик экспресс»
18 декабря 1903 г.

СЭР А.КОНАН-ДОЙЛЬ О РЫБОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Милостивый государь! Признателен Вам за письмо, в котором Вы просите меня высказать мнение относительно рыбной ловли в Твиде. В ходе своей недавней очень приятной поездки в приграничные районы я уделил некоторое внимание этой проблеме.

До тех пор, пока закон о рыболовстве существует, полиция вынуждена им руководствоваться, но ясно, что сам он, будучи принят более пятидесяти лет назад, нуждается в коренной переработке или полной отмене. Все законодательные акты частного характера представляются мне уязвимыми для критики, но этот содержит в себе особенно раздражающие моменты. Я предпочёл бы полное отсутствие законов о рыболовстве, за исключением того, что регламентирует отлов лосося в Шотландии. В настоящее время он, разумеется, приемлем, но усложняется наличием частных определений. Общий закон о рыболовстве должен быть либеральным и демократичным – видеть разницу между человеком, который нарушает его из спортивного азарта, и тем, кто делает это в целях наживы.

Искренне Ваш

А.Конан-Дойль

14 декабря 1903 г.

«Таймс»
29 декабря 1903 г.

МИСТЕР БАЛЬФУР И ГОРОД БРЭДФОРД

Сэр! Мистер Гарольд Кокс попытался в ряде случаев оспорить утверждение мистера Бальфура о том, что город Брэдфорд ничего не экспортирует в Соединённые Штаты. Мистер Кокс, несомненно, прав: он может указать, в частности, на тот факт, что

в течение нескольких последних недель Брэдфорд вывез на Род-Айленд целую прядильную фабрику с оборудованием и капиталом. Насколько это усиливает его собственную аргументацию и ослабляет позицию мистера Бальфура, – уже другой вопрос.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
28 декабря

«Саузерн репортер», Селькирк
4 февраля 1904 г.

ТОРГОВЛЯ ТВИДОМ

Сэр! В редакционной заметке, касавшейся кризисной ситуации в торговле твидом, Вы, судя по всему, подвергли сомнению некоторые приведённые мной цифры. Могу лишь повторить уже сказанное мною в речи: о политических убеждениях джентльменов, приславших эти отчёты, мне ничего не известно, но имена их я должен сохранить в тайне, поскольку вряд ли найдётся такое предприятие, которое стремилось бы к обнародованию факта своего приближающегося банкротства. Если какие-то более удачливые производители снабдят меня отчётами более радостного свойства, буду счастлив предать их столь же широкой огласке. Однако, насколько я могу судить, более полные статистические данные, собранные заботами мистера Эйнсли (ссылки на них прозвучали в ходе дебатов накануне вечером), не только подтверждают мои выводы, но и рисуют ещё более безрадостную картину. Насколько мне известно, скоростной ткацкий станок был внедрён в массовое производство до 1890 года, и число рабочих, вследствие этого потерявших с тех пор свои места, можно с достаточной степенью точности оценить цифрой в 8 процентов.

Ваш и прочая

Артур Конан-Дойль

Отель «North British Station»
Эдинбург

«Дэйли кроникл»
4 февраля 1904 г.

В ПОДДЕРЖКУ ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Сэр! Моё внимание привлекла мысль о том, что о процветании Хоуик-Бороуз свидетельствует факт роста банковских сбережений его жителей. Мне же кажется – люди предчувствуют наступление тяжёлых времён. Многие предприятия работают в полсмены; население трёх городов, если сравнивать с данными предыдущей переписи, уменьшилось на 5 тысяч человек. При всём желании этот факт вряд ли удастся связать с ростом общественного благосостояния. Как можно говорить о процветании торговли шерстью (неважно, какой именно её отрасли), если мы ежегодно ввозим текстиля и пряжи на 12 миллионов фунтов стерлингов? Поскольку сумма нашего экспортного товарооборота со странами, не входящими в состав Империи, составляет всего около 7 миллионов фунтов, трудно даже придумать более весомый аргумент в пользу протекционизма. Всего лишь сохранив два своих рынка, внутренний и колониальный, мы смогли бы улучшить имеющийся торговый баланс, не продав никому ни ярда.

Ваш и прочая

Артур Конан-Дойль

Клуб «Атенеум», 3 февраля

«Дэйли кроникл»
6 февраля 1904 г.

ЕЩЁ ОДНО СЛОВО В ЗАЩИТУ ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Милостивый государь!

Утверждений о «процветании» Хоуик-Бороуз я не приемлю всего лишь на том основании, что они не соответствуют действительности. Я только что вернулся оттуда, и могу заявить: существующим положением дел не удовлетворены ни рабочие, ни

работодатели. О том, что вся шерстяная промышленность Южной Шотландии находится в плачевном состоянии, свидетельствует хотя бы тот факт, что число занятых в производстве рабочих упало здесь с 40034 в 1891 году до 24906 в 1901 году. В одном только Галашилле потери рабочей силы составили 30 процентов. Торговля идёт плохо; положение дел если и меняется, то к худшему. Многие предприятия работают в полсмены. Но вынуждая своих соотечественников либо эмигрировать, либо работать на полставки, мы при этом беспощадно ввозим шерстяных изделий в таком количестве, производство которого могло бы обеспечить работой 200 больших заводов и 50 прядильных фабрик. Такие цифры приводит Чарльз Джон Уилсон из Хоуика, авторитетный специалист по данному вопросу. Разве тот факт, что страны, препятствующие нашему экспорту, наводняют наш рынок собственной продукцией, тем самым изгоняя британцев с рабочих мест, не противоречит здравому смыслу и нашим понятиям о справедливости?

Мне кажется, в Вашей короткой заметке как в капле воды отразились все просчёты и иллюзии сторонников свободной торговли. Всего лишь на основании отчётных документов одного только Хоуикского банка была выдвинута самонадеянная теория, к истинному положению дел не имеющая ни малейшего отношения. Автору статьи я посоветовал бы приехать в Хоуик-Бороуз и рассказать рабочим, получающим половинную зарплату, об их исключительном процветании; хотя лучше бы ему от этого воздержаться – люди там живут практичные, они не верят в абстракции.

Судя по всему, мы, приводя каждый свои цифры, исходим из разных предпосылок. Я имею в своём распоряжении лишь сводки Комитета по торговле от 1902 года, приведённые в «Голубой книге» за 1903 год; никаких более свежих или более точных данных мне не попадалось. Привожу эти цифры с указанием стран, чтобы их можно было легко проверить. Сначала – о готовых шерстяных изделиях. Наш общий экспорт (стр.36) составил 15.264.000 фунтов стерлингов. Из них 6.996.000 фунтов (стр.45) остались в стране, а 9.195.000 фунтов отправились за рубеж (стр.41).

Ввоз продукции к нам из стран, занимающих протекцио-

нистскую позицию (стр.77–89), составил 10.326.316 фунтов. Разница между импортным и экспортным показателями, таким образом, составляет 1.131.316 не в нашу пользу. Могу лишь повторить то, что утверждал в предыдущем письме: если мы вообще не продадим ни ярда шерстяной ткани и сохраним торговлю на внутреннем и колониальном рынках, то свой торговый баланс только улучшим.

Есть тут один набивший оскомину аргумент: если мы, дескать, увеличим производство здесь, значит, вынуждены будем сократить его где-то в другом месте. В действительности мы сократим при этом разве что финансовые потери да число граждан, эмигрирующих из страны. Главная задача нации, как мне кажется, состоит в том, чтобы покрепче держаться за внутренний рынок. Потому что любой рост производства здесь повлечёт за собой рост смежных отраслей – это необходимо хотя бы для оплаты дополнительно произведённой продукции. Допустим, хоуикский твид продаётся в Шеффилде: значит, должен быть увеличен и объём выпуска шеффилдской стали – только в этом случае здешний рабочий сможет купить себе шерстяное изделие. А вот от продажи того же твида в Льеже если и выиграет, то лишь одна группа британских рабочих. Давайте же вновь восстановим внутренний рынок: тогда только мы сможем достичь такого положения в торговле, какое вот уже двадцать лет наблюдается в Германии и Америке.

Печально сознавать, что в 1901 году наши экспортные показатели по шерсти остались на уровне 1859 года, ничуть не изменившись по прошествии 42 лет. При нынешней скомпрометировавшей себя системе в стране существует одна процветающая отрасль торговли – каменноугольная; она-то и загоняет наших граждан под землю, вынуждает заниматься всю жизнь нездоровым и неквалифицированным трудом, расточает государственный капитал и предоставляет сырьё нашим же конкурентам, позволяя соперничать с нами в тех специфических отраслях торговли, где мы некогда преуспевали.

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
5 февраля

«Таймс»
28 ноября 1904 г.

ДЕЛО «КАРОЛИНЫ»

Сэр! В газетах появились сообщения (никем не опровергнутые, а в ряде случаев подтверждённые) о том, что некие господа Синнетт и Рош сумели провести по Темзе торпедный катер и переправить его русским.

Возникает вопрос: неужели нет закона, который мог бы призвать к ответу людей, действовавших вопреки международному праву? Если нет, значит, наш уголовный кодекс отмечен серьёзными пробелами, которые должны быть устранены.

За Британией в течение истории закрепились репутация ненадёжного союзника. Мы покинули принца Евгения и изменили Фридриху Великому в разгаре войны, которую вели с ними совместно. Так что японцу, который видит, как мы перегоняем торпедный катер в Россию, снабжаем русский флот валлийским углём и позволяем кораблям этого флота загружаться в Порт-Саиде, простительно из всего этого сделать вывод о том, что мы вновь следуем всего лишь собственным худшим традициям.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
25 ноября

«Бордер адвертайзер», Галашилс
11 апреля 1905 г.

МИСТЕР А.Л.БРАУН И СЭР АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

Милостивый государь!

Около года назад мистер Браун подверг сомнению некоторые приведённые мною цифры; более того, сделал он это в такой запарке, что даже прервал ради такого случая ход заседания. Позже я проверил снова приведённые данные (моему примеру

последовали некоторые другие компетентные статистики) и выяснил, что мои цифры совершенно правильны. Казалось бы, урок мистеру Брауну: не стоит пытаться опровергнуть мнение, которого не выслушал, и вникнуть в суть которого можно лишь, тщательно изучив предмет.

Но вот он вновь указывает мне на очередные «ошибки» и – как и в предыдущем случае – попадает пальцем в небо. Я ведь, говоря о прискорбном падении наших экспортных показателей, не ограничивал себя сводками отдельных лет: предложив в самом начале «вернуться лет на тридцать назад», я в конечном итоге выбрал 1871 год лишь в качестве конкретного примера. Причём исключительно объективности ради: куда более убедительно подтвердили бы мою точку зрения цифры 1872 года. Читатель сам разберётся во всём по таблице экспорта шерстяных изделий и камвольной продукции (включая пряжу), куда сведены данные по двум шестилетним периодам, взятым с тридцатилетним интервалом. Если мистер А.Л.Браун способен извлечь из этих цифр какое-либо утешение, значит, он – Марк Тапли в политике.

Данные эти взяты из статистического раздела «Голубой книги» и подтверждаются соответствующими выкладками мистера Хупера, любезно предоставленными мне самим мистером Брауном:

1870 – 26.600.000	1899 – 19.100.000
1871 – 83.300.000	1900 – 20.100.000
1872 – 39.500.000	1901 – 17.700.000
1873 – 80.700.000	1902 – 18.700.000
1874 – 28.800.000	1903 – 20.000.000
1875 – 26.700.000	1904 – 22.200.000

Мистер А.Л.Браун затем отмечает разницу между результатами, выраженными в двух разных категориях – стоимости и объёме продукции. Что именно означает эта разница, я уже подробно объяснял, но мистер Браун не был столь откровенен в своём письме: он не решился признать, что с учётом её показатели нашего импорта вообще возрастают в два раза по сравнению с тем, что следует из таблиц.

Говоря о том, как сокращается население упомянутых городов, я, судя по всему, смягчил картину (такой подход всегда представлялся мне предпочтительным): выясняется, однако, что Хоуик не досчитался 2 тысяч жителей – в дополнение к тем 4 тысячам, что покинули Галашилз. Мистер Браун, судя по всему, хотел бы обрести утешение в факте общего роста населения страны. Если бы последнему соответствовал прогресс в какой-либо производительной отрасли хозяйства, я мог бы понять логику его рассуждений, но текстильная, металлообрабатывающая и почти все производительные отрасли находятся в упадке или в застое. Я пишу об этом, как человек посторонний, пользуясь лишь справочными данными, но, если память мне не изменяет, единственными прогрессирующими в Британии отраслями экспорта являются уголь (что само по себе вызывает множество возражений), машиностроение (в основном автомобили) и судостроение. Причина этого упадка – существование тарифных барьеров в международной торговле, и никакой надежды на улучшение у нас нет и не будет до тех пор, пока мы не добьёмся равных прав с теми, кто эти тарифы для нас устанавливает.

Далее мистер Браун утверждает, что низкий уровень заработной платы в Бельгии – это как раз следствие введения здесь протекционистского тарифа. В таком случае чем объяснить высокий уровень заработков в Соединённых Штатах – может быть, тем же протекционизмом? Низкий уровень зарплаты характерен для некоторых районов Ирландии, страны, которая следует принципам свободной торговли. Германия, как и Бельгия, до 1880 года торговала свободно, однако политика протекционизма не привела здесь к падению уровня заработной платы: напротив, в сравнении с британскими показателями последняя возрастала здесь более высокими темпами. Вообще, заработная плата растёт прямо пропорционально спросу на рабочую силу, а значит, способствовать тому должна любая мера как по расширению международной торговли, так и по сохранению внутреннего рынка. Тарифная реформа, несомненно, станет важным шагом в этом направлении.

Мистер А.Л.Браун достаточно жизнерадостно упоминает о дешёвой бельгийской пряже, произведённой изнурительным трудом рабочих. Не думаю, что в Британии найдётся много прядильщиков, которые разделят его восторги.

Перспектива обложения пряжи 10-процентной пошлиной весьма обеспокоила мистера Брауна. Собственно говоря, согласно существующему на сегодняшний день проекту, с пряжи, как и с любого другого полуфабриката, должен будет взиматься лишь 5-процентный налог. Что ж, бельгийские производители вынуждены будут либо расстаться с этими деньгами (тем самым несколько облегчив бремя, которое несёт наш налогоплательщик), либо уступить дорогу британскому производителю. Если пряжа, как полагает мистер Браун, будет поступать к нам из Бельгии даже несмотря на установление тарифной пошлины, значит, тем лучше для нашего казначейства. Это, помимо всего прочего, даст нам возможность диктовать условия торговым партнёрам, а значит, получить то, к чему мы стремимся – истинную свободу в торговых отношениях; свободу и продавать тоже, не только покупать. Какие бы возражения ни выдвинул мистер Браун, думаю, рабочие района выразят со мной согласие и продемонстрируют его в ходе предстоящих выборов.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Отель «Балморал», Эдинбург
8 апреля 1905г.

«Таймс»

14 июня 1905 г.

СТРЕЛЬБА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВИД СПОРТА

Сэр! Позвольте мне, как человеку, имеющему некоторый опыт в создании и организации работы стрелковых клубов, сказать несколько слов, особенно уместных в дни, когда замечательное обращение лорда Робертса к народу обещает придать движению новые силы и сделать общенациональным явлением то, что до сих пор развивалось спонтанно и зависело в основном от настроения местных властей и щедрости отдельных граждан.

В первую очередь следует сказать о том, что человек, получивший навыки стрельбы на мини-стрельбище (возможно, в туннеле Морриса), оказываясь на стрельбище стандартных размеров, быстро становится прекрасным стрелком. Низкая траек-

тория полёта пули и почти полное отсутствие отдачи в современном оружии практически делает одинаковым обращение с винтовкой в этих разных условиях. Я говорю сейчас об открытом стрельбище длиной сто ярдов, где для ведения прицельного огня требуется учитывать силу ветра и тренировать зрение. Такое стрельбище – уже не шутка: здесь в течение короткого срока можно подготовить прекрасных бойцов для действующей армии. Создав побольше таких стрельбищ по всей стране, мы смогли бы воплотить в жизнь идею лорда Робертса о воспитании нации стрелков в самое ближайшее время.

Поскольку уже теперь перед нами встаёт необходимость выбора между всеобщей мобилизацией (мерой ненавистой, но, возможно, неизбежной) и широким движением по созданию стрелковых клубов, важно со всей серьёзностью найти наиболее простые и практические способы претворения в жизнь этого последнего варианта.

Тут мы подходим ко второму существенному вопросу: дело в том, что мини-стрельбище не только эффективно, но и обходится намного дешевле обычного. Если найти участок земли размером сто на двадцать ярдов с естественным возвышением у одного конца, то остальное – винтовки, мишени, укрытия – обойдутся не более, чем в 50 фунтов. Думаю, в каждом приходе найдётся по крайней мере один землевладелец, который изъявит готовность ради высоких целей пожертвовать небольшим земельным участком. Пустыри – обычные или заросшие вереском – очень легко превращаются в мини-стрельбище. Так что новообразованному клубу останется лишь найти упомянутую денежную сумму, да, может быть, ещё немного собрать по подписке – на приобретение небольших призов или значков для отличившихся стрелков. Мне известны сотни мест, где люди самостоятельно собрали эти средства и своими силами организовали стрелковые клубы.

Многие из них продолжают успешно действовать. Другие после того, как выдохся первый порыв энтузиазма, пришли в упадок. Причина? Возможно, клуб просто выполнил свою функцию и большинство молодых людей района научились хорошо стрелять – как произошло у нас. Но росту общественного безразличия к этому мероприятию может способствовать и тот

факт, что участнику клуба приходится выплачивать небольшую сумму на его содержание и самому покупать себе патроны. Человек бедный и занятой не без основания полагает, что тут, скорее, ему полагается выплата – за то хотя бы, что своё личное время он отдаёт делу защиты государственных интересов.

Сделав участие в клубе и боеприпасы бесплатными, мы легко устраним это препятствие. Патроны для длинного туннеля Морриса (а он во всех отношениях является наилучшим) обходятся в пенни за четыре штуки, так что кошелек налогоплательщика пострадает не очень сильно. Если стрельбища действительно окажутся дешёвыми и эффективными, мы должны будем рассмотреть возможность превращения этой системы в общественный институт. Лорд Робертс напомнил нам о том, что именно приходские состязания лучников сделали Англию ведущей европейской военной державой XIV века. Моё предложение состоит в том, чтобы восстановить прежнюю систему приходских мини-стрельбищ с использованием туннелей Морриса. Для создания клубов и контроля над их деятельностью соответствующие органы у нас имеются: это приходские советы. Думаю, если поручить сбор средств и организацию дела приходским советам в сельской местности и городским комитетам в небольших городах, в течение 12 месяцев мы могли бы создать систему стрелковых клубов – альтернативу всеобщей мобилизации. Создание центрального контрольного органа в Лондоне и инспекторского корпуса в каждом графстве позволило бы нам решить серьёзнейшую проблему с минимумом затрат и трений.

Что необходимо для этого? Принять закон, обязующий каждый приход создать у себя стрелковый клуб и получить право на сбор средств для этой цели. Содержание инспекторов и централизованного столичного ведомства не отяготит военный бюджет. Организационные вопросы такого рода покажутся делом лёгким и незначительным, если вспомнить о том, какими неудобствами, связанными с переездами и изменениями привычного уклада жизни, чревата служба в регулярных частях.

После создания системы стрельбищ, возникнет ли необходимость в принятии закона, предписывающего всем взрослым гражданам графства обязательное участие в обучении стрелковому делу? Ответ на этот вопрос станет ясен, когда мы увидим,

насколько активно пользуются услугами клубов добровольцы, заранее получившие по паре бесплатных патронных комплектов. Но даже если нам придётся принять такой закон, требования его окажутся весьма незначительными в сравнении с теми, что вправе выдвинуть перед своим гражданином любая европейская страна.

В заключение нам придётся рассмотреть вопрос о воскресных стрельбах. Именно им в Средние века наша страна была обязана искусством своих лучников. Самая совершенная организация дела теряет всякий смысл, если оказывается, что у людей нет времени воспользоваться её плодами. Рабочие располагают лишь одним выходным в неделю, и не стоит надеяться, что многие из них захотят добровольно провести его на стрельбище. Занятия стрельбой по воскресеньям в свободные от церковных служб часы практикуются в странах как католической, так и (в ещё большей степени) кальвинистской традиций; так что любые возражения на этот счёт, скорее всего, происходят не из желания следовать религиозным принципам, а в силу местных привычек и предрассудков. Мне представляется, что молодому человеку куда полезнее провести свободное время, обучаясь военному искусству на благо Отечества, нежели проболтаться эти часы на уличном углу. Понимаю, это – спорный вопрос, но он связан с основным и существенно важен для его решения.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Бордер адвертайзер», Галашилз

5 сентября 1905 г.

ПЛАТФОРМА СЭРА А.КОНАН-ДОЙЛЯ

Милостивый государь!

Моё внимание привлекла Ваша заметка в номере от 29 числа, в которой выражается удивление тем фактом, что человек социалистических убеждений и сторонник Гомруля обращается к своей аудитории от моего имени. Надеюсь, этот случай лишь

подтверждает мысль, которую я не раз высказывал: борьбу на предстоящих выборах развернут не консерваторы, радикалы и социалисты, а сторонники улучшения дел в международной торговле и те, кто всё хотел бы оставить по-старому. В сравнении с этим остальные вопросы второстепенны, и ради достижения общей цели следует забыть о мелких разногласиях. Тот факт, что мою платформу разделяют, в числе прочих, профессор Робертсон Уотсон и мистер Самюэл Стори, показывает, в какой степени вопросы экономики важнее банального политического соперничества.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
2 сентября 1905 г.

«Дэйли мэйл»
21 сентября 1905 г.

И СНОВА О МОТОФОБИИ

Сэр! Я встретил на Ваших страницах достаточно язвительные замечания по поводу действий судебных заседателей Андовера, которые ведут себя подобно феодальным баронам, привыкшим взимать дань с каждого, кто проезжает по территории их владений.

Подобная банда реакционных чиновников в течение летних месяцев терроризировала район Гилдфорда. Энергичность, с какой полиция хватается всех водителей подряд, а магистрат взимает с них штрафы, в этих двух местах идентична, о чём можно судить хотя бы по результатам: и там, и там задержано было по 72 человека, оштрафовано – по 71. Думаю, эти цифры говорят сами за себя.

Ни один человек в здравом уме не станет утверждать, что в каждом из этих случаев истина была на стороне полиции, – достаточно лишь принять во внимание многочисленные мотивы, имеющиеся у последней к тому, чтобы все свидетельства истолковывать в свою пользу. Даже человек совершенно объективный

не сможет точно измерить скорость автомобиля на привычном ферлонге (двухсотметровом отрезке), а самая незначительная ошибка в пересчёте на милю может повлечь за собой решающую ошибку. Промедление на одном конце отрезка и ускорение на другом также могут исказить результаты измерения.

Между тем водителей штрафуют как раз на основании подобных измерений – и таким образом, что те никак не могут рассчитывать на сочувственное отношение и объективность. Всё это подтверждает факт, который давно уже приобрёл печальную известность: по оживлённым трассам ездить можно спокойно, зато заброшенная сельская дорога опасна вне зависимости от того, с какой вы едете скоростью: полицейские устраивают свои ловушки именно здесь. Вот что получается, когда власти следуют букве закона, но не его духу.

На какие только хитрости не идёт полиция, чтобы уловить нарушителя в свои сети. Приведу в качестве примера случай, который произошёл со мной в Фолкстоне – городке, который я всем настоятельно рекомендую объезжать стороной. На широкой пустынной дороге меня остановил самый обычный постовой. Обернувшись, я увидел, что ещё трое констеблей лежат со своими инструментами на территории кладбища, прилегающего к обочине. Было воскресенье, и эти осквернители священной земли, должно быть, не подозревали о том, что сами заслуживают наказания за куда более серьёзный проступок, нежели превышение скорости (если даже таковое с моей стороны и имело место). Мировой судья с несколько тяжеловесной насмешливостью заметил, что если бы они не оштрафовали меня, я непременно бы сбил несколько человек – я, кто в течение нескольких лет почти постоянного пребывания за рулём даже не напугал на дороге ни одной живой души!

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

О ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Сэр!

По данным, приведённым в письме лорда Эйвбери, можно сделать вывод, будто экспорт наших шерстяных изделий растёт. Иллюзия эта объясняется тем, что он выбрал в качестве иллюстрации цифры пяти последних лет, для которых характерен некоторый подъём после периода глубокой депрессии.

В действительности падение показателей экспорта огромно: сегодня мы вывозим значительно меньше, чем вывозили в начале 70-х годов. Вот экспортные показатели тех лет (за вычетом пряжи): 1871 год – 27.000.000 фунтов стерлингов, 1872 год – 32.000.000, 1873 год – 25.000.000. И это – в сравнении с 18.000.000 фунтов, которые, по данным лорда Эйвбери, мы получили в 1904 году. Следует признать, что изменения в экспорте сами по себе не полностью отражают всю глубину упадка в этой отрасли; последний ещё и сказывается на показателях импорта шерсти, которые за тот же период возросли с 4 до 9 миллионов фунтов стерлингов.

Главным нашим конкурентом в производстве шерсти является Франция, а не Германия. Судя по тому, что эта страна получает от нас шерстяных изделий на 1,5 миллиона, а ввозит в нашу страну на 5 миллионов фунтов, протекционизм в торговле никоим образом её не затронул.

Я не осмелился бы подвергать критике письмо лорда Эйвбери, если бы, будучи кандидатом от избирательного округа, где производство шерсти является основным, не был вынужден подробно изучить этот вопрос. Существует лишь небольшая группа производителей, защищающих существующую систему, но все они, насколько мне известно, в прошлом были известными политиками. Я не встретил ещё человека, далёкого от политики, который был бы удовлетворён положением дел в торговле шерстяными изделиями.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Суррей
28 октября

К ДИСКУССИИ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Сэр! До сих пор у нас, сторонников тарифной реформы, не было возможности выразить сожаление по поводу отношения к нам оппонентов по дискуссии. Мистер Чемберлен постоянно подвергался насмешкам, и его пинал, словно куклу, каждый, кому не лень – что ж, подобные методы ведения политической борьбы характерны для всех стран мира. Но в своём заключительном слове мистер Эйткен провёл совершенно несуразную мысль о том, что в конфликте между сторонниками тарифной реформы, с одной стороны, и свободной торговли, с другой, решается вопрос высшей морали. Ту же дилемму при желании он мог бы усмотреть в вопросе: покупать ли нам варенье в магазинах или варить его из фруктов самим. Вправе ли мистер Эйткен подвергнуть сомнению моральные качества, скажем, Чарльза Бута, который всю жизнь провёл среди лондонских бедняков, или Альфреда Мозли, из своих средств оплатившего поездку в Америку? Оба эти джентльмена – сторонники мистера Чемберлена. А может быть, мистер Эйткен имеет в виду, что мы сегодня морально выше наших отцов и дедов, живших в эпоху протекционизма? Ему следовало бы обратить внимание не столько даже на США и Германию, сколько на такие страны, как Швейцария, Швеция и Голландия. Может быть, уровень общественной морали там ниже нашего? Если нет, то какое отношение имеет мораль к обсуждаемому вопросу?

Мой немецкий друг заметил как-то, что «буры начали войну, мобилизовав к себе на службу самого Всевышнего». Мне кажется, то же самое можно сказать об определённой части британских политиков. Мы уже замечали это, когда речь шла о статистических данных по системе образования и условиях труда в Китае: теперь та же тенденция проявляется в дискуссии о тарифной реформе. Не думаю, что высшие силы всегда выбирают сторону оппозиции.

Мне бы хотелось выразить свой скромный протест по поводу резкости, с какой мистер Эйткен обрушился на мистера Хат-

чинсона за неточности, якобы обнаружившиеся в его замечаниях. Суть выступления мистера Хатчинсона, насколько я могу судить, сводилась к тому, что в Германии уровень заработной платы растёт быстрее, чем в Великобритании. Мистер Эйткен, потрясая «Голубой книгой», утверждал, что это не так. Если бы он удосужился взглянуть в конец той самой страницы, которую цитировал, то вот что прочёл бы там чёрным по белому: «Как мы увидим, таблица свидетельствует о росте уровня заработной платы во всех четырёх странах. Быстрее всего уровень этот возрастал в Германии, медленнее всего – в Великобритании».

Стоит признать, что разница в цифрах невелика и на эксплуатации этого вопроса ни одна из сторон не сможет нажить себе политического капитала. Но ясно, во всяком случае, что для такой суровости в высказываниях мистер Эйткен не имеет никаких оснований.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

2 декабря 1905 г.

«Фарнэм, Хаслмир энд Хайндхэд геральд»
30 декабря 1905 г.

СПОРЫ О ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Сэр! Мистер Мэтьюэн всё ещё явно пытается убедить себя в том, что небесное воинство записалось в союзники сторонников свободного импорта. Что ж, пусть будет так, если ему от этого легче.

Но это несправедливо по отношению как к другим европейским народам, так и к нашим же предкам. Восхищаясь собственной исключительной добродетелью, мы уподобляемся тому упряму-присяжному, который жалуется – в жизни, мол, не встречал 11 таких упрямов!

В настоящее время, в соответствии с нашим высокоморальным законодательством, алмазы, бархат, шёлк и автомобили ввозятся в страну свободно, в то время как чай и сахар страдают от жестоких пошлинных обложений. И всё это, по-видимо-

му, — в силу каких-то моральных принципов, позволяющих нам чувствовать себя выше соседей. Но вообще-то ситуация выглядит несколько странно.

Мистер Мэтьюэн считает, что в результате перемен богаче станут лишь руководители промышленных мануфактур. Если он сумеет ещё и показать, как такое может произойти без участия рабочих, которые получают свою долю выгоды, то скажет новое слово в политэкономии. Процветание руководителей предприятий зависит от роста выпускаемой продукции; последний вызывает увеличение спроса на рабочую силу, что в свою очередь поднимает уровень заработной платы рабочих.

Сравнивать германского рабочего, 25 лет живущего в условиях новой торговой системы, с британским было бы неправомерно, поскольку уровень британского благосостояния наращивался столетиями. Зато сопоставить жизнь рабочего Германии при тарифной системе, с одной стороны, и при свободной торговле — с другой, было бы справедливо. Оказывается, никакого сравнения и быть не может: лишь система торговых тарифов способна обеспечить процветание как нации, так и её отдельного гражданина.

Наш рост уровня заработной платы в том виде, как представляет его «Голубая книга», выглядит неубедительно: ситуация тут напоминает анекдот про хвастуна, который рассказывает всем, что получает по 8,5 шиллингов в день, признаваясь затем неохотно, что рабочий день у него на неделе — единственный. Из сумм, приведённых в статистических данных, касающихся торговли шерстью — а я с положением дел в этой отрасли знаком наилучшим образом, — следует ежегодно вычитать как минимум четверть. От неполной загруженности страдают и другие промышленные отрасли.

Общая сумма экспорта и число занятых рабочих рук в этой старейшей отрасли британской промышленности на протяжении последних 20 лет постоянно падали.

Человек, который что-то производит — будь то мануфактурщик, индивидуальный ремесленник или фермер, — уже потому хотя бы, что он приумножает наше национальное богатство, имеет больше оснований рассчитывать на наше сочувствие к его интересам, чем потребитель, который может оказаться пара-

зитом или трутнем. Страна способна просуществовать без последнего, но не обойдётся без первого. Хотя мне кажется, что здесь вообще не сталкиваются ничьи интересы, ведь когда за стволом дерева осуществляется надлежащий уход, ветви и листья могут сами позаботиться о себе.

Чем же может похвастаться страна, живущая при системе, соответствующей столь высокой морали? Двенадцатью миллионами граждан, живущих на грани голода, и наивысшим среди высокоразвитых стран уровнем эмиграции, если верить цифрам, приведённым лидером партии радикалов. Каков, Вы полагаете, уровень морали и цивилизованности на дне нашего общества? Дно это само по себе есть результат нашей шестидесятилетней конкуренции с почти рабским европейским трудом и, как следствие, гибели одной промышленной отрасли за другой в силу причин, которые мы из-за своей глупой педантичности так и не смогли устранить. Квалифицированный рабочий – будь он ткач на шёлковой фабрике, жестянщик или стеклодув – теряет квалификацию, а лишённый работы – опускается на дно общества. В Германии ни одной промышленной отрасли не грозит опасность оказаться разрушенной: тариф здесь всегда обеспечит работой 60 миллионов человек.

В заключение несколько слов вот о чём: существует представление, что за все те изделия и продукты, что ввозятся в нашу страну и лишают наших людей рабочих мест, мы получаем что-то взамен. Ничего подобного. Если бы это было так, экспорт и импорт у нас находились бы в равновесии: сейчас же второй почти в два раза превышает первый. Половина нашего импорта являет собой выплату процентов за капитал, а также финансовые услуги, такие, например, как морские перевозки. Эти деньги мы получим в любой форме и очень легко. Если мы затрудним импорт готовой продукции, обложив её тарифной пошлиной, это обернётся для нас увеличением ввоза пищевых продуктов и сырья, а нам и требуется именно это. В настоящее время мы приносим в жертву труд бедняка ради интересов капиталиста, и так будет до тех пор, пока мы не перестанем покупать то, что способны произвести сами. Движение за тарифную реформу, как никакое другое, защищает истинные интересы демократии.

Мистер Мэтьюэн утверждает, что введение тарифа приведёт к повсеместному росту цен. Я не считаю, что десятипроцентная пошлина на готовые изделия повлечёт за собой какое бы то ни было подорожание, и надеюсь, что конкуренция на внутреннем рынке сохранит цены на прежнем уровне. Но предположим на минуту, что всё у нас действительно подорожает на десять процентов; ведь эти деньги останутся в национальной казне и снимут налоговое бремя с плеч граждан – то есть им же вернутся. В Америке не существует подоходного налога, очень невысоки прямые налоговые ставки – а всё благодаря тарифу.

Я буду в отъезде вплоть до окончания выборов, так что не сочтите за невежливость, если не смогу ответить на письма по этому вопросу.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

**«Бордер телеграф», Галашилз
9 январь 1906 г.**

К ИЗБИРАТЕЛЯМ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ

Джентльмены! Я надеюсь на Вашу поддержку в основном по вопросу финансовой политики: его я ставлю во главе угла, потому что считаю важнее любой политической проблемы. Наши двери широко открыты для импорта из всех стран мира. Неудивительно, что мы наводняем свой рынок готовыми товарами, которые могли бы произвести наши рабочие. Между тем со всех сторон вокруг нас воздвигаются тарифные барьеры, которые становятся всё более непреодолимыми.

Введением небольшой тарифной пошлины мы убьём по меньшей мере одного из двух зайцев: либо сохраним национальный рынок, либо получим возможность заручиться более выгодными условиями торговли с зарубежными странами. И то, и другое способствовало бы росту благосостояния как руководителей предприятий, так и трудящихся, поскольку успех первых – гарантия того, что и для вторых наступят лучшие времена. К шерстяной промышленности Британии, являющейся

основной для приграничных городов, сказанное относится в наибольшей степени.

Я также сторонник решения, единогласно принятого премьер-министрами стран-колоний на Лондонской конференции 1902 года, согласно которому в торговых отношениях между странами Империи должен действовать принцип режима благоприятствования. Думаю, эта политика не требует особой аргументации – достаточно заметить, что наметившееся улучшение дел, в частности в шерстяной промышленности, есть прямое следствие такой политики. Льготы, предоставленные колониями, оказались для нашей торговли весьма благотворны; ясно, однако, что если мы не проявим взаимности, долго это продолжаться не будет. Я выступаю за то, чтобы по возможности освободить от пошлины всё, что сами мы произвести не можем, и обложить ею те импортируемые товары, которые мы производим сами. В результате такой рациональной реорганизации тарифной политики выиграют как страны-колонии, так и наши фермеры. Не пострадают и остальные слои общества – напротив, положение дел в торговле улучшится в целом, потому что колонии начнут отдавать предпочтение продукции наших производителей.

Я выступаю за введение специального налога на предметы роскоши. Тот факт, что бриллианты, автомобили, бархат и шёлк ввозятся в страну беспрепятственно, в то время как предметы первой необходимости для беднейшей части населения облагаются огромной пошлиной, представляется мне вопиющим безобразием.

Далее – ирландский вопрос, вновь перед нами возникший. Своё отношение к нему я уже формулировал, баллотируясь в Центральном Эдинбурге в 1900 году, и оно с тех пор не изменилось. События в Норвегии и Венгрии являют нам новые доказательства того, насколько опасным может оказаться существование двух Парламентов под одной крышей. Я никогда не соглашусь с идеей принятия для Ирландии отдельного законодательства. В то же время я поддержал бы со всей решительностью любую меру (за исключением введения Гомруля), которая улучшила бы отношения между двумя нашими странами. Нынешняя политика юнионистов по закреплению участков за землевла-

дельцами представляется мне мудрой: возведение, кроме того, необходимых барьеров перед импортом позволит ирландскому фермеру впервые получить какие-то преимущества от связей с остальной Британией, что может иметь далеко идущие последствия и способствовать становлению тёплых и дружеских взаимоотношений между двумя нашими народами.

Я считаю также необходимым согласиться с требованиями большинства ирландцев в том, что касается создания Католического университета. Думаю, это будет мероприятием справедливым и выгодным: справедливым – потому что ирландские деньги здесь будут использоваться так, как захотят того сами ирландцы, вне зависимости от нашего согласия, выгодным – потому что устранение любой национальной проблемы снимает ажиотаж вокруг Гомруля, предоставление которого противоречит нашим национальным интересам. Более того, Гомруль, я убеждён, гораздо больше вреда принесёт самой Ирландии, нежели Великобритании в целом.

Как либерал я выступаю за полное равенство между последователями различных религиозных конфессий. Но понимаю: великие исторические институты, каковыми являются шотландская и английская Церкви, не должны быть задвинуты в сторону как нечто второстепенное. Я не стану поддерживать законопроекты, тому способствующие, до тех пор, пока вопрос не будет вновь вынесен на публичное обсуждение в ходе новых выборов.

Я выступаю за полное равенство избирательных прав для всех мужчин и той части женского населения, от которой поступают налоги в казну Империи. Отказ последним в избирательном праве означал бы получение налога без представительства.

Я выступаю против обложения сельскохозяйственных угодий дополнительными налогами, поскольку земледелие – важнейшая отрасль нашего хозяйства – остаётся и самой угнетённой. Вести разговоры о новых налогах на землю и надеяться на появление новых землевладельцев было бы непоследовательно. Что же касается городских участков, стоимость которых возросла вследствие городского развития, было бы, как мне кажется, справедливо, если бы владелец, вступив в пользование участком на новых условиях, частью выгоды поделился с муниципалитетом, которому принадлежит земля. Это в большей степе-

ни касается Англии, чем Шотландии, но и здесь я выступаю за обложение налогами той земли, владелец которой уклоняется от строительства, надеясь использовать свой участок в спекулятивных целях.

Что касается закона об удержании, то, думаю, достаточно будет контроля местных властей: именно они должны обеспечивать справедливую компенсацию гражданину, лишённому части собственности.

По мере возможности я ещё буду знакомить избирателей со своими взглядами по другим проблемам, но в заключение хотел бы вновь подчеркнуть: никакая тема, касающаяся партийной политики, по насущности своей не может сравниться с вопросом о торговле. От его решения зависит благосостояние городов и граждан, равно как и то, какое место будет занимать наша страна в ряду мировых держав.

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Суррей
27 декабря 1905 г.

«Таймс»

26 января 1906 г.

ЧЕМБЕРЛЕН И БЁРНС

Сэр! Мистер Бёрнс утверждает, что мистер Чемберлен не добился в войне никаких результатов. В действительности же он сохранил единство Южной Африки под британским флагом, заслужив любовь и уважение каждого британца. Найдётся ли другой наш современник, который смог бы воздвигнуть себе монумент такого масштаба? Читая в исторических документах о мелких людишках, которые обливали грязью великих строителей Империи, таких, как Четхэм и Питт, понимаешь, что мир движется кругами и время от времени возвращается к исходному пункту.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Гранд-отель, Трафальгар-сквер
26 января

СЭР АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ И ТАРИФНАЯ РЕФОРМА*

Милостивый государь! Позвольте мне сердечно приветствовать всех собравшихся здесь друзей. У меня сохранились самые приятные воспоминания о теплоте, которую я встретил в течение тех двух лет, что работал в Бордер-Бороуз. Думаю, граждане района в не меньшей степени, чем я, заинтересованы в решении вопроса о тарифной реформе. Вспомним: на нашу сторону встали все университеты Королевства, лондонский Сити и целиком индустриальная Средняя Англия. Качество здесь важнее количества, а значит, мы уже одержали победу. Если взять мужское население стран-колоний, то и в целом по Империи мы имеем огромное численное большинство. Движение, которое достигло такого прогресса в столь короткий срок, просто не может не одержать окончательной победы. Мне жаль, что Бордер-Бороуз не относится к тому числу избранных, что несут стяг промышленного прогресса.

Думаю, здесь, как и во многих других случаях, вопрос был искусственно затушёван проблемой рабского труда в Китае, которая – как уже признал секретарь по делам колоний – вводит общественность в заблуждение или, во всяком случае, «грешит терминологическими неточностями», да простят мне цитирование таких глупостей. Итак, правительство вынуждено признать то, о чём я не раз говорил в ходе предвыборной кампании. Думаю, выборы 1906 года останутся в истории как «великая китайская махинация». Не успели ещё дворники сорвать с Ваших стен карикатуры на китайских рабов, как сами авторы признали их лживость. Тем не менее и оне сослужили нам службу. Политиканы, провернувшие эту афёру, рассчитывали сделать всего лишь ход в своей игре, но избиратель, поняв, что его голос украли, сыграв на чувствах, оставит этот эпизод в своей памяти.

* Письмо было зачитано общественному собранию юнионистов в Селькирке (П.Г.).

Ещё раз желаю всем моим друзьям приятнейшего вечера и счастья.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

P.S. Прошёл слух о том, что я после выборов попал в больницу. Это – терминологическая неточность.

Андершоу, Хайндхэд, Суррей

«Таймс»

12 апреля 1906 г.

АВТОМОБИЛИ И ПРИБРЕЖНАЯ ОБОРОНА

Сэр! У нас есть подразделение под названием «Пограничный легион», пытающееся уже сейчас организовать те слои гражданского населения, которые могут оказаться полезными в военное время. Одну социальную группу эта организация оставила без внимания; между тем она может в нужный момент сыграть решающую роль. Я имею в виду автомобилистов Великобритании. Предположим, мы подверглись внезапному вторжению или налёту, и в Лондон поступили сообщения о том, что на южном или восточном побережье закрепились силы неприятеля. Всё в такой ситуации будет зависеть от быстроты превентивной акции: необходимо будет помешать вражеской кавалерии, разбившись на маленькие отряды, захватить важнейшие средства сообщения, перерезать линии передач, взорвать мосты и дезорганизовать оборону в целом. Пройдёт несколько дней, прежде чем воинское подразделение достаточной численности сможет оказаться на месте: тем временем враг успеет укрепить свои позиции и причинит много бед.

Моё предложение состоит в следующем: пусть тысяча автомобилистов (цифра, я уверен, может возрасти втрое или вчетверо) организуются в подразделение и возьмут на себя обязательство при первом же сообщении о неприятельском вторжении собрать по отряду отборных стрелков района и доставить их в своих машинах с недельным провиантом, винтовками и боепри-

пасами к опасной точке. Провизия, оружие и автомобили в наличии имеются – не хватает только боеприпасов. Правительство должно предоставить 2 тысячи комплектов каждому водителю, который выразит желание поступить на службу, и разрешить ему хранение их в мирное время у себя в гараже. Таким образом, в течение нескольких часов вокруг неприятельской позиции будет создан кордон нерегулярных автономных стрелковых подразделений, который помешает неприятелю продвигаться дальше вперёд, отсечёт патрульные отряды и сформирует первую линию сопротивления, за которой уже может быть организована регулярная оборона. И всё это – не прибегая к помощи железнодорожного транспорта.

Я понимаю, какой опасности подвергнутся эти импровизированные подразделения в военное время, но убеждён, что сами их участники с радостью пойдут на риск в тяжёлую для страны минуту.

Проверить эффективность такой организации будет очень легко. Для этого министерству внутренних дел достаточно лишь создать соответствующее подразделение и в выбранный для этой цели день телеграфировать каждому зарегистрированному автомобилисту о необходимости срочного прибытия в указанное место. Затем останется лишь подсчитать, какое количество вооружённых и экипированных стрелков прибудет сюда в течение следующих пяти часов.

Я был бы очень рад, если каждый владелец автомобиля, который прочтёт эту заметку и согласится с моим предложением, сообщит об этом секретарю организации «Legion of Frontiersmen» по адресу: Адам-стрит, Адельфи, W.C.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Суррей

ВОСКРЕСНЫЕ СТРЕЛЬБЫ

Сэр!

Опубликованный на страницах Вашей газеты протест по поводу того, что мы открыли наше стрельбище в воскресенье, был предельно вежлив и выдержан в столь умеренных тонах, что мне захотелось объяснить принятое нами решение.

Прежде всего стоит заметить, что мы пошли на этот шаг в результате единогласного решения комитета, в составе которого десять человек, представляющих все цвета и оттенки религиозного спектра. Вряд ли стоит говорить о том, что мы предполагали встретить противодействие и намерены с ним справиться.

В то же время мы далеки от желания встать в позу, оскорбляющую религиозные чувства людей. Стрельбище открыто вечером, в час, когда нет никаких церковных служб. Стрельба ни для кого из участников не является работой: это вполне безобидный способ времяпрепровождения. Незначительный шум из туннеля Морриса не вызывает неудобств окружающим.

В наши дни, когда по воскресеньям люди беспрепятственно занимаются ездой на велосипедах и в автомобилях, греблей и даже игрой в гольф, трудно найти сколько-нибудь логичный аргумент против этой формы проведения досуга, которая служит столь важной общественной цели.

Что же касается вопроса о том, как следует проводить воскресные дни, то должен напомнить: протестантство пришло к нам из Германии, пуританство – из Голландии и Швейцарии. Во всех трёх странах, и особенно на родине Кальвина, стрельбы по воскресеньям – явление распространённое; более того, нередко они специально откладываются до выходного дня. Во времена Иакова I, когда страна была уже протестантской, стрельбы по воскресеньям, как меня проинформировали, были мероприятием обязательным. Наши сегодняшние взгляды на воскресные мероприятия (точнее, взгляды наших отцов – в течение последних 20 лет они заметно изменились) не имеют никакого отношения к истории Англии или протестантской религии: они – след-

ствие пуританских предрассудков местного характера, оставшихся нам в наследство от теологических диспутов XVII века.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир

«Стандард»

20 ноября 1906 г.

КНИЖНАЯ ВОЙНА

(Протест сэра А.Конан-Дойля)

Сэр! Прошу Вас опубликовать прилагаемый ниже текст. Если принять во внимание тот факт, что часть контракта, о котором идёт речь, является традиционной данью вежливости автору, который хотел бы раздать несколько экземпляров своих книг друзьям, трудно подыскать слова, чтобы охарактеризовать низость тех, кто пытается прямо или косвенно использовать этот пункт прямо в качестве оружия против самого автора.

Остаюсь, сэр, Ваш верный слуга,

Артур Конан-Дойль

(прилагается)

Книжный клуб газеты «Таймс», Лондон

16 ноября 1906 г.

Сэру Артуру Конан-Дойлю

Хайндхэд, Суррей

Сэр! Мы были бы рады заказать у Вашего издателя, «Смит, Элдер и К°» большую партию книги «Сэр Найджел» по оптовой цене, но там получили отказ. Мы глубоко опечалены их действиями, поскольку знаем, что если бы мы получили возможность свободно распространить Вашу книгу, наши подписчики прочли бы её с удовольствием.

Насколько нам известно, в обычном авторском договоре существует пункт, оговаривающий для автора возможность приобрести экземпляры своей книги по оптовой цене; мы полагаем,

и Вы имеете право поступить так в отношении издания книги «Сэр Найджел». Если так, мы были бы рады выкупить у Вас 1950 экземпляров книги (по цене обычных 1800 экземпляров) – если, конечно, Вы окажетесь в состоянии предоставить нам весь заказ сразу.

Искренне Ваш

Книжный клуб газеты «Таймс»

«Дэйли ньюс»
24 ноября 1906 г.

СЭР АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ И МИСТЕР ПЕРРИС

Милостивый государь!

Литературный критик по традиции имеет право беспрепятственно высказывать свои оценки, вне зависимости от степени их здравомыслия. Однако, когда корреспондент со стороны решает принять участие в дискуссии, несомненно, автор имеет право ему ответить. Мне и в голову не могло прийти, что необходимо специально информировать образованного человека о том, что автор, описывая в том или ином духе нравы определённого времени, совсем не обязательно навязывает идеалы прошлого.

В предисловии к «Сэру Найджелу» я защитил себя от обвинений такого рода. Уличить меня в пропаганде средневекового милитаризма на том лишь основании, что я с симпатией отношусь к рыцарям былых времён, – всё равно, что причислить меня к числу пуритан Кромвеля (потому лишь, что образы таковых выведены в романе «Михей Кларк»). Задача автора исторического романа состоит в том, чтобы забыть о себе и своём времени: на эпоху Фруассара взглянуть глазами самого Фруассара.

Ваш корреспондент рекомендует мне оставаться на позициях «Piers Plowman», но ясно, что он не читал моей книги, потому что автор «Piers Plowman» в моём романе фигурирует, так что и его точка зрения представлена вполне сочувственно. Читателю, которого интересуют взгляды автора на современные

проблемы, остаётся порекомендовать обратиться к тем его произведениям, где описывается современная жизнь.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Суррей

22 ноября

«Дэйли телеграф»

9 января 1907 г.

ДЕЛО ДЖОРДЖА ЭДАЛДЖИ (1)

(Специальное расследование
сэра Артура Конан-Дойля)

Сэр! Некоторое время я занимаюсь расследованием дела Джорджа Эдалджи, молодого юриста персидского происхождения, который в октябре 1903 года был приговорён стафффордским квартальным судом к семи годам тюремного заключения за нанесение увечий домашнему скоту. Я был бы очень признателен, если бы Вы оказали содействие делу установления истины и в одном из первых номеров года опубликовали результаты моего собственного расследования. Вы окажете мне услугу, если поместите над статьёй замечание: «авторские права не охраняются»*. Я очень надеюсь, что её в полном объёме перепечатают и другие издания, в частности газеты Средней Англии. Только обращение к общественности может положить конец беззаконию, которое – и это я намереваюсь доказать – принимает масштабы общенационального скандала.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Монкстаун, Кроуборо, 7 января

* Специальная статья сэра А.Конан-Дойля, содержащая полное изложение всех деталей дела и занявшая 14 газетных колонок, была опубликована в двух частях. Первая появилась 11 января, вторая – в следующем номере (П.Г.).

«Дэйли телеграф»
15 января 1907 г.

К ВОПРОСУ О ЗРЕНИИ

Сэр! Ту часть своей аргументации, которая касается зрения, я считаю столь важной, что хотел бы сразу ответить на замечания мистера Эйчисона.

Боюсь, что в той части статьи, где показывается, как человек с нормальным зрением может почувствовать себя в положении мистера Эдалджи, я выразился недостаточно точно. Знак «минус», касающийся диоптрий, превратится, разумеется, в «плюс». Я обладаю нормальным зрением и знаю, сколь беспомощно чувствует себя человек в таких очках. Я провёл эксперимент с одним журналистом – предложил ему добраться до теннисной площадки перед самым домом. Сделать это ему не удалось. Мистер Эйтчисон преуменьшает степень близорукости обвиняемого, хотя цифры в моём документе названы точно. Её значение по одной из осей достигает 10.50: это очень много, тем более в сочетании с астигматизмом.

О том, насколько эффективными могут быть здесь методы коррекции зрения, говорить не приходится, поскольку мистер Эдалджи тогда не был в очках. Полицейское признание на этот счёт у меня имеется.

Полагаю, мистеру Эдалджи было бы так же трудно совершить это преступление, как если бы искалеченными у него оказались ноги, а не глаза. Я попросил главных редакторов трёх ведущих медицинских изданий по возможности узнать мнение на этот счёт практикующих окулистов из числа их читателей. Когда поступят ответы, мы будем иметь мнение британских врачей-окулистов по этому вопросу.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Суррей
14 января

«Бритиш медикэл джорнэл»
19 января 1907 г.

ДЕЛО ЭДАЛДЖИ (1)

Милостивый государь!

Я хотел бы, в интересах установления истины, задать практикующим врачам-окулистам из числа Ваших читателей следующий вопрос.

Возможно ли, на Ваш взгляд, чтобы мистер Джордж Эдалджи, страдающий миопическим астигматизмом (правый глаз – 8,75 сферич. и 1,75 – цилиндрич. диоптрий; левый глаз – 8,25 еферич. диоптрий – таковы результаты ретиноскопии, проведённой с использованием гоматропина), мог безлунной ночью в кромешной тьме пройти без очков полмили по сельской местности, перелезть через несколько заборов, выискивая при этом бреши в зелёных заграждениях, пересечь широкое железнодорожное полотно, разыскать в чистом поле и затем искалечить пони – в течение всего лишь 35 минут (ибо столько времени и было у его распоряжении)?

Выразив своё коллективное мнение на этот счёт, профессиональные медики очень помогли бы мне добиться справедливого решения суда в отношении этого молодого специалиста, обвинённого в преступлении, которого он, на мой взгляд, не совершал.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Хайндхэд, Суррей
13 января

«Дэйли телеграф»
19 января 1907 г.

ДЕЛО ЭДАЛДЖИ (2)

Сэр! Я просил бы Вас посодествовать мне в предании огласке происшествия, которое, возможно, имеет к делу Эдалджи непосредственное отношение.

1 октября 1903 года в конверте с пометкой почтового отделения Саутенда-он-Си на полицейский адрес пришло письмо следующего содержания:

«Прочла во вчерашней «Дэйли мэйл» заметку про увечие домашнего скота. Там упоминаются анонимные письма, несколько лет назад полученные викарием, а также товары, которые кто-то шуток ради рассылал от лица различных торговых организаций. Думаю, я могла бы помочь Вам в установлении личности этого человека, поскольку из его собственных уст слышала рассказ о том, как он помогал в розыгрыше викария. Этот человек и написал те издевательские письма. Он не только писал их сам, но и понуждал к тому других. Если это хоть как-то Вам поможет, могу выслать адрес, по которому Вы найдёте этого человека.

С уважением,

Молодая горничная.

P.S. Прошу Вас ответить мне через «Дэйли мэйл».

Полицией не было предпринято никаких шагов в этом направлении.

Конечно, возможность розыгрыша никогда не следует сбрасывать со счетов, но многое в тексте этого письма говорит о его подлинности. Я попытался отыскать утерянную нить, поместив объявление на рекламной странице «Дэйли мэйл», но ничего не добился. Мне представляется, однако, что корреспондентка, если она жива, продолжает интересоваться этим делом и, может быть, следит за развитием событий по страницам «Дэйли телегаф». В случае, если это письмо попадётся ей на глаза, я прошу её, связаться со мной по нижеуказанному адресу и заверяю, что, оказав содействие правосудию, она не претерпит никаких неудобств личного характера.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Гранд-отель», Лондон

18 января

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО В ДЕЛЕ ЭДАЛДЖИ

Милостивый государь!

Трудно сейчас назвать вопрос, с которым мне не пришлось бы столкнуться при написании основной статьи и в ходе последовавшей затем переписки. Я утверждаю, что каждый из этих вопросов был рассмотрен со всей возможной объективностью, и беспристрастный наблюдатель не найдёт ни малейших причин усомниться в правомочности общественного вмешательства в обстоятельства рассматриваемого дела.

Суть его оказалась несколько смазана многообразием мнений, предположений и ложных заявлений. Позвольте мне в последний раз напомнить основные положения защиты, в совокупности своей восстанавливающие всю картину происшедшего:

1. Предположение о том, что столь варварское преступление мог бы совершить мистер Эдалджи – человек добродетельный, высокообразованный и застенчивый – выглядит крайне неправдоподобно.

2. Имеются доказательства того факта, что вокруг семейства Эдалджи в течение последних 15 лет плелась сеть заговора.

3. Мистер Эдалджи подробно объяснил, чем занимался в тот вечер до 9.30; лишь на период в 50 минут – с 8.35 до 9.25 – у него отсутствует алиби. Но за это время он не мог проделать сначала мило по дороге, затем полмили по пересечённой местности, поймать пони и искалечить его. Ветеринарный хирург установил, что рана животному была нанесена ранним утром.

4. Эдалджи не мог сделать это после половины десятого вечера. Отец, с которым они спят в одной комнате, мать, сестра и горничная – все утверждают, что он не выходил из дома. Существует вероятность того, что за домом наблюдали снаружи и что более двадцати наблюдателей были расеяны по округе. В ту ночь шёл ливень, и его одежда промокла бы до основания.

5. Все доводы обвинения основываются на данных полиции, которые внушают серьёзные сомнения и опровергаются всеми сколько-нибудь заслуживающими доверия свидетелями.

6. Эксперт по почерку однажды уже ошибся – в деле Бека.

7. Мистер Эдалджи физически не мог совершить преступления из-за плохого зрения.

Таковы основные положения, мною уже подробно рассматривавшиеся. Позицию защиты укрепляет непрекращающийся поток возмущённых писем и откликов на арест мистера Эдалджи, факт которого представляется тем более вопиющим, если учесть потворство полиции сбежавшему Грину, уже признававшемуся в совершении подобного преступления. Такова суть представляемого здесь мною заявления об имевшем место нарушении законности. Убедён, что оно имеет под собой основания и не было опровергнуто последовавшими затем расследованиями и спорами.

В отношении пункта 7) должен сказать, что ни в коем случае не хотел бы придать этому чисто профессиональному медицинскому аргументу излишнюю значимость в сравнении с остальными высказанными мною суждениями. Может быть, имея определённые представления об офтальмологии и побывав на месте преступления, я придал слишком большое значение именно этой стороне дела, забыв, что читатель вряд ли сможет оценить всю непреодолимость упоминавшихся препятствий, если не познал тех же трудностей на собственном опыте. Предположение о том, что человек, который носит очки в 8 диоптрий, смог бы ночью в течение короткого срока совершить то, чего я, человек не жалующийся на зрение, не сумел бы проделать с той же быстротой днём, я счёл совершенно абсурдным. Наверное, стоило пойти дальше, доказав, что вообще ни один нормальный человек на такое не способен. Так или иначе, я остановился на утверждении, что *a fortiori** такое не под силу близорукому человеку. Многие авторы писем, однако, сочтя, очевидно, что человек с нормальным зрением мог бы произвести все эти действия, принялись сравнивать возможности обычного и близорукого глаза, рассуждая, помимо всего прочего, ещё и о том, как недостаток зрения можно компенсировать искусством пробираться на ощупь. Сегодня я намерен отправить в министерство внутренних дел письмо с изложением собственных выводов. Они состоят в том, что факт совершения подобного преступления бли-

* тем более, особенно (лат.).

зоруким человеком либо «совершенно невозможен», либо «весьма маловероятен». В этом меня поддержали как сэр Андерсон Критчетт, так и мистер Неттлшип.

Я считаю, что сделал всё возможное, дабы – пользуясь историей дела, предоставленной мне мистером Йелвертоном, – ознакомить с его обстоятельствами правоохранительные органы и британскую общественность. Думаю, прежде чем предпринять со своей стороны какие-то новые шаги, я должен узнать официальное мнение властей на этот счёт.

С уважением

Артур Конан-Дойль

«Гранд-отель», 25 января

«Дэйли телеграф»
11 марта 1907 г.

ДЕЛО ЭДАЛДЖИ (3)

Сэр! Судя по публикациям в «Truth» и «Police Review», господа Воулз и Кемпстер, горячо отстаивавшие правоту мистера Эдалджи, теперь преисполнены пессимизма относительно перспектив благоприятного исхода расследования, проводимого специальной комиссией. Прежде всего должен заметить, что ни сам мистер Эдалджи, ни его друзья и консультанты не имели, насколько мне известно, ни малейшего представления ни о факте создания комиссии, ни о степени её авторитетности, пока не прочли обо всём этом в газетах. По здравом размышлении я, однако, склонен с куда большей надеждой, чем двое упомянутых джентльменов, ждать от её работы положительных результатов.

Думаю, их пессимизм основывается в основном на той предпосылке, что комиссия приняла к рассмотрению лишь официальные отчёты, уже использовавшиеся в ходе предыдущих попыток пересмотреть дело. Однако это не так. Уже предприняты значительные усилия к тому, чтобы аргументы защиты мистера Эдалджи были представлены как можно более полно. В числе документов, которые в качестве свидетельств лягут на стол пе-

ред тремя авторитетными и независимыми экспертами, вошедшими в состав комиссии, будут следующие:

1. изложение сути дела в том полном объёме, в каком оно было обнародовано газетой «Дэйли телеграф»;

2. мнение двух десятков экспертов относительно близорукости обвиняемого, а также вопроса о том, мог ли человек с таким зрением совершить это преступление;

3. альтернативная теория с указанием возможных виновников и доказательствами в её пользу;

4. значительное количество новых свидетельств, проливающих свет на это дело.

Новое расследование, в чём нам ещё предстоит убедиться, значительно отличается от всех предыдущих тем, прежде всего, что является независимым и призвано рассмотреть значительное количество новых свидетельских показаний.

Перед комиссией, как мне представляется, открываются четыре пути. Её эксперты могут оставить всё как есть, что, на мой взгляд, маловероятно. Они могут также рекомендовать проведение повторного судебного разбирательства, назначение Королевской комиссии и, наконец, полное снятие обвинений с выплатой пострадавшему компенсации. Повторное разбирательство или назначение новой комиссии и представляют собой те два исхода, которые мы сочли бы для себя благоприятными. Последняя возможность (безоговорочное освобождение) также в значительной мере соответствует цели, к достижению которой мы стремимся. Поэтому в целом я с надеждой смотрю на исход работы консультативной комиссии.

Вполне возможно, нам ещё пригодятся денежные средства, собранные в фонд по подписке, поэтому, полагаю, что граждане, столь щедро поддерживавшие идею достижения справедливости и истинного правосудия, согласятся оставить здесь внесённые ими суммы до тех пор, пока не станет ясно, какой оборот примет дело в дальнейшем.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Монкстаун, Кроуборо

4 марта

ДЕЛО ЭДАЛДЖИ (4)

Милостивый государь!

Друзья Джорджа Эдалджи, приветствуя сам факт провозглашения его невиновным (притом, конечно, что всё это сделано было неохотно и некрасиво), всё же считают свою задачу выполненной лишь наполовину, поскольку ему было отказано в компенсации. Между тем в заявлении комиссии написано чёрным по белому: «Полиция начала и завершила расследование не с целью выявить истинного преступника, а с одной только целью: собрать показания против мистера Эдалджи, в виновности которого была убеждена заранее».

Теперь выясняется, что мистер Эдалджи невиновен. Таким образом, полиция, извратив до предела все принципы правосудия, причинила этому человеку и его семье невыносимые страдания, заставила его пройти через два судебных разбирательства, провести три года в тюрьме и год под надзором властей. Мало того, что на невиновного обрушили массу несчастий, – его лишили возможности заниматься профессиональной деятельностью, что повлекло финансовые потери, справиться с которыми ему удалось лишь благодаря готовности родственников на любые жертвы. Всё это произошло в результате вопиющего полицейского беззакония и из-за глупости квартального суда. И вот теперь этому несчастному говорят, что он не получит никакой компенсации.

Вывод противоречит логике, и мы не должны с ним мириться. Одно из двух: либо этот человек виновен, либо нет такой компенсации, которая могла бы в полной мере возместить меру зла, причинённого ему нашей страной в лице её официальных представителей. Действительно, жаль, что эти средства придётся изъять из карманов налогоплательщика. Их вполне могли собрать общими усилиями полиция Стаффордшира, члены квартального суда и чиновники министерства внутренних дел – все, кто виноват в случившемся. Но у нас нет возможности заставить раскошелиться непосредственных виновников, и, значит, необ-

ходимость хоть как-то исправить вопиющую несправедливость лежит на совести всех граждан страны. Признать ошибку, но отказать в компенсации означало бы поступить в высшей степени непорядочно и не по-английски.

К сожалению, комиссия, в основном указав на ошибки полиции и суда, оказалась «не готова оспорить утверждение жюри присяжных о том, что письма 1903 года были написаны рукой Джорджа Эдалджи». Судя по избранному ею осторожному тону, она не столько убеждена в правильности утверждения, сколько лишена свидетельств, которыми можно было бы его опровергнуть. Не знаю, как уж членам комиссии представили всё дело, но я берусь в течение получаса с документами в руках убедить любого здравомыслящего и беспристрастного человека в том, что Джордж Эдалджи не писал и не мог бы написать этих писем. Утверждаю это без тени сомнений. Дело даже и не в характере писем – само их содержание с упоминанием мест и людей, о которых Джорджу Эдалджи не могло быть известно, со всей ясностью говорит о том, что он не является их автором. Кроме того, эти письма прямо обвиняют Джорджа Эдалджи в совершении преступления: трудно представить себе, какая причина, кроме умопомешательства (какового не замечалось за ним в течение жизни), могла вынудить Джорджа Эдалджи их написать. Но по поводу этих писем я хотел бы, с Вашего позволения, поговорить особо, когда такая возможность предоставится в будущем.

В самое ближайшее время по окончании сезона отпусков будет созвана комиссия, в своё время образованная для создания фонда газеты «Дэйли телеграф». Эти средства, собранные для оплаты судебных издержек и оказавшиеся нерастраченными, комиссия не сочла возможным использовать для каких-то иных целей, и все они остались в сохранности. После встречи участников комиссии (в состав которой входят: сэр Джордж Льюис, мистер Горас Воулз, профессор Чертон Коллинз, мистер Джером К. Джером, мистер Дж. Голл Ричардсон и Ваш покорный слуга) о дальнейших её планах мы сообщим читателям дополнительно.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Дэйли телеграф»
29 мая 1907 г.

ДЕЛО ЭДАЛДЖИ (5)

Милостивый государь!

В понедельник 27 числа я получил письмо и открытку в конверте без штемпеля от неизвестного человека, писавшего аналогичные письма начиная с 1892 года, а также в течение всей истории с делом Эдалджи включительно. Они были написаны карандашом и адресованы мне в «Гранд-отель». Письмо пришло в грубом жёлтом конверте, склеенном марочной бумагой. Оба документа оказались помяты, а значит (несмотря на обратный адрес: «Лондон, С.-3»), доставлены сюда были тайно, возможно, в кармане (не исключено, что проводником поезда), и лишь затем опущены в почтовый ящик. В таком случае есть надежда разыскать их автора, и каждому, кто поможет мне в этом, я обещаю вознаграждение в размере 20 фунтов. Я был бы очень обязан газетам Средней Англии, если бы оне придали этому факту огласку.

С уважением

Артур Конан-Дойль

«Гранд-отель»,
Трафальгарская площадь
28 мая

«Дэйли телеграф»
1 июня 1907 г.

ДЕЛО ЭДАЛДЖИ. ЗАЯВЛЕНИЕ В ПАЛАТЕ ОБЩИН

Милостивый государь!

Вчера в Палате общин мистер Гладстон отмахнулся от вопроса о возможности восстановления мистера Эдалджи в адвокатской гильдии, сославшись на то, что это не входит в компетенцию его департамента. Можно, конечно, было бы усмотреть

в этом заявлении повод для дискуссии, но общественностью оно было воспринято как выражение самой сути государственного бюрократизма. Министерством внутренних дел признан факт незаконного обвинения мистера Эдалджи в увечении домашнего скота. Однако оно по-прежнему утверждает, будто бы именно он является автором писем, его же порочащих. Очевидно, что если это последнее обвинение справедливо, он не имеет права оставаться в числе представителей столь почтенной профессии. Так с лёгкой руки мистера Гладстона пущена под откос профессиональная карьера мистера Эдалджи. Заявление мистера Гладстона о том, что этот вопрос находится вне компетенции его департамента, есть остроумнейший парадокс.

Получается, мистер Эдалджи провёл три года в заключении (и теперь обречён на финансовый крах) всего лишь на основании обвинения, которое так и не было выдвинуто против него официально. Можно ли представить себе несправедливость более вопиющую и абсурдную?

Несколько дней назад я попросил высказать своё мнение о письмах Эдалджи человека, который доказал поддельность документов, фигурировавших в деле Дрейфуса. Без тени сомнения он заявил о том, что мистер Эдалджи не писал и не мог написать тех писем, что датируются 1903 годом.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Суррей
30 мая

«Дэйли телеграф»
11 июня 1907 г.

ПИСЬМА ЭДАЛДЖИ

Сэр! Отвечая на вопрос мистера Ф.Смита, мистер Гладстон, если верить сообщениям, появившимся в печати, заявил следующее: «Эти письма сами по себе вошли в число документов обвинения, и жюри вынесло свой вердикт после самого тщательного ознакомления с ними». Но дело в том, что именно этот вер-

дикт (обвинявший мистера Эдалджи в том, что он убил лошадь) был затем отменён. Я хотел бы особо подчеркнуть этот факт, ибо неосведомлённый человек, ознакомившись с ответом министра внутренних дел, может подумать, будто бы вердикт, о котором идёт тут речь, прямо обвиняет мистера Эдалджи в том, что он был автором анонимных писем (именно об этом у нас и идёт спор). Но даже если это обвинение (так и не предъявленное открыто), справедливо, отсюда – о чём и напоминает нам Комиссия – вовсе не следует, что мистер Эдалджи уличён в убийстве лошади. Мировой судья из Стаффорда, ныне покойный Мэтт Ф.Блэкистон сообщил в письме преподобному С.Эдалджи: «Присяжные рассмотрели лишь вопрос об убийстве лошади, и отклонили вердикт виновности. К второму вопросу – об истинном авторе писем – жюри после этого уже не возвращалось».

Итак, становится ясно, что молодой квалифицированный специалист пережил три года тюремного заключения, отлучён от работы и стоит перед угрозой финансового краха, став жертвой обвинения, которое в суде даже и не рассматривалось. Совесть нашей общественности не может оставаться спокойной до тех пор, пока по вопросу об авторстве писем не будет проведено специальное расследование, организованное при должном соблюдении интересов мистера Эдалджи. Только в этом случае его консультанты смогут наконец предоставить неопровержимые доказательства того факта, что обсуждаемые письма не написаны и не могли быть написаны им.

Только что я ознакомился с весомым (и изложенным весьма обстоятельно) мнением на этот счёт доктора Линдсея Джонсона, известного эксперта, помогавшего мэтру Лабори разрешить загадку дела Дрейфуса. Как и тогда, Линдсей Джонсон теперь спроецировал с помощью двух ламп фотографические позитивы писем на экран в 20–50-кратном увеличении. Установив один из фонарей на стойке, подвижной в плоскости азимута, он получил возможность выбрать отдельное слово и сравнить его с любым другим в том же тексте. С помощью этого метода можно проследить даже сердцебиение пишущего; во всяком случае, более точного анализа почерков никогда прежде не проводилось.

Доктор Джонсон изложил свои выводы под несколькими за-

головками, но я хотел бы сейчас коснуться той их части, которая прямо относится к вопросу, мог ли Джордж Эдалджи быть автором писем 1903 года, подписанных именем «Greatorex». Ознакомлю читателя лишь с некоторыми выводами этого объемистого и подробного отчёта. «Документы, подписанные «Edalji» и «Greatorex» не имеют друг с другом ничего общего. Автор первой группы писем – образованный человек, не допускающий грамматических и стилистических ошибок. Почерк здесь установившийся; ясно, что автор привык писать непрерывно в течение многих лет – одинаковые слова выписаны идентично (характеризуя пишущего как человека основательного и последовательного в своих привычках), все точки на местах. «Greatorex» писал судорожно и, по-видимому, с намерением изменить почерк. Этот человек явно необразован и в своих привычках непоследователен. Знаки препинания в письме практически отсутствуют».

Описав результаты проведенного им детального сравнения многочисленных букв и отметив всё то, чем два почерка радикально отличаются друг от друга, доктор Линдсей Джонсон продолжает: «Приводить и дальше примеры нет необходимости, потому что, как ни взгляни, между двумя письмами невозможно найти ничего общего. Что касается сердцебиения, то, рассмотрев письма под сильным увеличением, я насчитал 78 ударов пульса в тринадцати словах. В почерке Эдалджи постоянный подсчёт ударов оказался неосуществим. Это свидетельствует о том, что аноним выписывал в среднем по 13 слов в минуту (если пульс 75–80 ударов в минуту принять за нормальный), в то время как Эдалджи более твёрдой рукой писал намного быстрее. Могу предположить (теперь уже не столь категорично), что один автор (Эдалджи) – человек воздержанный, а другой – распушенный и склонный к выпивке».

Убедительно доказав, что мистер Эдалджи не писал писем, за которые понёс столь жестокое и несправедливое наказание, доктор Линдсей Джонсон в заметке под отдельным заголовком рассказывает о серии анонимных писем («Письма Мартина Молтона» – так можно было бы озаглавить эту часть его сообщения). Начало её прослеживается в 1892 году, а источник – где-то в районе одной из школ Уолсолла (тогда это было, очевидно,

мальчишеской шалостью). Анонимное письмо, полученное мною на прошлой неделе, судя по всему, имеет к этой серии непосредственное отношение. Во всяком случае, доктор Джонсон делает вывод о том, что оно и письма Мартина Молтона написаны, несомненно, одной рукой. К рассмотрению его был также предложен вопрос о соответствии почерка Мартина Молтона тем письмам 1903 года, за которые пострадал мистер Эдалджи. Вопрос в высшей степени важный. А вот что говорится об этом в заключении эксперта: «Мы замечаем, что из 34 больших и малых букв алфавита 20 очень похожи, 8 обладают некоторым сходством, 2 сходны совсем незначительно и 4 выглядят совершенно по-разному. Но из этих 4 букв 3 встречаются исполненными в двух разных интерпретациях, первая из которых отмечена сходством, а вторая – нет, потому что буквы здесь изменены умышленно. Что же касается четвёртой буквы, «t», то с её помощью автор явно пытался ввести нас в заблуждение. Таким образом, мы практически доказали, что автор всех этих писем, равно как и тех, что были подписаны «Greatorex», есть одно лицо».

В прилагаемом письме доктор Линдсей Джонсон замечает: «Я сознательно не стал читать Ваших газетных статей, чтобы подойти к проблеме непредвзято». Вряд ли стоит напоминать читателям «Дэйли телеграф» о том, что выводы, к которым пришёл эксперт, совпадают с моими собственными, хотя и основываются на более тщательном и сложном методе рассмотрения писем. Об основательности полученного мною сообщения свидетельствует хотя бы тот факт, что оно занимает 19 рукописных страниц. Должен добавить, что доктор Линдсей Джонсон выполнил эту весьма трудоёмкую работу без оплаты или вознаграждения.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Андершоу, Хайндхэд, Хаслмир
10 июня 1907 г.

«Дэйли телеграф»
25 июня 1907 г.

К ПРЕДСТОЯЩИМ ДЕБАТАМ ПО ДЕЛУ ЭДАЛДЖИ

В связи с предстоящими дебатами по делу Эдалджи Комитет адресует членам Парламента следующий меморандум.

Поскольку вопрос о выделении мистеру Джорджу Эдалджи денежной суммы в качестве компенсации неминуемо будет рассматриваться в свете принятия проекта государственного бюджета на будущий год, наш Комитет хотел бы напомнить Вам основные положения занимаемой нами позиции.

Джордж Эдалджи был осуждён за убийство лошади.

Это обвинение было с него снято.

Следовательно, он невиновен.

Проведя три года в тюрьме, он требует компенсации, поскольку его карьере был нанесён непоправимый ущерб.

Ему в таковой отказывают на том основании, что он будто бы написал какие-то анонимные письма.

Обвинение, решительно отвергаемое им самим, его родителями и друзьями, в суде рассмотрено не было.

Таким образом, человек понёс суровое наказание по недоказанному обвинению, что противоречит английскому закону.

Исчерпав все возможные средства, мы хотели бы просить всех членов Палаты общин вне зависимости от партийной принадлежности оказать, насколько это возможно, давление на министерство внутренних дел с тем, чтобы исправить причинённую несправедливость. Подписи членов комитета поддержки Эдалджи:

*Джс.Льюис, Г.Воулс, Ч.Коллиз,
А.Конан-Дойль, Джером К.Джером,
Джс.Голл Ричардсон (почётный казначей)*

Эли-плэйс, Холборн, 24 июня

ДЕЛО ДЖОРДЖА ЭДАЛДЖИ (2)

Сэр! В ответ на превосходное выступление мистера Ф.Э.Смита, рассказавшего о беззаконии, допущенном в отношении Джорджа Эдалджи, мистер Гладстон заявил, что Палата общин не должна превращаться в апелляционный суд. Куда в таком случае нам обратиться? Значит, в Англии нет учреждения, в котором мы смогли бы добиться справедливости? Таковым следовало бы стать министерству внутренних дел, но его собственное поведение заслуживает особого судебного разбирательства.

Мистер Гладстон ссылается на вердикт стаффордширского состава присяжных, прекрасно зная, что с тех пор возникло немало новых обстоятельств, важнейшее из которых – тот факт, что, пока мистер Эдалджи находился в тюрьме, преступления возобновились. Но, оказывается, и этого мало! Вспомним, какому обилию презрительных насмешек подверглось у нас французское правосудие, под тем же смехотворным предлогом отказывавшееся пересмотреть дело Дрейфуса. Поразительно, но та же самая история, пусть не в столь грандиозном масштабе, вновь перед нами: тут и подделка почерка, и круговая порука чиновничества, и ссылки на прежнее решение суда присяжных. Осудив столь сурово в своё время французские правоохранительные органы, что теперь мы должны сказать о своих собственных? Тогда справедливость восторжествовала, и единственным преступником для истории остался человек, который неправильно вёл дело. Так будет и на этот раз.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Регент-отель»,
Ройал-Лемингтон Спа

«Дэйли мэйл»
25 июля 1908 г.

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ДОРАНДО

Сэр! Позвольте мне сделать небольшое дополнение к отчёту о состязании по бегу, прокомментировать которое я имел честь на другой странице «Дэйли мэйл».

Разумеется, никакая личная компенсация не послужит утешением для Дорандо* и не восполнит итальянцам ущерб, вызванный его дисквалификацией. И всё же я уверен, что каждому, кто стал свидетелем его великолепного бега на стадионе (бега, которому спортсмен отдал столько сил, что едва не расстался с жизнью), хотелось бы, чтобы он увёз из нашей страны хоть какой-то подарок от здешних своих почитателей.

Я с радостью внесу пять фунтов в соответствующий фонд, если какая-либо организация, представленная на соревнованиях, решит таковой образовать.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Дэйли экспресс»
21 ноября 1908 г.

О «ПОСЕЛЕНИИ ЙОМЕНОВ»

Сэр! Из Вашего комментария по поводу моих замечаний о районе Тернбридж-Уэллс можно сделать вывод, будто я говорил о создании на этих землях «поселений», и только неясно, каких. Речь же шла конкретно о поселениях йоменов.

Мне кажется, возьмись за дело патриотическая организация, действующая на принципах филантропии, – вроде той, что была создана покойным доктором Барнардо, – мы смогли бы в самом широком масштабе использовать возможности, предоставляемые законопроектом о владении малыми земельными участками.

* Итальянский марафонец, лидировавший в течение всего бега, но упавший перед самым финишем (П.Г.).

В основе плана лежит создание центрального сельскохозяйственного колледжа для обучения мелких фермеров с их последующим переводом во владение небольшими фермерскими хозяйствами (заранее подготовленными экспертами того же учреждения), с правом выплачивать деньги за пользование хозяйством в рассрочку, в течение многих лет. Через пятьдесят лет после введения такой системы у нас вновь возник бы класс йоменов.

Стоит ли воевать за колонии где-то на краю света, в то время как столь значительная часть британских земель до сих пор остаётся необработанной?

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

18 августа 1909 г.

АНГЛИЯ И КОНГО (1)

Милостивый государь!

На наших глазах творится величайшее преступление из всех, какие только знала мировая история. Мы, живые свидетели этих злодеяний, не только могли, но и обязаны были предотвратить их, поскольку связаны соответствующим клятвенным обязательством. Тем не менее мы бездействуем вот уже 20 лет. Чего мы ждём? В своём попустительстве мы несём за происходящее не меньшую вину, чем банда негодяев-космополитов, вознамерившаяся превратить Центральную Африку в гигантскую страну рабов, в сравнении с ужасами которой меркнут даже мрачные времена работорговли. Тогда раб, по крайней мере, обладал рыночной стоимостью, защищавшей его от убийств или издевательств. В данном случае рабовладельцем является государство, и как только раба убивают или четвертуют, на смену ему тут же поставляется следующий.

Свободное Государство Конго (чьё характерное название весьма созвучно ханжескому самодовольству, с которым мировые державы способствовали рождению этого монстра) было создано решением Берлинской конференции 1885 года. Один из

пунктов этого соглашения обязывал нас вместе с другими странами «во имя всемогущего Господа» следить за соблюдением прав коренных народов и способствовать повышению как морального, так и материального уровней их существования. Вкладывался ли смысл в эти высокие слова? Совместимы ли они с той позицией стороннего наблюдателя, что позволяет нам из года в год наблюдать за истреблением коренного населения, не предлагая ему сколько-нибудь действенной помощи? Три миллиона людей здесь (и это по самым скромным подсчётам) уже «повысили» свой моральный уровень, отправившись к праотцам. Сколько ещё можем мы ждать?

Я пишу эти строки, глядя на лежащие у меня на столе фотографии этих несчастных людей. Каждый из них несёт на себе следы перенесённых пыток. У одного отрублены ноги, у других – руки. Тут есть ребёнок, лицо которого светится красотой и умом, выдающимися даже по европейским стандартам. Ему отрубили руку. Другой, без правой ноги и левой кисти, глядит перед собой со странной, изумлённой задумчивостью. Вот они, люди, которым мы именем Всевышнего гарантировали безопасность. Под каждым из этих фотоснимков можно было бы написать: «Гарантировано – вами».

Все эти ужасы сейчас приобрели широкую огласку. Даже частично отрицать их стало никак невозможно. Истинность фактов подтверждена многочисленными источниками, в том числе шведскими, бельгийскими, американскими и британскими миссионерами, официальными консульскими сводками, отчётом бельгийской комиссии 1905 года, рассказами вернувшихся из этой страны офицеров. Но прежде всего – неопровержимыми свидетельствами неподкупного «кодака». Вся эта история, повторяю, приобрела широкую известность. Но о том, что творится в Конго было известно уже 14 лет – по крайней мере, каждому, кто удосужился бы ознакомиться с имеющимися свидетельствами. Когда же наконец мы перейдём к действиям?

Каждый день приносит известия о новых преступлениях. В этом году поставки каучука в Европу стали интенсивны, как никогда прежде. Система, обеспечивающая подобное ускорение, защитить себя способна только террором. Сообщение консула

Тезигера, опубликованное год назад, свидетельствует о том, что тиски террора сжимаются; в рабство ввергаются всё новые племена. Люди здесь эксплуатируются с такой жестокостью, что не успевают обрабатывать собственные поля, из-за чего на страну надвигается опасность страшного голода. Таково содержание последнего официального сообщения нашего представителя. И тем не менее мы ничего не предпринимаем.

В прошлом году, когда Бельгия объявила о том, что берёт на себя осуществление контроля над всем каучуковым бизнесом, появилась надежда хотя бы на изменение методов получения данного продукта. Но этого не случилось. Мьсье Ранкэн, министр Бельгии по делам колоний, со всей откровенностью заявил, что перемен не предвидится. И – отправился в Конго, пообещав доложить затем о состоянии дел. Но он сам в прошлом – концессионер и, выступая в Парламенте, горячо защищал существующую систему. Это всё равно, что поручить Рокфеллеру расследование злоупотреблений в компании «Standard Oil»! Неужели мы, как малые дети, позволим обмануть себя подобными фокусами? Разве трудно предугадать дальнейшее развитие событий? Мьсье Ранкэн вернётся к Рождеству. Тем самым – даст конголезским правителям шесть месяцев, чтобы окончательно раздавить страну в своём кулаке. С обнародованием доклада его торопить не станут – вот вам ещё шесть месяцев. Далее начнётся законотворческий процесс: он также потребует времени. Закон необходимо будет внедрять постепенно – одним словом, дело пойдёт по наезженной колее. В течение всего этого времени будут продолжаться убийства, издевательства и вымогательства: таким образом, и без того богатый король станет ещё богаче, а горстка компаний обеспечит себе 300-процентную прибыль. Смирившись с необходимостью ждать от визита мьсье Ранкэна каких-либо практических результатов, мы заранее соглашаемся на предстоящую трёхлетнюю кровавую оргию во славу алчности.

Что же следует предпринять? Во-первых, наша страна должна выпустить и представить главам мировых держав один исчерпывающий официальный документ с требованием созыва Европейской конференции на предмет лишения Бельгии права протектората, которым она злоупотребила. Эта конференция

должна будет принять новые меры (возможно, создать международное правительство или разделить территорию африканского государства между его соседями), которые гарантировали бы справедливость в отношении многострадальных туземцев. Сэр Эдвард Грей в достаточно туманных выражениях намекнул нам на таящуюся тут опасность. В чём же она может состоять? Кто решится взять под свою защиту виновников этих кровавых злодеяний? Может быть, Германия, граждане которой социальную безмятежность считают нормой? А народ, гордящийся Вильгельмом Вторым, обстоятельствами его частной жизни и общественной деятельности, разве поднимется он на защиту короля Леопольда? Может быть, это сделает Франция, где родилось само понятие благородства? Или Соединённые Штаты, которые в той же степени, что и мы, ненавидят жестокость и несправедливость? Где же кроется это пугало призрачной опасности? В любом случае нам следовало бы его рассмотреть поближе. Вот только существует ли оно в действительности? Разве честное и самоотверженное ведение дела с нашей стороны не упразднит его навсегда?

Сделать так, чтобы управление государством Конго перешло в более достойные руки, – вот в чём должна состоять наша цель. Но как быть с прошлым? Неужели невозможно хотя бы отчасти искупить жертвы, понесённые этим несчастным народом? Три миллиона человек не дождалось искупления. Но как быть с убийцами и их обречёнными жертвами, которые всё ещё живы? Неужели невозможно созвать международный суд, перед которым предстали бы люди, предавшие идеалы своей религии и само звание цивилизованного человека? Совесть общества не успокоится до тех пор, пока все они – начиная с замысливших преступление в Брюсселе и кончая теми, кто обогрил руки кровью на местах – не получают по заслугам. Такого рода трибунал мог бы насильственно изъять из туго набитых деньгами концессионерских мешков определённую сумму и выплатить пенсионное пособие многим тысячам людей, которые были искалечены непосредственными представителями этих самых концессионеров и созданной ими системой. Лишь когда мёртвые будут отмщены, когда оставшиеся в живых получают денежную компенсацию, а страна окажется в надёжных

руках, тогда только может успокоиться совесть честного европейца*.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

28 августа 1909 г.

АНГЛИЯ И КОНГО (2)

Сэр! Не думаю, что Англия должна отказаться от выполнения своего долга перед коренными жителями Конго всего лишь испугавшись угроз Вашего анонимного бельгийского корреспондента. Что касается его голословных обвинений в имеющихся неточностях, то через неделю-другую я надеюсь опубликовать небольшую книжку, в которой обстоятельно докажу каждое своё заявление. Упоминания автора о возможности создания нового Бельгийского общества в защиту коренного населения могут вызвать только улыбку: мы помним, как возникали подобные общества и к чему это приводило. Смею заверить, что его соотечественников ждёт немалый сюрприз, если они без должного уважения отнесутся к тому глубокому негодованию, что зреет у нас в стране.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

25 августа

* Глубоко потрясенный кровавыми зверствами бельгийских колонизаторов, Конан-Дойль в этом же году выступает с книгой «Преступление в Конго», в которой, приводя огромный фактический материал, разоблачающий бельгийскую колониальную администрацию, вызывает к мировому общественному мнению, требуя от мировых держав принять необходимые меры и оказать на Бельгию соответствующее давление (П.Г.).

КОНГОЛЕЗСКИЙ ВОПРОС

Милостивый государь!

Несколько недель назад Вы любезно опубликовали моё письмо, в котором я высказал мнение о том, что история Конго – это величайшее из преступлений, какие только известны истории, а также выразил надежду на то, что наше правительство наконец выполнит свои обязательства перед коренным населением страны, предусмотренные тем самым Берлинским соглашением, в результате которого и было образовано это порочное государство. Я также предположил в своём письме, что мсье Ранкэн, министр Бельгии по делам колоний, по возвращении из своей инспекционной поездки предложит нам в конечном итоге туманные обещания реформ, призванные существующее положение дел продлить на многие годы, пока не истощатся окончательно либо запасы каучукового дерева, либо человеческие ресурсы. Этот фокус на протяжении истории Конго повторяется раз за разом, и тем не менее великие державы демонстрируют беспредельную доверчивость – если не сказать, безразличие.

Однако в данном случае (если верить сообщениям прессы) сей государственный чиновник допустил по возвращении столь оскорбительные высказывания, что превзошёл всех своих предшественников. Стоит напомнить, что мсье Ранкэн – бывший директор одной из конголезских концессионерных компаний, обогативших себя кровью местного населения. В недавнем сообщении британского консульства засвидетельствован тот факт, что эта компания насильственными методами вынуждает своих рабов трудиться по 240 дней в году, за что платит каждому ежегодно товарами на сумму 6 шиллингов и 4 пенса. Хозяин, купивший раба официально, на одно только кормление вынужден был бы затратить куда большую сумму, так что можно с полным основанием утверждать, что бельгийская форма рабовладения из всех когда-либо существовавших – самая дешёвая для хозяина и самая жестокая в отношении раба.

Учитывая прошлое мсье Ранкэна, вряд ли стоило ожидать от него обнадеживающего сообщения. Но сделанное им по возвра-

щении заявление – это перл извращённости. К реальным фактам и ситуации в целом оно не имеет ни малейшего отношения. Он заявляет ничтоже сумняшеся, что в отношении коренного населения страны вообще не было допущено никакого беззакония. Но даже если проигнорировать сообщения миссионеров, консульств, путешественников, бельгийских юристов (вновь и вновь подтверждающие друг друга), то останется 'отчёт комиссии 1905 года, назначенной самим королём Леопольдом: он сам по себе разоблачает бесстыдность заявлений министра. Воспринять их всерьёз могли лишь в стране, общественность которой под гнётом продажной прессы пребывает в полной неосведомлённости относительно истинного положения дел. Но, может быть, мсье Ранкэн хотел этим сказать (как мистер Беллок, недавно поднявший вопрос в Парламенте), что вопиющим злодеяниям (четвертованиям, убийствам) в этой стране более или менее положен конец? Что, если бы мистера Беллока лишить возможности зарабатывать себе на жизнь самостоятельно, заставить работать на хозяина, погоняя кнутом (и близких его заперев в тюрьме на попечении похотливых солдат, дабы он не смог сбежать от работы)? Наверное, тогда только он понял бы, что пуля и нож – не единственные орудия, которыми можно совершить жестокое преступление. Экс-консул Кэйзмент, консул Тезигер, вице-консулы Армстронг, Митчелл и Бик – скажите мне, разве неправильно я описываю условия существования тысяч коренных жителей Конго? И вот после всех этих ужасов мы читаем лепет мсье Ранкэна о том, как следует учить туземцев интенсивным методам землепользования и вводить постепенно свободную торговлю (что было предусмотрено договором 24-летней давности). Это уже переходит все границы допустимого. Наше правительство ждало возвращения мсье Ранкэна и его сообщения. Что ж, этого мы дождались. Но остаётся прежний вопрос: будет ли это безобразие продолжаться и впредь или нам пора наконец твёрдо и со всей решимостью заявить о намерении выполнить принятые на себя обязательства и положить конец этой системе организованной преступности?

С уважением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо
2 октября

«Дэйли экспресс»
8 октября 1909 г.

О БЕЛЬГИЙСКИХ ОПОВЕРЖЕНИЯХ

Сэр! Друзья конголезского народа должны поблагодарить Вас за благородную и энергичную защиту его прав. После долгой ночи тут, кажется, наконец забрезжил рассвет.

Наша насущнейшая задача состоит в том, чтобы вынести имеющиеся факты на суд общественности. В этом смысле мне представляется существенно важным распространение бесплатной литературы и проведение общественных митингов. И то, и другое, однако, требует затрат, а фонды Ассоциации возрождения Конго пусты.

Пусть каждый, кто хотел бы помочь доброму делу, отправит, сколько сможет, на счёт Трэверса Бакстона, почётного казначея ассоциации, в Грэнвилл-Хаус, на Эрандл-стрит.

Лишь один момент в Вашей серии великолепных статей мне представляется спорным. Я никак не могу считаться организатором движения новых крестоносцев, ибо являюсь лишь последним добровольцем, ставшим под эти знамена.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Пэлл Мэлл газетт»
15 ноября 1909 г.

О КОНГОЛЕЗСКОМ ВОПРОСЕ

Сэр! Вы выразили сожаление по поводу следующих слов, произнесённых мною в Ньюкасле: «Тот факт, что Англия не вмешалась в ход событий много лет назад, лёг на неё вечным позором». Замечание это, вырванное из контекста, прозвучало в действительности не столь резко; в целом же я готов оправдать и объяснить свою позицию.

Вашу критику можно было бы счесть справедливой, но толь-

ко в случае, если бы наша страна не брала на себя обязательств перед конголезским народом. Но тот факт, что мы, оказавшись в числе подписавших соглашение, которое обещало мир и безопасность коренному населению, отошли затем в сторону, ограничившись всего лишь мягким порицанием в адрес истреблявших туземцев преступников, есть, повторяю, позор для нашей страны. Туманные опасения по поводу поддержки, которую может получить от одной из европейских стран ныне запальчиво защищающийся король Леопольд, на мой взгляд, являют собой недостаточное основание для того, чтобы мы изменили принятым на себя обязательствам.

В каком-то смысле мы более виновны в случившемся, чем Бельгия, ведь здесь факты были преданы гласности и широко обсуждались, в то время как там они оказались от большей части общественности тщательнейшим образом скрыты.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
12 ноября

«Тэблет»

20 ноября 1909 г.

О КОНГО

Сэр! В своей заметке о конголезском вопросе от 6 ноября Вы утверждаете, что «...бельгийский Парламент взял на себя ответственность за управление делами этой обширнейшей территории лишь в августе прошлого года». Позвольте напомнить лишь о прозвучавших более года назад обещаниях немедленно принять меры по исправлению сложившегося положения. Прошло 15 месяцев, и положение коренного населения (которое, как признали уже два министра иностранных дел, состоит в самом обыкновенном рабстве) ничуть не улучшилось.

По следующему фрагменту из сообщения агента, только что вернувшегося из Конго, читатели-католики смогут составить представление об истинном положении дел:

«В тот момент, когда я возвращался на пароход, из леса донёсся крик о помощи. Передо мной возникло человеческое существо, покрытое страшными гноящимися ранами. Этот грязный, облепленный мухами человек не шёл, а полз, опираясь на две палки. «За какой проступок Вы понесли столь жестокое наказание?» – спросил я его. Человек рассказал мне о том, что он католический миссионер-траппист; работал в Бамании, читая проповеди работникам местной фабрики. Только за это белый человек в Йеле избил его хлыстом толщиной в дюйм, усеянным гвоздями. Я разыскал агента, о котором шла речь. Он не только цинично признался в содеянном, но даже, кажется, был этим горд, добавив, правда, что избитый им человек украл две бутылки вина (сам пострадавший это обвинение энергично отрицал). Агент был весьма доволен своим поведением – ведь он всего лишь следовал примеру директоров предприятия в Буссире, где в течение многих месяцев католических миссионеров преследовали с необычайной свирепостью. Церковные службы здесь постоянно прерывались выкриками, оскорблениями и выстрелами; проповедников мучали всеми доступными средствами. Зачинщиками этих бесчинств были двое белых людей, друзья директоров компании».

Оригинальный текст сообщения со всеми именами находится в моём распоряжении, и я могу его предъявить в любой момент.

Это лишь единичный эпизод, характеризующий суть системы, которую в течение многих лет покрывали, защищая от критики реформистов, официальные представители Католической церкви.

С уважением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
12 ноября

«Дэйли график»
23 ноября 1909 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНГО

Милостивый государь! В основной статье номера Вы пишете, что не находите оснований усомниться в искренности заявлений мсье Ранкэна. К сожалению, очень многие из нас вынуждены тут с Вами не согласиться. Мсье Ранкэн – бывший директор одной из тех самых концессий, преступная деятельность которых явилась причиной нынешнего положения дел, и потому, как мы полагаем, не может быть здесь беспристрастным арбитром. Более того, он дошёл до заявления, будто в колонии вообще не существует злоупотреблений.

Вместе с ним на одном корабле из Конго вернулся доктор Дорпингхаус, немецкий учёный, известный как человек безупречной морали. Так вот, он только лишь на основании собственных наблюдений составил длинный список преступлений, многие из которых были совершены в текущем году. Письма очевидцев из Конго, последнее из которых датировано 27 сентября, свидетельствуют о том, что принудительный труд, похищение людей, транспортировка рабов, закованных в цепи, и поджоги селений продолжают по сей день и стали привычными.

Потому-то мы не можем ни поверить в добросовестность мсье Ранкэна, ни найти для себя ровно ничего удивительного в том, что законопроект по реформе Конго в том виде, в каком он представлен, требует множества доработок, чтобы пусть приблизительно соответствовать условиям Берлинского соглашения.

С уважением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
20 ноября

КОНГОЛЕЗСКИЙ ЗАЙМ

Милостивый государь!

В своей интересной статье «Реформы, предлагаемые в Конго» Вы упоминаете сумму в 1320000 фунтов стерлингов, которая будто бы должна быть выделена в помощь этой стране. Такой поворот событий просто-таки выбил бы у реформаторов почву из-под ног. В действительности бельгийское правительство не отдаёт деньги безвозмездно: это – кредит, процент которого будет оплачен коренным населением Конго, и это притом, что сам кредит, как показывает анализ ситуации, вовсе не служит интересам этого населения. О феноменальной скаредности бельгийского правительства свидетельствует уже хотя бы тот факт, что те самые туземцы, за счёт которых создаётся фонд помощи Конго, должны будут (как явствует из бюджетного проекта) изыскать средства на субсидирование престолонаследника, содержание музеев и консерваторий, оплату бельгийских медицинских институтов и многое другое. С тем же успехом мы могли бы обложить налогом южноафриканских кафров – пусть они помогут нам профинансировать музей в Южном Кенсингтоне или, скажем, электрифицируют за свой счёт помещения Отдела по делам колоний.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Таймс»
3 декабря 1909 г.

РЕФОРМЫ В КОНГО

Сэр! В своё время я потратил немало времени на изучение конголезской проблемы. И вот этим утром, прочтя Вашу статью на данную тему, испытал величайшее сожаление. Позвольте мне высказать на сей счёт некоторые свои соображения.

История наших отношений с конголезскими властями – это сплошная череда подбострастных увещаний, с одной стороны, и невыполненных обещаний, с другой. Цена за это – жизни несчастных туземцев.

Начиная с англо-конголезской Конвенции 1881 года и Берлинского договора от 1883 года ни одно обращение, принятое в Европе, не возымело эффекта в Африке. Нас обманывали постоянно. В 1905 году было обещано опубликовать свидетельства очевидцев, собранные Бельгийской комиссией по расследованию. Этого не сделано по сей день. В годовщину бельгийской аннексии британское правительство получило торжественное заверение в том, что условия жизни коренного населения Конго вот-вот будут значительно улучшены. С тех пор минуло 15 месяцев – ничего не сделано. В течение одного дня росчерком пера все конголезские земли и продукция были отданы во владение прежнему государственному аппарату Конго. Наверное, в течение 15 месяцев новое правительство страны могло бы сделать хоть что-то для изменения прежних законов: возможность реформ в течение нескольких лет обсуждалась в бельгийской Палате, и она не должны были составить проблему для новых властей.

Принимая в расчёт всю предысторию вопроса, должен заметить: если мы тщательно не изучим новые предложения, то проявим со своей стороны преступную халатность. Сохраняя молчание, мы создадим впечатление, будто британская общественность ими удовлетворена. Необходимо дать понять со всей ясностью, что некоторые пункты соглашения неприемлемы и не позволят нам принять документ в качестве окончательного. Только в этом случае мы сумеем добиться их изменения и докажем, что не зря будоражили общественное мнение. Какой смысл молчать сейчас, если потом, когда новый проект станет законом, всё равно придётся поднять голос протеста? Сейчас самое время во всеуслышание высказать мнение на этот счёт и таким образом если и не повлиять на суть будущего закона, то по меньшей мере проявить последовательность. В письме Вашего корреспондента нашли своё отражение все худшие аспекты предлагаемых реформ. Это и проволоочки с разрешением свободной торговли (что не может быть дарованным «благом», а есть право народа), и призыв к увеличению численности местной армии (которая собст-

венному народу всегда служила кнутом), и косвенная поддержка системы принудительного труда (поскольку 40% бюджета составляют налоговые выплаты за каучук, копал и т.д.), и, наконец, отсутствие всякой финансовой базы, на которой могла бы существовать орда чиновников, паразитирующая сегодня на теле народа. Таковы предлагаемые реформы; нас критикуют за то, что мы не соглашаемся их принять, и призывают к молчанию, которое будет истолковано как знак согласия. Я же считаю, что, напротив, наступают решающие дни, когда мы должны дать понять бельгийцам, что такие изменения не пройдут и что им придётся устранить продолжающиеся злоупотребления, прежде чем наша страна сочтёт вопрос закрытым.

Кроме того, мы имеем полное право подвергнуть сомнению сам дух этих предложений: он сам по себе позволяет догадаться, каким образом они будут выполнены. Были ли признаны чудовищные злодеяния, совершенные в прошлом? Отнюдь: мсье Ранкэн отрицал таковые, причём весьма самодовольным тоном. На одном пароходе с ним из Конго прибыл доктор Дорпингхаус, идеальный свидетель, чьи показания заслуживают полного доверия. Он представил список страшных злодейств, многие из которых развернулись у него на глазах, и притом совсем недавно. Все собранные случаи относятся лишь к одному небольшому району. Кроме того, 27 сентября мне написал мистер Моррисон, доказательством честности которого может служить уже хотя бы тот факт, что компания «Касай» не сумела засудить его «за клевету». В письме, которое Вы сооблаговольили напечатать, он подробно рассказывает о том, как селения той местности, где он работал миссионером, подвергались налётам с целью захвата рабов для обеспечения рабочей силой строительства железной дороги Гран-Лак. Как может мсье Ранкэн утверждать, что в Конго не совершалось преступлений? Вернись он с признанием, что условия жизни там плохи, возьмись он за исправление положения дел, и мы тут же преисполнились бы к нему симпатией.

И вновь я хотел бы спросить: почему суд не заинтересуется всеми этими делами прошлых лет? Барон Валюс находится в Бельгии. Он правил Конго много лет, и за эти годы в стране развернулся такой разгул убийств, какого не знал цивилизованный мир. Суд над виновником и его наказание помогли бы нам по-

верить в искренность бельгийского правительства. Мы своих проконсулов – своих Клайвов и Уорренов Гастингсов (хотя само упоминание этих имён в данном контексте выглядит кощунственно) – не раз отдавали под суд. Что же говорить в таком случае о мелких преступниках, вроде капитана Арнольда, который был приговорён к 12 годам принудительных работ в Конго, но при этом сохранил все свои полномочия в Бельгии? Похоже, и здесь бельгийское правительство не нашло в себе сил доказать небеспочвенность собственных заверений.

Повторяю: по моему глубокому убеждению, предлагаемые реформы не соответствуют серьёзности ситуации. Чтобы привлечь общественное внимание ко всем их слабостям, необходимо давление извне. Благосклонное же к ним с нашей стороны отношение лишь продлит на неопределённый срок те злодеяния, которым мы пытаемся положить конец.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
29 ноября

P.S. Ваш корреспондент, насколько я понимаю, убеждён в том, что если наши несогласия с бельгийской политикой основываются на исключительно гуманитарных соображениях, то Германия практически заинтересована в решении вопроса. Нечто противоположное навязывается одновременно германской прессе. Попытки поссорить великие державы с самого начала были краеугольным камнем бельгийской политики в Конго.

«Дэйли экспресс»
8 февраля 1910 г.

ЙОМЕНИ БУДУЩЕГО **(СЭР А.КОНАН-ДОЙЛЬ О ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ** **МОТОЦИКЛЕТНЫХ ВОЙСК)**

Милостивый государь!

Ваша интереснейшая статья о преимуществах моторизованных подразделений над кавалерийскими при выполнении боевых

задач, связанных с деятельностью медицинских служб и комиссариата, весьма убедительна. Но я давно уже выражал взгляды, аналогичные тем, что предлагаются в Вашем эссе. Заменяв стрелками-мотоциклистами конных йоменов, чьи возможности ограничены оборонительными функциями, наше государство получит огромный выигрыш – как в эффективности, так и в финансах.

Сделав это, а кроме того поставив всю артиллерию на колёса, вращаемые на бензиновом или газовом топливе (о чём давно мечтают сами артиллеристы), мы бы практически вытеснили лошадь (а вместе с ней – бесчисленные заботы, связанные с закупками, уходом и кормлением) из нашей оборонительной системы.

Несколько слов о преимуществах мотоцикла перед конём на пересечённой местности. Прежде всего, нам нужны будут машины мощные и надёжные, оснащённые защёлкивающимися винтовочными креплениями и сумочками для предметов первой необходимости. Их шины должны быть прочны, но эластичны. Каждое подразделение будет располагать дополнительным резервом оборудования, запасными моторами и целыми механическими мастерскими.

1. Стремительность при атаке. – Здесь мотоцикл несравним с лошадью. Между тем речь идёт о важнейшем факторе в ситуации, когда необходимо защищать остров от внешней агрессии. Допустим, неприятель высадится в Дувре; кавалерийские отряды из Лондона придут на место военных действий (да и то, если сами найдут дорогу) через два-три дня после того, как враг закрепится на своих позициях. Подразделение мотоциклистов будет здесь через пять часов, – возможно, даже раньше, чем закончится высадка войск.

2. Эффективность по прибытии. – Долгий марш истощает кавалерию. Коня необходимо кормить, за ним нужно ухаживать. Нередко приходится возить с собой фураж. Всё это, несомненно, говорит в пользу мотоцикла.

3. Надёжность. – Лошадь может пасть от пули, умереть от истощения или болезни. Мотоциклу достаточно провести час в ремонтной мастерской.

4. Радиус действия. – Кавалерист способен покрыть за день максимум тридцать миль и после этого быть готовым немедленно вступить в бой. Моторизованные подразделения огромной

численности могут проделать в течение дня сотни миль, что обеспечивает огромное стратегическое преимущество.

5. Финансовые затраты. – Стоимость мотоцикла, я полагаю, не превысит 7 фунтов. А прослужит он дольше, чем несколько лошадей стоимостью по 40 фунтов каждая (и это если не считать затрат на фураж, содержание конюшен и так далее).

6. Тактические преимущества при непосредственном контакте с неприятелем. – Передняя линия фронта теперь не будет ослаблена необходимостью удерживать лошадей (чем обычно занята едва ли не четверть всего личного состава). Мотоциклисты перед лицом неприятельской кавалерийской атаки смогут собрать из своих машин временное укрепление и вести огонь из-за него.

Изложенные причины наряду с многочисленными факторами, связанными с экономией, эффективностью и возможностью задействовать большее число людей непосредственно в военных действиях, представляются мне весомее любых возражений. Главное из них состоит в опасении, что наши йомены перестанут служить резервом для регулярных кавалерийских частей. Но составляют ли они сегодня такой резерв? В этом я не уверен.

Второе из возможных возражений: использовать кавалерию эффективнее в сельской местности.

Третье: в низинах английского Юга или на Солсберийских равнинах кавалерия будет обеспечена большим радиусом действий. Но всё это мелочи в сравнении с указанными мной преимуществами.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Пэлл Мэлл газетт»
6 апреля 1910 г.

О ПОДГОТОВКЕ КАВАЛЕРИСТОВ

Сэр! Я хотел бы высказать свои замечания по поводу статьи Вашего военного корреспондента о подготовке кавалеристов. Дело в том, что этим вопросом я интересуюсь давно и разделяю твёрдую убеждённость мистера Эрскина Чайлдерса в том, что

мы рискуем растерять весь опыт, накопленный столь дорогой ценой в Южной Африке.

Первое издание «Великой бурской войны» вышло в конце 1900 года с приложением – главой об уроках войны, которая в последующих изданиях каждый раз опускалась. И дело было не в том, что мои взгляды менялись под воздействием квалифицированной критики. Жертвовать ею каждый раз приходилось ради внесения многочисленных добавлений. В том очерке я достаточно резко высказался обо всём, что увидел, услышал и прочёл в Южной Африке. Должен сказать, что последующие события полностью подтвердили написанное мною по свежим следам. Я утверждал, помимо прочего, что кроме артиллерии в мире существует лишь один вид оружия – автоматическая винтовка, и что саблям, копьям и револьверам теперь место в музее. Я заявил также, что отборные части конных стрелков имеют перед обычной кавалерией повсеместное преимущество, и выразил мнение, что все конные части с их великолепным персоналом следует перевооружить и незамедлительно вывести из нынешнего бесильного состояния на один уровень с противостоящими им силами. В своё время сделано этого не было, но через год-полтора мы усвоили преподанный нам урок, и кавалеристы, сдав на склады традиционную амуницию, получили винтовки и стали армией конных стрелков. Напоминая об этом, я имею в виду, что не просто повторяю аргументацию Эрскина Чайлдерса (с которой полностью согласен), а отстаиваю взгляды, являющиеся моими собственными.

Вот такой практический урок был нам силой преподан в вельдтах – местности, идеальной для кавалерии в сравнении с любой европейской территорией. Что же изменилось с тех пор? Я утверждаю: дальнейшие события только подтвердили уроки войны. «Arme blanche»* продемонстрировало неспособность к самоусовершенствованию, зато подразделения конных стрелков оказались значительно усилены внедрением скорострельного оружия с более низкой траекторией полёта пули. Конный стрелок, доминировавший на южноафриканских полях сражений, с тех пор лишь упрочил своё превосходство. И тем не менее наша кавалерия (сохранив, спорить не стану, винтовку) верну-

* холодное оружие (фр.).

лась к сабле и копьё, а вместе с ними – к доисторической традиции штурмовой атаки, приверженность которой применением такого вооружения подразумевается. Остаётся лишь пожалеть, что мы вынуждены были отказаться от собственного опыта, добытого дорогой ценой, и внять германским теоретикам, которые и выстрела-то настоящего никогда не слышали.

Ваш корреспондент, повторяя известный параграф кавалерийских инструкций, утверждает, будто бы солдат может научиться в равной степени хорошо владеть саблей, копьём и винтовкой. Но действия штурмовика-кавалериста и конного стрелка коренным образом отличаются в тактическом плане и внедрить в сознание обе эти противоречащие друг другу психологические схемы невозможно. Кавалерист-налётчик рассчитывает видеть перед собой хорошую ровную местность и врага, которого можно было бы атаковать. Конный стрелок ищет неудобный для передвижения ландшафт и укрытие, за которым он вместе с конём мог бы спрятаться. Вести боевые действия можно и так, и эдак, но не одновременно. О том, какой из этих двух способов выявляет в войне самые ценные качества, можно судить по ходу всех современных войн, но особенно Гражданской войны в Америке и Африканской войны. В каждом из двух случаев наши братья по крови, оказавшись перед лицом практических требований, предъявляемых длительной военной компанией, постепенно превращались в конных стрелков. Ещё недавно с нашей стороны было благоразумнее изучать опыт американцев – Шеридана и Стюарта, – чем учиться у европейских кавалеристов. Теперь африканские уроки войны подтвердили американский опыт, и будет печально, если консерватизм наших кавалерийских традиций воспреобладает вновь.

Переходя от общего к частному, Ваш корреспондент, на мой взгляд, грешит множеством весьма сомнительных утверждений. За примерами кавалерийских успехов он обращается к войнам XVIII века; между тем назови он хотя бы одну за все три года войны в Южной Африке кавалерийскую акцию, которую невозможно было бы выполнить силами конных стрелков, и это прозвучало бы убедительнее. Зато акции конных стрелков, которые кавалеристам оказались бы не под силу, перечислить очень легко!

В замечаниях Вашего корреспондента сквозят чисто кавалерийские предрассудки. Он говорит, в частности, о «принижении кавалериста до уровня конного стрелка». Но почему речь идёт о принижении? Ведь наша цель состоит в создании как можно более грозного воина. Если таковым, как показали события в Южной Африке, является конный стрелок, то, стало быть, кавалерист, в такогового переквалифицировавшись, напротив, повысит свой статус.

В качестве главного аргумента Ваш корреспондент выдвигает соображение о том, что кавалерия способна к атакующим действиям, а конный стрелок – нет. Оба утверждения можно опровергнуть. Ни в бурской, ни в маньчжурской кампаниях кавалерия не продемонстрировала атакующих способностей в применении к ситуациям современной войны. А вот конные стрелки буров шли в атаку непрерывно; более того, в течение последнего года войны такая форма наступления стала для них привычной. Ваш корреспондент упоминает бросок Потгитера, который удалось приостановить, но ни слова не говорит о наступлении буров в Флакфонте, Твибуше или Бакенлаагте, – акциях, осуществлённых с убийственной мощью. Конные стрелки в атаке действительно не используют шоковой тактики, но менее опасными от этого не становятся – в частности, благодаря способности останавливаться в последний момент и вести ружейный огонь. Бота в Бакенлаагте спешил своих всадников под прикрытием возвышенности лишь в 30 ярдах от британской линии и разбил наши силы на голову. Может быть, саблей или копьём он сумел бы достичь большего? Так справедливо ли утверждение о том, что кавалерия, превратившись в конных стрелков, утратит надежду на право атаковать? Я полагаю, наоборот: лишь сделавшись стрелками, кавалеристы смогут сыграть в современной войне по-настоящему важную роль.

Нет смысла демонстрировать в мирное время военную мощь одного типа, надеясь использовать другой её тип в реальной войне. Что толку тыкать вересковые пустыри Олдершота саблями и копьями, оставляя стрелков вместе с их привычками и навыками для настоящего дела? Мы должны проявить последовательность, пройти путь до конца и осуществить радикальные перемены. Я же в таковые не поверю до тех пор, пока своими глазами не увижу, как сотня легко оснащённых всадников с вин-

товками на спинах и бандольерами на груди проследует процессией за государственной королевской каретой там, где сегодня мы видим ярких, но по сути средневековых гвардейцев. Вот это был бы триумф солдата современного типа.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

5 апреля

«Пэлл Мэлл газетт»

13 апреля 1910 г.

О КАВАЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

Сэр! Сожалею, что истолковал слова Вашего корреспондента неправильно. Использование им выражения «еретические» в отношении взглядов мистера Эрскина Чайлдера – вот что натолкнуло меня на мысль о том, что мнения, им выражаемые, являются «крайними».

Человеку гражданскому, вроде меня, пред лицом такого военного авторитета, как сэр Джон Френч действительно полагается чувствовать свою полнейшую беспомощность, но ведь и лорд Робертс высказался со всей определённости в пользу стрелков и против штурмовой тактики.

Что же касается французов, немцев и австрийцев, то не мы должны идти у них на поводу, а они – у нас. Мы имели опыт военных действий и получили на нём урок. Должны ли мы забыть его только потому, что этого требуют иностранные теоретики?

О схватке при Бакенлаагте можно спорить, но я лично не думаю, что даже самая сильная кавалерия сдержала бы «Буффов» и «Шотландских коней», составивших костяк сил Бенсона.

Относительно утверждения, что в Британии нет конных стрелков, могу сказать лишь: их и не будет, если мы не возьмёмся за их подготовку. Тот факт, что регулярные части конных пехотинцев добились многого в последний год Африканской войны, оспаривать никто не возьмётся.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, 12 апреля

О РЕФОРМЕ В КОНГО

Сэр! Ваши читатели должны понимать: до тех пор, пока в сообщениях о конголезских реформах мелькают фразы типа: «Взрослые туземцы будут принуждаться к труду», ни о каких реформах не может быть и речи. Уже по одной этой детали можно составить представление об искренности реформаторов.

Если человека в стране заставляют работать, значит, остаются: тюрьма, хлыст, застенки с заложниками – одним словом, вся прежняя машина принуждения. Сегодня фасад государственного конголезского дома для европейских наблюдателей приукрасили, но на задворках его (как заметил неделю назад человек, хорошо знающий тамошнюю ситуацию) безобразия творятся хуже прежнего.

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, Сассекс

«Таймс»
12 мая 1910 г.

КОРОЛЕВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Сэр! Полковнику Сэндису и членам Общества протестантской Реформации не обязательно менять точку зрения, чтобы признать (исходя хотя бы из уроков истории): нет лучшего способа укрепить человека в его убеждениях, как начать преследование этих убеждений. Любая попытка доказать, будто злословие в адрес Римско-католической церкви во время церемонии принесения Присяги на коронации (где прочие конфессии, христианские и нехристианские, обделены вниманием не были) не есть преследование, может быть расценена как демагогическая. Не удивительно ли, что пока католические часовни Европы одеты в траур по усопшему монарху, наследник его, вынужденный следовать букве закона, оскорбляет самые глубокие чувства

скорбящих верующих? И разве политика, вынуждающая короля ранить чувства огромного числа ирландцев, канадцев и граждан других стран, достойна эпохи, которая требует от нас терпимости? Я убежден, что не только католики, но и подавляющее большинство мыслящих людей вне зависимости от религиозных убеждений (или вообще не исповедующие таковых) согласятся: следует проигнорировать кликушество фанатиков и проявить уважение и учтивость в равной мере по отношению ко всем конфессиям, представители которых проживают в границах Империи. Сумей мы положить конец всем этим средневековым распрям, это послужило бы добрым предзнаменованием к началу нового монархического правления.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
10 мая

«Пэлл Мэлл газетт»
3 октября 1910 г.

МИСТЕР ГУСМЕН И ЦЕНзуРА

Не желая касаться вопроса о полной отмене цензуры (относительно которого могут быть разные мнения), мы утверждаем: решение лорда Чемберлена (заведующего театральной цензурой), отказавшего Лоренсу Гусмену в публикации его пьесы без указания причин, должно быть оспорено апелляцией.

*Рудольф Безиер, Дж. Коминз-Карр, Р. С. Картон,
К. Хэддон Чамберс, Губерт Генри Дэвис,
А. Конан-Дойль, Г. В. Эсмонд, Джеймс Б. Фэган,
У. С. Гилберт, Сидней Гранди, Генри Гамильтон,
Энтони Хоуп, Джером К. Джером, Сомерсет Моэм, Льюис
Н. Паркер, Сесил Рейли, Алфред Сатро, И. Энгвилл*

«Дэйли экспресс»
1 ноября 1910 г.

ЧЕЛОВЕК ИЛИ МОРСКАЯ СВИНКА?

Сэр! Если бы мистер Уолл прочёл речь лорда Кромера, он заметил бы, сколь велика статистическая разница между последствиями чумного заражения в одном из районов Индии для людей, получивших прививки, с одной стороны, и не получивших их, с другой.

Как может он обвинять лорда Кромера в голословности утверждений? Такое заявление типично для той человеконенавистнической кампании, в которой участвует мистер Уолл.

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, Сассекс

«Таймс»
17 февраля 1911 г.

БЕЛЬГИЯ И КОНГО

Милостивый государь!

Уверен в том, что сторонники реформ в Конго, как и вся наша общественность, готовы приветствовать в Англии наших бельгийских гостей. Жаль только, если этот визит вынудит нас ослабить усилия по достижении справедливого решения судьбы несчастных туземцев Конго. Мы не вправе делать вид, будто проблема уже решена, пока концессионерные компании, опорочившие себя злодеяниями, продолжают удерживать абсолютную монополию в большинстве районов страны. Такая монополия совершенно не согласуется с положением о свободе торговли, гарантированной Берлинским конгрессом 1887 года. Кроме того, наша страна наряду с другими державами пообещала обеспечить гуманное отношение к местному населению. Неясно, зачем кому-то в будущем соблюдать вообще какие бы то ни было договоры, если этот нарушается столь открыто и нагло. Остаётся лишь надеяться, что хотя бы сейчас, с большим опозда-

нием, Бельгия, дабы искупить вину своих граждан, предоставит жертвам репарацию* на сумму, сравнимую с той, что вынуждены были выплатить другие европейские державы за право сохранить контроль над своими тропическими владениями. Пока этого не будет сделано, бельгийским соседям должна быть понятна сдержанность наших чувств.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
15 февраля

«Букмен»
март 1911 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Сэр! Я был бы очень обязан Вам, если бы Вы предупредили Ваших читателей о том, что по стране разъезжает некий мошенник, выдающий себя за моё доверенное лицо. Он рассказывает что-то о литературных школах и занимается вымогательством, обещая обучать людей эпистолярному искусству. По меньшей мере двое корреспондентов сообщили мне о его визите к ним. Один из них стал жертвой столь бессовестного обмана, что написал мне весьма укоризненное письмо.

С извинениями за беспокойство, искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
30 декабря 1910 г.

«Дэйли экспресс»
9 марта 1911 г.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И БЕЛЬГИЯ

Сэр! В своём весьма любопытном письме из Брюсселя Ваш специальный корреспондент, говоря о злодеяниях в Конго, замечает: «Все здесь – клерикалы, либералы и социалисты – абсолют-

* Возмещение материального ущерба, причиненного войной.

но убеждены в том, что сообщения такого рода крайне преувеличены».

Такому мнению клерикалов не приходится удивляться: их партия в течение многих лет защищала режим Леопольда, если не вообще руководила им. Но невозможно поверить, что подобных взглядов могут придерживаться социалисты, которые в лице двух своих выдающихся ораторов – Вандервельда и Лорана – многократно сообщали о творящихся там безобразиях как в прессе, как и в бельгийской Палате.

Факты, о которых сообщает мистер Морел на самых страшных страницах «Правления короля Леопольда в Африке», или те, что в куда более скромных масштабах были собраны мною в книге «Преступление в Конго», невозможно преувеличить. Они взяты из судебных документов, из свидетельств, полученных бельгийской Комиссией по расследованию, из признаний, содержащихся в отчёте самой Комиссии, из британских консульских отчётов, из опубликованных показаний бельгийских и итальянских офицеров и личных впечатлений многочисленных миссионеров – людей различных национальностей и вероисповеданий.

Преувеличить сообщения, приведённые в этих источниках, не под силу самой буйной фантазии.

Все эти злодеяния были совершены сравнительно недавно. Свидетельства немецкого учёного, доктора Дорпингхауса относятся к 1908 году. С тех пор режим сменился, но концессионерные компании, во многих случаях использующие тех же агентов, что и прежде, продолжают сохранять монополию в местах, где творили свои беззакония.

Без полной уверенности в том, что условия в Конго действительно изменились, невозможно пойти на безумие, к которому призывает Ваш корреспондент, и отказаться таким образом от единственного средства, с помощью которого, действуя в согласии с Соединёнными Штатами, мы могли бы контролировать ситуацию.

Артур Конан-Дойль

Отель «Метрополь»

ПРОБЕГ ПРИНЦА ГЕНРИ

Милостивый государь!

Будучи одним из автомобилистов, принявших участие в пробеге принца Генри, я бы хотел рассказать на страницах Вашей газеты о том, с какой теплотой нас принимали в Германии. Что хозяева постараются сделать наше пребывание в их стране приятным, разумелось заранее, но радушие, с которым представители всех сословий приветствовали автомобили под британским флагом на всём пути следования протяжённостью около 300 миль, нельзя было организовать искусственно. Отчасти это объяснимо огромной личной популярностью принца Генри и, соответственно, общественным интересом к любому соревнованию, в котором он принимает участие, но – даже принимая это во внимание – необходимо признать, что мы столкнулись здесь с выражением доброй воли по отношению к нашей стране. Нескончаемая вереница студентов, солдат, крестьян, рейнских виноделов, ремесленников Вестфалии, сельскохозяйственных рабочих Севера страны оживлённо приветствовали проезжающие машины. Особенно запомнилось нам присутствие огромного количества детей – будущего великой Германии. Единственный *contretemps** (о котором стоит упомянуть, хотя бы имея в виду, что нам предстоит ещё проделать тысячу миль по дорогам Великобритании) явился следствием непонимания того, что даже маленький букетик цветов, попадающий в человека, мчащегося с большой скоростью, превращается в опасный снаряд. Несколько участников пробега получили серьёзные ушибы, а один германский автомобилист так повредил глаз, что, насколько я понимаю, вынужден будет прекратить участие в соревновании. Это чрезмерное проявление радушия – возможно, единственное, что чуточку омрачило нашу идеально организованную поездку. Я хотел бы лишь выразить надежду, что на протяжении британского этапа гонки, который протянется от Саутгемптона к Лимингтону, Харрогейту, Челтенхему и далее до Лондона, мы

* помеха; зд.: происшествие (*фр.*).

сможем оказать нашим германским друзьям столь же тёплый приём.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Норддойчер Ллойд», Бремен
(Пароход «Grosser Kurfuerst»)

«Белфаст ивнинг телеграф»
22 сентября 1911 г.

ГОМРУЛЬ. МОЯ ПОЗИЦИЯ ПО ДАННОМУ ВОПРОСУ (1)

Милостивый государь!

Я действительно дважды баллотировался в Парламент от партии юнионистов и каждый раз излагал свою позицию относительно Гомруля со всей тщательностью. Позиция эта (выраженная мною в 1905 году ещё более определённо, чем в 1900), состояла в следующем: Гомруль может быть принят лишь по истечении некоторого времени, он будет возможен лишь в изменившейся экономической ситуации и более спокойной социальной обстановке, а главное – лишь после того, как проверке подвергнутся институты местной представительной власти.

Сейчас, как мне кажется, эти условия более или менее выполнены. Основные принципы системы землевладения упрощены, среди депутатов-националистов преобладает умеренность (хотя и тут есть фанатики, в течение многих лет стоящие на пути собственных интересов) и, наконец, местные институты представительной власти достаточно хорошо проявили себя как в католических, так и протестантских районах Ирландии. Что же касается законопослушания, то Англия, только выбирающаяся из состояния полной анархии, не вправе критиковать Ирландию, в которой всё это время царило полное спокойствие.

Имеются и соображения более общего характера, на мой взгляд, коренным образом изменившие суть ирландского вопроса. Во-первых, Гомруль, судя по всему, оправдал себя в Южной Африке. Это произвело на меня немалое впечатление, ведь

ирландская междоусобица – ничто в сравнении с бурями расовой нетерпимости, кипевшими в Южной Африке всего десять лет назад. Во-вторых, у нас есть полная уверенность в том, что Ирландия никогда не выйдет из нашего союза. События в Южной Африке доказали нам, что перед угрозой раскола страны-участницы Британской империи немедленно сплотятся. Есть и другие немаловажные соображения, но эти два – основные.

Думаю, верная общему делу Ирландия, сохранившая целостность, это именно то, что необходимо Империи, чтобы стать непобедимой. Я верю: просвещённый патриотизм позволит понять эту истину североирландцам, и они, преисполнившись мыслью о том, что спасают Империю, забудут о своих расовых и религиозных чувствах: ведь при любой форме правления они силой воли и характера сумеют обеспечить себе значительные права в управлении делами своей страны. Ирландцы должны понимать: религиозное преследование или попытка какими-то махинациями ущемить их финансовые интересы – всё это (если даже кто-то попытается нечто подобное предпринять) окажется невозможным из-за взрыва негодования, который затем последует. Наверное, введение Гомруля содержит в себе элемент риска, но, дважды успешно рискнув в Канаде и Южной Африке, мы можем безбоязненно рисковать и в третий раз. Уверен: оказавшись в составе объединённой дружественной Ирландии, северяне уже никогда не попытаются вернуться к прежним условиям существования.

Буду рад, если Вы опубликуете моё мнение. Если нет, я сделаю это сам, потому что считаю своей обязанностью ознакомить избирателей, на мнение которых возможно когда-то имел влияние, со своей позицией в данном вопросе.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
19 сентября 1911 г.

ГОМРУЛЬ. МОЯ ПОЗИЦИЯ ПО ДАННОМУ ВОПРОСУ (2)

Милостивый государь!

Весьма любезно с Вашей стороны было посвятить передовую статью обсуждению моих взглядов на проблему самоуправления. Я, как Вы верно заметили, – империалист; будучи им, и сформировал свои убеждения. Готов согласиться с Вашим утверждением о том, что в Южной Африке, имеют место и межнациональные трения, и отдельные проявления беззакония. Думаю, в прошлом то же самое можно было сказать о положении в Канаде. Исходя из этого, можно предположить, что последствия введения Гомруля дадут знать о себе лишь спустя много лет. Я готов всё это признать. Но думаю, в интересах Империи – терпеть подобные местные распри, покуда всех нас объединяют королевский флаг и власть монарха. Мы последовательно сходимся по крайней мере в одном принципиальном вопросе: большинство представителей белой расы в каждом из государств Британской империи способно к самоуправлению. В контексте общих имперских интересов оправдана, как мне представляется, любая жертва, способствующая достижению этой цели. Империалист не вправе закрывать глаза на отрицательные последствия ирландского недовольства – как в Соединённых Штатах, так и в колониях. Если мы сумеем примирить ирландцев в Ирландии и за её пределами с нашим общим государственным флагом, для Империи это будет большая победа.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
27 сентября

«Сэтердей ревью»

4 ноября 1911 г.

И ВНОВЬ О ВОИНЕ-ДОБРОВОЛЬЦЕ (1)

Сэр! В своей рецензии на книгу мистера Эрскина Чайлдерса о кавалерийской тактике, где автор вновь утверждает приоритет нашего военного опыта над германскими теориями, Ваш критик постоянно цитирует анонимного офицера кавалерии, опровергающего доводы автора. Позвольте мне, стороннику тех же взглядов, предложить свои контраргументы. На днях в кабинет ко мне зашёл кавалер многих орденов, который оставил за спиной южноафриканскую кампанию и получил офицерское звание в ходе боевых действий (указываю его имя не для обнародования). Увидев у меня на столе книгу Чайлдерса «War and the Arme Blanche», он взял её в руки и заявил: «Вот это и есть, по моему, в высшей степени убедительный военный трактат». Говорю об этом, чтобы подчеркнуть: назвать автора непрофессионалом и лишь на этом основании проигнорировать его аргументы, неразумно. Собственно говоря, мистер Чайлдерс – дилетант формальный: он служил в Южной Африке и был непосредственным очевидцем боевых действий. Читая книгу, невозможно не восхищаться начитанностью и умом автора. Тем более нельзя с лёгкостью и без всяких оснований отмахиваться от его мыслей.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Сэтердей ревью»

2 декабря 1911 г.

ЕЩЁ РАЗ О ВОИНЕ-ДОБРОВОЛЬЦЕ (2)

Сэр! Письмо Вашего корреспондента стоило бы проигнорировать, если бы не обращённый ко мне конкретный вопрос. Офицер, чей весьма благоприятный отзыв о взглядах мистера

Чайлдерса на проблемы оснащённости кавалерии я позволил себе привести, состоит в сапёрном подразделении, то есть принадлежит к тому роду войск, представители которого известны достаточно развитым интеллектом. Впрочем, должен сказать со всей откровенностью: не припомню случая, чтобы кто-нибудь из военнослужащих, с которыми мне приходилось беседовать, выражал с этими взглядами несогласие. Мнение лорда Робертса на сей счёт всего лишь в полной мере отражает настроения в военных кругах.

Поэтому крайне нелепо (подобно Вашему корреспонденту) делать вид, будто речь идёт о мнении горстки отступников, которое заслуживает не аргументированных опровержений, а куцега и неуклюжего сарказма. Относительно замечания о том, что мистер Чайлдерс, как и Ваш покорный слуга, – писатель, могу сказать, что в Южную Африку он отправился (как и я опять-таки) в ином качестве. Именно мотивы, туда нас приведшие, подсказывают нам и сейчас необходимость сделать всё возможное, чтобы уроки войны, доставшиеся нам дорогой ценой, не оказались бы так легко позабыты.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс.

«Дэйли мэйл»
16 января 1912 г.

О ПРОБЛЕМАХ БРАКА

Сэр! Ваш корреспондент Джордж Э.Белл, жалуясь на якобы имеющий место упадок британской расы (заявление это представляется мне совершенно безосновательным), одну из причин такового формулирует следующим вопросом: «Развод: разве не он губит дела сердечные?».

Мистеру Беллу должно быть известно, что английские бракоразводные законы – самые консервативные и с точки зрения реформатора-европейца могут считаться реакционными; соответствующее шотландское законодательство куда либеральнее.

Не знаю, действительно ли мистер Белл убеждён, что в интересах общества принуждать к совместной жизни до самой смерти – нормальную женщину и идиота, законопослушную гражданку и уголовника, отбывающего тюремное наказание, достойного мужа и жену-дипсоманку. Или, может быть, он полагает, что ситуация, когда 100.000 пар живут раздельно, будучи не вправе заключить новые союзы, способствует укреплению общественной морали? Если нет, значит, ему следовало бы поддержать усилия по реформированию законодательства. Если да, то перед нами очередное подтверждение тому факту, что теология и здравый смысл несовместимы.

Артур Конан-Дойль,
Президент Союза за реформу
брачного законодательства

Уиндлшем, Кроуборо

«Дэйли мэйл»
23 января 1912 г.

О РАЗВОДЕ (1)

Сэр! Отвечая на вопрос мистера Истера в «Дэйли мэйл», должен заметить, что не выступаю за насильственное расторжение брака между идиотами, уголовниками и прочая. Проблема в том, что такие браки сегодня невозможно расторгнуть, если того желает нормальный партнёр.

Почему несчастны сто тысяч супружеских пар, участникам которых закон предписывает сожительство, запрещая вступление в новый брак? Причин много, но, думаю, преобладают всё же склонность к насилию и регулярное пьянство одного из супругов. Я считаю, что существование в нашем обществе огромной массы «холостяков поневоле» подрывает основы общественной морали и, кстати, оказывает самое пагубное влияние на темпы рождаемости, о чём сегодня все пишут как о национальной катастрофе. Я считаю, что муж и жена, чей брак не сложился, имеют право на раздельную жизнь, а затем – по истечении какого-то срока – и на развод.

Действительно ли в корне проблемы преобладают религиозные соображения? В ходе работы комиссии мы получили на этот вопрос утвердительный ответ: аргументы против реформы носили в основном богословский характер. А недавно из Индии пришло убедительное доказательство того, насколько глупо обустраивать свою жизнь на основе священных текстов. Выяснилось, что миллионы вдов погибли в ритуале сатти напрасно: в ранних священных инструкциях слово «алтарь» было неверно истолковано и превратилось позже в «огонь». Этот ужасный пример убедительно показывает, сколь опасно пользоваться древними изречениями на незнакомом языке, относящимся к иным культурным условиям. Следование им нередко противоречит здравому смыслу и может навлечь несчастья на современных мужчин и женщин.

Артур Конан-Дойль,
Президент Союза за реформу
брачного законодательства

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Дэйли мэйл»
25 января 1912 г.

О РАЗВОДЕ (2)

Сэр! Ваш корреспондент, мистер Белл, утверждая: «Если бы не существовало развода, не было бы у нас и ста тысяч живущих порознь супружеских пар», – судя по всему, путает два понятия: развод и раздельная жизнь в законном браке. Речь идёт о неразведённых супругах: они живут порознь, но по закону не имеют права вступить в повторный брак. Получив разрешение на развод, многие из них вступили бы в брак снова и создали бы нормальные здоровые семьи.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

КАУЧУКОВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ

Милостивый государь!

Письмо мистера Д.Мак-Каммонда о торговле каучуком в Путамайо, опубликованное Вами 1 марта, внушает ужас и наверняка не содержит преувеличений. Одна лишь фраза вызвала у меня неприятие: «Племена изнывают под гнётом куда более страшным и мрачным, чем даже тот, которому рабы подвергаются в Конго». Вот в это поверить я уже никак не могу: ужасов страшной конголезских человеческое воображение создать не в силах, и случай с двумя заживо изжаренными индейскими мальчиками, о котором рассказывает Ваш корреспондент, – это те же конголезские злодеяния, разве что в меньших масштабах.

Плохо, если для того, чтобы осудить одни преступления, нам пришлось бы забыть о необходимости устранения других, возможно, более страшных. Давайте используем все имеющиеся в нашем распоряжении средства для оказания дипломатического давления на перуанское правительство и со всей суровостью, какую только позволяет закон, напомним ответственную за злодеяния компанию. Но не будем забывать: являясь британской формально (по месту регистрации в Лондоне), компания эта фактически перуанская: там она была создана, там управляется и там находится большая часть её акций. Британские инвесторы, имевшие несчастье вложить сюда деньги, по рекламным проспектам никак не могли составить представления об истинной сути предприятия и о том, как оно намерено функционировать. Если, получив новую информацию, инвесторы примут соответствующие меры, на них не будет никакой моральной вины.

Но с Конго дело обстоит иначе. За события в Перу мы не несём прямой ответственности. Взять на себя таковую из всех мировых держав могли бы лишь Соединённые Штаты Америки, которые, согласно доктрине Монро, наделены правом опеки над странами Южной Америки. Мы же перед Конго имеем совершенно ясные обязательства. Мы (правда, совместно с другими европейскими странами) гарантировали местному населе-

нию защиту. В результате такой «защиты» чуть более чем за тридцать лет эта огромная страна потеряла по самым скромным подсчётам по меньшей мере две трети населения.

Сейчас заметна тенденция говорить о проблеме так, будто она уже решена. Но было бы роковой и непростительной ошибкой с нашей стороны, поддавшись этой иллюзии, ослабить критику и, признав право Бельгии на аннексию, утратить последний рычаг воздействия на неё. В настоящий момент положение в Конго улучшилось. Но у нас нет гарантии, что оно не ухудшится снова, если мы отказом от политики непризнания ослабим своё давление. Более того, из недавних писем преподобного Дж.Х.Харриса, проехавшего по Конго, следует, что так называемые реформы иллюзорны и будущее страны под угрозой.

Местные жители получили право на свободную торговлю с такими налогами и оговорками, которые практически это разрешение отменяют. Было объявлено, что налоги будут исчисляться франками, а не каучуком, но поскольку денег в стране мало, сборщики по-прежнему получают эквивалент каучуком (по собственному усмотрению начисляя этот эквивалент), так что в результате всё осталось по-прежнему. Созданные гигантские государственные плантации (и подобные им предприятия) способны существовать лишь при использовании принудительного труда. И, наконец, самый зловещий знак: восстановлены или остались на прежних местах чиновники, привыкшие к злоупотреблениям и угнетению народа. После всего этого признав аннексию, мы сведём на нет достигнутое за десять лет неослабного внимания к этому вопросу.

Я надеюсь, что всё мной сказанное ничуть не противоречит призыву мистера Мак-Каммонда к решительным действиям в районе Путамайо. Просто было бы очень жаль, если, переключив внимание к Перу, мы бы утратили бдительность по отношению к происходящему в Конго.

Артур Конан-Дойль

«Гранд-отель», Линдхерст,
Нью-Форест, 3 марта

«Дэйли экспресс»

26 марта 1912 г.

О «МИРНОЙ ИРЛАНДИИ» (1)

Сэр! Насколько я могу судить, сообщая о беспорядках в Ирландии, Вы каждый раз используете словосочетание, вынесенное в заголовок иронически. Но если сравнить положение дел на двух наших островах, разве не окажется, что он справедлив в самом прямом (пусть и отчасти уже утраченном) смысле?

Слышал ли кто-нибудь в Ирландии о «мужском синдикализме» или женских половых извращениях?

Если социальное беспокойство – аргумент против введения самоуправления, то из двух островов Ирландия более достойна последнего.

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, Сассекс

«Дэйли экспресс»

28 марта 1912 г.

О «МИРНОЙ ИРЛАНДИИ» (2)

Сэр! Я не утверждал, что в Ирландии не совершается преступлений, а хотел сказать, что в целом по положению дел она может преподать нам урок.

Мистер Грэнтэм рассказывает о случае исключительном, имеющем отношение к ряду районов единственного графства, если не ошибаюсь, Гэлуэя. Позвольте и мне, в свою очередь, привести в качестве примера выдержку из сводки новостей газеты «Ивнинг телеграф» от 22 марта: «Значительному числу ирландских судей были вручены белые перчатки – как почётное свидетельство того, что за ними остался «чистый» год. Если бы не единственный случай бытовой кражи, Лорд Главный судья также получил бы белые перчатки на выездной сессии суда в Корк-сити. Таково положение дел с преступностью в одном из главных городов Ирландии».

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, Сассекс

О ГОМРУЛЕ

(Письмо мистеру Р.Дж.Келли из Дублина)

Дорогой сэр!

Благодарю Вас за присланные заметки. Да, я – империалист, поскольку убеждён: целое всегда сильнее суммы собственных раздробленных частей. Считаю, что ради пользы общего дела всегда целесообразно жертвовать частным. В течение многих лет я возражал против Гомруля, зная о враждебном отношении Ирландии к Империи, и до сих пор мне трудно избавиться от этого впечатления.

И всё же я понял: приветственные жесты Ирландии в адрес врагов Империи были, скорее, симптомом, нежели заболеванием. Желая устранить симптом не должен поощрять причину: напротив, следует устранить её – тогда и болезнь пройдёт сама собой. Казалось бы, простая мысль; но даже очевидную истину можно извратить предрассудками и партийным политиканством.

Я надеюсь, что националисты наконец перестанут позволять своим противникам использовать Юнион-джек в качестве своего символа. За этот флаг ирландцев погибло в процентном отношении больше, чем представителей какой-либо другой нации. Он – символ Империи, которую Ирландия помогала строить и которая (если не принимать во внимание отдельные исключения) защищала свободу и прогресс во всём мире. Британия, вне зависимости от того, каким было наше общее прошлое, по крайней мере усилиями одного поколения честно пыталась помочь Ирландии: одна партия – в рамках общих для всех нас законов, другая – предпринимая попытки восстановить ирландское законодательство. Время распрей, несомненно, подходит к концу: Трон и Флаг здесь, как и в любом другом уголке Империи, высоко вознесутся над тучами политических разногласий. Оппоненты могут уличить меня в попытке поставить телегу впереди лошади, но я убеждён, что если бы в Ирландии британский флаг почитался, как везде, это в большей степени, чем что

бы то ни было, ослабило британское сопротивление идее Гомруля. Нашим людям требуется гарантия того, что в лице Ирландии мы обретём верного друга, а не врага, плетущего против нас интриги. Весь ход истории, конечно же, подсказывает: всё именно так и будет. Предоставление самоуправления в границах Империи всегда приносило подобные плоды; просто у людей политически предубеждённых всегда находятся основания подозревать, что именно этот конкретный случай станет исключением из общего правила.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

2 апреля 1912 г.

«Дэйли ньюс»

20 мая 1912 г.

МИСТЕР БЕРНАРД ШОУ И «ТИТАНИК»

Милостивый государь!

Я только что прочёл статью мистера Бернарда Шоу о гибели «Титаника», появившуюся в Вашей газете 14 мая. Автор заявляет, что целью его является установление истины, и всех вокруг обвиняет в обмане. Между тем я не припомню статьи, в которой было бы столько лжи. Просто не укладывается в голове, как можно сейчас писать о подобном событии в столь развязном и легкомысленном тоне.

Рассмотрим его заявления по отдельности. Мистер Шоу очень хотел бы (ради доказательства собственного ложного утверждения, что на месте катастрофы люди не проявили должного героизма) при помощи цифр показать, что женщин не пытались спасти в первую очередь. Для рассмотрения он берёт лишь одну, самую маленькую шлюпку, которая была спущена на воду при специфических обстоятельствах, в свою очередь ставших предметом расследования. На том лишь основании, что в ней находились десять мужчин и две женщины, он делает вывод: героизм и благородство, дескать, отсутствовали, и все разговоры о

том – ложь. Но мистер Шоу знает не хуже меня, что уже в следующей лодке из 70 пассажиров было 65 женщин. И он не может не знать о том, что управление всеми спущенными на воду шлюпками было затруднено как раз из-за недостатка мужчин-гребцов. Итак, для того чтобы создать у читателя ложное впечатление, он сознательно выбирает для примера одну шлюпку, прекрасно зная, что речь ведёт об исключении, не отражающем ситуацию в целом. Допустимы ли в споре такие приёмы, и разве имеет автор после этого право обвинять современников в дезинформации?

В своём следующем пассаже он пытается всячески очернить капитана Смита – вновь прибегая к любимому методу *suggestio falsi**. В данном случае ложная предпосылка состоит в том, что общественность, сочувствующая капитану Смигу, якобы тем самым оправдывает его навигационные ошибки. Сегодня никто (не говоря уже о самом Бернарде Шоу) не станет защищать решение капитана пойти на неоправданный риск. Сочувствие вызывает лишь поведение старого моряка, который, допустив единственный ужасный промах, сознательно пожертвовал жизнью, отдал спасательный пояс, до последнего пытался спасти жизни тех, кого невольно подверг опасности, и доплыл с ребёнком до шлюпки, взобраться в которую сам отказался. Таковы факты. Что же касается утверждения мистера Шоу, будто катастрофу сегодня воспевают как триумф британской навигации, то оно доказывает лишь, что громкая фраза для него важнее истины. «О нём пишут, как никогда не писали о Нельсоне», – замечает он. Если мистер Шоу укажет мне хотя бы на одну статью ответственного журналиста, где о капитане Смите писалось бы в тех же тонах, что и когда-то о Нельсоне, я внесу сто фунтов на счёт Фабианского общества.

Следующая инсинуация господина Шоу (тем более злостная, что выражена лаконично) касается офицеров, которые, якобы, не исполнили до конца свой долг. Суть обвинения, судя по всему, состоит в приведённых тут же словах Лоу, обращённых к мистеру Исмэю, который попытался воспрепятствовать спуску шлюпки. Я же считаю, что эпизод, в котором подчиненный столь резко обращается к управляющему директору Линии, чьи

* внушение чего-либо ложного (*лат.*).

действия (как ему кажется) мешают спасению человеческих жизней, являет собой прекрасный пример выполнения офицером своих обязанностей. Шестой офицер погиб вместе с капитаном: полагаю, даже мистер Шоу не мог бы потребовать от него большего. Что касается остальных, то я нигде не читал и не слышал о том, чтобы кто-то из них дал повод для критики. Мистер Шоу, чтобы хоть к чему-то придраться, рассказывает о том, как один из офицеров разрядил револьвер в воздух, отпугивая иммигрантов, намеревавшихся взять шлюпку штурмом. То, что это были иностранцы, подтверждают несколько свидетелей. Неужели мистер Шоу полагает, что такую попытку не следовало пресечь? В таком случае в чём суть его нападок?

Наконец, мистер Шоу пытается очернить прекрасный эпизод с поведением оркестра, утверждая, что тот подчинился приказу, направленному на избежание паники. Даже если и так, разве это в чём-то преуменьшает мудрость приказа или мужество музыкантов? Предотвратить панику как раз и было необходимо; прекрасно, что нашлись люди, которые сумели сделать это именно таким образом.

Что же касается общего обвинения в том, что случай с «Титаником» используется для прославления британского характера, то мы, как нация, утратили бы силу, если бы перестали отдавать дань восхищения проявленным в высших формах мужеству и дисциплине. О каком-либо самолюбовании, однако, тут не может быть и речи: поведение американцев-мужчин (в особенности ненавистных всем миллионеров) также получило наивысшую оценку в прессе и вполне вписалось в общую картину человеческого героизма.

Вызывает сожаление, что человек, несомненно талантливый, использует свой талант для того, чтобы оклеветать и опорочить собственный народ. Не говоря уже о том, что написанное им причинит лишние страдания людям, на чью долю выпало уже и так достаточно горя.

Артур Конан-Дойль

18 мая

«Дэйли ньюс»

25 мая 1912 г.

МИСТЕР ШОУ И СЭР А.КОНАН-ДОЙЛЬ

Сэр! Не желая продолжать очевидно бесплодный спор, отвечаю лишь на одно обвинение мистера Шоу в мой адрес. Он утверждает, что я обвиняю его во лжи. В действительности же, не опускаясь до столь явного нарушения правил дискуссии, я всего лишь заметил, что в числе его великолепных достоинств явно отсутствует способность к взвешенному сопоставлению фактов. Впрочем, помимо этого он лишён также то ли человечности, то ли такта – одним словом, того качества, которое не позволяет нам беспричинно ранить чувства других людей.

Артур Конан-Дойль

23 мая

«Дэйли мэйл»

20 июня 1912 г.

ВОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ. ОТВЕТ МИСТЕРУ УЭЛЛСУ

Милостивый государь!

С большим интересом и некоторым сочувствием я ознакомился с выступлением мистера Уэллса по поводу рабочих волнений. Внимая его призыву ко всем гражданам подумать над этой проблемой самостоятельно, я хотел бы изложить собственные мысли на этот счёт.

Каждый раз, завершая чтение очередного социологического трактата мистера Уэллса, я прихожу в некоторое умственное возбуждение. Его ясность видения и энергичная выразительность оказывают стимулирующее воздействие на интеллект. Тем не менее я постоянно ловлю себя на несогласии с автором; не стал исключением и данный случай. Мистер Уэллс производит впечатление человека, который во время прогулки по саду может, например, заявить: «Мне не нравится это фруктовое де-

рево. Плодоносит не лучшим образом, не блещет совершенством форм. Давайте-ка его срубим и попробуем вырастить на этом месте другое дерево, получше».

Того ли ждёт британский народ от своего гения? Куда естественнее было бы услышать от него: «Мне не нравится это дерево. Давайте попробуем улучшить его жизнеспособность, не нанеся повреждений стволу. Может быть, удастся заставить его расти и плодоносить так, как нам того бы хотелось. Но не будем уничтожать его, ведь тогда все прошлые труды пропадут даром, и неизвестно ещё, что мы получим в будущем». Так рассудил бы человек практичный и мудрый.

Сейчас мы стоим перед выбором: позволить ли срубить дерево государственного устройства или взяться за его совершенствование в надежде поразить успехами мир? Но действительно ли мы находимся перед лицом столь серьёзного кризиса? Разве это явление в течение всей нашей истории не повторялось периодически? Готов признать, что сегодняшние волнения характерны большей, чем прежде, массовостью, но уж во всяком случае по интенсивности они уступают многому из того, что бывало прежде. Если бы мистер Уэллс жил в годы восстаний луддитов, первых тред-юнионистских бесчинств и особенно чартистских бунтов, он увидел бы нечто куда более серьёзное, чем то, что мы сейчас наблюдаем. И тем не менее каждый раз старое дерево, претерпев мелкие подрезания, разрасталось вновь, становясь крепче прежнего. Есть ли сегодня основания опасаться каких-то роковых последствий? В прежние времена ситуация предрасполагала к взрыву, поскольку государство всем своим весом пыталось налечь на предохранительные клапаны общества. Сейчас, когда избирательное право обрели самые широкие слои населения, общественное недовольство может быть выражено в процессе голосования, не обязательно в насильственных действиях. Конечно, следствием выборов также могут стать действия, но — постепенные и законные, не выходящие за конституционные рамки.

Я согласен с мистером Уэллсом в том, что у рабочих многих профессий есть основания для недовольства: цены растут быстрее заработной платы. Однако те же бедствия испытывают люди, формально не являющиеся пролетариатом, — государствен-

ные служащие, отставные военные, все, кому приходится жить на небольшой и негибкий доход. Положение этих людей усугубляется ещё и необходимостью сохранять видимость благоденствия ради того, чтобы остаться в своём сословии. Печально, что дела обстоят таким образом. Возможно, причиной всему перепроизводство золота и падение цены на него; возможно, и нет. Под силу ли нам сократить выпуск золота? Задача представляется невыполнимой. Где же тогда искать выход?

Мистер Уэллс предлагает в качестве спасительной меры переход к коммерческому партнёрству рабочего и работодателя. Такое решение было бы по меньшей мере несправедливо, поскольку оставило бы в стороне те общественные слои, которые в не меньшей степени страдают от существующего положения дел, но данной мерой оказались бы незатронутыми. Между тем при ближайшем рассмотрении предлагаемая схема обнаруживает в себе множество недостатков. Она применима в стабильной, монопольной системе производства – например, газодобывающей промышленности или на железнодорожном транспорте. Но как быть тем многочисленным концернам, которые не имеют прибылей и терпят одни только убытки? Должен ли рабочий получать полную зарплату плюс процент от прибыли процветающего предприятия и, сохранив зарплату, отказаться от финансовой ответственности за убыток, возложив её на капиталиста, в случае, если производство окажется убыточным? Будет ли это справедливо? Думаю, радости и тяготы рабочий должен нести вместе со своим предприятием, а раз так, в среднем крайности уравниваются, скорее всего, оставив его ни с чем. У меня нет на этот счёт определённых статистических данных, но создаётся впечатление, что если собрать все компании функционировавшие в течение последнего десятилетия и из суммы прибылей процветающих предприятий вычесть сумму убытков, которые понесли остальные, то разница в лучшем случае окажется мизерной и для рабочего несущественной. Мистер Уэллс, судя по всему, слишком полагается на собственные впечатления и опыт. Я, со своей стороны, могу сказать, что дважды пытался открыть дело, потерял в общей сложности около двадцати тысяч фунтов, не получил ни пенни и, несомненно, разорил бы своего работника, если бы тот предложил мне разделить процент прибыли. По-

лагать, будто мой личный опыт являет собой исключение из правил, у меня нет оснований. Итак, что происходит с прожектором, обещающим трудящемуся долю от произведённого им продукта? На практике он рассыпается в прах.

Способен ли Парламент предложить панацею? Не вижу, как можно было бы парламентскими средствами влиять на факторы столь общего свойства, как спрос и предложение (а именно они регулируют стоимость рабочей силы). Парламент может принять закон о минимальной заработной плате, но если завысит её значение, то вызовет спад производства и инфляцию, в результате чего искусственно раздутая обещанная сумма лопнет, как пузырь. И всё же во власти Парламента спасти британского рабочего, по-прежнему остающегося беззащитным в соперничестве с дешёвым рабским трудом, который практикуется во многих странах мира. Тут, как мне кажется, и кроются корни проблемы, которая остановила рост заработной платы. Эта мера уже предлагалась пролетариату первыми государственными деятелями нашего века, но тогда рабочие отвергли её, позволив политикам одурачить себя. Теперь ответственность за положение дел лежит и на их плечах.

Что ещё можно сделать? Мистер Уэллс полагает, будто отказ от нашей партийной системы приведёт к каким-то сдвигам. Мне кажется, в его рассуждениях преобладает дух ворчливого недовольства. Вспомним слова Великого Герцога: «Нам следует укреплять традиции королевского правления». Возможно ли такое в рамках обрисованной мистером Уэллсом аморфной, управляемой лишь экспертами, общественной системы, которая подвержена постоянным внутренним конфликтам? Только соперничество двух партий, каждая из которых борется за голоса избирателей, гарантирует последним возможность удовлетворения их нужд. Деятельность Парламента, может быть, действительно заблокирована интересами бизнеса, но такая мера, как деволуция (имевшая место в Ирландии), несомненно, должна всего лишь расчистить почву для дальнейших внутригосударственных социальных реформ.

Если не считать вопроса о заработной плате (рост которой, как мне представляется, может быть обеспечен только введением тарифа), я во многом согласен с мистером Уэллсом. Необходимо

улучшить жилищные условия низших классов, особенно в сельской местности, где положение в настоящий момент катастрофическое. Если наконец рассеются когда-нибудь сгустившиеся над нами германские тучи, первойшей заботой нашего правительства должно стать уменьшение текущего процента страхования, съедающего значительную долю национального бюджета. Должен признать также, что я целиком поддерживаю проведение земельной реформы. Десяток прибыльных ферм куда милее моему взгляду, чем даже красивейший поместный парк или живописный выгон. Мы не можем себе позволить на нашем маленьком острове такую роскошь, пусть даже она и казалась бы нам восхитительной.

Мистер Уэллс проявляет справедливую строгость в отношении праздных богачей, но не сгущает ли он краски? Наверняка же, среди представителей зажиточного сословия сегодня найдётся куда больше серьёзных людей, готовых служить своему Отечеству, чем это было в известные нам по литературным произведениям времена бесчисленных скачек и картёжных оргий с неизменными тремя бутылками в день. Рабочий человек, видя проезжающий автомобиль, знает, что из тысячи фунтов, которые заплатил за него владелец, около пятисот отправилось в карман его, рабочего, братьев по классу. Призвать таких владельцев к бережливости и экономии, означало бы навлечь бедствия на Бирмингем, Ковентри и другие центры автомобилестроения. Мне представляется, что меры такого рода не столько помогут избежать трудовых конфликтов, сколько уменьшат количество рабочих мест.

Мистер Уэллс позволяет себе пророчествовать, рискну и я ступить на ту же неблагодарную почву. Предвижу, что в ближайшем будущем волнения успокоятся – как успокаивались они и прежде. Наш пролетарий, будучи человеком интеллигентным и образованным, поймёт, что жизнь сама представляет ему немалые компенсации. В наше время хороший ремесленник зарабатывает больше, чем клерк, продавец или священник, и доход высококвалифицированного рабочего иногда выше, чем доход учёного или государственного служащего. Рабочий понимает: его успех на рынке труда всецело зависит от его способностей, и нет таких вершин в общественной иерархии, которых он не смог бы достичь, проявив достаточно энергии и смекалки. Я не

верю в опасность, которая заставила бы нас с мистером Уэллсом забросить рукописи и отправиться в угольные шахты. И не боюсь революционных перемен. Потому что наш рабочий знает: он, как и любой другой гражданин, живёт в соответствии с определёнными общественными законами, и не в его интересах подрывать благосостояние своего государства, подпиливая ветвь, на которой он сам сидит.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

«Таймс»

18 июля 1912 г.

ИМПЕРИЯ И ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Сэр! У нас есть четыре года, чтобы в преддверии Берлинской Олимпиады навести порядок в нашем спортивном хозяйстве. Осмелюсь предположить, что наша цель состоит в том, чтобы направить на игры не просто британскую команду, но сборную Британской империи. Американцы поступили мудро, включив в сборную краснокожих индейцев, негров и даже одного спортсмена с Гавайских островов. Мы же позволяем белым спортсменам наших колоний выступать под чужими флагами. Не сомневаюсь: обратись мы к ним тактично, они пожертвовали бы случайными почестями со стороны своих стран ради формирования такой сборной, где под общим флагом и в одной форме плечом к плечу с коренными британцами выступили бы африканцы, австралийцы и канадцы. Я бы пошёл ещё дальше и задал вопрос: а не поискать ли Империи своих будущих чемпионов среди пловцов из Цейлона и Малайзии, бегунов из Индии и борцов-сикхов? Убеждён, что подобный шаг имел бы огромную политическую важность, поскольку команда, под одним флагом сражающаяся за общую победу, явилась бы великолепным символом единства Империи.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

15 июля

«Ивнинг стандарт»
«Сент-Джеймс газетт»
22 июля 1912 г.

О НАШЕМ ОЛИМПИЙСКОМ ФИАСКО

Сэр! Не знаю, кто такой «Н.А.С.», но тот факт, что опубликованное на Ваших страницах письмо он не подписал настоящим именем, меня не удивляет. Он демонстрирует чисто обывательское мировоззрение и должен расширить кругозор, прежде чем называть себя империалистом.

Если американцы, несомненно, более остро, чем мы ощущающие расовую принадлежность, нашли в своей команде места для индейцев, негров и гавайца, почему мы должны исключить из рассмотрения спортсменов из тех 300 тысяч человек, что являются нашими гражданами? Предположение, будто сикх, гхурка или раджпут вправе защищать Империю на фронтах войны, но не могут выступать за её сборную в мирное время, выглядит некрасиво.

Если англичане начнут исповедовать идеи, которыми поделился с нами «Н.А.С.», значит, конец Империи не за горами.

Артур Конан-Дойль

Отель «Princes», Брайтон

«Таймс»
30 июля 1912 г.

ОБ ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

Сэр! Каждый, кому дорога репутация нашего спорта, должен испытать чувство глубокой благодарности Вашему корреспонденту на Стокгольмских Играх, который очень ясно и откровенно прокомментировал ситуацию. Теперь понятны причины постигшего нас недавно фиаско. Вопрос в том лишь, насколько удастся нам устранить их в будущем и какие шаги следует предпринять для достижения этой цели.

Все согласны в том, что спортсмены у нас есть. Остаются два фактора: финансовый и административный.

Для проведения достойной подготовки к Играм требуются значительные денежные средства. Если общественность не предоставит их, значит, и всю вину за будущий провал возьмёт на себя. Думаю, если Олимпийский совет и заслуживает критики, так за то, что не смог установить достаточно тесного контакта с прессой и общественностью; не объяснил суть стоящих задач и на незвал сумму необходимых средств. Не сомневаюсь в том, что наша публика была бы щедрее, если бы её осведомили о состоянии дел. Неужели мы не сумеем найти богатых людей, которые захотели бы сделать подготовку к Олимпиаде своим хобби и стать финансовыми опекунами сборной? Можно ли найти деньгам лучшее применение? Наше поражение означает лишь, что теперь необходимо приложить дополнительные усилия, и чем скорее, тем лучше, пока не пропал стимул (каковым явились сами по себе наши неудачи) к сбору значительных денежных средств и обеспечению триумфа нашего флага на Берлинских Играх 1916 года. Я надеюсь уже в ближайшем будущем услышать со стороны влиятельных людей громогласные призывы к созданию таких фондов, а кроме того, обладающие разъяснения относительно того, каким образом они будут использоваться. Если общественность на них не откликнется, значит, национальный интерес к Играм отсутствует и наше положение серьёзно. Но я убеждён, что это не так и что деньги появятся.

Какие шаги предстоит нам предпринять, заручившись надёжной финансовой поддержкой?

1. Главное – создать сборную команду Британской империи: эта идея, обсуждавшаяся на Ваших страницах, судя по всему, встретила всеобщее одобрение.

2. Начиная с этого времени и до самого 1916 года необходимо ежегодно или даже дважды в год проводить свои Игры по олимпийской модели, задействуя в них все олимпийские стадионы и выплачивая победителям щедрые вознаграждения. В провинции и столице игры должны проходить попеременно. Только так мы сможем просмотреть все находящиеся в нашем распоряжении спортивные кадры, а кроме того, дать атлетам привыкнуть к метрическим дистанциям и таким новым для них дисциплинам, как метание диска и копья. Должен заметить здесь, что имею честь быть президентом небольшого общества под на-

званием Ассоциация лёгкой атлетики (её почётный секретарь – Ф.А.М.Уэбстер; Стрэнд, 161а), которая не только пытается способствовать развитию этих несколько противоестественных для нас видов спорта, но и уже добилась обнадёживающих результатов.

3. Мы должны бросить в бой сильнейшие силы. Наши графства направляют лучших спортсменов в сборную Англии; точно так же Бизли, Уимблдон или Хенли не должны утаивать будущих олимпийских чемпионов. Отсутствие в этом году наших теннисистов и яхтсменов заслуживает сожаления. Олимпийские игры должны пользоваться такой всенародной поддержкой, чтобы никому и в голову не пришло помешать нашему на них как можно более полному спортивному представительству. В качестве демонстрации общественной поддержки должны быть организованы торжественные проводы и затем встреча олимпийской команды.

4. Участников команды необходимо собрать в тренировочных комплексах задолго до начала Игр, заручившись поддержкой самых опытных консультантов. В течение Игр спортсменам должны быть созданы самые здоровые и комфортабельные условия.

5. В каждом виде спорта наблюдатели должны следить за соблюдением спортсменами правил. Так мы сможем избежать инцидентов, вроде позорной дисквалификации наших всадников.

Насколько мне известно, в течение этой недели должна состояться встреча всех заинтересованных лиц. Остаётся лишь надеяться, что они найдут возможность обратить общественное внимание на деятельность центрального Олимпийского комитета, сумевшего отчасти преуспеть даже при отсутствии достаточных денежных средств.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

29 июля

БРИТАНИЯ И ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Сэр! Дискуссия о подготовке к следующим Олимпийским играм становится неконструктивной и превращается в свару. Я хотел бы призвать всех заинтересованных лиц: давайте забудем о прошлом и сосредоточим наши усилия на будущем. Попытки каждой из сторон набрать очки в этом соперничестве только отдаляют от нас суть дела. Главный груз вины за прошлые неудачи лежит на беспечной общественности, которая не проявляла к Играм интереса до тех пор, пока наша относительная неудача в Стокгольме не вывела её из состояния безразличия. Первым делом теперь следует исполниться великодушия, забыть о недавних распрях, выразить по их поводу сожаление и объединиться для бескорыстного следования главной цели – создания условий для эффективного достижения результатов.

Отдавая себе отчёт в том, что не являюсь авторитетом в данном вопросе, я имею одно преимущество – полную независимость. Я ни разу не поддержал ни одну из враждующих сторон, не состою ни в каком правительственном органе и не намерен вступать в таковой впредь. А значит, думаю, что имею право высказать свои предложения по поводу организации дела. Ясно, что организационный вопрос должен быть прояснён и утверждён как прессой, так и общественным мнением, прежде чем мы могли бы надеяться, что обращение к последнему за финансовой поддержкой может иметь какой-то успех.

До сих пор Олимпийской Ассоциации приходилось работать, преодолевая общественное безразличие. Она добилась немалого – особенно в деле организации Лондонских Игр, которые, возможно, теперь уже всегда будут проходить по олимпийскому образцу. В число полусотни членов Совета Ассоциации входят руководители или представители практически всех видов спорта. Эта организация, думаю, представляет слишком большую ценность, чтобы можно было её распустить. Её следует сохранить хотя бы в качестве последней апелляционной инстанции, правомочной обсуждать и решать лю-

бые вопросы, касающиеся олимпийской политики Великобритании.

Однако совершенно ясно, что такое собрание великовато для несения исполнительных функций. Чем меньше совет, тем большую ответственность чувствует на себе каждый его участник, тем весомее результаты его работы. Идеальный исполнительный комитет, как мне кажется, должен содержать в себе ядро из 3-4 человек, входящих в состав сегодняшней Олимпийской Ассоциации, плюс примерно столько же специалистов со стороны; последние должны представлять как университеты, так и популярные атлетические клубы страны, а также деловые круги, со спортивными организациями не связанные. По тому же принципу можно создать различные комитеты с самыми широкими полномочиями, которые занимались бы тренировочным процессом, финансовыми вопросами и так далее. Такого рода организаторской деятельностью могла бы заняться сама Ассоциация, причем незамедлительно.

Я утверждаю: создав практическую организацию такого рода и заручившись поддержкой общественности, мы сможем обратиться к последней за любой суммой без опасения получить отказ. Публика хотела бы знать заранее, что получит за свои деньги. Представив ей чёткий план действий и сплочённый членский состав, застрахованный от разногласий, мы преодолеем главное препятствие, отделяющее нас от победы в Берлине.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
5 августа

«Дэйли мэйл»
2 сентября 1912 г.

«ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА»

Сэр! После того, как десять дней назад была опубликована моя брошюра о деле Оскара Слейтера, я получил множество писем со всех концов страны, в которых люди призывают меня ис-

пользовать всё своё влияние, чтобы добиться пересмотра решения суда.

Я считаю, что обратив внимание британской общественности на возможность судебной ошибки, приведшей к тому, что за убийство мисс Гилкрайст был осуждён подсудимый Слейтер, я пробудил к этому делу общенациональный интерес. А значит, британский народ, если он согласен с моими взглядами, вправе потребовать пересмотра дела.

А. Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Спектейтор»

12 октября 1912 г.

ДЕЛО СЛЕЙТЕРА (1)

Сэр! Весьма продолжительное письмо мистера Риска по этому вопросу пестрит неточностями. Он, похоже, считает возможным свести суть спора к голословным заявлениям (ни одно из которых не было доказано на суде) и таким образом задним числом оправдать вердикт. Его утверждение о том, что некие картёжники знали о существовании драгоценностей мисс Гилкрайст, вообще не прозвучало на суде, и полиции не удалось доказать, что Слейтер имел при себе в поезде что-либо, кроме билета до Ливерпуля. Поскольку пассажир заранее сообщил нескольким людям, куда направляется, предположение о том, что он взял билет до Лондона, чтобы сбить со следа преследователей, представляется совершенно невероятным. Что же касается факта признания Слейтером своей вины, то в это я совершенно не верю. Слова Слейтера (опубликованные в различных трактовках) означают лишь, что этот человек понимает: его казнь повлекла бы за собой и гибель любовницы. Факт так называемого «признания» начисто отрицал адвокат Слейтера, мистер Спайерс, который до самой своей смерти как публично, так и в частных беседах с членами своей семьи заявлял о том, что свято верит в невиновность подзащитного. Слейтер, кроме того, заявил о своей непричастности к убийству сразу же после того, как

оказался в тюрьме, что также не вписывается в представление о чистосердечном признании.

«Даже в случае невиновности Слейтера следовало бы отправить в Питерхед» (то есть на принудительные работы), – пишет мистер Риск, и уже по этим словам можно судить о его логичности и темпераменте. Раз так, значит, и спорить не о чем. Но кое-кто из нас ещё сохранил старомодное убеждение, что человека нужно судить за преступление, а не за особенности личной жизни.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Спектейтор»
26 октября 1912 г.

ДЕЛО СЛЕЙТЕРА (2)

Милостивый государь!

Утверждения мистера Риска о том, что он будто бы лично осведомлён о фактах, неизвестных общественности и не обнаруженных в ходе судебного разбирательства, не имеют никакого веса, поскольку не могут быть проверены перекрёстным допросом. Это – всего лишь заявление *ex parte**: совершенно очевидно, что многие люди заинтересованы в том, чтобы скрыть ошибки правосудия, имевшие место при рассмотрении дела. Обсуждать же факты, судом не рассматривавшиеся, здесь неуместно.

Мистер Риск, возвратясь к вопросу о якобы имевшем место «признании», как ни странно, не замечает очевидного: сам по себе факт отмены смертного приговора говорит о том, что люди, осведомлённые об истинном положении дел, не верят в реальность этого признания. В противном случае ничто не спасло бы жизнь человека, обвинённого в совершении самого подлого и трусливого преступления последних лет. Одно это соображение само по себе лишает утверждения мистера Риска всякой силы.

Назвать группу юристов, занимавшихся пересмотром при-

* со стороны, т.е. пристрастно, предвзято (*lat.*).

говора, «апелляционным судом» означало бы внести терминологическую путаницу. Вопрос о виновности обвиняемого перед ними не стоял и, я уверен, вообще находится вне их компетенции. Оказавшись перед выбором, они благоразумно остановились на форме наказания менее суровой и более милосердной. Тот факт, что эти люди поступили благоразумно, подтверждается и непрекращающимися волнениями общественности, которые не улягутся до тех пор, пока не будут рассеяны все сомнения, касающиеся этого дела.

Поскольку под требованием отменить приговор, основывающийся на несправедливом осуждении, стоит 20 тысяч подписей, я не могу поверить в то, что все граждане Глазго столь едины в этом вопросе, как того хотелось бы мистеру Риску.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

11 марта 1913 г.

О ТУННЕЛЕ ПОД ПРОЛИВОМ

Сэр! Я приветствую письмо генерала сэра Талбота, напечатанное в Вашем сегодняшнем номере. Идея эта представляется мне столь важной, что жаль даже дня, в течение которого не сделано хоть что-то для её реализации. Туннель, построенный в мирное время на народные средства, станет ценнейшим приобретением, а в случае войны (с любым государством, кроме Франции) весьма укрепит наше положение – как при оборонительных, так и при атакующих действиях. Вот в кратце основные преимущества, которые даст нам строительство туннеля под проливом:

1. Построенный на народные средства, сумму которых должны будут высчитать авторитетные инженеры, он принесёт государству неисчислимые блага.

2. Туннель стимулирует нашу торговлю с Континентом, поскольку не придётся разбивать на части общий поток товарооборота.

3. Он будет способствовать привлечению в Англию многих тысяч гостей из Европы, которых прежде останавливала необходимость пересечь пролив.

4. В случае, если нам придётся отправить на Континент войска, туннель станет безопасным коммуникационным каналом.

5. С его помощью страна сможет в военное время получать провизию и выдержит осаду даже в случае поражения на море. Все поставки из стран Средиземноморья идут к нам через Марсель.

6. В военное время через него будет пущена часть экспорта, что освободит военных от необходимости конвоировать торговые суда.

Эти шесть причин представляются мне весьма вескими. На другой чаше весов – страх перед возможным вторжением извне, другими словами – со стороны Франции. Вряд ли стоит воспринимать такую опасность всерьёз – хотя, конечно, необходимо будет принять меры предосторожности. Что же до возможной агрессии любого другого государства, то последнему придётся сначала захватить и удерживать оба входа в туннель, что, я уверен, находится за пределами возможного.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Клуб «Атенеум», 10 марта

«Спортинг лайф»
25 марта 1913 г.

ОБ ОЛИМПИЙСКОМ КОМИТЕТЕ

Сэр! Поскольку Вы сооблаговолили упомянуть моё имя в статье, касающейся вынесенного в заголовок вопроса, позвольте мне на неё вкратце ответить. Прежде хочу уточнить: не будучи уполномочен говорить от имени всего Комитета, я высказываю здесь лишь собственную точку зрения.

Мне, как участнику этой организации, вроде бы не пристало расхваливать принцип, по которому она создана. Но я согласен с описанием, которое Вы дали, процитировав одно из моих пре-

дыдущих писем: оно в основном правильно характеризует всё нами сделанное. Мы рады осознавать, что председателем нашего Комитета является представитель популярного вида спорта. В составе его также есть бизнесмены, так или иначе связанные со спортом, и сами спортсмены. Следует иметь в виду, что Комитету предстоит проделать большой объём трудной и кропотливой работы. Пригласив в него, скажем, таких людей, как лорд Алверстон, лорд Лонсдэйл или сэр Томас Липтон (называю первые пришедшие на ум имена), мы бы всего лишь пошли на поводу у собственного тщеславия. Все эти уважаемые мужи, и без того обременённые важными заботами, почти наверняка не смогли бы соответствовать требованиям, предъявляемым к члену Олимпийского комитета. Разумеется, любой предлагаемой кандидатуре можно при желании найти альтернативу, но если бы мы решили дожидаться, пока небеса преподнесут такой состав, который удовлетворил бы абсолютно всех, то наверняка не смогли бы заняться совместной работой в общенациональных масштабах. Особое внимание я хотел бы обратить на тот факт, что очень скоро нам предстоит обратиться к общественности за финансовой поддержкой, без которой сделать будет ничего невозможно. Так что любая поспешная, не вызванная необходимостью критика Комитета может ухудшить наши шансы на получение денег и, следовательно, ослабить британские позиции на Берлинских Играх. Что же касается вопроса об американском тренере, то поскольку он Комитетом не обсуждался, критика на этот счёт неуместна. Отдельные члены Комитета, разумеется, навели соответствующие справки, чтобы быть в курсе дела и подготовиться к принятию необходимых решений. Но, дав волю предрассудкам ещё до начала обсуждения проблемы (не говоря уже о принятии конкретных решений), мы и без того трудную задачу сделаем практически невыполнимой.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
22 марта 1913 года

О ЛОРДЕ УОЛСЛИ

Милостивый государь!

У меня сохранилось несколько ярких воспоминаний как о беседах с лордом Уолсли, так и в целом о его личности; думаю, они могут заинтересовать автора его будущей биографии. Этот человек обладал не только мужеством и энергией (качествами, необходимыми для любого истинного воина), но также широтой взглядов и остротой мысли, которые легко обеспечили бы ему успех в любом деле. В его характере было что-то от странствующего рыцаря; он обожал рискованные предприятия, а когда речь заходила о войне и сопряжённых с нею опасностях, приходил в такое возбуждение, что начинал дрожать от внутреннего напряжения. В нём совершенно не было ничего мелочного, низкого, и я не раз слышал, как он восторгался военачальниками, не принадлежавшими его кругу, их триумфам радуясь, как своим собственным.

Помню, как я сидел рядом с ним за столом на небольшом званом ужине. Шёл 1898 год; то было время манёвров на Солсберийской равнине, и в Англию только что поступили известия о битве при Омдурмане. Поскольку успехом своим Китченер, в сущности, был обязан делу, которое начал, не сумев завершить (не по своей вине), лорд Уолсли, некоторая сдержанность в выражении чувств была бы с его стороны простительна и по-человечески понятна. Но мне никогда не забыть, как он с искренним мальчишеским жаром вскочил на ноги и выпил первый бокал вина (за которым вряд ли последовал ещё один – он ведь во всём отличался чрезвычайной воздержанностью), провозгласив тост в честь человека, одержавшего победу в важнейшем сражении, открывшем перед нами путь к Хартуму.

Вспоминаю и некоторые его высказывания, которые также могут представлять интерес. Когда я спросил лорда Уолсли, почувствовал ли он страх, впервые в жизни оказавшись под обстрелом, то услышал в ответ: «Человеческий разум устроен так, что в каждый определённый момент времени занимает себя

лишь одной задачей. Когда молодой офицер озабочен сохранностью вверенных ему жизней и вопросом о том, как наилучшим образом распорядиться своими людьми, думать при этом о себе он просто не может». Когда разговор зашёл о том, какое будущее ждёт в нашей стране религию, он заметил: «Этот вопрос определённо и навсегда был решён 300 лет назад. История не знает такого случая, когда нация решилась бы на пересмотр выбора предков». Из крымской кампании он вынес высочайшее уважение к русскому солдату, имея в виду не только боевые, но и человеческие его качества. Лорд Уолсли утверждал, что человечность – характерная черта русской армии и что русские подчас симпатизируют противнику более, нежели союзникам.

Обладая острым чувством юмора, он в каждой истории умел выявить её самую суть. Никогда не забуду рассказ лорда Уолсли о том, как он взял с собой в Египет офицера, снискавшего себе своими чудачествами скандальную славу, потребовав с того клятвенное обещание сдерживать странную игривость своего нрава и не предпринимать ничего из ряда вон выходящего. Первым же утром в Исмаилии генерала разбудил шум за стенами штаба. Выглянув, он увидел, что упомянутый офицер пытается въехать к нему в дверь на запряжённой паре – верблюде и ишаке.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Клуб «Атенеум», 1 апреля

«Дэйли экспресс»
19 апреля 1913 г.

ТУННЕЛЬ ПОД ПРОЛИВОМ (1)

Сэр! Вы благоволили изложить мои взгляды относительно строительства туннеля под проливом. Те из Ваших читателей, кто захотят в более полном объёме ознакомиться с ними в февральском номере «Фортнайтли ревью», узнают, в частности, что затраты на строительство такого туннеля, как уже подсчитано, не превысят пяти миллионов фунтов и что закончен он бу-

дет через три года. Туннель не просто гарантирует нам спасение от голода в военное время (поскольку соединит страну с рынками средиземноморских стран, торгующих через Марсель), но принесёт нации огромные блага, так как позволит активизировать европейскую транспортную систему и привлечь к английским берегам тысячи туристов, которых пугает перспектива морских путешествий. Что касается опасений по поводу возможного вторжения неприятеля через такой туннель, то эта идея представляется мне надуманной. Впрочем, слабонервных можно будет легко успокоить принятием мер по возможному уничтожению сооружения в случае, если такая необходимость возникнет. При этом мне представляется чрезвычайно важным, чтобы строительство велось под непосредственным контролем общественности.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

13 мая 1913 г.

О ПОРТУГАЛЬСКИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЁННЫХ (1)

Милостивый государь!

Португалия с незапамятных времён была нашей союзницей; в годы войны и в мирное время две наши страны всегда демонстрировали взаимное дружелюбие. Невозможно поверить, однако, что нынешние португальские власти действительно представляют народ; с тем же успехом Робеспьера с якобинцами можно было бы счесть выразителями французских народных чаяний. Перед нами лишь жестокость, несправедливость и бесчестие: всё, что противоречит истинному характеру португальца. Протестуя против существующего положения дел, мы не оскорбляем старого друга, а всего лишь просим его вновь явить нам своё прежнее лицо. Невозможно без боли и гнева читать печальную историю о тысячах политических заключённых, которые содержатся в варварских условиях, иногда по два года ожидая следствия. Доста-

точно сказать, что человека там не кормят до тех пор, пока не подвергнут допросу! Сегодняшние условия в лиссабонских тюрьмах сравнимы лишь с бесчинствами в Неаполе при короле Бомбе. В сырых, зловонных, кишасящих крысами камерах содержатся люди либо вообще невинные, либо провинившиеся тем только, что сохранили верность режиму, при котором выросли. Заключённых секут, иногда до смерти, и никто не в силах возвысить голос протеста. Если мы действительно имеем хоть какое-то влияние в мире, трудно найти ему более достойное применение. Голословные порицания до сих пор не имели никакого эффекта.

Между тем у нас уже был прецедент – Сербия, где злодейски убили короля и королеву. Тогда мы объявили о том, что считаем свершившееся преступлением и отозвали из страны своего представителя. Португальцы (по крайней мере, в лице небольшой группы людей) также умертвили монарха и его сына. Нынешнее правительство по сути расписалось в этом деянии, позволив в этом году в Лиссабоне пройти демонстрациям в поддержку убийц. Почему бы нам не повторить тот шаг, что был предпринят в отношении Сербии? Португальские власти получили бы ясное указание на то, что они недостойны принадлежать к мировому сообществу. Одна только угроза такой акции может сама по себе повлечь за собой амнистию. В любом случае мы должны выразить своё неудовольствие, отказавшись иметь дело с людьми, которым совершенно чужды человечность и чувство справедливости.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 5 мая

«Дэйли кроникл»

16 мая 1913 г.

О ПОРТУГАЛЬСКИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЁННЫХ (2)

Сэр! В Вашем вчерашнем выпуске Вы, приводя высказывание мистера Суинни, упомянули моё имя в числе тех, кому следовало бы ответить на это заявление. Сделать это можно, лишь при-

ведя в качестве контраргумента свидетельство другого британца. Вот что писал в конце февраля этого года мистер Обри Белл (корреспондент «Морнинг пост»): «Изменение произошло лишь одно: заключённые в местах лишения свободы более не носят капюшонов, использование которых в любом случае немыслимо для страны, претендующей на цивилизованность. В остальном узники-роялисты по-прежнему содержатся в ужасающих условиях. Сотни роялистов, которых не поместили в отдельные камеры, а разбросали среди уголовников в Лимуэйро и других тюрьмах, вообще не почувствовали облегчения от реформ. Они находятся здесь без суда и следствия по полгода, по году, по два года...».

Судя по следующему наблюдению корреспондента-англичанина из Лиссабона, на 13 марта этого года положение дел не изменилось. «Отношение к политическим заключённым здесь по-прежнему безобразное. Я знаю нескольких представителей низших классов, которые, прождав два года решения суда, получили по пятнадцать лет лишения свободы, хотя их вина доказана не была. Пока они находились в тюрьме до суда, еду им приносили члены семей; от тюремных властей они не получали ни крошки».

Сеньор Осорио, адвокат-республиканец, в письме от 12 марта отмечает, что помимо отмены капюшона в судьбе политзаключённых не произошло никаких изменений. Массу доказательств тому можно обнаружить в португальских газетах и показаниях отдельных свидетелей. Поэтому нетрудно предположить, что мистер Суинни увидел лишь то, что власти захотели ему показать, и таким образом невольно оказал поддержку бесчеловечному режиму.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
15 мая 1913 года

СПЯЧКА ПЕРЕД ОЛИМПИАДОЙ

Сэр! Моё внимание привлекла опубликованная Вами статья за подписью «Орион», в которой задаются вопросы, связанные с организацией Олимпийских игр. Большая их часть адресована Олимпийскому комитету, хотя некоторые из них, должен сказать, касаются проблем, получивших уже достаточно полное освещение в ходе нашего общения с прессой.

На вопросы, касающиеся становления нашей организации, я, возможно, смогу ответить лучше, чем кто-либо другой. Во-первых, хотел бы заверить Вашего корреспондента, что ничего тайного в этом деле нет, все факты налицо. Вспоминая о неудовлетворённости британскими показателями на предыдущей Олимпиаде, он говорит о неспособности Олимпийского комитета добиться лучших результатов. Думаю, что та неудача явилась следствием очень слабой поддержки со стороны общественности и прессы. Впрочем, в последнее время возникло (и получило достаточно широкое выражение) стремление внести в организацию всего дела некоторые изменения. Будучи заинтересован проблемой и имея свой взгляд на основные направления предстоящей реорганизации, я изложил свои мысли в двух статьях для газеты «Таймс». Последние послужили основой для общения с двумя работниками редакции, а затем моим мнением заинтересовался лорд Нортклифф, который дал понять, что в случае, если мне удастся провести предлагаемые изменения в жизнь, он по мере сил окажет олимпийскому движению поддержку. Должен сразу же заметить, что с самого начала мы ясно заявили о необходимости создать общенародную организацию, которая не обслуживала бы частные интересы, а все сношения с прессой осуществляла бы через централизованное агентство. Условие (впервые выдвинутое самим лордом Нортклиффом) было полностью выполнено. Лорд Нортклифф не просто пообещал помочь нам в работе с общественностью, но и в истинно спортивном духе предложил финансовую помощь из собственного кармана. Сумма оговорена не была, но предполагалось, что она бу-

дет сравнима с той, которую удастся собрать по общественной подписке. Поскольку до сих пор подписка проведена не была, я не могу удовлетворить любопытство Вашего корреспондента на сей счёт. Задержка с обращением к общественности была вызвана состоянием финансового рынка в связи с балканской войной: в такой момент с подобными просьбами обращаться к народу было бы неуместно. Это что касается участия в деле лорда Нортклиффа. Теперь о вопросах, связанных с созданием Комитета. Мои краткие предложения, опубликованные в «Таймс», получили такое одобрение со стороны как частных лиц, так и прессы, что я связался с Олимпийским советом и поинтересовался степенью глубины намеченных изменений, сделав упор на том, что организация уже заручилась определённой поддержкой. Представители Совета отнеслись ко мне с учтивостью, и наши беседы были весьма конструктивными, но поскольку дело оказалось сложным и деликатным, для того чтобы уладить все детали, потребовалось несколько месяцев.

Мы сошлись на том, что общественность (являющуюся основным источником финансовых поступлений) должна представлять половина участников финансового Комитета, который будет контролировать деятельность фонда. Когда встал вопрос об учредителе Комитета, то выяснилось, что существует лишь одна организация, имеющая в этом смысле бóльшую легитимность, чем сам Совет. Однако, ограничив этим выбор общественности, мы превратили бы реорганизацию в фарс. Исходя из требований ситуации, люди, заинтересовавшиеся проблемой (в их числе оказался и я), составили список наиболее приемлемых кандидатов и представили его Совету для критического обсуждения, ему же дав и право наложить вето. Никак иначе поступить было невозможно. В результате и возник Комитет в очень сильном составе (пусть даже мне, его временному участнику, говорить так было бы нескромно). Общественность в нём, как уже упоминалось, представляют мистер Дж.Э.К.Стадд, обладающий огромным опытом не только в спортивных состязаниях, но и в административной работе; член Парламента мистер Г.У.Форстер, также бывший атлет и ныне администратор, мистер Эдгар Маккей, прославленный мотогогонщик на водах (он будет исполнять здесь обязанности казначея), мистер Бозанке, иг-

равший за Англию в крикет, и мистер Андерсон, выступавший за сборную Англии на последней Олимпиаде.

К этому списку Совет добавил: мистера Теодора Кука и мистера Робертсона (оба – бывшие олимпийцы), мистера Фишера (почётного члена любительской Ассоциации лёгкой атлетики) и мистера Херда, в прошлом секретаря Ассоциации пловцов. Эти люди составляют финансовый Комитет, на который возложена обязанность обеспечивать разумную трату средств, пользуясь, разумеется, требованиями и рекомендациями различных государственных спортивных организаций.

Думаю, мои разъяснения удовлетворят Вашего корреспондента, поскольку они касаются событий, к которым я имел непосредственное отношение. Согласен, что общественность – раз уж её просят поддержать мероприятие общенационального масштаба – имеет право знать о происходящем во всех подробностях. Думаю, однако, что запросы такого рода следовало бы осуществлять в не столь задиристой манере, потому что людям, которые тратят на общественную деятельность время или деньги (а иногда и то, и другое), не слишком приятно получать в награду реплики на уровне, не дотягивающем до самой обычной вежливости.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

«Дэйли экспресс»

5 июля 1913 г.

БРИТАНСКИЙ ОЛИМПИЙСКИЙ СОВЕТ

Сэр! Отвечая на опубликованную Вами сегодня статью, должен прежде всего отметить очевидность того факта, что несвоевременное обращение к народу за финансовой поддержкой может иметь катастрофические последствия, поскольку грядущие успехи британской команды наверняка будут в основном зависеть от результатов подписки. Ситуация на финансовом рынке остаётся неблагоприятной; не следует забывать также, что общественность уже услышала призыв профинансировать одно мероприятие истинно всенародной важности.

Пока что мы изыскиваем средства для осуществления всех первостепенных целей. Впрочем, даже имея на руках всю необходимую сумму, мы не смогли бы распределить её прежде, чем были бы рассмотрены соответствующие планы государственных спортивных организаций. Так что нельзя сказать, чтобы Британский Олимпийский комитет зря терял время.

Надеюсь, что когда прозвучит наконец призыв к народу о финансовой помощи, мы встретим искреннюю поддержку «Экспресса» и его патриотически настроенных читателей. Кадры и организация у нас есть, теперь нужны только деньги, причём эта необходимость весьма существенна.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, 4 июля

«Таймс»

14 августа 1913 г.

ТУННЕЛЬ ПОД ПРОЛИВОМ (2)

Милостивый государь!

Во вчерашнем номере Вашей газеты мистер Рональд Мак-Нейл называет проект туннеля под проливом «безумием». Осмелюсь предположить, что когда он будет осуществлён, грядущие поколения смогут охарактеризовать таким образом необоснованные и даже неприличные страхи, которые в течение столь долгого времени мешают осуществлению грандиознейшего предприятия, которое, несомненно, послужит нашим национальным интересам.

Мистер Мак-Нейл утверждает, что с тех пор, как этому вопросу много лет назад было отказано в рассмотрении, возникли лишь два новых фактора: договор о дружбе и сотрудничестве с Францией и изобретение аэроплана. Мне кажется, существуют и более важные соображения. Всеми признан тот факт, что главная опасность, которая может грозить нашей стране в военное время, состоит в возможном прекращении (или сокращении до критической степени) поставок продовольствия. Авторитетные источники утверждают, что одно-единственное поражение на

море может повлечь за собой нашу безоговорочную капитуляцию. В последние годы мы наблюдали, как в Европе развиваются новые мощные морские державы и вместе с тем формируется такая политическая ситуация, в которой эти державы могут оказаться во враждебном нам лагере. Туннель, несомненно, уменьшит трудности, связанные с продовольственными поставками через Марсель (поскольку свяжет нас со всем Средиземноморским бассейном), да и в случае морских побед будет полезен тем, что избавит флот от необходимости защищать торговые суда (которая весьма сокращает его боевой потенциал).

Предположим, что в силу каких-то обстоятельств британские войска придётся переправить на Континент. Если перед нами встанет столь печальная необходимость, то – учитывая возможности подлодок – трудно представить себе, каким образом можно будет обеспечить прикрытие транспорту, который доставит их на место и продолжит обеспечивать с ними дальнейшую связь. Туннель в такой ситуации принёс бы нам значительное стратегическое преимущество.

Осуществление этого проекта способствовало бы повышению национального благосостояния и, значит, росту государственной мощи. Мало того, что в выигрыше окажется торговля (которая сможет перейти на крупные поставки), так ещё и поток иностранных туристов, что хлынет в направлении Лондона, сможет компенсировать в какой-то степени гигантские финансовые потери от ежегодного вывоза британского капитала.

Что же касается возможности осуществления агрессии в огромную страну через подземную нору 26 миль длиной и примерно столько же метров шириной, то страхи на этот счёт представляются мне фантастическими, тем более что для эксплуатации туннеля неприятелю пришлось бы взять под контроль оба его конца.

Даже в том невероятном случае, если мы поссоримся с Францией, запломбировать вход с нашей стороны не составит большого труда. Обстоятельств же, при которых иная держава сможет захватить оба его конца, вообразить никак невозможно. Если такое случится, это будет означать, что – с туннелем ли, без него – мы обречены на сокрушительное поражение. В то же время, чтобы положить конец страхам, о которых мы слышим вре-

мя от времени, необходимо принять все необходимые меры военной предосторожности. Вход в туннель в Дувре должен находиться среди укрепленных редутов под прицелом тяжёлых орудий, расположенных на возвышенности. Нетрудно разработать и другие, более строгие меры защиты.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
12 августа

«Таймс»
27 августа 1913 г.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Сэр! С большим интересом я ознакомился с письмом мистера Фредерика Гаррисона о подготовке к Олимпиаде. Разделяя огромное уважение, которое мировая общественность испытывает как к личности мистера Гаррисона, так и к его воззрениям, я надеюсь всё же, что некоторые аспекты обсуждаемой нами проблемы либо ускользнули от его внимания, либо дошли до него в неполном виде.

Апелляционный комитет действительно признал сто тысяч фунтов стерлингов непомерно большой суммой. Нами, однако, было ясно заявлено, что непосредственно на подготовку к Олимпийским играм будет направлена лишь небольшая её часть и что на основе фонда сформируется финансовая основа для общей системы физического воспитания, по отношению к которой критические замечания мистера Гаррисона вряд ли уместны. Не сомневаюсь, что он бы одобрил проект, предусматривающий для малообеспеченных людей возможность заниматься в гимнастических залах и участвовать в игровых видах спорта. На столь раннем этапе развития невозможно привести точные цифры, но в том, что значительная часть фонда будет направлена на эти цели, не приходится сомневаться.

Теперь о расходах, которые неизбежны в преддверии предстоящих Игр. Мистер Гаррисон, судя по всему, полагает, что в

составе британской команды будет около ста человек. Если я назову цифру триста, то это будет, пожалуй, ближе к истине. Ведь помимо одиночных соревнований есть ещё и командные: футбол, гимнастика, хоккей, стрельба, гребля. Если мы хотим участвовать в Играх по полной программе, то должны быть готовы обеспечить содержание примерно трёмстам спортсменам.

Мистер Гаррисон должен согласиться с тем, что люди, которые будут защищать честь нашей страны, не должны взвалить на свои плечи ещё и бремя финансовых расходов. Спортсменов необходимо доставить в Берлин и обратно, обеспечить им на время Игр комфортное проживание и правильное питание в условиях постоянного повышения цен. Только на это уйдёт не меньше семи-восьми тысяч фунтов. Как ещё, полагает мистер Гаррисон, собрать эти деньги, если не прямым обращением к общественности за поддержкой? Может ли он предложить другой путь?

Обсуждая вопрос подготовки к Олимпиаде в целом, мистер Гаррисон мрачно живописует «армию профессиональных тренеров», рыщущую по стране в поисках лучшей молодёжи, которую нам придётся в течение долгого времени тренировать и содержать. Убеждён, что люди, занимающиеся подготовкой к Играм, осудили бы подобное положение дел с той же горячностью и что его опасения на этот счёт совершенно беспочвенны*.

Никакой «армии» тренеров нет и быть не может. Суть проекта спортивного развития состоит в организации спортивных комплексов там, где они отсутствуют (во всём Лондоне найдётся много ли мест, где может провести тренировку метатель молота?), в создании условий для развития зимних видов спорта, закупке оборудования для тех, кто не имеет возможности сделать это самостоятельно, и наконец, в приведении всех видов спорта к соответствию олимпийским критериям. Такое возможно лишь в том случае, если спортсменам за победу в соревновании будут вручаться специально подготовленные медали и при-

* Всё не так просто. На начальном этапе «армии профессиональных тренеров и (что хуже) спортсменов» могло бы, конечно, и не быть, но потом бы она при таком подходе обязательно появилась, и её действительно пришлось бы кормить и содержать за счёт общества, как то и было у нас налажено в советскую пору (П.Г.).

зы. Может показаться, будто такая программа развития не предусматривает больших расходов, но это только если рассматривать каждый случай в отдельности. Олимпийскому фонду придётся отвечать на запросы из разных концов Великобритании и Ирландии, так что сумма в результате выйдет значительная.

Давайте проследим эволюцию юного спортсмена, в отношении коего у мистера Гаррисона возникает столько неприятных предчувствий. Заметив его (скорее всего, на одном из юношеских соревнований, где такие, как он, не останутся в тени признанных мастеров), представители его любительской организации сообщат о своём открытии общенациональной Любительской ассоциации легкоатлетов, с которой держат прямой контакт. Если спортсмен продолжит выступать успешно, его начнёт консультировать один из профессиональных тренеров, каковых по всей стране, возможно, не наберётся и полдюжины. Консультации будут касаться в основном поддержания формы – точно так же в крикете любитель получает наставления от профессионала. Заявив о своих претензиях на право представлять страну в своей дисциплине, спортсмен начнёт тренировки в составе сборной (как Varsity Blue – в гребле), где его будут курировать уже самые лучшие профессионалы. Всё это время (за исключением только последней недели перед началом соревнований) он будет продолжать трудиться на основном месте работы, ни в коем случае не получая никаких дополнительных выплат, прямых или косвенных. Есть ли во всём этом нечто такое, что подтверждало бы унылую перспективу развала лёгкой атлетики, обрисованную мистером Фредериком Гаррисоном?

Если мистер Гаррисон имел в виду, что нам вообще не стоило бы участвовать в Олимпиаде, то заявив об этом прямо, он обрёл бы немало единомышленников. Могу предложить для рассмотрения три возможных для нас пути. Во-первых, опасаясь поражения, можно было бы отказаться от участия в Олимпиаде, предоставив возможность колониям праздновать свои победы под Юнион-Джеком. Мистер Фредерик Гаррисон, как настоящий спортсмен, несомненно, этого бы не одобрил. Во-вторых, можно продолжать подготовку кое-как, от случая к случаю, и после этого скатиться вниз с третьего места, которое мы сейчас занимаем. Наверняка это также не удовлетворило бы мистера Гаррисона.

Остаётся третий путь: провести подготовку тщательно и умело, выявить все имеющиеся у нас таланты и создать для их развития самые лучшие условия. Взглянув на имена тех, кто взял бразды управления этим процессом в свои руки, мистер Гаррисон должен будет признать: эти люди способны изыскать средства для достижения поставленной цели и истратить их умно, в соответствии с лучшими традициями нашего любительского спорта.

На какие результаты способны наши спортсмены без достаточной общенациональной поддержки, мы увидели год назад в Стокгольме. Несомненно, мистер Гаррисон не хотел бы, чтобы и в Берлине повторилось то же самое. Можем ли мы избежать фиаско, если не приступим к систематической и тщательной подготовке, которая в конечном итоге потребует финансовых затрат?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Фринтон, 26 августа

«Таймс»

13 сентября 1913 г.

ОБ ОЛИМПИЙСКОМ ФОНДЕ (1)

Милостивый государь!

В надежде на внятный ответ я хотел бы спросить людей (включая мистера Панча), которые чинят нам препятствия в достижении олимпийских целей: готовы ли вы к полному отказу от участия в Берлинских Играх? Но прежде – обратить внимание на три важных момента: предыдущие Игры мы проиграли, нынешние проводятся в Берлине, и все ведущие державы уже заявили о своём намерении принять в соревнованиях самое серьёзное участие. Если, учтя вышесказанное, эти люди готовы отказаться от участия в Олимпиаде, я вынужден буду признать их позицию последовательной. Если нет, чего в таком случае они добиваются?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»
11 октября 1913 г.

ОБ ОЛИМПЕЙСКОМ ФОНДЕ (2)

Сэр! Подготовка к Олимпиаде идёт нарастающими темпами, но и их следует признать недостаточными. Причиной тому, на мой взгляд, стало распространённое мнение, что, поскольку до начала Игр остаётся три года, проблему можно исключить из числа насущных – времени как будто бы предостаточно. Но это заблуждение.

Время посевной подходит к концу. Когда наступит час жатвы, никакие деньги уже не вернут нам урожая, семена коего не были брошены в почву сегодня. Пройдёт три года, и мы, как и все страны мира, живо заинтересуемся величайшим международным соревнованием в Берлине. Сейчас, осенью 1913 года, мы должны сделать всё, чтобы потом не жалеть о запоздалом начале подготовки к нему.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
10 октября

«Ежегодный рождественский отчёт
фондовой биржи», 1913–1914.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ФОНДЕ ПОИСКА ОЛИМПЕЙСКИХ ТАЛАНТОВ

Милостивый государь!

Недавно ряд членов Олимпийского комитета, устав наблюдать за тем, как пресса постоянно искажает суть их работы, пригласили спортивных журналистов столицы в Лондонский отель, чтобы обсудить с ними эту проблему. Председатель мистер Стадд и Ваш покорный слуга рассказали о планах Комитета перед лицом зала, в котором собрались его самые суровые критики. Аудитория (которая, повторяю, насчитывала немало

наших постоянных оппонентов) выслушала нас с величайшей учтивостью; после продолжительного обсуждения все сошлись на том, что Комитет находится на верном пути, а члены его при всём желании не могли бы сделать больше того, что сделали, и заслуживают максимальной поддержки. Рискну предположить, что таким был бы вердикт любого непредвзятого критика, получи мы возможность встретиться с фактами лицом к лицу.

В силу ли искреннего непонимания происходящего или из-за стремления исказить действительное положение дел пресса весьма помешала развитию фонда и замедлила ход наших спортивных приготовлений. Даже собрав для отправки в Берлин хорошую команду, мы – из-за многочисленных организационных просчётов уходящего года – уже не сможем сделать её достаточно представительной и подготовленной.

Очевидно, что в отношении к Играм можно выделить три основных подхода. Первый состоит в том, чтобы вообще отказаться от участия в них, что, судя по всему, невозможно. Все спортивные державы (наши колонии в том числе) не только заявили о своей готовности участвовать в Олимпиаде, но прилагают все усилия к тому, чтобы отправить туда своих достойнейших представителей. Наш отказ вызвал бы обоснованно негативную реакцию международной общественности.

Второй подход состоит в том, чтобы, полагаясь по-прежнему на существующие спортивные организации, за поиск финансовых средств для команды взяться в самый последний момент. Именно так мы поступили в прошлом году в Стокгольме. Неужели забыты и унижительный результат, и вопли прессы о том, что подобное впредь не должно повториться? Люди, воспринявшие этот призыв близко к сердцу, очень скоро обнаружили, что более всего им мешает та самая пресса, которая первой и подняла весь шум.

Третий, как мне представляется, единственно возможный и разумный путь состоит в том, чтобы приложить серьёзные усилия к усовершенствованию методов подготовки и самым эффективным образом использовать все наши самые сильные стороны. Это, однако, потребует от нас финансовых затрат и организации дела. В качестве достаточной для проведения подготовки в полном объёме была заявлена несколько завышенная сумма в

100 тысяч фунтов, рассчитанная на осуществление программы в общенациональном масштабе. Получив 50 тысяч, мы достигли бы вдвое меньшего, но всё равно сумели бы выставить неплохую команду. Даже с 25 тысячами кое-что можно было бы сделать, но это – предел: опускаясь ниже его, мы теряем возможность вести адекватную подготовку. В полной мере осознав этот факт, участники Комитета заявили о возможности самороспуска в том случае, если общественность не поддержит программу хотя бы в таком объёме.

Задаются вопросы: куда будут направлены деньги? Стоит только перейти к практическим мелочам, как необходимость в финансовых средствах становится очевидной. Основных затрат (от 12 до 15 тысячи фунтов) потребует непосредственное содержание спортсменов в Берлине. Кроме того, необходимо найти или создать тренировочный центр (которого в Лондоне до сих пор нет) и привлечь сюда лучшие тренерские силы. Поиск талантов также потребует финансовых затрат: если мы надеемся обнаружить их в частных школах, то сюда должны быть направлены квалифицированные тренеры, способные дать спортсменам все необходимые консультации. Наши школьники систематически обучаются игре в крикет или футбол, но в большинстве своём не имеют ни малейшего представления о том, как правильно бегать или прыгать. К моменту поступления в университеты они приобретают в этом смысле дурные навыки, избавиться от которых уже невозможно.

Необходимо будет провести и поиск спортивных талантов среди самой широкой общественности. Эта задача потребует проведения многочисленных атлетических соревнований по олимпийским видам спорта с вручением дебютантам специальных призов. Каждый спортсмен олимпийского уровня должен поощряться особо – значками или медалями. Опыт общения членов Комитета со спортивными организациями подтверждает: нет такого вида спорта, в котором мы не могли бы улучшить наши показатели посредством финансовых вливаний.

Пресса набросилась на Фонд сразу с двух сторон, выдвинув обвинения, которые противоречат друг другу и в равной степени абсурдны. Одна сторона выразила опасения, как бы чрезмерное финансирование не подстегнуло развитие профессионализ-

ма в спорте. Но поскольку средства будут тратиться под наблюдением Комитета теми же любительскими организациями, которые, осуществляя спортивное руководство, и сейчас несут ответственность за любительский статус своих представителей, я не вижу причин опасаться за устойчивость сложившихся здесь традиций.

С другой стороны, часть демократически настроенной прессы раскритиковала Фонд за снобизм: дескать, его поддержкой будут пользоваться спортсмены и без того достаточно состоятельные. Трудно придумать аргумент более извращённый и ошибочный, ведь одна из основных целей Фонда как раз и состоит в том, чтобы предоставить малоимущему спортсмену-любителю те же возможности для самосовершенствования, какими обладает учащийся университета.

Вот так обстоят дела. Обо всём этом говорилось не раз, но общественность, судя по всему, не расстанется с привычной апатией в отношении этой проблемы. Через три года, думаю, она спохватится и начнёт оплакивать упущенное сейчас время. Между тем Комитет, если не получит щедрую финансовую поддержку, будет распущен, и организация, с таким трудом создававшаяся в течение последнего года, рассыплется в прах. Предстоящие несколько недель обещают стать решающими.

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, 27 ноября 1913 года

«Морнинг пост»
9 декабря 1913 г.

О РЕФОРМЕ БРАЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Милостивый государь!

Я полагал, что в своём ответе лорду Хью Сесилу дал ясно понять, что поддерживаю общие рекомендации недавно созданной Комиссии по реформе брачного законодательства, которые были изложены в Отчёте. Между тем лорд Хью представляет дело так, словно там предлагается нечто дикое и странное, подрыв-

вающее все традиции христианства. Можно ли предположить, читая его статью, что предлагаемые изменения уже в той или иной степени действуют во всех протестантских странах Европы? Могу заверить его, что наши предложения не несут в себе ровно ничего революционного; мы предлагаем лишь изменения, которые были опробованы и утверждены странами, несколько не уступающими нам в отношении следования религиозным и моральным принципам.

Лорд Хью обвиняет меня в том, что я умолчал о вещах, само перечисление которых переросло бы в увесистый том; речь идёт о возможностях пересмотра теологических основ христианства, о выработке новой системы моральных ценностей и так далее. По каждому из этих вопросов у меня есть своё мнение, но излагать его сейчас означало бы злоупотребить вниманием читателя. Ограничусь утверждением: если некий моральный закон вынуждает нормального человека жить с сумасшедшей или беззащитную женщину отдаёт во власть жестокого мужлана, то этот закон порочен, пусть даже кому-то и удастся подкрепить его авторитет тысячами священных текстов. Серьёзная мораль не может основываться на зыбучих песках теологии – в её основе должна находиться забота о здоровье общества.

Лорд Хью настаивает на том, чтобы я дал определение целомудрию и провёл разграничение между супружеством и развратом. Семейный союз, который освящён Церковью, но не скреплён силой любви, союз светский, бездушный и корыстный представляется мне развратным. И наоборот, брак, в отношении к которому Церковь расходится с британским законодательством (например, союз с сестрой покойной жены, с разведённой женщиной и так далее) истинен, если зиждется на бескорыстной любви.

Будучи, как и лорд Хью, противником прелюбодеяния, я выступаю также против несчастья в браке – как показывают нам здравый смысл и опыт других стран, вовсе необязательного. Не имею ни малейшего представления о том, что имеет в виду лорд Хью, утверждая, что наше брачное законодательство не имеет принудительного характера. Мне кажется, оно сродни поведению Церкви, которая предписывает судить еретика без кровопролития, прекрасно зная, что тот будет сожжён заживо.

Вся система основывается в конечном итоге на принуждении. Допустим, муж, от которого ушла жена, решит вступить в брак с другой женщиной. Разве не явится к нему тут же полицейский с ордером на арест за двоежёнство и разве не поддержат его в этом все силы нашего королевства? Как можно говорить в таком случае, будто бы не на принуждении основывается наше брачное законодательство?

В последнем абзаце своей статьи лорд Хью говорит: «Думаю, сэра Артура Конан-Дойля поймёт, что подавляющее большинство англичан не намерены расставаться с традициями христианства». Одна из любопытных особенностей теологического склада ума состоит в неспособности удержаться от заявлений, которые основываются на спорной предпосылке, полагая её заранее для себя разрешённой. Ведь речь идёт об отстаивании той христианской традиции, от которой отказались в своих законодательствах все протестантские страны Европы.

Германские или швейцарские священнослужители никогда бы не согласились с утверждением о том, что поправки к закону, предложенные большинством участников Комиссии, противоречат христианской доктрине. Даже в Церкви, которой принадлежит лорд Хью, бытует противоположная точка зрения, а среди независимых христианских церковных сообществ несогласие носит повсеместный характер.

Так что заявить, будто бы наше крайне жёсткое брачное законодательство является частью некой незыблемой традиции, означало бы подменить все вопросы готовым ответом. Что же касается мнения подавляющего большинства английского народа, то я ничуть не сомневаюсь в том, что наши люди поддержат реформы, хотя ясно это станет лишь после того, как конкретный законопроект будет представлен Парламенту. Кажется, один из приведённых мной аргументов был некорректен: я заметил, что лорд Хью принадлежит к тому роду людей, которые начинают возражать против использования хлороформа, едва только прочтут статью, его осуждающую. Но и сейчас это сравнение представляется мне справедливым; просто в нашем случае речь идёт о боли психологической, а не телесной.

Даже если страдающая сторона в браке сочтёт наивысшим долгом следовать принятым на себя обязательствам (каковые наруша-

ются другой стороной), то что можно сказать о детях? Плач ребёнка, который обречён расти среди пьянства, дикости и жестокости (поскольку любое оздоровление атмосферы запрещено законом), это и есть самый действенный аргумент против существующего положения дел в брачном законодательстве. Или страдания невинной души также составляют часть христианской традиции?

Не пора ли здравому смыслу вступить в союз с правосудием и положить конец бессмысленному анахронизму? В конце концов, насущные нужды дня сегодняшнего для нас важнее, нежели предписания древних, в основном, как сейчас уже признано, не имеющие никакого отношения к условиям современной жизни.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, Сассекс, 8 декабря

P.S. Должен принести извинения известному шотландскому судье лорду Гатри за то, что в своей предыдущей статье, говоря о нём, упомянул по ошибке некоторые детали биографии его знаменитого отца.

«Таймс»

26 декабря 1913 г.

ТУННЕЛЬ ПОД ПРОЛИВОМ (3)

Сэр! Хотел бы привести часть своей недавней беседы с высокопоставленным морским офицером нового поколения, которая, возможно, имеет отношение к обсуждаемому нами предмету.

Вопрос: Что произойдёт, если транспортный флот, занятый перевозкой войск, подвергнется атаке подводной флотилии?

Ответ: Он окажется беззащитным и будет уничтожен.

Вопрос: Можно ли будет в военное время воспрепятствовать субмаринам выйти в Северное море?

Ответ: Не вижу такой возможности.

Вопрос: Если выставить кордон в Дуврском проливе, можно ли защитить суда к югу от него?

Ответ: Субмарины легко пройдут под любым кордоном.

Одним словом, сегодня практически невозможно отправить за рубеж экспедиционный корпус, не подвергнув его опасности разгрома. Это ли не весомый военный аргумент в пользу строительства туннеля?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
23 декабря

«Спектейтор»
28 февраля 1914 г.

ЗАКОНОПРОЕКТ О ЗАПРЕТЕ НА ВВОЗ ПТИЧЬЕГО ОПЕРЕНИЯ

Милостивый государь!

Мы, нижеподписавшиеся, ознакомившись с законопроектом о запрете на импорт птичьего оперения, полностью поддерживаем эту меру, ибо убеждены: государство обязано положить конец ввозу в страну натуральной кожи и оперения диких птиц. Существует немало фактов, свидетельствующих о том, что редкие и красивейшие виды животных подвергаются безжалостному истреблению. Более того, торговлей искусственно создаётся спрос на то оперение, которое птицы носят в брачный период; таким образом поощряется ужасающе жестокая практика убийства пернатых родителей в дни, когда их птенцы всё ещё находятся в гнёздах.

Мнение о том, что запрет на торговлю оперением приведёт к тому лишь, что эта порочная практика перекинется на Континент, на наш взгляд, лишено оснований; мы убеждены в том, что принятие этого билля, напротив, значительно укрепит позиции организаций и граждан других европейских стран, пытающихся у себя провести в жизнь тот же закон.

Конференция, которую британское министерство иностранных дел созывает в Лондоне, чтобы рассмотреть возможность установления международного запрета на импорт продукции такого рода, была одобрена практически всеми странами, приглашёнными к участию, и несмотря на то, что список, насколько

нам известно, ещё неполон, все государства Европы и Америки, судя по всему, согласны с мерами, предлагаемыми в проекте.

Следует подчеркнуть, что принятие такого закона, на наш взгляд, не вызовет сокращения рабочих мест в Британии. В основном обработка этих роскошных плюмажей производится на Континенте, а большая часть британских мастеров работает со страусиными перьями, ввоз которых будет, согласно законопроекту, не просто разрешён, но и поощряем. При этом естественным образом должна возникнуть технология производства искусственных оперений и имитаций, что позволит британским рабочим выполнять значительную долю того, что делается сейчас в Париже или Вене.

Подписавшиеся:

*Рутланд, Лестер, Гэлуэй,
Лилфорд, Э. Литтлтон, Дж. Э. К. Уэлдон,
Герберт Максвелл, Годфри Бэринг,
Г. Г. Джонстон, Э. Х. Шеклтон, Артур Конан-Дойль,
Оуэн Симан, У. Р. Огилви-Грант, Дж. С. Лоу Стрэнчи,
Э. Б. Уэггетт, Г. Хэскет-Причард*

«Пэлл Мэлл газетт»

5 марта 1914 г.

МОИ ПРОГНОЗЫ И СОСТОЯНИЕ ФИНАНСОВ

Сэр! Насколько я понимаю, мистер Чарльз Дьюгид считает мой прогноз относительно ближайшего будущего угольного предприятия в Кенте излишне оптимистичным. Так это или нет, покажет будущее.

Я бы только хотел напомнить ему, что в прошлом все пессимистические пророчества (за которые и он отчасти несёт ответственность) основывались на фальсифицированных данных. Сначала утверждалось, что в Кенте нет угля; потом – что добыча его невозможна; наконец, что он будет непременно низкого качества и не найдёт себе рынка сбыта. Все эти утверждения были последовательно опровергнуты, и, во всяком случае, на сегодняшний день мой оптимизм обоснован.

Что касается обсуждения финансовых деталей проблемы, то

я предпочёл бы, чтобы этим занялись более компетентные люди. Замечу лишь, что своими глазами видел как сами предприятия, так и всё, что было с ними сделано, и могу утверждать: эта собственность представляет собой огромную ценность, особенно если учесть, какие деньги были вложены в её развитие.

Должен повторить то, что утверждал в своей первой статье: масштабы обсуждаемой нами проблемы не позволяют нам подойти к ней под влиянием предрассудков или погрязнуть в рассмотрении мелочей. Если письма, подобные тому, что написал мистер Чарльз Дьюгид (а оно – лишь одно из серии публикаций в разных газетах), возымеют эффект, то он будет состоять в том, что финансовый рынок сократится, имеющиеся у нас шахты придут в упадок и предприятия – первопроходцы гигантской промышленной отрасли – разорятся.

К счастью, тем, кто этого хотел бы, не удастся достигнуть цели: мы живём в обществе, где собственность обладает вполне конкретной продажной стоимостью. Другое дело, что она, как показывает опыт, может легко перейти во владение к зарубежным синдикатам, которые готовы скупать её без всяких предубеждений.

В своей первой статье я указывал на опасность распродажи исторических ценностей нашего народа. Боюсь, что письма, подобные тому, что написал Чарльз Дьюгид, могут лишь приблизить этот печальный исход.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

3 марта

«Пэлл Мэлл газетт»
7 марта 1914 года

О КЕНТСКОМ УГЛЕ

Милостивый государь!

Высказавшись по проблеме общенациональной, как мне казалось, важности, я не намеревался ввязываться в обсуждение мелких деталей. Однако, поскольку на Ваших страницах звучат обращённые ко мне вопросы, я вынужден на них ответить: в противном случае молчание само по себе будет истолковано как своего рода ответ.

Трёх анонимным авторам из Кентербери я могу сказать следующее:

1. Переговоры с иностранцами о стоимости предприятий ведёт нынешнее руководство последних.

2. Насколько мне известно, системой управления в целом ведает господин Артур Бэрр.

3. Данная группа компаний существует шесть или семь лет, так что, говоря о 14 годах, Ваш корреспондент явно путает их с другими предприятиями, которые находятся под контролем иных сил. Доверие держателей акций к этим компаниям было и остаётся непоколебимым; оно достаточно, чтобы обеспечить сбор огромных средств, необходимых для приобретения и развития столь широкомасштабной производственной системы, не прибегая к поддержке широкой общественности. Значительная часть этих средств, как замечает Ваш корреспондент, действительно «утонула», но поскольку эти акции в настоящий момент пользуются значительным спросом, эти деньги нельзя считать потерянными безвозвратно.

Моя точка зрения остаётся прежней. Если выпады тех, кто поленился пройти шестьдесят миль пешком и воочию убедиться в том, каких успехов достигли эти угольные предприятия, нанесут последним ущерб, у мистера Бэрра и других управляющих не будет выбора: им придётся распродать всё по частям. Иностранцы, как показывает опыт, мелочами такого рода отнюдь не гнушаются. Вот так британский народ с перепугу добровольно отказывается от ценнейшего, как мне представляется, исторического наследия.

Хотел бы в заключение заметить, что с мистером Бэрром почти не знаком и беседовал с ним лишь однажды. Собственно, обратить внимание на этого человека меня как раз и вынудили необычайно злобные нападки на него в прессе. Насколько я могу судить, дело своё он ведёт разумно и дальновидно – и это в виду более чем решительно настроенной оппозиции, которая (за исключением единичного случая) представляет не держателей акций, но людей со стороны. Я убеждён, что время докажет правоту как господина Бэрра, так и всех, кто его поддерживает.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

5 марта

«Таймс»
25 марта 1914 г.

НАЦИОНАЛИСТЫ И ВОПРОС О РАЗДЕЛЕНИИ ОКРУГОВ

Сэр! Как человек, который стал приверженцем идеи гомру-ля, исходя из соображений об интересах Империи, я до сих пор не могу понять, почему мои единомышленники с ирландского Юга отказывают северянам в праве на те же справедливые требования, которые так долго выдвигали сами. Думаю, националистам было бы благоразумнее всего по собственной доброй воле на неопределённый срок вообще исключить из сферы своих интересов 5 или 6 преимущественно протестантских округов. Сэкономленную таким образом энергию они могли бы употребить на то, чтобы четыре пятых Ирландии, которые окажутся под их контролем, проявляли такую же верность королю и Империи, как и прочие британские доминионы.

Когда это произойдёт и Юнион Джек окажется в равной степени почитаем к югу и северу от Бойна, можно будет заняться и привлечением на свою сторону областей, в союз не вошедших. Сейчас южане, как мне представляется, стремятся поскорее завершить дело, которое не успели ещё начать.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

«Морнинг Пост»
4 апреля 1914 г.

ЛОРД ХЬЮ СЕСИЛ И РЕФОРМА БРАЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Милостивый государь!

Поскольку Вы сооблаговостили осветить на своих страницах ход моей дискуссии с лордом Хью Сесилом относительно вынесенного в заголовок предмета, могу сообщить, что этот вопрос должен был рассматриваться Палатой ещё в среду. Однако лорд

Хью, испытывая, очевидно, недостаток в более убедительных аргументах, ухитрился замаять дело известным ему парламентским фокусом, предложив взамен рассмотрения какой-то смехотворно мелкий законопроект.

Ход, несомненно, умный, но во что обойдётся находчивость моего оппонента – хотя бы даже самой партии юнионистов? Ведь и среди его избирателей хватает людей, которые, считая для себя этот вопрос первостепенно важным, вовсе не обрадуются, узнав, что его отправили под сукно столь неприглядным манером.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

3 апреля

LA «FORCE MYSTÉRIEUSE»*

Сэр! Газета «Le Temps» дважды – в литературном обозрении и в статье мсье Поля Судэ – обратила внимание своих читателей на странные обвинения, выдвинутые Ж.Рони-старшим в предисловии к роману «Загадочная сила» против сэра Артура Конан-Дойля в связи с его романом «В ядовитом поясе». Отдавая дань объективности, с какой господин Поль Судэ в качестве литературного критика осветил некоторые спорные вопросы, я, литературный агент сэра Артура Конан-Дойля, прошу Вас обнародовать письмо, которое тот, ознакомившись с фактами, адресовал французскому переводчику своего последнего романа.

«Le Temps»

1 мая 1914 г.

«Дорогой мсье Лабат! У меня достаточно забот в этой жизни, чтобы – мало того, что следить за творчеством г-на Рони, так

* В оригинале письмо написано по-французски. Английский вариант письма был напечатан в июньском номере журнала «Букмен» 1914 года. Комментарии г-на Уотта, предваряющие письмо, взяты из публикации в «Букмене» (Л.Г.).

ещё и что-то такое у него списывать. Первые главы моего романа «В ядовитом поясе» были написаны почти за год до окончания работы над ним. Я тотчас переправил рукопись издателю, и книга стала печататься в «Стрэнде». Г-н Рони особенно упирает на тот факт, что он-де к этому моменту успел опубликовать две части своей книги. Однако здравый смысл должен бы подсказать ему, что даже при желании в чём-то его скопировать я не успел бы в таком случае закончить роман, не говоря уж о том, чтобы подготовить иллюстрации через два месяца после его окончания. Мой литературный агент мистер Уотт и редакторы «Стрэнда» могут засвидетельствовать, что рукопись поступила к ним за два месяца до начала публикации. Остаётся надеяться, что г-н Рони принесёт свои извинения за злостную инсинуацию, которая не заслуживала бы внимания, если бы не была рассчитана на то, чтобы ввести читателя в заблуждение.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль».

Помимо того, что слова сэра Артура вряд ли нуждаются в том, чтобы я или руководство редакции «Стрэнда» их дополнительно подтверждали, я, сверив даты, могу со всей определённо-стью утверждать: рукопись первой части романа «В ядовитом поясе» поступила ко мне примерно за шесть месяцев до того, как он начал печататься в «Стрэнде».

С благодарностью

А. П. Уотт

«Таймс»

2 мая 1914 г.

О РОМАНЕ «В ЯДОВИТОМ ПОЯСЕ»

Милостивый государь!

Ваш парижский корреспондент высказался по данному вопросу не вполне ясно, и его слова могут быть истолкованы неверно. «Обмен мнениями» состоял в том только, что сначала г-н Рони в предисловии к новому изданию «Загадочной силы»

предположил, будто бы я, работая над романом «В ядовитом поясе», воспользовался его книгой в качестве первоисточника, а затем «Le Temps» опубликовала письмо моего переводчика г-на Лабата, в котором тот (с помощью моего агента господина Уотта) дал ясно понять, что получил от меня рукопись прежде, чем книга г-на Рони появилась в печати.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

16 июля 1914 г.

ИРЛАНДСКИЙ КОМПРОМИСС И КАТОЛИЧЕСКИЕ ГРАФСТВА ИРЛАНДИИ

Сэр! Время уходит; все недовольны положением в Ирландии, но никто, насколько я вижу, не пытается как-то примирить противоборствующие стороны. Неужели невозможно найти компромисс, который лёг бы в основу будущего мира?

Суть такого компромисса свелась бы к необходимости для каждой из сторон отказаться от части своих требований. В настоящий момент целостности требуют для себя как Ирландия, так и Ольстер. В результате, очевидно, обе стороны должны получить чуть меньше, чем хотят. Вопрос, таким образом, сводится к тому, что именно Ольстер мог бы отдать Ирландии. Мне представляется, что пожертвовав Каваном и Монаханом – парой кельтских округов с преимущественно католическим населением, – он бы лишь выиграл. Сохранив их, – остался бы разделённым на католиков и протестантов в состоянии перманентного политического кризиса, когда единственной целью каждой из сторон на местных выборах остаётся попытка так или иначе нарушить баланс сил в эшелонах власти. В таком случае Ольстер сделается благодатной почвой для разжигания гражданского конфликта, который легко может перекинуться и на юг. Северной провинции выгоднее стремиться к компактности и относительной однородности, а не к территориальным завое-

ваниям, которые сделают её разделённой в пределах своих же границ.

Передача Ирландии двух округов как раз и могла бы стать тем компромиссом, который в какой-то степени удовлетворил бы здравомыслящих граждан Ирландии и оказался бы вместе с тем приемлемым для умеренных жителей Ольстера. Последний сохранил бы два округа (Тирон и Ферманах), относительное большинство жителей которого составляют католики, и один (Донегал), в котором они имеют решающее преимущество. Ирландские лидеры, согласившись на такой договор, проявили бы широту взглядов; Ольстер же, ответив отказом, проявил бы неразумность и утратил авторитет.

Разумеется, реализации соглашения не должны препятствовать какие бы то ни было временные ограничения. Оно вселило бы в ирландцев надежду на то, что близок день, когда терпимость и лояльность сделаются бесспорными атрибутами здешней действительности, все опасения Ольстера навсегда канут в прошлое и Ирландия сможет воссоединиться, наконец, со своими северо-восточными областями. Против подобного соглашения имеется, насколько я вижу, единственный весомый аргумент – финансовый. Не сомневаюсь, что разрешить можно и эту проблему. Если Ольстер начнёт выплачивать налоги имперской казне, британское министерство финансов сможет позволить себе большую щедрость в отношении всей Ирландии. В любом случае трудно вообразить себе нечто более разорительное, чем гражданская война.

Искренне ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
14 июля

P.S. Донегал, разумеется, округ и кельтский, и католический, но в силу географического положения он является неотъемлемой частью Ольстера.

ИРЛАНДСКИЙ КОМПРОМИСС. ПОЛИТИКА УСТУПОК КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРИМЕНЕНИЮ СИЛЫ

Милостивый государь!

Я позволил себе на страницах Вашей газеты предложить возможный (и, хотелось бы надеяться, временный) вариант раздела Ирландии, который мог бы удовлетворить умеренную и благоразумную часть общественности с обеих сторон. При этом я предположил, что Каван и Монахан могли бы отойти от Ольстера: будучи населёнными в основном католиками, они не укрепляют провинцию, но служат причиной её уязвимости.

Против моего утверждения о том, что Донегал, в силу его изолированности, присоединить к Ирландии было бы практически невозможно, высказались господа Хью Лоу и Свифт Макнейл. Я хотел бы им напомнить, что, во-первых, даже если националистически настроенный Донегал и останется с Ольстером, Ирландия сохранит верных ей юнионистов в Дублине и других районах страны; во-вторых же, если в Ольстере возникнет движение за присоединение к Ирландии, в пользу последнего будет говорить тот факт, что в провинции есть по меньшей мере один округ, подавляющее большинство населения которого составляют католики.

Мы имеем дело с ситуацией, которая может закончиться либо взаимными уступками, либо взрывом насилия, которое не принесёт Ирландии ничего, кроме горя и лишений, главный вопрос, скорее всего, так и оставив неразрешённым. Согласившись на мирный раздел территории, Ольстер сохранит надежду на то, что наступит день, когда он сможет пожать плоды своего свободного волеизъявления. Решившись же бороться за отделение, он останется потерянным для Ирландии навсегда. Каждый ирландец, который желал бы помочь своей стране, должен проповедовать умеренность требований и поддерживать политику благоразумных уступок.

Искренне ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА (1)

Сэр! Вы великодушно предоставили свои страницы для обсуждения дела Оскара Слейтера, которое было решено с перевесом в три голоса (притом что всего судей было пятнадцать) таким образом, что даже столь авторитетный специалист, как сэр Герберт Стивен, вынужден был заявить в прессе о том, что не считает решение суда справедливым. Недавно официальные власти согласились вновь вернуться к рассмотрению дела – и это после того, как заключённый пять лет провёл за решёткой. Допрос проводился в тюремной камере в присутствии лишь местного шерифа, причём свидетели давали свои показания не под присягой, так что вся процедура напоминала не столько шотландский, сколько русский тип судопроизводства. Результатом повторного рассмотрения (отчёт о котором был опубликован в «Белой книге») явилось решение оставить прежний приговор в силе.

Каждого, кто знаком с фактической стороной дела, текст этого документа приведёт в величайшее изумление: здесь слово в слово повторяются доводы обвинения, в своё время прозвучавшие в суде. Непонятно, как можно было прийти к заключению об отсутствии новых фактов, необходимых для пересмотра дела. История эта, на мой взгляд, останется в анналах юриспруденции классическим примером некомпетентности и упрямства официальных лиц.

Главным свидетелем защиты Слейтера был лейтенант Тренч, известный следователь из Глазго, чьё мнение при повторном рассмотрении никоим образом представлено не было. Этот джентльмен не имел ни малейшей корысти свидетельствовать в пользу заключённого (не имеющего ни покровителей, ни денежных средств), зато, как выяснилось, рисковал многим: за проявленную самостоятельность его уже несколько раз пытались уволить. Согласно показаниям Тренча, Ламби, главный свидетель обвинения, поначалу, говоря об убийце, дважды называл имя другого человека.

Это утверждение самым энергичным образом (но заметим опять-таки, не под присягой) оспаривалось другими свидетелями. Однако его косвенно подтверждает тот факт, что следователь Камерон под присягой повторил всё, что рассказал ему Тренч в день происшествия. Этот факт, противоречащий показаниям главного свидетеля и, мягко говоря, заставляющий усомниться в их истинности, казалось бы, сам по себе должен был стать достаточной причиной для отмены приговора, справедливость коего вызывала сомнения изначально.

Впрочем, тут мы имеем дело всего лишь с противоречиями в показаниях. Между тем в деле имеются два существенно важных пункта, где никаких противоречий нет. Согласно первоначальной полицейской версии, Слейтер похитил бриллиант и скрылся. После того, как выяснилось, что в ломбарде он заложил собственный бриллиант, осталось лишь обвинение в «бегстве». На этом и сделал упор в своей речи генеральный прокурор Шотландии, рассказав о том, как Слейтер, выехав из Глазго, тщательнейшим образом стал замечать следы. Между тем всё это время в распоряжении полицейских Глазго находилась телеграмма от старшего следователя Ливерпуля следующего содержания: «С поезда, прибывшего из Глазго, сошли только двое... Они сняли номер в отеле «Норт Уэст». Мужчина назвал себя Оскаром Слейтером и сообщил, что прибыл из Глазго. Его спутница в беседе с горничной рассказала о том, что они намереваются на «Лузитании» отплыть в Америку».

Хорошо же они «замели» следы! Разумеется, генеральный прокурор (заявивший, в частности: «По прибытии в Ливерпуль он не отправился в офис Кунарда и не сказал: «Меня зовут Оскар Слейтер..».) мог не знать ни о том, что подозреваемый открыто назвал себя (пусть всего лишь в отеле), ни о существовании телеграммы в полицейских архивах Глазго. Но кто несёт ответственность за то, что он оказался так неинформирован? Кто скрыл телеграмму от генерального прокурора? Неужели так и не поступит запроса по столь важному пункту? И разве очевидная ложность самой предпосылки о «бегстве», которого не было, не должна стать смягчающим обстоятельством при обжаловании вердикта?

Правда, конечно, и то, что на борт корабля Слейтер взойшёл, назвавшись Отто Сандо. Под таким именем он собирался на-

чать в Америке новую жизнь; руководствуясь теми же соображениями, и в Глазго этот человек объявился как Андерсон. Однако новое имя себе он придумал для американских властей, а не с целью ввести в заблуждение преследователей из Глазго, чему убедительным доказательством служит тот факт, что в гостиничной книге он оставил свои настоящие имя и адрес, хотя, если следовать логике полицейской версии, должен был бы отчаянно утаивать и то, и другое. Мыслимо ли, чтобы убийца, бегущий от полицейских, в первой же гостинице сообщал своё имя и рассказывал, куда собирается ехать дальше?

Есть и другие факты, разрушающие официальное обвинение; я остановлюсь лишь на одном. Генеральный прокурор обрисовал тщательно разработанный маршрут убийцы после совершённого преступления, на одном из этапов которого тот намеревался «доехать поездом до городских окраин и затем отправиться к себе домой пешком». Следуя такой схеме передвижения, Слейтер должен был попасть к себе в квартиру чуть позже 9.30; убийство же было совершено около семи часов.

Но тут возникает фигура некоего мистера Макбрэйна – человека, который знает Слейтера в лицо, поскольку снабжал его вещами, но не знаком с ним лично. И под присягой Макбрэйн заявляет, что видел Слейтера около дома в 8.15. Если так, то обрисованный генеральным прокурором план перемещений преступника рассыпается в прах точно так же, как рассыпалась перед тем его же версия о тайном бегстве того в Ливерпуль.

При этом официальные лица утверждают, что причин для пересмотра дела нет, и пресса, насколько я могу судить, принимает как должное такое решение. Но каждый, кто читал материалы дела в «Белой книге» и знаком с ходом первого судебного разбирательства, не может согласиться с решением всё оставить по-прежнему. Единственно верным исходом в такой ситуации мог бы стать повторный суд – в атмосфере полной гласности и с привлечением всех свидетелей к присяге. Пока не будет назначено новое разбирательство, честные граждане нашей страны не должны спать спокойно. Убеждён, сэр, что Вы используете своё огромное влияние для того, чтобы помочь осуществлению этой цели.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Р.С. Будучи месяц назад в Нью-Йорке, я получил письмо от поверенного, который защищал Слейтера, когда решался вопрос о его высылке из страны. Он заверил меня в том, что относительно невинности своего клиента с самого начала не испытывал ни малейших сомнений.

«Фрименс джорнэл», Дублин
3 августа 1914 г.

ОБ ИРЛАНДИИ И ИМПЕРИИ

Сэр! Основная причина, отделившая протестантский Ольстер от Ирландии (заставив местных непротестантов исполниться безразличием к идее гомруля), – это убежденность протестантов в том, что ирландские националисты никогда не демонстрировали верность Империи. Но Империя – ни в коем случае не исключительно английское достояние. Шотландцы и ирландцы, приложившие немалые усилия к её становлению, гордятся своей державой и заинтересованы в её великом имперском будущем. Нет такой причины, которая заставила бы отвернуться от Империи ирландского патриота. Если бы этой мыслью искренне и повсеместно прониклись Юг и Запад Ирландии, то самые серьёзные препятствия на пути установления гомруля рассеялись бы словно дым.

Окажись Ирландия одна в Атлантике, она тут же попала бы в зависимость от любой европейской державы, которая вздумала бы подвергнуть её блокаде. При всей своей храбрости ирландцы пали бы под ударом с моря. Защиту от такой катастрофы гарантирует ей единственно могущественный сосед. Ирландия потому находится в безопасности, что за спиной у неё стоят вооружённые силы Империи. Поэтому разумнее всего для неё было бы сохранить верность британскому сообществу, вне зависимости от желания (вполне обоснованного) внести изменения в механизм самоуправления.

Нет сомнений в том, что заявление Ирландии о верности общebritанским идеалам помогло бы Ольстеру избавиться от понятных нам опасений и упрочило бы её собственные позиции.

Вряд ли ей когда-либо представится подобный шанс. Я молю Бога о том, чтобы ирландские руководители осознали всю важность момента и сумели бы правильно им воспользоваться.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

1 августа 1914 года

«Таймс»

8 августа 1914 г.

О НАШИХ СКРЫТЫХ РЕЗЕРВАХ

Сэр! Наше будущее окутано мраком, и ни у кого не может быть уверенности в том, что для победы нам не потребуется максимального напряжения всех сил. Сегодня мы не можем позволить себе оставить без внимания даже мелочь.

Позвольте мне обратить Ваше внимание на возможность создания массового боевого резерва, который (даже в том случае, если от него не будет иной пользы) поможет освободить для фронта более мобильные и подготовленные подразделения. Речь идёт о мобилизации гражданских лиц в общенациональную армию резервистов.

Десятки и даже сотни тысяч мужчин в возрасте от 35 до 55 лет (многие из которых крепче и тренированнее юношей) не находят для себя места в нашей оборонной системе. В их числе есть прекрасные стрелки, которые жаждут помочь своей стране и готовы встать в строй, как только предоставится такая возможность. В скором времени они смогут нести службу по охране железнодорожных станций и жизненно важных объектов, помогать в возведении фортификаций и выполнять многие другие боевые задачи.

Позволю себе привести в пример наш маленький городок. Первая встреча с этой проблемой на повестке дня состоялась у нас во вторник; к среде мы мобилизовали 120 человек, а сегодня начали занятия по воинской подготовке и вышли на стрельбища. Многие мужчины уже прекрасно стреляют; все без исключе-

ния горят желанием послужить общему делу. Обстоятельства не позволяют этим людям надолго оторваться от дома или переселиться на постоянное жительство в военные лагеря, но они способны принести немалую пользу, а в случае непосредственной агрессии сформируют наш местный «Landsturm». Однако до сих пор отсутствует государственная организация, которая могла бы принять этих бойцов в свои ряды. На местах такого рода отряды можно сформировать очень быстро, но при этом необходимо иметь и общий план действий.

Очевидный аргумент против создания такой организации состоит в том, что она отвлечёт боеспособных мужчин от вступления в ряды территориальной армии или других, более боеспособных армейских подразделений. Действительно, резервная часть не сможет отказать в приёме человеку, который не может или не хочет служить в регулярной армии. Она, однако, должна будет постоянно убеждать такого бойца не ограничивать себя воинской подготовкой, а готовиться к активным действиям в качестве подготовленного бойца. Убеждён, что при верной постановке дела такой резерв будет не только полезен сам по себе, но и сформирует важное промежуточное звено в системе подготовки относительно молодых мужчин, готовых идти на фронт.

Официальные организации перегружены сейчас до такой степени, что подобная задача может быть решена лишь на местах. Как только эти части возникнут, оне (подобно существующей народной резервной армии) найдут возможность и самовооружиться. Мы здесь накопили некоторый организационный опыт, и я буду счастлив разослать описание методики всем, кто желает создать у себя подобные центры.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
6 августа

«Дэйли мэйл»
13 августа 1914 г.

О ГРАЖДАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ РЕЗЕРВЕ

Сэр! Движение резервистов набирает силу; мужчины, лишённые иных возможностей служить своей стране, объединяются в местные воинские подразделения, проводят учения и стрельбы, создают таким образом дополнительный резерв войска, не отягощая этой задачей официальные власти.

Мы в нашем городке мобилизовали таким образом 200 человек, которые постоянно заняты стрельбой и военной подготовкой. Из подобных центров в наш адрес поступило 250 запросов относительно методики ведения дела. Я буду рад разослать описания каждому, кто только ни пожелает их получить. Никто не возьмётся сейчас предсказать дальнейший ход военных действий; неизвестно поэтому, насколько наличие сотен тысяч резервных бойцов, прошедших начальную военную подготовку, сможет повлиять на ситуацию в течение ближайших нескольких месяцев.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»
8 сентября 1914 г.

О ПОДВОДНЫХ МИНАХ

Сэр! Неужели конструкторы нашего флота не в состоянии разработать какой-нибудь стальной трезубец (или вилку), чтобы его можно было закрепить на корабельном носу и подрывать встречные мины прежде, чем они войдут в соприкосновение с корпусом? Насколько мне известно, небольшой водный буфер способен значительно уменьшить разрушительную силу минного взрыва.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
6 сентября

«Дэйли мэйл»
29 сентября 1914 г.

О СПАСАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ДЛЯ БОЕВЫХ КОРАБЛЕЙ

Сэр! Известно, что военный корабль отправляется на задание без шлюпок, чтобы уменьшить опасность пожара на борту. Если такое судно гибнет, команда идёт на дно вместе с ним, поскольку лишена спасательных средств. Горько было читать в сводках о том, как люди бросали на воду плавающие предметы в надежде удержаться на поверхности до тех пор, пока кто-нибудь не подоспеет на помощь. Разве нельзя придумать для моряка какой-нибудь нательный резиновый пояс, который дал бы ему шанс на спасение? Теперь, когда боевым кораблям запрещено иметь сопровождающий эскорт, вопрос приобретает особую значимость.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Ивнинг стандарт»
«Сент-Джеймс газетт»
7 октября 1914 г.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ КРУГИ ДЛЯ МОРЯКОВ

Сэр! Ваш корреспондент по военно-морским вопросам, капитан 3-го ранга Джейн раскритиковал меня за весьма, с его точки зрения, легкомысленное требование обеспечить наших моряков средствами спасения от верной гибели в случае затопления их корабля. Напомню, я предлагал обеспечить экипажи надувными резиновыми поясами. Моему оппоненту будет небезынтересно узнать, что уже сейчас каждому моряку выдают надувной резиновый ворот.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

МОБИЛИЗАЦИЯ В ИСТБУРНЕ

Сэр! Каждая новая победа противника (например, взятие Антверпена) означает для нас затягивание войны и необходимость форсировать военные приготовления. Главное здесь – людские ресурсы; прежде всего они решают всё дело. Можем ли мы сказать, что граждане Сассекса исполнили в этом смысле свой долг? Статистические данные о ходе мобилизации позволяют сделать следующий вывод: если в сельской местности дело идёт полным ходом, то в прибрежных городах оно продвигается, мягко говоря, умеренными темпами. Неужели мы неспособны пробудить от спячки граждан Гастингса, Истбурна или Брайтона – городов, предоставивших армии лишь мизерный процент своего мужского населения? По правде говоря, на общественных собрания я не возлагаю особых надежд: на них приходит слишком много дам и слишком мало молодых мужчин. Зато Советы по занятости (при поддержке наиболее сознательной части общественности) могли бы ускорить ход мобилизации – к примеру, оказанием морального давления на каждого, кто может, но не хочет служить в армии. Если люди будут постоянно (и достаточно резко) выражать своё отношение к отлынивающему от службы, эффект не сравнится ни с какими собраниями. Конечно, следует считаться с тем, что возможны проявления несправедливости, но времена настали столь суровые, что от сантиментов такого рода следует отмахнуться.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Истбурн, Гранд-парад, 22.

«Дэйли мэйл»
29 октября 1914 г.

«ОПАСНОСТЬ!»

Сэр! Вашему анонимному автору, подписавшемуся инициалами «Г.Б.», я советую сначала проверять факты, потом уже их обнародовать. Рассказ «Опасность!», на который он намекает, был написан мною в апреле и опубликован в июльском номере «Стрэнда». Выраженная в нём обеспокоенность по поводу нарастающей мощи подлодок, представляющих особую опасность для Великобритании, имела под собой все основания: последовавшие затем события полностью подтвердили уместность моего предостережения.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

«Таймс»
4 ноября 1914 г.

О ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ ГРАЖДАНСКОМ РЕЗЕРВЕ

Сэр! Многочисленные подразделения волонтеров, которые стали возникать в начале войны, но из-за настороженного отношения к ним военного ведомства оказались в подвешенном состоянии, вновь возобновили учения и стрельбы. Буду признателен за возможность сообщить Вашим читателям, что руководство отрядов, образовавшихся в ответ на призывы с моей стороны, может теперь войти в контакт с секретарем центральной Ассоциации по подготовке добровольческих подразделений (Judges' Quadrangle, Law Courts, W.C.). Председатель здесь – лорд Десборо, военный советник сэр О'Мур Криг (он же вице-председатель); в составе Комитета есть и другие известные люди. Войдя в подчинение центральному штабу, местные подразделения составят гигантскую объединенную армию численностью в полмиллиона человек. Предпринимается всё возможное,

чтобы участниками движения волонтеров становились только мужчины, для которых служба в регулярной армии заведомо невозможна.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

18 ноября 1914 г.

ВОИНСКИЙ ПРИЗЫВ И КАК ЕМУ СПОСОБСТВУЕТ ПРЕССА

Сэр! Как человек, имеющий опыт в деле организации воинского призыва, утверждаю: если бы в прессе были опубликованы подробности разгрома прусских гвардейцев с упоминанием всех британских полков, принимавших участие в этом бою, каждый из них тут же пополнился бы батальоном новобранцев. Что же это за барьер такой пролёг между командованием, несущим ответственность за мобилизацию, и армейской пресс-службой, не использующей столь очевидные методы её обеспечения?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

16 ноября

«Кроуборо уикли»

28 ноября 1914 г.

О ПОДГОТОВКЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Сэр! В Кроуборо официально зарегистрирован отряд добровольцев непризывного возраста численностью 50 человек. Хорошо бы, если ответные шаги предприняли Бакстед, Мэйрсфилд, Джарвис-Брук, Ротерфилд и другие населённые пункты нашего района:

тогда отряды могли бы объединиться для совместных марш-бросков и учений. Сейчас, когда наше движение получило «добро» от министерства обороны, становится очевидным, что долг каждого мужчины – научиться военному делу и непрестанно совершенствоваться на ближайшем мини-стрельбище. Соседи, испытывающие недостаток военных инструкторов, могут быть уверены, что кроуборовский отряд командирует им таковых незамедлительно.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, 24 ноября

«Дэйли кроникл»
30 ноября 1914 г.

СЭР РОДЖЕР КЭЙЗМЕНТ

Сэр! Не сомневаюсь в том, что, назвав бегство сэра Роджера Кэйзмента в Берлин безрассудством, Вы попали в самую точку. Сэр Роджер обладал прекрасными человеческими качествами, и каждому, кто знал его, трудно представить, чтобы, находясь в здравом уме, он мог бы предать свою страну, для которой не раз выполнял ответственные задания, получая затем заслуженные награды.

Следует признать, что в довоенное время он весьма симпатизировал Германии, полагая, будто она являет собой единственную силу, способную противостоять доктрине Монро. Последнюю Кэйзмент считал страшным злом и был убеждён, что именно в ней кроется истинная причина варварства в Путамайо, где он проводил официальное расследование. Здесь я с ним расходился во мнении, однако ни разу не слышал, чтобы в пылу дискуссии он позволил себе в отношении Великобритании неуважительные слова. Увы, это был болезненный человек, изнурённый тропическими невзгодами и мучимый головными болями. В мае прошлого года я стал получать от него из Ирландии письма столь дикого содержания, что уже тогда выразил опасения по поводу состояния его психического здоровья. Злосчастная берлинская выходка лишь подтверждает тот факт, что он лишился

рассудка. Да и мог ли здравомыслящий человек поверить обещаниям в адрес Ирландии от страны, которая столь беспардонно нарушила аналогичные обязательства в отношении Бельгии?

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

3 декабря 1914 г.

О ПОДГОТОВКЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

Милостивый государь!

Санкционировав добровольческие соединения при условии подчинённости их Центру, военное ведомство обусловило эту свою уступку рядом вполне разумных требований, но одно из них столь явно подрывает самую суть движения, что нуждается в значительной корректировке. Речь идёт о пункте, согласно которому мужчина призывного возраста, вступая в отряд волонтеров, должен письменно обязаться перейти в регулярную армию по первому требованию командования. Но в таком случае человеку становится безразлично, записываться ли в местный отряд волонтеров или сразу идти на фронт: первое автоматически подразумевает второе. Нетрудно предсказать результат: люди не захотят служить ни там, ни тут. Между тем значительное число мужчин призывного возраста женаты или заняты в бизнесе; они не могут позволить себе служить в вооружённых силах, но в местные оборонные отряды поступили бы с удовольствием. Сейчас получается, что им подстроили тут ловушку. В результате страна вообще лишится этой огромной силы.

С другой стороны, думаю, можно было бы специальным указом предписать волонтеру переход в ряды вооружённых сил в случае возникновения угрозы неприятельского вторжения на территорию нашей страны.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

1 декабря

О СПАСЕНИИ ЖИЗНЕЙ НА МОРЕ

Сэр! Каждый, кто прочёл статью мистера Уэллса «Предвидение в войне», разделит моё ощущение, что наши военные действия отмечены, в первую очередь, отсутствием предприимчивости. Проиллюстрировать сказанное я хотел бы вопросом, которому посвятил немало статей: речь идёт о предоставлении нашим морякам спасательных средств. Известно, что пассажир восходит по трапу торгового судна, точно зная, что обеспечен местом в спасательной шлюпке. Разве здравый смысл не подсказывает нам необходимость распространить тот же принцип и на экипажи боевых кораблей? Во-первых, эти люди в несравненно большей степени рискуют жизнью; во-вторых, жизнь каждого моряка представляет огромную ценность для нашей страны.

Меньше всего я хотел бы, чтобы меня заподозрили в пустом критиканстве: всем нам пора согласиться с тем, что Адмиралтейство (учитывая бремя возложенных на него задач) со своей работой справляется превосходно. Общественность, однако, хотела бы для себя большей осведомлённости: нам необходима уверенность в том, что власти действительно делают всё, от них зависящее.

В начале войны военные моряки были лишены всяких спасательных средств. Сейчас мы добились выдачи каждому по надувному вороту, но и он не спасёт человека, попавшего в шторм или оказавшегося в ледяной воде. Мы ведь не забыли случай, когда все 800 членов экипажа тонущего корабля спаслись только лишь благодаря случайному присутствию неподалёку пассажирского лайнера, оснащённого шлюпками. Если, чтобы взяться наконец за решение проблемы, нам мало такого урока, чего ещё мы ждём?

Со дня своего первого выступления по этому насущнейшему вопросу я получил множество писем с конкретными предложениями. Оказалось, что в нашей стране хватает умных людей: необходим только стимул. В основном предлагались спасательные круги, жилеты и плоты различных конструкций. Лично я

считаю, что в условиях Северного моря проблему решат только лодки; складные, надувные, но – лодки. Давайте рассмотрим трудности, которые могут с этим возникнуть, и попробуем наметить пути их преодоления.

Предвижу три возражения: шлюпки требуют себе слишком много места, в ходе боя они могут быть уничтожены, из-за них возрастает риск возгорания. Если вспомнить, однако, что все свои корабли в этой войне мы потеряли не в открытом бою (они подорвались на минах и торпедах), то окажется, что в девяти случаях из десяти все эти возражения несущественны. Будь у «Ястреба», «Искателя», «Кресси», «Хога», «Абукира» на борту шлюпки, их моряки бы остались в живых, притом что ни одному из этих кораблей наличие спасательных средств никак бы не повредило. Может быть, и потеря «Непобедимого» не стала бы для нас столь тяжелой, имей он шлюпки у себя на борту.

Посмотрим теперь, нельзя ли что-нибудь предпринять в том роковом десятом случае, когда гибнет экипаж корабля, затопленного в сражении с неприятелем (вспомним эскадру Крэддока). Ответом может послужить, на мой взгляд, вполне выполнимое предложение одного из моих корреспондентов, мистера Камерона Уокера. Суть его состоит в следующем. Каждый боевой корабль должен иметь при себе как минимум две больших моторных лодки и надувные шлюпки на всю команду, сложенные в таком месте, где они бы не причиняли никому неудобств. Если судно будет торпедировано, его экипаж уже не останется на борту покорно ждать смерти. Но что, если корабль вынужден будет вступить в бой? Тогда моторные лодки с двумя-тремя матросами на борту будут спущены на воду и вместе со шлюпочным прицепом удалятся на безопасное расстояние, откуда в случае необходимости будут готовы немедленно устремиться на помощь своему кораблю. Таким образом, три возможных опасности, которыми нас так пугают, устраняются. Каждая из моторных лодок будет иметь на носу небольшое орудие, чтобы защититься от внезапного появления на поверхности подводной лодки; от контактов же с прочими неприятельскими судами она должна будет попросту уклоняться. Достаточное число моторных лодок нетрудно набрать в наших портовых гаванях, так что дело это пойдёт споро – нашлись бы энергия и желание.

Прошу извинить меня за столь пространное письмо, но этот вопрос имеет первостепенную общественную важность. Стали бы мы с той же безутешностью оплакивать потерю боевых кораблей, если бы знали, что их моряки спаслись? Страна может себе позволить потерю судна; утрата человеческой жизни – вот что невозполнимо. Я очень надеюсь, что в этом деле наконец начнёт что-то меняться.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Нью-Йорк таймс»
6 февраля 1915 г.

ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА: СТАВКА НА УБИЙСТВО

Милостивый государь!

Я только что прочёл в высшей степени учтивое и сдержанное письмо Джеймса О'Доннелла-Беннетта. Будучи весьма благодарен автору за то, что он счёл возможным обратиться ко мне таким образом с газетных страниц, я хотел бы всё же сказать по этому поводу несколько слов. Речь в письме идёт о моей статье в «Дэйли кроникл», озаглавленной «Германская политика: ставка на убийство». Некоторые мои утверждения господин Беннетт высмеивает, об остальных не упоминает вообще – наверное, потому, что ничем не может их опровергнуть.

Сначала я рассказал о минировании морских пространств: собственно, за этим мы застали в первый же день войны корабль «Koenigin Luise», который немедленно потопили. Затем то же произошло к северу от ирландского побережья; всем известно, что лишь предупредительный сигнал с борта британского военного судна спас «Olimpic», который в противном случае подорвался бы вместе со всеми своими пассажирами, как американскими, так и британскими. Когда жертвами подобных акций становятся граждане нейтральных стран (датчане, голландцы, норвежцы), это – убийство, иного слова не подберёшь.

Далее я рассказал о бомбардировках мирных городов с моря и воздуха. И здесь, и в Германии всем известно, что Ярмут, Уитби и

Скарборо не защищены, а Гартлпул обороняет совсем небольшая батарея. Если последний факт и даёт неприятелю повод обстрелять – не саму эту батарею, но густонаселённый город (убив или ранив несколько сотен человек, в том числе 38 детей и лишь 7 военнослужащих), то чем оправдать бомбардировки Скарборо, Уитби и Ярмута? В ходе подлого налёта на Ярмут цеппелин сбросил бомбы ещё и на мелкие окрестные сёла, в результате чего погибли пять человек. Если это не убийство, то что же? Во всяком случае, не война, ибо таким образом попираются все её законы.

Мистер Беннетт говорит, что британцы и сами бомбили Дюссельдорф. Именно так – лучшей иллюстрации мною сказанному трудно сыскать. Да, наши лётчики бомбили Дюссельдорф (равно как и Фридрихсхафен), но каждый раз атаковали заранее намеченные стратегические цели (авиационные ангары), коим нанесли, как было признано, весомый урон. Даже враг в своих сводках не попытался обвинить нас в неразборчивом бомбометании. Между тем, приняв на вооружение германскую тактику, мы бы легко забросали бомбами многолюдные улицы Кёльна и Франкфурта, также открытые для ударов с воздуха.

Мистеру Беннетту не нравится, что я обвиняю германскую прессу в систематической лжи. Но ведь она объявила Ярмут, Уитби и Скарборо укреплёнными городами – если это не ложь, то что же? Разве не германская пресса рассказывает сейчас, как в ходе морского боя неделю назад британцы потеряли тяжёлый крейсер и несколько лёгких кораблей, хотя на самом деле мы избежали всяких потерь? Ложь – неприятное слово, но когда речь идёт о заявлениях такого рода, постоянно встречающихся в немецкой прессе, другого не приходит на ум.

Теперь мы подходим к главному вопросу о германских злодеяниях во Франции и Бельгии. Мистер Беннетт пытается оправдать таковые утверждением (в истинности которого не может быть ни малейших сомнений), что и среди немцев попадаются добросердечные люди, которые так милы с населением оккупированных территорий, что даже заводят с ним дружбу. Допускаю, что по своей природе немец вовсе и не жесток; но прусский милитаризм бесчеловечен, и он всю Германию переделал на свой манер.

Мистер Беннетт, с недоверием воспринимающий сообщения о злодеяниях оккупантов, почему-то охотно верит сплетням о том,

как их будто бы обстреливали мирные бельгийцы. Сначала даже утверждалось, будто они у раненых выцарапывали глаза; поиск соответствующих доказательств, однако, завершился заявлением главврача из Экс-ла-Шапели о том, что о подобных случаях ему ничего не известно. Не сомневаюсь, что бельгийское правительство предприняло всё возможное, чтобы изъять оружие у гражданского населения. Не рискну, подобно иным апологетам, утверждать, будто бы в немцев не было произведено ни единого выстрела, но есть основания полагать, что то были единичные случаи. С другой стороны, ни для кого не секрет, что захватчики устроили массовое уничтожение бельгийских сёл, убивая при этом всех подряд – мужчин, женщин, детей, – а своё присутствие на захваченной территории отметили крайней степенью распушенности.

Мистеру Беннетту стоило бы ознакомиться с фактами, приведёнными в отчётах Бельгийской комиссии, где есть всё – имена, даты, названия городов и сёл. Отдельные сообщения о злодеяниях оккупантов здесь, действительно, подвергаются сомнению, что лишь добавляет убедительности документу в целом. Тот факт, что захватчики сохранили городскую ратушу в Лувене, вряд ли уж очень утешил жителей города, седьмая часть которого (по оценке самого мистера Беннетта) была сожжена. Такого рода бесчинства, недопустимые сами по себе, особенно отвратительно выглядят в свете клятвенных обещаний немцев защищать страну, которую они теперь принялись истязать.

Мистер Беннетт, судя по всему, полагает, будто во Франции германские войска вели себя лучше, чем в Бельгии. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежит отчёт Французской комиссии, и это – перечень тех же бесчинств со всевозможными подробностями в качестве доказательств. От Сенли до Динана – сплошная история варварства. Насколько мне известно, подобный документ о германских преступлениях в Польше составили и российские власти. Будет ли господин Беннетт утверждать, что и эти официальные документы есть «ложь от начала и до конца»? Не проще ли предположить, что союзники правы в своих оценках и что приведённые факты – следствие прусской идеологии, которая делает ставку на запугивание населения оккупированных территорий с тем, чтобы сделать его послушным орудием в руках захватчиков?

Профессор Бедье опубликовал выдержки из дневников герман-

ских солдат, описывающих собственные деяния. Тяжко читать такое. Приведу отрывок, который должен особенно заинтересовать мистера Беннетта, ведь он, похоже, готов чуть ли не восхититься сдержанностью немцев, постановивших сжечь на одной из улиц Динана – подумать только – не все дома, а лишь каждый третий и пятый. Вот что пишет рядовой первого батальона 178-го пехотного полка Филипп из Каменца (Саксония) о событиях в деревушке к северу от Динана:

«У входа в деревню лежали трупы пятидесяти жителей, расстрелянных за то, что ночью подло обстреляли наши войска. Убивали и других, так что всего тел мы насчитали штук двести. Свидетелями этого страшного зрелища пришлось стать женщинам и детям, пришедшим сюда с фонарями в руках. А мы вынуждены были есть рисовую кашу среди этих трупов».

Вот что читаем мы в другом дневнике:

«Ланжвилле, 22 августа. Деревня уничтожена 11-м батальоном первопроходцев. Трёх женщин повесили на деревьях».

Рядовой Шлаутер из 3-й батареи 4-й гвардейской полевой армии артиллерии пишет:

«Расстреляли двести местных жителей. Оставшиеся в живых были использованы для рытья могил. Там были и женщины, но избежать этого было никак нельзя».

И далее:

«Таким образом мы уничтожили восемь домов с их обитателями. В одном доме двух мужчин с жёнами и 18-летнюю дочь закололи штыками. Тяжко было мне наблюдать гибель создания столь невинного, но иначе никак нельзя было утихомирить толпу, ведь то были не люди, а звери».

Это, господин Беннетт, тоже, по-Вашему, «ложь от начала и до конца»? Или я всё-таки был прав, когда писал, что к массовому убийству мирного населения немцы приступили с первых же дней и что злодеяний такого рода Европа не помнит с давних и очень тёмных времён? Если у Вас всё ещё остались сомнения, настоятельно рекомендую ознакомиться с отчётами Французской и Бельгийской комиссий, хотя, боюсь, в Метце найти эти документы не так-то просто.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, 2 февраля, 1915 года

«Таймс»
13 февраля 1915 г.

УНИФОРМА ДЛЯ ВОЛОНТЁРОВ

Сэр! В Вашем заключительном отчёте о парламентских слушаниях есть фраза («Мистер Тенант дал суровую отповедь сторонникам введения специальной униформы для добровольческих подразделений»), свидетельствующая о том, что слова выступавшего были истолкованы превратно. Мистер Тенант позволил себе резко высказаться в отношении лишь тех юношей, которым следовало бы находиться в таком обмундировании на передовой. Отряды волонтеров должны иметь свою униформу, иначе согласно военному законодательству они не смогут исполнять свои обязанности, которые (хотелось бы думать) всё же будут на них возложены.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 11 февраля

«Таймс»
13 апреля 1915 г.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ВОЕННОПЛЕННЫМ

Милостивый государь!

Трудно даже выработать линию поведения в отношении европейских краснокожих, которые подвергают пыткам военнопленных. Ясно, что сами мы не можем подобным же образом оплёвывать, пинать, морить голодом и держать на морозе немцев, находящихся в нашем распоряжении. С другой стороны, бессмысленны и призывы к добросердечию, ибо средний немец имеет то же понятие о благородстве, что корова – о математике. Он искренне не способен понять, например, что заставляет нас с теплотой отзываться о фон Мюллере из Веддингена и других наших противниках, пытающихся в какой-то мере сохранить

человеческое лицо. Германская пресса объясняет это отчасти сентиментальностью, отчасти лицемерием. Не сомневаюсь также и в том, что пилоты германских аэропланов, обстрелявшие наши шлюпки в тот момент, когда те пытались взять на борт оставшихся в живых моряков «Блюхера», искренне не догадывались об истинных намерениях спасателей.

Поскольку немцы пытаются представить своё варварское поведение ответом на нашу морскую блокаду, уместно будет заметить, что они не лучше относились к нашим военнопленным и до того, как мы сформулировали свою морскую политику. Пленённые в Бельгии представители британского Красного Креста свидетельствуют о столь же бесчеловечном к себе отношении. Будучи в силу особенностей национального характера не в силах отплатить врагу той же монетой, мы могли бы ответить иначе – издать массовым тиражом сообщение майора Ванделера, официальные американские сводки, а также статьи, вроде той, что появилась в голландской газете «Tyd», о пытках, которым подверглись трое британских военнослужащих, захваченных на приграничном посту в октябре. Всё это следует по официальным каналам распространить в нейтральных странах и среди наших солдат во Франции. Праведный гнев лучше всяких призывов поднимает мужчину на бой, и мы просто обязаны использовать оружие, которое в руки нам вкладывает сам враг. Нашим солдатам (которые, может быть, и не нуждаются в дополнительной агитации) должно быть совершенно ясно, что лучше пасть на поле боя, чем понадеяться на человеческое к себе отношение немца.

Притом что враг наш не знаком с понятием великодушия, он, во всяком случае, крайне практичен. Осознав, что мы используем информацию о чинимых им злодеяниях в военных целях, он (из соображений выгоды, не морали), возможно, и пересмотрит свою политику.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Отель «Ройал Павильон», Фолкстоун, 11 апреля

ОБ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Сэр! Работая над созданием мощной армии, наше правительство уже воспользовалось силой пропагандистской рекламы, когда методичным применением внушений сумело создать благоприятствующую делу социальную атмосферу. Почему бы не использовать тот же метод в борьбе с пьянством? Если стены наших портов и промышленных предприятий увесить плакатами с умело сформулированными лозунгами и сделать так, чтобы каждая пивная встречала рабочего наглядным напоминанием о его гражданском долге, это произвело бы эффект. Человек не сможет равнодушно пройти мимо обращений вроде: «Тебе пьянка, солдату – смерть», «Он жертвует жизнью ради тебя, пожертвуй и ты хотя бы бутылкой!» или: «Трезвый рабочий помогает Британии, пьяный – Германии».

За основу антиалкогольной кампании можно было бы принять и более общую идею: «Покончил с пьянством – обрёл счастье», «Где трезвость, там и здоровье», «Кто не пьёт, уже и богат», «Бросай пить ради победы!». О том, насколько осведомлены о силе внушения торговцы виски, свидетельствует хотя бы содержание наших рекламных щитов. Почему бы и нам в борьбе с ними не использовать то же оружие?

Искренне Ваш

А. Конан-Дойль

Отель «Метрополь», 3 мая

«Спектейтор»
29 мая 1915 г.

ОБОРОННАЯ ГВАРДИЯ

Сэр! Будучи постоянным читателем Вашего замечательного еженедельника и зная, сколь последовательно Вы поддерживаете добровольческое движение (проявляя интерес и к практичес-

кой организации дела), я хотел бы задать Вам несколько вопросов на сей счёт.

1. Считаете ли Вы, что нарукавный брассар – неотъемлемая часть обмундирования волонтёра?

2. Нужна ли оборонным отрядам волонтёров санкция военного министерства, чтобы они могли использовать принятые в регулярной армии знаки отличия (шевроны, петлицы и прочая)?

3. Не кажется ли Вам, что с практической точки зрения было бы полезно возложить ответственность за организацию отрядов добровольческой армии на руководителей судебной и исполнительной властей наших графств?

Первые два вопроса подсказаны непосредственными участниками движения, а также редакционной заметкой за подписью «У.У.С.», в которой Вы, судя по всему, считаете нарукавную повязку альтернативным знаком отличия по отношению к тем, что используются в регулярных частях. Третий вопрос вызван тем, что мне известен провинциальный руководитель (от столицы находящийся в тысяче миль), который лишь презрительными насмешками реагирует на инициативу своих патриотически настроенных сограждан.

Стоит добавить, что в районных комитетах нарастает ощущение, что Центральная ассоциация постепенно утрачивает интерес к организации добровольческих отрядов за пределами метрополии, не считая районов, непосредственно к ним прилегающих. Если это так (в чём я уверен не до конца), то очень жаль: значит, есть люди, которые и в эти критические дни работают вяло и безынициативно.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

(Ответ редактора газеты:

«1. Брассар следует считать неотъемлемым элементом военного обмундирования. Он утверждён правительством в качестве знака отличия, необходимость которого предусматривается Гаагской конвенцией для гарантии прав, которыми пользуется военнослужащий. Несомненно, что и униформа волонтёрам необходима – в соответствии с требованиями той же конвенции. При этом правительство считает, что воинские формирования,

которые не могут приобрести униформу, должны обеспечить своих людей нарукавным знаком отличия.

2. Мы не можем со всей определённойностью утверждать, что подразделения, о которых идёт речь, действуют вопреки предписаниям военного ведомства.

3. Такого рода обязанность как нельзя лучше соответствует компетенции заместителя главы судебной и исполнительной власти. Спешим Вас успокоить: опасаться превращения Центральной ассоциации в Лондонский комитет обороны нет никаких оснований. Вопросы оказания помощи провинциальным добровольческим отрядам волнуют её в той же степени, что и соответствующие задачи в Лондоне.

Главный редактор «Спектейтора»

«Таймс»

27 июля 1915 г.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БРОНИРОВАННЫХ ЗАЩИТНЫХ СРЕДСТВ

Милостивый государь!

Меня, в течение 25 лет призывавшего к использованию бронированных средств защиты в современной войне, весьма заинтересовала статья в «Таймс» на эту тему. Беглый каторжник Нед Келли, пройдя в самодельном бронежилете под ружейным огнём полицейских, преподал миру наглядный урок. Если разбойнику удалось такое, чем хуже солдат? После сражения 9 мая, когда несколько наших бригад, пытаясь преодолеть расстояние в 300 ярдов, отделявшее их от германских окопов, потеряли почти половину личного состава, стало очевидно, что беззащитные солдаты не в состоянии преодолеть зону обороны, обстреливаемую пулемётами. Следует либо отказаться от штурмов такого рода, либо обеспечить людей защитными средствами.

Мне всегда казался непостижимым тот факт, что многочисленные случаи, когда «Библия», портсигар, часы или другой карманный предмет, спасали людей от гибели, так никого и не

навели на мысль обратить в систему то, что до сих пор определялось волею случая. На главное возражение, упомянутое авторами статьи (любая броня, дескать, может от пули разбиться и осколками ещё тяжелее ранить бойца), есть один ответ: прикрытие должны подлежать лишь области, ранение которых заведомо смертельно. Таких мест два, и они не потребуют много металла. Лоб и сердце – вот жизненно важные места, сразу же попадающие под вражеский прицел. Лоб может быть защищён каской наподобие той, что сейчас взяли на вооружение французы. Сердце должно быть прикрыто чашечкой из закалённой стали не более фута в диаметре. Защитив столь простым и необременительным средством два жизненно важных центра, останется опасаться лишь повреждения крупной артерии и ранения в живот. Первое при пулевом ранении маловероятно; в любом случае защитить артерии мог бы лишь цельный бронежилет, о котором не может идти и речи. А ранение в живот благодаря достижениям хирургии можно уже не считать смертельным; кстати, и его можно предотвратить, закрепив третью выпуклую стальную пластину между нижней частью грудной клетки и бёдрами.

Таковы меры предосторожности, способные резко снизить риск смертельного ранения под ружейным или пулемётным огнём и защитить от шрапнели. Разумеется, оне не повысят эффективности штурма: в любом случае раненых будет много, и атакующая волна захлебнётся, не достигнув окопов. Для обеспечения успеха здесь требуется броня, которая полностью прикрывала бы нападающих. Поскольку (как отмечают авторы статьи) нести на руках такую тяжесть будет уже невозможно, придётся катить её перед собой на колёсах. Я это представляю себе так: стальная стена, составленная из многих листов, едет, подобно римской «черепахе», скрывая за собой солдат, которые толкают её перед собой. Если мы теряем один щит, ряд в этом месте смыкается. От обстрела с флангов можно защититься боковым бронированным прикрытием. Поскольку «черепаха», используемая в единственном числе, навлекла бы на себя концентрированный артиллерийский огонь, свой отдельный щит должны составить каждая рота или даже взвод. Многочисленные бронированные отряды такого рода без особых потерь преодолеют пространство, по возможности зара-

нее очищенное от препятствий, и смогут достичь вражеского рубежа не в разрозненном, истощённом виде, но как мощный, не ослабленный потерями штурмовой отряд. Такие сооружения не станут для армии большой обузой. Отдельной статьёй, подобно понтонам или осадным обозам, их лишь в особых случаях придётся доставлять к месту готовящегося прорыва. А вот нательные пластины, защищающие жизненно важные органы, должны стать частью повседневного солдатского обмундирования.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 26 июля

«Дэйли кроникл»

23 августа 1915 г.

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ В АРМИИ

Сэр! Я всегда был противником принудительной мобилизации, и ход войны лишь укрепил меня в этом убеждении. Тем не менее полагаю, что два лагеря, на которые разделилось общество, смогут найти компромисс – достаточно лишь в чём-то уступить каждой из сторон. Самый яркий приверженец принудительного призыва должен признать, что, как ни прискорбно, в таком случае нация, до сих пор остававшаяся сплочённой, разделится надвое, причём выиграет от этого лишь уклоняющееся от воинской службы её меньшинство.

С другой стороны, пусть и убеждённый противник насильственных мер признает: существующая система призыва грешит чудовищными аномалиями. Положение, когда сорокалетний семейный мужчина должен сражаться во Фландрии, а недоросли 23 лет гоняют при этом на велосипедах по Истбурн-парэйд (мне достаточно лишь выглянуть в окно, чтобы их лицезреть), нормальным не назовёшь. Стоит лишь каждой из сторон пойти на уступки, возникнет пространство для компромисса; он, как водится, оскорбит в лучших чувствах радикалов с обеих сторон, но поможет нам сохранить единство нации.

Одним из главных аргументов против введения всеобщей воинской повинности в данный момент представляется мне тот

факт, что пользы от таковой вооружённые силы получают мало, особенно с учётом суматохи, которая тут же поднимется. Из каких социальных слоёв предполагаем мы набирать рекрутов? Затронуть призывом людей, занятых на производстве, было бы чистейшей воды безумием. Промышленность и без того дезорганизована из-за недостатка рабочей силы. Поскольку все её отрасли взаимозависимы, ущерб, нанесённый одной из них, тут же самым непредсказуемым образом скажется на остальных. Механизм индустрии и так испытывает чрезмерные перегрузки. Между тем на системе производства основывается вся экономика государства, жизненно важная и для нас, и для стран-союзниц. Оторвать рабочего от станка в надежде через полгода сделать из него солдата, в то время как наибольшую пользу стране он принёс бы на месте работы, невысказано. Значит, нужно признать: работники основных отраслей, как непосредственно связанных с военным производством (то есть угольщики, строители, металлурги, железнодорожники, транспортники, кораблестроители, текстильщики), так и производящих экспортные товары или продукцию, позволяющую нам избегать импорта необходимых деталей, и без того служат своей стране эффективнейшим образом. Призвать их на фронт означало бы ослабить нашу военную мощь.

Но после того, как мы исключим эту огромную массу рабочей силы из наших расчётов, много ли останется? И стоит ли остаток того, чтобы ради него всю страну перевернуть вверх дном? Прежде всего это люди, занятые распределением материальных благ (сюда можно отнести продавцов с клерками) и сельское население. Насчёт продавцов всё ясно и так: трудно вообразить себе сегодня полноценного здорового мужчину стоящим за прилавком – наверняка, не устояв перед соблазном, он уже перемахнул через него и устремился искать приключений. В любом случае его на рабочем месте может заменить женщина. Это относится также к официантам и обслуживающему персоналу, в меньшей степени – к клеркам, которые нередко обладают весьма специфической компетенцией, выполняют важные функции в бизнесе и таким образом играют важную роль в обеспечении финансового благополучия не только отдельных фирм, но и страны в целом. Что же касается детей фермеров и вообще сельских работников, то сейчас, когда производство продо-

волею признано важнейшим государственным делом, трудно установить, какой процент этих людей можно призвать на службу, не ослабив здесь наших позиций.

Остаются студенты, учителя, творческая и научная интеллигенция, полицейские, работники муниципальных служб и, наконец, небольшая, но, несомненно, достойная порицания часть уклоняющихся. Призыв из этих слоёв возможен, но проводиться должен разборчиво – если, конечно, речь не идёт о последней группе. Человеческий потенциал нашей страны и без того ослаблен. Стоит ли разрывать нацию пополам только ради того, чтобы уловить в сети людей, сама целесообразность использования которых в армии вызывает сомнения? Неужели нельзя выработать демократический принцип отбора, при котором призыв проводился бы хоть и строже, чем сейчас, но не в такой оскорбительной для работающего человека форме, каковой является всеобщая мобилизация? Все мы согласны с тем, что есть люди (и их немало), которым место на фронте. Но разве нельзя послать их туда, не вызвав при этом раскола нации? Рискну предложить способ осуществления этой задачи.

В каждом приходе (или группе приходов) на основе авторитетной организации (вроде приходского или районного совета) следует создать комитет по мобилизации. В его распоряжение должны поступить списки граждан, подлежащих призыву, причём встретить в них своё имя должен быть готов любой гражданин-патриот. Итак, члены Комитета (пользуясь соответствующими юридическими полномочиями) вызывают к себе интересующего их гражданина и спрашивают, почему он до сих пор не исполнил свой долг. Если тот сошлётся на работодателя, необходимо и того вызвать повесткой. Допустим, выяснится, что нет причины, которая мешала бы человеку пойти в армию. Тогда председатель может обратиться к нему со следующими словами: «У нас нет юридического права отправить Вас на фронт. Но мы считаем, что Вы отказываетесь исполнять свой долг, и даём Вам десять дней на то, чтобы уладить свои дела и внести своё имя в мобилизационный лист. Если Вы не сделаете этого, мы вынуждены будем поместить Ваше имя в «чёрный список» наряду с теми, кто в решающие дни предал свою страну. Список можно будет увидеть неподалёку от церкви и на стенах общественных учреждений прихода». С теми

же словами следует обратиться к хозяину, не отпускающему на фронт работников; появление его имени в «чёрном списке» вряд ли поспособствует процветанию бизнеса. Думаю, процедура возымеет эффект в отношении как хозяина, так и работника.

Несомненно, такое решение вопроса будет объявлено «притеснением отдельных лиц», но – теми, кто хотел бы «притеснить» всех нас сразу. Чем соглашаться на это, не справедливее ли выявить отдельное «лицо», притеснения заслуживающее? Если этот человек полностью оправдывается перед приходским трибуналом, дело на этом будет закрыто. Если нет, ему придётся либо исполнить долг, либо взвалить на себя бремя позора. У англосаксов была традиция «принижения» лиц, уклонявшихся от исполнения общественных обязанностей. Я предлагаю всего лишь вернуться к старому и справедливому закону.

Преимущество такой схемы действий состоит в том, что она не предполагает законодательной волокиты. Местному совету потребуются лишь подтверждённое законом право вызывать к себе гражданина и защита от судебных исков, связанных с диффамацией*. Какие возможны тут возражения? Наверное, кто-то скажет: такие люди всё равно откажутся идти в армию. На это останется лишь один ответ: столь бесчестный человек всё равно не стал бы хорошим солдатом.

Должен извиниться, сэр, за длинное письмо, но мне кажется, что вопрос этот очень важен и сопряжён с опасностью. Неразумный подход к его решению может иметь серьёзнейшие последствия. Впутываемые сюда экономические аргументы не кажутся мне убедительными, ибо основная масса призывников уже подписала контракты; условия последних мы нарушить не вправе, так что снижение зарплаты коснулось бы только новых рекрутов. Остаётся надеяться, что компромисс (мной ли предложенный, или другой, более удачный) будет найден, и мы сможем самым эффективным образом использовать боевой потенциал наших людей, позволив каждому исполнить свой долг без всякого принуждения. Последнее всегда было чуждо нашему обществу и породить в нём может лишь самые опасные настроения.

Артур Конан-Дойль

21 августа, 1915 года

* Публичное распространение сведений, позорящих кого-либо.

«Таймс»
15 октября 1915 г.

ВОЗМЕЗДИЕ

Сэр! Убеждён, что пришло время дать решительный ответ на злодеяния немецких цеппелинов. Думаю, сделать это будет не трудно. Разместив на востоке Франции небольшую эскадрилью скоростных самолётов и заявив от лица правительства, что с этих пор каждый немецкий рейд на незащищённые города Великобритании будет автоматически и безжалостно караться тремя аналогичными налётами на города Германии, мы приведём немцев в чувство немедленно. Понимаю, наши лётчики сочтут такую работу грязной, но им следует помнить, что жертвами подобных актов стали многие наши женщины и дети. Мы долго терпели, но теперь ничто, кроме актов возмездия, не оградит наших граждан от варварских бесчинств.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Отель «Метрополь», 14 октября

«Таймс»
18 октября 1915 г.

ОБ УДАРАХ ВОЗМЕЗДИЯ С ВОЗДУХА (1)

Милостивый государь!

Немного найдётся людей, чьё мнение я бы уважал больше, чем мнение сэра Эдварда Кларка. Более того, в отвлечённом споре такого рода я был бы готов признать его правоту, на что косвенно указал в первом письме, заметив, что наши лётчики пошли бы на подобное задание с отвращением. Но мы живём в такое время, когда сохранить руки чистыми можно лишь за счёт чужих страданий. То же можно сказать и об отравляющем газе: сам по себе этот способ ведения войны отвратителен, но отказаться от него мы не можем просто потому, что враг продолжает травить им наших людей на фронте. Если, превратив в руины

несколько германских городов, мы сможем спасти жизни наших сограждан, такая мера, на мой взгляд, будет совершенно оправданна. Думаю, те, кто называют и эту акцию «массовым убийством мирного населения», занимаются демагогией: речь идёт о мести за уже совершённые массовые убийства и предотвращении подобных преступлений в дальнейшем. Мы ведь без возражений позволили французским лётчикам бомбить Карлсруэ и Штутгарт, причём во втором случае было официально заявлено, что это – ответ на бомбардировку незащищённых городов Франции и Британии. Налёт, последовавший сразу же за первым немецким рейдом на Лондон, и был воспринят как реакция на совершённое варварское преступление. Да, это работа, мягко говоря, грязная (хоть и необходимая), но остаётся ли мы чище, позволяя союзнику выполнять её от нашего имени и при этом объясняя миру, что сами мы, мол, на подобное неспособны, а следовательно, врагу позволяем и впредь играть жизнями наших сограждан, ничуть не опасаясь за безопасность своих горожан?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Спектейтор»
13 ноября 1915 г.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Сэр! В настоящее время у нас в стране насчитывается триста тысяч волонтеров, большая часть которых может считаться подготовленными военнослужащими. Генерал О'Мур-Криг, проинспектировав многие из этих подразделений, заявил, что самые опытные отряды по уровню подготовки сравнимы с лучшими частями территориальной армии начала войны. Возникает вопрос о том, как использовать этих бойцов. С одной стороны, государство нуждается в людях. С другой – волонтеры исполнены желания послужить стране. Пришло время выработать тут какой-то практический план.

Следует признать, однако, что эта задача – не из лёгких. Чем ближе знакомишься с проблемой и чем лучше понимаешь, из какого человеческого материала слеплена добровольческая армия, тем яснее понимаешь сопряжённые с этим трудности. Особенность армии волонтёров состоит в том, что, призвав её к действию одномоментно, мы нанесём жесточайший удар по промышленности страны. Ничто, кроме крайней необходимости (например, неприятельского вторжения) не может оправдать подобную меру. Пока такой необходимости нет, эти силы можно использовать лишь посменно – так, чтобы подразделения, отслужившие определённый период времени, уступали место другим.

Где могут служить волонтёры? Обычно говорят: на охраняемых объектах, в лагерях для военнопленных, на железнодорожных станциях и так далее. Но задачи такого рода уже выполняют служащие Национального резерва, люди также немолодые. Кроме того, рассеяв волонтёров по всей стране, мы не сможем превратить их в эффективные боевые подразделения. Единственный выход я вижу в создании централизованного лагеря, откуда отряды отправлялись бы на задания и куда бы они по выполнении их возвращались. В этом случае волонтёры смогли бы, обслуживая отдельные посты, сохранять эффективность и в качестве квалифицированной армии пехотинцев.

Впрочем, столь значительную военную силу вряд ли стоило создавать лишь для охраны объектов. Подумаем, какие ещё она могла бы выполнять задачи. Мне кажется, для пеших добровольцев трудно подыскать более подходящую работу, чем гарнизонное обслуживание укреплений. Она не потребует от бойца особой подвижности или выносливости, а уж по надёжности и преданности вряд ли кто с волонтёром сравнится. Думается, шестидесяти тысяч пехотинцев будет достаточно, чтобы составить гарнизоны наших главных городов-крепостей: Дувра, Портсмута, Плимута. Организовать снабжение этих отрядов следует исходя из того, что полки будут выходить на службу каждый четвёртый месяц. Убеждён, что собравшись с силами и отказавшись от многих жизненных благ, волонтёр сможет на один месяц из четырёх отлучиться от дома. Поначалу власти будут держать в каждом укреплённом пункте по одному-два полка – пока не убедятся в их боевых качествах. Таким образом, волонтёры

смогут сразу же оказать стране немалую помощь.

Уверен, что позже, когда мы увеличим протяжённость наших коммуникационных линий на Континенте, большое подразделение волонтеров сумеет взять на себя и их защиту.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

18 января 1916 г.

О ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕРАХ

Милостивый государь!

В европейских газетах всё чаще появляются достаточно правдоподобные сообщения о том, что германские цеппелины готовятся к ещё более масштабным бомбардировкам Лондона. Вопрос о том, как нам встретить эту угрозу, обретает огромную важность.

Против любой попытки нанести налётчикам поражение непосредственно в небе над Лондоном, мне кажется, следует возражать самым решительным образом. Чем сбить цеппелин, обрушив его вместе с грузом взрывчатки на крыши огромного города, лучше уже вынести бомбардировку. Он ведь может упасть не на безлюдный пустырь, а в густонаселённый район, где станет причиной массовой катастрофы. С другой стороны, цеппелин, поднявшийся в воздух, трудно перехватить или как-то остановить, прежде чем он достигнет цели. Боюсь, придётся признать: мы не способны ни предотвратить их появление здесь, ни рассчитаться с ними после того, как они сделают своё дело.

Остаётся единственный метод, и он весьма эффективен. Пресечь такие попытки можно лишь показав, что мы способны на удар возмездия и готовы его нанести. Германский дирижабль, поднявшись с аэродрома на востоке Бельгии, должен проделать как минимум 200 миль в каждый конец. При наличии авиационного центра близ Нанси мы к главным населённым пунктам Германии оказались бы куда ближе. Оттуда до Висбадена 100 миль, до Бонна – 130, до Франкфурта – 140, до Кобленца – 120, до Кёльна – 150.

Если Лондон уязвим для ударов с воздуха, то уж эти города – тем более. Мы должны без промедления создать такой авиационный центр, лучшими частями противовоздушной обороны обеспечить ему защиту и через американское посольство в Берлине известить германское правительство о том, что более не намерены терпеть издевательств над своими мирными гражданами и на каждый очередной налёт будем отвечать ударом возмездия.

Такая политика, следуй мы ей изначально, сыграла бы профилактическую роль, была бы лучше, чем месть. Но раз уж дело дошло до мщения, пусть ответственность за кровопролитие ляжет на тех, кто нас сознательно на него спровоцировал. Весь мир был свидетелем британского долготерпения. Пришло время во имя наших детей и женщин положить конец злодеяниям. Если при этом погибнут мирные жители, это будет означать лишь, что своими сознательными действиями одни немцы подписали приговор другим.

Бомбардировка городов Германии должна быть неограниченной: вести её следует вплоть до получения официального обещания полностью отказаться от подобных методов ведения войны. Гунн грозен, лишь когда полагает, будто вправе безнаказанно наводить страх на других. Своим девизом он выбрал выражение «Кровь и железо», имея в виду, что «железо» – его, а «кровь» – чужая. Как только французы произвели ответные рейды на Карлсруэ и Гейдельберг, сразу несколько немецких газет наперебой закричали о том, что такие методы ведения войны бесчеловечны. Более того, немцы действительно отказались от них – но лишь в отношении Франции.

Разумеется, без обсуждения проблемы не обойтись: очевидно, правительство не вправе действовать вопреки общественному мнению. Но опасность надвинулась вплотную, и я вижу только один способ противостоять ей. Если в прессе наметится согласие на этот счёт, власти обретут силу для решительных действий. Действуя быстро, мы, возможно, успеем предотвратить катастрофу. Начнём тянуть время – вынуждены будем всего лишь мстить затем за понесённые жертвы.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 15 января

ПРЕДСКАЗАНИЕ ГОСПОДИНА УЭЛЛСА

Сэр! Я с интересом и сочувствием ознакомился со статьёй господина Уэллса о возможном развитии хода военных действий, но полагаю, что он с излишней лёгкостью отмахивается от мысли, что исход войны может быть решён разгромом немцев на полях сражений. При всей своей дальновидности де Блок, предсказавший окопную войну, оказался не в силах предусмотреть ни мощи современной артиллерии, ни разрушительной силы снарядов – иначе он, наверное, был бы сдержаннее в своих выводах.

К концу сентября британские и французские войска оказались на грани истощения, однако ресурсы союзников – как человеческие, так и технические – значительно возрастут к началу весны. Неоценимый опыт отдельных побед также должен сыграть для нас роль путеводной нити. Главное же, наши войска наконец-то получают защитные средства, которые позволят избежать лишних потерь в ходе штурмовых атак. Ответственность за то, что этого до сих пор не случилось, лежит на совести наших армейских организаторов, поскольку проблема обсуждалась едва ли не с первых дней войны. А на исходе 18-го месяца военных действий канадский полковник пишет мне: «Наконец-то наш полк получил около пятидесяти касок. Случись это раньше, сколько жизней было бы спасено!»

Да, сегодня блоковские окопы действительно неприступны, но кто может поручиться, что завтра они не превратятся в опаснейшую ловушку? Прорыв, осуществлённый внезапным сосредоточием сил и рассекающим ударом мобильной части, позволит захватить не только десятки, сотни орудий, но и тяжёлую артиллерию по всей линии фронта. Единственный манёвр способен разорвать фронт пополам, сделав все его позиции уязвимыми. Сейчас война идёт под диктовку Блока, но не исключено, что история ещё докажет ошибочность его идей. Я, во всяком случае, отказываюсь принять пораженческую доктрину, соглас-

но которой победной в этой войне будет лишь тактика постепенного изматывания противника.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

22 января 1916 г.

ОБ УДАРАХ ВОЗМЕЗДИЯ С ВОЗДУХА (2)

Милостивый государь!

Характеризуя предложение о нанесении ответных ударов с воздуха как «чудовищное», сэр Эдвард Кларк, по-моему, выбирает излишне жёсткое выражение для оценки политики, которую с успехом проводят наши союзники. Кроме того, он грешит против логики, когда утверждает, что раз германские рейды признаны в военном отношении бессмысленными, то и об ответных мерах можно будет сказать то же самое. Цель рейда-2 будет состоять в том, чтобы не допустить повторения рейда-1 и, значит, спасти человеческие жизни. Цель эта совершенно ясна, и я не вижу иных средств для её достижения.

Следует пресекать всякие попытки провести аналогию между нашей акцией и вражескими налётами. Если правительство сочтёт нужным предварить свои действия предупреждением (вроде того, о котором говорил я), то в первых же его строках оно осудит такого рода военные действия как преступные, противоречащие принципам Гаагской конвенции, после чего укажет, сколько раз мы подвергались подобным налётам, приведёт список пострадавших городов и даст точные данные о жертвах среди мирного населения. Завершить документ следует заявлением о нашей решимости нанести ответный удар, подкрепив таковое указаниями на то, что этот удар уже подготовлен. Таким образом мы привлечём на свою сторону мировое общественное мнение и, возможно, доведём до сознания немца ту самую истину, которую, по словам сэра Эдварда, тот до сих пор так и не смог осознать: избранные руководством его

страны методы порочны и повсеместно вызывают одно лишь презрение.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

8 февраля 1916 г.

О ПОЛИТИКЕ ПРЕДНАМЕРЕННОГО УБИЙСТВА

Сэр! Утверждая, будто бы удары возмездия не произведут на немцев воздействия, сэр Ивлин Вуд противоречит их же военной доктрине, которая, не гнушаясь многословием, разъясняет: германское отношение к неприятелю будет всегда определяться способностью того к принятию ответных мер. Сэр Ивлин пытается подкрепить свои аргументы цитатами из высказываний генерала Мармона, забывая, что с тех пор, как они были сделаны, война приняла совершенно иной оборот. В прошлом году соотечественники Мармона, возмущённые преступным отношением к своим военнопленным, прибегли к ударам возмездия и добились отличных результатов.

В ближайшие дни может произойти ужасная катастрофа, после которой уже любые ответные меры окажутся запоздалыми, и ничего, кроме мщения, нам не останется. Я утверждаю, что катастрофу можно предотвратить заявлением о готовящемся ударе, подкрепив его реальными приготовлениями, позволяющими эту угрозу привести в исполнение. Сэр Ивлин допускает (с паразитическим, надо сказать, благодушием), что немцы на самом деле целятся в военные объекты, а жертвы среди мирного населения – это случайное следствие их боевых операций. В таком случае как объяснить случай с «Franz Fischer», когда цеппелин атаковал и потопил мирный катер вместе с 13 членами экипажа? Вправе ли мы усомниться после этого инцидента в том, что речь идёт о политике преднамеренного убийства мирных людей?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 5 февраля

ОБ УДАРАХ ВОЗМЕЗДИЯ

Милостивый государь!

Полностью поддерживаю проводимую Вами мысль о том, что ради предотвращения вражеских воздушных налётов следует пригрозить Германии ответными ударами по её городам, а в случае необходимости и нанести их. Наши оппоненты, выдвигая принцип «игры по правилам», сами ему не очень-то следуют, искажая суть вопроса потому только, что не согласны с самой его постановкой. Досточтимые епископы, лорд Бакмастер, полковник Джексон и другие противники ответных ударов в один голос твердят, будто их целью станет убийство детей и женщин. Это абсолютная чушь. Цель их – в том, чтобы не допустить этих убийств. На сегодняшний день Англия вынесла более тридцати воздушных налётов, в результате которых погибли сотни наших сограждан. Никакого способа остановить убийц до сих пор так и не найдено. Убеждён: если бы уже после первой бомбёжки мы громогласно и гневно осудили этот бесчеловечный метод ведения боевых действий, намекнув, что при всём отвращении к таковым вынуждены будем для самообороны к ним всё же прибегнуть, повторения бы не последовало, и жизни наших женщин и детей оказались бы спасены. Сделать это не поздно даже сейчас, и наоборот: если мы не продемонстрируем свою способность к нанесению ответных ударов, немцы ужесточат бомбардировки. Ведь нашу сдержанность они объясняют всего лишь бессилием, будучи неспособны понять, что есть на свете глупцы, которые, имея все возможности защитить своих граждан контрударом, удерживаются от такового из соображений ложно понятого благородства.

Опять-таки мы вовсе не предлагаем избрать своей целью гражданское население. Удары должны быть нанесены по Кёльну, Кобленцу и другим укреплённым рейнским городам, которые являют собой средоточие коммуникационных узлов с железными дорогами и мостами стратегической важности. Если в ходе этих боевых операций пострадает и гражданское население,

что ж, тем больше вероятность того, что немцы, познав те самые чувства, которые испытываем сейчас мы, пересмотрят свою преступную политику. С другой стороны, если мы не предпримем столь очевидных профилактических действий и немецкие налёты продолжатся, всю ответственность за жертвы среди нашего мирного населения, я считаю, следует возложить на тех, кто помешал принятию мер, которые только и способны подействовать на врага.

Аргумент о том, что самолёты могут понадобиться нам для выполнения других задач, не заслуживает внимания. Оборонные нужды страны обеспечены мощными силами авиации. Но лучшая защита – это нападение, и мы вправе использовать для этого хотя бы часть самолётов.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

21 февраля 1916 года

«Таймс»

20 марта 1916 г.

УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Сэр! В то время, как волонтеры старательно постигают азы военного искусства, семейные рекруты из Дербши ещё и не удосужились приступить к учениям. Если бы, как предлагалось в своё время, действия двух этих подразделений были согласованы, и те и другие одинаково преуспели бы в военной учёбе. Теперь способствовать этому сможет разве что постановление министерства обороны, согласно которому бойцов неподготовленных будут призывать на службу прежде, чем волонтеров, получивших от командира свидетельство о прохождении курса начальной воинской подготовки в составе таких-то отделения, взвода, роты. Ежевечерние учения плюс воскресный марш-бросок наверняка помогут рекрутам завершить военную учёбу без отрыва от семьи и работы. Работа им предстоит тяжёлая, но в качестве альтернативы досрочному призыву, она, несомненно,

будет воспринята с энтузиазмом. Вот только нельзя ли приступить к ней уже сейчас, пока холостые волонтеры всё ещё проходят последние сборы?

О компетентности инструкторов, которые работают с волонтерами, я могу судить исходя лишь из собственного опыта, связанного с конкретной ротой. Могу утверждать, что все без исключения солдаты, призванные от нас на службу, почти сразу же получили сержантские нашивки. В том, что офицеры и солдаты, прошедшие по 250 боевых учений, познали азы военных специальностей, не может быть никаких сомнений.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 18 марта

«Дэйли кроникл»

2 мая 1916 г.

СДАЧА КУТА

Сэр! Хотелось бы надеяться, что сдача Кута будет воспринята общественностью в общем контексте хода войны. Речь идёт о потерях, сравнимых с теми, которые немецкая армия на Верденском фронте несёт ежедневно. Наши люди погибли не зря; они выполнили свою часть общей стратегической задачи, поскольку сумели отвлечь на себя значительное (и постоянно возрастающее) число турецких войск, облегчая задачу как России, так и Египту. По-видимому, постоянное присутствие армии генерала Лейка южнее Багдада будет и в дальнейшем оказывать тот же эффект.

Нет ничего отвратительнее, чем вопли тех, кто пытается осмеять смелую военную вылазку, закончившуюся неудачей. Подобная критика, если её воспринимать всерьёз, угрожает любую инициативу, поставив под сомнение самые блестящие триумфы, которые только знает история войн. Что бы сказали эти наши нытики о парадоксальном манёвре Наполеона, который, зная о британском преимуществе на море, перебросил армию из Марселя в Египет? Или (если обратиться к свежим примерам) о бро-

ске британской кавалерии, от Тель-аль-Кебира без прикрытия двинувшейся к Каиру? Война требует риска, и те, кто осуждают его, оплакивая отдельные неудачи, подрывают саму основу будущих успешных инициатив. Мы проиграли у Галлиполи, где пошли на оправданный риск; потерпели временную неудачу и у Багдада. Не станем же опускать рук: придёт день, и фортуна вновь к нам повернётся лицом. Прийти к победе можно только таким путём.

Главное же, сохраним сплочённость. Сердце болит от всех этих бесконечных распрей. Найдётся ли безумец, который осмелится утверждать, будто наш Кабинет не желает победы в войне? Готов ли кто-нибудь оспорить тот факт, что правительство объединило в себе людей высокого интеллекта, которые обладают волей, знаниями и возможностью обратиться при случае к лучшим экспертам? Может ли кто-нибудь, наконец, предложить любой другой состав правительства (за исключением коалиционного), который немедленно не вверг бы страну в состояние кризиса? В таком случае какой смысл во всей этой придиричливо-злой критической кампании? Каждый вправе предлагать собственные методы и решения. Но многие наши газеты и деятели изрыгают одну только брань. Чего они смогут этим достичь? Помогут ли британскому правительству, воюющему с Германией, выстрелы в спину от своих же сограждан?

Было время, когда нашим национальным символом считался бульдог. Собственно, народ в целом, хоть и поддаётся иногда на обман, сохраняет прежние единство и твёрдость. Но пресса и кое-кто из политиков больше напоминают щенков, скулящих в корзинке. Впрочем, они – «пена», не более. Мы же стиснем зубы и будем сражаться молча. Так делали наши отцы. Это у нас в крови.

Артур Конан-Дойль

Портман-Лодж, Борнмут
29 апреля 1916 года

О ПРАВОСУДИИ В ИРЛАНДИИ

Сэр! Нельзя не согласиться с Вашими справедливыми замечаниями о том, как опасно было бы способствовать возникновению в Ирландии культа жертв политического преследования. С другой стороны, необходимо признать, что там были совершены жестокие убийства, и если преступники не понесут суровое наказание, ирландское правосудие превратится в фарс. Что можно сказать о расстрелянных на месте пожилых ветеранах, о восстании даже и не слыжавших? О безоружных офицерах, убитых на улицах Дублина? О никому не угрожавшем полисмену, застреленном у Касл-гейта? О приехавших на лечение раненых, которые погибли, вступившись за посторонних? О кэбмене, застреленном у входа в отель «Шелбурн»?

После этого никакие усилия по выявлению негодяев не покажутся чрезмерными. Вот только судить их нужно не как повстанцев (что действительно создало бы им мученический ореол), но как подлых убийц.

А. Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

6 мая 1916 года

«Глазго геральд»

23 июня 1916 г.

О ПРОЕКТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ТУННЕЛЯ ПОД ПРОЛИВОМ

Милостивый государь!

Говорят, народам приходится расплачиваться за грехи, но глупость обходится им дороже. Расплаты заслуживаем и мы, потому что по недомыслию отказались от заведомо выигрышного предприятия, позволив запугать себя смехотворнейшей угрозой неприятельского вторжения через кроличью нору длиной

в 26 миль. Поистине глупость народная нашла здесь себе наивысший предел. С того дня, как (после Агадира) вероятность войны с Германией возросла, я направил три различных обращения – в военное ведомство, в Адмиралтейство и в Совет национальной обороны, – в которых доказал огромную важность наличия такого туннеля для обороноспособности государства. Предугадав угрозу со стороны субмарин, я показал и то, как устранил бы её туннель. Я утверждал, что поскольку нашим коммуникационным линиям с этих пор не страшна будет непогода, значительную часть флота (не говоря уже о кораблях-конвоях) можно будет освободить для выполнения других задач. Наш сегодняшний дефицит тоннажа во многом и объясняется тем, что сделать этого не удалось. Не знаю, сколько было бы сэкономлено десятков миллионов фунтов, если бы хоть одно из трёх упомянутых учреждений встретило мои аргументы с сочувствием. Ведь у нас была возможность построить туннель до начала войны. Сейчас, когда стало ясно, что единственная волна отравляющего газа, пущенного в туннель, уничтожила бы там целую вражескую армию, остаётся надеяться, что нелепые ужасы, которыми нас пугали, отомрут сами собой и по окончании военных действий здравый смысл в решении этого вопроса наконец-то восторжествует.

Артур Конан-Дойль

«Таймс»

28 июля 1916 г.

НАТЕЛЬНАЯ БРОНЯ И ЩИТЫ

Сэр! Минул год с того дня, как Вы позволили мне высказать некоторые соображения относительно нательной брони. Насколько я могу судить, ничего с тех пор сделано не было, но намечился всё же прогресс: сам министр обороны выразил мнение, что нечто подобное когда-нибудь, возможно, появится. Мне этот вопрос представляется архиважным, и я искренне надеюсь, что Вы используете всё своё влияние, дабы не позволить властям о нём позабыть.

1 июля несколько наших дивизий были остановлены пулемётным огнём. Оне понесли тяжелейшие потери, причём артиллерия не сыграла в этом особой роли – прицельный траверс составлял лишь 250 ярдов. Проблема, следовательно, сводится к тому, чтобы защитить наших людей, насколько это возможно, от обстрела примерно с таких расстояний. Немецкие окопы на передовой не имели глубокой поддержки, так что, прорвавшись через «мёртвую зону», наша пехота не встретила бы затем сопротивления.

Осмелюсь предположить, сэр, что поставь мы эту задачу перед тремя неглупыми инженерами, они за несколько дней сконструировали бы щит, укрывшись которым, значительная часть наступавших благополучно преодолела бы путь к окопам. В пользу такого вывода свидетельствуют неоспоримые факты. Стальной лист толщиной $\frac{7}{16}$ дюйма непробиваем выстрелом в упор; тем более он отразит пулю, летящую под углом. Пусть это будет щит вроде того, что использовали римляне – размером два фута на три. Да, он будет весить более тридцати фунтов, и что же? Путь у бойца недолог, спешить некуда – целый день впереди. Продвижение на одну милю в течение суток считается по меркам современной войны вполне успешным. Почему бы солдату и не тащить перед собой даже очень тяжёлый щит, если за ним действительно можно укрыться?

Допустим, что такие щиты будут выданы лишь бойцам первой штурмовой линии, вооружённым лишь связками гранат для подавления пулемётов. За ними последует вторая линия атакующих – с винтовками и, возможно, уже без щитов. Она захватит окопы, очистит их от неприятеля, а тяжеловооружённые пехотинцы будут тем временем отдыхать, готовясь к наступлению на следующую линию обороны. Разумеется, без ранений в руки-ноги мы бы не обошлись; наверное, взрывными средствами враг также сумел бы нанести нам урон. Но, осмелюсь предположить, с этого дня сообщения о том, как несколько британских дивизий оказались отброшенными пулемётным огнём и шрапнелью, стали бы совершенно невыносимыми. Почему бы не испытать этот метод уже сейчас? Особых изощрений для этого не потребуется – достаточно будет обрезать стальной лист до нужных размеров и снабдить его перевязью-рукоятью. Преимуще-

ства щитов перед натальной бронёй очевидны: их можно разворачивать во всех направлениях, выставлять в качестве экрана над ранеными для защиты от снайперского огня.

Используемых сейчас личных средств защиты недостаточно. Кроме того, мне понятны чувства человека, который может позволить себе купить такое средство, но не решится надеть его на себя, видя, что ничего подобного нет у товарищей. Между тем мне приходилось читать письма людей, которым простейшие щитки спасали жизнь. Давайте же в порядке эксперимента (причём сейчас же) оснастим батальон настоящей бронёй. Только она, наконец, уравнивает шансы атакующих и обороняющихся.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 25 июля

«Волонтир трэйнинг корпс газетт»

26 июля 1916 г.

ВОЛОНТЁРЫ И УНИФОРМА

Сэр! Трудно поверить в серьёзность идущей сейчас дискуссии относительно замены нынешнего волонтёрского обмундирования на «хаки». Зачем менять форму, которую мы только что купили, понеся при этом значительные расходы? Почему вообще мы должны отказываться от того, что прямо ассоциируется с нашей благородной службой? Убеждён, что эта идея среди личного состава будет крайне непопулярна.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

22 июля 1916 года

И СНОВА О НАТЕЛЬНОЙ БРОНЕ

Милостивый государь!

Я получил много писем, касающихся обсуждаемого вопроса. «Мы часто говорим на эту тему, – пишет испытанный в боях офицер, – и сходимся на том, что необходимо изготовить хоть какие-нибудь бронированные щитки для личного пользования». Неужели наша страна, всегда славившаяся изобретательностью инженерной мысли, не в силах удовлетворить повсеместную потребность такого рода? Простейшая пластинка, наброшенная на шею, – и та будет лучше, чем ничего. Давайте изготовим хоть что-нибудь для скорейшего использования, а совершенствованием конструкции займёмся позже, по мере возможности. Прояви мы в этом деле хотя бы половину той энергии, с какой внедрялись противогазы, вопрос был бы решён. А ведь он имеет решающее значение не только для спасения человеческих жизней, но и для наших дальнейших побед. Главное, помочь штурмовикам прорваться через «мёртвую зону» – всё остальное уже не составит труда.

Мистер Вудворд в своём письме утверждает, что я недооценил вес щита. Не сомневаюсь в том, что он прав, но я ведь и не претендовал на точность выкладок. Если боец сможет нести своё бронезащитное средство, так ли уж важно знать его точный вес? Тем более что массивность имеет и свои преимущества: импульс пули, бьющей в лёгкую сталь, который может передаться телу и вызвать шок, будет поглощён тяжёлым щитом. Кстати, я получил информацию о том, что добавлением определённых элементов можно добиться утоньшения стали: это значит, что размеры, о которых я говорил, можно сократить, не подвергая риску жизненно важные части тела. Допустим, щит будет весить 80 фунтов; боец без амуниции (не считая шлема и сумки с гранатами) вполне справится с такой ношей. Затем можно было бы приступить к разработке специальных приспособлений для смычки отдельных щитов и обеспечения фланговой защиты.

Полковник Ньюэлл обращает внимание на трудности, свя-

занные с транспортировкой подобных тяжестей. Полагаю, подвозить их можно будет в грузовиках, как мы это делаем с тяжёлыми боеприпасами. Были бы щиты, а уж наши доблестные снабженцы найдут способ доставить их к линии фронта. Главное сейчас – прекратить разговоры и делом помочь нашим солдатам выстоять под пулемётным огнём.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

31 июля

«Обсервер»

20 августа 1916 г.

О НАТЕЛЬНЫХ ЩИТАХ

Сэр! Приведённое Вашим корреспондентом мнение лорда Сайденхэма относительно того, что использование бронешита для сердца не «даст преимуществ при ведении боя» столь странно, что истолковано может быть лишь как недоразумение. Разве сохранение солдатской жизни не есть уже маленькая победа? Сколько раз наши временные удачи оборачивались поражениями из-за того только, что отряд, взяв рубеж, оказывался столь ослаблен потерями, понесёнными при наступлении, что не в силах был удержать завоёванных позиций? Что же касается невозможности для солдата, получившего удар пули в нагрудный щиток, продолжать бой (должно быть, это лорд Сайденхэм имел в виду), то позволю себе привести дословно рассказ одного сержанта.

«Мы свернули за угол. Лежавший у дальнего конца стены немецкий пулемётчик развернул свою адскую машину и тут же прострелил мне ногу. Я не стал останавливаться, но, почти уже до него добравшись, ощутил два удара в области сердца. Опять-таки, не мешкая, я ударил его штыком и лишь затем сел, чтобы осмотреть раны. С ногой дело было плохо, зато, расстегнув левый нагрудный карман с парой отверстий, я увидел, что обе пули пробили металлическое зеркальце и портсигар, но застряли в книге, которую я также нёс на груди».

Итак, раненный в ногу сержант смог продолжить путь в составе роты после того, как выдержал два пулевых удара в область сердца. Может быть, и он не получил «преимуществ при ведении боя»? Отчего же не создать специальные защитные средства, которые как минимум не уступали бы по эффективности зеркальцу с книжкой? Стоит заметить, что в данном случае выстрелы производились с близкого расстояния и были куда опаснее огня, которым обстреливаются предокопные «мёртвые зоны». Я не хочу сказать, что нагрудные пластины – предел наших мечтаний: наверняка можно сделать кое-что и получше. Мне лишь хотелось бы показать, что возражения лорда Сайденхэма (если они соответствуют цитатам, появившимся в прессе) с реальным положением дел не имеют ничего общего.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

13 августа

«Таймс»

4 сентября 1916 г.

ФИЛЬМЫ ИЗ СОММА

Милостивый государь!

Мнение настоятеля Дерхэма представляется мне в высшей степени странным, и, думаю, с ним не согласится большинство наших граждан. Разве, увидев наших солдат в деле, мы не сможем глубже оценить их мужество, проникнуться сочувствием к их тяготам, оплакать жертвы? Такие фильмы – памятник героизму. Родственники людей, которых мы видим на экране, ежедневно заполняют кинотеатр до отказа; вряд ли хотя бы один из них усмотрит в такой демонстрации нечто кощунственное. Тут имеется лишь один недочёт, и притом очевидный. Следует указать имя, а возможно, и поместить снимок мужественного оператора, рисковавшего жизнью ради создания этого исторического документа.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 1 сентября

СООБЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ФОН АРНИМА

Сэр! Перехваченное сообщение генерала фон Арнима, в котором он оценивает действия британских пехоты, артиллерии и авиации, даёт нам все основания поздравить себя. Поскольку мнения эти были высказаны в конце июля, можно предположить, что автор лишь укрепился в них после наших побед в августе-сентябре. Однако один знаменательный аспект заметок прусского генерала, как мне представляется, не был у нас удостоен внимания, которого бы заслуживал. Речь идёт о привычке, с какой фон Арним британские методы ведения войны уже начинает считать германскими. Мы вновь понимаем, что не только в коммерческих делах, но и в военной науке немец по натуре своей – имитатор, а не созидатель, и к творчеству он способен лишь в тех областях, где заранее оградил себя от конкуренции. Тот факт, что в одном только этом отчёте косвенно признаётся наше неоспоримое преимущество во множестве военных аспектов, может рассматриваться как похвала всему нашему народу и комплимент в адрес британского командования. Примеров тому множество.

В одном месте генерал восхищается британской обувью, в другом призывает соотечественников учиться у нас ухаживать за винтовкой. Он высказывается за использование ручных пулемётов (каковыми мы себя давно обеспечили), говорит о том, как важно воспитать в солдате способность постоять за себя самостоятельно (заметим: британская военная доктрина изначально ставила во главу угла личные качества бойца в противовес слепой дисциплине), хвалит каски, которыми (судя по фильмам из Сомма) германская пехота всё ещё не обеспечена.

Признание генерала Арнима о том, что мы победили врага не только оружием, но и силой мысли, также должно польстить нашему самолюбию. Очень скоро, открыв новую, танковую страницу военной истории, мы эту истину подтвердим ещё раз. Учитывая опыт в других сферах жизни, можно с уверенностью

предположить, что немцы немедленно и тут нас скопируют, причём сделают это превосходно. Мы же используем это время для разработок новых моделей, и так будем опережать противника постоянно. Прежде, однако, мы ко всем нашим преимуществам должны будем присовокупить средства индивидуальной защиты (броню или щиты), в коих, на мой взгляд, ощущается насущнейшая необходимость. Раз мы сумели защитить голову бойца каской, никто сегодня не сможет уже утверждать, будто нельзя прикрыть бронёй и солдатское сердце.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Фрименс джорнэл», Дублин
31 октября 1916 г.

ИРЛАНДИЯ И ВОЙНА

Милостивый государь!

Осознают ли в полной мере граждане Ирландии всю степень стыда и гнева, которые испытывают британцы ирландского происхождения по поводу нынешнего безобразного положения дел, когда из-за безмозглого политиканства боевые ирландские дивизии практически лишены свежего пополнения? Если политики могут позволить себе тянуть время, то война не ждёт, и события ближайших месяцев покажут, какое место предстоит занять Ирландии – как в границах Империи, так и во мнении цивилизованных европейских народов. Уже сегодня ирландцы утратили всякое ощущение сообразности до такой степени, что, руководствуясь всего лишь ощущением национальной ущемлённости (которое, казалось, вот-вот будет излечено), принялись воевать на стороне турок, болгар и пруссаков. Даже если они уже не считают себя лояльными к Британской империи, разве жертв, понесённых Бельгией, или трагедии искалеченной Франции не достаточно, чтобы тронуть благородное сердце? Думаю, и ирландцы всё же стряхнут с себя эту отвратительную апатию. Страна, которая богатеет исключительно за счёт про-

дажи своей продукции Британии и отказывается при этом исполнять элементарные обязательства, являет собой неприглядное зрелище. Ирландцы, если они действительно желают гомруля, должны понять, какое это безумство – друзей своих обращать во врагов, восстанавливая против себя всех, кто боролся за решение ирландского вопроса. Ирландии грозит утратить не только плоды тридцатилетней политической работы, но и свою национальную честь.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

29 октября

«Таймс»

6 февраля 1917 г.

СОЛДАТЫ В ЛОНДОНЕ (1)

Сэр! Неужели нельзя как-то призвать к порядку порочных женщин, которые охотятся в Лондоне за нашими солдатами и заражают их своими болезнями? О том, как эти гарпии (благодаря агитации добросердечных глупцов получившие право свободно заниматься своим грязным делом) заманивают поодиночке солдат к себе в номера, опаивают их отвратительным зельем, которое держат у себя же для этой цели, и затем заражают их, рассказал мне знакомый констебль по особым поручениям, работающий в том районе столицы, где сосредоточены притоны. Мы закрываем музеи (к более жалкой экономии не прибегала, наверное, ещё ни одна великая держава), зато двери борделей у нас нараспашку! Молодой человек из дальних краёв, получивший возможность первый и, наверное, последний раз в жизни провести несколько дней в самом сердце нации, не увезёт с собой впечатлений о шедеврах искусства и античных сокровищах. Зато в клоаку британской столицы его окунут насильно. Отдавая должное Клубу Юнион-Джека, Союзу молодых христиан и другим организациям, пытающимся изменить существующее положение дел, хочу заметить, что это – вопрос законодательст-

ва, а не частных инициатив. Мы отплатим нашим колониям чёрной неблагодарностью, если после всего, что они для нас сделали, вернём им их сыновей большими душой и телом.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

10 февраля 1917 г.

СОЛДАТЫ В ЛОНДОНЕ (2)

Милостивый государь!

Судя по письмам, идущим ко мне сплошным потоком, англичане наконец осознали весь ужас нынешнего положения дел. Для тревоги имеются все основания. Придёт время, и братские народы спросят Англию: «Как позаботилась ты о юношах, посланных нами в помощь тебе?» Нелегко же ей будет найти ответ. Сможет ли она, подобно епископу Лондонскому, заявить, что «многие из них сами напросились на неприятности»? Вряд ли это оправдает тот факт, что мы спровоцировали этих солдат, предложив им соблазн, перед которым трудно устоять любому мужчине. «Тротуары полны женщин, поджидающих жертв; многие зазывают к себе мужчин из окон среди бела дня, другие пытаются силой затащить их вовнутрь. Полицейские, которых вокруг немало, похоже, беспомощны..». Что ответим мы гражданам британских колоний, когда те бросят нам укор? Промямлим, что и свою молодёжь столь же легко и бессмысленно принесли в жертву пороку? Каким же жалким будет такой ответ!

При всём уважении к епископу Лондонскому, я считаю, что его предложение – считать для солдата заражение венерическим заболеванием нарушением воинской дисциплины – может возыметь на практике опаснейшие последствия. Солдат, естественно, попытается скрыть болезнь и останется в результате калекой. А вот если бойцам в рамках воинской подготовки организовать демонстрацию фотоснимков, иллюстрирующих возможные последствия запущенных венерических заболеваний, это может

произвести отрезвляющий эффект. Кроме того, мне представляется очевидным, что любая попытка скрыть болезнь (тем самым подвергнув риску заражения окружающих) должна рассматриваться как уголовное преступление и караться весьма сурово.

С женщинами – другое дело. Я не вполне понимаю епископа, когда он употребляет выражение «по-христиански», одну форму принуждения оправдывая перед другой. Этот неуместный, как мне представляется, оборот лишь запутывает и без того сложный вопрос. Строго говоря, выдворить этих дам из тёплых, ярко освещённых залов на заснеженные улицы было бы, и верно, не по-христиански. Тем более что существуют сомнения относительно эффективности перемещения этих женщин туда-сюда: таким образом можно лишь способствовать распространению заразы по новым районам. Что же касается якобы не оправдавшей себя «концентрационной» практики, то примечательно, что почти все европейские (и христианские, между прочим) народы продолжают ею пользоваться. Думаю, правильнее было бы сказать, что система не оправдала себя лишь отчасти, чему есть две причины: продажность полиции и попустительство местных властей. Не может быть сомнений в том, что болезнь (душевную или физическую) проще лечить под карантином, нежели в условиях, обеспечивающих ей полную свободу распространения.

Однако существующее положение дел требует более быстрых и решительных мер. Продажная женщина – враг нации, и отношение к ней должно быть соответствующим. Необходим законопроект, который бы дал полиции право повсеместно интернировать проституток и содержателей борделей вплоть до окончания войны и далее в течение полугода. Все женщины, признанные опасными, должны быть отправлены в заключение. Необходимо обеспечить им общественно полезную работу с хорошей зарплатой и доброе отношение при строжайшей дисциплине, которую обеспечивал бы женский штат. Таким образом, проклятие пусть временно, но обернётся для нас благословением. Мы очистим и улицы Лондона, и нашу совесть, поскольку с полным правом сможем утверждать, что сделали всё от нас зависящее. «Я готова была отдать его тело моему королю, но теперь я препоручаю ему и душу сына!».».

Слова обезумевшей от горя матери не должны для нас прозвучать впустую.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

8 февраля

«Таймс»

17 февраля 1917 г.

СОЛДАТЫ В ЛОНДОНЕ (3)

Сэр! В основе заявления исполнительного комитета Национального совета по борьбе с венерическими болезнями кроется, как мне кажется, непонимание сути проблемы. Неправомерно говорить о «провале» политики, которой не было и в помине. Ни в столице, ни в других городах, насколько я знаю, изолировать проституток от общества на значительный срок даже и не пытались. Говоря же об интернировании, я имел в виду не формальную сегрегацию, а размещение этих женщин в специальных лагерях или поселениях, где они смогли бы честно и в хороших условиях выполнять полезную для страны работу, не распространяя заразу – моральную и физическую. Пришло время срочных и радикальных мер. Пока мы пишем и говорим, яд действует.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

15 февраля

«Нью-Йорк таймс»

2 марта 1917 г.

«БРИТАНСКАЯ КАМПАНИЯ ВО ФРАНЦИИ»

Сэр! Незнакомый доброжелатель выслал мне номер Вашей газеты, редакторская колонка которой посвящена моей недавно вышедшей книге «Британская кампания во Франции». Не стану

оспаривать вердикт критика; замечу лишь, что приведённые мною факты взяты из реально существующих документов. Есть лишь два момента, по поводу которых мне хотелось бы высказаться. Ваш критик недоволен тем, что я не уделил больше внимания участию в войне других стран. Помешали мне сделать это, во-первых, заранее установленные (уже в заголовке) рамки исследования, а во-вторых, отсутствие соответствующей информации вроде той, что имела у меня о британских войсках. И ещё. О том, что бурскую войну я назвал «великой», автор пишет со снисходительной усмешкой. Он, возможно, не знает, что была ещё и бурская война 1881 года. Мне же всего лишь требовалось установить между ними разницу.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

**«Дэйли кроникл»
19 апреля 1917 г.**

О ПРЕВОСХОДСТВЕ БРИТАНСКОГО СОЛДАТА

Милостивый государь! Было бы нелишне напомнить Вашим читателям, насколько основательно и повсеместно британский солдат превзошёл в нынешней войне солдата немецкого.

После глупой шутки кайзера и насмешек германской прессы над нашими усилиями по созданию армии пришло время обратиться к реальным цифрам. Оне, между прочим, свидетельствовали бы в нашу пользу ещё более убедительно, если б не потери первой недели войны, когда мы оказались перед противником, численно превосходившим нас в отношении пять к одному.

Военнопленных у нас почти вдвое больше: британцев в Германии около 34 тысяч, у нас немцев – около 70 тысяч. Лишь у Монса (когда за одну неделю мы потеряли почти 15 тысяч) немцы захватили в плен значительное число наших солдат. С другой стороны, на Марне, при Лоосе, многократно у Соммы, на Анкре и теперь у Арраса и хребта Вими мы брали немцев тысячами.

По числу захваченных орудий наше преимущество ещё более

очевидно. Отступая у Монса, мы потеряли в общей сложности около 60 пушек – в основном у Ле-Като (где потерпели поражение, но не посрамили славы своего оружия). Для того чтобы пересчитать потери, понесённые после этого, хватило бы пальцев одной руки. Два орудия – при Ла-Бассе в октябре 1914 года, четыре – 23 апреля 1915 года во время газовой атаки, возможно ещё что-то там и тут. Так или иначе, общие потери тяжёлой артиллерии не превысят семидесяти единиц.

Сами же мы только в ходе текущих боёв захватили 200 орудий. 140 неприятель оставил при Сомме. Восемь пушек было взято в ходе операции с участием батареи «L», четыре – в результате кавалерийской атаки днём позже. Шесть орудий линкольновцы захватили 9 сентября, ещё дюжина (в основном пришедших в негодность) пушек досталась нам после отступления немцев при Марне. 21 орудие было взято у Лооса. В целом мы захватили примерно 400 единиц тяжёлой артиллерии против 70 потерянных.

Хорошо было бы обнародовать эти цифры в тех малых нейтральных странах, чья общественность ещё не осознала тот факт, что германский солдат встретил, наконец, своего победителя. Суеверное представление о превосходстве прусской военной машины, и прежде основывавшееся на шатком фундаменте, разрушено навсегда.

Отдавая должное некоторым несомненным военным достоинствам неприятеля, мы вправе сделать недвусмысленный вывод: бесстрашные рабы, ведомые хитроумными бесами, могут и должны быть биты свободными гражданами, которых в бой ведут джентльмены.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
18 апреля 1917 года

УГРОЗА ОТ СУБМАРИН

Сэр! Понимая весь вред необоснованного оптимизма, я всё же предлагаю учесть и взвесить все факторы, прежде чем переходить к оценке реальной угрозы, о которой заговорили в связи с последними потерями в нашем торговом флоте.

Само по себе случившееся, мягко говоря, неприятно, но не стоит сгущать краски. Если бы число жертв начало возрастать последовательно, в некой прогрессии, у нас были бы основания бить тревогу. Но оне всего лишь удвоились в ту неделю, когда число наших стычек с субмаринами возросло с 13 до 26. Поскольку немцы не могли столь внезапно увеличить численность своего подводного флота, остаётся предположить, что пара прежде сменявших друг друга боевых групп на этот раз вышла в море одновременно.

Цель ставки на временный успех ясна: им нужна первомайская показуха с тем, чтобы убедить наиболее легковверную часть своих граждан в близости победного завершения войны. Если моё предположение верно, то за высокими показателями вскоре последуют крайне низкие, отчего и получится привычная средняя цифра.

Так что в конечном итоге приободрить немцев по-настоящему могут лишь панические нотки, появившиеся в голосах некоторых наших общественных деятелей.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Белфаст ивнинг телеграф»

17 июля 1917 г.

О «ЗАСЛУГАХ» ПАРТИИ ШИНН ФЕЙН

Сэр! За несколько лет своего существования партия Шинн Фейн совершила немало «замечательных» дел.

Она спровоцировала разрушение части столицы собствен-

ного государства; привела к расколу единый ирландский Юг; весьма укрепила позиции северян (тем уже, что оправдала наихудшие их опасения); по мере сил развеяла по ветру результаты кропотливой пятидесятилетней работы над конституционной реформой.

Ей остаётся теперь разве что объявить войну всей Британской империи. Стоит иметь в виду, однако, что последняя сумела вывести на поля сражений пять миллионов человек и не преминет сделать это вновь, вздумай кто преградить ей путь к океану. Наверное, тогда только и остановится партия Шинн Фейн, замкнув порочный круг собственного безумия. Хочется спросить в связи с этим: была ли в британской истории партия, которой удалось бы в короткий срок причинить Ирландии столько вреда?

А. Конан-Дойль

Литературное приложение к «Таймс»

26 июля 1917 г.

О БРИТАНСКОЙ КАМПАНИИ 1915 ГОДА

Сэр! Ваш обозреватель в своей милой рецензии на мою книгу «1915» замечает, что я за деревьями не увидел леса – другими словами, деталям уделил больше внимания, чем соображениям общего толка. Наверное, это так. Замечу лишь, что и он проявил ту же слабость, посвятив значительную часть статьи обсуждению правомерности использования термина «двусторонний», не удосужившись при этом отметить, что речь идёт о первом авторе, без всякой официальной поддержки проанализировавшем (на всех уровнях – армейском, дивизионном, бригадном и батальонном) действия британских сил в двух величайших сражениях нашей истории.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

БРИТАНСКИЕ ЖЁНЫ НЕМЦЕВ (1)

Сэр! Как президент Ассоциации по реформе брачного законодательства я получаю немало писем от людей, оказавшихся жертвами известных правонарушений, Королевской комиссией осуждённых, но до сих пор не исправленных. Набирающее силу общественное движение, надеюсь, встретит понимание со стороны правительства и добьётся того, чтобы участь всех сегодняшних разделённых семей была, наконец, решена разводом. Стерилизовать значительную часть общества как раз в момент, когда численность его сократилась, недопустимо как с практической, так и с гуманитарной точек зрения. Впрочем, есть тут особая группа страждущих, чья проблема заслуживает самого пристального внимания. Речь идёт о британских жёнах немцев – женщинах, которые вправе (если, конечно, сами того пожелают) освободиться от уз, представляющихся им сегодня ужасными и противоестественными. «Даже в письмах издалека этот человек не может удержаться от оскорбительных замечаний по поводу моей национальности, – пишет мне одна из них. – Я выходила замуж по английскому закону, но теперь, когда он покинул меня, вынуждена подчиняться закону германскому». «Как бы хотелось мне покончить с этой невыносимой ситуацией, когда ты становишься чужой среди своих», – пишет другая. Неужели горькие слова этих несчастных женщин не будут услышаны в коридорах власти? Германия наверняка примет ответные меры, но если немец-муж в отношении жены-британки испытывает одно только желание развестись, таковому стоило бы лишь способствовать. Главная трудность в этом случае (как и во всех остальных, касающихся развода) заключается в том, что речь идёт о сравнительно небольшой группе людей. Если у нашей общественности не хватит воображения (чтобы в полной мере осознать беду) и благородства в стремлении помочь этим женщинам, положение их станет действительно безнадёжным.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
21 августа

«Таймс»
28 августа 1917 г.

БРИТАНСКИЕ ЖЁНЫ НЕМЦЕВ (2)

Сэр! Аргумент «американки», считающей, что жена-британка не вправе покинуть немца-мужа потому лишь, что обе стороны в своё время дали клятву верности, был бы уместен в том только случае, если бы не существовало такого понятия, как развод. Поскольку гражданское законодательство любой цивилизованной страны признаёт, что при определённых обстоятельствах брачный союз может быть расторгнут, остаётся лишь установить, является ли противоестественная ситуация, когда женщина вынуждена сохранять брак с врагом, теряя ощущение принадлежности к своему народу, достаточным основанием для развода.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
25 августа

«Таймс»
8 сентября 1917 г.

РАЗВОД И РАЗДЕЛЁННЫЕ СЕМЬИ

Милостивый государь!

Доктор Джонсон* заметил как-то, что более всего раздражает нас спорщик, который, когда ему скажут: «Сад не плодоносит», непременно докажет, что пять яблок в этом саду всё-таки выросло. Профессор Уитни, оспаривая моё утверждение о том, что наше брачное законодательство самое реакционное в мире, сообщает: в Италии (точнее, некоторых её провинциях) развод невозможен вообще, а в Австрии разводиться разрешено лишь некаатоликам.

* Самюэль Джонсон (1709–1784) – английский писатель и языковед, автор первого толкового словаря английского языка в 2-х томах (П.Г.).

Всем известно, что развод в принципе противоречит традициям Римской католической церкви и что законы государств, большинство населения которых составляют католики, не предусматривают возможности расторжения брака. Мой аргумент, однако, остаётся прежним и состоит в следующем: лорд Галифакс, полагая, будто ни одна истинно христианская страна не имеет столь либерального брачного законодательства, как наше, тем самым лишает права считать себя христианскими ведущие народы мира, за тем как раз незначительным исключением, о котором упомянул профессор Уитни. Мне всё это представляется верхом религиозного чванства. Помимо Италии, кого ещё – французскую часть Канады или, может быть, Австрию профессор хотел бы поставить в пример Британии, являющейся колыбелью свободы и прогресса?

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль,

Президент Союза за реформу
брачного законодательства
Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
6 сентября

«Эмпайр ньюс»
16 сентября 1917 г.

НАСИЛИЕ И БРАК

Сэр! Не меньше любого священнослужителя я желаю влюблённым, соединившимся благословенными узами брака, оставаться в нём навсегда. Трудно, однако, смириться с мыслью о том, что Господь Бог захотел бы насильно удерживать в брачном союзе безумцев, пьяниц и садистов, которые истязают друг друга, детей своих и всех окружающих. Цитата из какой-то речи на Трентинском соборе 1545 года – не самое лучшее утешение мужу, судьбой осуждённому на пожизненное одиночество с неизлечимо безумной женой, или женщине, которую муж-хулиган постепенно вгоняет в могилу. Законопроект, рассматриваемый в настоящий момент обеими палатами Парламента, преду-

смаатривает, что по истечении трёх лет предписанного судом разрыва постановление о таковом становится официальным свидетельством о расторжении брака. Надеюсь, этот документ встретит со стороны правительства самую благосклонную поддержку.

Артур Конан-Дойль

«Спектейтор»

20 октября 1917 г.

РАЗВОД И ВРЕМЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ СЕМЕЙ

Сэр! Мы, члены Союза за реформу брачного законодательства, искренне надеемся, что «Спектейтор» поддержит нашу попытку как-то изменить ужасающее состояние дел в нашей стране. Свидетельства, собранные весьма представительной комиссией, работавшей в течение двух лет под председательством лорда Горелла, убедили большинство участников Союза (всех, во всяком случае, кто не имеет отношения к Церкви) в необходимости коренных перемен. Между тем минуло пять лет с того момента, как был обнародован этот ценнейший отчёт, но никаких мер принято не было. Встаёт вопрос о целесообразности финансовых затрат на работу представительных органов, письменные заключения которых отправляются под сукно или в мусорную корзину. Одна из предложенных мер заключается в том, чтобы супруги, разделённые судом, по истечении трёх лет автоматически считались разведёнными. Если в результате граждане, которые в настоящий момент не могут считать себя ни женами, ни холостыми, обретут свободу и значительная часть их, повторно вступив в брак, снова создаст семьи, можно будет без преувеличения утверждать, что одна эта мера сама по себе полностью восполнит наши потери в войне. Таковые не превышают 150 тысяч, а потенциальных семей, бессердечным законом умерщвлённых в зародыше, куда больше. Приняв решение не освящать повторные браки, Церковь, разумеется, всего лишь воспользуется соответствующим правом, но препятствуя вступлению в брак людей, чья совесть пред Богом абсолютно чиста,

она превысит свои полномочия и навлечёт на себя обвинения в нетерпимости и тирании. Поведение церковников во время войны и без того героическим не назовёшь; воспрепятствовав ещё и росту населения нашей страны (от которого во многом зависит стабильность Европы будущего), она нанесёт обществу новую глубокую рану.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль,

Президент Союза за реформу
брачного законодательства
Уиндлшем, Кроуборо

«Таймс»

26 декабря 1917 г.

О ПОЛЬЗЕ НЕНАВИСТИ (1)

Милостивый государь!

Недавно мне пришлось беседовать с британским офицером, прошедшим германский плен. Голосом, дрожащим от переполнявших душу чувств, он рассказал мне об испытаниях, которые пришлось вынести ему и его товарищам. Мне приходилось читать о таких вещах, но живой рассказ человека, который испытал это на себе и всё видел собственными глазами, производит впечатление, непередаваемое словами. Задолго до того, как он кончил говорить, я и сам уже ощущал дрожь во всём теле.

Этот полковой командир, человек благородный и утончённый, был ранен и пленён в конце 1914 года. В течение двух дней, пока их везли от линии фронта к месту заключения, пленные ничего не ели. Где-то (он полагает, в Кёльне) к вагону подкатили передвижную столовую с бачками супа – просто чтобы поиздеваться. Истощённые от голода и ран люди наконец прибыли в город, где находился их лагерь. Ослабленные физически и потрясённые происшедшим, они сгрудились у станции, после своего ужасного путешествия едва держась на ногах. Вот что сам он (с трудом подбирая слова) рассказал о дальнейших событиях: «Пока мы шли по улице, нас непрерывно подгоняли пинками.

Среди нас не было ни одного человека, который не получил бы удара под зад». То были британские офицеры – достойнейшие джентльмены, израненные и беспомощные, оказавшиеся в положении, которое веками взывало к благородству победителя! А что делаем мы, схватив на месте преступления немецкого лётчика, собравшегося бомбить мирных лондонцев? Скорее везём его кормить горячим ужином!

Этот офицер, как я позже узнал, стал свидетелем ужасного происшествия. В одном из лагерных бараков ночью начался пожар. Ключ от двери, запертой снаружи, найти не смогли. Один из военнопленных, матрос, стал вылезать через узенькое окошко. К нему кинулся охранник – все подумали, чтобы помочь выбраться. Вместо этого он вонзил матросу штык в горло. Очевидцы, среди которых были граждане всех стран-союзниц, рухнули на колени и поклялись Богу, что пока будут живы, не пощадят никого, в чьих жилах обнаружится немецкая кровь. Вправе ли мы осуждать их? Разве на их месте мы не испытали бы тех же чувств?

Зачем, вы спросите, вспоминать подобные эпизоды? Да чтобы понять истину, которую давно уже уяснили немцы: ненависть может быть полезна в войне. Лучше любого другого чувства она отключает разум, оставляя только слепую решительность. Немцы осознали это столь основательно, что теперь вынуждены изобретать самые разнообразные причины для поддержания ненависти к нам, никогда не причинявшим им зла и виновным лишь в том, что историей и географией избраны были стать преградой на пути осуществления германских амбиций. Ради этого они идут на любую ложь, зато укрепляют тем самым дух нации. Мы же, пострадавшие от врага, начисто лишённого благородства и человечности, имеем все основания испытывать к нему ненависть, но не предпринимаем почти ничего, чтобы как-то её распространить и использовать. Силу этого чувства каждый из нас способен осознать, заглянув вглубь своего сердца. Многие из нас смирились бы с заключением мирного соглашения, которое включало бы в себя ряд компромиссов, касающихся границ – при условии сохранности Бельгии. Кто-то пожертвовал бы и Россией, если бы та продолжала упорствовать в своих изменнических настроениях. Но ни один человек, знаю-

ший истинное положение дел, не отступится от борьбы до последнего вздоха ради того только, чтобы тех, кто убивал наших женщин и пытал наших военнопленных, постигла суровая и справедливая кара.

Итак, что нам теперь делать? Необходимо выпустить официальное (но написанное живым человеческим языком) заявление, заверенное офицерами, ставшими свидетелями и жертвами злодеяний такого рода. Документ нужно перевести на немецкий и сунуть под нос каждому военнопленному, отбывающему срок в Англии: пусть он хотя бы поймёт различие двух культур. В обращении с заключёнными немцами мы столь педантично корректны, что когда в самом начале войны я предложил каждую тюрьму снабдить экземпляром «J'accuse»*, мне всерьёз возразили в том смысле, что международное право запрещает всякие попытки обратить военнопленных в свою веру. И это происходило в те самые дни, когда Кэйзмент и немцы пытались голодной пыткой заставить ирландских военнопленных выступить против Британии в составе германской армии!

Текст заявления необходимо зачитать по радио в наших оружейных цехах и в казармах. Работники военной промышленности терпят массу мелких лишений, нервы их на пределе. Лишь возбудив сильные первобытные чувства, можно морально поддержать их в труде.

Давайте проиллюстрируем эту и подобные ей истории и в каждом магазине вывесим этот фотографический репортаж. Распространим его в тех районах Ирландии, что контролируются партией Шинн Фейн, в пацифистских гнёздах Англии и Шотландии. Ирландец всегда отличался благородством натуры, и я никогда не поверю, что безумнейший из шиннфейновцев способен опуститься до уровня пруссаков и турок, коих полагает своими союзниками. Пусть же взгляд его отдохнёт на фотоснимках, показывающих истинные дела его друзей; может быть, после этого он осознает, наконец, на какой почве стоит и чью сторону принял в войне за свободу, развернувшейся на планете. Скотская сущность германской породы, по меньшей мере, даёт нам

* «Я обвиняю» (*фр.*) – название пропагандистской антинемецкой брошюры, в которой перечисляются зверства германской военщины (П.Г.).

право применить действенное оружие, которое на нынешней стадии войны пришлось бы весьма кстати. Давайте разберём факт за фактом, опишем их кроваво-красными буквами. Оставив в покое единый английский Юг, в проповедях не нуждающийся, развернём пропаганду везде, где заметны следы вражеских интриг – на Тайне и Клайде, в Центральной Англии, но более всего в Ирландии и франкоязычной Канаде. Не станем обращать внимание на пошлых епископов, угрюмых настоятелей и прочих высоколобых господ, выступающих против актов возмездия и проявления воинственности как таковой. Мы должны победить, а сделать это сможем, лишь поддержав в наших людях боевой дух и решимость.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

31 декабря 1917 г.

О ПОЛЬЗЕ НЕНАВИСТИ (2)

Милостивый государь!

Я с величайшим уважением отношусь к епископу Винчестерскому, но утверждение о том, что ненавидеть следует грех, но не самого грешника, уводит его в такую область метафизики, которая – по крайней мере, для меня – к реальной жизни не имеет ни малейшего отношения. Когда я слышу о том, что немец пинает раненого британского солдата, объектом моей ненависти становится немец, а не пинок. Ненависть к этому человеку, желание покарать его и сообщников – вот что поддерживает меня в борьбе. Утверждаю, что подобные чувства, действуя точно так же на любого британца, являют собой мощную силу, которая в полной мере нами всё ещё не используется – просто из-за неумения факты подавать так, чтобы их смысл доходил до народа.

Епископ использует затасканный аргумент: мол, раз мы осуждаем поведение немцев, значит, не должны брать с них пример. То же говорилось и по поводу использования отравляющих

газов; сегодня ясно, что оппоненты, воспреобладай их взгляды тогда, крайне ослабили бы нашу военную мощь. И в отношении ударов возмездия с воздуха произносились те же слова. Крайне безответственно осудив таковые, епископы мешали действиям наших военных до тех пор, пока само развитие событий не показало, что нападение – лучшая форма защиты. Но сегодня мы снова слышим тот же аргумент! Ответ на него ясен: да, первым использовать подобные средства нельзя, но раз уж враг их принял на вооружение и извлёк из них военную пользу, необходимо либо последовать его примеру, либо смириться с поражением в борьбе за прогресс и свободу.

Пусть грех ляжет на тех, кто вынуждает нас согрешить. Если мы будем вести эту войну, руководствуясь Христовыми заповедями, толку не будет. Подставь мы, следуя известной рекомендации, вырванной из контекста, «вторую щёку», империя Гогенцоллернов уже распростёрлась бы по Европе и вместо Христова учения здесь проповедовали бы нищезанятие.

В сотнях писем люди спрашивают меня, какие шаги я бы советовал предпринять. Да самые простые. Я не верю в силу памфлета, ибо тот, кто находится во власти предрассудков, не станет открывать книгу. Я верю в действенность плаката и фотографии, не увидеть которые невозможно. Мне кажется, нужно простым человеческим языком сформулировать очень краткое, ясное обращение и поместить его в обрамлении фотографий, иллюстрирующих злодеяния вроде того, о котором я только что рассказал. В фактическом материале нет недостатка. Тон обращения должен меняться в зависимости от аудитории, к которой оно адресовано. Рабочим военных заводов нужно сказать, что сограждане знают об их тяжёлом труде и сочувствуют тем тяготам, неудобствам и раздражению, что они испытывают. Внимание рабочего следует привлечь к испытаниям, выпавшим на долю других; к монтажу, наглядно показывающему, против какого зла борется он на своём рабочем месте. Подобное обращение можно адресовать и угольщикам. В обращении к ирландцам мы должны воззвать к благородству нации, привести высказывания кардинала Мерсье, фотографически проиллюстрировать всё, что пришлось вынести бельгийским священникам. В общем, каждому нужно показать проблему под понятным ему уг-

лом зрения. Конечно же, ныне действующие комиссии по военной стратегии и пропаганде вполне на это способны. Сколько раз уже мне предлагали финансовую поддержку с тем, чтобы я провёл это мероприятие в частном порядке. Но только официальные власти могут организовать и развернуть дело, в котором вопрос о распространении печатной продукции выходит на первый план. Так что, думаю, решение этой задачи следует оставить в их ведении, и очень надеюсь, что из всего этого выйдет толк уже в ближайшее время.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

16 января 1918 г.

ГЕРМАНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАГЛЯДНАЯ АГИТАЦИЯ

Сэр! Настоятель Манчестерский употребляет выражения «неутолимая ненависть» и «непоколебимая решимость» так, словно они являются взаимоисключающими. Я же всё это время только и пытался доказать, что «ненависть» или (если кому-то так покажется благозвучнее) «праведный гнев» – есть то самое средство, которым «непоколебимая решимость» может быть достигнута; во всяком случае, в этом смысле я только и призываю её использовать. Слабые эмоции способны обеспечить и результат половинчатый. Узрев воочию, какие злодеяния совершались против наших людей, рабочие исполнились бы именно этим чувством (неважно, как мы его назовём) и работать бы стали с удвоенной энергией. Поскольку увидеть случившееся своими глазами они не в состоянии, информацию следует довести до них всеми возможными средствами, устными или художественными. Не понимаю, как вообще получается, что почтеннейшие священнослужители из кожи вон лезут, чтобы укорить меня за настроения, которые они называют (неважно, правильно или нет) «антигерманскими», и при этом не находят слов,

чтобы вынести общественное порицание тем из своих коллег, которые публичными заявлениями способствовали подавлению нашего боевого духа и препятствовали принятию важных военных решений.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

14 января

«Сассекс дэйли ньюс»

9 февраля 1918 г.

СИНОД И ВОПРОС О РАЗВОДЕ

Милостивый государь!

Поскольку моё имя самым вольным образом склонялось в ходе истбурнских церковных встреч, хотел бы высказаться относительно всех этих потоков дезинформации – столь, видимо, бурных, что выступавшие, говорят, не раз заставляли аудиторию подниматься на ноги. Внимание наше следует сосредоточить на конкретном исходном факте: в нашей стране, как признано теперь всеми, существуют сотни тысяч разделённых семей. Эти люди, чья жизнь сопряжена со скандалами и опасностью, ждут, что мы наметим подход к решению проблемы, а сгустившейся вокруг неё атмосфере нетерпимости и предвзятости противопоставим сочувствие и здравый смысл. Каждому, кто хотел бы составить объективное мнение на этот счёт, предлагаю задаться следующими вопросами:

1. Правильно ли, что развод разрешён богатым и запрещён бедным? Ясно, что сейчас дело обстоит именно так. Средняя стоимость бракоразводного процесса – двести фунтов.

2. Правильно ли, что для мужчин у нас закон один, а для женщин другой? Любой проступок со стороны жены оказывается роковым, в то время как муж вправе менять любовниц еженедельно – лишь бы к супруге был не слишком жесток.

3. Правильно ли, что муж может бросить жену и начать новую жизнь в какой-нибудь далёкой стране, а брошенная женщи-

на оказывается связанной узами брака на неопределённый срок?

4. Справедливо ли обрекать на пожизненное одиночество мужчину, чья жена психически ненормальна, или женщину, чей муж страдает тем же недугом? Достаточно упомянуть дипсоманию* – самую отвратительную из форм умственного помешательства.

5. Наконец, главное. Согласны ли мы с тем, что огромное число бывших супругов, разделённых решением суда или иным юридическим соглашением, не имеют права создавать новые семьи? Эта истинно дьявольская каверза, порождённая церковным ханжеством, искалечила судьбы двухсот тысяч человек, прошедших через судебные разбирательства, и ещё очень многих, которые предпочли избежать ужасов публичного унижения и живут порознь, расставшись лишь по взаимному соглашению. В отношении первой категории лиц суды наверняка руководствовались вескими причинами, явно препятствовавшими продолжению совместной жизни. Во многих случаях они, несомненно, повлекли бы за собой развод – последнему помешало лишь отсутствие денежных средств. Что же касается случаев второй категории, то в каждом из них, на мой взгляд, разрешению на развод должно предшествовать официальное рассмотрение с соответствующим судебным вердиктом: такая процедура как раз и сможет уберечь нас от негативных последствий, коим в ходе церковных слушаний было уделено столько внимания.

Стоит пояснить в этой связи, что документ, выдержки из которого цитировались, является лишь черновым наброском законопроекта; парламентская комиссия должна будет доработать его, прежде чем представить правительству на рассмотрение. Он ни в коей мере не отражает взглядов сторонников реформирования брачного законодательства, далёк от окончательного варианта и не предусматривает мер предосторожности и разного рода гарантий, которые, несомненно, будут включены в законопроект. Пресса же получила документ в столь сыром виде по недосмотру одного из членов парламентской комиссии. Как бы

* Психическое заболевание, характеризующееся периодически наступающим непреодолимым влечением к большому потреблению спиртного; по-русски – запой (Л.Г.).

то ни было, совершенно ясно: существующая система разделения семей плодит огромное число жертв, которые и сами несчастны, и для окружающих представляют угрозу. Ведь лишённому права иметь свою семью ничего не остаётся, как только разбивать чужие! По самым скромным подсчётам, мы потеряли в войне не менее 150 тысяч убитыми. Рост рождаемости имеет первостепенное значение для нашей страны, поэтому вряд ли нуждается в дополнительном доказательстве тот факт, что, разрешив вступление в брак людям, которые ныне лишены этого права, мы окажем неоценимую услугу будущим поколениям.

Как бы ни злословил господин У. Петри в адрес «Шерлока Холмса», его домыслы не могут скрыть истинного положения дел. И архиепископ Хоскинс, расценивший моё предложение как «чисто немецкое», если бы ознакомился с предметом чуть глубже, увидел бы, что предлагаемые меры согласуются не только с германским законодательством, но также с законами Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Австралии и практически всех протестантских стран мира. Более того, в своём отношении к разводу мы в ныне существующем законодательстве более реакционны, чем даже такие католические страны, как Бельгия и Бавария. Англиканская церковь (я имею в виду организацию, а не отдельных священнослужителей, в числе которых были и герои) недостойно проявила себя в этой войне. Объявив себя привилегированным классом, она уклонилась от мобилизации; кроме того, не сформулировала отчётливо призыва к воздержанности – вообще, говорила и действовала неубедительно. Если теперь она, помимо всего прочего, ещё и помешает нам, используя предоставившуюся возможность, принять разумный бракоразводный закон (который способствовал бы восстановлению истощённых человеческих ресурсов), терпению граждан наступит конец, и пропасть, отделяющая Церковь от народа, станет непреодолимой.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, 6 февраля

О МОРСКИХ ГОСПИТАЛЯХ

Сэр! Может ли мне объяснить кто-нибудь, почему наши медицинские суда продолжают плавать этакими иллюминированными мишенями, зная, что их подстерегает враг? И что мешает нам посадить на каждый из них по двадцать пленных немецких офицеров, которые точно знали бы, что в случае катастрофы покинут судно последними? Отчего корабли, возвращающиеся через Атлантику, не берут на борт немецких военнопленных, чтобы как минимум освободить нас от обязанности кормить эти лишние рты? И почему вопрос о выставлении пикетов из военнопленных по всему Лондону перед налётами начал обсуждаться только сейчас, хотя актуальным стал сразу же после того, как немцы выставили под бомбы наших военнопленных в Карлсруэ? Если и существуют вразумительные ответы на эти вопросы, то стороннему наблюдателю они не слышны.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Дэйли кроникл»
18 апреля 1918 г.

ИРЛАНДИЯ И ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Сэр! Я от всей души поддерживаю Вашу позицию в этом вопросе. Никто не высказывался так остро, как я (причём в ирландской же прессе) по поводу весьма прискорбной неспособности большинства ирландцев достойно отреагировать на кризис в Европе, но впервые в течение этой войны у меня сердце оборвалось, когда я понял, что собирается предпринять наше правительство. До сих пор оно действовало благоразумно — тем более ужасной представляется роковая ошибка, которую оно в этот решающий момент намерено совершить.

Рассмотрим её возможные последствия. Допустим, пройдя через все мятежи и волнения, правительство сумеет-таки мобилизовать здесь солдат. Но каким образом оно заставит их принять присягу? Как вынудит заняться военной подготовкой, а позже вступить в бой? И каково будет бойцам британской дивизии ощущать такую «поддержку» на флангах? Что, если бы уже сейчас на полях сражений находился десяток дивизий, отравленных шиннфейновским ядом? Разве это не привело бы нас к катастрофическим поражениям вроде тех, что так часто терпели деморализованные части австрийцев? Любой здравомыслящий генерал предпочёл бы иметь в два раза меньше бойцов, но зато уж таких, на которых можно положиться. Вот к какому финалу идём мы, ступая на этот рискованный путь. Между тем у правительства есть достойная альтернатива. Оно могло бы искренне заявить: да, после блистательной речи господина Девлина и приёма, оказанного ему соратниками по партии, а также в знак уважения к волеизъявлению ирландских офицеров, надевших королевскую форму, мы устанавливаем гомруль немедленно, без каких-либо дополнительных условий, в остальном намереваясь полагаться на прирождённое благородство ирландцев. Правовой статус Ольстера при этом сохранялся бы вплоть до принятия ирландской Конституции, которая должна была бы легко вписаться в контекст общенациональной системы.

Если подобное решение не будет найдено, мы вяжемся в грязный конфликт на Западном фронте как раз к моменту начала решающих сражений во Фландрии.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
16 апреля 1918 года

«Таймс»
27 мая 1918 г.

ПРЕСТУПНЫЕ НАЛЁТЫ НА ГОСПИТАЛИ

Сэр! Полностью согласен с лордом Денбаем: чрезмерное хладнокровие – вот что делает нас беззащитными перед зверствами фрицев. Они готовы на всё, что (как предполагается) не

чревато возмездием, и избегают действий, которые могли бы иметь последствия. Тотчас после убийства мисс Кэвелл нам следовало расстрелять троих военнопленных из числа высших чинов. На смерть капитана Фрайатта необходимо было ответить казнью двух капитанов субмарин. На немецкое сознание действуют только такие доводы. В течение двух лет я со страниц Вашей газеты призывал к бомбардировке рейнских городов; едва только мы приступили к этому, как немцы завопили о том, что следует отказаться от таких методов ведения войны – именно это я и предсказывал! Но как возместить нам утраты двух потерянных лет? Теперь они бомбят наши госпитали. Следует немедленно разместить среди палаток пикеты германских военнопленных, а захваченных лётчиков расстреливать на месте, давая понять, что смерть ждёт всякого исполнителя подобных акций, попавшего к нам в руки. Закон и правосудие на нашей стороне. Наша реакция на любые ответные меры должна быть разящей, суровой и беспощадной. Если вместо войны нам навязывают кровавую драку, пусть обе стороны будут в ней равноправны.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

24 мая

«Таймс»

28 июня 1918 г.

О СУДЬБЕ НАШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Сэр! Фон Кюльманн выступил вдруг с предложением о проведении мирной конференции. При нынешнем неопределённом состоянии дел на фронте об этом, разумеется, не может идти и речи. Тем не менее у нас появляется повод выступить с официальным заявлением о том, что никакие переговоры между двумя нашими странами даже в случае решения всех спорных вопросов невозможны до тех пор, пока Германия не признает, что совершала преступления в отношении наших пленных и раненых (погибших в ходе злонамеренных бомбардировок госпиталей), и не попытается как-то искупить свою вину. Это хоть и не доставило бы нам

сатисфакции за содеянное, но привлекло бы к вопросу всеобщее внимание и, возможно, улучшило бы перспективы на будущее. Мне кажется, подавляющее большинство немцев вообще не имеет понятия о том, какие чувства мы с вами сейчас испытываем.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

25 июня

«Файнэншл ньюс»

16 июля 1918 г.

ОТКРОВЕНИЯ ТИССЕНА

Сэр! Общественность должна быть благодарна Вам за опубликование брошюры Тиссена – важнейшего документа, который вызвал большой интерес в Америке, но, насколько я знаю, до сих пор не появлялся в нашей печати. Остаётся надеяться, что британские пропагандисты сделают всё возможное, чтобы основные положения этого документа стали известны в Индии – гражданам этой страны не мешает узнать наконец, от какой участи спасли их союзнические войска. Разрушение страны и порабощение народа – вот что, как теперь выясняется, последовало бы за победой кайзера.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

12 июля

«Таймс»

8 октября 1918 г.

О НАШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Сэр! Почему, обращаясь к варварам, на которых не действует ничего, кроме страха, мы вдруг переходим на детский лепет? Что мешает нам заявить вполне официально о том, что любому немецкому офицеру вплоть до кайзера в связи с убийством наших военнопленных

грозит суд и, возможно, смертная казнь? Отчего мы не откажемся от всяких встреч с германскими представителями до тех пор, пока британские претензии не будут в полной мере удовлетворены? Наше невразумительное молчание кажется им признаком равнодушия. Лишь после того, как о наших угрозах услышит весь мир (а не только официальные лица на конференциях), мы сможем чего-то добиться.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
6 октября

«Таймс»

12 ноября 1918 г.

ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Милостивый государь! Хотите знать, каким будет следующий акт развития мировой драмы? Из Германии начнётся массовый исход лиц, которых следовало бы арестовывать уже на границах Дании, Голландии и Швейцарии. Может быть, уже сейчас нам стоит попросить нейтральные страны тщательнее проверять своих потенциальных гостей? Мы ведь наверняка не согласимся с тем, чтобы немецкий убийца получил у них статус беженца. Просьба такого рода была бы беспрецедентной, но ведь то же можно сказать и о времени, в котором мы живём.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 9 ноября

«Дэйли мэйл»

15 ноября 1918 г.

РАЗВОД И ЕПИСКОПЫ

Сэр! Загубив законопроект, согласно которому по истечении пяти лет разделённые супруги считались бы разведёнными, епископы всего лишь поддержали давнюю традицию своего клана.

Голоса, поданные «против», лягут в анналах истории рядом с теми, что противодействовали «биллю о Реформах» 1832 года, эмансипации католиков, наделению евреев равными гражданскими правами и введению бесплатного образования.

Несчастные жертвы принятого решения представляют собой общественное меньшинство, но есть в этом вопросе аспект, затрагивающий нас всех. Люди, оскорблённые несправедливостью (вспомним, Королевская комиссия в своём отчёте приняла их сторону), образуют прослойку, переполненную оправданной ненавистью к закону и государственным учреждениям. Вопрос о том, насколько благоразумно в эти нелёгкие дни возвращать в обществе ростки ядовитой злобы, каждого из нас касается самым непосредственным образом.

Что же до самой Церкви, то за все свои деяния, включая это, рано или поздно она ответит перед народным судом.

Артур Конан-Дойль,
Президент Союза за реформу
брачного законодательства

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»
23 июня 1919 г.

ЭПСОМСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Сэр! Не думаю, что стачка докеров – единственная причина транспортного конфуза канадцев; в таком случае они просто наняли бы других людей на работу, от которой отказались бастующие, тем самым, по меньшей мере, сделав всё от них зависящее. Тем из нас, кто относится к канадцам с симпатией, больно видеть, как они в эти дни портят себе добрую репутацию. Скорее всего, истинная причина нынешнего кризиса – это негостеприимство и нетактичность сугубо местнического свойства. Мне приходилось много общаться с канадскими военнослужащими. В течение года неподалёку от моего дома размещалась канадская дивизия, и под моей крышей побывали в общей сложности около семисот офицеров. Могу засвидетельствовать: все

эти люди вели себя в высшей степени достойно, и местным жителям было грустно с ними прощаться.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

9 июля 1919 г.

О СПЕКУЛЯЦИИ

Милостивый государь!

Если уже сейчас не предпринять самых решительных мер для приостановления роста цен на товары первой необходимости, в стране произойдёт взрыв насилия. Человеку нужно как-то жить, а нынешние безумные цены делают эту задачу практически невыполнимой.

О чём думают власти? Что заставляет их молчаливо потворствовать горстке спекулянтов, ставя под угрозу национальную безопасность? Тех, кто извлекает выгоду из продажи предметов первой необходимости, не так уж много, их нетрудно сыскать. Для доказательства их вины не потребуется продолжительного расследования, и если у нас (по недосмотру законодателей) нет закона, по которому можно было бы назначить им адекватное наказание, значит, такой закон следует принять и немедленно запустить в действие. Достаточно к десяти преступникам, пойманным с поличным, применить высшую меру, чтобы ситуация чудесным образом изменилась к лучшему.

В качестве примера, иллюстрирующего чудовищность существующего положения дел, расскажу о состоянии, в котором находится овощное хозяйство, снабжающее продуктами Лондон, – благо здесь у меня имеются факты из первых рук. Итак, производитель привозит свою продукцию в Ковент-гарден и получает за вилок капусты (или пучок салата) 1–1,5 пенса. Соответствующая магазинная цена колеблется от 8 пенсов до 1 шиллинга, а кое-где оказывается и выше, ибо наглая алчность не знает себе пределов. С того момента, как производитель получил свои деньги (вполне, надо сказать, не-

большие – эта сумма была бы ещё незначительнее, если бы резко не возросли его расходы, в частности на топливо), только два человека прикасались к продукту. Оптовик, скупающий овощи в 3–4 часа утра в Ковент-гардене (или ином рынке), и розничный продавец, берущий их у него несколько часов спустя, – вот кто должен разделить между собой всю ответственность. Эти двое ничего не производят; они лишь передают из рук в руки то, что вырастили и сохранили другие, но цену при этом взвинчивают в четыре, а то и в 6–8 раз.

Главный преступник в данном случае – оптовик, который (перепродавая огромные партии за считанные часы) уже от малой надбавки имел бы хороший барыш. Но малым он не довольствуется и за один вилок присваивает себе больше, чем платит производителю, который приложил к труду всё своё умение и взял на себя весь риск. Купленное за 1–1,5 пенса оптовик перепродаёт за 3–4 пенса – в этом и кроется, на мой взгляд, корень зла. Владелец магазина (который в большинстве случаев может считаться сообщником преступления), по крайней мере, хоть чем-то рискует – продукт может испортиться, спрос на него упасть, и так далее. Но гигантским прибылям посредников, несомненно наживающих на этом несметные богатства, не может быть ни малейшего оправдания. Может быть, они станут утверждать, что сумма наценки предопределена их собственными расходами? В таком случае рынок в Ковент-гардене следует упразднить, а на его месте – создать государственное торговое предприятие. В распоряжении правительства есть немало армейских снабженцев, прекрасно сведущих в коммерции. С их помощью мы легко компенсируем исчезновение перекупщика (который к тому времени должен будет переселиться в тюремную камеру) и улучшим систему торговли. Горстки неподкупных британских офицеров с неограниченными полномочиями будет достаточно, чтобы немедленно наладить дело.

Между тем останутся три вопроса, требующих немедленно-го решения. Во-первых, специальным декретом следует объявить, что лица, уничтожающие продукты питания ради поддержания высоких цен, будут караться строжайшим образом. Во-вторых, необходимо наказывать и тех, кто препятствует доставке на рынок товаров, обладающих спросом. Известны случаи, когда после попыток навести порядок на рынке товар исчезал

вообще. Обыватель начинал роптать: вот, дескать, к чему приводит постороннее вмешательство в баланс спроса и предложения, – хотя реальной помехой нормальным рыночным отношениям являлись здесь как раз преступники, получавшие незаконные прибыли и вынуждавшие народ мириться с вымогательством. Наконец, третья и главная задача состоит в том, чтобы установить законный процент прибыли, полагающийся оптовику с продавцом, а всех нарушителей отправлять за решётку. Недавно введённый штраф в несколько шиллингов не столько препятствует преступной деятельности, сколько её провоцирует.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

12 июля 1919 г.

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ НА ОВОЩНОМ РЫНКЕ

Сэр! Факты, изложенные в моём первом письме, были, как я уже отмечал, получены из первых рук. Садово-огородный участок, о котором идёт речь, расположен примерно в двадцати милях от городской черты, хоть я и не понимаю, какое это может иметь значение, если продукцию на рынок всё равно привозит человек, её вырастивший. Я попросил фирму, о которой идёт речь, все подтверждения предоставить Вам непосредственно, но должен заметить, что упоминание реальных имён сопряжено с риском, поскольку оптовик имеет все возможности так или иначе производителю затем отомстить. Повторяю с уверенностью: поставщик овощей получает (в частности, за салат и капусту) от одного до полутора пенсов, а любая домохозяйка скажет вам, что в магазине выкладывает за тот же продукт от 8 пенсов и выше. Виновны в этом два человека: оптовик-перекупщик и продавец, а о степени ответственности каждого из них я уже сказал достаточно в предыдущем письме.

В двойном преysкуранте (оптовых и розничных цен), что приводит господин Рэйвенхилл, не указывается, сколько оптовик за-

платил производителю, а в этом-то всё и дело. Кроме того, анализировать голые цифры с практической точки зрения совершенно бессмысленно: ясно же, что найти в магазинах овощи по ценам, предписанным руководством торговой федерации Лондона и окрестностей, невозможно. Человек, утверждающий, будто капуста стоит 4–4,5 пенса, попросту издевается над покупателем: всем известно, что за такую цену её купить невозможно. Владелец гостиницы, для своего пищекомбината покупающий овощи оптом, говорил мне, что не встречал капусту дешевле 6 пенсов. Если бы так называемые «государственные» цены внедрялись принудительно, наказания не избежал бы ни один лондонский магазин.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

9 июля

«Таймс»

17 июля 1919 г.

ПРОИЗВОДИТЕЛИ, ПРОДАВЦЫ И ГОСУДАРСТВО

Сэр! Не отказываясь от всего сказанного, хотел бы добавить ещё несколько слов по обсуждаемому вопросу. Спекулянты-оптовики, утверждающие, будто всего лишь взимают комиссионные, пытаются пустить нам пыль в глаза. Собственно, действуют они и так и эдак – как им удобнее. Но комиссионные могут быть столь же обременительны, как прямые поборы, и взимающий их опять-таки ничем не рискует. Согласно находящемуся передо мной счёту со спиталфилдского рынка (я, разумеется, в данном случае критикую систему в целом, а не конкретное место торговли), мелкий торговец зеленью выплатил 40% комиссионных, то есть продал на 5 шиллингов, а получил из них 3, из которых должен будет оплатить ренту и трудовые расходы. И это при том, что человек, который ничего не произвёл, а только передал товар из рук в руки, получил почти столько же. Могу отправить вам этот документ, но стоит иметь в виду, что перекупщик – опасный тип, и производитель рискует многим, переходя ему дорогу. «Проще сразу будет забросить участок», – так ска-

зал один из людей, предоставивших мне информацию.

Остаётся лишь поразиться умеренности цифр, приведённых господином Рэйвенхиллом; поскольку к реальным магазинным ценам он не имеет ни малейшего отношения, он мог в свои колонки вписать что угодно. «Я не могу найти капусту дешевле 8 пенсов, – пишет мне малообеспеченная женщина с Лэдброук-стрит, чей кормилец погиб на войне. – Самая мелкая цветная капуста стоит шиллинг». Её письмо датировано 11 июля – тем самым днём, когда я услышал от владельца отеля, что нигде нет капусты дешевле 6 пенсов. И надо же – господа Ридли, Брэднам, Льюис, Мэйсон и другие наши начальники от торговли заявляют о своём «глубоком негодовании» по поводу того, что я вскрыл эти факты! Если все эти джентльмены срочно не возьмутся за исправление дел в своём прогнившем хозяйстве, силу «глубокого негодования» народа им очень скоро предстоит испытать на собственной шкуре.

Убеждён, государство навлекает на себя большие беды, потворствуя спекулянтам-перекупщикам и алчным торговцам, которые готовы всех нас уморить голодом ради наживы. Пока шла война, я сохранял оптимизм (свидетельством чему могут служить мои многочисленные письма, опубликованные на Ваших страницах), но сегодняшнее положение дел видится мне мрачным предзнаменованием. Когда один патриотически настроенный социалист вздумал поднять вопрос о спекулянтах перед демократическим собранием, товарищи по партии самым настоятельным образом отговорили его от этой затеи. «Если до наступления зимы цены хотя бы останутся на нынешнем уровне, значит, пробил час, которого мы ждали пятьдесят лет», – так сформулировал общее настроение его более радикальный сподвижник, призвавший не осуждать спекулянтов вообще. Мы навлекаем на себя беду, которая сведёт на нет все наши военные победы. И ради чего? Чтобы позволить горстке проходимцев втиснуться между производителем и потребителем, прикарманив незаконную прибыль? В отношении их должны быть незамедлительно приняты самые суровые законы.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
15 июля

ОБ ОТНОШЕНИИ БРИТАНЦЕВ К ГЕРМАНИИ

Милостивый государь!

Я не настроен по отношению к немцам враждебно. Но наш народ так пострадал от политики ваших руководителей (по сей день не принёсших никаких извинений, не говоря уже о возмещении ущерба), что Германия и всё, что с нею так или иначе связано, внушает нам ужас. По всей Британии не сыщешь семьи – бедной ли, богатой – которая не понесла бы утрату в этой войне. Нам предложили нелёгкий выбор: поступиться национальной честью, нарушив обязательство защищать Бельгию, или пойти на огромные жертвы. Мы избрали путь долга и чести, заплатили за это дорого и не испытываем любви к тем, кто (см. сообщение князя Лихновского) загнал нас в тупик вопреки всем стараниям британских государственных деятелей. Нынешнее поколение британцев своего отношения к вам уже не изменит. Но, признав ошибки и выразив сожаление по поводу случившегося, вы могли бы сделать, наконец, шаг к примирению.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

6 февраля 1920 г.

О ГЕРМАНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ

Сэр! Если бы война закончилась для нас поражением и в качестве одного из условий мирного договора немцы потребовали бы выдать им Хэйга, Битти, Джеллико и многих других с тем, чтобы судить их (по обвинениям, с нашей точки зрения, несостоятельным), мы исполнились бы недовольством, причём надолго. Можно понять поэтому настроения плохоинформированной

германской общественности. Первейшая задача нашей дипломатии должна состоять в том, чтобы немцы не затаили обиду на многие годы; т.е. найти способ снять напряжение – не в ущерб, конечно же, принципам правосудия.

Что, если бы мы без всякого для себя вреда позволили немцам сохранить лицо, предложив им предоставить одного-двух судей для участия в трибунале? Если мы настаиваем на том, чтобы эти судьи не были выходцами из юнкерского сословия, они в большинстве случаев наверняка не станут противодействовать ходу судебного разбирательства. В случаях, когда судьи из стран-союзниц будут единодушны, германские возражения не возымеют особой силы; если же мнения в чём-то разделятся – что ж, пусть тогда чаша весов склонится в пользу подсудимого. Думаю, в любом случае мы должны работать теперь над строительством мирной Европы, которая только и сможет дать нам надежду на финансовую стабильность.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
5 февраля

«Таймс»

30 марта 1920 г.

О БРАКОРАЗВОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Сэр! Чрезмерные вольности некоторых штатов Америки слишком долго использовались в качестве жупела теми, кто препятствовал проведению более чем умеренных реформ английского брачного законодательства. Тот факт, что Невада столь преуспела в либерализме, не должен означать, что Англия обречена теперь плестись в хвосте у протестантских народов мира. Английские реформаторы в поиске примеров для подражания обращают свои взоры скорее к Голландии и скандинавским странам, нежели к США. Если и теперь, после успешно проведённых дебатов и благоприятных результатов голосования в Палате лордов, живительную чашу вновь отдалят от губ

страждущих, это станет национальной трагедией. Мы так и не смогли до сих пор осознать, что если большинство ныне практически стерилизованных мужчин и женщин получают возможность создать новые семьи, то мы очень скоро восполним понесённые в войне потери, поднимем уровень общественной морали и просто увеличим число счастливых людей.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль,
Президент Союза за реформу
брачного законодательства

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
29 марта

«Ивнинг кроникл», Ньюкасл
15 июня 1920 г.

О БОЕВОМ ДУХЕ. ПИСЬМО ДЖИММИ ЛОУЭСУ

Дорогой мистер Лоуэс!

Я прочёл Вашу небольшую книгу, и она доставила мне удовольствие каждой своей страницей. Желая Вам мира и счастья до конца жизни, пусть они станут вознаграждением за все невзгоды, что пришлось испытать Вам на жизненном пути. А путь этот таков, что не каждому писателю дано измыслить подобное в художественном произведении.

Думаю все мы, в течение последних тридцати лет словом или пером пытавшиеся поднять боевой дух народа, «сделали больше, чем предполагали», ибо именно дух этот сослужил нам неоценимую службу в момент величайшего кризиса мировой истории. Замечательно, что он передался и Франции: француз 1914 года оказался уже не таков, каким был в 1870 году, что признавали и немцы. Человек, который в состоянии постоять за себя, обретает самоуважение. И страна поднимается во весь рост, видя, что лучшие её сыны способны противостоять врагу. Полагаю, французский народ обязан своей победой Жоржу Шарпантье более, чем кому бы то ни было – даже, может быть, более, чем своим генералам. Вы внесли в общее дело столь же весомый

вклад, и я со своей стороны горд тем, что «Родни Стоун» (как говорят) способствовал возрождению бокса в нашей стране.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

29 июля 1920 г.

ПРОПАГАНДА В ИНДИИ (1)

Сэр! Известно, что пропаганда всегда была нашим слабым местом. Так, лишь в самом разгаре бурской войны европейские народы начали вдруг узнавать, что Великобритания с полным правом отстаивает там свои интересы. В течение всей мировой войны наша пропагандистская машина также находилась в плачевнейшем состоянии – до того, правда, момента, как управление ею взял в свои руки лорд Нортклифф: он-то и добился здесь максимума эффективности, во многом способствовав достижению конечного результата. К любой работе мы всегда приступаем очень уж медленно. Планы большевиков относительно Индии нельзя сравнивать с военным вторжением; уместнее будет провести аналогию с пожаром в прериях, когда ползущий огонь пожирает всё, попадающееся ему на пути.

Единственно верный способ борьбы с таким пожаром состоит в расчистке почвы, лишении огня всякой пищи. С этой целью мы и должны приступить к хорошо продуманной пропагандистской работе. На коренных языках народов Индии нужно просто и честно рассказать о тех ужасах, что обрушились на страны, куда распространилась эта проклятая зараза. С одной стороны, можно подробно описать притеснения татар и других мусульманских народов, с другой – показать разницу между стабильностью и порядком британского правления и той разрухой, которая воцарится на полуострове, если большевистские доктрины будут воплощены здесь в жизнь. Сравнительно небольшая сумма денег, с умом потраченная на эти цели, сможет уберечь нас от большой беды в будущем. Самое же страшное со-

стоит в том, что огонь охватил почву, прежде чем мы приступили к её расчистке.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Отель «Гроссвенор»

28 июля

«Фрименс джорнэл», Дублин
27 июня 1921 г.

ПРИЗЫВ ИЗ ИНОГО МИРА

Сэр! Сейчас, когда монарший призыв к миру получил в Ирландии такой резонанс, я попросил бы Вас опубликовать письмо, которое майор Вилли Редмонд отправил мне незадолго до своей геройской смерти. Думаю, одно уже имя автора заслуживает того, чтобы к его словам здесь прислушались. Вот что он писал мне 16 декабря 1916 года:

«Сегодня многие ирландцы обрели ощущение, что после войны мы сможем построить новое государство. Жаль только, что шаги к сближению слишком робки. Мосты взаимопонимания, наведённые между Югом и Севером, стали бы лучшим памятником погибшим героям.

Мысли об этом в последнее время часто приходят мне в голову; невозможно не думать об этом, когда видишь, как люди из враждующих частей Ирландии плечом к плечу защищают общий окоп. Кеттл, будь он жив, смог бы талантливо рассказать миру о том, что здесь происходит. Я часто встречался с Кеттлом, и мы много говорили с ним о единстве, к которому, хотелось бы думать, Ирландия придёт после войны. А ведь я всю жизнь был непримиримым националистом. Если бы все последователи крайних взглядов нашли в себе силы пройти половину пути навстречу оппонентам, мы бы сумели найти способ примирить в ирландце национальную гордость и имперские чувства».

Итак, сейчас или никогда. Простим, забудем и начнём всё сначала. Иначе шанс будет упущен и Ирландия останется страной, где, по словам лорда Досарта, «ни мужчина, ни женщина не

знают счастья». Молю Бога о том, чтобы своё огромное влияние Вы использовали для достижения мира.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс,

26 июня

«Таймс»

29 июня 1921 г.

РЕЧЬ КОРОЛЯ

Сэр! Наверное, не стоило бы обращать внимания на очевидные вещи, но, как показывает опыт, именно очевидное часто ускользает из нашего поля зрения. Будем надеяться, что «ирландская речь» короля – совершеннейший бриллиант ораторского искусства, равных которому ещё не знало нынешнее поколение, – будет напечатана и распространена по всей южной и западной Ирландии. Пусть все увидят её и прочтут.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

9 сентября 1921 г.

ИРЛАНДСКИЙ СЕПАРАТИЗМ

Сэр! Мне кажется, до ирландца никак не дойдёт простая истина: если предложение о разделении страны будет принято, он окажется иностранцем в Британской империи, созданной при участии в том числе ирландских солдат и колонистов. По своему статусу в Австралии или Канаде он будет равен русскому или словаку, т.е. станет попросту иммигрантом, которому останется уповать разве что на терпимость законных граждан. Раздел Ирландии изменит его статус и в самой Великобритании, где приезжий, чтобы получить право голоса, вынужден принимать

новое гражданство, отказываясь от родины. Многие из нас, британцев ирландского происхождения, высказывавшихся в поддержку гомруля, приходят в ужас от такой перспективы. Предлагаю составить петицию, подписанную гражданами ирландского происхождения, выступавшими за гомруль, и направить её господину де Валера или спикеру «Дэйл айриэнн».

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
8 сентября

«Таймс»

9 декабря 1921 г.

КРАХ БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Сэр! Будучи директором «Рафаэл Так Компани», я хорошо знаю проблемы производства цветных открыток, которое своему становлению обязано было людям предприимчивым и энергичным. Прямо или косвенно в этой отрасли были задействованы огромные массы людей. Повышение цен на почтовые услуги (крайне неблагоразумно допущенное мистером Келлуэем) сократило здесь объёмы производства на 50–80%, так что многим рабочим, ещё недавно считавшим себя сравнительно обеспеченными людьми, предстоит безрадостное Рождество. Самое же неприятное состоит в том, что все эти жертвы не сулят стране никаких благ: доходы почтового ведомства от этой статьи в сравнении с прежними несопоставимо малы. Решение о повышении цен не выдерживает критики и должно быть отменено. Несомненно, к моменту принятия бюджета будут установлены более умеренные расценки, но и эта отсрочка чревата огромными и совершенно необязательными потерями. Найдя в себе силы признаться в просчёте и исправив ошибку, мистер Келлуэй принёс бы пользу как отдельным гражданам, так и состоянию нашей финансовой системы в целом.

Артур Конан-Дойль

ЗЕЛЁНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Сэр! Я дважды видел Зелёное излучение – в Средиземном море и над Атлантикой. Тут существенно важно, чтобы был ясный закат, без дымки. Едва только верхняя точка солнечного диска скрывается за горизонтом, секунду спустя возникает нечто, не поддающееся описанию и более всего напоминающее зеленоватый дымок. Возможно, такой эффект вызван солнечными лучами, преломляющимися в поверхностном сегменте водной глади, но научного объяснения этому феномену мне слышать не приходилось. Что же касается шума, о котором говорят ирландские женщины, то это мог быть метеорит, летевший почти параллельно земной поверхности. Думаю, он произвёл бы и этот нарастающий звук, и волнения воздушных слоёв, способные согнуть ветви деревьев.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Таймс»
9 декабря 1922 г.

ТУННЕЛЬ ПОД ПРОЛИВОМ (4)

Сэр! Мистер Скеус, размышляя на Ваших страницах о том, что могло бы произойти, имей мы во время войны действующий туннель под Проливом, пытается напугать нас тем, что его могли бы захватить немцы. Однако сейчас мы имеем достаточно информации, позволяющей утверждать, что Германия, которая практически рассекла свой правый фланг, растянутый до Амьена, никак не смогла бы довести фронт до самого побережья. Разумеется, выход из туннеля мы бы фортифицировали, причём защиту ему обеспечили сравнительно небольшим гарнизоном, ибо имели бы крепость, какой не знала ещё история войн: сюда можно было бы постоянно посылать подкрепления и припасы,

отсюда – беспрепятственно вывозить раненых. Учитывая особенности ландшафта этой известняковой местности, можно утверждать: крепость стала бы неприступной. В самом худшем случае цена уничтожения туннеля была бы сопоставима с финансовыми затратами менее чем на одну неделю военных действий. Имея туннель, мы могли бы в любую погоду, не подвергаясь опасности со стороны вражеских субмарин, переправлять во Францию подкрепления, легко транспортировать на родину раненых, отвозить на Континент цельные (недробные) военные и хозяйственные грузы, освободив от эскорта множество кораблей. Трудно подсчитать, во что обошлось нам безмозглое противодействие этому строительству перед началом войны. Если уж с Суэцким каналом мы просчитались, то эта ошибка обошлась нам несравнимо дороже.

Думаю, сейчас проблема утратила актуальность – нанесённого ущерба не возместить. Жизненно важную роль туннель мог бы сыграть лишь в ходе европейской войны.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

«Таймс»

25 октября 1923 г.

О КОМПЕНСАЦИИ ЗА ДАРДАНЕЛЛЫ

Милостивый государь!

В очень ясном и сильном отчёте господина Черчилля* об экспедиции в Дарданеллы особого внимания заслуживает один момент. В своё время мы пообещали в случае успеха отдать Константинополь России, не приняв во внимание достаточно основательных притязаний на него Греции. Подумайте, сколь

* Уинстон Леонард Черчилль (1874–1965) – выдающийся английский государственный деятель, видный оратор и публицист, автор ряда книг, министр колоний в 1921–22 гг., морской министр в 1939–40 гг., премьер-министр коалиционного правительства в 1940–45 гг., премьер-министр правительства консерваторов в 1951–55 гг. (Л.Г.).

ужасно было бы наше сегодняшнее положение, если бы мы там одержали победу! Образ большевистской республики, распростёршей крыла от Архангельска до Константинополя, навис бы над нами ужасным знамением! Империя русского милитаризма с двух этих вершин надвинулась бы на Европу и в любой момент была бы готова на неё обрушиться. Любой исход дела вёл бы к появлению новой угрозы для мировой цивилизации, сравнимой с той, которую представляла собой довоенная Германия.

Так что Провидение, как всегда, распорядилось мудро, а мы, в чём-то проиграв, можем утешить себя тем, что победа стала бы для нас равносильной поражению в будущем. Аргументы господина Черчилля в пользу экспедиции грешат, на мой взгляд, одним недостатком: стремясь к сиюминутной выгоде, он не предупредил опасности, которую таил бы в себе успех.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Кроуборо

«Лайт»

10 ноября 1923 г.

«ВНЕШНИЕ ПРЕДЕЛЫ»

Сэр! Рассказ о духовном поиске человека редко находит себе достойное воплощение на театральной сцене, так что каждый успех такого рода достоин поддержки. Не сомневаюсь, что зрители, побывавшие на спектакле «Внешние пределы» в театре «Гэррик», поблагодарят меня за то, что я обратил их внимание на эту пьесу – самое смелое, оригинальное и захватывающее произведение из всех, что мне приходилось видеть на лондонских подмостках.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
4 ноября 1923 года

«Эдвертайзер», Тенет
16 февраля 1924 г.

ОТВЕТ «ПСИХОНО»

Сэр! Поздравляю Вас с превосходной работой, которую Вы провели в Кенте. Особый интерес вызвала у меня запись о «Втором пришествии», поскольку та же информация вышла из-под пера моей жены. При этом был также указан 1925 год; ангельское провозвестие было обещано в Праздник урожая этого года.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Таймс»
23 мая 1924 г.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ НА УЭМБЛИ

Сэр! Хотелось бы надеяться, что демократически избранное правительство позаботится о том, чтобы и малоимущие граждане получили возможность лицезреть замечательное представление на Уэмбли. Для многих, если не для большинства из них, воскресенье – единственный свободный день недели. Даже если тут потребуются специальный закон, соответствующий билль не должен встретить серьёзного противодействия. Парк аттракционов, я полагаю, – мероприятие несколько иного рода: по воскресеньям он может быть и закрыт. Взрослые и дети наверняка и на Выставке найдут массу для себя интересного, помимо качелей и каруселей. Впрочем, лучше оставить открытым всё, чем допустить простой в самый удобный для всех день недели.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Клуб «Атенеум»
21 мая

О ДОСТОИНСТВАХ БЕЙСБОЛА

Сэр! Как человек, попробовавший себя в большинстве известных у нас видов спорта, хотел бы сказать несколько слов о бейсболе. Мне кажется, в тех комментариях, что попадались мне на глаза, пресса слишком много внимания уделяла тому, что представляется нам недостатками этой игры, и некоторым её комичным моментам, почти не рассказывая о том, что действительно заслуживает внимания. Согласен, с точки зрения британца бесконечные стычки есть недостаток, но бейсбол развивается и совершенствуется, о чём можно судить хотя бы по интереснейшей книге Артура Мэтьюсона.

Грязные трюки, когда-то считавшиеся нормой, теперь всеми забыты, и то, что в иные времена приветствовалось (или встречало снисходительное к себе отношение), ныне активно искореняется. Так что весь этот бадинаж* – дело прошлого, для бейсбола он несущественен. Важно другое: перед нами превосходная спортивная игра, требующая остроты зрения, подвижности, общего физического развития, умения точно и быстро оценивать ситуацию. Бейсбол не требует особых затрат на выравнивание полей, а его амуниция по карману любому сельскому спортклубу. Состязание длится два-три часа и не зависит (подобно крикету) от капризов погоды. Игрок здесь постоянно находится на ногах, а не сидит на павильонной скамье в ожидании, пока кто-то завершит свой «сенчери». Думаю, если бы наши футбольные клубы занялись бейсболом во время летних тренировочных сборов, игра приобрела бы популярность по всей стране, как это произошло в Америке. Развитию же крикета она помешала бы ничуть не больше, чем теннис. Единственное, что необходимо сейчас, так это создать центральную Ассоциацию, которая бы практически (или кон-

* Шутки, изящество стиля (*фр.*); в данном случае использование французского слова выдает оттенок пренебрежения и его следует переводить как *болтовня* (П.Г.).

сультативно) помогала клубам в течение первого года их деятельности.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо

25 октября

«Спектейтор»

13 ноября 1926 года

НОВИНКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сэр! Хорошему английскому роману американцы всегда оказывали самый тёплый приём. Нам подчас трудно ответить взаимностью: за океаном выпускается очень много книг, значительная часть которых до нас не доходит. Мне посчастливилось прочесть сразу два американских романа, и оба показались мне превосходными: это «Пасынок Луны» Фултона Орслера (издательство «Харперс») и «Тифтэлло» Т.С. Стриблинга («Нисбет»). У меня нет личных причин хвалить эти книги – просто хотелось бы обратить на них внимание Ваших читателей.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Бэкингем-Пэлис», 15

«Дэйли экспресс»

7 декабря 1926 г.

НЕПЛАТЕЛЬЩИКОВ – В ЧЁРНЫЙ СПИСОК

Сэр! В то время как гостиницы нашего южного побережья наполовину пустуют, номера на Ривьере в эти дни, я полагаю, стремительно заполняются. Не пора ли нам экономическими методами заставить людей, зарабатывающих деньги в нашей стране, их здесь же и тратить?

Я бы пошёл даже на то, чтобы силой закона положить конец

этой опасной утечке денежных средств. Следует обложить большим налогом каждого, кто выезжает за границу без веских на то причин, связанных с состоянием здоровья или интересами бизнеса.

Что же до лиц, которые уклоняются от налогов на островах пролива или за границей (тем самым отягощая финансовое бремя на плечах честных, патриотически настроенных граждан), то их имена «Газетт» должна опубликовать в «чёрном списке». Если не поможет и эта мера, нужно лишать их гражданских прав.

Мы живём в суровые времена, и они требуют столь же суровых мер.

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, Сассекс

«Таймс»

15 февраля 1927 г.

АРМИЯ КИТЧЕНЕРА

Сэр! Закончив чтение аналитической статьи Уинстона Черчилля, посвящённой битве при Сомме («Таймс» от 12 февраля), понимаешь: наконец-то действия армии Китченера получили достойную оценку. Лично я давно считаю, что литературному стилю господина Черчилля позавидовал бы любой современный прозаик. Прекрасно, что, использовав свой литературный талант для решения задачи, казавшейся невозможной, он сумел дать адекватную оценку действиям славной армии патриотов-волонтеров, которые посвятили себя беззаветному служению родине.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 14 февраля

«Таймс»

25 августа 1927 г.

ОБ ИРЛАНДСКОЙ ПРИСЯГЕ

Сэр! Думаю, мы разрядим напряжённость, возникшую в Ирландии в связи с принятием Присяги, если доведём до общест-

венного сознания тот факт, что клятва верности короне подразумевает подтверждение дружеских чувств в отношении не только Англии, но также Австралии, Канады, Южной Африки – одним словом, всех стран Империи, где проживают ирландцы. Если Присяга не будет принята, Ирландия останется в изоляции, а ирландец в любой из больших колоний окажется иностранцем. Этот сентиментальный на первый взгляд аргумент может возыметь практическое значение, когда вопрос о приоритете интересов Империи вновь окажется на повестке дня.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Бигнелл-Вуд, Минстед,
Линдхерст

«Эмпайр ньюс»
23 октября 1927 г.

ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА. ЗАЯВЛЕНИЕ ХЭЛЕН ЛЭМБИ

Милостивый государь!

Я ознакомился с заявлением Хэлен Лэмби, истинность которого, насколько я понимаю, записавший её слова человек готов подтвердить под присягой, и считаю его документом неопределимой важности. Не будет преувеличением сказать, что он знаменует закрытие дела Оскара Слейтера.

В своём заявлении Хэлен Лэмби признаёт, что, увидев убийцу, сразу признала в нём человека, часто посещавшего дом. Подтверждая слова лейтенанта Тренча, она сообщает также, что тем вечером в беседах с несколькими людьми упоминала имя этого визитёра. Хэлен Лэмби утверждает, что полиция не приняла к рассмотрению её недвусмысленное заявление относительно личности преступника. Когда женщина попыталась настоять на своём, её обозвали «старой сплетницей». Рассказывает она и о том, как, поддавшись нарастающему давлению, в конце концов вынуждена была присоединиться к заговору против ни в чём не повинного Слейтера.

Какую компенсацию сможем мы теперь предложить челове-

ку, чья жизнь пошла под откос из-за глупости окружающих? Чем утешим честного детектива Тренча, который был наказан за попытку исправить несправедливость и умер несчастным, сломленным человеком?

Артур Конан-Дойль

«Дэйли ньюс»
14 ноября 1927 г.

ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА: ФАРС 1914 ГОДА

Сэр! В колонке парламентского корреспондента Вы приводите ряд замечаний о деле Оскара Слейтера. Исходят они из «официального источника», каковым, разумеется, может быть лишь сэр Джон Гилмор, ибо никто, кроме него, не вправе делать заявления от имени шотландского ведомства внутренних дел.

Фразы эти, взятые в кавычки (и значит, действительно являющиеся высказываниями этого господина), могут вызвать лишь презрительное недоумение. Одно из двух: человек, занимающий столь высокий пост, либо не удосужился ознакомиться с существом дела, либо такового просто не понял. Он утверждает, в частности, что никаких новых данных к нему не поступало и что следствие 1914 года подтвердило первоначальный вердикт, хотя должен был бы прекрасно знать, что фарс 1914 года назвать «доследованием» никак невозможно.

Факты были подобраны таким образом, что из рассмотрения суда выпал вопрос о действиях полиции (едва ли не основной во всём деле); на заседание не пустили представителей прессы, свидетелей не привели к присяге. Даже говорить о делопроизводственной «процедуре» тут неуместно.

В результате изначальные нарушения закона, серьёзные ошибки в заявлениях генпрокурора (которые, не будучи исправлены судьёй, и привели к известному нам вердикту), недопущение к даче показаний важных свидетелей – всё осталось как прежде.

Единственным положительным моментом этого «доследования» можно считать тот факт, что лучший следователь Глазго

заявил (на свою беду) о том, что уверен в невинности Слейтера, и что главная свидетельница, Лэмби, назвала имя истинного убийцы (что позже подтвердила она сама).

Суммируя все новые факты, поступившие уже после «доследования», мы видим: они в высшей степени убедительны, а шотландское правосудие глухо и слепо в отношении к тому, что всем остальным предельно ясно. Единодушна была в этом вопросе и пресса. Что же мешает шотландским властям признать очевидное? Может быть, принцип круговой поруки, когда один бюрократ защищает другого, а оба готовы с лёгкостью пожертвовать интересами правосудия, лишь бы не позволить людям со стороны исправить допущенные ими ошибки? Жаль, что сэр Джон Гилмор занял такую позицию. Не использовав предоставившуюся возможность сыграть в этом деле благородную роль, он позволил стоящим за его спиной официальным лицам использовать себя в качестве говорящей куклы.

Рассмотрим теперь те новые факты, значимость которых сэр Джон Гилмор отказывается признать.

1. В деле появилась новая свидетельница, готовая клятвенно подтвердить, что видела убийцу, выходившего из подъезда, и что этот человек ничем не напоминал Слейтера.

2. Хелен Лэмби сделала заявление для прессы, в котором подтвердила утверждение детектива Тренча о том, что готова опознать убийцу в лицо. Журналист, записавший её слова, заверил их истинность под присягой. Рассказ этой женщины правдив от начала и до конца, ибо не найдётся человека, который лучше её знал бы обстановку в доме мисс Гилкрайст. Поскольку правда эта – ей же во вред, вряд ли она стала бы такое выдумывать. Некоторые трудности, возникшие в связи с заверением документа под присягой, вызваны были тем обстоятельством, что британский консул в Питтсбурге вызвал Лэмби и приказал ей не говорить больше ни слова.

3. Барроумен, прежде дававшая показания против Слейтера, при четырёх свидетелях сделала заявление, в котором призналась, что стала свидетельствовать против обвиняемого, поддавшись давлению ответственного за ведение дела чиновника, который пятнадцать раз вызывал её для бесед.

4. Ещё одна свидетельница рассказала о том, как за неделю

до трагедии Хэлен Лэмби говорила ей, что мисс Гилкрайст ожидает покушения и принимает меры предосторожности. Предположить, что хозяйка дома опасалась именно Слейтера, никак невозможно. Таковы новые факты, появившиеся в этом деле. Заверенные заявления трёх свидетелей из четырёх находятся у нас и могут быть предъявлены шотландской прокуратуре, уже получившей копии.

Может ли после этого честный и здравомыслящий человек заявить (как сделал это сэр Джон), что «документов, которые можно было бы считать новыми свидетельствами, ниоткуда не поступало»? Обвинение изначально основывалось на показаниях двух свидетельниц, якобы опознавших Слейтера. Обе они отказались от своих слов, и при этом нас пытаются уверить, будто ничего нового не случилось. Полагаю, сэр Джон стал на опасный путь. Думаю, наш народ, глубоко почитающий справедливость и правила честной игры (что нашло своё отражение и в отношении к делу Парламента), не позволит этой грязной истории продолжаться и дальше.

Артур Конан-Дойль

«Морнинг пост»

26 ноября 1927 г.

О ПРЕСТУПНИКАХ-РЕЦИДИВИСТАХ (1)

Милостивый государь!

Полагаю, глубокоуважаемый министр внутренних дел, предположив, что преступник-рецидивист не вправе считаться нормальным человеком и должен быть от общества изолирован навсегда, высказал чрезвычайно важную мысль.

Если гражданин, отбывший шесть сроков за разбойное нападение, выходя на свободу, тут же совершает седьмое преступление, кто виноват больше: он сам или власти, его выпустившие? Я склоняюсь ко второму варианту ответа, ибо преступник может и не отвечать за свои поступки, в то время как человек, выпускающий его на волю, совершает вполне осознанный акт.

Что, если к Дартмурской тюрьме достроить барак, в котором

постепенно скапливались бы, отбыв ставшие привычными сроки, самые безнадёжные уголовники-рецидивисты? Можно было бы обеспечить им относительно комфортабельные условия существования, лишив главного – надежды когда-либо обрести свободу. Представьте себе, что в такой клетке их соберётся тысяча – какое облегчение испытают тогда полиция и суды! Не стоит сбрасывать со счетов вопрос евгеники, а также развращающее влияние закоренелого жулика на молодёжь. Для воплощения такого проекта в жизнь потребуется суровая воля, но подчас безжалостность по отношению к одиночкам оборачивается благом для остальных.

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

«Оккульт ревью»
декабрь 1927 г.

О ВОЗМОЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ОКЕАНСКИХ ГЛУБИН

Сэр! Согласен с Губертом Стрингером: сообщения такого рода должны быть проверены. Расследовав сообщение о кабеле, якобы проложенном по морскому дну, я получил от соответствующей компании заверение в том, что всё это не соответствует действительности.

Хотелось бы, однако, получить подтверждение результатов зондирования дна в Бискайском заливе. Оно было осуществлено, как явствует из сообщения, транспортным судном «Лорет», так что ответственность за истинность информации несёт капитан Корнет – именно он обнаружил под килем сорок фатомов там, где предполагалась глубина в милю. Профессор Лакруа высмеял результаты замера, а доктор Шарко собственным зондированием их опроверг. Однако несколько месяцев спустя другое судно, «La Bourdonnais», отойдя на 80 миль от берега и проведя замеры на весьма обширной морской территории, обнаружило лишь 44 фатом там, где на карте значилось 80. Лично я не понимаю, как могло случиться, что такое обмеление не вызвало

повышения уровня воды, если, конечно, в других местах не произошло одновременно каких-то провалов.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Таймс»

13 января 1928 г.

ПАМЯТИ ТОМАСА ГАРДИ

Томас Гарди* ближе других современных писателей приблизился к пониманию природы вещей. Став великим романистом, он унаследовал и лучшие качества Ричарда Джефриса. Помню, как четверть века назад я работал над пьесой в одном из лондонских театров, где и он ставил своих одноактовых «Трёх незнакомцев». В те самые дни и сэр Джеймс Барри** вынес на суд зрителя одну из своих маленьких пьес. «Три незнакомца» навсегда остались у меня в памяти. Кто бы мог подумать, что главным героем этой восхитительной вещи станет палач! Гарди был прекрасным человеком и таким в нашей памяти останется навсегда.

А. Конан-Дойль

«Дэйли ньюс». «Вестминстер газетт»

21 июля 1928 г.

ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА (2)

Сэр! Из всех газет, время от времени обращавшихся к делу Слейтера, Вы действовали особенно достойно и вместе с тем эф-

* Томас Гарди (1840–1928) – выдающийся английский писатель и поэт, автор романов и рассказов. В своей лирике, полной интимных и философских раздумий, Гарди стремился к безыскусственной правде, не раз обращался к мотивам народной поэзии (П.Г.).

** Сэр Джеймс Мэтью Барри (1860–1937) – английский романист и драматург, автор, помимо прочего, «Питера Пэна» – двух знаменитых повестей для детей (П.Г.).

фektivно. Постоянно фокусируя на этом вопросе внимание, давая подробную и точную информацию, не позволяя публике забыть о нём, Вы очень меня поддерживали. Достигнутый результат – во многом и Ваша победа.

Артур Конан-Дойль

«Таймс»

17 сентября 1928 г.

ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА (3)

Сэр! После закрытия дела я обратился в шотландское министерство внутренних дел, чтобы узнать, насколько готово оно взять на себя издержки, связанные с апелляцией. Поскольку последняя была удовлетворена, виновная сторона, казалось бы, и должна понести расходы. В ответ я получил кучую отписку, из коей следует, что дополнительных затрат нести они более не намерены. Такое решение представляется мне крайне несправедливым, и я надеюсь, что найдётся поборник чести, который поднимет этот вопрос в Палате общин. Шотландское ведомство явилось причиной всех бед и расходов: в течение этих 18 лет оно могло бы в любой момент признать факт, о котором единодушно заявили пятеро судей – а именно, что в ведении дела были допущены нарушения и вердикт несостоятелен. Для этого не потребовалось бы суда – достаточно было передать бумаги компетентному юристу на рассмотрение. Полагаю, с тех, чьё тупое упрямство породило нынешнюю ситуацию, и следовало бы взыскать издержки. Я готов выполнить взятые на себя обещания и гарантии (тем более что занятые в деле юристы действовали почти бескорыстно), но тот факт, что единственной наградой человеку, так долго боровшемуся за установление истины, станет штраф на значительную сумму, представляется мне оскорбительной насмешкой над справедливостью.

Артур Конан-Дойль

«Бэкингем-Пэлис», 15

«Кейп таймс»
5 декабря 1928 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕМОРИАЛ «ЖЕНЩИНЫ БЛУМФОНТЕЙНА»

Милостивый государь!

Будучи в полной мере ответственен за каждое написанное мною слово, я не могу сказать того же о сказанном в интервью, поскольку как бы точно ни записывались мои слова, многое тут зависит от обстоятельств и настроения в момент беседы. Я всегда писал о бурах с огромной симпатией и, сняв шляпу, отдал честь у могилы генерала де Вета.

Но затем меня подвело слабое знание голландского языка. Осматривая монумент женщинам и детям, погибшим якобы от рук британцев, я позволил себе несколько «тёплых слов» – разумеется, не в адрес жертв, но по поводу надписи, оскорблявшей, как мне показалось, британские чувства. Позже мне объяснили, что я просто неправильно перевёл написанное; раз так, мне остаётся лишь выразить сожаление и взять свои слова обратно. Жаль было бы покидать Блумфонтейн, обидев кого-то из его жителей.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Джуиш кроникл»
19 апреля 1929 г.

ДЕЛО ОСКАРА СЛЕЙТЕРА. ФИНАНСОВЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Сэр! В своём выпуске от 22 февраля Вы подняли вопрос о финансовых издержках в деле Слейтера. Мне нечего сказать на этот счёт, ибо именно Вы принимали средства, собиравшиеся общественностью по подписке. Всё, поступавшее ко мне, я переправлял Вам, в том числе и взнос «Jewish Graphic». Если и был, как Вы утверждаете, иной фонд, мне о его существовании ниче-

го не известно. Между тем 100 фунтов я выложил из собственного кармана: половину суммы – агентам адвокатской конторы, другую половину – на погашение мелких расходов моего друга, покойного Уильяма Парка, сыгравшего в этом деле столь благотворную роль. К сказанному могу лишь добавить, что за 17 лет борьбы за освобождение этого человека я не истратил на собственные нужды ни одного шиллинга.

Мой долг составляет 200 фунтов, хотя финансовых запросов от агентов ещё не поступало. В конечном итоге ответственен за издержки сам Слейтер; я очень ясно сообщил ему о своих расходах, но не получил и намёка на предложение освободить меня от дальнейших выплат. Между тем указанная сумма в 1500 фунтов стерлингов очень невелика, если учесть, что речь идёт о двух судебных разбирательствах, масштабном расследовании и привлечении к делу трёх адвокатов, одному из которых пришлось выступать в течение 13 часов. Своему освобождению Слейтер обязан превосходной работе, которую выполнили для него эти люди. Кроме того, суд, пройди он в Англии, обошёлся бы ему в четыре раза дороже.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Аден, 21 марта

«Эмпайр ньюс»

5 мая 1929 г.

СКАНДАЛ С АПЕЛЛЯЦИЕЙ

Сэр! Поскольку Вы всегда были важным союзником Оскара Слейтера и поддерживали все мои попытки добиться справедливости в отношении этого человека, я хотел бы проинформировать Вас о некоторых вещах, касающихся меня лично.

Начну с того, что для того только, чтобы запустить механизм судопроизводства в действие, я потратил тысячу фунтов стерлингов. Еврейская община при очень скромной помощи со стороны собрала по подписке 670 фунтов, дабы частично снять с меня это бремя. Именно такую сумму получила и переправила

агентам адвокатских контор газета «Джуиш кроникл». Оставшиеся 330 фунтов я выложил из собственного кармана.

В самом начале процесса я получил письмо от Оскара Слейтера, в котором тот заявлял, что никто не должен тратить своих денег на его защиту. Но это было ещё до вынесения приговора. С тех пор я несколько раз писал ему, указывая на известные обстоятельства, но в лучшем случае получал невразумительные отписки. Теперь адвокаты с полным на то основанием требуют денег, и я, взявший дело под свою ответственность, вынужден, разумеется, сам расплатиться с ними сполна.

Если бы Слейтер проиграл дело, я бы охотно взял на свои плечи бремя этих немалых расходов. Но тот факт, что он, получив компенсацию в 6 тысяч фунтов, по-прежнему заставляет за всё платить меня, представляется мне чудовищной наглостью.

Конечно же, формально этот человек вправе распоряжаться своими деньгами, как ему заблагорассудится, но, по-моему, отвратительно, что триумфальная победа в борьбе за справедливость британского правосудия завершается столь мерзкой склокой. Не собираясь, однако, мириться с подобным к себе отношением я, пусть с неохотой, но буду отстаивать свои права в суде, — если, конечно, он не соберёт в себе остатки порядочности и не расплатится по своим долгам добровольно, без принуждения.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

2 мая 1929 года

«Таймс»

20 июня 1929 г.

О ПРЕСТУПНИКАХ-РЕЦИДИВИСТАХ (2)

Сэр! На недавнем заседании Верховного суда рассматривалось дело, в ходе которого вопрос об отношении к закоренелым преступникам встал перед нами вновь самым недвусмысленным образом. Речь шла о взломщике и угонщике автомобилей, который из своих девяти лет тюрьмы восемь получил за серию совершенно одинаковых преступлений. Получив очередной трёхлетний срок, преступник адресовал судье записку, в которой заяв-

лял об отсутствии всякого желания становиться на путь истинный. Другими словами, чего ожидать от этого человека, когда он опять появится на свободе, наше общество знает уже заранее. В таком случае не совершает ли оно глупость, предоставляя преступнику очередной шанс свою угрозу привести в исполнение?

Сэр У.Джонсон-Хикс в бытность свою министром внутренних дел, выступая как-то, заметил, что предложение о пожизненной изоляции закоренелых преступников в его ведомстве уже обсуждалось. Я всегда считал эту меру необходимой. Мы ведь изолируем от общества умалишённых и заразных больных; преступник-рецидивист же являет собой одновременно и то, и другое. Он пребывает во власти опасной идеи-фикс и способен заражать окружающих, дурно влияя на тех, кто моложе и слабее его. Мир не видит в нём никакой ценности: это – враг общества. Поэтому мы поступаем глупо, когда осуждаем рецидивиста на малые сроки, раз за разом отправляя его в очередной отпуск, который сами же и оплачиваем, расхлёбывая тем самым свою необъяснимую снисходительность. Защитить себя мы сможем, лишь избавившись от него окончательно. С того момента, как уголовник обнажил свою суть, тюремные двери должны закрыться за ним навсегда.

Другое дело, режим в такой тюрьме не должен быть слишком строгим – вполне можно создать здесь условия, аналогичные тем, в которых содержатся умалишённые Бродмура. Совсем не обязательно подвергать этих людей каким-либо тяготам. Но тот, кто привык во зло использовать предоставляемую ему свободу, должен быть лишён таковой навсегда. Можно представить себе, какое облегчение испытают полиция, суды и в конечном итоге все граждане, если соответствующий закон будет принят и две-три тысячи закоренелых преступников окажутся вырванными из общественной почвы с корнем. Устранив такую помеху, можно будет яснее наметить и пути социальных реформ. Думаю, человек, три-четыре раза осуждавшийся за уголовное преступление, – достойный претендент на получение постоянного места жительства в такого рода социальной лечебнице.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

«Бэкингем-Пэлис», 15

О ПРЕСТУПНИКАХ-РЕЦИДИВИСТАХ (3)

Сэр! Хотел бы добавить несколько слов к дискуссии о рецидивистах. Можно было сделать это и раньше, но хотелось выслушать и другие мнения. Противники (которых оказалось подавляющее большинство) выдвинули, по сути, два взаимоисключающих соображения. Одни сочли предлагаемые меры изоляции слишком строгими, другие – во главе с досточтимым сэром Генри Диккенсом – решили, что столь мягкий режим содержания рецидивисту будет, скорее, наградой. Думаю, этот радикальный разброс мнений как раз и свидетельствует в пользу критикуемого предложения. Газеты запестрели восклицаниями: «не по-христиански», дескать, наказывать преступника таким образом! Но если уж мы признаём необходимость наказания как такового, становится неясно, отчего же серия тюремных сроков (с перерывами, во время которых уголовник и совершает преступления против общества) в большей степени отвечает христианским канонам, нежели один непрерывный срок. Что же до перспектив нравственного перевоспитания, то таковое более вероятно в рамках предлагаемой системы надзора, нежели в ситуации, когда, выходя на свободу, уголовник тут же связывается с себе подобными злоумышленниками. Мне запомнился случай, когда одного человека 30 раз осуждали за хулиганские нападения с нанесением серьёзных травм и увечий. Нетрудно сосчитать, что будь он изолирован уже после пятого раза, непроломленными остались бы 25 черепов. Почему мы становимся столь чувствительными, когда речь идёт о судьбе уголовного и при этом безразличны к жертвам, которые – кто здоровым, а кто имуществом – расплачиваются за нашу халатность?*

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс, 13 июля

* Фрэнсис Бэкон наставляет нас: «Порядочному человеку жестокость всегда кажется чем-то невероятным, каким-то трагическим вымыслом. Но кто проявляет жалость к врагу, безжалостен к самому себе.

ПРАВОСУДИЕ В МАРК-КРОССЕ

Сэр! Окружной суд Марк-Кросса на своём последнем заседании оштрафовал моего сына на 5 фунтов за превышение скорости. Полиция признала, что на дороге в тот момент машин не было и ни один человек при этом не подвергся опасности. Не кажется ли Вам, что нарушение, не влекущее за собой никакой моральной вины, предполагает более мягкое наказание? В тот же день на ту же скамью сел человек, с чрезвычайной жестокостью избивший лошадь. Преступник (уже осуждавшийся до этого 12 раз) был оштрафован на 2 фунта, причём не оплатил издержек (в то время как моему сыну сделать это пришлось).

Трудно найти оправдание подобным вердиктам. Стоит ли удивляться тому, что многие молодые люди сегодня на сам институт судопроизводства взирают с презрением? Ни в чём не виня полицию, они считают нелепой и несправедливой логику окружных судов, согласно которой малое превышение скорости на пустынном шоссе считается более серьёзным нарушением, нежели постоянное истязание безответных животных.

Артур Конан-Дойль

И кто потворствует дурным людям, вредит хорошим». От себя добавим: требовать законодательной отмены смертной казни, как то сегодня диктует политическая мода, может только отъявленный человеконенавистник. В согласии с аксиомой: «кто печется о подонках и мерзавцах, тот вредит людям порядочным». И дело не только в том, что, отпуская на волю садиста и убийцу, оставляют поругание и гибель невинных без отмщения, но и в том, что при таких законах из-за одного неказненно-го мерзавца или психопата будет множество невинных жертв (П.Г.).

«Сазерн дэйли эхо», Саутгемптон
19 августа 1929 г.

ПОЖАР В БИГНЕЛЛ-ВУДЕ

Сэр! Позвольте мне со страниц Вашей газеты выразить благодарность незнакомым людям, которые помогли мне вынести мебель на лужайку, когда в моём доме возник пожар. Нашлись, правда, энтузиасты, проявившие желание понести прихваченное и дальше, но остальные оказали мне неоценимую помощь. Саутгемптонская бригада пожарных поработала на пределе своих возможностей и весьма эффективно.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Бигнелл-Вуд, Минстед, Линдхерст
16 августа

«Таймс»
14 января 1930 г.

ПРОПАГАНДА В ИНДИИ (2)

Сэр! Один известный француз заметил, что когда дело доходит до самозащиты, британцы – самый слабый народ в мире. Из ложно понятого самолюбия мы, как правило, не защищаем себя вообще, тем самым как бы признавая справедливость любых нападков. Современники бурской войны вспомнят, как в Европе вследствие дезинформации возникла вдруг опасность появления враждебной нам коалиции. Улучшила же положение дел пропаганда, проведённая частными, а не государственными усилиями, что признавала в те дни вся иностранная пресса.

Этот экскурс в прошлое напоминает нам, насколько важно в эти критические дни разъяснить британскую позицию представителям всех слоёв индийского общества. Известно, что ведётся агитация за независимость, но что слышим мы о контрагитации, организовать которую, казалось бы, так просто? Спросили ли индийских мусульман о том, насколько они готовы подчинить-

ся законам, которые будут установлены индуистским большинством? Если нет, почему они не скажут об этом открыто? Хотят ли наследные принцы Индии, чтобы их владения стали изолированными островками внутри нового независимого государства? Объяснили ли пенджабцам, что их край, лишившись британской защиты, будет открыт для любого вторжения с севера? Что предпочтут парсеи – стабильность британского порядка или столетний хаос, который воцарится сразу же после нашего ухода? Может быть, 60 миллионов «неприкасаемых» возжаждали вдруг оказаться в полной зависимости от доброй воли браминов? Напомнили ли самим агитаторам о том уроке, что преподнесло всем восстание Моплаха, когда мусульмане, почувствовав безнаказанность, бросились резать не белых людей, но индусов? Все эти козыри в наших руках так и останутся бесполезными, пока мы не выложим их на стол.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

10 января

«Дэйли телеграф»

7 июля 1930 г.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Сэр! Сердце кровью обливается, когда читаешь историю провала наших планов относительно Дарданелл в изложении господина Черчилля. Этот истинный мастер английской прозы пишет с такой убедительностью, что создаёт эффект катастрофы, имеющий мало общего с реальным положением дел. Ведь выведя Турцию из войны, взяв Константинополь и передав его России, как было обещано, мы оказались бы перед лицом могущественной державы на всём фронте от Архангельска до Средиземноморья. Как только она стала бы большевистской, мы оказались бы на грани катастрофы.

Но даже если бы победоносная Россия осталась Империей, разве не явилась бы она для нас (в отсутствии германского про-

тивовеса) источником новой страшной угрозы? Возможно, в конечном итоге мы только выиграли бы, получив от истории очередной пример того, как самые хитрые планы человеческие оказываются ничтожны пред волей несравненно более мудрого Высшего Разума.

Искренне Ваш

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, 4 июля

ПРАВДА О ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

*(Размышления о Религии,
Спиритизме и Бессмертии)*

Онтологический детектив

От издателя

Данное произведение открывает русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества Артура Конан-Дойля. Писатель предстает здесь как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, исследования психики, прогресс человечества, его судьба и предназначение.

Крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права, сэр Артур Конан-Дойль почти 50 лет жизни посвятил изучению спиритизма – учения, пытающегося разрешить загадку жизни и смерти, обойти все трудности философии и религии и положить конец противостоянию науки и религии.

Создатель знаменитого сыщика Шерлока Холмса и других полюбившихся читателям персонажей обладал блестящим дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеуслышание заявив о своей горячей ему приверженности, – при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

Мы предлагаем вниманию русской читающей публики квинтэссенцию мировоззрения Конан-Дойля по проблемам религии, спиритизма и бессмертия. Всё это собрано в результате кропотливого труда со страниц многочисленных произведений нашего автора (как больших, так и малых).

Павел Гелева

I

Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептический и рациональный д-р Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное – значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придир едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков на словах, подтверждают его своими страхами на деле.

II

Неведомое и удивительное окружает и подталкивает нас со всех сторон. Оно роится над нами и кругом нас в неясных и переменчивых формах, как тёмных, так и ослепительно ярких, но которые все указывают нам на ограниченность того, что мы называем «материей», и на главенство духовности, которой нам следует дорожить, если только мы не желаем утратить связь с сокровенно-подлинными основами жизни.

III

Я читал Бэкона, Декарта, Спинозу, Канта – всех тех, которые старались постичь непознаваемое. Все они бесплодны и пусты,

не дают ничего в смысле результатов, но расточительны на многосложные слова, напоминая мне людей, которые, копая землю, чтобы добыть золото, откопали много червей и затем с торжеством выдали их за то, что искали.

IV

По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области.

V

Я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный Наполеоном звёздной ночью профессорам-атеистам во время его похода в Египте: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?». Ведь если сказать, что Вселенная была создана непреложными законами, то это лишь вызовет другой вопрос: «Кто же создал эти законы?». Я, конечно же, не верю и никогда не верил в человекоподобного Бога, но верю в Разумную Силу по ту сторону всей деятельности Природы, Силу столь бесконечно сложную и великую, что мой ограниченный ум не может постичь о ней ничего, кроме самого факта её существования. В самом деле, сколь восхитительны порядок и равновесие, царящие в мире, и сколь потрясающе огромна должна быть Сила, необходимая для их создания и поддержания!

Человек, который заявляет, что мы ничего не можем знать, на мой взгляд, так же неразумен, как и тот, который утверждает, что всё было открыто нам в божественном откровении. Абсолютно невыносимой породой людей, я считаю, являются те самоуверенные учёные, которые досконально знают свою узкую область и которым вместе с тем не хватает воображения, дабы уразуметь, какой ничтожной малостью являются сомнительные знания, коими они располагают, в сравнении с необъятностью того, что остаётся нам неведомым. Такой человек считает, будто существование Вселенной объясняется действующими в ней законами, словно закон не нуждается в своём создателе точно так же, как и существующий материальный мир! Движение снаряда может быть объяснено законами физики, отчего, однако, необходимость наличия инженера ни в коей мере не становится менее очевидной. В нашем мире так уж устроено, что как только появляется фанатик с какого-либо рода крайностями, тут же в противовес ему возникает фанатик прямо противоположного толка, который сводит на «нет» усилия первого. Стоило появиться мамелюку, как тут же возник крестоносец. Раз есть феии, то нате, пожалуйста, и оранжиста. Каждое действие имеет своё противодействие, у каждой силы – свой откат. Точно так же и эти ограниченные учёные попросту противопоставлены тем джентльменам, которые до сих пор верят, будто мир был сотворён в 4004 году до Р.Х.

В конце концов, истинная наука должна быть солидарна с религией, так как наука есть накопление фактов; а все факты создают основание, из которого мы можем сделать выводы о том, что мы собой представляем и ради чего мы находимся здесь. Но несомненно, что чем более мы всматриваемся в методы, посредством коих получают результаты, тем более поразительной и изумительной становится та Великая Незримая Сила, что стоит за всеми фактами материальной природы, – Сила, которая в целости и сохранности несёт Солнечную систему в бесконечности космоса и одновременно соизмеряет длину хоботка насекомого с глубиной чашечки содержащего нектар цветка. Что представляет собою этот Центральный Ум? Можно дать догматику-учё-

ному микроскоп с 300-кратным увеличением или телескоп с шестифутовым рефлектором, но ни в микро-, ни в макром мире он не сможет обнаружить следов величайшей силы, движущей всем сущим.

Что сказали бы мы о человеке, которому было предложено рассмотреть огромную и прекрасную картину и который ограничился бы тем, что сказал, что толкование её рисунка, данное кем-то ранее, ошибочно, и из того сразу заключил бы, что картина не была написана художником, или ещё стал бы утверждать, что у него нет никаких средств выяснить, *нарисована* она художником или нет? В последнем случае, на мой взгляд, мы имеем в чистом виде выражение позиции самых крайних агностиков. Можно было бы спросить: «Разве существование картины не является само по себе свидетельством того, что над ней поработал умелый художник?» Тогда приверженец подобных взглядов ответил бы: «Да нет, почему же? Вполне возможно, что картина произвелась сама собой с помощью действия определённых правил. Кроме того, когда я впервые увидел картину, я был уверен, что она произвелась за неделю, но, внимательно её изучив, я могу с полной уверенностью сказать, что для составления её потребовалось довольно значительное время. Поэтому я остаюсь при том мнении, что в высшей степени сомнительно, чтобы она вообще была когда-то нарисована».

Если, с одной стороны, отбросить эту чрезмерную научную щепетильность, а с другой, веру – на том основании, что обе оне давно не выдерживают никакой критики, – тогда останется совершенно ясный вывод, что Вселенная самим фактом своего существования подразумевает наличие своего Создателя; а уже из этого факта мы можем вывести некоторые из Его неотъемлемых свойств, как-то: Его могущество, Его мудрость, Его предвидение малейших нужд Его созданий и способность их удовлетворить. С другой стороны, нам не следует быть чрезмерно настойчивыми в прояснении тайны, которая скрывается в боли, жестокости – во всём, что нам представляется тёмным пятном на Его работе. Лучшее, что мы можем сказать о них, это то, что есть основание *надеяться*, что вещи сии не так дурны, как нам кажется и, вероятно, ведут к некоей более высокой цели. Плач измученного ребёнка и крики истязаемого жи-

вотного – это вещи, которым философу труднее всего дать разумное объяснение.

VII

Я изучил основоположения нескольких религий. И во всех них меня покорила необходимость насилия, которое я должен совершить над собственным разумом, дабы признать догмы любой из них. Религиозная этика по большей части восхитительна. Однако это же можно сказать и об этике британского законодательства. Но сам план творения, на котором религиозная этика построена! Право слово, самое поразительное из всего, что я видел за время своего непродолжительного земного странствия, это то, что такое множество одарённых людей – глубоких философов, хитроумных законников, вполне здравомыслящих светских людей – смогли принять подобное объяснение фактов жизни. Перед лицом их явного одобрения моё собственное мнение не могло бы сделать ничего лучшего, как затаиться внутри меня самого. Да вот только мне придаёт смелости довод, коий совсем не трудно найти при некотором размышлении: ведь величайшие законники и философы Древнего Рима и Греции тоже были все согласны по поводу того, что у Юпитера имелось множество жён и что он большой поклонник выпивки.

Не подумайте, будто я стараюсь принизить чью-либо точку зрения. Требуя терпимости к себе, мы ведь в первую очередь сами должны распространять её на других. Я просто объясняю здесь, какова моя позиция, как не раз делал это и прежде. И я прекрасно знаю, какой мне уготован ответ. Мне так и слышится строгий голос, вещающий: «Имейте веру! Рассудок – не помощник в таком деле». Что ж, чья-то совесть допускает подобные вещи, моя же ни за что мне такого не позволит. Я ведь так ясно вижу, что вера – не добродетель, а порок. Это коза, затесавшаяся среди овец. Если человек по собственной воле закрывает глаза и отказывается от зрения, то всякий согласится с тем, что это безнравственно и оскорбляет природу. И это, однако, не мешает теологам советовать человеку закрыть глаза рассудка –

дара куда более ценного – и отказаться от духовного зрения при рассмотрении самого насущного жизненного вопроса.

VIII

В мире сем я вижу крепкие основания для надежды, а что касается мира грядущего, то я твёрдо верю, что всё будет к лучшему. Я готов принять всё, что ни сочтёт нужным уготовить нам Верховный Владыка – от полного исчезновения до вечного блаженства.

Но многое в перспективах этого мира настраивает сердце человеческое на поющий лад. Добро оказывается всегда поверх зла, как масло поверх воды в бутылке. Человечество неуклонно развивается. Совершается всё меньше преступлений. Роль образования и культуры всё возрастает. Люди грешат меньше и думают больше. Когда мне встречается какой-нибудь малый грубой наружности, я не могу удержаться от мысли, что он и ему подобные суть представители вида, который скоро исчезнет с лица земли, как то когда-то случилось с динозаврами. Но мне кажется, что в интересах зоологических наук нам следует сохранить несколько экземпляров Билла Сайкса, дабы дети наших детей могли видеть, что это был за человек.

И затем, чем более мы прогрессируем, тем наша склонность к прогрессу усиливается. Наше продвижение вперёд происходит не по арифметической, а по геометрической прогрессии. Мы содержим в себе всеохватывающий интерес ко всему капиталу знания и добродетели, накопленному от начала времён. Предполагается, что между эпохами палеолитического и неолитического человека уместается около 80 тысяч лет. И всё же за это время человек только и смог сделать, что научился обтачивать каменные орудия вместо того, чтобы обкалывать их. Но за время жизни наших отцов каких только изменений не свершилось? Железная дорога и телеграф, хлороформ и электричество. Нынешние десять лет значат больше, чем прежние десять тысяч, не столько за счёт обострения нашего интеллекта, сколько потому, что знание, которым мы располагаем, указывает нам путь к гораздо большему. Первобытный человек шёл медленно и по-

стоянно спотыкаясь, мы же стремительно идём вперёд к неведомой нам цели.

И хотел бы я знать, в чём она состоит, эта цель! Разумеется, я говорю о нашей жизни в здешнем материальном мире. С тех самых пор, как человек впервые нацарапал иероглифы на остроконе или накалякал письма краскою на листе папируса, он наверняка должен был так же страстно желать узнать это, как и мы сегодня. Я полагаю, что нам сегодня *известно* немного больше, чем им. У нас есть временной отрезок протяжённостью более трёх тысячелетий, из коего мы можем рассчитать путь, по которому пойдут наши потомки. Но вот только обольщаться не стоит: этот временной отрезок такой крошечный в сравнении с протяжённостью эпох, которые Провидение употребляет для исполнения Своих замыслов, что наши расчёты и выводы касательно Его деятельности скорее всего окажутся эфемерны.

Разумеется, примесь догматизма неизбежно присутствует, коль скоро мы берёмся определять законы касательно своего будущего развития; ибо как мы можем знать, что природою для нас не предусмотрены фазы, о которых у нас нет и понятия? В конце концов, несколько секунд представляют гораздо больший отрезок дня, чем средняя продолжительность нашей жизни применительно к периоду, в течение коего продолжается известное нам время существования мира. Но если бы человек жил только несколько секунд в течение этого дневного времени, а также его сын и сыновья его сыновей, то что бы их объединённый опыт, после сотен поколений, мог сказать им о таком явлении, которое мы называем ночью? Так что вся наша история и знание никак не гарантируют нас от того, что мир не предназначен для прохождения через какие-то состояния, о которых мы не можем составить себе никакого понятия.

Поглотит ли цивилизацию варварство? Вот в чём вопрос. Прежде это уже случалось, потому что цивилизации прошлого были лишь крошечными искрами, вспыхнувшими во мраке. Но наша цивилизация, скорее всего, не исчезнет, а вырастет и усложнится. Человек покорит воздушные просторы и морские глубины. Успехи профилактической медицины искоренят болезни и приведут к тому, что причиной смерти останется только старость. Образование и более социалистическая организация общества по-

кончат с преступлениями. Англоговорящие нации объединятся с центром в Соединённых Штатах. Постепенно европейские государства последуют их примеру. Война делается редкой, но зато, наверное, более ужасной. Современная форма религий упразднится, но суть её останется, так что единая, вселенская вера будет воспринята всей цивилизованной землёю. Эта вера будет проповедовать доверие к Руководящей Силе вселенной, но и тогда мы будем знать об этой Силе не больше, чем теперь.

IX

Мы знаем, что многие постоянные явления Вселенной *не* являются случайностью. Не случайность, что небесные тела, вращаясь по своим орбитам, не сталкиваются друг с другом*. Не случайность, что семя обладает приспособлением, перемещаю-

* Здесь невольно вспоминается изумительная глава «О вольнодумцах» в книге Жана Лабрюйера «Характеры», где по аналогичному поводу он говорит, в частности, следующее:

«Итак, я стою на Земле, которая не что иное, как песчинка, которая ни на чём не держится и словно висит в воздухе. Вокруг неё, на высоте, превосходящей все наши понятия, вращается почти бесконечное число огненных шаров невыразимой и потрясающей воображение величины, которые вот уже на протяжении невообразимого количества лет изо дня в день проносятся через безмерные и беспредельные просторы неба. С вас мало этого? Тогда представьте себе, что Земля сама с непостижимой скоростью вращается вокруг Солнца, и все эти шары, все эти колоссальные движущиеся тела не препятствуют вращению соседних, не мешают друг другу, не сталкиваются между собой; в самом деле, что стало бы с Землёю, если бы мельчайшее из них по ошибке встретилось с нею? Напротив, все они занимают свои места, блюдают предустановленный порядок и так невозмутимо следуют назначенным им путём, что ничей слух не способен услышать их ход, а простолюдины даже не подозревают об их существовании. О, несравненная предусмотрительность случая! Даже разум не сумел бы устроить всё это обдуманнее! Меня смущает только одно: эти огромные тела так точны и постоянны в своём беге, вращении и взаимодействии, что даже некие крохотные животные, затерянные в одном из уголков того неизмеримого пространства, которое называется Вселенной, нашли, понаблюдав за светилами, способ безошибочно предсказывать, в какой точке своего пути

щим его на подходящую почву. Не случайность, что существо приспособлено к среде, в которой оно обитает. Покажи мне кита, одетого в толстое пальто из жира, и мне не нужно уже другого доказательства существования высшего замысла. Но в согласии с логикой, как кажется мне, всё должно быть либо замыслом, либо случайностью. Я не вижу, как можно было бы провести прямо через всю Вселенную раздел и сказать, что всё по правую сторону является случайностью, а всё по левую предопределено. Нам пришлось бы тогда утверждать, будто вещи, принадлежащие к одному и тому же классу, в действительности разделены непроходимой пропастью и что менее важные регулируются, тогда как более высокие нет. Поясню: мы будем вынуждены допустить, что число сочленений на задней ноге у блохи подразумевает прямое вмешательство Творца, тогда как несчастный случай, в результате которого в театре погибла тысяча людей, зависел от падения на пол восковой спички и был непредвиденным изъяном в цепи жизненных событий. Так вот, мне представляется, что подобное немыслимо.

Очень поверхностный довод сказать, что если человек фаталист, то он поэтому перестанет бороться и будет покорно дожидаться того, что ему пошлёт судьба. Утверждающий это забывает, что среди прочих предопределённых вещей есть и та, что мы, люди северных рас, *будем бороться и не* будем сидеть сложа руки. Но после борьбы, когда человек сделал всё, что знал и мог, и когда, несмотря на это, ожидаемый результат не наступает, пусть он выждет лет десять прежде, чем утверждать, что это невезение. Тогда, скорее всего, полученный итог окажется основной линией его судьбы, которая действует ради определённой цели. Иной человек теряет богатство, но зато приобретает серьёзность. Другой теряет зрение, но это ведёт его к духовности. Девушка утрачивает красоту, зато становится симпатичнее. Мы думаем, что смело идём своим путём, тогда как на самом деле нас всё время держит за руки великая длань Всевышнего.

окажутся последние через две, четыре, двадцать тысяч лет, начиная с сегодняшнего дня. Вот это и озадачивает меня. Если столь непререкаемые законы соблюдаются лишь благодаря случаю, то что же такое тогда порядок и закон?» (П.Г.).

Х

Ещё шестьдесят лет назад столь проницательный мыслитель, как лорд Бругэм, заметил, что в ясном небе скептицизма он усматривает лишь одно плывущее по нему облако, и это – современный спиритуализм. Данное сравнение странным образом перевернуто: было бы гораздо вернее сказать, что в затянувших небосвод облаках скептицизма усматривается лишь один просвет, и это именно современный спиритуализм, но в конечном итоге его слова лишь показывают, что он понимал грядущую важность этого движения. Рёскин, ум ничуть не менее выдающийся, заметил однажды, что его уверенность в бессмертии целиком основывается на фактах, установленных Спиритизмом. Можно назвать десятки, сотни знаменитых имён, поддержка которых безусловно облагораживает любое дело на земле и носители которых подписались бы под этим же утверждением. Эти люди как бы высочайшие горные пики, на которые в первую очередь падает свет занимающейся зари, но в конечном счёте рассвет разгорится до такой степени, что самое незначительное возвышение на земной поверхности окажется охвачено им. Давайте же повернёмся к этому свету лицом и присмотримся к названному движению, которое вполне определённо предназначено в такой степени революционизировать человеческую мысль и деятельность, как то до сего времени во всю христианскую эпоху не удалось сделать никому другому.

ХІ

Это движение, которое призвано придать жизнеспособность нынешним мёртвым и холодным религиям, называется «новейшим спиритизмом». «Новейший» (или «современный») – слово, указывающее на то, что само по себе явление в той или иной форме существовало и раньше и, стало быть, старо, как мир. Во все времена, как бы оно ни было затемнено выражающими его формами, оно было той самой сердцевиной, тем духовным пламенем, которое пылало в глубине всех религиозных идей, и оно же пронизывает собой всю «Библию» из конца в конец. Но сло-

во «спиритизм» было так опошлено профанами и шарлатанами, что почти хочется заменить его каким-либо другим термином (например, «духовная религия») и тем очистить сам предмет от старых предрассудков наподобие того, как месмеризм после многих лет гонений получил быстрое признание, когда сменил название, став именоваться гипнотизмом*. С другой стороны, нельзя забывать, что многие отважные первопроходцы сражались под этим знаменем и, не страшась поставить под удар свою профессиональную карьеру, свои достижения и даже свою репутацию как людей здравомыслящих, публично защищали то, что они знали как истину.

Их отважная, бескорыстная преданность делу Спиритизма не могла не дать своих плодов и много сделала для очистки имени, за которое они боролись и страдали. Именно они вынырнули Учение, которое обещает стать не новой религией – уж слишком оно велико, чтобы вписаться в подобные рамки, – но фундаментальной частью всего общечеловеческого достояния знаний и мудрости. Однако усовершенствованный Спиритизм будет, по всей вероятности, так же мало похож на Спиритизм 1850 года, как современный локомотив – на котелок с кипящей в нём водой, что, однако, не помешало последнему ознаменовать собой эру паровых машин. В конечном счёте Спиритизм скорее станет доказательством и основанием всех религий, чем религией самой по себе. У нас и так уже слишком много религий и слишком мало доказательств.

XII

Легко высмеивать летающие столы и дрожащие стены, однако это были самые доступные и естественные объекты, способные отобразить на материальном уровне действие силы, недоступной человеческому восприятию. Рассудок, остававшийся глухим к возвышенным рассуждениям, проснулся и обнаружил новые направления для исследований, столкнувшись с простей-

* Мы же в данном случае вместо «духовной религии» предлагаем термин «карденизм», составленный из фамилий создателей *духоведения*, или *новейшего спиритизма*, – Аллана Кардека и Леона Дени (П.Г.).

шими, но при этом совершенно необъяснимыми фактами. Можно назвать эти явления детской чепухой, однако они выполнили своё предназначение: потрясти до самых основ мировоззрение тех учёных-материалистов, кто войдёт с ними в непосредственный контакт. Их надо рассматривать не сами по себе, а как простейшие средства, способные направить мышление по новому пути. Эти пути вели напрямиком к осознанию жизни духа после смерти тела.

XIII

Мы можем спросить, почему столь серьёзные результаты возникают из столь незначительных источников? Именно этим вопросом задавались высокомерные философы Греции и Рима, когда красноречивый проповедник Павел вместе с рыбаком Петром и их полуграмотными учениками отвергли все их многоумные теории и с помощью женщин, рабов и иудеев-раскольников низвергли их старые языческие верования. Ответом на это может быть лишь то, что у Провидения есть собственные пути достижения нужных целей и что Оно редко сообразуется с нашими представлениями о подобающем и пристойном.

XIV

Читатель вправе воскликнуть: «Разве мы вернулись в эру чудес?» Никаких чудес не бывает. Всё, что мы увидели и о чём сообщают источники прошлого, есть не что иное, как проявление действия законов, ещё не открытых нами. Мы уже начали понимать, чего можно ожидать при подобных явлениях, а чего нет, и ограничения эти столь же жёстки, как если бы речь шла о явлениях из области физики. Следует соблюдать здравомыслие и не примыкать ни к тем, кто не верит ни во что, ни к тем, кто готов поверить слишком многому. Постепенно туман рассеется, и мы увидим очертания берегов, скрытых до поры от нашего взора. Когда иголка впервые подпрыгнула, притянутая магнитом, это не было нарушением закона тяготения. Это было лишь локаль-

ное проявление более сильного взаимодействия. Так же можно расценивать и случаи действия психической силы на материальном уровне. Если бы Хоум усомнился в своих возможностях или если бы кто-то нарушил спокойную обстановку его окружения, то он бы упал на землю. Когда Св.Пётр утратил веру, вода тут же накрыла его. В течение многих веков одна и та же причина приводила к одному и тому же следствию. Духовная сила не покидала нас на протяжении веков, и то, что было дано древней Иудее, не отнято и у современной Англии.

XV

Надеюсь, с моей стороны не будет самонадеянностью утверждать, что эволюция моей исследовательской мысли не была слишком уж скороспешной и что на ней не лежит печать легковерия, так как это два воистину глобальных обвинения, выдвигаемых против нас оппонентами. Она, напротив того, оказалась слишком неспешной, ибо я был преступно медлителен, помещая на весы справедливости любую мелочь, которая могла бы оказать на меня влияние. Не разразись мировая война, я, скорее всего, так и провёл бы жизнь лишь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени своё симпатизирующее, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету – как если бы речь здесь шла о чём-то безличном и далёком вроде существования Атлантиды или о какой-то абстрактной полемике. Но пришла Война и принесла в души наши серьёзность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том, что смерть уносит цвет нашей нации, заставляя молодёжь нашу на заре многообещающей юности, когда мы видели кругом себя жён и матерей, живущих с пониманием того, что их любимых супругов и чад более нет в живых, мне вдруг сразу стало ясно, что эта тема, с которой я так долго позволял себе заигрывать, была не только изучением некоей силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она нечто действительно невероятное, какой-то разлом в стене, разделяющей два наших

мира, непосредственное, неопровержимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в годину самого глубокого её потрясения. Внешняя материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо когда мне стало понятно, что он несёт истину, то исследовать снаружи здесь стало нечего. Бесконечно большее значение явно имела его религиозная сторона. Так, сам по себе телефонный звонок есть сущая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с помощью телефонного аппарата вы узнаете нечто для себя жизненно важное. Похоже, все спиритические явления, и большие и малые, являются своего рода телефонными звонками, которые, невзирая на свою сугубо материальную природу, кричат роду человеческому: «Прислушайтесь! Пробудитесь! Будьте готовы! Вот подаются вам знаки. Они приведут вас к посланию, которое желает передать вам Господь». И важно само послание, а не эти знаки. По всей видимости, некое Новое Откровение готовилось быть переданным человечеству, хотя и можно сказать, что оно пока находится только на стадии Иоанна Крестителя по отношению к учению Христа, и никто не может ещё сказать, сколь велика окажется полнота и ясность этого Нового Откровения.

XVI

Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что явления эти значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и несколько не интересующихся содержанием передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают (или примут) очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях вос-

созданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала.

XVII

Физическим основанием всякой психической веры является то, что душа представляет собой полный дубликат тела, походящего на неё в мельчайших деталях, хотя и построенного из гораздо более плотного материала. В обычных условиях оба этих тела настолько переплетены, что присутствие более тонкого из них вовсе не замечается. Однако при смерти (а при наличии определённых условий и при жизни) эти тела разделяются и могут быть увидены раздельно. Смерть отличается от условий отделения тонкого тела при жизни лишь тем, что между двумя телами происходит полный разрыв и жизнь полностью переносится в более лёгкое тело, тогда как более грубое, подобно кокону, который скинула с себя находившаяся в нём личинка, распадается и исчезает. Вот только мир человеческий, с большой торжественностью погребая кокон, мало, увы, заботится о том, что стало с пребывавшей в нём более благородной частью. По мнению многих, наука не признаёт этого положения, и потому утверждать его, с чьей бы то ни было стороны, является чистейшим догматизмом. Действительно, наука, которая не изучила фактов, не признаёт этого положения, но мнение такой науки, безусловно, не имеет никакого значения или уж во всяком случае обладает куда меньшим весом, нежели мнение тех, кто психические явления изучал.

Да и что такое наука? Наука – это лишь согласие мнений учёных между собой, и история показала, что наука весьма медлительна и неповоротлива, когда речь идёт о необходимости принять истину. Наука двадцать лет не желала признавать Ньютона и его законы. Наука математически доказала, что корабль из железа не сможет плавать, и наука же заявила, что пароход никогда не пересечёт Атлантику.

Подобно Мефистофелю у Гёте, наши учёные только и могут что *«stets verneinen»**. Спрашивается, каким весом может обла-

* постоянно отрицать (нем.).

дать такого рода наука? Она – те же самые теологические пред-
рассудки, из-за которых церковники, современники Галилея,
отказывались взглянуть в телескоп, к которому приглашал их
великий астроном.

Настоящая наука – та, которая изучила факты, она – единст-
венный значимый авторитет, а мнение её представителей по
данному вопросу практически единодушно. Знаменитый мате-
матик профессор Огастес де Морган как-то заметил, что Спиритизм можно считать заблуждением или шарлатанством ничуть
не в большей степени, нежели философию, ему противостоя-
щую.

Если скептики и отрицатели перестанут верить в непогреши-
мость своих методов и обратят взор свой к Востоку – прароди-
не всех великих идей, – то они найдут там школу философов и
учёных, которые, работая по совершенно иным направлениям и
принципам, чем их братья на Западе, ещё тысячу лет назад опе-
редили последних по всем основным направлениям знания.

XVIII

Спиритическое движение встретило горячее сочувствие и
жестокое противодействие с самого начала. Сегодняшняя наука
укоренилась в материализме и, столкнувшись с совершенно но-
вым и неожиданным предложением, отбросила все собственные
же весьма достойные аксиомы. Так, Фарадей заявил, что, при-
ступая к новому предмету, следует а priori составить мнение о
том, что возможно, а что нет! Гексли сказал, что потусторонние
сообщения, даже если они подлинны, «интересуют его не боль-
ше, чем болтовня церковных служек в притворе храма». Дарвин
сказал: «Боже нас упаси верить во что-то подобное!» Герберт
Спенсер также высказался против этой темы, хотя и признал,
что у него не нашлось времени с ней познакомиться.

Профессора Роберт Гэр и Горас Грилей были среди просве-
щённого меньшинства, которое удостоверилось в истине, стоя-
щей за этим движением, и потому приняло его сторону.

Облик движения не раз искажался многими прискорбными
происшествиями, что может объяснить, но никак не извинить то

упрямое неприятие, которое оно встретило в столь многих кругах. В действительности это неприятие главным образом основывалось на абсолютном материализме эпохи, не желавшем допускать, будто в настоящее время могут существовать такие условия, которые признаны для далёкого прошлого*. Когда таким людям приходится сталкиваться с фактами, подтверждающими реальность жизни после могилы, жизни, в какую они по долгу службы провозглашают себя верующими, то они болезненно морщатся, с отвращением отдаляются и объявляют такие факты невозможными.

XIX

В целом я склоняюсь к мысли, что все эти полные сомнений и нерешительно настроенные учёные, имеющие, кстати, собственные исследования, достойные внимания, попросту ограничили круг своего чтения и своё мышление объективной стороной вопроса и не осознают, какое огромное количество доказательств имеется с его субъективной стороны, дающей нам точную картину потусторонней жизни. Эти учёные пренебрегают документами, не имеющими объективной доказуемости, и недостаточно, на мой взгляд, понимают, что общая согласованность свидетельств, равно как и сам факт идентификации свидетеля, являются объективным доводом истинности.

Некоторые к тому же усложняют дело, предсказывая сущест-

* Конан-Дойль в данном случае имеет в виду позицию, занимаемую христианской Церковью. Несколько раньше Карл Дюпрель по этому же поводу писал, что господа церковники признают оккультно-мистические факты, лишь когда они датированы первыми веками христианства, и считают такую мистику *белой*, т.е. идущей от светлых сил; аналогичные же факты дней нынешних, будучи произведены нашими современниками, у них причисляются к мистике исключительно *чёрной*, т.е. идущей от злых сил, словно бы Бог заботился об этом мире только в первые века новой эры, а после целиком предоставил его в распоряжение дьявола – точка зрения, напрочь лишённая логики; помимо того, как мы показали в других наших работах, сама вера в существование дьявола и тёмных сил является плодом логической ошибки и невежества, соединённого с больной фантазией (Л.Г.).

зование в природе какого-то четвёртого измерения, но сам термин является абсурдом, как абсурдны все термины, не находящие соответствующего впечатления в человеческом мозгу. Нам и без того хватает тайн, ждущих от нас своего разрешения, чтобы беспричинно создавать ещё и новые. Если твёрдое тело проходит сквозь твёрдое, то, разумеется, проще предположить, что совершается это за счёт дематериализации и последующего синтеза – это, по крайней мере, процесс, который укладывается в человеческой голове, – нежели приводить объяснение, которое само нуждается в ещё более сложном объяснении.

XX

Можно написать имена пятидесяти профессоров, преподающих на кафедрах в крупнейших университетах, которые рассмотрели и признали эти факты. В этом списке значились бы многие величайшие умы мировой науки нашего времени: Фламмарин и Ломброзо, Шарль Рише и Рассел Уоллес, Вилли Рейхель, Мейерс, Цолльнер, Вильям Джеймс, Лодж и Крукс. Таким образом, факты *были* признаны той единственной наукой, которая имеет право выражать мнение. За тридцать лет моего опыта на ниве Спиритизма мне ни разу не встретился хотя бы один учёный, который бы, тщательно изучив этот предмет, в конце концов не принял объяснение, даваемое ему Спиритизмом. Таковой, полагаю, может существовать, но, я повторяю, я никогда о нём не слышал.

XXI

Сейчас мы располагаем большим опытом относительно феноменов такого рода и с известной степенью достоверности можем определить, что именно произошло в Гайдсвилле в 1848г. Мы знаем теперь, что эти явления подчиняются закону и определённым условиям так же, как и все явления во Вселенной, хотя в ту пору они и представлялись публике событием изолированным и исключительным. С одной стороны, имелся полуматериальный, привязанный к земле дух низкой степени развития, которому, для того чтобы обнаружить своё присутствие, был

необходим медиум. С другой стороны, наличествовал хороший медиум для производства физических феноменов – явление довольно редкое. В результате спиритические проявления возникают почти с той же неизбежностью, с какой при должном соответствии между электрической батареей и проводом проскакивает искра. В настоящее время профессором Кроуфордом в Белфасте проводятся спиритические эксперименты, в которых такого рода следствие и причина чередуются в должной последовательности, что подробно представлено им в двух его последних книгах: «Реальность спиритических явлений» и «Эксперименты в области спиритической науки»*. Там он, в частности, показывает, что происходит действительное уменьшение веса тела медиума в прямом соответствии с происходящими спиритическими явлениями. Весь секрет медиумизма с материальной стороны данного явления заключается, по всей видимости, в энергии, совершенно не зависящей от воли самого медиума, который пассивно отдаёт какую-то часть собственной телесной субстанции для использования её потусторонними операторами. Почему одни люди обладают этой энергией, а другие нет? Мы не знаем этого – точно так же мы не знаем, почему у одних есть музыкальный слух, а у других нет. И то, и другое появляется у нас и не находится в прямой связи с нашим нравственным обликом и темпераментом. На первых порах была обнаружена медиумическая способность для совершения физических проявлений, и общественное внимание сосредоточилось на движущихся столах, на самостоятельно играющих музыкальных инструментах и прочих сугубо материальных проявлениях потустороннего влияния, сильных своей неоспоримостью. К сожалению, разного рода мошенники очень быстро научились этим явлениям подражать. Но с той поры мы узнали о существовании множества других форм медиумической способности, столь отличных одна от другой, что обладатель одной из них оказывался совершенно бессильным в проявлении остальных**. Автоматическое писание, ясно-

* «The Reality of Psychic Phenomena»; «Experiences in Psychical Science» by Pr. W.J. Crawford, Watkins (П.Г.).

** За подробностями отсылаем читателя к «Книге Медиумов» Аллана Кардека – непревзойдённому руководству по практическому спиритизму (П.Г.).

видение, глание в кристалл, говорение в трансе, спиритическая фотография, прямой голос и многое-многое другое – все эти явления, когда они подлинны, являются выражением одной и той же энергии, которая течёт по разным каналам. Все эти проявления входили в «свод даров», способностями к производству которых в первые времена христианства обладали его последователи. Злокозненному распространению имитации спиритических явлений, несомненно, долгое время содействовала необходимость темноты, провозглашённая ранними экспериментаторами. Но с той поры, как величайший медиум всех времён Д.Д.Хоум благодаря исключительной силе своей энергии оказался способен данным требованием пренебречь, соблюдение темноты не является более принципиальным положением. В то же время факт, что темнота скорее, чем свет, и сухость скорее, чем влажность, благоприятствуют хорошим результатам, был с избытком удостоверен, и он указывает на то, что эти явления подчиняются определённым физическим законам. Наблюдение, сделанное много позднее, согласно которому беспроводный телеграф (другая эфирная сила) в два раза успешнее действует ночью, нежели днём, может служить подтверждением выводов ранних спиритов; в то же время их утверждения об относительной безвредности для спиритических проявлений красного света имеют соответствующую аналогию в работе фотографа.

XXII

Мне думается, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели раз возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бежит от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в будущем и духовные силы в настоящем для того, чтобы достичь должного пони-

мания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально.

XXIII

Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются в прах перед простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я – Инесса, твоя сестра».

Я пожимал материализовывавшиеся руки.

Я вёл длинные беседы с прямым голосом.

Я ощущал специфический озонообразный запах эктоплазмы.

Я слышал пророчества, которые вскоре сбывались.

Я видел образ «умершего», запечатлённый на фотографической пластине, которой не касалась ничья рука, помимо моей.

Я получал через руку моей жены исписанные блокноты, содержавшие информацию, выходившую за пределы её сведений.

Я видел, как по воздуху летают тяжёлые предметы, которых не касалась человеческая рука и которые меняли направление движения, покорные воле незримых операторов.

Я видел духов, гуляющих по комнате в полумраке и присоединяющихся к разговору присутствующих.

Я знал женщину, не обладавшую никакой художественной техникой и тем не менее быстро нарисовавшую под водительством духа-художника картину, висящую теперь в моей гостиной и которую немногим из живущих и здравствующих художников удалось бы улучшить.

Я читал книги, которые могли бы исходить только от величайших мыслителей и учёных и которые всё же были написаны необразованными людьми, действовавшими как медиумы незримых умов, столь явно превосходящих их собственный. Я опознал манеру и стиль умершего писателя, которого бы не смог так скопировать ни один пародист, причём строки эти были написаны именно его почерком.

Я слышал пение, находящееся за пределами наших земных возможностей, и я слышал свист, который производился без паузы, необходимой нам для взятия воздуха.

Я видел предметы, бросаемые издалека и попадающие в комнату с запертыми дверями и окнами.

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские причины сомневаться в здравости собственной психики. Почему он должен обращать внимание на болтовню безответственных журналистов или на то, как качают головой не имеющие в этом деле никакого опыта учёные после всех тех доказательств, которые ему удалось собрать самому? В данном вопросе они по сравнению с ним всего лишь дети и должны сидеть у ног его.

Я хотел бы уверить читателя в том, что эти страницы были написаны человеком, не жалеющим своих сил для того, чтобы на собственной практике познать Учение. Что касается обвинений в излишней доверчивости, которые выдвигают все кому не лень в адрес людей, высказывающих позитивное мнение по поводу этого предмета, автор может торжественно заявить; за всю свою долгую карьеру исследователя он не может припомнить ни одного случая, когда ему пришлось бы признаться в собственной ошибке или удостоверить реальность событий, признанных впоследствии обманом. Доверчивый человек не смог бы посвятить двадцать лет чтению и экспериментам перед тем, как составить своё окончательное мнение.

Вопрос этот, однако, не таков, чтобы можно было обсуждать его неким отвлечённым и безличным образом, как то имеет место, когда говорят, например, о существовании Атлантиды. Это тема интимная, глубоко личная и жизненно важная в высшей степени.

XXIV

Можно сказать, что в наше материалистическое время проповедь христианских сентенций, лишаящих человека веры в жизнь после смерти, вряд ли будет кем-то услышана. Доктор Мак-Дугал в своей президентской речи в американском Обществе психических исследований* указывал на связь между кри-

* «American S.P.R.», January, 1923.

зисом религии и распространением материализма. Он говорил: «Только психические исследования могут изучать факты, не совместимые с материализмом. Материализм распространяет своё влияние, и никакие другие силы не в состоянии остановить его победное шествие: и богооткровенная религия, и метапсихическая философия в равной степени бессильны перед надвигающимся приливом. И если эта волна будет подниматься и усиливаться, как это происходит в настоящий момент, то по всем признакам её разрушающая мощь сметёт то, что с таким трудом завоёвано человечеством – все моральные традиции, созданные не одним поколением людей для упрочения истины, достижения справедливости и совершения благотворительности».

Хотя психические исследования сами по себе могут значительно расходиться с религией, выводы и уроки, которые мы всё же в состоянии из них извлечь, просвещают нас о вечной жизни души, о природе этой жизни и о том, как она влияет на наше поведение в земном мире. Если это находится в противоречии с официальной религией, то я должен признаться в том, что не понимаю почему. Для меня это и есть религия – сама суть её. Спиритизм – это великая сила, объединяющая все мировые религии, христианские и нехристианские. В то же время это Учение способно глубоко воздействовать на традиционное христианство, не опровергая его, а объясняя и развивая. И я считаю, что Новое Откровение прочит неизбежную гибель материализма.

XXV

Феноменологический аспект Спиритизма, по мнению ведущих спиритов, не составляет главной его части. Гораздо важнее суть полученных сообщений: физическая смерть – всего лишь этап перерождения духа, жизнь духов во всех отношениях можно считать человеческой; приятное дружеское общение неотъемлемо от этой фазы жизни, и духи совершенно не хотят вернуться к своему прошлому состоянию. Они с удовольствием общаются со своими земными друзьями, желая убедить их в том, что после распада тела жизнь продолжается, в то же время духи заявили о том, что они не обладают даром пророчества.

XXVI

Уже давным-давно мой ум нашёл достаточно подтверждений истинности многого, что представляется на первый взгляд невозможным и невероятным. В своё время у меня появился пространный рассказ, полученный с помощью столоверчения, об условиях жизни в потустороннем мире. Детали излагаемого показались мне невероятными, и я отложил отчёт в сторону, и однако оказалось, как я вижу теперь, что все детали того описания полностью согласуются с другими откровениями этого рода. То же случилось и с посланием, автоматически написанным г-ном Губертом Уэйлзом. Он бросил его в ящик стола, сочтя не заслуживающим серьёзного рассмотрения, и лишь потом выяснилось, что оно также вполне гармонирует с остальными*.

XXVII

Если бы только было можно представить единственного человека, который бы открыл мир бесплотных духов и объявил о нём всему человечеству, то его как открывателя новых миров пришлось бы поставить впереди Христофора Колумба, впереди апостола Павла как учителя новых религиозных истин и впереди Исаака Ньютона как исследователя законов Вселенной.

XXVIII

Если мысль, дух, разум человека могут действовать в отдалении от тела, то, стало быть, они, до известной степени, есть нечто отдельное, отличное от тела. Почему же в таком случае дух не может существовать сам собой даже тогда, когда тело уже погибло? С теми, кто недавно умер, проявления эти выражаются не только в виде действия мысли на расстоянии, но и приобретают внешность умерших, доказывая тем, что проявления эти осуществляются чем-то в точности таким же, как тело, но всё же действующим вне его и его переживающим.

* Фрагменты этого послания см. далее (П.Г.).

Теперь, сказав о духовном теле и указав, что его присутствие отрицается лишь представителями одной-единственной системы взглядов, давайте обратимся к тому, что происходит в момент смерти в соответствии с наблюдениями ясновидцев, по нашу сторону, и согласно посмертным рассказам самих умерших, по другую. Наличие подобной двусторонней гарантии при согласовании деталей картины даёт основание считать полученные сведения истиной.

При безболезненном и естественном процессе умирания более лёгкое тело высвобождается из более тяжёлого и медленно выходит из него, пока не окажется целиком рядом с ним, сохраняя за собой тот же ум, те же эмоции, те же очертания, что и тело, лежащее на смертном одре, сознавая всех присутствующих рядом и не имея возможности дать им знать о себе, за исключением тех случаев, когда среди них оказывается человек, обладающий более тонким духовным зрением и называемый ясновидящим. Как, спросим мы, более тонкое тело может видеть без естественных органов зрения? А как жертва гашиша видит своё бесчувственное тело со стороны? У духовного тела есть свои способности восприятия, которые дают ему такую возможность. Больше мы ничего сказать не можем. Ясновидящему новый дух видится как туманная фигура. Зрению обыкновенного человека он недоступен. Другому духу он, без сомнения, представляется нормальным и вещественным, как мы представляемся вещественными друг другу. Есть указания на то, что со временем духовное тело становится более тонким, а это значит, что к материальному оно ближе всего в момент смерти или сразу вслед за нею, чем по прошествии ряда месяцев или лет. Стало быть, появления умерших наиболее зримы и чаще всего наблюдаются во время смерти; молекулы их эфира, если позволительно так сказать, всё ещё обременены той материей, от которой оне только что отделились.

Что происходит с духовным телом, этой драгоценной ладьёй, несущей в себе нашу суть в плавании по неизведанным морям, после отделения его от более грубой материи? Очень много сообщений, устных и письменных, дошло до нас, в которых

подробнейшим образом описываются переживания и впечатления людей в мгновение смерти и сразу же вслед за ним. Устные сообщения поступают от трансовых медиумов, органы речи которых в течение сеанса оказываются под контролем потусторонних умов. Сообщения, автоматически написанные, получаются в результате аналогичного воздействия на пишущую функцию человеческого тела. При этих словах критик закономерно и вполне разумно возразит: «Какая чепуха! Как вы можете проверить это утверждение медиума, если он сознательно или бессознательно претендует на водительство извне?» Это здоровый скептицизм, и им должен руководствоваться всякий экспериментатор, исследующий нового медиума. Доказательства должны содержаться в самом сообщении. Если их в нём нет, то мы, как всегда, должны принять естественное объяснение, нежели то, которое требует очень многих допущений.

XXX

Бытует мнение, что компиляция – утомительный процесс, который должен скорее раздражать составителя, чем удовлетворять его. Если представить себе земного писателя, получающего материал для своей книги по междугородней телефонной связи, то с теми же трудностями сталкивается и оператор автоматического письма. И всё же, несмотря на отсутствие авторства, повествования во многих случаях получались довольно логичными, впечатляющими и чрезвычайно интересными. Их трудно назвать древними, так как в них описан сегодняшний день и грядущие перспективы нашей жизни.

Некоторые утверждают, что эти повествования очень отличаются друг от друга. Я так не считаю. После внимательного прочтения многих томов посмертных рассказов и великого множества рукописей, полученных в частном порядке от некоторых семей и скрытых от посторонних глаз, я был поражён обнаруженными в них совпадениями. То тут, то там истории напоминали одна другую, порой попадались и откровенные исповеди, отмеченные печатью сенсуализма, но в основном описания были рассудительны, разумны и в целом не противоречили друг

другу, даже если расходились в деталях, поскольку описания жизни каждой конкретной личности, конечно же, имеют свои особенности. Представим себе жителя планеты Марс, которого ознакомили бы с описанием жизни крестьянина-индуса, эскимосского охотника и профессора Оксфордского университета. Вышеозначенный персонаж усомнился бы в том, что подобные несхожие жизнеописания принадлежат людям, живущим на одной планете. Этой проблемы нет в загробном мире: насколько нам известно, там не существует таких контрастов. Можно сказать, что характерной особенностью земной жизни является смешение разных социальных типов, имеющих различный уровень духовного опыта, и полное несовпадение этого опыта с человеческой природой. Небеса отличаются от преисподней. В нашем мире человек имеет возможность превратить жизнь – свою и окружающих людей – в рай, пусть даже и на короткое время. Однако не стоит забывать и о том, что существует много путей превращения мира в сносное подобие ада, хотя трудно отрицать, что в определённые моменты человечество нуждается в чистилище.

XXXI

Итак, какова же эта новая жизнь в описании тех, кто перешел порог смерти? Попытаюсь ответить на этот вопрос.

Все сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни на земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но всё же, в общем, между ними есть определённое сходство; то же самое и здесь.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать её с такой же исчерпывающей точностью, как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком

случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что, согласно преданиям, явления Христа своим ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его* смерти и что среди ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто они видели его позднее. Словом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. Однако хотя картина, даваемая нами, и может оказаться неполной, всё же такова, как она есть, она весьма последовательна, логически выдержана и чрезвычайно интересна, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кого мы любим. В этом смысле сообщения представляются мне в высшей степени ободряющими, утешительными, будь то касательно нашей собственной судьбы или же судьбы наших друзей.

XXXII

Отошедшие в один голос указывают, что переход обычно лёгок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознаёт его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи, чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая часть случаев, ког-

* По нормам русского правописания, говоря о Христе в 3-м лице, пишут Он, Его и т.д. Мы же в книгах спиритов пишем эти местоимения со строчной буквы, прописная употребляется только тогда, когда речь идёт о Боге. К этому нас обязывает спиритическая идеология: спириты не считают Христа Богом или даже «Сыном Божиим» в буквальном смысле. С точки зрения Спиритизма, каждый человек – точно такой же сын Божий и имеет право заявить о себе: «Я есмь сын Божий». Для спиритов Иисус Христос – не божество, но дух, стоящий на самой вершине Духовной Иерархии и представляющий для нас, Землян, самого Бога (П.Г.).

да мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Такие появления происходят чаще всего в мгновение смерти, когда новое духовное тело ещё настолько близко к материи, что глаза сочувствующего человека могут его воспринять, чего, однако, уже не сможет случиться впоследствии.

Всё же сравнительно с общим числом смертей подобные случаи крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается сообщаться с теми, кого видит, однако его эфирный голос и эфирные прикосновения равно не способны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембраны, несмотря на то, что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинут нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив всё это в стороне, давайте проследуем за судьбой отошедшего духа.

XXXIII

Теперь он уже сознаёт, что в комнате рядом с людьми, которые были здесь при его жизни, есть ещё и другие, которые представляются ему столь же вещественными, как и живые, и среди них он узнаёт знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста те, кого он когда-то любил на земле и потом потерял. Затем вместе с ними и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определённое утверждение, и рассказ этот повторяется всеми, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Всё это сильно разнится от любой старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно поверить, что самые пустые и глупые люди, потрясённые столь необычным и страшным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг переменятся: но впечатления скоро притупятся и изгладятся, и тогда былой нрав этих людей утвердился и в новых условиях, и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами спиритических сеансов.

Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряжённости в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет большие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования такой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям.

XXXIV

Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорождённое дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы ада. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определённо и очень серьёз-

но, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и с тем знанием, которое им там определили их земные деяния, но для них также есть надежда, что искупление, а также помощь Высших Духов поднимут их на более высокую ступень развития. Высшие Духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения.

Оставив, однако, в стороне области испытания и искупления, которые, быть может, следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что сходное и однородное притягивается и что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе, что жизнь полна интереса и деятельности и что духи не желают возвращаться назад на землю. Всё это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю, что это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но неоспоримые факты, основанные на законах очевидности, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные утверждения, то утверждения эти имеют право считаться истиной.

XXXV

Теперь позвольте мне вкратце изложить, в чём суть этих утверждений. Умершие говорят, что они в высшей степени счастливы и не желают возвращаться назад. Они среди друзей, которых они любили когда-то в земной жизни и затем потеряли; друзей, которые встретили их на пороге нового мира при их смерти, и вот теперь они продолжают свой жизненный путь вместе. У них весьма много там самых разных занятий, близких им по духу. Мир, в котором они обретают себя после смерти здесь, очень похож на мир, покинутый ими, но всё в нём как бы настроено одной октавой выше, чем у нас. Мелодия играется на октаву выше, но ритм при этом остаётся прежним, соотношение

нот также не изменилось, но общий итог оказывается другим; так и с переменой мира. Каждая земная вещь имеет там свой эквивалент. Скептики потешались по поводу наличия в том мире спиртного и табака*, но ведь если все вещи воспроизводятся там, то было бы упущением, коли бы эти не воспроизводились на том же основании. Если бы ими злоупотребляли, как это происходит здесь, то это было бы действительно дурным известием, но ничего подобного не сообщалось, и в столь долго подвергавшемся пересудам послании Рэймонда на возможность их производства указывается не как на привычную практику, но скорее в юмористическом ключе, что может служить примером возможностей, имеющихся в потустороннем мире. Хотел бы я знать, был ли среди множества духовных особ, воспользовавшихся этим пассажем, дабы атаковать само по себе Новое Откровение, хоть один человек, который вспомнил о том, что другой и единственный в своём роде пример, связывающий спиртное с потусторонней жизнью, принадлежит самому Христу, когда он говорит: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего».

Однако данный вопрос не более, чем деталь, а обсуждать детали в предмете столь огромном и столь плохо различимом – занятие всегда неблагодарное. Самая мудрая женщина, которую я знал, как-то сказала мне: «Там могут и вполне должны быть весьма удивительные вещи, потому что если бы факты той жизни были сообщены нам прежде, чем мы вступим туда, мы бы никогда не смогли в них поверить». Самая простая идея о грядущей жизни заключается в том, что там получают развитие дары, коими мы обладаем уже сейчас. Есть там сфера деятельности для человека действия, интеллектуальная работа для мыслителя, художественная, литературная, драматическая и религиозная для тех, чья Богом данная сила направлена в эту сторону. Всё, что мы имеем в нашем мозгу и характере, мы уносим с собой туда. Никто не может быть настолько стар, чтобы ему не стоило учиться, потому что выученное он сохранит.

* Это курьёзное утверждение сделано Рэймондом Лоджем и фигурирует в книге, изданной его отцом Оливером Лоджем под названием «Рэймонд» (П.Г.).

В том мире у любви нет физической стороны, как и нет деторождения, однако союз супругов, любящих друг друга, там более близок, а говоря вообще, между полами существуют более глубокие дружба, симпатия и товарищество. Каждый мужчина или каждая женщина рано или поздно находят свою духовную «половину». Души детей вырастают до взрослого состояния, так что мать, потерявшая девочку двух лет от роду и умирающая двадцатью годами позже, находит взрослую дочь двадцати двух лет, дожидаящуюся её прихода. Старение, возникающее главным образом за счёт механического обызвествления наших артерий, исчезает, и каждый индивидуум достигает своего естественного роста и наружности, отмеченной совершенной мужественностью или женственностью. Пусть ни одна женщина не оплакивает свою утраченную красоту и ни один мужчина – утраченную силу тела и ума. Всё это они вновь обретут по ту сторону завесы. Ибо нет там ни уродства, ни телесной немощи, всё находится в норме и достигает своего наивысшего развития.

XXXVI

Всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. Смерть безболезненна. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности и приличий в новых условиях*. А тело наше там представляет собой точную копию нашего земного в его наиболее прекрасную пору, т.е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в поре наибольшего расцвета сил. В их мире нет телесной боли, но могут быть душевные муки. Жизнь имеет большое сходство с жизнью на земле в её лучшем виде. В том мире жизнь

* На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией души, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрешившихся от всего земного, то их одеянье состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами (Л.Г.).

преимущественно духовная так же, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вождения, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. У них есть удовольствия – музыка среди них. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились, и развитие их продолжается.

Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, всё сходное стремится к соединению, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Мужья и жёны необязательно встречаются, но те, что действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь.

Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации пока ещё грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит мысль. Человек там знает больше, чем знал при жизни. Духи пользуются превосходной справочной библиотекой либо же обладают невероятной памятью, производящей нечто вроде всеведения*. Это мир света и смеха. Общие условия жизни намного счастливее, чем на земле. Духи счастливы и не желают возвращаться на землю. Ими руководят Высшие Существа, у них нет ни богатых, ни бедных, они едят пищу.

Духи молятся и умирают в своём мире прежде, чем вступить в другой. Среди них есть католики, протестанты, буддисты и магометане, но все живут одинаково. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утончённость определяют всё. В то же время все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле – и ни в каком ином, – как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного

* Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, неизвестных здесь у нас, на земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после их перехода туда (П.Г.).

цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах. Но если даже человек и не верит в Бога, то он не будет за это страдать в следующей жизни, хотя, правда, и не достигнет в ней высокого положения. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром духов.

Продолжительность жизни в их мире меньше, чем на земле. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего они переходят в другие стадии существования, но между теми стадиями, по-видимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию.

XXXVII*

«Они обладают телом, которое хотя и невосприимчиво нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественно, как для нас наше; тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У них нет возраста; они не ощущают боли; среди них нет ни богатых, ни бедных. Они одеваются в одежды и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют «сном», состояние это – оно мне знакомо – приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования**». Люди сходных

* Отрывок из письма Губерта Уэйлза к Конан-Дойлю, в котором он сообщает последнему сведения о загробной жизни, полученные им много раньше, чем самим Конан-Дойлем, и из другого источника. Конан-Дойль приводит это письмо в своей книге. Г. Уэйлз был пишущим медиумом, или «психографом» (П.Г.).

** Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского миро-

мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего, что здесь у нас препятствует её полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они не способны испытывать телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создаёт различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово «работа» как таковое, но было много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас «работа» обычно означает «средство к существованию», а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности как-то «предугадываются» самым таинственным образом. Они говорят, что всё, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определённых сведений о каком-либо «временном наказании», но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и наслаждаться им».

воззрения, не понимают идеи перевоплощения и её отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации – один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов, в странах протестантских, идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства *французского спиритизма* (или карденизма) над *англо-американским спиритуализмом* (П.Г.).

Прежде чем оставить этот раздел темы, я должен сказать ещё пару слов об облике эфирного тела. Это тело – само совершенство. И иначе не могло бы и быть в наши дни, когда такое множество наших героев было покалечено в войнах. Невозможно покалечить эфирное тело, любые увечья его физического собрата его никак не затрагивают. И первые слова, которые на недавнем сеансе д-ра Абрахама Уоллеса сказал один пришедший дать о себе весть дух, были: «У меня снова есть левая рука». Родимые пятна, уродства, слепота и прочие несовершенства никоим образом не являются постоянными и исчезают без следа в той счастливой жизни, что нас ожидает. Таково Учение из мира загробного: совершенное тело ожидает каждого.

«А как же, – скажет критик, – описания, данные ясновидящими, или вообще видения, когда можно было увидеть старика-отца, одетого в старомодный наряд другой эпохи, или бабушку с кринолином и шиньоном? Это что, небесные одеяния?» Дело в том, что такие видения не являются самими духами, они лишь образы, *проекции*, которые создаются перед нами или направляются духами в наш мозг или мозг ясновидящего с целью облегчить узнавание. Отсюда седые волосы и отсюда же старый наряд. Когда действительно видят живого духа, он является в совершенно другом облике, облачённый в развевающиеся одежды – в таком виде традиционно описывали ангелов, – и он воспринимается как живое существо, которое своей окраской и текстурой недвусмысленно указывает на духовные условия своего существования, и, вероятно, его форма есть не что иное, как конденсация ауры, окружающей нас при земной жизни.

Это мир всеобщей симпатии. Лишь те, кто соединены её узами, встречаются там. Там нет ни мрачного мужа, ни ветреной жены, чтобы докучать невинному супругу. Всё лишь улада и покой. Жизнь в том мире – длительный и целительный отдых после нервного напряжения материальной жизни и перед новыми испытаниями в будущем. Обстановка домашняя и интимная. Сообщества счастливых душ живут в уютных усадьбах со всей приятностью, какую доставляют музыка и красота. Восхитительные сады, прекрасные цветы, зелёные рощи, прелестные

озёра, животные – домашние любимцы – всё с малейшими подробностями описано в посланиях путешественников-первопроходцев, которые наконец смогли дать о себе весть тем, кто остался копошиться позади, в нашем старом блёклom доме. Нет там ни бедных, ни богатых. Профессионал может продолжить там заниматься своим ремеслом, но занимается он этим только ради того удовлетворения, которое приносит хорошо выполняемая работа. Каждый служит сообществу по мере своих сил, и их навещают посланцы вышних сфер, кого в Священных Писаниях именуют *ангелами*, дабы направлять обитателей того мира и помогать им. Но надо всеми, наполняя всё своей аурой, пребывает великий дух Христа – самое душа разума, справедливости, сочувственного понимания, предметом предпочтительной заботы коего является планета Земля со всеми её мирами. Это место духовной радости и веселья. Есть в том мире всевозможные виды игр и спорта, за исключением всего того, что может причинить боль низшим формам жизни. Пища и питьё в грубом смысле не существуют, но, как кажется, там имеются удовольствия вкуса, и это отличие порождает неясность, не дающую толком понять смысл посланий по этому поводу. Но выше всего стоят ум, энергичность, сила характера, сила духа, и если они устремлены к добру, они делают человека лидером там, как и здесь. Бескорыстие, терпение и духовность в том мире, как и в нашем, определяют душе более высокие места, причём последние нередко достигаются благодаря тем самым невзгодам нашей жизни, которые представляются нам здесь такими бессмысленными и жестокими, но на самом деле являются для нас благоприятной возможностью ускорить своё духовное развитие, без чего наша материальная жизнь была бы бесплодна и напрасна.

XXXIX

Новое Откровение упраздняет идею о гротескном аде и фантастическом рае, вводя вместо них концепцию постепенного восхождения по ступеням существования без чудовищной перемены, которая бы во мгновение ока превращала нас из челове-

ка в ангела или демона. Эта система взглядов, хотя и отличается от предшествующих идей, не идёт, как мне кажется, радикальным образом против старых форм веры. На старинных картах их составители имели обыкновение помечать белые пятна, указывающие на неисследованные районы, надписями: «здесь живут антропофаги», «здесь владения людоедов» или «место произрастания мандрагоры». Так и в нашей теологии имелись плохо изученные области, которые по общему согласию были оставлены незаполненными, ведь ни один человек в здравом уме не верил в тот рай, что описан в наших книгах псалмов – этакую страну музыкальной праздности и бесплодного монотонного поклонения. Стало быть, внося ясность об обитателях этих неведомых пространств, новая система ничего не упраздняет. Мы просто стираем на наших теологических картах белые пятна, нанося соответствующие рисунки и надписи.

XL

Вполне можно, однако, спросить: допустим, существование такой жизни и такого мира, как они были описаны, вполне удостоверено, но что происходит тогда с теми, кто не заслужили столь благоприятной доли? Что послания из мира иного говорят по их поводу? Но здесь как раз и не следует быть слишком категоричными, потому что нет смысла заменять одну догму другой. Можно дать лишь общий смысл такой информации, достоверность которой нам вполне гарантирована. Естественно, что те, с кем мы вступили в контакт, являются теми, кого мы в подлинном смысле слова можем назвать *блаженными*, потому что если к вызыванию духов подходить в почтительном и религиозном духе, на наш призыв закономерно откликаются именно такие души. То, что имеется множество менее удачливых, чем оне сами, явствуется из их постоянных намёков на возрождающую и возвышающую миссионерскую деятельность, которая входит в число их занятий. Они, по-видимому, спускаются в низшие области и помогают их обитателям достичь той степени духовности, которая позволит им перейти в высшую сферу. Это напоминает то, как если бы студент старшего курса приходил в

класс к студентам младших курсов для того, чтобы провести занятия с отстающими. Такое понимание даёт прояснение замечанию Христа, когда он говорит, что в раю больше радости по поводу спасения одного грешника, нежели прихода девяносто девяти праведников, ибо скажи он это о земном грешнике, то тот определённо должен был бы стать праведником в этой жизни и тем перестал бы быть грешником прежде, чем достиг бы рая. Но если говорить о грешнике, спасённом из низшей сферы и перенесённом в более высокую, то слова эти точно описывают происходящее.

XLI

Теперь несколько слов по поводу текстуры духовного тела, которая представляется нам *призрачною*, эфемерною. Не следует забывать, что всё зависит от соотношения со своим окружением. Если б мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нём будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонизируют и соотносятся друг с другом.

А теперь давайте рассмотрим другой случай – с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы превосходим мир свинцовых людей. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти «духи», как мы их называем, обитают в мире туманов и теней. Мы не учитываем при этом, что и там всё находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грёз, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей.

XLII

Есть ещё и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя всё же и поддаётся анализу, коль скоро мы за него возьмёмся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и что проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределённости очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правоверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и ещё по некоторым другим данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придётся понять, насколько им ещё необходимо развивать свой ум: ведь если у них и не окажется времени применить свои знания в этом мире, то они останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни.

XLIII

Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своём выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверх, восходящих к Божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире существуют духи и более высокой организации, для которых синтетическая химия – та, которая не только создаёт материю, но и изготавливает из неё предметы – является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видали их за работой в нашей грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только ни ожидать от них в их собственной среде, когда они работают над сотворением эфирных предметов? Вообще говоря, можно сказать, что духи в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на земле. То, *как* они это делают, возможно, остаётся предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомощно мы выглядели!

XLIV

Вступив таким образом в контакт с дорогими нам умершими, мы, естественно, начинаем спрашивать их, как обстоят их дела и каковы условия их существования. Это вопрос чрезвычайной жизненной важности, ибо не приходится сомневаться, что то, что вчера случилось с ними, завтра произойдёт и с нами. И тут их ответ переполняет нас величайшей радостью. В Новом Откровении человечеству нет ничего важнее этого. Оно отмечает все ужасные страхи и домыслы, основанием которых является большое воображение и неистовая восточная фразеология. Мы приходим к тому, что здраво, к тому, что исполнено меры, к тому, что разумно, нам открываются бесконечность эволюции

и Благость Божья. И не было на свете иных сознательных богохульников, которые бы так глубоко оскорбляли Божество, кроме тех экстремистов (независимо от того, были ль они кальвинистами, католиками, [православными. – П.Г.], англиканцами или иудеями), которые своим искажённым умом рисовали неумолимого истязателя в качестве Управителя Вселенной!

Истинность того, что нам сообщается о потусторонней жизни, по самой своей природе никогда не может быть установлена абсолютным образом. Тем не менее она гораздо больше к полной доказанности, чем у любого предшествующего ей религиозного откровения. Налицо неоспоримый факт, что эти отчёты смешаны с другими, касающимися нашей нынешней жизни, которые зачастую оказываются абсолютно верными. Если дух в состоянии сообщить нам истину о нашем мире, то трудно предположить, что он находится в полном заблуждении по поводу своего собственного. Затем опять-таки есть большое взаимное сходство в отчётах такого рода, хотя происходить они могут от людей весьма далёких друг от друга. Таким образом, хотя они и не являются, если использовать современный жаргон, «вполне достоверными», тем не менее они удовлетворяют всем требованиям правдивости. Целый ряд книг, привлёкших к себе куда меньше внимания, чем оне того заслуживают, дают описание будущей жизни со всевозможными подробностями. Таких книг не найти в привокзальных киосках или в обычных библиотеках, но сам факт их регулярного переиздания говорит о том, что есть гораздо более глубокая читающая публика, которая достаёт то, чего хочет, вопреки всем искусственным препятствиям.

XLV

Спириты имеют одно из величайших преимуществ перед древними служителями промысла Божьего: впервые установив контакт с умами, населяющими потусторонний мир и посещающими иногда человечество, они прежде всего поинтересовались условиями их жизни там и тем, каким образом влияют на неё поступки человека в земной жизни. Ответы на эти главные вопросы в основном подтверждают взгляды, которых всегда придержи-

живались те или иные религии, и показывают, что путь к вечной благодати лежит через добродетель. Прослеживается в них и определённая система взглядов, проливающая свет на интуитивную космогонию древности. Она описана во многих книгах, посвящённых тем, кто прошёл испытание новой жизнью. Не следует забывать, что многие из этих книг принадлежат перу отнюдь не профессиональных писателей. Примером могут быть произведения, написанные посредством автоматического письма, когда «писатель» лишь фиксирует сообщения, передаваемые бесплотными умами. Встречаются, правда, среди них и произведения, отмеченные писательским или компиляторским талантом.

XLVI

В трёхуровневой иерархии загробного мира наличествуют существа, не утратившие полностью связи с землёй. Хотя они и поменяли своё бренное тело на эфирное, но пребывают где-то близко от нашего мира – то ли в силу своей вульгарной натуры, то ли из-за преобладания у них мирских интересов. Организация этих потусторонних форм настолько примитивна, что оне могут даже внедрять себя в сознание тех, кто не обладает даром ясно-видения. Существование этого несчастного класса мятущихся духов объясняет появление привидений, призраков, видений и пользующихся дурной славой мест, которые сопутствовали человечеству в любую эпоху. Эти существа, насколько мы можем судить, долго не могут встать на путь духовного служения, колеблясь между добром и злом. Только после того, как ослабевает земное притяжение, они начинают своё новое существование.

Те, кто по-настоящему решил изменить свой прежний духовный статус, вскоре оказываются в том жизненном пространстве, которое соответствует состоянию их духа. Наказанием за жестокость, жадность, фанатизм и легкомыслие становится помещение их в круг себе подобных и в миры, погружённые если не в полный мрак, то в туманную мглу, призванную олицетворять их духовное развитие. Но такое окружение не бывает постоянным. Те, кто не предпринимают попытки к духовному со-

вершенствованию, могут оставаться в сумрачных мирах неопределённое время, тогда как другие, внявшие наставлениям духов-направников, вскоре начинают бороться за восхождение в иные, более просветлённые сферы. Из собственного опыта по общению с духами в семейном кругу я узнал, как войти в контакт с существами, блуждающими во тьме, и испытал чувство удовлетворения, получив от них благодарность за то, что открыл им глаза на причины их незавидного положения и показал путь к выходу из него*.

XLVII

Нужно сказать слово и по поводу страха перед демонами и злыми духами, который, по видимости, обладает большим весом в глазах некоторых критиков разбираемого вопроса. При более пристальном взгляде на эту эмоцию, заботящую главным образом ретивых последователей Церкви, обнаруживается, что она таит в себе нечто эгоистичное и трусливое. Эти злонамеренные создания в действительности являются нашими братьями, отставшими, правда, от нас в развитии, но они идут к той же цели, что и мы, а задержались в развитии они, быть может, по причинам, частичную ответственность в коих могут иметь земные условия нашего существования. Наши сострадание и симпатия должны обратиться к ним, и если такие существа в самом деле проявятся на сеансе, то истинно христианское отношение к ним, на мой взгляд, будет состоять в том, чтобы увещевать их и молиться о них, дабы помочь им в продвижении по их трудному пути. Те спириты, которые поступали с ними таким именно образом, при последующих их проявлениях могли заметить происшедший в них прогресс. В «Проблесках последующей жизни» адмирала Азборн-Мура можно найти поразительные записи одного американского спиритического кружка, члены которого целиком по-

* «Тридцать лет среди умерших» д-ра Викленда («Thirty Years Among the Dead» by Dr. Wickland); «Проблески последующей жизни» адмирала Азборн-Мура («Glimpses of the Next State» by Usborne Moore) – в этих книгах представлено наиболее полное описание состояния связанных с землёй духов (А.К.Д.).

святили себя миссионерской деятельности этого рода. Есть определённый смысл верить в то, что существуют формы несовершенного развития, которым в гораздо большей степени могут оказать помощь на земле, нежели через чисто духовные влияния потустороннего мира, по той, быть может, причине, что эти существа гораздо ближе к земному уровню, нежели к духовному.

XLVIII

Такие духи являются постоянной угрозой человечеству. Если защитная аура человека окажется нарушенной, они могут стать паразитами, подчинив себе своих хозяев. Возможно, что наука будущего выявит ещё немало случаев необъяснимой мании, бессмысленного насилия или неожиданных склонностей к дурным привычкам, вызванных указанной причиной. Она также может являться дополнительным аргументом против применения смертной казни, так как она усиливает ожесточение преступника и – как следствие – приумножает силы зла. Изучение данного феномена осложнено существованием среди мятущихся духов мыслящих форм и форм, обладающих памятью, причём не все из них являются носителями зла. Например, возможно, что духи монахов, посещающие святые места в Гластонбери, могут быть привязаны к старой обители благодаря верности своему обету.

XLIX

Если о положении связанных с землёй духов нам известно очень мало, то ещё менее осведомлены мы о кругах наказания. Несмотря на свою сенсационность, повествование мистера Уарда «Ушедшие на Запад»* кажется более сдержанным и достоверным, чем книга преподобного Вэйл-Оуэна «Жизнь по ту сторону завесы»**. Сохранились также описания видений Сведенборга в «Спиритизме» Эдмондса*** и другие труды. Отсутствие

* «Gone West» by Ward.

** «Life Beyond the Veil» by Vale Owen.

*** «Spiritualism» by Judge Edmonds.

информации из первых рук объясняется тем, что, к сожалению, в отличие от Гамлета мы не можем напрямую общаться с обитателями этих низших сфер. Мы знаем об этом понаслышке от Высших Духов, которые ведут миссионерскую деятельность среди низших существ. Трудности и опасности, сопутствующие им, сродни тем, с которыми сталкиваются добровольцы, пытавшиеся на земле обратить в христианство представителей чёрной расы. Мы читаем о сошествии Высших Духов в низшие сферы, об их битвах с силами зла, о князьях тьмы, которые безраздельно властвуют в своём царстве – в этой грандиозной клоаке, куда постоянно стекаются психические нечистоты. Но миссионерская деятельность Высших Духов имеет целью не наказание, а исцеление. Можно сказать, что низшие сферы – суть безликие залы ожидания (госпитальные палаты для больных душ), где духовный опыт призван вернуть страждущим здоровье и счастье.

L

Наша информация не будет полной, если мы не окинем взглядом более высокие сферы, которые, кажется, являются отражением счастья и красоты духовного развития своих обитателей. Если вспомнить, что понятие «духовное развитие» включает в себя доброту и бескорыстие, то становится ясным, в каком направлении должен идти процесс духовного роста. Этот процесс не зависит от интеллекта, хотя союз интеллекта с духовными качествами способствует формированию более совершенных существ.

Условия жизни в загробном мире изображаются в невероятно радостных тонах, и это только естественное отражение милосердия и справедливости Верховного Ума, позаботившегося о том, чтобы нормой посмертной жизни было именно счастье. Особый воздух, пейзажи, дома, местность, занятия жителей загробного мира – всё это описано детально и с комментариями, которые безусловно убеждают в его реальности. Хотя эти описания представлены в иносказательной форме или в виде аналогий, я склонен принимать их на веру. Так, я верю в то, что «Саммерленд» (Summerland – Страна Вечного лета.– П.Г.), как Дэвис

называл мир духов, достаточно реален и объективен как для его обитателей, так и для нас. Предвижу вопрос: «Почему же мы не видим его?». Мы должны понимать, что эфирная жизнь протекает в эфирных условиях. Пять наших материальных чувств созвучны материальному миру, в то время как эфирные существа пребывают в гармонии со свойствами и звуками эфирного мира. Слово «эфир» в данном случае используется лишь для обозначения более тонкой субстанции, отличной от земной атмосферы.

Духовные небеса кажутся нам сублимированной эфирной копией Земли и земной жизни, но жизни более возвышенной и качественной. «Как на Земле – так и на небесах», – сказал Парацельс, и его слова стали лейтмотивом истории Вселенной. Тела и их духовные или интеллектуальные качества, по его представлению, остаются неизменными в результате перемещения из одного вселенского пространства в другое. Не изменяется также и его форма, за исключением того, что молодой и старый приобретают зрелую наружность (в земном понимании этих слов). Приняв во внимание это утверждение, мы должны признать и логически вытекающий из него вывод о том, что и всё их окружение подобно земному: занятия и в целом система жизни должны быть такими, чтобы предоставить личности возможность для проявления её талантов. Художник без искусства или музыкант без музыки – фигуры, безусловно, трагические. Подобные ограничения губительны для человечества. По ту сторону границы земного мира существует очень сложное по своей организации общество, в котором каждая личность находит себе занятие, приносящее ей удовлетворение. Иногда личности предоставляется выбор. Так, в «Истории Лестера Колтмэна» покойный студент пишет: «Через некоторое время после смерти я был поставлен перед выбором: музыка или наука. После серьёзных размышлений, я предпочёл сделать музыку своим хобби, а главные силы направил на занятие наукой во всех её проявлениях». После такого заявления естественно возникает желание получить более детальное описание содержания и условий этих научных занятий. Лестер Колтмэн сообщает следующее: «Лаборатория, в которой я работаю, предназначена для исследований паров и жидкостей, образующих тот барьер, который мы смог-

ли бы преодолеть посредством усиленного изучения и экспериментов. Мы уверены, что в результате этих исследований нами будет найдено заветное «Сезам, откройся!» к воротам, отделяющим землю от наших сфер»*.

Лестер Колтмэн предоставил полное описание своей работы и условий, в которых она проводилась. Его можно цитировать как наиболее типичное. Он говорит:

«Обитатели земли настойчиво интересовались характером наших жилищ, основами устройства общества, в котором мы живём и работаем. Этот интерес вполне естествен, но описать наш мир земными словами довольно сложно. На примере моей жизни вы сможете представить себе и жизнь других духовных существ, имеющих другой темперамент и тип мышления.

Областью моих интересов была наука, и я продолжил заниматься ею, оказавшись здесь. Для этого я часто посещаю лабораторию, предоставившую все необходимые условия для проведения моих экспериментов. Я живу в собственном доме, очень комфортабельном, с библиотекой, полной книг не только по истории, науке, медицине, но и по другим областям знаний: для нас книги так же важны, как и на земле. В доме есть музыкальный кабинет с полным набором необходимых мне музыкальных инструментов. Дом украшен картинами редкой красоты и обставлен мебелью, спроектированной по моему заказу. В настоящее время я живу один, но друзья часто навещают меня, как, впрочем, и я их. Когда неизъяснимая грусть одолевает меня, я посещаю тех, кого более всего любил на земле.

Из моих окон открывается прекрасный деревенский пейзаж, а неподалёку от моего жилища расположен дом-коммуна, где счастливо живут многие добрые души, работающие в моей лаборатории... Старина Китаец – мой главный ассистент, помогающий мне проводить химические анализы, – заведует этой коммуной. Он – замечательная душа, вызывающая большую симпатию, одарённая философским талантом»**.

* «The Case of Lester Coltman» by Lilian Walbrook. P.34.

** Ibidem. Pp. 32-33.

LI

А вот ещё одно описание:

«Очень сложно рассказывать о работе в духовном мире. Она распределяется между всеми в зависимости от прогресса, достигнутого личностью. Если душа приходит напрямую с Земли или из другого материального мира, то она должна осознать свои прошлые заблуждения для того, чтобы достичь совершенства здесь. Если вы обладали яркими музыкальными или иными способностями, то здесь эти таланты достигнут наивысшего расцвета. Музыка – один из величайших двигателей прогресса в загробном мире, и хотя развитие музыкальных и артистических талантов достигает здесь своего пика, великая работа по самосовершенствованию душ в Вечной Жизни не прекращается.

Здесь существуют школы обучения для детей-духов. Кроме преподавания наук о Вселенной, других мирах и других царствах, принимающих законы Господа, в них дают уроки бескорыстия, истины и чести. Прошедшие обучение в духовной школе дети-духи по свойствам своего характера наилучшим образом подходят для появления в вашем мире.

Те, кто провёл все свои земные годы в физических лабораториях, войдя в этот мир, должны учиться всему заново. Работа – смысл жизни здесь, и те, кто стал учителем душ, познали многое и о своих собственных душах. Души литераторов стали великими ораторами, оне вдохновенно говорят и учат. Есть здесь и книги, но оне значительно отличаются от ваших. Тот, кто изучил ваши законы, может стать учителем правоведения в духовной школе. Солдат, пройдя уроки правды и чести, становится духом-наставником и помогает душам в любой точке планеты бороться за истинную веру в Бога»*.

LII

В домашнем кружке автора дух близкой подруги семьи рассказал о своей загробной жизни в форме вопросов и ответов:

«Чем ты теперь занимаешься?

* Thought Lectures. «The Spiritual's Reader». P.53.

– Музыкой и детьми, познаю любовь и материнство, и многое другое, что совсем не напоминает те занятия, которыми я была увлечена на мрачной земле. Среди нас не возникает разногласий, и это делает нашу жизнь более полной и счастливой.

Расскажи нам о твоём жилище!

– Оно очень симпатичное. Я никогда не видела ничего подобного на земле, так что не с чем сравнить. Так много цветов! Пёстрый цветной ковёр окружает моё жилище со всех сторон, издавая очень изысканный аромат.

А ты бываешь в других домах?

– Нет, здесь каждый имеет возможность наслаждаться покоем. Некоторые предпочитают общение с природой. Каждый дом – это оазис. Потусторонний мир – это не только живописные пейзажи, но и симпатичные дома, населённые прекрасными, добрыми, красивыми людьми, испытывающими радость и блаженство просто от того, что они живут в таком замечательном месте. Да, это прекрасно! Никакой земной разум не может постичь то чудо, которое дарует нам этот мир. Краски так изысканны, а отношения в обыденной жизни намного теплее».

LIII

Можно извинить резкий тон следующего сообщения, поскольку содержащаяся в нём информация вызывает полное доверие тех, кто уже соприкасался с подобными фактами.

«Ради всего святого, остановите неверующих тупиц! Мир так нуждается в этом знании! (т.е. Спиритизме.– П.Г.) Если бы я мог знать об этом на Земле, то это изменило бы полностью мою жизнь. Свет солнца озарял бы мой тернистый путь, если бы я знал, что мне предстоит после смерти.

Здесь нет никаких споров и раздоров, никаких столкновений. Я интересуюсь многими вещами, особенно тем, что касается мира людей: прогрессом человечества и более всего духовным возрождением земного мира. Я один из тех, кто работает в этом направлении рука об руку с вами.

Долой страх! Свет победит тьму, в которую вы погружены. Это случится очень скоро, как только Бог захочет этого. Ничто

не остановит прогресса, никакие силы тьмы не могут противостоять Богу: их толпы будут сметены. Познайте нас лучше, и тогда наша сила придёт вам на помощь».

На вопрос: «Где же Вы?» последовал ответ:

«Это очень сложно объяснить Вам с позиций потустороннего жителя. Я там, где мне бы хотелось находиться больше всего, с моими возлюбленными и близкими, там, где я могу быть в тесном соприкосновении со всеми вами, оставленными мною на земле».

Вопрос: Употребляете ли вы пищу?

«Нет, в привычном для вас понимании, но питаемся мы гораздо вкуснее. Здесь такие приятные эссенции, вкусные фрукты и другие вещи, которых нет на земле.

Поразительное существование ожидает вас здесь: красивее и возвышеннее земного, приятнее и светлее. Жизнь на земле – лишь приготовление к жизни в наших сферах. Без подготовки я бы не был способен войти в этот великий и прекрасный мир. Земля – то место, где мы учимся, а этот мир – великая награда нам за учение, наш истинный дом и подлинная жизнь, это – луч солнца после дождя».

LIV

При прочтении многочисленных описаний потусторонней жизни может возникнуть вопрос: насколько можно им доверять? Во многом совпадающие, они даруют нам великое утешение, и это является аргументом в пользу их правдивости. Можно заявить, что эти совпадения объясняются их происхождением из общего земного источника, но такое предположение несостоятельно. Многие описания дошли до нас от тех, кто никоим образом не был знаком со взглядами других людей на ту же проблему, и тем не менее они невероятным образом совпадали в самых мельчайших подробностях. В Австралии, например, автор ознакомился с подобными рассказами, написанными людьми, жившими друг от друга на значительном расстоянии, и они были искренне удивлены совпадением своих записей. Одним из таких поразительных случаев можно считать историю мистера

Губерта Уэйлза. Этот джентльмен, скептик по природе, прочёл упомянутые автором рассказы о жизни после смерти, затем извлёк собственную рукопись, написанную много лет тому назад, и послал её автору забавы ради. Он писал: «После прочтения Вашей статьи я был поражён, даже напуган тем, что многие подробности в моём описании загробной жизни совпадали с приведёнными Вами фактами, взятыми из разных источников».

LV

Способна ли эта философия совершить переворот во всеобщем поклонении Пречистому престолу, привычному для всех нас с детства? Как бы там ни было, она отлична от других и более обоснованна; она сулит широкое поле для развития всех дарованных нам свыше возможностей. Ортодоксы утверждают неизменность таких божественных атрибутов, как Престол, венец, арфы и прочая. Но кажется более благоразумным допустить, что некоторые из них имеют право на существование в формах, более соответствующих современным реалиям. Ознакомление с опытом человечества показывает, что античный Элизиум и богатые охотничьи угодья краснокожих индейцев более похожи на реальные описания потусторонних миров, чем любые фантастические представления о рае и аде, восторженно излагаемые теологами, выискивающими аналогии в своём воображении.

Рай многим представляется таким будничным и домашним, совсем земным, но мы должны помнить, что психическая и духовная эволюция – процесс медленный и постепенный. В данный момент мы находимся на низких ступенях духовного развития и не можем даже мечтать о том, чтобы быстро пройти все промежуточные состояния и достичь границ Божественного. Эта работа затянется на века и на эры. Мы ещё не способны к настоящей духовной жизни. Но когда мы станем совершеннее, когда улучшится среда нашего существования, мы устремимся к Седьмому небу, где наша душа утонет в блеске славы, недоступной человеческому воображению.

Таков в очень сжатом выражении мир, который открывают нам эти удивительные послания, пришедшие из-за могилы. Можно ли признать то, что мы здесь видим, неразумным? Противостоит ли это в чём-либо нашим понятиям о справедливости? Не будет ли оно, напротив, настолько разумно, что, имея теперь этот ключ, мы можем с предельной ясностью видеть, что это как раз то направление, которому нам лучше всего следовать даже ценой собственной жизни? Природа и эволюция не содействуют внезапным, ничем не подготовленным процессам. Если у человека есть склонность к занятиям техникой, литературой, музыкой и т.д., то они составляют основную часть его характера, и всякая попытка выжить или перейти в иную жизнь без них означала бы утрату своей индивидуальности, своего «я» и превращение в совершенно другого человека. Стало быть, чтобы личность сохранилась, эти качества должны пережить самое смерть. Но в сохранении этих качеств не было бы никакого смысла, если они не найдут себе средств выражения, а средства выражения, очевидно, требуют определённых материальных посредников, агентов, а также разбирающихся ценителей, публику. Также чувство стыда среди цивилизованных рас стало частью нас самих и требует прикрытия некоторых частей нашей телесной формы, если личность продолжает своё существование. Наши желания и симпатии побудят нас жить с теми, кого мы любим, что повлечёт за собой создание какого-то подобия дома, в то время как человеческая потребность в отдыхе ума и частной жизни повлечёт за собой существование также отдельных комнат. Таким образом, исходя из принципа сохранения личности, можно даже без Откровения из потустороннего мира создать дедуктивным методом вполне аналогичную систему, следуя лишь доводам здравого смысла.

Что касается самого существования этой страны счастья, то оно, по-видимому, гораздо более полно доказано, нежели какая иная известная нам религиозная концепция.

Можно с полным основанием спросить, до какой степени столь точное описание жизни по ту сторону могилы является лишь моей собственной концепцией и в какой мере его разделя-

ют более великие умы, изучавшие данный предмет? Я бы ответил, что сказанное – это мой собственный вывод, сделанный на основании анализа большого числа наличествующих свидетельств из мира иного, и что основные черты его уже многие годы приняты тем великим множеством молчаливых активных тружеников во всём мире, которые смотрят на это дело со строго религиозной точки зрения. Я полагаю, что имеющиеся данные в достаточной степени служат нам подтверждением этой веры. С другой стороны, те, кто подошли к данной теме с холодностью и осторожностью, характерными для научного склада ума, будучи наделены во многих случаях сильнейшим предубеждением против догматических верований прошлого и питая вполне естественные опасения по поводу возможного возобновления теологических распрей, зачастую предпочли не дойти до полного принятия, заявив, что по данному вопросу позитивные доказательства невозможны и что мы можем вводить себя в заблуждение либо отражением наших собственных мыслей, либо получением впечатлений от медиума. Профессор Цолльнер, например, говорит: «Содержание духовных откровений для науки оказывается совершенно бесполезным, наука должна руководствоваться лишь наблюдением фактов и выводами, логически и математически объединяющими их в систему».

Данное высказывание немецкого учёного целиком разделяет и профессор Рейхель. Такая позиция, по видимости, служит указанием на желание обойти молчанием религиозную сторону вопроса, и это действительно характерно для большинства наших крупнейших сторонников от науки. Такую точку зрения вполне можно понять, и всё же при пристальном рассмотрении подобный подход оказывается не чем иным, как своеобразным расширенным материализмом. Допускать, как то делают эти учёные, что духи возвращаются, чтобы говорить с нами, что они дают все необходимые доказательства тому, что они есть утраченные нами друзья, и всё-таки оставаться глухими к содержанию посланий, которые они направляют нам, значило бы, наверное, доводить научную осторожность до полного абсурда. Зайти так далеко и однако не идти дальше – в подобном положении невозможно оставаться долго.

LVII

Нельзя отрицать пользы критического подхода. Однако весьма странным кажется то, что гипотеза, сулящая, окажись она верной, такие замечательные возможности, как приоткрытие завесы, окутывающей тайну смерти, и непосредственное общение со святыми, вызвала не столько трезвую критику, тоже, впрочем, имевшую место, сколько бурю непростительных ни при каких обстоятельствах оскорблений и ругани. Причина, по-видимому, в том, что невозможно ожидать объективности от толпы, погрязшей в невежестве. Разум среднего гражданина занят исключительно сиюминутными проблемами, в нём нет места для размышлений о серьёзных предметах и глубоких истинах.

Представьте себе дилетанта-астронома, не имеющего даже подзорной трубы, который насмешливо и высокомерно оспаривает выводы учёных, работающих с телескопом, – и вы поймёте, кому подобны люди, не обладающие собственным опытом в области психических явлений, но тем не менее высказывающие критические суждения по этому вопросу.

LVIII

Людская враждебность ко всем спиритическим явлениям была столь велика, что поневоле сделаешь вывод о вмешательстве тёмных сил. Касаясь этого аспекта проблемы, мистер П.Б.Рэндалл говорит:

«В сознании некоторых людей таится хроническая антипатия, даже ненависть по отношению ко всему спиритическому. Как будто воздух насыщен некими испарениями – неким подобием ментальных спор, вдыхаемых огромным большинством человечества. Они воспламеняют сильнейший ядовитый огонь, стремящийся сжечь тех, чья миссия – принести мир на нашу землю и добрые побуждения в сердца людей. Люди будущего очень удивятся, прочитав, что Дэвенпорты и другие медиумы были вынуждены терпеть самую непримиримую враждебность со стороны современников; что они, и среди них пишущий эти строки, пережили неопишуемые ужасы – всего лишь за намерение

убедить современников в том, что человек – это не зверь, лишённый души, которому суждено погибнуть, не оставив после себя ничего, что он – бессмертная, вечная душа, которая переживёт распад своего тела. Кроме медиумов, никто не может продемонстрировать реальность факта загробного существования, однако (странное противоречие!) они подвергаются преследованиям именно со стороны тех, чья обязанность – убеждать других в бессмертии души».

LIX

В наши дни психические явления знакомы каждому, кто не упорствует в собственном невежестве. Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново только потому, что лично ему требуются какие-то сведения.

Метод наших оппонентов состоит в том, что они накидываются на того, кто последним подал голос, и затем обращаются с ним так, как будто он выступил с какими-то совершенно новыми взглядами, коих единственным поборником он является, насколько не считаясь с тем, что ещё и прежде так много самостоятельных тружеников дало им своё подтверждение. Это не честная манера критики, ибо в каждом деле согласование независимых свидетельств – самый лучший способ убеждения. Однако у нас имеется множество свидетельств, которые не нуждаются и в таком согласовании, поскольку даже нескольких отдельных фактов вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Если б, например, наше знание о неведомых силах основывалось только на исследованиях доктора Кроуфорда из Белфаста, который посадил испытуемого медиума на стул-весы таким образом, чтобы ноги его не соприкасались с полом, и смог зарегистрировать в связи с происходящи-

ми психическими феноменами разницу в весе порядка нескольких фунтов, проверив результаты и записав ход опыта с истинно научным знанием дела, то я не вижу, как его можно было бы опровергнуть. Феномены эти существуют и давным-давно были твёрдо установлены для всех людей с открытым, непредвзятым умом. Сейчас можно лишь сказать, что время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства.

LX

Среди всех бесчисленных поколений человечества именно нам было уготовано судьбой столкнуться лицом к лицу с самым страшным бедствием, когда-либо случавшимся в мире*. Есть основной факт, который нельзя отрицать и недооценивать. Потому что из него немедленно следует наиважнейший вывод. И вывод этот в том, что мы, вынесшие все страдания мировой войны, должны также понять урок, ради которого они, собственно, и выпали на нашу долю. Если мы и теперь ничему не научимся и не заявим громко о приобретённом знании, то когда ещё в человеческой истории оно сможет быть постигнуто и провозглашено, когда ещё будет проведена такая подготовка духовной почвы для восприятия духовного семени? Если в наших душах, измотанных и измученных в течение этих страшных пяти лет самопожертвования и терзаний, не произошло коренных перемен, которые бы они были в состоянии явить миру, то какие ещё души когда-либо смогут откликнуться на столь явный призыв небесного вдохновения? В таком случае состояние человеческого рода окажется поистине безнадёжным, и в грядущих столетиях так и не откроется никаких перспектив улучшения.

LXI

С какой целью человечество было проведено через горнило столь тяжкого испытания, как мировая война? Разумеется, только поверхностный наблюдатель может полагать, будто ве-

* Имеется в виду Первая мировая война (Л.Г.).

ликий Создатель всего и вся привёл всю планету в возбуждение, заставил каждый народ напрячь все силы и всё только для того, чтобы слегка сдвинуть ту или иную границу или составить какое-нибудь свежее сочетание в калейдоскопе наций. Нет, причины этой мировой судороги и цели, ради которых она произошла, куда более глубоки. И оне имеют главным образом религиозный характер, а не политический. Оне лежат гораздо глубже пустяковых ссор, занимающих народы сегодняшнего дня. Через тысячу лет национальные последствия этой войны не будут иметь значения, тогда как последствия религиозные станут править миром. И эти религиозные последствия состоят в реформировании сегодняшнего декадентствующего христианства, в его упрощении, в его очищении и усилении за счёт новейших фактов общения с душами умерших и ясного знания о том, что лежит за дверью смерти, через которую мы выходим, оставляя эту жизнь позади. Потрясение, вызванное войной, имело целью возвысить нас до умственной и моральной серьёзности, дать нам мужество покончить с ханжеством, заставить человечество осознать Новое Откровение и воспользоваться его плодами. Причём для всех, кто с открытым умом изучит факты и доказательства, само существование этого Нового Откровения окажется недвусмысленно удостоверенным и с избытком доказанным.

LXII

Моё мнение таково, что психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дал себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, сами по себе не имеют никакого значения и что их действительная ценность заключается лишь в том, что они поддерживают собой и придают объективную реальность огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, каковое более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину.

LXIII

Люди, ко мнению которых я питаю глубокое уважение, и в частности сэр Вильям Баррэт, утверждали, что психические исследования совершенно отличны от религии. Это не подлежит сомнению в том смысле, что можно быть хорошим наблюдателем психических явлений и оставаться при этом недостойным человеком. Но сами результаты психических исследований, выводы, которые мы из них извлекаем, и уроки, которые они могут нам дать, учат тому, что жизнь души продолжается и после смерти. Эти результаты объясняют нам, каковы характер и природа этой новой жизни и какое влияние оказывает на неё наше поведение здесь. Если в этом заключается различие с религией, то я должен признать, что не очень-то разумею, в чём оно заключается. Для меня *это* и есть религия – самая её суть. Но это вовсе не значит, что из этой сути со временем необходимо выкристаллизуется какая-то новая религия. Лично я не хотел бы, чтоб оно вышло так. Не правда ли, мы уже и так достаточно разъединены в своих религиозных воззрениях? Я бы предпочёл увидеть в этом основополагающем принципе Спиритизма великую объединяющую силу, ибо в любой религии, христианской или другой, только он один и основан на доказанных фактах. Пусть он составит прочный фундамент, на котором каждая религия будет строить (если возникнет нужда в таком строительстве) свою собственную систему, ориентированную на различные типы человеческого мышления. Ведь всегда южные расы будут желать, по сравнению с расами северными, меньшего аскетизма, а западные расы всегда будут более критичны, чем восточные. Невозможно привести всех к единому знаменателю. Но если будут приняты общие предпосылки, истинность которых гарантируется этим Учением из потустороннего мира, то человечество тогда сделает огромный шаг к религиозному миру и единству.

LXIV

Тогда встаёт вопрос: «Каким же образом спиритическое Учение заменит собою устоявшиеся старые религии и различные

философские системы, которые оказывали столь сильное влияние на поведение людей?». На это ответим прежде всего тем, что Новое Откровение будет фатальным лишь для одной из этих религий, или, если угодно, философских систем: для материализма. Я говорю это вовсе не потому, что питаю какие-то враждебные чувства к материалистам, которые, на мой взгляд, как организованная группа, серьёзны и моральны, быть может, как никакая другая; но просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение вытекающих из него теорий.

LXV

Теперь давайте обратимся к пунктам, в которых это Новое Откровение должно преобразовать христианство. Прежде всего я должен высказать истину, которая и так должна быть слишком очевидной для многих, как бы она ни осуждалась некоторыми: христианство должно измениться или погибнуть. Таков закон жизни: вещи и явления либо приспособляются, либо погибают. Христианство и без того уже слишком долго медлило с переменами, оно медлило до той поры, пока церкви его наполовину не опустели, пока главной опорой его не сделались исключительно женщины и пока образованная часть общества, с одной стороны, и самый бедный класс его, с другой, – как в городе, так и в деревне – не отвратились от него. Давайте попытаемся обрисовать причину происходящего, ведь последствия налицо во всех ветвях христианства и происходят из одного глубоко лежащего корня.

Люди отходят от Церкви, потому что они не могут искренно верить в те факты, которые представляют им в качестве истинных. Их разум и чувство справедливости оказываются одинаково уязвлены. Нельзя увидеть справедливости в искупающей силе жертвоприношения, ни в Боге, который может быть умиловлен такими средствами. Помимо того, многим непонятны такие выражения, как «отпущение грехов», «очищение кровью Агнца» и тому подобное. Пока ещё мог стоять вопрос о «паде-

нии человека», подобным фразам могло быть какое-то объяснение, но когда стало вполне ясным, что человек никогда не «падал», когда благодаря своему теперешнему более полному знанию мы смогли шаг за шагом проследить развитие человеческого рода, пройдя от пещерного и кочевого человека назад, в глубь незапамятных времён, в которые человекообразная обезьяна медленно развивалась в обезьяноподобного человека, мы, оглядываясь назад на эту бесконечную вереницу жизней, знаем теперь, что человечество всё время именно *поднималось*, совершенствуясь от одного поколения к другому. И в его истории нет никаких следов *падения*. Но если не было «падения», что остаётся тогда от искупления, воздаяния, первородного греха, от большей части мистической христианской философии? Если прежде она даже и выглядела настолько разумной, насколько неразумной предстаёт сейчас, то всё равно она совершенно расходится с фактами.

Опять же, слишком большое значение было придано смерти Христа. Не такая уж это и редкость – умереть за идею. Каждая религия равным образом имела своих мучеников. Люди постоянно умирают за свои убеждения. Тысячи наших молодых людей делают это в настоящее время во Франции*. Поэтому смерть Христа, сколь бы возвышенной она ни была в изложении «Евангелия», приобрела, по-видимому, неоправданную значимость, как если бы это был какой-то уникальный в человеческой истории феномен – умереть, совершая реформу. По моему мнению, слишком много внимания уделено смерти Христа и слишком мало – его жизни, ибо именно в этой последней заключается истинное величие и настоящий урок. Это была жизнь, которая даже в тех ограниченных воспоминаниях, что дошли до нас, не содержит в себе ни единой черты, которая не была бы прекрасной, жизнь, полная естественной терпимости к другим, всеохватывающего милосердия, умеренности, обусловленной широтой ума, и благородной отваги; жизнь, устремлённая всегда вперёд и вверх, открытая новым идеям и всё же никогда не питающая горечи в отношении тех идей, которые она пришла упразднить, хотя порой даже и Христос теряет терпение из-за узо-

* Снова имеется в виду мировая война (П.Г.).

сти ума и фанатизма их защитников. Особенно привлекает его способность постичь дух религии, отменяя в сторону тексты и формулы. Больше ни у кого и никогда не было такого могучего здравого смысла или такого сострадания слабому. Именно эта восхитительная и необычная жизнь является истинным центром христианской религии.

LXVI

Вообще говоря, человеческая неразборчивость, путающая Творца вселенной с кротким иудейским философом, прямо-таки поразительна. Но я хотел бы привлечь внимание ещё и к другому факту. Ведь если бы Христос был всего лишь хрупким смертным, вроде нас, то его жизнь была бы исполнена для нас гораздо более глубокого смысла. Она тогда бы могла служить идеалом, достичь которого мы бы стремились. А если, с другой стороны, его природа была столь принципиально отлична от нашей, что он и мы находимся на качественно несовместимых уровнях, то его существование теряет для нас всю свою «соль». Для меня совершенно очевидно, что при таком взгляде на вещи, его жизнь утрачивает для нас всю свою красоту и не содержит никакого нравственного урока. Если он был Богом, тогда он *не мог* грешить, и больше здесь говорить не о чем. Потому что обычному человеку, который не Бог и не Божий сын, который грешит по своей природе, совершенно нечему научиться на примере жизни, подобной *этой*. Нам говорят, что *он победил грех* – теологи обыкновенно считают, что повторение цитаты или фразы может служить аргументом. Лёгкая же победа! – скажем на это мы. Римские императоры, как известно, в боевом облачении и в полном вооружении спускались иногда на цирковую арену и бились с каким-нибудь несчастным гладиатором, обряженным в свинцовую фольгу, проткнуть которую не составляло ни малейшего труда. Согласно расхожим понятием о жизни нашего Учителя, он противостоял искушениям мира сего с таким преимуществом, что те оказывались для него всего лишь бесильной бронёю из свинцовой фольги, а не теми грозными противниками, каковыми они являются для нас. Признаюсь, что

лично я больше симпатизирую слабостям Христа, нежели его добродетели и мудрости, так как оне, полагаю, гораздо ближе мне, принимая во внимание мою собственную слабость. Может быть, «слабость» – не совсем подходящее слово, и лучше сказать «наиболее человеческие черты». И это – его упрёк сибаритам. Разгон, который он учинил торговцам в храме. Вспышки его негодования и гнева в адрес фарисеев. Его довольно неразумное раздражение против смоковницы за то, что она не приносит плодов зимой. Его вполне человеческое недовольство женщиной, которая суетится, когда он говорит. Его согласие с тем, что благовоние лучше было использовать на него, чем употребить деньги, коих оно стоило, на оказание помощи бедным. Его сомнения в себе накануне перелома – всё это позволяет мне увидеть и любить в нём человека.

LXVII

Жизнь Христа в этом мире, насколько можно судить, составила 33 года, тогда как с момента его ареста и вплоть до воскресения прошло менее недели. И тем не менее вся христианская система предпочла вращаться вокруг его смерти, уделяя лишь второстепенное внимание прекрасному уроку его жизни. Слишком большой вес был придан одной и слишком мало внимания уделено другой, ибо его смерть, сколь бы прекрасна и возвышенна она ни была, ни в чём не превосходит смерть десятков тысяч людей, которые умерли за идею, тогда как его жизнь, в которой постоянно присутствуют милосердие, широта ума, бескорыстие, мужество, разум и устремлённость в будущее, абсолютно уникальна и сверхчеловечна. Даже по тем отрывочным дошедшим до нас, много раз переведённым с языка на язык записям из вторых рук у нас возникает впечатление, которого не может вызвать ничья другая жизнь. Это впечатление наполняет нас чувством крайнего благоговения. Наполеон, незаурядный знаток человеческой природы, сказал о нём: «Христос стоит совершенно особняком. Всё связанное с Ним поражает меня. Его ум изумляет меня, Его воля парализует меня. Невозможно делать сравнения между Ним и кем-либо из людей. Поистине Он не от ми-

ра сего. Чем ближе я к Нему приближаюсь и чем пристальнее в Него всматриваюсь, тем сильнее всё, с Ним связанное, оказывается выше моего разума».

Именно эта чудесная жизнь, её пример и влияние были действительной целью схождения столь высокого духа на нашу планету. Если бы род людской серьёзно сосредоточился на жизни Христа вместо того, чтобы теряться в тщетных мечтах об искупительных жертвах и вымышленных падениях со всей их мистической и сомнительной философией, то как сильно бы сегодня отличался уровень человеческой культуры и счастья от того, что мы имеем сейчас! Эти теории из-за их неразумности и безнравственности оказались главной причиной того, почему лучшие умы так часто отворачивались от христианской системы и провозглашали себя материалистами. Они, замыкаясь на том, что в этой системе оскорбляло их стремление к истине, отбрасывали с ним вместе и то, чтобы было одновременно и истинно, и прекрасно. Смерть Христа была достойным венцом его жизненного пути, но именно свою жизнь он оставил нам в качестве основания для постоянной религии человечества. Все религиозные войны, непрерывная, длительная вражда между частными лицами и бесчисленные беды сектантских раздоров по крайней мере свелись бы к минимуму, а то и вовсе бы избежались, если бы неприукрашенный пример жизни Христа был взят в качестве эталона религии и человеческого поведения.

LXVIII

Но есть и некоторые другие соображения, которые следует учесть, изучая жизнь Иисуса и её силу в качестве образца [поведения]. Одно из них в том, что самым существенным в его жизни было критическое отношение к современной ему религии. Свой могучий здравый смысл и мужество Христос употреблял на то, чтобы разоблачать ханжество и указывать лучший путь. Именно по этим чертам можно узнать подлинного последователя Христа, и ничто так не далеко от него, как молчаливое принятие учений, которые даже по наружности своей насквозь лживы и порочны, потому что являются нам облечёнными признаками власти.

Сила иудейских книг для тогдашних евреев оказывалась столь подавляющей, что святость их не могли поколебать даже описки и орфографические ошибки, внесённые в них при переписывании скрибами и оберегавшиеся после этого с величайшим тщанием. Какой иной авторитет имеем мы теперь, кроме жизни Христа, способный для нас сравниться с теми священными книгами иудеев? Если бы Христос был иудейским ортодоксом и обладал тем качеством, которое перед нами зачастую превозносят как «наивную детскую веру», то само христианство не могло бы возникнуть – это простой, очевидный факт. Пусть же реформаторы, которые любят Христа, мужаются, когда полагают, что действительно следуют по пути Учителя, ибо Христос ни разу не сказал, будто Откровение, которое он дал миру и которое столь несовершенно было применено к делу его последователями, будет последним Откровением, которое получит человечество на этой планете. В наши дни столь же великое Откровение было явлено из Центра всякой истины, и оно окажет такое же глубокое влияние на человеческий род, как и христианство, хотя до сей поры и не появилось никакой главенствующей фигуры, чтобы придать веса его наставлениям*. Подобная фигура уже появилась однажды, когда пришло время, и я нисколько не сомневаюсь, что это может случиться и ещё раз.

LXIX

Спириты рассматривают земную жизнь Христа и его смерть скорее как пример, нежели как искупление. Каждый человек отвечает за свои собственные грехи, и никто не может сложить с себя ответственность за их искупление, надеясь, что кто-то другой ответит за них. Ни тираны, ни преступники не могут изменить свою участь, даже прибегнув к какому-либо моральному

* Это не совсем так. Такая фигура (как то и было обещано Христом – «Еванг. от Иоанна», гл. XIV, ст. 15, 16, 17, 26; гл. XVI, ст. 7, 8, 12, 13, 14) появилась в своё время: то был *Дух Истины*, слова которого явлены миру в книгах Аллана Кардека. Сказанного в них достаточно, чтобы преобразовать не только наши религиозные воззрения, но и наполнить всю нашу жизнь на земле новым смыслом (П. Г.).

трюку или к так называемому раскаянию. Хотя искреннее раскаяние и может помочь им, но они всё равно платят за содеянное по полному счёту. В то же время милосердие Бога более велико, чем может представить себе человек, и каждое возможное смягчающее обстоятельство – искушение, наследственность или влияние окружения принимаются во внимание до того, как наступит час наказания. Такова позиция спиритических Церквей.

LXX

Спиритов как в Великобритании, так и в других странах можно разделить на тех, кто до сих пор испытывает глубокий пиетет к ортодоксальной Церкви, и тех, кто образовал свои собственные церкви. У последних в Великобритании насчитывается более 400 мест для собраний, проходящих под эгидой Национального союза спиритов*. Спиритическая догма весьма гибка: в то время как большинство спиритических Церквей – унитарные, наиболее показательное меньшинство придерживается всё-таки христианских взглядов. На первый взгляд, позиции этих Церквей совпадают по крайней мере по семи основополагающим принципам:

1. признание Бога-Отца;
2. признание братства всех людей;
3. общение со святыми и с ангелами-хранителями;
4. продолжение жизни человека после физической смерти;
5. личная ответственность человека;
6. воздаяние как за грехи, так и за благие дела;
7. совершенствование, к которому стремится душа.

И все они, за исключением пятого, сочетаются с привычными воззрениями на христианскую мораль.

LXXI

Некоторые наши оппоненты озабочены желанием узнать, что есть наша «новая религия». Полагаю, они найдут нечто

* Spiritualist's National Union.

очень похожее, если обратятся на девятнадцать веков назад и изучат христианство от Христа. Там они прочтут о точно таких же знаках и чудесах, которые мы называем сегодня «явлениями» или «феноменами»; там они прочтут о «различении духов», каковое мы называем «ясновидением», и там же узнают о множестве нелепостей и искажений, которые, однако, не смогли помешать новому движению завоевать мир, и именно это, будучи преемником христианства, должен сделать Спиритизм. Однако на сей раз мы должны следить за тем, чтобы священный огонь не загасили формализм и вмешательство материализма. На своём веку мы стали очевидцами ряда ужасных этапов человеческой истории. В то же время я уверен, во всей мировой истории не было ничего, что можно сравнить с бескорыстием и благородством поведения Британской империи в целом и всех британцев в отдельности – я говорю о том бескорыстии и благородстве, которые мы выказали в течение пяти лет этой страшной мировой войны. Правда, что наше настоящее и будущее могут не соответствовать столь высокому уровню, но по крайней мере в военное время нация поднялась вся, без исключения, до необычайной степени духовного величия. Сам я вовсе не разделяю той точки зрения, будто Христос был бы способен стоять в стороне и наблюдать жестокость или насилие, не вмешиваясь. Вместо этого я предпочитаю верить, что он был среди нас, что он стал бы первым, кто пошёл на риск принять второе мученичество в защиту справедливости и свободы. Он внёс бы свой вклад в дело изгнания немцев из Бельгии с тою беззаветностью, с какой изгнал торговцев из Храма. Не могу принять бесцветного, бесчувственного, беспомощного прочтения его характера, предлагаемого некоторыми.

LXXII

Христос не дал своего послания от первого лица. Поступи он так, наша позиция была бы куда сильнее. Послание его дошло до нас в форме пересказов и сообщений, сделанных хотя и серьёзными, но малограмотными людьми. Но, разумеется, сам факт, что рыбаки, мытари и все прочие умели хотя бы читать и

писать, говорит очень многое в пользу уровня образования в римской провинции Иудея. Лука и Павел, правда, принадлежали к более культурному классу, но сведения свои они черпали у своих не столь образованных предшественников. Их отчёт в высшей степени удовлетворителен в том, что касается единства производимого им общего впечатления и ясности, с которой обрисованы учение и характер Учителя. В то же время их рассказы изобилуют несоответствиями и противоречиями по фактам нематериальной природы. Например, все четыре описания воскресения разнятся в подробностях, и ни один ортодоксальный богослов, занимаясь чтением проповедей, не может в полной мере принять все четыре версии Воскресения, не ставя себя под удар критики, готовый уличить его в непоследовательности и искажении фактов. Но как раз эти подробности и не имеют непосредственного отношения к духу послания Христова. Простой здравый смысл не обязывает нас считать, будто каждый пункт изложения его жизни исполнен вдохновения свыше или что мы не должны делать скидки на несовершенство передачи, индивидуальные убеждения рассказчика, цветистость восточной фразеологии или ошибки в переводах. В новых версиях «Евангелия» действительно допущена такая возможность. Знаменитое выражение Христа о букве и духе почти позволяет нам верить, что он предвидел, каким бедствием станут для нас священные тексты. Он скорее всего знал, что мы пострадаем от них так же, как он сам пострадал от рук современных ему богословов – людей, которые тогда, как и сегодня, являются всемирным бедствием. По-видимому, он считал, что мы будем пользоваться своим умом и мозгами, приспособлявая его учение к изменяющимся условиям нашей жизни и времени. Очень многое из сказанного им обусловлено обществом и способом выражения, характерным для эпохи, в которую он жил. Помыслить в те дни, будто человек готов буквально всё отдать бедному, или что сегодня голодный английский военнопленный должен буквально возлюбить своего врага – германского кайзера, или что поскольку Христос протестовал против непрочности брака в то время, то поэтому двое супругов в наши дни, не любящие друг друга, должны на всю жизнь быть связаны узами рабства и мученичества – все подобные утверждения являются карикатурой

на учение Христа и отнимают у него столь сильную его сторону, как здравый смысл, который является одной из главных его характеристик. Требовать невозможного от человеческой природы – значит ослаблять силу ваших доводов даже в тех случаях, когда они разумны.

LLXXIII

Многие утверждают, что евангельское учение должно применяться и к войне, но это ложь. Христос никогда не благословлял кровопролития. Я видел, как один англиканский священник благословлял только что отлитую пушку, а другой освящал военное судно, только что спущенное на воду. Можно ли благословлять оружие, предназначенное для истребления людей? Говорят, будто тут благословляется не разрушение, не кровопролитие, а защита отечества и своих близких. Но всегда ли эти утверждения искренни? Нет, сильно мы отдалились от Христова учения. Духовные сановники живут во дворцах и ездят в каретах, и нужно ли удивляться тому, что они, привязавшись к земным благам, перестали понимать Христово учение?

Война – это ужасное дело. Не думайте о блестящих эскадрах, о возбуждающих звуках военных труб. Люди обманывают себя и дурачат, упиваясь военной славой. Они тешат себя блестящим оружием, горячими конями, расшитыми чепраками. Они толкуют о чести и славе, но всё это внешнее исчезает, и наружу выступает истинный леденящий душу ужас проклятия. Люди должны или оставить войну, или признать, что слова Искупителя слишком возвышенны для них.

LXIV

Отец Л. представляется мне идеалом священника – готовность к самопожертвованию и чистота мыслей, здравый смысл и природное чувство юмора. Но он обладает не только добродетелями, но и пороками своего сословия: его взгляды крайне реакционны. Мы с жаром обсуждали религиозные проблемы, но

теология, которую он отстаивал, застыла где-то в раннем плиоцене. По сути дела, он вполне мог бы обсуждать свои взгляды с духовником при дворе Карла Великого, и после каждого утверждения они наверняка обменивались бы рукопожатиями. Он вполне готов признать сей факт, да ещё усматривает в нём несомненное достоинство. Он называет это постоянством. Интересно, отличайся наши астрономы, инженеры и законодатели таким же постоянством, где бы тогда оказалась наша современная цивилизация? Неужели религия является единственной областью мысли, у которой нет никакой нужды в развитии, где веки вечные следует соотноситься со стандартом, установленным две тысячи лет назад? Неужели теологи не видят, что человеческий мозг, развиваясь, должен иметь и больший кругозор? Недоразвитый ум создаёт недоразвитого Бога, и кто дерзнёт заявить, будто наш ум достиг уже хотя бы средней степени своего развития? Истинно вдохновленный теолог, будь то мужчина или женщина, прежде всего – человек большого ума. Не лысина, выбритая на макушке; не волосы, достигающие до плеч или собранные в косицу, а лишь культурный, сформированный ум по-настоящему возводит человека в разряд избранных.

LXV

Всё возможно для Бога, и мы только пылинки в Его руках, но Бог дал нам разум для того, чтобы мы могли избирать лучшие пути, и если мы будем пренебрегать этим даром Божиим, то можем поплатиться за наше безумие.

LXVI

Люди, одарённые мудростью или красноречием, могут объяснять Писание своим ближним, но это не даёт этим проповедникам каких-либо прав и преимуществ. Тем более они не имеют права объединяться в особый класс и называть себя священниками и епископами, требуя от своих ближних послушания. Такой порядок нехороший и унижительный. Не может простой человек быть посредником между человеком и Творцом.

LXVII

Зачем священники? Все люди равны в очах Всевышнего. Дело веры таково, что никто не имеет права ставить себя выше своего ближнего. Священные книги были написаны для всех, и, стало быть, все имеют одинаковую способность читать и понимать их. Дух Святый просвещает всякий стремящийся к истине ум. Помимо того, высшие иерархи – самое уязвимое звено любой Церкви.

LXXVIII

Благо человеку, которому Бог открыл глаза на истинный смысл бытия. Плоть наша немощна, страшны дни сомнения и опасности, но все эти препятствия просветлённая Богом душа преодолевает успешно.

LXXIX

Каждая молитва, по-видимому, основана на идее, что Бог – просто очень большой человек, что Его нужно просить, хвалить и благодарить. Но разве скрип колеса – это похвала Инженеру? Пусть оно лучше вращается побыстрее и скрипит поменьше*.

LXXX

Все препирательства и споры о религии не захватывают сущности, скользя только по поверхности. Что человек, то норов.

* Станислав Лем в «Звёдных дневниках Ийона Тихого» по аналогичному поводу замечает: «Ребячеством было бы думать, будто Творец творил для того, чтобы творение с утра до вечера заискивало перед Ним, чтобы Его авансом обожали за то, что будет *там*, коли не по сердцу то, что делается *здесь*, – словно Он виртуоз, который взамен за истовое бисирование молитв готовит вечное бисирование жития после земного спектакля, словно свой лучший номер Он приберёт на потом, когда опустится гробовой занавес» (Л.Г.).

Каждый старается объяснить себе религию по-своему, так, чтобы объяснение соответствовало направлению его ума. Но, однако, в каждом христианском учении, как бы оно ни было затемнено этими толкованиями, лежит здравая, общая всем христианским религиям сердцевина. Если бы вы жили во времена древности, в греко-римском языческом мире, вы поняли бы, какой переворот совершило христианство в человеческой жизни. Люди спорят и горячатся из-за того, как надо понимать то или иное слово, но все эти споры имеют временный характер. Главное значение христианства заключается в том, что оно объясняет нам божественное значение человека и понуждает его к простому и безгрешному существованию. Вот что нам дала христианская вера.

LXXXI

Я не желал бы быть добродетельным из страха. Впрочем, долгий опыт жизни открыл мне, что ни один грех в этой земной жизни – не говоря уже о будущей – не остаётся ненаказанным. За каждое дурное дело человек платится или расстройством здоровья, или ухудшением материального положения, или же утратой душевного мира. Наказания эти постигают как отдельные личности, так и целые народы. Исторические книги в этом смысле представляют собой сборники проповедей. Вспомните, например, как любившие роскошь вавилоняне были побеждены трезвыми и скромными персами, а этих последних, когда они, оставив добродетели, ударились в роскошь и пороки, предали мечу греки. А затем и греки, предавшиеся чувственности, были покорены сильными и смелыми римлянами. Последние тоже были, в свою очередь, побеждены народами севера, и случилось это потому, что римляне утратили свои воинские добродетели. Порок и гибель всегда шли рука об руку.

LXXXII

Мало того, Провидение пользовалось пороком как орудием для кары других безумствующих народов. Не думайте, что история – дело случая. В мире царствует единая великая система, ко-

торой подчинена и жизнь каждого из нас. Чем дольше ты живёшь, тем яснее постигаешь, что грех и несчастье идут рядом и что истинное счастье немыслимо без добродетели.

LXXXIII

Чрезмерное благочестие неутомимых пастырей принесло больше вреда, чем легкомыслие и дурные наклонности. Даже у людей добрых и милосердных сердца превращаются в камень, когда благодать веры уступает место проклятию фанатизма.

LXXXIV

Так же, как белый хлопок – самая безвредная субстанция на свете – делается весьма опасным, если его пропитать азотной кислотой, так и самый милейший из смертных становится опасен для окружающих, если он хоть раз проникся идеями сектантской религии. Коли в характере его есть какая-то затаённая злость и суровость, то религиозная узость, сектантство сделают их явными для всех.

LXXXV

Сектант – это человек, не только свободу своей собственной совести защищающий – на это он имеет право, – но и старающийся навязать свои убеждения силой другим. В этом отношении сектанты заблуждаются, впадая в тот же самый грех, против которого они борются. Что же касается безбожников, не верующих в Бога, то они хуже лесных животных, ибо последние не лишены самоуважения и смирения, каковых качеств в безбожниках нет. И сектанты, и безбожники – это две крайности; послушайте моего совета: избегайте и тех, и других.

LXXXVI

Правда должна быть такой же широкой, как Вселенная, которой она даёт объяснение, и во всяком случае гораздо шире всего, что в состоянии вместить человеческий ум. Протест против узкой, сектантской мысли всегда выражает стремление к истине. Кто смеет заявлять, будто он имеет монополию на Всевышнего? Это было бы наглостью со стороны Солнечной системы, поступи она так, и всё же сотни мелких шаек торговцев тайною ежедневно тем только и занимаются, что во всю декларируют свою мнимую монополию. Вот в чём состоит истинное богохульство и безбожие.

LXXXVII

Примечательно, что неверующий может быть таким же фанатиком, как и любой верующий, и что в своём противоборстве с догмой человек может быть весьма догматичен. Но, следует иметь в виду, что именно такие люди являются настоящими врагами свободомыслия. И если что и способно повредить последнему, так это именно богохульные и глупые карикатуры, кои так часто в ходу в некоторых атеистических изданиях.

У каждого движения имеется своя толпа последователей, бредущих кто в лес, кто по дрова. Мы словно комета, яркая в голове, но рассеивающаяся разрежёнными газами в хвосте. Однако каждый человек может говорить за себя, и я не чувствую, что такое обвинение меня касается. Я фанатичен лишь в отрицании фанатизма, и оно представляется мне столь же правомерным, как насилие применительно к самому насильнику. Если только учесть, какое действие искажение религиозного чувства оказывало в ходе мировой истории (вспомните ожесточённые войны христиан и мусульман, католиков и протестантов; преследования, пытки, домашнюю вражду, мелочную злобу, при этом *каждая* вера повинна в пролитии крови), то останется только изумляться, что человечество не поместило единогласно фанатизм в разряд первейшего из смертных грехов. И, без сомнения, утверждение о том, что ни чума, ни оспа не принесли челове-

ству столько несчастья и горя, как фанатизм, звучит вполне банально.

Меня нельзя обвинить в фанатизме, потому что я от всего сердца уважаю каждого доброго католика и каждого доброго протестанта, а также потому, что я охотно готов признать: каждая из этих форм веры была могучим орудием в руках непостижимого нам Провидения, управляющего всем и вся. Так же, как в ходе истории подчас обнаруживалось, что самые далеко идущие и восхитительные последствия могут проистекать от преступления, так оказывается оно и в религии: хотя вера основана на совершенно нелепом представлении о Создателе и Его путях, всё же она может оказаться весьма полезной для людей принявшей её эпохи. Но если она правильна для тех, чьим интеллектуальным запросам она удовлетворяет, то со стороны тех, чьи запросы она удовлетворить не в силах, справедливо протестовать против неё; в результате именно этого процесса вся масса человечества постепенно приходит в брожение, а затем делает ещё один шаг вперёд в своём духовном восхождении.

Католицизм отличается большей проработанностью деталей, но протестантство более рационально. Протестантство приспособляется к современной цивилизации, католицизм же рассчитывает на то, что цивилизация приспособится к нему. А народ перепрыгивает с одной большой ветки на другую и воображает, будто совершил великолепную перемену, в то время как ствол самого дерева треснул под тяжестью прыгунов и обе ветви в их нынешнем обликии раньше или позже обречены на общую гибель. Движение человеческой мысли, при всей его медлительности, неуклонно продолжается в сторону истины, и всевозможные формы религии, каждая из которых, повторяю, достойна восхищения в своё время, но которые человек отбрасывает по мере того, как продвигается, подобны буйкам, сбрасываемым с борта корабля, чтобы служить для указания скорости и направления его движения.

LXXXVIII

Католики и протестанты по-прежнему грызутся. Поистине все эти люди живут по суровым заповедям Моисея и забыли об

учении Христа. Римская Церковь навязывает узкое, упрощённое толкование многосложного мира. На религию надо глядеть широко, ибо истина шире всех тех представлений и понятий, которые могут быть составлены о ней отдельными людьми. Существование стола свидетельствует о существовании столяра. Таким образом, существование вселенной говорит о том, что есть Творец вселенной, называйте Творца как хотите. Рассуждая таким образом, мы стоим на твёрдой почве разума. Для того, чтобы познать Творца, нам не нужно ни вдохновения свыше, ни учителей, ни посторонней помощи. Итак, Творец вселенной существует, и нам ничего не остаётся, как познавать Его по Его делам. Мы смотрим на великолепный небосвод, простирающийся над нами в своей красоте и бесконечности, мы созерцаем Божественную премудрость в растениях и животных. На что бы мы ни смотрели, везде мы видим великую мудрость Творца и Его могущество. Стало быть, Творец вселенной всемогущ и мудр. Заметьте, что к этому мы пришли логически, а не путём догадок и вдохновения. Вот что мы знаем наверное.

LXXXIX

Положение вольнодумца в обычном обществе имеет то неудобство, что любая его попытка выразить своё мнение, отличающееся от общепринятого, рассматривается окружающими как проявление дурного тона; противники же его нисколько не скованы подобными ограничениями. Было время, когда требовалось мужество, чтобы быть христианином. Теперь же наступило время, когда мужество необходимо для того, чтобы не быть христианином.

XC

Теперь спросим себя: для чего сотворён мир и люди? Всмотритесь в жизнь Вселенной и вы увидите, что всё в мире непрестанно совершенствуется, растёт, увеличивается в своём качест-

ве познаний и мудрости. Природа – это молчаливый проповедник, и проповедует он непрестанно, не только в праздники, но и в будничные дни. Мы видим, как жёлудь превращается в дуб, как из яйца вырастает птица и как из червяка развивается бабочка. Можем ли мы сомневаться в том, что по этому закону непрерывного совершенствования живёт и лучшее из творений – душа человеческая? А как может совершенствоваться душа? Только развивая свои добродетели и подчиняя страсти разуму. Иного пути совершенствования нет. Итак, мы можем сказать с уверенностью, что сотворены для того, чтобы обогащаться в добродетелях и познании.

ХСИ

Это положение лежит в основе всех религий, и для того чтобы признать справедливость этого положения, никакой веры не требуется. Это положение так же ясно и неопровержимо, как теоремы Эвклида, которые все из нас проходили. Но на этом общем для всех фундаменте люди строили разные дома. Христианство, магометанство, веры далёкого Востока – во всех религиях основание одинаково. Разница в формах и подробностях. Будем лучше всего держаться христианской веры. Это великое учение любви, к сожалению, редко исполняется. Будем христианами, но не будем презирать и других людей, ибо всё человечество так или иначе причастно религиозной истине.

ХСИІ

Теперь давайте посмотрим, какой свет наши духовные наставники проливают на вопрос о христианстве. Мнения в том мире однородны не более, чем и в этом. Но всё же, прочитав некоторое количество посланий по этому предмету, можно сказать, что все они сводятся к следующему: над духами недавно усопших землян имеется множество других духов, их превосходящих; духи эти бывают самого разного рода; назовите их «ангелами», если вы желаете говорить языком старой религии. Но

и надо всеми этими верховными духами находится самый Высший Дух, знание о котором оказалось доступно нашим соплеменникам – не Бог, поскольку Бог столь бесконечен, что недосыгаем для них, – но тот, который ближе других к Богу и который, до известной степени, представляет самого Бога: это Дух Христа. Целью и предметом его заступничества является планета Земля. Он спустился к нам и жил среди нас в пору великой земной извращённости, в пору, когда мир был столь же злополучен, как и сейчас, – для того чтоб преподать нам пример идеальной жизни. Затем он возвратился в своё небесное обиталище, оставив нам учение, которому некоторые из нас следуют и поныне. Такова история Христа, в том виде, в каком нам рассказывают её духи; в ней нет и речи о первородном грехе или об искуплении; но она, на мой взгляд, содержит систему вполне совершенную и разумную.

XCIII

Если бы такой взгляд на христианство стал общепринятым, а его поддерживают авторитет и доводы Нового Откровения, идущего к нам из мира загробного, тогда бы мы получили такую религию, которая была бы способна объединить все Церкви, религию, которая бы примирилась с наукой, которая смогла бы противостоять любым нападкам и утвердила бы Христианскую Веру на неопределённо долгие времена. Наконец-то бы прекратилась война Разума и Веры, наконец-то из мыслей наших был бы изгнан кошмарный бред, а в уме нашем установился бы духовный мир. Я не вижу, как бы такие результаты могли быть достигнуты быстрым захватом власти в какой-либо стране или насильственной революцией. Скорее, это придёт как мирное проникновение, наподобие того как сейчас разные грубые идеи, вроде идеи о вечном аде, постепенно отмирают на глазах наших, уступая место более тонким и правдоподобным*. Тогда именно, когда душа человеческая мучима и разрываемая страданием, в неё могут быть заронены семена добра и правды, поэтому духовный урожай определённо сможет быть собран в будущем из посева дней нынешней нашей жизни.

* Об этом смотрите особо: Аллан Кардек, «Рай и Ад, или Божественная Справедливость в объяснении Спиритизма» (П.Г.).

Мне говорят, что критицизм, подобный моему, исполнен одной лишь страстью разрушения и ничего не в состоянии предложить взамен тому, что он упраздняет. Это не совсем так. Думаю, есть некоторые изначальные, доступные нам истины, не требующие от нас веры для их принятия. И этих истин вполне довольно, чтобы дать нам практическую религию, разумную в своей сути до такой степени, что она будет привлекать к себе думающих людей вместо того, чтобы отвращать их, как то было прежде.

Когда все мы вернёмся к этим немногим изначальным и неопровержимым фактам, появится наконец надежда, что можно положить конец мелким разногласиям и распрям между различными религиями, и тогда единая человеческая семья сможет влиться в единую обстоятельную систему мысли.

Когда я впервые вышел из пределов веры, в которой оказался воспитан, у меня какое-то время было такое чувство, что почва ушла у меня из-под ног. Не стану преувеличивать и говорить, будто ощущал свою никчёмность и погрузился в беспросветный мрак духовный. Нет, молодость от этого оберегает жажда деятельности. Но я испытывал какое-то смутное, непрестанное беспокойство, какую-то мучительную пустоту и бесприютность, которых прежде в жизни не замечал. Я настолько, оказывается, отождествил религию с «Библией», что не мог помыслить их раздельно. Когда выяснилось, что фундамент ложен, то и всё здание моей религии с грохотом рассыпалось у меня на глазах. И тогда на помощь мне пришёл добрый старина Карлейль, с его-то помощью и трудами собственных раздумий я воздвиг свой маленький домишко, в коем с той поры укрываюсь от религиозной непогоды сам и в котором, помимо того, могу приютить одного-двух своих друзей.

Самое первое и главное, что следует усвоить, так это то, что существование Создателя и указание на Его свойства ни в коей мере не зависят от слов древнееврейских поэтов, ни от изготовленной людьми бумаги и типографской краски. Напротив того, все подобные попытки осознать Его неизбежно умаляют и принижают Его, заключая Беспредельность в узкие рамки человеческих понятий, причём сделано это было в ту эпоху, когда эти по-

нения в основном были гораздо менее духовны, чем ныне. Ведь даже самый материалистичный из современных умов покоробит утверждение, будто Божество требует от нас массовых казней, а пленных царей приказывает изрубить в куски на жертвенном камне.

Подготовив таким образом свой ум к принятию более высокой (хотя, быть может, и менее ясной) идеи Божества, начинайте изучать Его в Его делах, неподдельных и нерукотворных. Природа является истинным откровением Божества человеку. Ближайший зелёный луг – это вдохновенная страница, на которой вы прочтёте всё, что вам необходимо знать.

Признаюсь, я никогда не был в состоянии понять позицию атеиста. В конечном счёте я пришёл к тому, что вообще не верю в его существование и рассматриваю это слово лишь как форму упрёка со стороны теологов. Под атеизмом можно понимать лишь переходное состояние, временную фазу умственного развития, отрицательную реакцию на человекоподобные представления о Боге. Но я не могу себе и представить, будто человек, пристально изучающий Природу, станет отрицать, что законы, действующие в ней, указывают на существование ума и силы, давших им рождение. Само существование Вселенной является неопровержимым доказательством наличия её Творца так же, как существование стола автоматически указывает на предварительное наличие столяра. Таким образом, об этом Творце можно составить то или иное понятие, но невозможно быть атеистом.

Мудрость, сила и средства, направленные к достижению цели, – всё вписано в дивную систему Природы. Какие же ещё доказательства может нам дать после этого книга? Если человек, взирая на мириады звёзд, воображает, будто оне и их неисчислимые спутники движутся с безмятежным достоинством в пространстве, избегая пересекать орбиты друг друга; если, говоря я, взирая на всё это, человек не может осознать свойств Творца без помощи книги Иова, то его склад ума являет собой величайший абсурд во Вселенной. Но ведь не только в большом мы видим постоянно присутствующую заботливость некой разумной силы. Самая малая малость не оказывается оставлена ею без попечения. Мы видим, что мельчайшие хоботки насекомых иде-

ально приспособлены для чашечки цветка; что микроскопический волосок и клетка служат в теле определённой цели во благо целого. И какая разница, происходит ли это в результате особого акта Творения или в результате эволюции? Ну, мы знаем, что фактически это произошло в результате эволюции, но ведь сама эта эволюция служит лишь указанием на действие определённых законов. Она указывает на них, но их не объясняет.

И если эта сила позаботилась о пчеле, снабдив её собирательным аппаратом и хоботком, позаботилась о невзрачном семени, наделив его множеством приспособлений, благодаря которым оно достигает наиболее подходящей для него почвы, то мыслимо ли, чтобы мы – высочайшее из всех Её творений – оказались обделёнными? Такое *немыслимо*. Сама эта идея несовместима с системой Творения в том виде, как оно предстаёт перед нами. И я ещё раз повторяю: чтобы достичь уверенности в существовании мудрого Провидения, нам не нужна никакой веры.

А вместе с этой уверенностью мы уже имеем всё необходимое для основополагающей религии. Что бы ни происходило после смерти, наш долг и обязанности в нынешней жизни вполне ясно очерчены перед нами. И этические нормы всех религий до такой степени совпадают, что никакого разногласия мнений по этому поводу быть не может. Последняя Реформация упростила католицизм. Грядущая же упростит протестантизм. И ещё одна реформация, когда мир созреет для неё, совершится в свой час. Постоянно совершенствующийся ум будет открывать перед нами всё более широкую религию. Разве не восхитительно думать, что эволюция продолжает жить и что дело её совершается, и что если предком своим мы имеем человекообразную обезьяну, то потомками нашими в конце концов окажутся архангелы?

XCV

Следует повторить, что если Новое Откровение и представляется разрушительным в глазах исповедывающих христианские догмы с чрезвычайной непреклонностью, то на самом деле оно имеет совершенно противоположное влияние на ум, который, подобно столь многим нынешним умам, в конце концов

пришёл ко взиранию на всю христианскую систему как на сплошное заблуждение и огромный обман. Ясно показано, что Старое Откровение имеет большое сходство с нынешним; хотя время, злоупотребления людей и материализм сильно обезобразили его и исказили, всё же в нём ещё просматривается тот же общий замысел, то же направление мысли, так что невозможно усомниться в том, что оба они исходят из одного источника. Если Старое Откровение говорит нам о жизни после смерти, о высших и низших духах, о зависимости нашего счастья от собственного нашего поведения, об искуплении страданием, о духах-заступниках (ангелах-хранителях), о высоких Учителях, о единой верховной власти во Вселенной, об Иерархии духовных сил, со ступени на ступень всё выше возносящей нас пред ликом Божьим, то все эти идеи и концепции появляются ещё раз и в Новом Откровении и подтверждены в нём множеством свидетельств. Только лишь притязания на непогрешимость и монополию, фанатизм и педантизм теологов, равно как и созданные человеком обряды и ритуалы, изгоняют жизненную силу и самую жизнь из дарованных Богом мыслей – единственно это исказило истину.

ХСVI

Принятие учения, принесённого нам из мира иного, должно глубоко изменить религию, условно именуемую сейчас христианством. Но эти изменения произойдут более в смысле разъяснения и развития, нежели опровержения. Оно устранил серьёзные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека; оно также подтвердит и сделает абсолютно определённым факт продолжения жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии. Оно подтвердит несчастливые последствия греха, хотя и покажет, что последствия эти никоим образом не определены на целую вечность. Оно подтвердит наличие существ более высоких, каковых мы называли «ангелами», а также существование надстоящей нам Иерархии, устремлённой вверх и в которой дух Христа занимает своё особое место; оно покажет, что Иерархия эта кульминирует на высотах Бес-

предельности, с каковой мы связываем идею о Всемогущем Творце, или о Боге. Оно подтвердит идею о рае и временном состоянии искупления, которое соответствует более понятию чистилища, нежели ада. Таким образом, это Новое Откровение в самых жизненно важных своих точках никак не разрушает все прежние верования, и действительно серьёзными людьми, какой бы веры они ни придерживались, оно должно быть встречено как исключительно могучий союзник, а не опасный недруг, порождение дьявола.

XCVII

Изучая Иерархию высочайших духовных существ, стоящих над ним, спирит понимает, что тот или иной архангел может время от времени посещать человечество с некой просветительской миссией, дабы вселить в него надежду. Даже смиренную Кэти Кинг с её сообщением о бессмертии, полученным от великого учёного, можно расценивать как «ангела во плоти». Франциск Ассизский*, Жанна д'Арк, Лютер, Магомет**, Баб-эд-Дин*** и другие реальные исторические персонажи и религиозные лидеры были среди этих «евангелистов». И первейший из них – согласно верованиям Запада – Иисус, сын еврейского плотника, именуемый нами Христос. Наш разум, далеко не вселенский, не может позволить себе размышлений о степени свя-

* Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений (П.Г.).

** Магомет (Мухаммед) (ок. 570–632) – основатель ислама, глава первого мусульманского теократического государства в Аравии; почитается как пророк (П.Г.).

*** Баб-эд-Дин (настоящее имя Али Мухаммед) (1820–1850) – иранский религиозный деятель, последователь секты шейхитов, которые проповедовали идею о скором пришествии мусульманского мессии Махди; в 1844 году объявил себя Баб'ом – то есть вратами, через которые должен действовать ожидаемый мессия. Своими яркими проповедями привлёк множество последователей. В 1847 году объявил себя Махди, был арестован и расстрелян по приказу шаха. В заключении написал книгу «Откровение» (П.Г.).

тости самого Христа; единственное, что мы можем сказать с уверенностью, – это то, что Христос был гораздо ближе к понятию святости, чем все мы вместе взятые. Его учение, по которому до сих пор пытается жить мир, наиболее бескорыстное, милосердное и прекрасное. С ним может сравниться только Будда, который также был посланником Господа, но эта вера более близка восточному, нежели западному менталитету.

Когда же мы обращаемся назад, к миссии нашего вдохновенного Учителя, то находим лишь частичное соответствие между его наставлениями и действиями его современных последователей. Мы отмечаем также, что многое из его учения оказалось безвозвратно утраченным. Чтобы восполнить потери, не нашедшие отражения в «Евангелии», необходимо вернуться к практике ранней Церкви, которой управляли те, кто был действительно связан с Господом. Подобные изыскания показывают, что всё то, что мы называем современным Спиритизмом, по всей видимости, было знакомо окружению Христа. В частности, те же способности, которыми духи наделили Св.Павла, сегодня проявляют современные медиумы, и те чудеса, которые подвигли людей прежних эпох к признанию существования загробного мира, могут случаться и сегодня. Человек не прекратил обращаться за помощью к загробному миру. Этот предмет обсуждался во множестве трудов. Резюмировать всё сказанное в них можно следующим образом: вместо того, чтобы плутать в лабиринтах ортодоксальной веры, разумнее поверить в то, что простой, смиренный спирит, свободный от догм, напрямую общающийся с духами и святыми и приемлющий учение о Святом Духе, стоит гораздо ближе к раннему христианству, чем любая ныне существующая секта.

XCVIII

Поражает то, что в ранних церковных документах, особенно в записях Отцов Церкви*, повсюду встречаются сообщения о

* Отцы Церкви – традиционное название деятелей христианской церкви II–VIII вв., создавших её догматику и организацию. Главный Отец Церкви в католицизме – Амвросий Медиоланский (П.Г.).

психическом учении, которое было весьма распространено в то время, и его практическом воплощении. Ранние христиане жили в тесном контакте с миром духов. Их абсолютная вера в новое учение и преданность ему основывались на позитивных знаниях каждого из них. Они считали не подлежащим обсуждению тот факт, что смерть – это всего лишь переход к другой, бесконечной и содержательной жизни, который можно было бы более точно определить словом «рождение». Поэтому они не страшились смерти и желали её гораздо больше, чем доктор Ходсон, когда тот воскликнул: «О, я жду этого с нетерпением!». Подобное отношение к смерти никак не влияло на их земную жизнь, что отмечали неоднократно даже их враги. Если мысленно отправиться в отдалённые уголки Земли, то можно с грустью констатировать, что после принятия христианства и вплоть до наших дней многое там изменилось не в лучшую сторону, потому что христианство, которое они приняли, утратило свой непрерываемый авторитет и убедительность, составлявшие его славу в прежние дни.

XCIX

Кроме свидетельств ранних Отцов Церкви мы располагаем сентиментальным наследием ранних христиан, которое они оставили на надгробиях в римских катакомбах*. Интересная книга об останках ранних христиан, захоронённых в Риме, принадлежит перу преподобного Спенса Джонса, настоятеля собора в Глостере, которому пришлось заниматься этими удивительными по своей патетичности надписями. Оне имеют неоспоримое преимущество перед всеми другими документальными свидетельствами той эпохи, поскольку подлинность их очевидна. Доктор Джонс, изучивший сотни их, говорит: «Ранние христиане говорят о мёртвых так, будто они живы. Они продолжают общаться с усопшими». Это совпадает с точкой зрения современных спиритов, но Церковь отказалась от неё давным-давно.

* Римские катакомбы – подземные кладбища ранних христиан, которые вынуждены были прятаться от преследователей в пещерах. Тела умерших хоронили в нишах, выдолбленных в стенах скалы (П.Г.).

Могила ранних христиан, захоронённых в катакомбах, представляют странный контраст с могилами язычников, соседствующих с ними. Последние всегда говорят о смерти, как о свершившемся и окончательном факте, ужасном и бесповоротном событии. «Прощай навсегда!» – вот что является итогом их жизни. Христиане же, наоборот, убеждены в счастливом продолжении жизни. «Эгип, ты будешь жить вечно», «Виктория, покойся с миром и с Христом», «Пусть Господь укрепит твой дух», «Твоя жизнь – в Боге» – эти надписи достаточно убедительно доказывают, что новый и бесконечно утешительный взгляд на смерть снизошёл на человечество.

Можно отметить, что захоронения в катакомбах доказывают простоту и доступность раннего христианства. Эти качества были характерны до той поры, пока эта вера не «обросла» разнообразными сложными понятиями и абстрактными терминами, которые распространились из Греции и Византии. Они не принесли миру ничего, кроме вреда. Символ, доминирующий в катакомбах, – Пастырь Божий, заботящийся о бедных и беззащитных своих овцах (идея, близкая сердцу человечества во все времена). Усыпальницы первого века нашей эры не содержат ни одного упоминания о кровавом жертвоприношении или девственном рождении. Вы найдёте там лишь атрибуты доброго Пастыря, якорь надежды, ладонь мученика и рыбу – словом, все те «шарады и ребусы», которые олицетворяли имя Христа. Всё это указывает на примитивный характер религии. Христианство находилось в расцвете, пока оно было религией бедных, простых людей. Именно богатые, властные и сильные мира сего привели христианство в упадок, усложнили и разрушили его.

Изучение надписей на гробницах, однако, не позволяет сделать каких-либо заключений об их психическом характере. Для этого нам придётся обратиться к Отцам до-Никейской поры, и здесь мы находим такое множество сведений, что из них можно составить целую книгу. Проникновение в смысл этих сообщений потребует соответствующей перестройки нашего мышления и усвоения непривычной лексики: например, «пророчество» следует понимать как медиумизм, а «ангел» в нашем представлении – Высший Дух, или направник. Теперь проанализируем несколько типичных цитат из великого множества сообщений.

Блаженный Августин* в своём труде «De cura pro Mortuis» говорит: «Духи умерших могут быть ниспосланы живым, они могут раскрыть им будущее, которое они узнали от других духов, или от ангелов (духовных наставников. – А.К.Д.), или посредством святого Откровения». По современным понятиям речь идёт о Спиритизме. Августин не мог выразиться точнее, так как, видимо, не был достаточно знаком со Спиритизмом, но мы не находим в его словах ни малейшего намёка на недозволённость последнего.

С

Блаженный Августин вновь обращается к этому вопросу в своём труде «О Граде Божьем», где говорит о практике, которая позволяла эфирному (неземному) телу человека общаться с духами и высшими наставниками посредством видений. Сегодня мы называем таких людей медиумами – это название определяет их посредническую позицию между телесными и бестелесными существами.

Св.Климент Александрийский** делает сходные намёки, и Бл.Иероним*** в своей полемике с Вигилантиусом Галльс-

* Аврелий Августин (354–430гг.) – латиноязычный христианский писатель, выходец из Нумидии (Северная Африка). Изучал риторику, впоследствии преподавал её в Карфагене, Риме и Милане. Назван католическими богословами «блаженным». Как богослов и писатель имел сильное влияние на оформление всей догматики католицизма. Один из Высших Духов, активно сотрудничавших с Алланом Кардеком в создании спиритического Учения (П.Г.).

** Св.Климент Александрийский (150–215гг.) – греческий теолог, применявший идеи греческой философии к христианской доктрине. Учитель известного теолога Оригена (П.Г.).

*** Блаженный Иероним (340–420гг.) – богослов, автор латинского перевода «Библии» (так наз. *вульгата*). За перевод «Библии» был причислен Католической церковью к разряду святых и Учителей Церкви. На нём лежит вина в недоразумении с Люцифером. Переводя стих из «Книги пророка Исаи», он неудачно построил фразу, и Люцифер (так римляне называли планету, которую мы теперь именуем Венерой, жалуя ей иногда титул «Утренней Звезды»; «люцифер» буквально значит на латы-

ким* также оставил похожие упоминания. Это, однако, происходило в более поздний период – после Никейских соборов**.

Автором книги «Пастырь» считается Герма*** – личность до конца не установленная. По некоторым сведениям, он был другом Св.Павла и прямым учеником апостолов. Впрочем, точное установление авторства не имеет большого значения; книга определённо написана кем-то из ранних христиан и отражает идеи, которые превалировали в то время. В ней говорится: «Дух не отвечает

ни «светоносец», т.е. «вестник утра») стал восприниматься не как небесное тело, а как некий претенциозный субъект, который «вознёсся на небеса» и был за это «низвергнут в ад».

Когда в Средние века христианство окончательно выродилось в мракобесие, тогдашние богословы разработали доктрину христианского ада (понятие, совершенно чуждое Христу и раннему христианству) и изобрели Князя тьмы – персонаж, также совершенно неведомый раннему христианству. Тогда-то они и вспомнили о персонифицированном Люцифере, и с той поры латинское название планеты стало одним из имён Духа тьмы. Стало быть, «носитель света» сделался у средневековых знатоков латыни «носителем мрака». Такая вот неумелая игра словами на уровне идиотизма, разросшаяся со временем в учение о сатанизме, каковое закономерно привело к дегенерации христианства. Описка с Люцифером оказалась самой что ни на есть настоящей трагедией для всего христианского мира, вот уже полтора тысячелетия являющегося жертвой чудовищной мистификации (П.Г.).

* Вигилантиус (Вигилий) Галльский – дьякон, жил в первой половине V века в Галлии; автор монашеского устава (П.Г.).

** Имеются в виду первые два Вселенских собора, проведённых в 325 и 381 годах во главе с императором Константином Великим в городе Никея (нынешняя территория Турции), на которых были утверждены основа православного вероучения – Никеоцарьградский символ веры, а также представления о триединстве Бога, боговоплощении, искуплении, воскресении из мёртвых, крещении, загробной жизни и т.п. (П.Г.).

*** Герма (II в.) – один из апостолических Отцов раннего христианства. Христианин, проданный как раб в Рим, был затем освобождён. Его известный труд «Пастырь» состоит из трёх частей: «Видения», «Наказы», «Образы». В книге содержатся откровения старой женщины и пастыря (ангела) о грехе и моральные наставления, исполнение которых ведёт к новой и светлой жизни. Многие ранние христиане рассматривали этот труд как часть Священного Писания (П.Г.).

всем, кто его спрашивает, не отвечает он и обычным людям. Дух, который был послан Богом, должен говорить не по желанию человека, а по дозволению Господа. Когда человек, которому явился дух от Господа (т.е. дух-наставник. – А.К.Д.), после произнесения молитвы входит в общество истинно верующих, то дух наполняет этого человека и он начинает вещать согласно воле Божией».

Это в точности совпадает с нашим личным психическим опытом, с тем, что мы испытываем во время удавшихся сеансов. Мы не призываем духов, как говорят невежественные критики, мы не знаем, что нас ждёт, но мы молимся, читаем «Отче наш» и ожидаем развития событий. Затем избранный с позволения Господа дух приходит к нам и говорит или пишет через медиума. Герма, как и Августин, не приводит никаких подробностей, позволяющих сделать вывод, будто он имел личный опыт в проведении спиритических сеансов.

Толкования Оригена* также во многом напоминают психическое Учение. Мы могли бы продолжить наши ссылки, но остановимся, пожалуй, на краткой цитате, взятой из его дискуссии с Цельсом**: «Многие люди вошли в лоно христианства несмотря на то, что их души неожиданно чувствуют перемену в себе после общения с неким духом, снизошедшим к ним во сне или наяву». Именно таким путём лидеры материализма (и среди них доктор Эллиотсон) возвратились к вере в жизнь после смерти и определили своё отношение к этой жизни через изучение доказательств психического свойства.

Именно ранние Отцы Церкви наиболее определённо высказались по поводу этой проблемы и были ближе всего к её психическому источнику. Так, Ирений*** и Тертул-

* Ориген (185–254гг.) – греческий теолог, родился в Александрии, ученик Климента Александрийского. Причудливо, в аллегорической форме интерпретировал «Библию». Кастрировал самого себя, чтобы подтвердить приверженность обряду celibата, т.е. безбрачия (Л.Г.).

** Цельс (II в.) – греческий философ-платоник из Александрии, первый известный критик христианства, автор сочинения «Правдивое слово» (179г.), которое сохранилось в значительных цитатах у христианского автора Оригена в его труде «Contra Celsum («Против Цельса»), написанном в III веке (Л.Г.).

*** Св.Ирений Лионский (140 или 160–200гг.) – создатель католической теологии, выдающийся теолог II века. Был епископом Лигдунума

лиан*, жившие в конце II столетия, писали о психических явлениях, хотя Евсевий** позже скорбел о том, что они не приемлемы для Церкви. Иреней писал: «Мы слышали о многих собратях по церкви, обладающих пророческими (медиумическими, — А.К.Д.) дарами: говорящих посредством духа на всех языках, проливающих свет на общие достижения скрытых достоинств человеческих, излагающих таинства Господни». Что лучше этого отрывка может описать функции медиума высокого класса?

Когда Тертуллиан выступил с опровержением взглядов Марциона***, он использовал спиритические возможности для проверки истинности аргументов спорящих сторон. Он утверждал, что подобные таланты проявятся в великом изобилии и упомянул о трансречевых сообщениях, о пророчествах и откровениях, проливающих свет на скрытую от глаз истину. Сегодня всё это вызывает насмешки и осуждается современными священнослужителями, а в 200-м году подобные способности поощрялись христианством. Тертуллиан в своём труде «De Anima» (Лион), боролся с гностиками; наиболее известный его труд «Aversus Haereses» («Против ереси») (П.Г.).

* Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155–222гг.) – апостолический Отец раннего христианства, христианский теолог и писатель. Подчёркивал пропасть между библейским откровением и греческой философией; утверждал веру именно в силу её несоизмеримости с разумом. Развивал своеобразный мистический материализм: души и даже Бог – тела особого рода. В конце жизни сблизился с монтанистами – движением ранних христиан, пытавшихся вернуть Церкви прежнюю чистоту, и в конце концов порвал с Церковью, которую упрекал в непоследовательном проведении принципов аскетизма и мученичества (П.Г.).

** Евсевий Кесарийский (Памфил) (между 260 и 265–340гг.) – римский церковный писатель, епископ Кесарии (ныне – Квесария, Израиль), автор труда «Церковная история» (истории христианской церкви до 324 года) (П.Г.).

*** Марцион (умер в 160г.) – основатель христианской секты (марционизм). По его утверждению, Иисус Христос не мог иметь отношения к Богу-Создателю, воспетому в «Ветхом Завете». Он считал, что подлинное Евангелие Христа было искажено его учениками, которые воплотили в нём идеи иудаизма, а «Ветхий Завет» вообще не должен восприниматься христианами. Согласно Марциону только Св.Павел правильно понял учение Христа (П.Г.).

(«О Душе») сообщает: «Среди нас сегодня находится сестра, обладающая природным даром Откровения. Она получила его от духа в церкви во время службы во славу Воскресения Господня, во время которого она испытала экстаз. Она разговаривала с ангелами (так он называет Высших Духов. – *А.К.Д.*), постигая тайны, читая в сердцах некоторых людей и принося исцеление тому, кто просил её об этом. «Среди прочих, – сказала она, – мне явилась душа, принявшая форму тела, похожая на духа, но не пустая. Казалось, что можно осязать её: она была мягкой, прозрачной и имела очертания человеческой фигуры, которую можно было разглядеть во всех деталях».

СІ

Ещё одним источником информации об устройстве ранней христианской Церкви являются «Апостольские постановления»*. В действительности они не принадлежат перу апостолов, но такие исследователи, как Уистон, Краббе и Бунзен, утверждают, что по крайней мере семь из восьми книг подлинные и относятся к доникейскому периоду, а именно к началу III столетия. Изучение их привело к открытию малоизвестных фактов. Во время церковной службы использовались ладан и кадила, которые присутствуют и в современном католическом богослужении. Священники и епископы были женатыми людьми. Существовала система негласного бойкота тех, кто нарушил церковные правила. Если кто-либо из священников продвигался по церковной лестнице, используя мирские связи, то его лишали сана. Верховенство епископа или Папы принималось безоговорочно. Вегетарианство и полный отказ от вина не одобрялись и даже наказывались. Последнее особенно удивительно: возможно, такие установления были направлены против ересей, связанных с этими привычками. Священник, которого заставляли в таверне, временно отстранялся от службы. Всем священнослужителям

* «Apostolic Constitutions» – «Апостольские постановления», или «Каноны Св.Апостолов» (II – III вв.) – каноническое (церковное) право ранних христиан, отражает начало развития административного аппарата Церкви (*П.Г.*).

телям – согласно иудейской традиции – разрешалось есть только бескровное мясо. Пост соблюдался строго: один день в неделю (как правило, по четвергам) и 40 дней в Великий пост.

Все эти древние документы пролили свет на споры о «даре», то есть о разных формах медиумизма, и на его психические корни. Тогда, как и ныне, медиумизм облекался в разные формы, как-то: речь, исцеление, предсказания и тому подобное. Гарнак* пишет, что при каждой христианской церкви раннего периода числились три женщины: одна – для исцеления и две – для предсказаний. Этот вопрос подробно рассмотрен в «Апостольских постановлениях». Во избежание их самовозвеличивания над теми, кто не обладал подобным даром, оне не получали никаких привилегий, ибо талант и добродетель не всегда совпадали.

Сами эти явления, как и в современном Спиритизме, способствовали обращению неверующих. Их целью было «не дарование преимуществ тем, кто обладает подобными способностями, но убеждение неверующих, тех, кого слово не может убедить в силе знамения. Кого-то могут смутить подобные знамения, но не нас – верующих, а скорее неверующих, иудеев и язычников»**.

Далее следует описание этих разнообразных талантов, которые при внимательном рассмотрении похожи на современные формы медиумизма: «Не каждый из тех, кто подаёт эти знамения и совершает чудеса, может судить тех верящих, кто не удостоился того же дара. Дары Божии, которые Он передал через Христа, различны: этот человек получает один дар, а тот – другой. Некоторые могут обладать словом мудрости (речь в транс. – *А.К.Д.*), другие словом знания (наитие. – *А.К.Д.*), третьи – духовной проницательностью (ясновидение. – *А.К.Д.*), иные – предвидением грядущего, словом веры (обращение к духам. – *А.К.Д.*), а иные – долготерпением». Все наши медиумы, несомненно, особенно нуждаются в последнем даре.

* Адольф фон Гарнак (1851–1930) – немецкий историк церкви и теолог. Один из лидеров либерального протестантизма, Гарнак известен своим многотомным трудом «История догмы» (1888–1889гг.), где прослеживает историю развития христианской доктрины. Он настаивал на том, что христианская Церковь испытала сильное влияние греков. Мечтал вернуть Церкви простоту раннего христианства (*П.Г.*).

** «Апостольские постановления», кн. VIII, раздел I (*П.Г.*).

Те, кто не состоит в рядах спиритов, могут поинтересоваться, обнаружены ли упоминания о подобных духовных проявлениях в других Церквах, происшедших от одного раннехристианского корня? Да, присутствие высшего духовного начала признавалось всегда. Так, в «Рукоположении в сан епископа» мы находим следующие слова: «Святой Дух всегда с нами, так же как и духи праведников и духи-хранители». В целом, насколько я могу судить, мы сегодня более близки к полному пониманию психических явлений, чем авторы «Постановлений», которые, возможно, уже отошли от непосредственного общения со святыми, характерного для I века. Есть основание поверить в то, что психическая сила неизменна, что она набегает как волна прилива, но мы не знаем, насколько долго она сохраняет свою мощь.

Некоторые могут заметить, что поскольку наши знания о событиях, связанных с историей ранней Церкви, очень ограничены, возможно, полезно было бы вступить в связь с некими высшими духовными умами, которые принимали участие в тех событиях и могли бы обогатить наши знания, предоставив нам новую информацию. На самом деле такая информация уже содержится во многих вдохновенных рукописях*, и даже если доказательства, приведённые мною, подвергнутся уточнению, всё равно они дают возможность проследить историю вопроса и показать всему миру, насколько тесна связь между сообщениями из потустороннего мира и религией. Не так давно были обнародованы две пространные рукописи, написанные рукой леди-медиума мисс Камминз, находившейся в полубессознательном состоянии и писавшей при этом со скоростью 2000 слов в час. Одна рукопись представляла собой описание миссии Христа Филиппом Евангелистом**, а вторая – дополнения к «Деяниям апостолов», принадлежавшие, как утверждалось, руке Клеопы, который трапезничал с воскресшим Христом в Эммаусе***.

* Прежде всего за этим можно обратиться к книгам Аллана Кардека, особенно к «Книге Духов» (П.Г.).

** Св.Филипп (I в.) – один из 12 апостолов, проповедовал Евангелие в Скифии и Финикии; был распят (П.Г.).

*** Эммаус – небольшое селение на северо-западе от Иерусалима.

Первая из рукописей была опубликована*, вторая скоро выйдет в свет.

Насколько мне известно, никто из критиков Спиритизма не изучал рукопись, написанную от имени Филиппа, но её внимательное прочтение убеждает в безусловных достоинствах этого документа. Рукопись ясно и последовательно объясняет многие факты, приводившие в недоумение исследователей. История с рукописью Клеопы, однако, более примечательна, и я склонен признать её наиболее значительным документом во всей истории движения, имеющим сверхъестественное происхождение. Она была передана доктору Остерлею – капеллану епископа Лондонского – одному из выдающихся авторитетов церковных традиций и истории. Доктор утверждал, что рукопись несёт все признаки принадлежности её руке современника эпохи, тесно связанного с кругом апостолов. Многие указывало на высокую эрудицию автора: например, использование имени первосвященника иудея Ханаана, известного англоязычным читателям под именем Анания; это обстоятельство служило также доказательством подлинности рукописи. Среди прочих интересных фактов Клеопа описывает Пятидесятницу** и утверждает, что апостолы сидели по кругу, взявшись за руки, в то время как Учитель наставлял их. Эта рукопись может стать чрезвычайно ценным свидетельством, проливающим свет на историю раннего христианства.

Обе рукописи, по мнению автора, представляют собой неоспоримое подтверждение реального общения с духами, и это невозможно отрицать.

Здесь воскресший Господь узнан был двумя его учениками при преломлении хлеба. Одним из двух учеников, встретившихся в Эммаусе с воскресшим Спасителем, был Клеопа. – «Еванг. от Луки», гл. XXIV, ст. 13, 18 (Л.Г.).

* «The Gospel of Philip the Evangelist».

** Пятидесятница – 50-й день Пасхи – день, празднуемый в память сошествия Св. Духа на апостолов (Л.Г.).

СIII

Не презирайте скромных начал, которыми явились «пляшущие столы» или «летающие бубны», каким бы злоупотреблениям и имитациям эти явления ни подвергались, но помните, что падение яблока позволило открыть закон всемирного тяготения, котёл с кипящей в нём водой дал человечеству паровую машину, а подёргивание лягушачьей лапки направило исследовательскую мысль по новому пути, приведшему нас к открытию электричества. Точно так же и явления невысокого порядка, имевшие место в Гайдсвилле, принесли свои плоды, ибо, привлекая к себе на двадцать лет внимание лучших умов той страны, они оказались началом такой работы, которая, по моему мнению, предназначена оказать на прогресс человечества куда большее влияние, чем всё сделанное доньше.

CIV

Можно возразить, и многие так и делали – как скептики, так и сами спириты, – что столь эксцентричные физические эффекты бесполезны и несерьёзны. Есть много сторонников этого мнения, однако есть и много других, чьи мысли созвучны словам мистера П.Б.Рэндалла:

«Виноваты не бессмертные, а мы сами, ибо каков спрос – таково и предложение. Если до нас не достучаться одним способом, то прибегают – и успешно – к другому: мир вечной мудрости показывает племени слепцов столько, сколько оно способно воспринять, и не больше. Если в интеллектуальном плане мы – младенцы, то должны довольствоваться ментальным пюре до тех пор, пока не станем способны к принятию более твёрдой пищи. И раз убедить людей в истинности вечной жизни способны лишь спиритические трюки и фокусы, то они и оказываются явлены людям. Зрелище радужной руки, появившейся в присутствии трёх тысяч человек, способно за десять минут взволновать больше сердец, глубоко впечатлить и дать веру в загробную жизнь большему количеству людей, чем это под силу целому полку священников, который бы трудился пять лет».

Наши оппоненты утверждают, будто стуки в Гайдсвилле не открыли ничего чудесного. Я же полагаю, что, открыв наличие разума, существующего отдельно от обычной материи, они уже открыли кое-что чудесное – воистину самое чудесное и удивительное из того, что удалось узнать нашему веку. Я согласен с тем, что многие проявления кажутся ребяческими, но если взглянуть на силу, стоящую за ними, их вызывающую и производящую, то они тогда перестают быть таковыми и становятся вместо этого отправной точкой важнейших размышлений и экспериментов. Обращение было сделано к невежественному и материалистическому поколению, и, чтобы вывести людей из их ограниченного самодовольства, потребны были именно такие грубые и примитивные явления. Нам бы показалось лучшим, если бы некий архангел появился на Трафальгар-сквер и сделал соответствующие заявления, но я подозреваю, что проблема была намеренно затемнена, дабы нам иметь заслугу в применении своих умственных сил и терпения.

Странность, характеризующая, впрочем, дух той эпохи, состоит в том, что участники сеансов редко задумывались о религиозном смысле этого явления: в своих вопросах они чаще всего просили назвать второе имя своей бабушки или сообщить точное число своих дядьёв. Даже самые серьёзные люди задавали совершенно никчёмные вопросы, и никому не приходило в голову, какие перед ними открываются возможности для серьёзного обоснования религиозных верований.

С тех пор мир сильно изменился: добывается больше угля и железа, развивается промышленность, изобретены страшные орудия войны. Но можем ли мы сказать, что мир в такой же степени продвинулся в спиритическом Учении и стал более почтительно относиться к тайнам невидимого мира? Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот

– путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть.

CVII

Мистер Джером К. Джером сравнил наши современные чудеса с теми, что описываются в «Новом Завете». Но я полагаю, что это всё *те же самые* чудеса. За исключением «воскресения из мёртвых», я не могу назвать ни одного чуда в «Новом Завете», которое бы не было авторитетно заверено как имевшее место при спиритических опытах.

Я сам на практике сталкивался с такими явлениями, как порывы ветра, языки пламени и прямой голос. Что же до налёта «забавности», лежащего на наших современных чудесах, и отсутствия такового на чудесах евангельских, то всё зависит от настроения, в котором описывается какое-либо событие. Я не сомневаюсь, что если бы некий циничный журналист рассказывал истории о хлебах и рыбе или о Гадаринских свиньях, то он вполне мог бы сделать их уморительными, хотя на самом деле это не отражает сути происходящего*.

CVIII

Когда я читаю «Новый Завет», обладая тем знанием, какое даёт мне Спиритизм, у меня складывается глубокое убеждение, что учение Христа было во многих важных отношениях утрачено раннехристианской Церковью и не дошло до нас. Все эти налёки на победу над смертью имеют, как мне кажется, весьма мало значения в современной христианской философии, но тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Когда мы сталкиваемся со множеством упоминаний о таких достаточно хорошо известных нам явлениях, как левитация, огненные языки, порывы ветра, духов-

* Такого рода опыт был сделан Лео Таксилем в его «Забавном Евангелии». Весьма назидательное сочинение (П. Г.).

ные дары, — одним словом, «сотворение чудес», то нам тогда становится понятным, что самая сокровенная суть этих явлений, непрерывность жизни и общение с умершими были древним более чем наверняка известны. Нас поражает, когда мы читаем: «Здесь он не совершил чуда, ибо в народе не было веры». Ведь разве не согласуется это целиком и полностью с известным нам психическим законом? Или, другое место, когда Христос, после того как до него дотронулась больная женщина, восклицает: «Кто коснулся меня? Много добродетели ушло от меня». Мог бы он яснее выразить то, что сегодня сказал бы на его месте медиум-исцелитель, за исключением разве только того, что вместо слова «добродетель» тот употребил бы слова «сила» или «энергия»? И когда мы читаем: «Не всякому духу верьте, но испытайте духов, дабы знать, идут ли они от Господа», то разве это не совет, который сегодня дают всякому новичку, приступающему к спиритическим исследованиям? Вопрос этот представляется мне слишком обширным, для того чтобы задерживаться здесь на нём подробно, но мне думается, что тема эта, подвергающаяся сейчас столь ожесточённым нападкам со стороны наиболее непреклонных христианских церковнослужителей, в действительности является краеугольным камнем всего христианского учения. Тем, кто желал бы основательнее познакомиться с подобным строем мыслей, я настоятельно рекомендую небольшую книгу д-ра Абрахама Уоллеса «Иисус из Назарета», если только тираж этой бесценной работы не распродан полностью. В ней автор самым убедительным образом доказывает, что чудеса Христа управлялись силами, действующими в рамках психического закона, как мы его понимаем теперь, и что они соответствовали характеру этого закона в малейших своих деталях. Два примера такого рода я уже привёл. Множество же других представлено в этой брошюре. В высшей степени точна и убедительна история материализации на горе двух пророков, если судить о ней по правилам психической науки. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что выбор пал на Петра, Иакова и Иоанна, которые составляли психическую группу, когда умершего призвали к жизни: они, вероятно, были наиболее медиумически одарёнными по сравнению с прочими участниками сеанса. Далее указывается на необходимость чистого

горного воздуха. Сияющие, ослепительные одежды, облако, слова «построим три молельни», которые можно понять также как «построим три кабины» или «три кабинета» – всё это означает, что были созданы идеальные условия для того, чтобы осуществить явление (материализацию) духа умершего посредством сосредоточения психических сил. Во всём этом усматривается последовательное сходство приёмов и способов. Что касается прочего, то, например, свод даров, которые Св.Павел даёт нам как качества совершенно необходимые последователю христианства, является, по сути дела, перечнем способностей, которыми должен обладать сильный медиум, включая сюда дар пророчества, исцеления, сотворения чудес (или физических феноменов), ясновидения и многое другое («Послание к Коринфянам», I, XII, ст. 8,11). Первоначальная христианская Церковь была вся насыщена Спиритизмом и, видимо, не обращала никакого внимания на запреты «Ветхого Завета», который предоставлял этот дар в право исключительного пользования и выгоды духовенства*.

* Надо сказать, что, действительно, «чудеса» Христа находятся все в пределах, в коих действуют силы, управляемые психическим законом в том его виде, понимание которого нам даётся теперь Спиритизмом, и что даже в самых мельчайших своих подробностях чудеса эти соответствуют природе этого закона. Согласно философии карденистского спиритизма, «чудес» в Природе не существует и не смогло бы существовать, есть только законы, нами не познанные, и действия, на их основе совершаемые знающим, воспринимаются профанами как чудо. По мнению спиритов, величие Божеское заключается отнюдь не в том, что с помощью каких-то чудес Бог постоянно вмешивается в нормальный ход вещей и произвольно его поворачивает в ту или иную сторону, но в том, что Он изначально создал такие законы, которые направляют развитие Вселенной в нужное русло без всякого последующего и могущественного вмешательства извне. Создание таких законов и является самым величайшим из Божьих чудес.

Христианская Церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же «Евангелии», созданном в совершенно иных исторических

Многие писатели говорили о том, что современные психические исследования представили в новом свете библейские сказания. Лучше других это мнение выразил в своей книге «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» Фредерик Мейерс*:

«Я осмелюсь выразить свою твёрдую убеждённость в том, что (как я уже предсказывал, опираясь на полученные свидетельства) в Воскресение Христово будут верить во все времена не только все разумные люди, пусть и отрицающие новые сведения, но и неразумные тоже... Особенно после того, как была провозглашена концепция духовной жизни после телесной смерти. Совершенно очевидно, что этот факт найдёт лишь слабую поддержку со стороны традиционалистов, зато он может и должен быть подкреплён современными исследованиями. Предположим, мы собрали множество подобных историй, документальных свидетельств очевидцев, и допустим, что все эти повествования были опровергнуты критикой, которая отнесла их к разряду галлюцинаций из-за неточности описаний и других ошибок. Можно ли ожидать, что разумный человек поверит в столь чудесное явление? Ведь современный человек, живущий в наш критический век, всегда теряется, когда он, живя в современной Англии, должен заставить себя поверить в то, что случилось в восточной стране, склонной к суевериям, да ещё в столь давние времена. Были ли результаты психических исследований (я имею в виду все известные мне исследования) одноусловиях, нет не только ни одного запрета на всё это или хотя бы какого намёка на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чём они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях. И подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели Церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т.е., иными словами, неужели же Церковь православных, католиков и протестантов есть Церковь более иудейская, нежели христианская? (П.Г.)

* «Human Personality and Its Survival of Bodily Death» by F.W.H.Myers.

значно отрицательными? Не подвергнутся ли свидетельства христиан – я уж не говорю об их чувствах – сокрушительному удару?»

СХ

В «Новом Завете» имеется множество эпизодов, которые можно взять в качестве отправных пунктов, чтобы проследить близкую аналогию между аномальными явлениями, ознаменовавшими первые годы христианства, и теми, что поставили в затруднение сегодняшний мир в связи с современным Спиритизмом. Многие из нас охотно допускают, что постоянные требования христианства к человеческой расе вызваны его специфическими доктринами, которые совершенно независимы от чудес, единственное назначение коих имело целью оказать впечатление на ничем не пробиваемое самодовольство бездуховной расы и тем самым с силой направить внимание тогдашних людей к новой системе мысли, предлагаемой христианством. Совершенно то же самое можно сказать и о современном Откровении. Демонстрация силы, простирающейся за пределы человеческих возможностей и человеческого опыта, есть не более, чем способ привлечь внимание. Если повторить где-то уже использованное мною сравнение, то все эти явления не более, чем скромный телефонный звонок, возвещающий, что нам имеют сообщить нечто чрезвычайно важное. Применительно к Христу Нагорная проповедь была куда более значима, чем всё множество совершённых им чудес. То же самое можно сказать о посланиях из мира потустороннего: они бесконечно важнее, чем какие-либо явления, их сопровождающие. Вульгарный ум может выставить историю Христа в весьма вульгарном свете, если он настаивает на чуде с хлебами и рыбой. Так же точно вульгарный ум может овульгарить психическую религию, настаивая на движении мебели и летающих бубнах. В каждом из этих случаев чудеса и явления – лишь неоспоримый знак способности, самая суть которой находится на более высоких планах бытия.

Во второй главе «Деяний Апостолов» констатируется, что они, христианские вожди, были *единодушно вместе*. Словосочетание «единодушно вместе» как нельзя более удачно передаёт наличие симпатии, которая всегда присутствует в спиритических кружках как средство, способствующее достижению наилучших результатов, и как раз симпатия настойчиво игнорируется определённым классом исследователей. Затем «внезапно сделался шум с неба, как бы несущегося сильного ветра», а потом «явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них». Здесь вполне определённый и ясный перечень весьма характерной последовательности явлений. Давайте же сравним с ним результат, полученный профессором Круксом в ходе его исследований в 1873 году. Он принял тогда против возможного подлога все меры предосторожности, какие ему мог подсказать богатый опыт наблюдателя и точного экспериментатора. В опубликованных им заметках сообщается: «Я увидел светящиеся точки, метавшиеся по комнате, а затем поместившиеся на головах присутствующих». Или вот ещё: «Этим движениям, и то же самое я могу поистине сказать о каждом роде явлений, обыкновенно предшествуют порывы холодного воздуха, порой усиливающиеся до настоящего ветра, который сдувал у меня со стола листы бумаги...»

Итак, разве не странно, что мы сталкиваемся лицом к лицу не только с теми же самыми явлениями, но и что эти явления проявляются в той же самой последовательности: сначала порывы ветра, а после огни? При нашем незнании законов эфирной физики, незнании, которое понемногу начинает рассеиваться, мы можем лишь сказать, что в данном случае перед нами имеются определённые указания на некий общий закон, который увязывает воедино оба этих эпизода несмотря на разделяющие их девятнадцать веков. Чуть ниже в «Деяниях» сообщается, что «дом сотрясся, где они находились». Многие современные наблюдатели психических явлений были свидетелями вибрации стен комнаты, как если бы мимо проезжал грузовой автомобиль. Именно на такие ощущения, по всей видимости, намекает Св.Павел, когда

говорит: «Наше евангелие явлено вам не только в славе, но и в силе». Проповедник Нового Откровения может с полным основанием сказать то же самое. Так, по поводу знаков, явленных в день Пятидесятницы, я могу истинно сказать, что испытал их все на собственном опыте – внезапный холодный ветер, колышущиеся туманные языки огня – при медиумическом содействии г-на Феникса, психика-любителя из Глазго.

СХII

Невозможно дать никакого философского объяснения явлений, известных как спиритические, которое бы не показало, что все они, несмотря на различия в форме их проявления, происходят из единого центрального источника. Св.Павел, по видимости, не раз утверждает это, когда говорит: «Но всё тот же самый дух совершает сие, разделяясь для каждого человека многожды по желанию». Разве наша сегодняшняя теория, которую нам диктуют факты, может быть выражена в более сжатом виде? Апостол перечислил различные дары, и мы обнаруживаем, что они весьма близки к уже известному нам. Во-первых, есть «слово мудрости», «слово знания» и «вера». Всё это, будучи взято в связи с Духом, по видимости, служит указанием на более высокий характер сообщений, приходящих из мира иного. Затем следует целительство, которое всё ещё практикуется при определённых условиях в высшей степени сильным медиумом, обладающим способностью передавать энергию, при этом он отдаёт ровно столько, сколько слабый получает, что подтверждается словами Христа: «Кто коснулся Меня? Много добродетели (т.е. энергии. – *А.К.Д.*) ушло из Меня». Затем мы подходим к совершению чудес, которое мы можем назвать просто производством явлений, сюда входит много феноменов разного рода: апорты (когда предметы переносятся на расстоянии), левитация (поднятие в воздух как предметов, так и человеческого тела), производство огней и другие удивительные вещи. Затем следует дар пророчества, являющегося действительной и вместе с тем прерывистой, а зачастую и обманчивой формой медиумизма – всего более обманчива она была у ранних христиан, которые, по-види-

мому, все ошиблись относительно приближавшегося падения Иерусалима и разрушения Храма, которые они могли смутно предвидеть и отождествляли с «концом света». Эта ошибка повторялась ими столь часто и столь явно, что игнорировать её или отрицать поистине нечестно. Затем мы приходим к способности «различения духов», что вполне соответствует нашему ясновидению, и в конце концов – любопытный и обычно бесполезный «дар языков», который наблюдается также и сегодня. Припоминаю, как некоторое время назад я прочитал книгу «И был мне Голос», изданную известным адвокатом*, в которой он описывает, как его юная дочь начала бегло писать по-гречески, правильно расставляя все надстрочные знаки. Сразу вслед за тем я получил письмо от не менее знаменитого врача, который желал знать моё мнение по поводу одного из своих детей. Ребёнок написал значительное количество текстов на средневековом французском. Оба этих недавних случая, несомненно, подлинны, но что касается третьего, когда один неграмотный человек нарисовал несколько невразумительных знаков, которые неким экспертом были объявлены раннекельтскими письменами, то эта история не представляется мне убедительной. Но поскольку огам (раннекельтское письмо. – П.Г.) действительно представляет собой комбинацию прямых линий, то данный случай всё же можно принять с определёнными оговорками.

СХІІІ

Таким образом, явления, связанные со становлением христианства, и те, которые заявили о себе в современном духовном движении, вполне аналогичны. При рассмотрении дара учеников, как сообщают о том Св.Матфей и Св.Марк, единственным дополнением к достигнутому в наши дни является только воскрешение из мёртвых. Если бы кто-нибудь из учеников Христовых действительно поднялся до такой высоты силы, когда жизнь, действительно угасшая, была бы возрождена, то он, несомненно, далеко бы превзошёл всё то, что сообщается в анна-

* A King's Counsel, «I Heard a Voice», Megan Paul edit (П.Г.).

лах современного медиумизма, но такое оказалось под силу только их великому Учителю. Ясно, стало быть, что такая способность должна быть чрезвычайно редка, иначе бы она была использована ранними христианами для оживления тел их мучеников, попыток к чему, по всей видимости, даже не предпринималось. Для Христа такая способность, без сомнения, допускается; более того: в описании воскрешения, проведённого Христом, имеются незначительные штрихи, придающие ему исключительную убедительность в глазах исследователя психических явлений. Так, при описании воскресения Лазаря, произошедшего после того, как он пролежал четыре дня мёртвый, – поистине самое изумительное чудо Христово – сообщается, как Христос приближался к краю могилы: он *стонал*. Почему стонал он? Ни один исследователь «Библии», по-видимому, не смог дать удовлетворительного ответа на этот вопрос. Но всякий, кто слышал, как стонет медиум в момент, предшествующий исключительно сильному проявлению медиумической энергии, увидит в этом пассаже тот самый штрих практического знания, по которому он может судить о достоверности описываемых событий. Само чудо, добавлю я, от того ничуть не становится менее чудесным и всё равно находится за пределами человеческих возможностей, потому что оно произведено за счёт раздвижения рамок естественного закона, и это раздвижение отличается своей степенью от того, что мы можем сами удостоверить или тем более совершить.

CXIV

Хотя наши современные проявления никогда не достигали степени явлений, упоминаемых в библейских записях, они имеют некоторые особенности, о которых не сообщается в «Новом Завете». Яснослышание, т.е. способность слышать голос духов, присуща обоим, а вот «прямой голос», т.е. слышание голоса, который все присутствующие могут услышать своими материальными ушами, – это теперь хорошо удостоверенный феномен, о котором гораздо реже упоминалось в старые времена. Также и спиритическая фотография – явление, когда фотокамера запе-

чатлевает то, что не может видеть человеческий глаз, – служит, естественно, новейшим свидетельством. Ничто не является уликой для тех, кто не изучает улик, но я готов под присягой удостоверить, что лично мне известно несколько случаев, когда образ умершего, получившийся на негативе, не только не составляло труда опознать, но он также совершенно отличался от любой фотографии, сделанной при жизни.

СХV

Что касается методов, посредством которых ранние христиане общались с духами, или со «святыми», как они называли умерших единоверцев, то об этом у нас, насколько мне известно, свидетельств не имеется, хотя слова Св.Иоанна: «Братия, не всем духам верьте, но испытайте духов, от Бога ли они», очень ясно показывают, что общение с духами было занятием привычным и что ранним христианам, как и нам, в процессе общения досаждали вторжения нежелательных духовных сущностей. Некоторые исследователи полагают, что «Ангел Церкви», о котором упоминается в выражениях, наводящих на мысль, что речь идёт о человеке, был на самом деле медиумом, освящённым для содействия той или иной конгрегации верующих. Поскольку у нас имеются ранние указания на наличие епископов, дьяконов и других церковных лиц, то трудно сказать, кем ещё мог быть этот «ангел». Это, однако, может оставаться чистым предположением.

Другое предположение, которое, быть может, окажется куда более плодотворным, касается принципа, в соответствии с которым Христос избрал двенадцать своих главных последователей. Из всего множества народу он выбрал двенадцать человек. И почему именно их? Не в связи с умом и образованностью, ведь Пётр и Иоанн, самые выдающиеся из них, нарочито описываются как «неучёные и тёмные люди». Не в связи с их праведностью, ибо один из них оказался большим негодяем, и все они оставили своего Учителя в его нужде. Не в связи также с их верой, ибо верующих было много. И тем не менее ясно, что они были избраны в согласии с неким принципом подбора; ибо они призыва-

лись по одному или по двое. В двух случаях это были пары братьев, как если бы некоторый семейный дар или особенность могли лежать в основании выбора.

В конце концов нет ничего невозможного в том, что дар этот был психической способностью и что Христос, как высший носитель этой способности, когда-либо появлявшийся на Земле, желал бы окружить себя другими её обладателями, наделёнными ею в меньшей степени. Он бы сделал это по двум причинам. Первая: психический кружок является огромным источником энергии для того, кто сам психик, что постоянно подтверждается и нашим собственным опытом: сочувственное и готовое к помощи окружение создаёт атмосферу, благоприятную для проявления психических способностей. До какой степени Христос был чувствителен к такой атмосфере, нам показывает замечание евангелиста о том, что когда Христос прибыл в свой родной город, жители которого не могли отнестись к нему серьёзно, то он оказался не в состоянии произвести никакого чуда. Вторая причина может заключаться в том, что он мог желать, чтобы ученики действовали как его заместители: как при его жизни, так и после смерти, и что для этого были необходимы определённые психические способности, данные от природы.

CXVI

На тесную связь, существовавшую, по-видимому, между апостолами и чудесами, указывает в своей интересной работе, выпущенной в свет в виде небольшой книги под названием «Иисус из Назарета» д-р Абрахам Уоллес*. Вполне определённо, что ни один из евангелистов не сообщает ни о каких чудесах помимо экзорцизмов до того времени, пока Христос не начал собирать свой кружок. В этом кружке наиболее, по всей видимости, были одарены в психическом плане трое: Пётр и двое братьев-рыбаков, сыновья Зеведеевы – Иоанн и Иаков. Эти трое и со-

* Опубликовано в шестипенсовом издании компанией «Лайт паблишинг», Лондон, Куин-сквер, 6. Это же издательство предлагает небольшую по объёму, но содержательную книгу д-ра Эллиса Пауэлла на ту же тему (А.К.Д.).

зывались всякий раз, когда была нужда в создании наиболее благоприятной психической атмосферы. Следует вспомнить, что когда дочь Яира восстала из мёртвых, это случилось в присутствии и, возможно, не без содействия трёх названных ассистентов. Опять же при Преображении: невозможно читать отчёт об этом удивительном проявлении, не вспоминая на каждом шагу о своих собственных спиритических занятиях. Этот вопрос опять-таки замечательно разбирается в «Иисусе из Назарета», и было бы только хорошо, если б эта небольшая книжка с её учёной интонацией, широтой взгляда и психическим знанием оказалась в руках каждого читающего «Библию». Д-р Уоллес указывает на то, что самое место – горная вершина – с чистым воздухом и невозможностью помех идеально подходило для манифестации такого рода; что дремотное состояние апостолов является полной аналогией того, что ощущают члены психического кружка, вносящие свою долю психической энергии; что преобразование лица и сияющие одежды – хорошо знакомые явления; и, наконец, самое главное, что возведение трёх алтарей лишено всякого смысла, тогда как сооружение трёх шатров (или кабинетов), при альтернативном прочтении, – одного для медиума и по одному для каждой из материализованных форм, создаст абсолютно достаточные условия для получения самых совершенных результатов.

Данное объяснение Уоллеса является характерным примером работы современного ума и современного знания, выхватывающих лучом своего прожектора событие, остававшееся прежде в тени.

CXVII

Когда мы переводим библейский язык в термины современной психической религии, взаимосвязь и соответствие между древним и современным знанием становятся очевидными. Так, вместо «Вот чудо!» мы говорим: «Это спиритическое явление». «Ангел Господен» становится у нас «Высшим Духом». Когда говорилось о «гласе с неба», мы говорим о «прямом голосе». «Его глаза отверзлись, и он узрел видение» попросту значит,

что «он стал ясновидящим». Только оккультист может понять Св.Писания как действительную и точную запись событий.

CXVIII

Есть много других менее значительных пунктов, которые, по-видимому, приводят историю Христа и апостолов в очень тесное соприкосновение с современными психическими исследованиями и являются большой поддержкой точности значительной части повествования «Нового Завета». Самым впечатляющим эпизодом, на мой взгляд, являются действия Христа, когда ему был задан вопрос, требовавший незамедлительного решения, а именно об участии женщины, уличённой в прелюбодеянии. Что же он сделал? То, чего меньше всего можно было ожидать или придумать в подобном случае: прежде, чем ответить, он наклонился и что-то написал пальцем на песке. Второй раз уже он делает это, когда ему задают коварный вопрос. Может ли кто из теологов дать объяснение такому действию? Я дерзну выдвинуть утверждение, что среди многих форм медиумизма, коими Христос владел в самой высшей форме, естественно, было и автоматическое письмо, через каковое, призывая подотчётные ему великие силы, он получал требуемый ответ. Охотно допуская, что природа Христа была сверхъестественна в том смысле, что по своим качествам он стоял выше и за пределами обычного человечества, можно всё же задаться вопросом, насколько эти силы всегда вмещались в его человеческом теле и сколь часто он обращался к духовным ресурсам за своими телесными пределами. Если бы он говорил единственно из своего человеческого тела, он, несомненно, оказался бы подвержен ошибкам, как и все мы, ведь рассказывается же, как он спрашивал самаритянку о её муже, на что она ответила, что у неё никогда не было мужа. В случае же с женщиной, застигнутой в прелюбодеянии, можно объяснить его действие, лишь предположив, что он мгновенно открыл канал к надчеловеческому знанию и мудрости, что и дало сразу решение в пользу милосердия и терпимости.

СХІХ

Интересно проследить, какое впечатление эти явления или рассказы о них производили на тогдашних правоверных иудеев. Большая часть из них откровенно не верила в них, в противном случае они не преминули бы стать последователями Христа или, по меньшей мере, относились бы к такому чудотворцу с уважением и восхищением. Нетрудно представить, как они качали бородами головами, как заявляли, что с такими вещами им сталкиваться не приходилось, и, может статься, указывали на какого-то местного фокусника, который не очень честно заработал несколько динариев, подражая тем же явлениям. Были, правда, и другие, которые не могли отрицать, потому что либо видели сами, либо встречались с теми, кто видел. Такие резко заявляли, что всё шло от дьявола, лишая тем Христа одного из самых сильных доводов, основанных на здравом смысле – качестве, в котором у него не было равных. Те же два класса оппонентов – скептики и дьяволоборцы – противостоят сегодня и нам. Воистину ничто не ново под луной, и всё возвращается на круги своя.

СХХ

Есть одно направление мысли, на которое можно указать в надежде, что оно найдёт развитие от умов и писаний тех, кто глубоко изучил возможности психической силы. Вполне возможно, хотя, согласен, в нынешних условиях это не было достаточно образным доказано, что медиум, обладающий большой силой, может заряжать своей энергией других наподобие того, как магнит, если им потереть кусок ненамагниченной стали, может также и её сделать магнитом. Одной из наиболее хорошо удостоверенных способностей Д.Д.Хоума было то, что он мог без всяких последствий вынимать из огня горящие угли и держать их в руке. Он мог далее – и тут мы приближаемся к исходной теме – помещать их на голову того, кто не боялся обжечься. Зрители не раз описали, как Хоумом на серебряную шевелюру г-на Картера Холла возлагались пылающие угли, и г-жа Холл

упоминала, что после этого она вычёсывала из его волос крупичу золы. По всей видимости, Хоум в этом случае был в состоянии передать свою силу другому лицу, совсем как Христос, когда он левитировал над озером, был способен передать ту же силу Петру, и она сохранялась в Петре, пока его вера была тверда. В этой связи возникает вопрос: если Хоум сосредотачивал всю свою энергию на передаче этой силы, то как долго эта сила у данного лица сохранялась? Эксперимент для выяснения этого никогда не проводился, но он имел бы прямое отношение для прояснения разбираемой темы. Ведь, допуская, что сила может передаваться, становится тогда вполне ясно, как кружок Христа был способен выслать семьдесят учеников, одарённых способностью творить чудеса. Ясно также, почему новые ученики должны были вернуться в Иерусалим – «для крещения духом», если использовать их выражение, – перед тем, как продолжать свои странствия. И когда, в свою очередь, они пожелали выслать представителей, разве не возложили бы они на них руки, не сделали над ними пассы и не попытались бы *намагнитить* их тем же способом – если только это слово может выразить процесс? Не имеем ли мы здесь значение рукоположения епископом при ординации – церемонии, которой до сей поры придаётся большое значение, но которая вполне может быть пережитком чего-то действительно жизненно важного – дара сотворения чудес? Когда наконец по прошествии времени или из-за небрежения свежей культивацией эта сила иссякает, пустой ритуал может выполняться и благословляющий и благословляемый не будут понимать, что давали руки епископа и какая сила из них исходила. Сами слова «возложение рук», по видимости, наводят на мысль о чём-то, отличном от просто благословения.

CXXI

Быть может, сказанного достаточно, дабы показать читателю, что возможно выдвинуть такой взгляд на жизнь Христа, который будет строго согласовываться с самым современным психическим знанием и который, вместо того чтобы упразднить христианство, лишь продемонстрирует поразительную точ-

ность некоторых дошедших до нас деталей и подтвердит новейший вывод, гласящий, что те самые чудеса, которые были камнем преткновения для многих честных, серьёзных умов, в конце концов могут предложить какие-то весьма неоспоримые и убедительные доводы в пользу истинности всего новозаветного повествования. И эта ли линия мысли заслуживает огульных осуждений и анафем, сыпавшихся на неё теми, кто претендуют говорить от имени религии? В то же время, хотя мы приносим поддержку «Новому Завету», было бы неправильно, если бы те или другие замечания этого рода цитировались как утверждение в поддержку его *буквальной* точности. Из идеи о его *буквальной* точности в прошлом произошло много зла. В самом деле, было бы хорошо, хотя это и недостижимо, если бы оказалась предпринята по-настоящему честная, сделанная с открытым умом попытка выполоть из этой записи очевидные подлоги и вставки, её искажающие и снижающие ценность тех частей, которые действительно стоят выше подозрений.

СХХII

Необходимо, например, сказать, что в «Новом Завете» со слов, якобы, самого Христа сообщается, будто Захария, сын Варахии, был забит до смерти в приделе Храма, когда – не правда ли курьёзное совпадение? – о данном инциденте независимо рассказал Иосиф Флавий, при этом он указал, что случилось сие тридцатью семью годами позже, во время осады Иерусалима?*

Это недвусмысленно указывает нам, что данное евангелие, в его настоящей форме, было написано после падения Иерусалима и что писатель внёс в свой рассказ по меньшей мере один посторонний инцидент, поразивший его воображение. К сожалению, такой пересмотр при всеобщем согласии был бы величайшим из всех чудес, ибо два самых первых текста, которые подлежали бы изъятию, оказались бы те, что относятся к «Церкви» – установлению и идее, совершенно неведомой во дни Христа. Поскольку предмет вставки совершенно ясен, то не может быть сомне-

* Речь идёт об эпизоде, рассказанном в «Евангелии от Матфея», гл. XXIII, ст. 35 и в «Иудейской войне» Иосифа Флавия (II. Г.).

ний на счёт их подложности, но поскольку вся система папизма основывается на одном из них, то они скорее всего сохранятся ещё в течение какого-то времени. Невозможность текста, на который мы намекаем, помимо прочего, явствует из того факта, что признание его предполагает, будто Христос и его рыбаки разговаривали друг с другом на латыни и греческом вплоть до того, что каламбурили на этих языках. Определённо, недостаток нравственной смелости и интеллектуальной честности среди христиан покажется нашим потомкам столь же странным, как нам представляется удивительным, что великие мыслители античности могли верить, или хотя бы утверждать, будто они верят в богов, живущих на вершине горы Олимп, делящихся на мужчин и женщин и ведущих друг с другом борьбу.

СХХІІІ

Пересмотр, таким образом, в самом деле необходим, равно как и нужна перестановка акцентов, о которой я ранее уже говорил, дабы вернуть великую христианскую концепцию в русло разума и прогресса. Ортодокс, который из-за своей покорной веры или по какой-либо другой причине не вникает глубоко в такие материи, едва ли может понять, о какие камни преткновения разбили себе ноги его более критичные братья. Такая позиция не требует усилий, ибо рассуждение для веры невозможно. Выражения вроде «спасённый кровью Агнца» или «крещённый Его драгоценной кровью» наполняют их души приятным и нежным волнением, тогда как на более вдумчивый ум они оказывают совершенно иное впечатление.

Не говоря уже о явной несправедливости искупления чужой вины, исследователь вполне осознаёт, что в целом эта кровавая метафора на самом деле заимствована из языческих ритуалов митраизма, когда неофита действительно помещали под быком в обряде так называемого *тауроболия* (жертвоприношения быка) и он оказывался насквозь пропитан льющейся на него сверху через решётку кровью убитого животного. Такие напоминания о более грубой стороне язычества непродуктивны для вдумчивого и впечатлительного современного ума. Но что всегда со-

храняет свою свежесть, свою полезность и красоту, так это память об исполненном доброты и кротости Духе, который во плоти странствовал по горным склонам Галилеи, вокруг которого собирались дети, который встречался со своими друзьями в невинном товариществе, который избегал формализма и церемоний, страстно стремясь всегда к внутренней сути; который прощал грешника, который защищал бедного и который в своих решениях всегда принимал сторону милосердия и широты взгляда. Если к этому характеру вы добавите те изумительные психические способности, о которых мы уже говорили, вы поистину найдёте самый превосходный характер во всей истории мира, характер, который, очевидно, стоит ближе к Всевышнему, чем кто-либо ещё. Если сравнить общее воздействие его Учения с более суровым учением христианских Церквей, то поражаешься, как в своём догматизме, упорстве в формах, в своей исключительности, пышности и нетерпимости оне смогли так далеко отдалиться от своего Учителя, что когда смотришь на него и на них, то чувствуешь, что налицо абсолютный и непримиримый антагонизм и что нельзя говорить о Церкви и Христе, но только о Церкви *или* Христе.

CXXIV

И тем не менее каждая Церковь воспитывает прекрасные души, хотя можно спорить о том, *воспитывает* она их или *попросту включает* в себя. Если мы прожили долгую жизнь и встречались с большим числом наших человеческих собратьев, то нам для подтверждения этой мысли достаточно обратиться к своему личному опыту. Я сам провёл семь наиболее впечатляющих лет жизни среди иезуитов – церковного ордена, наиболее пострадавшего от клеветы, и я нашёл их людьми достойными уважения и добрыми, достоинства их неисчислимы, и их единственный недостаток в узости, которая ограничивает Матери-Церкви мир. Они были атлетами, учёными и джентльменами, и я не могу припомнить ни одного примера той казуистики, в которой их постоянно упрекают. Некоторые из моих лучших друзей принадлежали к приходскому духовенству англиканской Церкви –

мужи поистине доброго и святого характера, стеснённые финансовые обстоятельства которых зачастую были укором равнодушным людям, принимавшим их духовное руководство. Я знал также прекрасных людей среди неконформистского духовенства, которые часто оказывались поборниками свободы, хотя их взгляды, по-видимому, и не отличались особой свободой, когда оказывалась затронута область их собственной мысли. Каждая вера выдвигала людей, которые делали честь всей человеческой расе. Мэннинг или Шрусбери, Гордон или Доллинг, Бут или Стопфорд-Брук – все в равной степени вызывают восхищение, сколь бы ни различались корни, из которых они выросли. Среди большой массы людей также имеются многие тысячи прекрасных душ, воспитанных по старинным понятиям, душ, которые никогда слыхом не слыхивали об общении с духами или о какой другой материи из тех, что обсуждались на этих страницах, и которые, однако, достигли такого состояния чистой духовности, что всем нам остаётся только им завидовать. Кто не знает о деве-тётушке, о вдовствующей матери, о благородном старце, живущих в высях бескорыстия, распространяя вокруг себя добрые мысли и дела? Но их простая, глубоко укоренившаяся вера пришла к ним от отцов с санкции того или иного духовного авторитета. У меня была такая тётушка, я помню её маленькую, смиренную фигурку, истощённую постом и милосердием; помню, как в любые часы она брела в церковь из дома, который был для неё всего лишь комнатой ожидания между службами. И взгляд её печальных, удивительных серых глаз до сих пор обращён на меня. Такие люди достигали зачастую инстинктом, вопреки догмам, высот, до которых нас никогда не сможет вознести ни одна философская система.

CXXV

Но, в полной мере признавая прекрасные плоды каждой веры, которые могут служить лишь доказательством врождённой доброты цивилизованного человечества, нам приходится сказать, что христианство, вне всякого сомнения, потерпело жестокую неудачу и распалось и что этот распад стал явлен каждому

ужасной катастрофой, которая случилась с миром*. Может ли самый оптимистичный апологет утверждать, будто это удовлетворительные плоды религии, столько столетий безраздельно господствовавшей в Европе? Кто из её воспитанников оказался хуже – прусские лютеране, баварские католики или народы, возвращённые в традиции православия? И если у нас, в Западной части Европы, дела обстоят чуть лучше, то не заслуга ли это в большей степени нашей более старой и высокой цивилизации, равно как и более свободного политического устройства, удержавших нас от всех жестокостей, эксцессов и безнравственностей, которые ввергли мир назад в тёмные века? Недостаточно сказать, что они случились вопреки христианству и что поэтому христианство не подлежит осуждению. Правда, что учение Христа не подлежит осуждению, ибо при передаче оно часто искажалось. Но христианство взяло под контроль нравственную жизнь Европы и должно было стать движущей силой, которой надлежало обеспечить, чтобы моральные устои не рассыпались на куски при первом же натяжении. Ибо с этих позиций следует судить христианство, и приговор может быть только один: оно потерпело неудачу. Оно не было активной контролирующей силой над умами людей. А почему? Такое могло случиться только потому, что в нём не хватало чего-то существенного, чего-то важного. Люди не принимают его всерьёз. Люди не верят в него. Во множестве случаев его служба сводилась к словоизлияниям, а как раз значение слов в наше время в серьёзной степени ослабло.

Мужчины, в отличие от женщин, как в высших, так и в низших классах общества, в большинстве случаев перестали проявлять живой интерес к религии. Церкви утратили власть над народом – и утратили её очень быстро. Маленькие внутренние кружки, созывы, комитеты, ассамблеи ещё собираются, обсуждают и принимают решения всё более узкого характера. Но народ идёт своим путём, и религия мертва везде, где её могут заменить интеллектуальная культура и хороший вкус. Но беда в том, что когда религия мертва, активизируется материализм, а о том, что он может произвести, мы можем судить на примере довоенной Германии.

* Снова имеется в виду мировая война (П.Г.).

Сейчас, стало быть, религиозным корпорациям не время обескураживать своих слепых приверженцев; вместо этого нужно серьёзно рассмотреть, хотя бы ради самосохранения, как они могут приблизиться к общему уровню человеческой мысли, оказавшейся теперь так высоко над ними? Я утверждаю, что Церкви могут добиться большего, чем только достичь уровня – они могут вести за собой. Но для этого Церковь должна, с одной стороны, иметь твёрдую решимость отрезать от своего тела все отмершие ткани, безобразящие его и служащие только обузой. Она должна устранить всё, что в ней противоречит разуму, и приспособиться к требованиям человеческого ума, который отвергает, и совершенно прав, отвергая многое из того, что она ему предлагает. В конце концов, она должна собрать свежие силы, вобрав в себя всю новую правду и всю новую энергию, которые в избытке предоставляются новой волной вдохновения, ниспосланной в мир Богом и которую человечество, обманутое и смущённое мнимой мудростью, принимает с таким упрямым и настойчивым неверием. Когда Церковь совершит всё это, она обнаружит не только то, что она ведёт мир с очевидным правом на лидерство, но и то, что после долгих блужданий она вернулась наконец к своему Учителю, учение которого она так долго искажала.

Психическая сила во всём многообразии своих проявлений встречается именно в бедных кварталах, но это определённо было её главной особенностью ещё с самого начала: рыбаками, плотниками, погонщиками верблюдов – вот кем были пророки во времена античности. В настоящее же время самые высшие психические дары в Англии встречаются среди рудокопов, разнорабочих, грузчиков, барочников и уборщиц. Колесо истории, таким образом, вертится, и всё повторяется в нашей жизни.

Медиумическая способность вырабатывается и развивается упражнением. Можно почти сказать, что она «заразна». Это

именно и имелось в виду в раннехристианской Церкви под «рукоположением». Оно означало передачу способности к «сотворению чудес». Мы теперь не можем делать это так быстро. Однако, если человек, будь он мужчина или женщина, принимает участие в спиритическом сеансе с желанием развить в себе эту способность и, в особенности, если сеанс этот происходит в присутствии настоящего медиума, то не исключена вероятность того, что силы проявят себя.

Но при некоторых обстоятельствах это их проявление может оказаться даже хуже фальшивого медиумичества, потому что оно может быть употреблено во зло. Уверяю вас, что разговоры о чёрной магии и злых сущностях не порождение предрассудка. Такие вещи действительно случаются и сосредоточиваются вокруг нечистого медиума. И вы можете тогда попасть в такую область, каковая сродни общепринятым понятиям о колдовстве. Кстати сказать, я довольно хорошо знаком с «историей колдовства» и могу заверить, что главной особенностью судебных процессов Средневековья была неграмотность и общая беспристрастность свидетелей, а отнюдь не их лжесвидетельства. В психическом мире подобное стремится к подобному себе, и вы в таких случаях получаете то, чего вы достойны. Среди спиритов считается чуть ли не аксиомой, что характер духов, проявляющихся во время спиритического сеанса, является в значительной мере выражением общей интеллектуальной и моральной природы участников сеанса. Если вы сидите за спиритическим столом со злыми людьми, то к вам придут и злые посетители. Так что есть в этом деле и опасная сторона.

Но что, скажите, в нашем мире не имеет своей опасной стороны, будучи неумело применено или доведено до крайности? Между тем эта опасная сторона существует совершенно отдельно от правоверного Спиритизма, и наше знание – самый действенный способ противодействия ей. Я считаю, что ведьмы и колдуны Средневековья – вполне реальные факты и что самый лучший способ дать отпор таким приёмам – это культивировать высокие стороны души. Пустить же это дело на самотёк – значит оставить данную область силам зла.

CXXVIII

Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, тающий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, может служить то, что злоторные проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадаются зловредные существа. Точно так же, повторяю, и здесь: отказаться от изучения этой области значило бы оставить её во владении этих самых сил зла и вместе с тем лишить самих себя того знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия.

Говорю об этих злых силах, потому что мы постоянно приходим в соприкосновение с ними. И когда происходит вторжение таких сил, мы совсем не стремимся обязательно отделаться от них. Встреча с ними – часть нашего дела, предмет особых наших забот. Если мы можем помочь какому-либо низшему духу, то помогаем ему; а сделать это нам возможно, лишь побуждая его рассказать нам о своих заботах. Многие из них отнюдь не злы. Это лишь бедные, невежественные существа, развитие которых застопорилось и которые страдают от последствий узких и ложных взглядов, привитых им ранее в нашем земном мире. Мы стараемся помочь им – и нам это удаётся. Мы знаем, что это нам удаётся, потому что со временем они сами сообщают нам об этом, и развитие их продолжается. Такие методы часто используются нашими сторонниками. Кружки спиритов, занимающиеся подобной душеспасительной деятельностью, именуются «кружками духовного спасения».

CXXIX

В чрезвычайно интересном случае, который был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь

самоубийством. Она подчинила себе медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые Обществом, где неописуемо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцирована средствами, подобными описанным в моём романе*. Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» американского Общества психических исследований, а также в «Сайик ризёч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, – страна весьма продвинутая в психической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявикский является председателем Психического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в Мире Ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий.

CXXX

Что касается жизни после смерти, то нам могут возразить, будто религиозная вера уже дала нам уверенность в бессмертии души. Однако вера, как бы ни была она сама по себе прекрасна в отдельно взятом человеке, как явление коллективное всегда была палкой о двух концах. Всё было бы хорошо, если б всякая вера походила на другую и если бы предчувствия и наития человеческой расы были постоянны. Но мы знаем, что это не так. Верить – значит сказать, что вы абсолютно убеждены в истинности вещи, именно истинность которой вы как раз и не можете доказать. Один говорит: «Я верю в то», другой: «Я верю в это», но

* Речь идёт о романе «Земля Туманная» («Страна туманов»), произведении пропагандистском; входит в серию «приключений профессора Челленджера» (П. Г.).

ни один не имеет свидетельств своей правоты и не в состоянии её доказать. И однако люди постоянно спорят как на словах, так и (в старые времена) на деле. Если один физически сильнее другого, то он устраивает гонения на своего оппонента, с тем чтобы обратить его в «истинную», т.е. в свою веру. Потому только, что вера Филиппа II была сильнее и понятнее (ему), он счёл вполне естественным убить сто тысяч нидерландцев в надежде на то, что все остальные их земляки обратятся в его, «истинную», веру. А если бы вместо этого было признано, что у нас нет никакого права провозглашать истинным то, истинность чего мы не можем доказать, то мы тем были бы вынуждены наблюдать факты, рассуждать по поводу их, и тем самым, возможно, достигли бы общего согласия. Именно в этом, в частности, и видится особая ценность спиритического движения. Его основание опирается на более твёрдую почву, чем только священные тексты, предания и предчувствия. Это религия с двойной точки зрения, религия в самой современной форме выражения, ориентированная на оба мира – этот и иной, тогда как старые верования сводились лишь к преданиям одного.

CXXXI

Некоторые из моих преподобных критиков не преминули повторить старую позорную историю об американских психиатрических больницах, якобы битком заполненных спиритами. В этой сказке нет ни слова правды. Единственные статистические данные, которые я смог обнаружить, собраны д-ром Юджином Кроуэллом, обследовавшим психиатрические больницы Новой Англии, где Спиритизм – явление вполне обыкновенное, и установившим, что из 16000 душевнобольных спиритами являются только четверо, а 222 оказались (я очень сожалею) священнослужителями. Утверждение о том, будто Спиритизм сильно содействует умопомешательству, является полнейшей неправдой. Разумеется, существует определённый склад ума, который легко выводится из равновесия любой формой религии. Но религиозная мания поражает обыкновенно тех, чьи верования отмечены унынием, как, например, вера в предопределение. Спиритизм

же есть вера, исполненная счастья, и за сорок лет исследований мне не встретилось ни единого человека, который бы как-то пострадал от него.

Что же до утверждений других клерикалов, будто спириты выказывают неуважение к Богу и Христу, то заявления эти обусловлены полнейшей неосведомлённостью в данной области, свойственной столь многим из этих джентльменов, вся работа которых, однако, по словам преподобного Оуэна, состоит лишь в том, чтобы как раз в этих самых вещах хорошо разбираться. Истинный Спиритизм не принадлежит ни к какому вероисповеданию, но лежит в основе всех религий, и его в равной мере могут исповедовать англиканец, католик, сектант и даже унитарий. При этом индуист и мусульманин могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Компромисс не может быть достигнут единственно с материалистом, поскольку наши взгляды диаметрально противоположны.

СXXXII

Наши противники, полагая, что они нас тем сильно затруднят, всегда укрываются за двумя родами возражений. Первое, это то, что факты, на которые мы опираемся, недостоверны или ложны; на это я уже дал ответ. Второе, то, что мы затрагиваем предмет запретный, который нам следует немедленно оставить. Поскольку я основывался на точке зрения относительно материалистической, то такое возражение никогда меня не волновало; но тем, кого оно смущает, я бы посоветовал принять во внимание следующие соображения. Основное из них то, что Бог не давал нам способностей, ограничивая нас в употреблении, которое мы можем им найти. Сам по себе факт нашего обладания ими является доказательством того, что наш неотъемлемый долг изучать и развивать эти способности. Правда то, что здесь, как, впрочем, и повсюду, мы можем совершить злоупотребления, если потеряем чувство меры. Однако я повторяю, что обладание этими способностями, как таковое, является веской причиной того, что пользование ими законно и обязательно.

Следует также напомнить, что этот вопль о «запретном зна-

нии», подкреплённый более или менее удачно подобранными цитатами, всегда раздавался только затем, чтобы остановить всякий прогресс человеческого знания. Он прозвучал когда-то в адрес новейшей астрономии, и Галилей должен был отречься от своих взглядов. Он звучал в адрес Гальвани и электричества. Тот же аргумент был употреблён и против Дарвина, которого бы, несомненно, сожгли, живи он несколькими столетиями раньше. То же заклинание звучало, и когда Симпсон применил хлороформ при родах, ведь в «Библии» сказано: «В болезни будешь рожать детей»*. Воистину к доводу, который выдвигается столь часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьёзно.

СXXXIII

В конце концов, насущные нужды дня сегодняшнего для нас важнее, нежели предписания древних, в основном, как сейчас уже признано, не имеющие никакого отношения к условиям современной жизни. Серьёзная мораль не может основываться на зыбучих песках теологии; в её основе должна находиться забота о здоровье общества.

СXXXIV

Тем, для кого теологический аспект является камнем преткновения, я советую прочесть две коротких книги, каждая из которых написана служителями Церкви. Одна из них – «Идёт ли Спиритизм от Дьявола?» преподобного Филдинг-Оулда. Другая – «Наше «Я» после Смерти» – принадлежит перу преподобного Артура Чамберса. Могу ещё порекомендовать сочинения препо-

* Синодальный перевод в этом месте, как и во многих других, неточен. На самом деле речь идёт здесь не о «болезни», но о боли, которая, по замыслу авторов «Библии», всегда сопровождает роды. Им было совершенно невдомёк, что это правило отнюдь не является всеобщим и имеет свои исключения (Л.Г.).

добного Чарльза Тундэйла, посвящённые этой теме. Позволю себе также добавить, что, когда я впервые публично высказал свои взгляды по данному поводу, то одним из первых сочувственных откликов стало полученное мною письмо от покойного архидиакона Уилберфорского.

Есть некоторые теологи, которые не только противятся Спиритизму как культу, но и идут дальше, утверждая, что феномены и послания исходят от демонов, принимающих личину умерших, которых мы знаем, либо утверждающих, будто они являются небесными учителями. Трудно предположить, что те, кто высказывает подобные утверждения, хотя бы раз лично наблюдали, сколь ободряющее, утешительное действие сообщения эти оказывают на тех, кому они адресованы. Рёскин заявил, что его убеждённость в грядущей жизни пришла к нему от Спиритизма, хотя он и добавляет к этому (что совершенно нелогично и неблагоприятно с его стороны), что, раз убедившись в её реальности, он не пожелал больше иметь к этому никакого отношения. Однако есть многие – *quorum pars parva sum**, – кто без всяких оглядок могут заявить, что они повернулись от материализма к вере в будущую жизнь, со всем, что она с собой налагает, благодаря только глубокому изучению Спиритизма. И если именно в этом заключается результат дьявольских трудов и стараний, то можно только сказать, что дьявол этот – работник весьма неловкий, ибо результаты, достигнутые им, слишком удалены от того, к чему он по природе своей должен был бы стремиться.

CXXXV

Странно видеть, как некоторые спорщики настаивают на дьявольской природе спиритического общения**. Неужели же им не приходит в голову, что если бы это дьявол учил челове-

* к числу коих принадлежу и я (лат.).

** Фредерик Мейерс говорит: «Дьявол не есть существо, признаваемое наукой. Даже явление одержания ставит нас лицом к лицу всего лишь с духами, которые были когда-то людьми, подобными нам, и которые всё ещё движимы теми же мотивами, какие вдохновляют и нас» (П.Г.).

ство, то он неизбежно стремился бы внушить нам мысль, что нам целиком следует сосредоточиться на делах житейских и выжать из них последнюю каплю наслаждения, потому что после этого, якобы, нет уже ничего и что поэтому не надо бояться никакого возмездия? Разумеется, менее всего он стремился бы проповедовать, что после смерти жизнь наша продолжается и что качество этой будущей жизни определяется нашим поведением здесь. Если бы вместо того, чтобы использовать эвфемизм «домашний дух», люди заменили его «ангелом-хранителем», то они получили бы более ясное представление о том, что на самом деле значит Спиритизм. «Библия» также сделалась бы более понятной, если бы люди осознали, что «пророк» был передающим медиумом, а «ангел» – высоким духом. Тогда бы старые записи пришли в соответствие с современной мыслью и люди бы поняли, что Бог не мёртв и не дремлет, но что Он и сегодня трудится ради воспитания Своих бедных детей человеческих, как делал Он это в стародавние времена.

Никогда ещё, по моему мнению, в истории мира не было эпохи, когда Божественное откровение проявлялось бы более явно, чем ныне. Но довольно обыкновенная ошибка человеческая состоит в том, чтобы возвеличивать и идеализировать то, что далеко, и недооценивать то, что близко. Через сто или двести лет сегодняшнее спиритическое движение будет рассматриваться с уважением, как один из величайших поворотных пунктов в истории человеческой мысли.

CXXXVI

Когда мы взираем на грех в свете знания, даваемого современной наукой, с присущей современному сознанию мягкостью, а также с характерным для него чувством справедливости и соразмерности, то грех перестаёт быть той чудовищной тучей, которая омрачала всё зрение средневековому теологу. Человек был гораздо более жесток и непреклонен по отношению к самому себе, нежели то может позволить Себе милосердный Бог. Правда, что после всех дедукций, которые необходимо сделать при таком понимании, остаётся ещё многое, что указывает на

необходимость индивидуального усилия, а также на возможность сознательной слабости воли и преступной испорченности характера, когда грешник, говоря словами Горация, «зрит высшее и ему рукоплещет, но влечься к низкому не перестаёт». Но когда, с другой стороны, мы делаем скидки – а разве может наше человеческое прощение идти в какое-либо сравнение с прощением Божиим? – на грехи, которые являются неизбежным производным недостаточного развития, на грехи, которые обусловлены наследственностью и врождённой болезненностью, а также на грехи, которые заложены в сугубо физических причинах нашего существования, то общая сумма активного греха значительно уменьшается. Можно ли, например, вообразить, чтобы Провидение, всемудрое и всемилосердное, как то провозглашается каждой верой, могло наказывать злополучного негодяя, который вынашивает преступные мысли в своей низколобой голове? Ведь врачу порой достаточно бросить беглый взгляд на черепную коробку, чтобы предсказать преступление. В своих худших формах любое преступление – от Нерона до Джека-Потрошителя – было плодом абсолютного умопомешательства, и те ужасные национальные пороки, на которые делался намёк, по-видимому, служат недвусмысленным признаком коллективного национального безумия. Вполне определённо, стало быть, есть надежда, что нет никакой надобности в грозной преисподней для дальнейшего наказания тех, кто были жестоко обделены на земле. Некоторые из наших умерших заметили, что ничто не удивило их до такой степени, как выбор тех, кому в том мире было оказано наибольшее уважение, так что ни в коей мере, разумеется, не оправдывая порока, вполне можно представить, что человек, чьё органическое устройство с непреодолимой силой ориентирует его именно в эту сторону, по справедливости может рассчитывать на соболезнование и симпатию. Возможно даже, что такой грешник, если он не настолько глубоко погряз в пороке, как был бы должен, стоит выше, чем человек, родившийся праведным и им оставшийся, но к концу жизни несколько не улучшившийся. Ведь первый продвинулся в своём развитии, а второй нет. Но самый обычный недостаток, тот, носители которого заполняют собой духовные госпитали иного мира и который служит временной преградой естественному

счастью посмертной жизни, это грех Томлинсона из поэмы Киплинга, самый обыкновенный порок в респектабельном британском обществе – грех светской условности, грех недостатка сознательного усилия и грех недоразвитости, суррогата духовности, одобренных самодовольством и удобствами жизни. Это человек, вполне удовлетворённый тем, что перепоручил заботу о своём спасении какой-либо Церкви или более высокой силе без упорного труда своей собственной души, именно такой человек находится в поистину смертельной опасности. Все Церкви, как христианские так и нехристианские, хороши, пока они побуждают активную духовную жизнь индивидуума, и все они пагубны с момента, когда позволяют ему думать, будто через какую-то форму церемонии или какой-то особый фасон веры он сможет добиться для себя малейшего преимущества перед своим соседом или тем или иным образом может обойтись без своего личного усилия, которое является единственной лестницей на небеса.

Это, разумеется, в равной мере приложимо к сторонникам Спиритизма, как и всякой другой веры. Если вера не утверждается делами, то она тщетна. Можно весьма удобно прожить эту жизнь, следуя без вопросов в процессии за каким-либо уважаемым лидером. Но умирают не в процессии, умирают в одиночестве. И тогда именно приходится в одиночестве принимать тот уровень, который уготован трудами всей жизни.

CXXXVII

Каково же наказание для неразвитой души? Таково: она должна быть помещена там, где она *будет* развиваться; сожаление и грусть при этом, по всей видимости, всегда будут неизменным уделом таких душ. Несомненно, наш жизненный опыт подсказывает нам, что невыносимо самодовольные и антипатичные люди смягчаются, характер их достигает красоты, а мысль – милосердия, когда жизнь достаточно долго и достаточно сильно обрабатывает их в своём горниле. В «Библии» говорится о «тьме внешней, где плач и скрежет зубовой». «Библия» – книга восточной поэзии, и зачастую она оказывала дурное вли-

яние из-за нашей привычки читать её и понимать буквально, как если бы то была западная проза. Когда житель Востока говорит о стаде в тысячу верблюдов, он вместо этого обязательно скажет, что верблюдов так много, как волос на голове или звёзд на небе. Именно в этом духе скидки на восточную манеру выражать мысли и следует подходить к тем зловещим и ужасным описаниям, которые омрачили жизнь столь многим впечатлительным детям, а столь многих серьёзных взрослых поместили в дома умалишённых. Новое Откровение учит нас, что действительно существуют места «тьмы внешней», но как бы темны ни были эти неудобные залы ожидания, из них из всех в конечном счёте открывается путь на небеса. Это конечный путь следования всей человеческой расы, и не будь оно так, то было бы упрёком Всевышнему. Мы не можем выдвигать догматических утверждений о мирах искупления, но у нас есть очень ясное учение о том, что они существуют и что «ничейная земля», отделяющая нас от собственно рая, то «третье Небо», на которое был вознесён Св.Павел, – странное непродолжительное переживание, выпавшее ему при жизни, – является тем самым местом, которое соответствует астральному плану у мистиков и «тьме внешней» в «Библии». Здесь томятся те самые привязанные к земному духи, мирские интересы коих обременили их и совлекли вниз, пока всякое духовное побуждение в них не угасло. Это люди, жизнь которых была сосредоточена на деньгах, на светском честолюбии или чувственном удовлетворении. Человек, одержимый единственной идеей, если только эта идея не была духовной, также наверняка попадёт туда. И совсем необязательно для этого быть злым человеком, ведь брат Джон из Гластонбери, так сильно любивший своё великое аббатство, что никогда не мог расстаться с ним, тоже находится среди духов, привязанных к земному. К самым материальным и наиболее выраженным категориям духов относятся те из них, которые вращаются очень близко к нашей материи и оказывались видны даже людям, не обладающим сильным психическим зрением. Насколько мы можем судить по известным нам материальным законам, управляющим той материей, призрак, вероятно, никогда бы не смог проявиться, если бы находился в одиночестве. Субстанция, необходимая для его появления, извлекается им из самого зрите-

ля; озноб, шевеление волос и другие неприятные симптомы, на которые жалуются в таких случаях, в значительной мере обусловлены внезапным покушением на жизненные силы зрителя. Это, однако, уже теоретические рассуждения и отстоят весьма далеко от отношений психической науки и религии, рассмотрение которых было целью настоящих страниц.

CXXXVIII

Во все времена любая попытка как-то расширить горизонты мысли и раздвинуть сферу приложения милосердия в истолковании отношений между человеком и его Создателем всегда встречала решительное противодействие со стороны церковников. Однако история учит, что этому противодействию никогда не удавалось остановить постепенное высвобождение человеческого разума из железных оков ритуала и догмы; самое большее, что ему иногда удавалось сделать, — это слегка затормозить подобное высвобождение. Мы в наш век достаточно удачливы уже тем, что и в самом духовенстве, на всех ступенях его иерархии, имеются люди, которые признают, что их религии должны становиться более терпимыми и выказывать более понятливости, если только они не хотят, чтобы цивилизованный мир от них полностью отвернулся.

Но тот, кто знает, сколь велик процент самых серьезных и мыслящих людей в нашей стране, уже вышедших за пределы догматической веры, согласится, что такой исход ни в коей мере не является невероятным.

Слово «религия» по ходу полемики постоянно используется там, где, как мне кажется, было бы более уместным употребить термин «ритуал». Религия есть связь между каждой человеческой душой и Создателем, и внешним выражением её являются поступки индивида. Все канонические предписания, ритуалы и догмы являются орудиями души в её развитии. До тех пор, пока они содействуют этому развитию, существование их оправдано. Но как только их содействие прекращается, они становятся окаменелыми формами, препятствующими нормальной жизни и росту, и тогда существованию их нет уже никакого оправдания.

Но всегда «по плодам их узнают их», и если применять именно этот критерий, то необходимо признать, что Англия сделала значительные шаги вперёд по пути улучшения и поэтому стала более религиозной в истинном смысле слова.

О каких, спрашивается, «благочестивых днях» скорбят здесь некоторые? Те ли это, что были отображены Хогартом и описаны Филдингом? Когда ещё Англия была столь рассудительна, столь разумна, столь благовоспитанна, столь процветающая и трудолюбива, как сегодня? Что же до упадка этих форм и церемоний, то, невзирая на то, что многие оплакивают их, другие могут видеть в этом упадке только зарю более здоровых, добрых и милосердных дней. Я верю, что наши потомки, оглядываясь на наш век, не только будут видеть в нём век тьмы и предрассудка, но и признают за ним значительный прогресс по сравнению с ещё более тёмными веками, ему предшествовавшими.

Настаивать на догме и ритуале, или «религии» в смысле, в котором ошибочно употребляют это слово, – значит неизбежно приводить человечество к вечному расколу на соперничающие фракции, поскольку невозможно себе даже представить, будто какая-то одна секта окажется в состоянии поглотить все другие. Мы все как бы стоим на палубе нашего небольшого земного корабля, плывущего по космическому морю с приданным ему компасом. Но по опыту мы ведь знаем, что нет двух людей, которые бы одинаково видели и читали показания компаса. Божественный Создатель действительно даровал нам такой компас, и это есть разум – благороднейшая из всех человеческих способностей. И разум этот говорит нам, что если только каждая секта ослабит непреклонность своей доктрины и станет настаивать на пунктах, которые объединяют её с соседями, вместо того чтобы подчёркивать и усиливать те, что её изолируют, то появится определённая надежда на постепенное примирение теологических разногласий, которые, как я уже сказал, не имеют никакого отношения к истинной религии и были на протяжении всей человеческой истории только источниками кровопролития и всяческих бедствий, причём в гораздо большей степени, чем все иные причины их, вместе взятые.

Я не верю ни во что способное ограничить силу и доброту Всевышнего. И моя церковь всегда при мне. Кирпичи и известковый раствор не воздвигнут лестницы на небеса. Вместе с Христом я верю, что сердце человеческое – лучший храм Всевышнего. И мне очень жаль, что кто-то по данному поводу не согласен с основателем христианства.

Мне представляется, что в значительной части материалов, публикуемых в связи с религией, настойчиво просматривается одно и то же заблуждение. И заблуждение это заключается в постулате, будто любая форма ритуала, включая сюда и ритуал хождения в большое каменное здание с целью причащения к великому Незримому, имеет некоторое отношение к истинной религии.

Урок, который преподавала мне сама жизнь, гласит, что это совершенно не так. Я знал самых восхитительных людей, которые ходили в храм, и я знал самых дурных людей, которые делали то же самое. Я знал самых восхитительных людей, которые туда не ходили, и я знал самых дурных, которые также воздерживались от этого. Мне ни разу не встретился человек, который был бы добр потому только, что он ходил в церковь, или зол потому, что не ходил туда. И тем не менее в большинстве опубликованных статей такого рода практика расценивается как признак возрастания или убывания религии. Но между этими вещами нет никакой связи.

Действительными признаками возрастания истинной религиозности в обществе являются:

- 1) наличие более мягкого и вместе с тем более широкого взгляда на эти темы, что позволяет людям, независимо от их веры, жить в мире, дружбе и милосердии;
- 2) улучшение криминальной статистики;
- 3) снижение потребления спиртного, являющееся показателем того, что человек обретает больший духовный самоконтроль;

4) уменьшение числа незаконных связей, являющееся показателем того, что человек обретает больший контроль над своей животной природой;

5) появление большего интереса к чтению, к посещению лекций, к занятию наукой, являющееся показателем того, что ум берёт перевес над телом;

6) увеличение счетов в сберегательных банках, говорящее о бережливости и самоотречении;

7) процветание торговли, являющееся свидетельством большей деятельности и эффективности;

8) увеличение числа благотворительных учреждений и проявление со стороны человека чувства ответственности перед животными.

Такого рода практические показатели, которые действительно отражают происходящий прогресс, гораздо более ценны, чем сугубо поверхностные оценки, затрагивающие соблюдение ритуала, которое может идти, а может и не идти в ногу с качеством жизни.

CXLI

Есть особая агрессивная форма религии, сама именующая себя «догматической верой». Она принесла человеческому роду больше вреда, нежели чума и голод. Ей мы обязаны не только всей кровавой историей мусульманства, но и всеми убийствами, которые покрыли позором, одно за другим, каждое из направлений христианства.

От имени Христа, этого Апостола мира, сия чудовищная школа мысли, всего лишь через несколько веков после его смерти, учинила такие распри и убийства, о каких и слыхом было не слыхано во времена язычества. Было подсчитано, что только по поводу гомиоусианского вопроса – филолого-теологической проблемы, связанной с произнесением дифтонга, – сотни тысяч людей лишились жизни как поборники и жертвы веры*.

* Учения о гомоусии и гомиоусии – единосущие и подобосущие (греч.). Ариане утверждали, что Бог-Сын в Троице всего лишь подобен Богу-Отцу, их противники, – что Отец и Сын одинаковы по самой своей сущности. В другом месте Конан-Дойль по этому поводу пишет:

вые походы, убийства альбигойцев и севеннов, Тридцатилетняя война, инквизиция, надругательства католиков над протестантами и не менее постыдные надругательства протестантов над

«В середине четвёртого века состояние христианской религии было возмутительно и позорно. В бедах кроткая, смиренная и долготерпеливая, она сделалась, познав успех, самонадеянной, агрессивной и безрассудной. Язычество ещё не умерло, но быстро угасало, находя самых надёжных приверженцев либо среди консервативной знати из лучших родов, либо среди тёмных деревенских жителей, которые и дали умирающей вере её имя. Меж двумя этими крайностями заключалось громадное большинство рассудительных людей, обратившихся от многобожия к единобожию и навсегда отвергших верования предков. Но вместе с пороками политеизма они расстались и с его достоинствами, среди которых особенно приметны были терпимость и благодушие религиозного чувства. Пламенное рвение христиан побуждало их исследовать и строго определять каждое понятие в своём богословии; а поскольку центральной власти, которая могла бы проверить такие определения, у них не было, сотни враждующих ересей не замедлили появиться на свет, и та же самая пламенная верность собственным убеждениям заставляла более сильные партии раскольников навязывать свои взгляды более слабым, повергая Восточный мир в смуту и раздор.

Центрами богословской войны были Александрия, Антиохия и Константинополь. Весь север Африки тоже был истерзан борьбою; здесь главным врагом были донатисты, которые охраняли свой раскол железными цепями и боевым кличем «Хвалите Господа!». Но мелкие местные распри канули в небытие, когда вспыхнул великий спор между католиками и арианами, спор, рассекший надвое каждую деревню, каждый дом — от хижины до дворца. Соперничающие учения о гомоусии и гомиоусии, содержавшие в себе метафизические различия настолько тонкие, что их едва можно было обнаружить, поднимали епископа на епископа и общину на общину. Чернила богословов и кровь фанатиков лились рекою с обеих сторон, и кроткие последователи Христа с ужасом убеждались, что их вера в ответе за такой разгул кровавого буйства, какой ещё никогда не осквернял религиозную историю мира. Многие из них, веровавшие особенно искренне, были потрясены до глубины души и бежали в Ливийскую пустыню или в безлюдье Понта, чтобы там, в самоотречении и молитвах, ждать Второго пришествия, уже совсем близкого, как тогда казалось. Но и в пустынях звучали отголоски дальней борьбы, и отшельники из своих логовищ метали яростные взоры на проходивших мимо странников, которые могли быть заражены учением Афанасия или Ария» (*Примеч. П. Г.*).

католиками, преследования неконформистов Церковью, преследования квакеров неконформистами, неисчислимые семейные трагедии и тирании – воистину, если принять всё это во внимание, то читатель будет вынужден допустить, что вера в её положительно-агрессивном понимании принесла более зла, нежели голод и чума, вместе взятые.

Все секты были введены в заблуждение людьми одного и того же склада ума, отмеченного нетерпимостью, и все они повинны в пролитии крови. Я знаю лишь четыре культа, сторонники которых могут, думается мне, сказать, что руки их не запятнаны кровью, и это – первоначальные буддисты, квакеры, унитарии и агностики. Разумеется, атеисты не могут претендовать на это, ибо их эксцессы во Франции (во время Революции, а также в 1870 году) и в последнее время в России были столь же отвратительны, как и у Церкви.

И что же было коренной причиной всего этого? Только одно: говорить, будто вы верите в то, что ум ваш не может постичь, и в то, что ваш свободный разум зачастую бы отверг. Например, А. выдвигает утверждения, проверить которые нет ни малейшей возможности, и называет всё это своей верой. Б. имеет право делать то же самое. Затем А. и Б. ненавидят друг друга самой священной ненавистью, и вот вам начало одной из мрачайших глав мировой истории. Мы же, подобные остаткам команды, спасающейся на утлом обломке того мира после кораблекрушения, движемся сегодня по поверхности безграничного океана и, живя в мире друг с другом, имеем и без того довольно дел, чтобы не устраивать яростных ссор по поводу того, что находится за линией горизонта.

Быть может, вы скажете, что как раз в этих самых словах я выказываю религиозную нетерпимость. Но это определённо не так. Если человек на своём пути получает помощь и поддержку от Папы римского, будучи католиком, или от епископа, будучи англиканцем, или от простого священника, будучи неконформистом, то в каждом из подобных случаев это будет прекрасно, воистину прекрасно, если только всё это позволяет ему стать более добрым, более благородным человеческим существом. Каждая форма веры восхитительна, когда она совершает это. Но когда она обращается в нетерпимость и презирает и оскорбляет

тех, кто прибегает к иным методам, то всё это оказывается уже современной мещанской ярмаркой тех пороков, которые в истории отметили собой самые мрачные и самые кровавые из человеческих преступлений.

CXLII

Весьма важно попытаться проследить, до какой степени Спиритизм и психические исследования способствуют усилению религиозности. Следует отметить, что мы имеем свидетельства многих людей, прошедших путь от материализма через Спиритизм к вере. Среди них – профессор Роберт Гэр и профессор Мэйпс из Америки, Альфред Рассел Уоллес, доктор Эллиотсон, доктор Секстон, Роберт Блэтчфорд, Джон Рёскин и Роберт Оуэн из Англии. Можно было бы перечислить и другие имена.

Принятие Спиритизма тем не менее оставляет открытым вопрос о его гармонии с религией. Определение сущности Спиритизма, повторяемое в каждом выпуске еженедельного лондонского спиритического журнала «Лайт», заключается в следующем: «Вера в существование духа отдельно и независимо от материального организма и в реальность духовного общения между духами бестелесными и духами воплощёнными». При этом он опирается на основные положения христианского вероучения.

CXLIII

Среди всех социальных групп существует одна, которая способна со всей ответственностью говорить о религиозных тенденциях Спиритизма: это священники. Многие из них выразили своё мнение по поводу этого предмета довольно недвусмысленно.

Преподобный Г.Р.Хоуэйс, магистр гуманитарных наук, в своей речи перед Лондонским спиритическим альянсом* 20 апреля 1900 года говорил, что считает своим долгом заявить с этой трибуны следующее: он не видит ничего, в чём Спиритизм

* London Spiritualist Alliance.

в крайней степени противоречил бы христианским истинам. Действительно, Спиритизм очень хорошо сочетается с христианством и, не являясь его антагонистом, имеет тенденцию к развитию последнего, а не к противоборству с ним. Священнослужители в великом долгу перед спиритами – если, конечно, они радеют за своё дело – прежде всего за то, что Спиритизм реабилитировал «Библию». Трудно отрицать, что вера в «Библию» и её почитание канули в лету. Это было вызвано постепенно возрастающим сомнением в отношении описанных в «Библии» чудес. Её апологеты упивались совершенством христианской доктрины, но они не могли принять на веру ни единого сверхъестественного элемента из «Ветхого» и «Нового Заветов». Их принуждали верить в библейские чудеса и в то же время втолковывали им, что все они остались в прошлом. Сейчас взгляд на «Библию» полностью изменился; сегодня люди верят в «Библию» благодаря Спиритизму; и... не верят Спиритизму благодаря «Библии». Далее Г.Р.Хоуэйс сообщил о том, что в начале своей духовной карьеры он безуспешно пытался истолковать библейские чудеса, рассматривая их вне «Библии». Позже, как он думает, ему по этой же причине не удалось найти объяснение и исследованиям Крукса, Фламмариона и Альфреда Рассела Уоллеса.

CXLIV

Преподобный Артур Чамберс, бывший викарий из Брокенхерста близ Хантса, проделал неоценимую работу: он заставил нас задуматься о проблеме духовной жизни человека на земле и после смерти. Его книга «Наша жизнь после смерти»* выдержала 120 переизданий. В своём докладе «Спиритизм и свет, который он проливает на христианские истины» преподобный Артур Чамберс говорил:

«Спиритическое Учение, открыто заявившее в результате настойчивых исследований психических явлений, что общение между двумя мирами есть реальный факт, подвело огромные массы простого народа к пониманию того, что на земле и на не-

* «Our Life After Death» by Rev.Arthur Chambers.

бесах существует множество вещей, о которых она даже не подозревали. Случилось так, что многие из них, будучи христианами и христианками, поняли великую истину, тесно переплетённую с религией; им открылась фундаментальная правда об истинном положении человека во Вселенной – правда, за которую человечество цепко держалось во все времена, несмотря на неодобрение учителей от религии. Наконец мне стала понятна та роль, которую учение Спиритизма сыграло в возвышении религиозных идей нашего времени: оно помогло сформулировать более близкое к истине и более величественное представление о Боге и целях Божественных».

Далее он говорит: «Да, Спиритизм сделал многое для лучшего понимания великих основ Евангелия Иисуса. Он помог людям ясно увидеть Великий Дух Бога-Отца, в сиянии которого мы живём, движемся и существуем, и ту необъятную духовную Вселенную, к которой мы все принадлежим и чьей составной частью являемся. Будучи христианским спиритом, я глубоко убеждён в том, что именно Спиритизму, который так много сделал для христианского вероучения, суждено избавить мир от пугающего призрака смерти и помочь всем нам лучше понять, каким величайшим истинам учил нас Христос, понять, что для нас значит Христос в свете спиритических истин».

Затем мистер Чамберс добавляет, что он получил сотни писем со всех уголков света от корреспондентов, которые обрели успокоение и отраду, прониклись большим доверием к Богу после чтения его книги «Наша жизнь после смерти».

CXLV

Преподобный Ф.Филдинг-Оулд, магистр гуманитарных наук, викарий церкви Христа на Риджент-парк в Лондоне – ещё один из числа священнослужителей, позитивно оценивавших Спиритизм. В своём докладе 21 апреля 1921 года «Об отношении Спиритизма к христианству» он говорил:

«Мир нуждается в спиритическом Учении. Меня изумляет великое множество нерелигиозных людей в сегодняшнем Лондоне. Существует неисчислимое количество людей, представля-

ющих различные классы общества (я руководствуюсь своим личным опытом), которые полностью не приемлют никаких религиозных вероучений. Они не молятся, никогда не посещают церквей для отправления культа, в их сознании и в привычках укоренилось представление о смерти как о конечной точке на их жизненном пути. За этим – ничего, кроме плотного облака белой мглы, дальше которого их воображение не простирается. Они могут относить себя к англиканской, римско-католической или иудейской церкви, но всё равно напоминают скорее пустые сосуды в погребке, на которые некогда были наклеены разные этикетки, дабы не перепутать марки вин».

И далее: «Для страдающих и утомлённых душ уже стали привычными та помощь и та поддержка, которые оказывает им спиритическое Учение. Всем нам известны люди, долго блуждавшие в разнообразии религий и пришедшие всё-таки к собственному пониманию веры. Агностики, разуверившиеся в Боге и в бессмертии, которым религия казалась чистой формальностью, в конце концов полностью отвернулись от неё и стали поносить её во всех её проявлениях. Затем к ним на помощь пришли спириты – как рассвет приходит к человеку, проводящему все ночи напролёт в лихорадке и бессоннице. Вначале агностики проявляли недоверие и изумление, но Спиритизм притягивал их, и они обретали духовность: Бог вернулся в их жизнь, после чего они не находили слов для выражения своей радости и признательности Учению».

CXLVI

Преподобный Чарльз Л.Туидэйл, викарий из Уэстона в Йоркшире, – человек, который неистово трудился в этой области, обратился к рассмотрению вопроса о Спиритизме на конференции епископов, проходившей в Ламбет-Палас с 5 июля по 7 августа 1920 года*. Вот что он говорит о современных психических исследованиях:

«Как только мир в значительной своей части продемонстрировал пробуждение подлинного интереса к Спиритизму, Цер-

* «Light», October 30, 1920.

ковь, которая утверждала, что именно она являлась хранителем религиозной и духовной истины, как это ни странно, в последнее время предпочитает оставаться глухой ко всем современным доказательствам существования духовного мира. По правде говоря, именно она должна была бы засвидетельствовать его реальность. Но даже сегодня Церковь проявляет лишь слабый интерес и понимание того, насколько важен для неё этот предмет...

Знамением времени можно считать дискуссию о психических явлениях на конференции в Ламбете и вручение с согласия архиепископов моей брошюры «Современные психические явления и Церковь» всем епископам. Другим важным событием можно считать приглашение сэра Вильяма Баррета для доклада о психических явлениях на Церковном конгрессе».

CXLVII

Отчёт, помещённый в «Трудах» Ламбетской конференции, так оценивал значение психических исследований: «Возможно, мы стоим у колыбели новой науки, которая в дальнейшем будет пользоваться иными методами, убеждая человечество в существовании потустороннего или загробного мира и в том, что нечто, находящееся внутри нас, позволяет контактировать с этим миром. Мы никогда не можем осмелиться установить предел тем способам, которые сочтёт нужным употребить Господь, дабы подготовить человека к принятию духовной жизни».

CXLVIII

Известный сотрудник «Лайт», который печатался под псевдонимом «Герсон», так комментирует некоторые выводы Ламбетской конференции епископов: «Существует несомненная опасность в «подчинении духам и влиянию неведомых сил или персон», но практика общения с духами, вопреки епископским представлениям, не обязательно требует подобного подчинения. Другая опасность, по мнению епископов, — это тенденция

превратить Спиритизм в религию. «Лайт» и те, чьё отношение совпадает с позицией редакции журнала, никогда не стремились к этому. Возможность духовного общения – это просто явление природы, и мы не одобряем превращения природного явления в религию. В то же время даже самая высокая форма религии может быть связана с явлениями природы. Стремление к познанию красоты и устройства Вселенной – ещё не религия, но насколько оно вызывает преклонение перед источником этой красоты и гармонии, настолько же помогает укрепнуть духу религиозности».

CXLIX

На Конгрессе англиканских церквей, проходившем в 1920 году, преподобный М.А.Бэйфилд прочитал доклад «Психическая наука в союзе с христианством», в котором, в частности, сказал: «Многие священники относятся к психической науке с подозрением, а некоторые даже с явным антагонизмом и враждебностью. Получивший широкое распространение Спиритизм был объявлен антихристианским учением. Я же хочу доказать, что это Учение всегда находилось в союзе с нашей верой. Спиритом является по сути каждый «не материалист», христианство же и есть религия спиритуалистическая».

Далее он упоминает о той пользе, которую Спиритизм принёс христианству, сделав возможной веру в мистические элементы «Евангелия».

CCL

Доктор Элвуд Уорсестер на церемонии под названием «В союзе с религией»*, происходившей в церкви Св.Стефана в Филадельфии 25 февраля 1923 года, говорил о психических исследованиях с позиций истинного сторонника религии, рассматривая значение Спиритизма как духовного наставника человека. «Это Учение освещает много важных событий в жизни Господа нашего».

* «American S.P.R.», June, 1923, p.323.

го и помогает нам понять и принять всё то, что казалось спорным. Я имею в виду, в частности, явления, сопровождавшие крещение Христа, его появление в Галилее, его Преображение и, кроме того, его Воскресение и появление перед учениками. Более того, Спиритизм – это единственная наша надежда на разрешение проблемы смерти. Мы вряд ли сможем получить объяснение этой проблемы из какого-либо другого источника».

CLI

Преподобный Дж.Вэйл-Оуэн напоминает нам о том, что Спиритизм не ограничивается одним лишь христианством. В Лондоне, например, действует и Еврейское спиритическое общество. Ведь смогла же Церковь, сначала рассматривавшая дарвинизм как своего противника, признать в конце концов эту теорию в свете христианского вероучения. Он заключает:

«Только признание процесса эволюции предоставляет христианству более полную и ценную концепцию Творения и Творца. Так же осознание величайших истин, на установление которых нацелена психическая наука, должно превратить агностика в верующего, должно сделать иудея лучшим иудеем, мусульманина – лучшим мусульманином, а христианина – лучшим христианином и, безусловно, более счастливым»*.

CLII

Из этих отрывков становится очевидным, что многие священники Англиканской и других Церквей положительно оценивали благотворное влияние Спиритизма на религию. Существует и другой важный источник информации, подтверждающий религиозную направленность Спиритизма – сам духовный мир. Накоплен богатый материал, полученный из мира духов, и мы сейчас ознакомимся с некоторыми его образчиками. Первый отрывок взят из известной книги «Учение Духов», сведения для которой её автор Стэнтон Мозес получил посредством собственного медиумизма:

* «Facts and the Future Life» by G.V.Owen, 1922, p.170.

«Друг, когда кто-нибудь потребует от тебя подтверждения полезности наших сообщений для тех, кому их направил Отец наш, скажи им, что они найдут объяснение в «Евангелии», которое проповедует о Боге милостивом, пребывающем в жалости и любви к человечеству, а не воспекает картины страданий, жестокости и страстей. Скажи им, что таков путь к познанию духовных умов, вся жизнь которых – любовь, сострадание, милосердие и помощь человеку в сочетании с поклонением Всевышнему».

Вот другой отрывок из того же источника: «Человечество постепенно выстраивало вокруг учения Иисуса стену из выводов, спекуляций и комментариев, похожих на те, которыми фарисеи снабжали Моисеевы законы. Стена отчуждения продолжала расти, и человек становился всё менее восприимчив к духовному миру. Это отчуждение вылилось в материализм бездушный и холодный, хотя в его основе лежат учения, предназначенные для вдохновения, а не для того, чтобы стать эстетическим ритуалом.

Наша задача – сделать для христианства то, что сделал Иисус для иудаизма. Мы будем опираться на первоначальные традиции, одухотворять их, вдыхать в них новую жизнь. Воскресение, а не уничтожение – вот к чему мы стремимся. Мы говорим снова и снова, что не отрицаем ни на йоту то учение, которое Христос дал миру. Мы делаем своё дело, мы лишь стираем плесень материализма, заново открывая человечеству утраченный им духовный смысл бытия... Наша миссия – возрождение той старой веры, от которой человечество так неразумно отказалось».

СЛИИ

Вот отрывок из книги «Письма от Джулии»* У.Т.Стеда: «Вы обрели духовную веру и вступили в общение с духами; вы говорите и поёте о том же, что и святые, которые там, в небесах, и здесь, на земле, были и остаются единой армией Вечного Бога. Но когда вам приходится на практике общаться с загробным миром в ок-

* «Letters from Julia» by W.T.Stead.

ружении свидетелей, это почему-то вызывает протест: «Это – против воли Господа! Это – искушение демонов!». О, друг мой, не поддавайся этим протестам! Разве же я – демон? Разве же я дух-искуситель? Разве же я делаю что-либо против воли Господа, постоянно пытаюсь вдохнуть в тебя всё большую веру в Него, большую любовь к Нему и всем Его созданиям, пытаюсь всё более приблизить тебя к Нему? Ты ведь знаешь, что я делаю всё это, ведь в моих деяниях – моё вдохновение и смысл моего существования».

CLIV

И наконец, процитируем «Послания от Меслома»*: «Любое учение или вера, помогающие человечеству поверить в то, что существует жизнь после смерти и что душа только крепнет в испытаниях, побеждая свои слабости, – это хорошее учение, которое несёт в себе истинную правду. Если же оно проповедует любовь Господа, то человечество, восприняв эту любовь, будет избавлено от страданий ещё на земле».

Эти возвышенные слова, определённо, имеют целью подготовку человеческого разума к более высоким материям и более глубокому осмыслению своего жизненного предназначения.

CLV

Фредерику Мейерсу утраченную веру в христианство вернул Спиритизм. В своей книге «Отрывки из поэзии и прозы»** в главе «Окончательная вера» он пишет:

«Даже движимый самыми лучшими побуждениями я не могу сопоставить свою настоящую веру с христианством. Я бы скорее назвал её результатом развития научного отношения к учению Христа.

Вы спрашиваете меня, в чём же состоит моральная основа моей веры? Ответ на удивление прост и краток. Можно сказать, что она, безусловно, совпадает с тенденцией самого раннего и наи-

* «Messages from Meslom».

** «Fragments of Prose and Poetry» by F.W.H.Myers.

более истинного христианства – этого основополагающего морального учения, величие которого подтверждается (в том числе и по свидетельствам последнего времени) упорством Христа в познании Истины, провозглашением им того, что слово убивает, а дух даёт жизнь, его стремлением к всеобщей справедливости, путь к которой лежит через любовь к Господу и к человеку».

CLVI

Мы можем и дальше цитировать выдающихся людей. Сэр Оливер Лодж, например, пишет: «Несмотря на то, что я пришёл к своей позиции не через религиозную веру, всё, что я познал, только усиливает мою любовь и благодарность к той личности, которая является центральной фигурой «Евангелия».

CLVII

Леди Грэй из Фоллодона* отдаёт дань уважения Спиритизму, описывая его как животворящую религию, приносящую отраду и утешение человечеству. Вот что она пишет: «Массы современных рабочих гораздо ближе к духу «Нового Завета», чем некогда церковные крестьяне. Церковь в Англии должна смотреть на Спиритизм как на ценного союзника. Он наносит сокрушительный удар по материализму и не только идентифицирует материальный мир с духовной вселенной, но и содержит множество полезных сведений».

Она продолжает: «Я считаю, что Спиритизм привнёс глоток свежего воздуха в старую веру... Мир, который мы не склонны были ассоциировать со Священным Писанием, в сущности идентичен сообщениям о нём, которые содержатся в старинных рукописях. Те из нас, кто несёт Новое Откровение в сердцах, знают, что Спиритизм даёт современное прочтение «Библии», и поэтому Церковь должна рассматривать Спиритизм как мощного союзника религии».

Это смелые и правдивые слова.

* «Fortnightly Review», October, 1922.

Доктор Юджин Кроуэлл утверждает, что Римская католическая церковь считает спиритические проявления феноменами, происходящими по священной воле Церкви, а Протестантские церкви, хотя и признают открыто, что спиритические проявления случались с Иисусом и его учениками, тем не менее отрицают, что они возможны в наше время. Он говорит:

«Таким образом, Протестантская церковь, как только к ней обращались изголодавшиеся по духовной пище люди (а таковых насчитывалось великое множество), ничего не могла предложить им; в лучшем случае она отделялась рассуждениями или другой чепухой...

Протестантизм сегодня испытывает давление католицизма и материализма. Находясь в этом трёхслойном пироге, протестантизм должен сохранить прочность и единство, чтобы не рассыпаться в прах. Однако в своём современном состоянии он не обладает необходимой жизнеспособностью для сопротивления действию этих сил, остаётся только надежда на свежую кровь Спиритизма, готовую влиться в истощённые вены протестантизма. Это – составная часть миссии Спиритизма, и я полностью уверен в её успехе. Моя уверенность базируется на способности Спиритизма к разрешению насущных нужд протестантизма»*.

Доктор Кроуэлл считает также, что распространение знаний не заставит современного человека уделять меньше внимания вопросам духовной жизни и будущего существования. Но сегодня люди не могут относиться к вере формально: они требуют доказательств её истинности. Теология не способна предоставить их, и миллионы серьёзных умов занимают выжидательную позицию. Он утверждает, что Спиритизм был ниспослан для того, чтобы снабдить их этими доказательствами, что он является единственным их источником.

* «The Identity of Primitive Christianity and Modern Spiritualism» by Eugene Crowell, 2 Vols., 2nd Edition, New York, 1875.

Теперь обратимся к работам спиритов-унитариев, лидером которых является всецело преданный Учению Эрнст У.Оутен, редактор газеты «Ту уорлдз». Взгляды мистера Оутена разделяли многие экстремисты, склонные, впрочем, скорее реконструировать христианские идеалы, чем разрушить их до основания. После описания жизни Христа с позиций психического Учения он пишет:

«Люди считают, что я не чту Иисуса из Назарета. Я же склонен доверять суждению Христа скорее, чем суждениям этих людей. Думаю, что я знаю его жизнь лучше, чем любой другой христианин. Нет иной души в истории, которую я оценил бы столь высоко. Меня не удовлетворяет то место, которое он занимает в умах простого народа, понимающего его истинное значение не более, чем смысл египетских иероглифов. Я люблю эту личность и служу ему беззаветно. Он многому научил мир, который так и пребывал бы в неведении, если бы не снял его с пьедестала поклонения и всеобщего обожания и не проследовал за ним в сад.

Могут сказать, что моё прочтение его жизни чересчур натуралистично. Я был бы счастлив, будь оно действительно так. Нет ничего более священного, чем законы, управляющие жизнью. Бог, который задал тон подобным законам, сделал их достаточными для достижения Божественных целей, и они не нуждаются в замене. Бог, который управляет земными процессами, идентифицируется в моём понимании с Христом, который управляет процессами духовной жизни»*.

Спиритизм как система мыслей и знаний приложим к любой религии. В основе спиритического Учения лежат непрерывность существования личности и возможность общения после смерти. Эти два основных фактора имеют одинаково важное

* «The Relation of Modern Spiritualism to Christianity» by Ernest W.Oaten, p.23.

значение как в индуизме, мусульманстве, парсизме, так и в христианстве: Спиритизм обращён ко всему миру. Существует только одна школа, абсолютно не приемлющая новое Учение: материализм, который крепко держит мир в своих руках и является корнем всех зол. Поэтому постижение и принятие Спиритизма так важно для спасения человечества, иначе оно обречено опускаться всё ниже и ниже к чистому утилитаризму и эгоистическому взгляду на Вселенную. Типичным материалистическим государством можно считать предвоенную Германию*. Впрочем, любое другое современное государство можно отнести к тому же типу, независимо от уровня экономического развития.

Может возникнуть вопрос: почему старые религии оказались недостаточно сильны, чтобы спасти мир от духовной деградации? Ответ таков: они пытались, но не справились с этой задачей. Церкви, которые представляют эти религии, сами оказались близки к последней стадии деградации – в прямом и в переносном смысле. Они утратили контакт с духовностью и удовлетворялись тем, что она осталась в далёком прошлом. Их неискренние заверения и восхваления существующей устаревшей системы, запутавшейся в своей невероятной теологии, вызвали у благородных умов тошноту. Ни один класс не показал себя настроенным более скептически по отношению к современным проявлениям Спиритизма, чем священнослужители, хотя они проповедовали веру в древние чудеса, имевшие, безусловно, спиритическую природу. Их крайнее неприятие этих проявлений в наше время можно расценить как меру искренности их заверений. Верой всегда злоупотребляли, пока проницательнейшие умы человечества, во все времена стремившиеся к знаниям и исследованиям, не отвернулись от неё и не обратили свой взор к Спиритизму. Это Учение обосновало веру в жизнь после смерти и в существование невидимых миров, не только обращаясь к древним традициям или следуя смутной интуиции, но и на основе доказанных фактов, на которые могла бы опереться и религия. Наконец-то человечество нащупало твёрдый путь среди зыбучей трясины разных вероучений!

* Речь идёт о Первой мировой войне (П.Г.).

Заявление о том, что Спиритизм не противоречит никакой религии, не подразумевает, что все религии равнозначны или что Спиритизм сам по себе не может быть самодостаточным и требует сочетания с каким-либо вероучением. Я полагаю, что Спиритизм даёт человеку всё то, в чём он нуждается, но мне встречалось множество людей высокой духовности, которые не могли отказаться от традиционных представлений о конечности человеческой жизни и принимали Новое Откровение, не отказываясь от ортодоксальной веры. Если же человек избирает Спиритизм своей единственной верой, он становится не противником христианства, а скорее, его толкователем. Оба учения признают жизнь после смерти, которая влияет на прогресс и счастье человечества. Они утверждают существование мира духов, олицетворяющих добро и зло, которых христиане зовут «ангелами» и «демонами», а спириты – «направниками» («наставниками») и «низшими духами». Оба учения проповедуют в основном одни и те же добродетели: бескорыстие, доброту, чистоту и благородство, которые имеют высшую духовную природу. Однако фанатизм, рассматриваемый спиритами как серьёзный проступок, одобряется большинством христианских сект. Спириты приветствуют любой путь к совершенству и полностью признают, что во всех вероучениях говорится о святых, высокоразвитых душах, которые интуитивно знают всё то, что спиритами облечено в форму Учения. Миссия спиритов направлена не на них: она обращена на тех, кто открыто провозглашает себя агностиками, или на тех, кто ещё более опасен, ибо проповедует некую форму вероучения и одновременно с этим носит в своих душах или в мыслях зачатки агностицизма.

С моей точки зрения, Новое Откровение прежде всего принесёт пользу человеку, который на практике ознакомился со всем разнообразием существующих вероучений и нашёл их одинаково несовершенными. Перед ним простирается долина тьмы, где его поджидает смерть, и ортодоксальная религия не может ему предложить ничего, кроме этой очевидной истины. Подобные обстоятельства породили многих замечательных стойков, но не принесли им земного счастья. Затем на человечество снизошло

позитивное доказательство автономного существования человека после смерти, которое одними принимается сразу, другими – медленно и постепенно. Облака рассеиваются, открывая новые горизонты. Человек более не ощущает себя в долине смерти, он перемещается на границу загробного мира, который открывает перед ним перспективы более прекрасные, чем его прошлое. Всё просветляется, его больше не окружает тьма. День Нового Откровения сменяет завершающий день его жизни.

CLXII

Теперь я очень ясно вижу, сколь прискорбно то, что цитирование явных нелепостей из Св.Писания продолжалось даже без всякой объяснительной сноски, которая могла бы как-то смягчить их в священном тексте, потому что последствием этого было то, что даже бывшее в нём действительно святым также оказывалось отброшенным в сплошном отрицании, ведь человека нетрудно убедить, что ложное в каких-то своих частях не может и во всех своих остальных составляющих содержать истины. У истинной религии нет врагов худших, чем те, кто выступают против всякого пересмотра и отбора в той странной массе истинно прекрасного и весьма сомнительного материала, который без всякого толка перемешан в одном-единственном томе, как если бы все эти вещи действительно обладали равной ценностью*. Том сей – не золотой слиток, но золото в глине, и если это всё-таки понято, то серьёзный исследователь не отложит этот том в сторону, если наткнётся в нём на глину, но будет тем больше ценить в нём золото, что он сам отделит его от глины**.

* Речь идёт о «Библии» (П.Г.).

** Нелишне, думается нам, процитировать здесь и мнение Зейме, который говорит о «Библии» следующее: «Покуда чистейшим источником божественной истины и святейшей нормы совершеннейшей морали будет признаваться книга, коей содержание темно и противоречиво, редко соотносится с реальной жизнью и полно нравственных несообразностей, книга, коей действительное и общеупотребительное благо покоится на непрочных основаниях сурового теософического энтузиазма, до тех пор подлинная и благодетельная просвещённость не сможет

В ответ на категорический вопрос г-на Поллока касательно моего взгляда на ряд текстов я могу лишь напомнить ему слова Основателя Христианской Веры о том, что *буква убивает* и что *добродетель обретается только в духе*.

Настаивать на буквальном значении текстов – значит, говоря словами Уинвуда Рида, «сбросить идолов из дерева только за тем, чтобы поставить на их место идолов из бумаги и типографской краски». Эти печатнобумажные идолы были и являются оружием теологов и клерикалов, с помощью его они с самых первых дней христианства посеяли раскол и смуту. Каждая секта может найти себе подтверждение в тексте, и вместе с тем любая другая может найти там же подтверждение для того, чтобы оспаривать первую.

Когда, например, католик находит своё учение о причастии в буквальных словах текста: «Се есть тело моё, и се есть кровь моя», то, кажется, ничто не может быть в словах выражено более ясно. И тем не менее протестант решительно отрицает правомерность такой трактовки и настаивает на метафорическом понимании. Для унитария же существует множество текстов, которые ясно показывают ему, что Христос не имел притязаний на Божественность.

Если мы примем во внимание источник происхождения евангелий, их перевод с языка на язык и сам по себе факт, что каждый пересмотр уличал текст в ложности, то нам будет совершенно непостижимо, как было бы можно из таких данных построить какую-либо абсолютно жёсткую и неопровержимую систему.

Но дух «Нового Завета» в достаточной степени прозрачен – в нём и заключается оправдание христианства.

укорениться ни в Церкви, ни в государстве. Я сам знаю сейчас многих, чей и без того невеликий ум оказался безвозвратно погублен пророческой теологией. Нет ничего легче и обыкновеннее того превращения, которое совершается с кардиналом и делает его атеистом. И как показывает история, одно с другим прекрасно уживается» (П.Г.).

Я не претендую на то, будто знаю, что такое истина, ибо она безгранична, а я ограничен; но зато я очень хорошо знаю, что истиной никак не является. Неправда, что религия достигла своего апогея девятнадцать веков назад и что мы навеки вечные осуждены ссылаться на то, что было записано и сказано в те дни. Нет, религия – в высшей степени живое дело, она постоянно растёт и действует, она способна к бесконечному расширению, углублению и развитию, как и все другие сферы мысли. В старые времена было сказано и передано нам много вечных истин в книге, некоторые части которой действительно могут быть названы «святыми». Но осталось ещё и много такого, откровение чего нам ещё только предстоит; и если мы станем отвергать эти вещи потому только, что их нет на страницах «Библии», то мы уподобимся тому учёному, который не принимает в расчёт спектральный анализ Кирсгоффа потому только, что о нём ни слова не сказано в книге Альберта Великого. Современный пророк может носить пальто из тонкого сукна и печататься в журналах и тем не менее служить каналом, по которому передаётся тончайшая струя из хранилищ истины. Всевышний ещё не сказал Своего последнего слова роду людскому, и Он может говорить устами шотландца или американца с тем же успехом, как прежде говорил устами израильтянина. «Библия» – это такая книга, которая передаётся нам маленькими порциями и на последней странице коей должно быть написано не «Конец», а «Продолжение следует».

В «Библии», которая является основанием всей нашей нынешней религиозной мысли, мы имеем переплетённых друг с другом мертвеца и живого; и мёртвый заразил живого, микробы гниения разъедают живую ткань нашей веры. Мумия и ангел состоят в самом противоестественном товариществе. Не может быть ясного мышления, не может появиться здорового, логичного учения, покуда устаревшая часть этой книги не будет отделе-

на от целого, поставлена на книжную полку в кабинете учёного и убрана с письменного стола школьного учителя.

Сегодняшняя «Библия» – поистине изумительная книга, значительная часть её представляет собой древнейшие записи, дошедшие до нас, книга, полная редкого знания, истории, поэзии, оккультизма, фольклора. Но она не имеет связи с современным пониманием религии и по сути своей глубоко ему антагонистична. В ней под одной обложкой оказались в обращении два взаимоисключающих законоположения, результатом чего явилось страшное смятение.

CLXVI

В целом позиция, занимаемая сегодня в этом споре духовенством, представляется мне довольно уязвимой. Так, оно поддерживает тезу об абсолютной и исключительной боговдохновенности «Библии». Но разве оно не знает, что в этой книге есть утверждения, которые, как нам доподлинно известно, неверны? Следует ли эти неправды и заблуждения приписывать самому Божеству? Нелепость предположения очевидна. Неужели же Всевышний, обладатель всякого знания, мог бы впасть в ошибки, которым бы улыбнулся сегодняшний школьник? Принадлежит ли Ему авторство утверждения, будто мир был сотворён за шесть дней и что сотворение это состоялось всего лишь около пяти тысяч лет назад или будто Иисус Навин приказал солнцу остановиться, нисколько не считаясь с тем, что оно относительно Земли и так неподвижно, а вертится именно сама Земля? Если это так, то приходится тогда скорбеть о нас, раз мы создаём себе такие представления о Божестве. Если же это не так, то что остаётся от абсолютной боговдохновенности Писания?

Мой взгляд на «Библию», равно как и на все иные святые книги, состоит в том, что они представляют собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму предоставлено право отделять одно от другой. При этом в «Ветхом Завете» более глины, чем золота. В «Новом» же значительно более золота, нежели глины*.

* Мы бы вполне согласились с этой оценкой, если бы наш автор говорил здесь не о глине, а о навозе. Собственно, здесь вполне уместно употребить и более энергичное слово, ибо по части мерзостей и жестокостей, в ней собранных, эта книга может состязаться только с сочине-

Один свод представленных в ней законов является схемой, построенной на отдельном племенном Боге, подчёркнуто человекоподобном и исполненном гнева, зависти и мести. Такое понимание Бога пропитывает каждую книгу «Ветхого Завета». Даже в «Псалтыри», которая является, быть может, самой духовной и прекрасной его частью, псалмопевец наряду со многим воистину прекрасным и благородным поёт о вещах в высшей степени ужасных, которые его Бог сделает с его врагами: «Они низвергнутся живыми в ад». Таков лейтмотив этого древнейшего памятника письменности – памятника, пропагандирующего и отстаивающего массовую резню, мирящегося с многожёнством, признающего рабство и приговаривающего к сожжению так называемых «ведьм».

Изложенные в нём Моисеевы законы уже давно отложены в сторону. Так, мы не считаем себя «проклятыми», отказавшись причинять увечье своему телу, или если едим «запретную» пищу, если подстригаем себе бороды, если носим одежду, скроенную из двух разных материалов. Но мы не можем отказаться от этих законов, не переставая считать и сам свод их божественным.

Никакая учёная софистика никогда не сможет убедить честный серьёзный ум в том, что эти законы действительно божественными маркиза де Сада и перечнем преступлений против человечности, совершённых германскими нацистами. Что же до глупостей, несоответствий и противоречий, вписанных в её строки, то здесь она и вовсе не знает равных.

И всё-таки главная гнусность этой книги не в том и не в этом, а в том, что она клеветает на Бога, наделив Его самыми скверными человеческими несовершенствами.

Не спорим, есть на этих страницах золотые истины, но они несколько не выигрывают от того, что окружены ветхозаветными мерзостями. В высшей степени бесполезной работой было бы собрать эти истины в одной небольшой книге, а всё прочее предать забвению. Пусть эту отверженную часть читают только специалисты.

Лорд Болингброк говорит о «Библии»: «Было бы хулой Богу и обидой людям серьёзно смотреть на это жалкое сплетение небылиц, в которых каждое слово есть или верх смешного, или верх ужасного» (П.Г.).

венны. Могут, конечно, на это возразить: «Каждый понимает, что эти законы устарели, и поэтому следовать им не стоит». Но это-то и неверно. Им постоянно следуют, и так будет продолжаться до тех пор, пока они являются частью Священного Писания.

Каждая облечённая властью жестокосердая скотина в человеческой истории, особенно когда дело касалось религиозных войн, черпала своё вдохновение в «Ветхом Завете». «Режьте и не давайте пощады!», «Око за око! зуб за зуб!» – тексты всегда наготове, чтобы зазвучать на жестоких губах убийц-фанатиков. Франциск в Варфоломеевскую ночь, герцог Альба в Нидерландах, Тилли под Магдебургом, Кромвель под Дрогедой, сторонники Ковенанта при Филлифо, анабаптисты из Мюнстера, мормоны из Юта – все они подкрепляли свои инстинкты к убийству в этом нечистом источнике. Кровавый след оставлен «Ветхим Заветом» во всей истории человечества. Даже там, где главенствует «Новый Завет», его учение оглупляется и затуманивается мрачным соседом.

Давайте же сохраним это вполне заслуживающее внимания произведение литературы, но давайте смоем пятно позора, которое отравляет самый источник нашей религиозной жизни*.

* «Библия» представляет собой сумбурное собрание медиумических записей. И только безнадёжно наивные, доверчивые и легкомысленные люди могут поверить, будто этот свод противоречивых, нелепых и часто мерзостных рассказов продиктован «Духом Святым».

Двести лет назад великий духовидец и философ Сведенборг также состоял в общении с миром духов. И один из постоянных его собеседников представился ему Господом Богом (что, надо сказать, не редкость в подобных случаях). Он продиктовал доверчиво внимавшему Сведенборгу множество хороших вещей, но также немало и небылиц, достойных не Всезнающего Бога, но духа, не очень высоко взошедшего в Духовной Иерархии. И хотя в писаниях Сведенборга нет глупостей и гнусностей, которыми так богата «святая» Библия, никому тем не менее не пришлось тогда в голову признать его откровение за Божественное. Так случилось по той простой причине, что в умах тогдашних европейцев это место было безраздельно занято «Библией».

Эта книга, уже имевшая достойных критиков со стороны житейского здравого смысла в лице Болингброка, Вульстона, Вольтера, Гольбаха, Таксиля и других, ещё дожидается своего критика со стороны здра-

Уинвуд Рид в своей книге «Мученичество Человека» замечает, что в эпоху Реформации люди сбросили идолов из камня и глины, для того чтобы поставить на их место идола из бумаги и типографской краски. Давайте возьмём из «Библии» всё, что есть в ней хорошего, и употребим с пользой. Но во имя благоговения перед Создателем и уважения к собственному разуму давайте воздержимся от того, чтобы приписывать Всевышнему те свойства, каковые уподобляют Его самому заурядному, хотя и сильно увеличенному в своих размерах человеку, исполненному мелких страхов, зависти и мстительности – качеств, воистину достойных осуждения лишь в нас самих. Нам не нужна какая-то книга или некое откровение для того, чтобы сказать нам о Его мудрости и силе. Нам довольно звёздных небес, в коих вращаются над нами миллионы миров, дабы понять это с гораздо большей ясностью, чем то могли бы донести до нас слова какого-нибудь еврейского пророка, и есть в нас некое нравственное чувство, ведущее в равной мере как агностика, так и христианина. Чем шире наши взгляды, тем лучше, ибо какой бы широты ни достиг ум человеческий, он будет всё ещё бесконечно узок в сравнении с той конечной истиной, что должна обнять собою всю Вселенную и всё то, что в ней заключается. Пока что же, лучшие наши устремления могут быть выражены словами поэта: «Нет вещи в мире, созданной без цели, нет в нём и *ни единой* жизни, которая была бы предназначена забвению или могла бы быть отринута, словно какой-то мусор, в небытие, ведь в мире, созданном Богом, каждая его частица необходима великому целому»*.

Некий джентльмен желает знать, в чём, собственно, современная мысль превосходит мысль века XVI-го. Один из призна-

вого спиритуализма. Основу этой критики уже заложил Аллан Кардек. См. его «Книгу Бытия, чудеса и предсказания в объяснении Спиритизма» и остальные его работы. Мы продолжаем это дело на этих страницах вместе с Артуром Конан-Дойлем (Л.Г.).

* That *nothing* walks with aimless feet,
That *not one* life shall be destroyed,
Or cast as rubbish to the void,
When God has made the pile complete.

ков прогресса состоит в том, что сегодня дискуссия на эту тему может вестись с учтивостью и без того, чтобы у кого-либо из участников её возникла надобность, и тем более желание сложить костёр из своих оппонентов.

CLXIX

Уже было сказано, что из трёх направлений, по которым следует вести реформу религии, а именно: изъятие ветхозаветной части, большее внимание к жизни Христа сравнительно с его смертью и новый духовный приток, который даёт нам психическую религию – лишь последний является авторитетным источником сведений о потустороннем мире. И однако это-то обстоятельство и недооценивается. Ни в одном из сообщений духов, насколько мне известно, не обсуждались материи, имеющие отношение к «Ветхому Завету». Природа Христа и его учение, напротив, были непременным предметом обсуждения с тем или иным варьированием деталей, которое главным образом укладывалось в очерченные здесь рамки. У духов имеются индивидуальные точки зрения; некоторые из них унесли с собой в ту жизнь земные предубеждения, от которых им нелегко освободиться; но, читая большое число подлинных сообщений духов, можно обнаружить, что идея искупления в них едва ли даже была затронута, тогда как на силе примера жизни Христа и его учения духи постоянно настаивают. Согласно этим посланиям, Христос – самый высокий дух, известный землянам, сын Бога, как и все мы – Его сыновья, но он ближе к Богу и в силу данного обстоятельства в более партикулярном смысле является Его сыном. За исключением редких и особенных случаев, он не встречается нас в *том* мире, когда мы умираем. Поскольку духи (и днём, и ночью) переходят туда в среднем до сотни за минуту, то данное обстоятельство является не требующим доказательств. По прошествии какого-то времени мы, возможно, допускаемся в его присутствие, чтобы обрести в нём более нежного, сочувственного и вспомоществующего товарища и наставника, коего дух на всё оказывает своё влияние, даже когда его физическое присутствие не уловимо для глаза. Такова общая идея потусто-

ронних сообщений касательно Христа – кроткого, любящего и могучего Духа, постоянно опекающего нашу планету, которая среди многих миров является предметом его особой заботы.

CLXX

Не может быть внезапной перемены в застарелой рутине наших религиозных обычаев; так же невозможно помыслить, чтобы собрался конгресс теологов, которые смогли бы сделать столь героический шаг, как разделение «Библии» на две части, поставив одну из них на полку, а другую положив на стол. Не следует ожидать и того, что будет сделано какое-то формальное заявление христианских Церквей, в котором они признают, что акценты в истории Христа были расставлены ими неверно. Моральная сила их никогда не поднимется на такую высоту. Но ускорение общения с духами и усиление серьёзности, пустив корни в этой кровавой страсти человечества, приведут к тому, что многие смогут разумно и истинно понять существо вопроса, и если даже «Ветхий Завет» и сохранится как атрофированный аппендикс в живом теле, то лишь затем, чтобы указывать, через какие низшие ступени развития человечество уже прошло; он всё более и более будет признаваться как документ, утративший свою силу, которому больше не будет позволено оказывать влияние на поведение людей, за исключением указания на многое из того, чего мы должны избегать. Точно так же с учением Христа: мистические части постепенно утратят значение, как то произошло с грубыми понятиями о вечном наказании, которые отмерли буквально у нас на глазах, и человечество едва успеет осознать, как ересь сегодняшнего дня станет общим местом дня завтрашнего. Эти вещи произойдут сами собой согласно срокам, установленным Богом. А что одновременно ново и жизненно важно – так это те свежие дополнения, почерпнутые из общения с духами, которые нам теперь и пришло время обсудить. Именно в них мы можем найти приметы того, как кости приходят в движение и как мумия обрастает плотью и оживает, побуждаемая импульсом дыхания. Вместе с действенной уверенностью в существовании определённой жизни после смерти и твёрдым

чувством ответственности за наше собственное духовное развитие, ответственности, которую нельзя переложить на чужие плечи и которая, как бы велика она ни была, должна быть вынесена каждым из нас ценой его собственных усилий, произойдёт самое сильное укрепление нравственности, которое когда-либо было испытано человеческой расой. Мы сейчас находимся на его грани, но наши потомки будут взирать на прошедшее столетие как на кульминацию тёмных веков, в которые человек утратил веру в Бога и настолько погрузился в свою преходящую земную жизнь, что потерял всякое чувство духовной реальности.

CLXXI

Различия между религиозными сектами – пустяк в сравнении с великой извечной дуэлью между материализмом и духовным пониманием Вселенной. Настоящая битва происходит именно здесь. В этой битве Церкви являлись признанными выразительницами антиматериального взгляда, но они делали это столь невразумительно, всё время ставили себя в столь ложные положения, что в результате постоянно терпели поражения. Со времён Юма, Вольтера и Гиббона битва медленно, но неуклонно складывается в пользу атакующей материалистической стороны. Затем явился Дарвин и со всеми атрибутами очевидности показал, что *падения человека* никогда не было, что он, напротив, всё время *поднимался*. Это нанесло сокрушительный удар по богословской философии, и глупо отрицать это. Затем появилась школа так называемого «высокого критицизма» и указала на новые возможные трещины и щели в самых основаниях церковного миропонимания. Всё это время Церкви уступали одну пядь своей земли за другой, и каждое их отступление давало противнику место для строительства нового плацдарма и продолжения атаки. Дело зашло настолько далеко, что в настоящее время весьма значительная часть людей в нашей стране, богатых и бедных, утратила всякое сочувствие не только к Церкви, но и к духовному миропониманию в целом. И вот в эту битву вступаем мы, спириты, вооружённые своим положительным знанием и действенными доказательствами – союзник настолько сильный,

что мы способны изменить ход всего сражения и раз и навсегда покончить с материализмом. Мы прямо говорим материалистам: «Мы готовы схватиться с вами на вашей же почве и показать понятными вам материальными средствами и научными опытами, что душа и личность переживают смерть тела». Это и есть цель психической науки, и она ею полностью достигнута. Изучайте, понимайте, пропагандируйте наши знания – и материализм обречён, с ним будет покончено.

CLXXII

И однако это движение, движение Новейшего Спиритуализма встречают улюлюканьем и поношением в Риме, в Кантерберии и даже в Литтл-Бетеле, впервые все трое выступают дружным хором и зовут в свои ряды таких странных союзников, как научные агностики и воинствующие атеисты. Отец Воган и епископ Лондонский, преподобный Ф.Б.Мейер и мистер Клодд, «Чёрч таймс» и «Фрифинкер» объединились на поле брани, хотя боевые кличи их совершенно несхожи: одни кричат, что Спиритизм от дьявола, тогда как другим не менее нашего ясно, что такого персонажа на свете вовсе не существует.

Соппротивление материалистов вполне разумно: ведь ясно же, что если человек провёл всю жизнь, говоря «нет» всем потусторонним силам, то он попадает в поистине жалкое положение, когда после стольких лет оказывается вынужден признать, что вся его философия построена на песке и что с самого начала «да» было единственно правильным ответом. Но что касается религиозных корпораций, то какие слова могут выразить их глупость и утрату ими чувства реальности, если они не устремляются бегом навстречу своему крупнейшему за всю историю союзнику, который вмешался в сражение, дабы, внеся в него перелом, превратить их неизбежное поражение в восхитительную победу?

CLXXIII

Спиритизм, несомненно, наиболее важное дело на свете и заслуживает того, чтобы ему уделили время. При этом людей следует порицать только за то, что они пренебрегают им, но не за то, что подходят к нему с осторожностью. Я повторил бы здесь от собственного имени слова Теккеря. Он сказал одному оппоненту: «То, что Вы говорите, совершенно естественно, но если бы Вы видели то же, что довелось видеть мне, Вам бы пришлось изменить своё мнение». Нам следует принаравливать свои теории к фактам. Мы же до сей поры принаравливали факты к своим теориям. Если Вы пока ещё не среди наших сторонников, то это и совершенно правильно с Вашей стороны. Чтобы понять это учение, Вам нужно время. Мне самому на то понадобилось много лет. Сейчас же для меня нет ничего важнее этого, потому что я *знаю*, что здесь истина. Ведь знать – не то же, что верить. Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. Когда вещи эти коснутся лично Вас, тогда только Вы и сможете понять и оценить всю их силу.

CLXXIV

Я много выступаю с лекциями. Но у меня никогда нет желания обратить аудиторию в свою веру. Я вообще не склонен питать доверие к подобным внезапным обращениям. Всё это мелко и поверхностно. Я стремлюсь единственно к тому, чтобы представить людям дело с наибольшей ясностью. Я просто говорю им всю правду, как она есть, и объясняю им, почему мы знаем, что это правда. На этом моя задача, собственно, и исполнена. Люди могут после этого принять предложенное мною или его отвергнуть. Если они мудры, то они непременно исследуют пути, мною указанные. Если же мудрость им несвойственна, то они просто упустят свой шанс. Я не хочу оказывать на них никакого давления или обязательно превращать их в своих сторонников. Это, в конце концов, их дело, а не моё. Как тонко подметил Лабрюйер: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыс-

лить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того грандиозно».

CLXXV

Наука постепенно выметает из мира застарелую паутину предрассудков и суеверий. Мир походил до этого на старый, запылённый чердак, и вот в него ворвалось солнце и заполнило весь его светом; носившаяся при этом в воздухе пыль начала постепенно оседать на пол. И всё же, что касается до науки и учёных, я могу сказать только одно: именно научное мышление лежит в основании всего нашего материализма. Сколь велика могла бы быть наука, если бы только она смогла осознать собственную ограниченность! Показателен сам по себе факт, что многие учёные мужи, когда оказываются затронуты их симпатии и предрассудки, демонстрируют самое смехотворное пренебрежение ко всем собственным принципам. Между тем среди принципов науки нет другого более непререкаемого, чем тот, что всякий вопрос должен быть всесторонне рассмотрен прежде, чем его можно будет признать несостоятельным. На примере беспроводной связи или летательных аппаратов тяжелее воздуха мы могли в последние годы наблюдать в суждениях учёных самые неприличные несообразности. Опаснее всего заявлять *a priori**, что какая-то вещь совершенно невозможна. Тем не менее это ошибка, в которую впал чуть ли не каждый критик, выступающий от лица науки. Такие учёные пользовались авторитетом, который они заслуженно приобрели в освоенной ими специальности, для того чтобы подорвать доверие к области, в какой они ничего не смыслят. Сам по себе факт, что человек был крупным авторитетом в физиологии или физике, никоим образом не делает его авторитетом также и в области психической науки.

В мире науки полным-полно глупцов и разных болванов, лишь тормозящих мировой прогресс. Они признаются в том, что ничего по данному поводу не читали, и я уверен, ничего так-

* *a priori* – заранее, без знания дела, предубеждённо (*лат.*).

же не видали. И тем не менее они используют положение и имя, приобретённое ими в других материях, для того чтобы дискредитировать множество людей, которые, как бы к ним ни относиться, несомненно, весьма серьёзны и вдумчивы.

CLXXVI

Наука очень помогла нам в создании комфорта, но ещё вопрос, отвечает ли данный комфорт нашим действительным задачам в этой жизни. Несомненно то, что обыкновенно он был нашим бедствием, потому что комфорт этот назывался «прогрессом», и тем у нас создавалось впечатление, будто мы действительно движемся вперёд, «прогрессируем», тогда как на самом деле мы не только топчемся на месте, но и неуклонно сползаем назад.

На это, разумеется, могут возразить: «А беспроводный телеграф? А сигнал SOS на море? Разве это не служит благу человечества?» Я целиком согласен, порой всё это оказывается и впрямь очень удачно. Я ценю, например, свою электрическую настольную лампу, а она ведь продукт науки. Наука даёт нам, как я уже сказал, комфорт, а подчас и безопасность. И тем не менее я не склонен превозносить её и её дары, потому что она затемняет и искажает самое для нас жизненно важное, именно — цель нашей жизни и наши задачи в ней. Мы были помещены на этой планете не за тем, чтобы ездить на автомобиле со скоростью 50 миль в час, или чтобы перелетать Атлантику на самолёте, или посылать в другой конец Земли сообщения по проводам или без оных. Всё это лишь украшения и удобства нашей жизни, но не более того. Однако наши учёные настолько приковали всё наше внимание к этим украшениям, что мы, хлопоча с ними, забыли за этим занятием главную цель, ради которой мы здесь.

Не то важно, с какой скоростью вы едете, но цель вашего путешествия. Не то важно, посредством каких технических ухищрений вы посылаете своё сообщение на расстояние, а то, сколь значимо само ваше сообщение. И тогда выясняется, что этот так называемый «прогресс» на каждом шагу оказывается нашим бедствием. И всё же до тех пор, пока мы пользуемся словом, мы

будем путать этот мнимый прогресс с реальным прогрессом и воображать при этом, будто заняты тем, ради чего Бог послал нас в сей мир, а посланы мы сюда были за тем, чтобы готовиться к следующей фазе жизни. Есть подготовка ума, а есть подготовка духа, и мы пренебрегаем обеими. Стать на старости лет лучше и добрее, изжить в себе эгоизм, расширить свой умственный кругозор, сделаться сердечнее и терпимее – вот зачем мы здесь находимся, вот каковы задачи нашей жизни. Наш мир, вся наша планета – это фабрика душ, но она пока что выпускает скверную продукцию.

CLXXVII

Несомненно, прежде мир человеческий был более жесток, чем сейчас, но ведь никогда у него не было и таких преимуществ, как у нас, и всё же никогда ранее столько образованности, знания и так называемой «цивилизации» не превращалось во зло. Мы научились строить воздушные корабли. И мы пользуемся ими на то, чтобы бомбить города. Мы научились плавать под водой. И это умение пригодно нам лишь на то, чтобы убивать моряков и топить корабли. С помощью химии мы приобрели власть над материей. И мы пользуемся ею, чтоб изготавливать взрывчатые вещества и отравляющие газы. Наше положение всё ухудшается. В настоящее время каждая нация на земле строит тайные замыслы о том, как ей лучше всего отравить и известить все остальные. Разве Бог для этого сотворил нашу планету, и насколько вероятно, что Он позволит миру и далее идти в тартарары?

Наибольшая опасность для человека или нации наступает тогда, когда интеллектуальная сторона оказывается более развитой, нежели духовная. А разве не таково положение в сегодняшнем мире? Наши духовные проводники говорят о том, что все чаши вышнего терпения переполнены. Есть война, голод, мор, землетрясения, наводнения и иные напасти, но всё завершится в мире, в неопишуемой радости и красоте.

Я получил указание распространять послание всюду, где, на мой взгляд, есть уши, чтобы услышать. Наши наставники желают, чтобы человеческая раса постепенно поняла реальное положение вещей, с тем чтобы избежать потрясения или паники. Я один из тех многих, что выбраны нести людям благую весть.

Ситуация теперь достигла апогея. Самая идея прогресса была извращена, материализована. Она связана с тем, чтобы быстро ездить, быстро передавать информацию, строить новые машины и механизмы. Всё это лишь ублажение самого заурядного честолюбия. Подлинный же прогресс – это прогресс духовный. Человечество уделяет ему внимание только на словах, а на деле бежит ложною дорогой материального знания. Даже в области психических исследований существует особая порода психических изыскателей, совершенно не способных воспринять самое очевидное. Они злоупотребляют своими умственными затратками, сиюсь найти окольный путь, в то время как пред ними лежит прямая и свободная дорога, по которой они никак не желают идти. Когда человеческая раса начнёт наконец своё продвижение в это новое для неё царство*, данные интеллектуалы составят её абсолютный тыл.

CLXXIX

Высший Разум признаёт, что среди всей апатии, охватившей человечество, имеется также и много честного сомнения, переросшего допотопные религии и имеющего право на более свежие свидетельства, а не на те только, что были даны человечеству в античности. И вот свежие свидетельства эти были явлены нам, и они сделали жизнь после смерти столь же ясной и ослепительной, как ясно и ослепительно лишь солнце на небесах. И это-то свидетельство было высмеяно учёными, осуждено Церковью, сделано предметом насмешек для прессы и с презрением отброшено в сторону. Это было последним и крупнейшим прома-

* «Царство Божие», которое, как сказано великим Учителем, обретается только «внутри нас» (П.Г.).

хом человечества. Положение сделалось безнадежным. Ситуация вышла из-под контроля. После того, как дар небес был отвергнут, возникла нужда в самых крутых мерах. И гром грянул. Десять миллионов юношей остались лежать убитыми на поле брани, а двадцать миллионов других оказались искалеченными. Это было первое предупреждение Бога человечеству*. Но и оно было оставлено без внимания. Всё тот же тупой материализм, как и ранее, возобладал. Тем не менее снова человечеству были предоставлены годы на то, чтобы одуматься, но никаких перемен ни в чём так и не оказалось видно. Напротив того, к старым порокам нации добавили вороха новых, а всякий порок ведь необходимо требует своего искупления. И вот Россия стала выгребной ямой. Германия и не думала раскаиваться в своём поистине чудовищном материализме, ставшем первопричиной войны. Испания и Италия погрузились во мрак атеизма и предрасудка. Франция осталась без религиозного идеала. Англия оказалась во власти смятения и путаницы, переполненная твердолобыми сектами, напроць лишёнными силы и мысли. Америка злоупотребила предоставленными ей прекрасными возможностями и вместо того, чтобы стать младшей и любящей сестрой истерзанной Европе, затормозила в ней всякое экономическое восстановление, требуя денег; она обесчестила подпись собственного президента, а также отказалась присоединиться к Лиге Мира, в которой сосредоточилась тогда вся надежда на будущее и выживание человечества. Все, таким образом, прегрешили, но некоторые больше других, и кара всем будет отмерена в точной пропорции.

И кара сия грядёт. Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот – путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть.

* Напомним древнее изречение: кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума. И разума оказались лишены Германия, Россия, а вслед за ними и вся Европа, ибо то, что творилось в Европе и в России с 1914 года, весь этот кровавадный апофеоз глупости, можно объяснить только массовым ослеплением и помешательством (П.Г.).

Вот в точности слова, которые меня просили Вам передать:

«Мы не хотим, чтобы люди пугались, но чтобы они начали изменяться, развиваясь по более духовной линии. Мы не собираемся докучать людям, мы стремимся лишь подготовить их, пока ещё не поздно. Мир не может продолжать жить той жизнью, какой жил ранее. Иначе он разрушит самого себя. И прежде всего мы должны развеять тёмную тучу теологии, зависшую между человечеством и Богом.

Скоро придёт день, когда вся истина станет ясна, и все эти извращённые Церкви будут сметены с лица земли вместе со своими жестокими доктринами и карикатурами на Бога, каковые оне распространяют. Любовь! – это и всё, что требуется. Какое значение, во что вы верите, если только вы сами добры, кротки и бескорыстны, как Христос был кроток, бескорыстен и добр в давние времена?

Откройте людям всю правду о смерти. Бог желает, чтобы они её знали. Именно за этим Он и позволяет нам общаться с вами. Смерти нет. Это то же самое, как если бы вы просто перешли в другую комнату. Попад сюда, вы оказываетесь не в состоянии поверить в то, что вы уже умерли. И мы тоже не могли поверить в это. Скажите людям всю правду! О, насколько же она важнее всего, о чём вы говорите между собою. Если бы ваши газеты – хотя одну неделю – уделили столько внимания психическим темам, сколько посвящают его футболу, то правда о жизни после смерти стала бы известна всем.

Когда мы говорим о материальном или механическом прогрессе, мы не можем не понимать, что прогресс этот ложный – это не настоящий прогресс. Если вы сконструировали автомобиль для того, чтобы проехать на нём тысячу миль в год, а затем придумали новый – для того чтобы в следующем году можно было проехать уже две тысячи миль, то не думайте, что достигли тем вершины прогресса! Мы же хотим для вас прогресса истинного: чтобы вы поняли силу разума и духа, удостоверились в том, что мир духов реально существует.

Мы можем оказать неоценимую помощь в достижении настоящего прогресса, если только люди всей Земли помогут нам

в этом, но мы не можем навязывать свою помощь силой тем, кто не готов принять её. Это ваша задача – подготовить людей к этому. Некоторые из них безнадежно невежественны, но мы должны заронить в них семена прогресса, даже если не сможем увидеть их всходы.

Духовенство ограничено в своих идеях и повязано системой, которая, на наш взгляд, давно устарела. Воздействовать на людей устаревшими взглядами – это всё равно что пытаться накормить их вчерашним обедом. Мы хотим свежей духовной пищи, нас не устраивают объедки. Мы знаем, насколько совершенен и велик Иисус, прекрасно ощущаем его силу и любовь. Он может помочь всем нам, но Христос всегда разжигал в наших сердцах яркий костёр, а не ворошил старые угли.

Вот, чего мы хотим – огня энтузиазма, который будет разожжён на алтарях Знания и Воображения. Многие люди пытаются быть энтузиастами, используя своё воображение, но не знают того, что воображение – лишь врата познаний. Церкви дано право учить людей, но она не может осуществить его.

Кто-то должен показать, как действует спиритическое Учение на практике. Тот мир, в котором вы живёте, предоставляет вам единственную возможность воплотить своё знание и веру в действии. На нашем духовном уровне знание и вера – это дело, а не теория, и оно сразу даёт плоды. К сожалению, многие на Земле на словах согласны с этим, но дальше слов не идут. Церковные проповедники учат, но не могут подкрепить своё учение реальными делами. В этих целях иногда бывает полезна даже простая грифельная доска, в которой мы зачастую так нуждаемся. Вы должны не только читать лекции, но и – для большей наглядности – отображать свои тезисы на грифельной доске. Таким образом, физические явления могут совершить переворот в сознании.

Нам трудно бороться за нашу веру, потому что против нас выступает мощная коллективная сила. Но когда наступит переворот в сознании людей и они отринут своё невежество и тупой антагонизм, это немедленно расчистит дорогу значительно более полному проявлению наших сил, чем те, которые мы можем продемонстрировать на сегодняшний момент.

На преодоление этой стоящей перед нами стены мы тратим

более девяноста процентов наших сил. На что они уходят? На поиски слабых мест в стене невежества, которая разделяет нас. Многие из вас подтачивают и крушат эту стену со своей стороны, чтобы помочь нам пробиться сквозь неё. Вы помогаете нам, потому что не вы выстроили эту стену. Пройдёт ещё немного времени, и мы разрушим её и объединимся. И это будет кульминацией всех усилий: мы увидим встречу духа и материи».

Вот что мне было велено передать Вам. Распространяйте эту весть всюду, где только могут быть души, способные воспринять её. Говорите им: «Покайтесь! Переделайтесь! Настало время».

CLXXXI

Пусть все исследователи никогда не отчаиваются в возможности получения личных доказательств продолжения жизни после смерти, но упорно продолжают работу, невзирая на любое количество неудач, пока наконец убеждённости не придёт к ним. А она непременно придёт. Пусть исследователь сперва заслужит успех своим терпением и серьёзностью – и он достигнет успеха. Но, самое главное, пусть каждый искатель истины помнит, что явления – это лишь средство для достижения цели, само по себе не имеющее смысла и полезное лишь в силу того, что оно даёт нам уверенность в существовании жизни после смерти, и к этой жизни мы должны подготавливать себя, изгоняя прочь все наши низменные животные чувства и поощряя возвышенные благородные порывы. Если человек переступает порог сеансной комнаты не с этими мыслями, то весь сеанс опускается до уровня театра или цирка, т.е. делается обычным прибежищем для увеселения глупого и праздного любопытства. Пусть человек осознает, что душа человеческая, выходя из телесной оболочки, определяет свою судьбу в точном соответствии со своим состоянием; что это состояние зависит от общего итога его дел и мыслей при жизни в теле; что всякий злой поступок запечатлевается в духе и влечёт за собой соответствующее ему наказание с тою же определённой, с какою человек, шагнувший из окна третьего этажа, упадёт на землю; что ни запоздалое раскаяние, ни какие-либо уловки не помогут злодею укрыться от по-

следствий его собственных действий, и что закон этот претворяется сам собою и неотвратно*. Таков, я думаю, урок, преподанный нам Спиритизмом, а всяческие явления и феномены – лишь свидетельства истинности этого ключевого, наиважнейшего факта.

CLXXXII

Некоторые из интересующихся Спиритизмом утверждают, что публикация предсказаний, касающихся будущего нашего мира, в тех случаях, когда такие предсказания могут встревожить людей, должна решительно пресекаться. Это вопрос, о котором я много с тревогою думал, поскольку я не только получал такие пророчества, сделанные в очень настойчивой и детализированной форме, но и большое число независимых подтверждений, поэтому мне трудно усомниться в том, что за всем этим лежит некоторая основательная истина**.

Наш собственный рассудок всегда должен быть последней инстанцией в суждениях о такого рода вопросах, но нельзя всецело отметать и взгляды, выдвигаемые нашими незримыми коммуникаторами, в особенности, когда другие их сообщения указывают на их мудрость и познания. Если сведения, сообщаемые ими, мы принимаем серьёзно, то так же серьёзно мы должны отнестись и к их советам о том, как сообщения эти использовать.

* Здесь хочется привести и слова Дж. Конрада: «Каждый шаг – поступок: за него неизбежно приходится отвечать. И тщетны слёзы, скрежет зубовный и сожаления слабых, кто мучается, объятый страхом, когда приходит миг оказаться лицом к лицу с последствиями собственных действий» (П.Г.).

** Уже после смерти Конан-Дойль по этому поводу сказал: «Почему я в своё время был буквально осыпан всеми этими пророчествами о несчастьях и катастрофах, к которым идёт человечество? Потому, как я вижу теперь, что я был как бы осью вращения, точкой опоры. Тысячи людей в ту пору прислушивались к моим словам. Именно поэтому мне было предназначено послужить Великому Белому Братству, чтобы дать людям более чистое, более истинное и точное знание о жизни в потустороннем мире». См. «Посмертное послание человечеству» (П.Г.).

Верно ли, ошибочно ли – лишь будущее может показать это, но они утверждают, что определённые изменения, духовные и физические, вскорости произойдут на Земле. И изменения эти должны быть вызваны ослаблением материализма и усилением духовности – словом, более серьёзной оценкой целей человеческого существования*. Если послания из мира потустороннего в какой-то степени содействуют этой перемене в мышлении, то ясно, что они не могут быть целиком пресечены.

Опять-таки они заявляют, что если бы такие события произошли внезапно и стремительно и оказались бы для нас совершенно неожиданными и необъяснимыми, то они нанесли бы гораздо более сокрушительный удар по человеческому уму – именно в силу своей непредвиденности. Поэтому хотя бы самое смутное предвидение их должно у нас существовать, и конечная цель, к которой всё это сводится, должна быть нами понята. Цель эта, как объясняется в посланиях, исключительно благотворна, сколь бы мучительным ни показалось применяемое к нам лечение, ибо ею является исцеление человечества, которое пробудит его от сонной болезни, во власти каковой оно в настоящее время находится.

Поэтому я полагаю, что мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых ими выводов, а это проявится как раз в том, что мы не будем поднимать по этому поводу сенсационных споров, но спокойно подготовимся вместо этого к тому, чтобы там, «где есть ухо, чтобы услышать», произошла соответствующая передача информации, а также общее и постепенное распространение новостей и доказательств среди тех, кто может вести и поддерживать людей в случае какого-либо космического кризиса.

Иногда я получаю и более решительные советы. «Внедрите эти идеи в сознание людей, и пусть они живут в них. Неважно, если это их испугает: они сонны и погружены в летаргию». Хотя я и чувствую, что время для таких действий ещё не пришло, тем не менее этот совет моего главного информатора является путём, которым мне следует идти. Я надеюсь, что, прочитав это, многие осознают, что решение такого вопроса не настолько

* Судя по всему, с освобождением России от большевистского ига время это для человечества наступило (Л.Г.).

просто, как им бы хотелось, и не зависит исключительно от нас самих.

CLXXXIII

Некоторые люди не являются сторонниками общения с умершими по той причине, что это якобы препятствует продвижению отошедших. Но этому нет ни малейшего доказательства. Утверждения самих духов говорят как раз об обратном: они заявляют, что общение с теми, кого они любят, очень помогает им и придаёт сил. Не так много, на мой взгляд, существует трогательных в своём простом юношеском красноречии страниц, как те, на которых Рэймонд* описывает чувства погибших на войне юношей, желающих послать весть родным и встречающих постоянной помехой этому стену невежества и предрассудка в умах последних. «Вам мучительно думать о том, что сыновья ваши умерли, и всё же множество людей думает именно так. Мне ещё более мучительно слышать, как мальчики говорят мне, что никто больше не хочет с ними разговаривать. Это ранит меня очень больно».

CLXXXIV

Положение в целом сводится, на мой взгляд, к следующей альтернативе: либо надо предположить, что случилась невероятная, невероятная, массовая эпидемия сумасшествия, охватившая два поколения и два континента и поражающая мужчин и женщин во всех остальных отношениях в высшей степени здоровых; либо же приходится допустить, что за несколько лет из

* «Рэймонд» – название книги сэра Оливера Лоджа, выдающегося английского физика и проповедника Спиритизма. Рэймонд – имя сына учёного, который был военным инженером и погиб во время Первой мировой войны. В книге содержится большой объём фактического и теоретического материала, касающегося проблем Спиритизма. Особенность книги заключается в том, что основу её составляют спиритические послания Рэймонда Лоджа своим родителям (П.Г.).

Божественного источника до нас дошло Новое Откровение, которое далеко превосходит самые крупные религиозные события, происшедшие после смерти Христа, ибо Реформация была всего лишь оживлением омертвело католицизма, тогда как данное откровение напрочь изменяет лицо самой смерти и всю судьбу рода человеческого. Между этими двумя предположениями нет места колебаниям: мнение, согласно которому Спиритизм лишь обман да ложь, не выдерживает никакой критики и не может устоять перед очевидностью. Либо явное безумие, либо же идейная революция, позволяющая нам бесстрашно смотреть смерти в глаза и являющая собой для нас великое утешение в ту годину, когда те, кого мы любим, уходят от нас в мир иной.

CLXXXV

Люди самых высоких моральных качеств не только в этой стране, но и в Америке, Франции, Германии, России и Италии подтвердили наблюдения друг друга, и многие, бывшие поначалу материалистами, смогли впервые получить более широкое представление о Вселенной благодаря именно психическим исследованиям. Некоторые смогли притти к таким результатам благодаря вере, но поскольку разные религии ведут человека по разным направлениям, то ему оказывается затруднительным узнать, какой же из них он должен следовать, если только он не достаточно самонадеян, чтобы поверить, будто ему посчастливилось родиться именно там, где религия исповедуется истинная.

Лично я не знаю, не ведаю ни одного весомого довода в пользу продолжения нашей жизни после смерти (ведь все аналогии, имеющиеся в природе, на первый взгляд дают нам доводы как раз против такого её продолжения), помимо того только, который доставляется нам опытами в психических исследованиях. В самом деле, можно сказать, что единственный убедительный ответ материализму заключается именно в феноменах Спиритизма.

Эта тема имеет глубокое религиозное значение. Есть, на мой взгляд, нечто крайне удивительное в том, что Церкви проявляют так мало интереса к психическим исследованиям. Этот пред-

мет затрагивает самые основы существования Церкви. Это единственный путь доказать самостоятельность души, и по меньшей мере он означает собой *возможность* её существования отдельно от органов тела. Если мы признаём факт, что привязанный воздушный шар может висеть в воздухе и быть отдельным от того, к чему он привязан, то нетрудно сделать и следующий шаг, признав существование этого шара и после того, как привязывающая его к земле нить оборвётся. Самые последние успехи знания – а каждый такой успех воистину возобновлённое Божественное Откровение – даёт нам причины для уверенности в том, что это так и есть. Мейерс, Герней и Ходсон – такие же посланцы истины из Мира Потустороннего, как Исайя или Амос, но только по британской моде они говорят холодно и ясно, не прибегая к страсти и декламации, украшающей речь на Востоке. Их послание коснулось слуха многих и укрепило их дух, но оно, как мне кажется, не оказало никакого прямого религиозного влияния, чего мы вправе были бы от него ожидать. Лично мне не известен ни один довод в пользу сохранения нашей индивидуальности после смерти, помимо фактов, доставленных психическими исследованиями. Но они настолько сильны, что должны перевесить все прочие, подобно тому как положительное всегда должно перевешивать отрицательное. Одна сотня тщательно наблюждённых, изученных и удостоверенных фактов будет всегда более убедительна, нежели миллион отрицаний, не подкреплённых исследованием.

CLXXXVI

Многие спириты придерживаются той точки зрения, что со времени, как мы узнали все эти утешительные и восхитительные вещи (а мир человеческий предпочитает по-прежнему их игнорировать и не принимает в расчёт наших доказательств), мы имеем право довольствоваться своей собственной счастливой уверенностью. Такая точка зрения представляется мне безнравственной.

Если Бог послал на Землю некое новое великое послание, исполненное огромной радости, то тогда долг для всех нас, кому

оно было ясно открыто, передать его людям, каких бы трудов, лишений, времени и денег это нам ни стоило. Откровение это даётся нам не для эгоистического удовольствия, но для общего утешения. Если больной отказывается от врача, то ему нельзя помочь, но ему по крайней мере должно быть предложено лекарство. Это новое знание очистит и уже очищает землю и революционизирует человеческие взгляды по всем вопросам, за исключением только основ морали, которые незыблемо покоятся на христианских принципах. Все современные изобретения и открытия погрузятся в незначительность рядом с теми психическими фактами, которые в скором времени станут довлеть над общечеловеческим умом.

Предмет был затемнён открыванием всевозможных боковых выходов – некоторые из них довольно интересны, хотя и не имеют жизненно важного значения, другие же совершенно к делу не относятся. Есть целый класс исследователей, которые любят блуждать вокруг да около и тянуть других за собой, если те достаточно слабы, чтобы принять такое водительство. Подобного рода исследователи постоянно силятся найти объяснения, выходящие за пределы возможностей их собственного ума, и никогда не могут согласиться с тем, что простое и очевидное объяснение также может оказаться истинным. Всё горе таких исследователей идёт от их ума, ибо они пользуются им для того, чтобы избежать прямого пути и протоптать какую-то странную окольную тропу, в конце концов заводящую их в тупик, и это в то самое время, как прямой и честный ум твёрдо держится широкой дороги знания*. Когда я встречаю людей подобного типа и затем общаюсь со скромными конгрегациями религиозных спиритуалистов, то всегда думаю о словах Христа, в которых он благодарит Бога за то, что Тот открыл вещи эти младенцам и сокрыл их от учёных и мудрых, которые себе на уме. Я думаю также об изречении барона Рейхенбаха: «Научный скептицизм может иногда превзойти в глупости даже тупость невежды».

Можно, помимо того, вспомнить и слова великого пионера английского Спиритизма, сэра Вильяма Баррэта: «Скептицизм,

* Ничего удивительного. Герцог Ларошфуко говорит: «Люди часто пользуются своим большим умом, чтобы делать ещё большие глупости». И английская пословица гласит: «У кого много ума, тому надо иметь его ещё больше, чтобы уметь управлять им» (П.Г.).

в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

Закрытый ум – это признак, по которому узнаётся душа, прикованная к земле, а это последнее обстоятельство неизбежно означает мрак и страдания в будущем. Если вам известно о надвигающейся опасности – вы можете избежать её. Если же вы ничего не станете делать, то подвергнете себя серьёзному риску. Тут уж потребен некий Иеремия или Савонарола, для того чтоб прокричать это в уши миру. Необходима совершенно новая концепция греха. Конечно, едва ли стоит смотреть сквозь пальцы на сугубо плотские слабости человечества, слабости тела, но оне не самая серьёзная часть человеческой порочности, которая ожидает своей расплаты. Гораздо более серьёзными пороками являются закрытость ума, узость кругозора, фанатизм, материализм – словом, грехи не тела, но духа, ибо они действительно постоянны и обрекают человека на пребывание в самых низших слоях и самых низших мирах, пока он не извлечёт в них свой урок.

Чем труднее снести стену человеческой апатии, невежества и материализма, тем сильнее оказывается вызов, брошенный нашему мужскому началу и побуждающий нас нападать и вновь нападать с тою же настойчивостью бульдога, с какою Фош* атаковывал немецкие позиции.

CLXXXVII

Но как я могу знать, *что* есть истина, спрашивают меня. Да никак не могу. Но зато я знаю, и очень хорошо знаю, что истиной не является. И это, определённо, уже немало. Неправда то, что великий Вселенский Ум, спланировавший все и вся, был бы способен исполниться зависти и мести, а также жестокости и несправедливости. Это чисто человеческие свойства, и книга, приписывающая их Предвечному**, не может быть «богодухновен-

* Фердинан Фош (1851–1929) – маршал Франции, выдающийся полководец времён Первой мировой войны (П.Г.).

** Речь снова идёт о «Библии» (П.Г.).

ной», но также должна быть чисто человеческого происхождения. Неправда, что законы Природы могли оказаться произвольно нарушенными, что змеи говорили, что женщины превращались в соляной столб, что жезлами добывали воду из скал. Мы должны честно признать, что такие утверждения, услышав мы их впервые не детьми, а взрослыми, неизбежно вызвали бы у нас только улыбку. Неправда то, будто бы Источник всякой мудрости и здравого смысла мог наказать весь род людской из-за незначительной ошибки, совершённой когда-то человеком, уже давно умершим, и затем усугубить столь чудовищную несправедливость, переложив ответственность за все обиды на плечи одного-единственного безвинного козлика отпущения. Разве мы не видим, до какой степени подобная концепция лишена справедливости и логики, не говоря уже о милосердии? Как могли мы до такой степени ослепнуть? Отвлекитесь на минуту от подробностей, всмотритесь в идею, лежащую в корне общепринятой веры. Разве эта идея совместима с бесконечной мудростью и милосердием Создателя? А если нет, то что тогда остаётся ото всех догм, таинств, символов, ото всей системы, построенной на этом основании из песка и пыли? Мужайтесь, друзья мои! Грядёт минута, и всё будет откинуто в сторону. Так человек, когда силы к нему возвращаются, отбрасывает палку, которая была ему верной опорой в дни бессилия. Но на этом перемены для него не закончатся, потому что, перестав ковылять, он сможет не только ходить, но и бегать. Нет предела его возможностям – *не может* его быть, так как вопрос касается Беспредельности. Всё это, хотя и представляется сегодня слишком смелым, через тысячу лет будет выглядеть реакционно и вполне консервативно.

CLXXXVIII

Каждая ветвь христианства представлена в наших рядах, зачастую это оказываются и священнослужители самого разного ранга. Но в описаниях потустороннего мира, данных в Священных Писаниях, нет ничего определённого. Информация же, которой мы располагаем, описывает небо как мир, наполненный

радостным трудом и не менее радостной игрой со всеми родами умственной и физической деятельности, вынесенной из земной жизни, но перенесённой на более высокий уровень: небо искусства, науки, мысли и ума, созидания, борьбы со злом, домашнего уюта, цветов, далёких путешествий, спортивных игр и состязаний, соединения душ, полной гармонии. Вот что описывают нам наши «усопшие» друзья.

С другой стороны, мы слышим от них, и иногда напрямую, о разного рода «адах», каковые суть не что иное, как временные области очищения. Мы слышим о туманах, мраке, бесцельных блужданиях, умственном смятении, угрызениях совести. «Наше положение ужасно», – написал мне один из них на недавнем сеансе. Вещи эти и реальны, и живы, и вполне удостоверены для нас. Вот почему мы являемся огромной силой для воскресения истинной религии, и вот почему духовенство берёт на себя тяжёлую ответственность, когда оно выступает против нас.

Конечный результат нашего воздействия на научную мысль невообразим. Единственное, что вполне определённо, так это то, что источники всякой силы будут усмотрены скорее в духовных, нежели в материальных причинах.

В религии, быть может, можно видеть немного более ясно. Теология и догма исчезнут. Люди поймут, что такие вопросы, как число лиц в Божестве или непорочное зачатие, не имеют никакого отношения к развитию человеческого духа, которое является единственной целью жизни. Все религии станут равны, ибо все они воспитывают души кроткие и неэгоистичные, каковые суть избранницы Божьи. Христианин, иудей, буддист и магометанин соответственно сбросят различия своих учений и будут следовать собственным верховным Учителям по общему пути нравственности и забудут свою былую вражду, которая сделала религию скорее проклятием, а не благословением мира.

Мы будем в тесном соприкосновении с потусторонними силами, и знание вытеснит ту веру, которая в прошлом воткнула в землю дюжину различных указательных столбов, с тем чтобы они предопределяли путь по соответствующему числу разных направлений.

Таким будет будущее, насколько мне удаётся его разглядеть сквозь отделяющее нас от него расстояние. И всё это вырастет и

расцветёт из семени, которое уже посажено и за которым мы сейчас ухаживаем и которое поливаем посреди холодных порывов ветра этого враждебного мира.

CLXXXIX

Я питаю самое высокое уважение к человеческому телу и считаю, что оно было опорочено и оклеветано богословами и святошами: «наша грубая оболочка», «наша недостойная смертная плоть» – такие и другие подобные им выражения, на мой взгляд, являются скорее богохульством, чем благочестием. Не хвала Творцу поношение Его творения.

XCC

Мне, как медику, довелось однажды иметь дело с дерматоидной кистой, и я остался под неизгладимым впечатлением. Эти кисты представляются мне одной из мельчайших трещинок, через которую можно глубоко заглянуть в тайну лабораторий природы. Пациент пришёл к мне со вздутием над бровью. Вскрыв его, полагая, что это нарыв, я обнаружил внутри немного волос и рудиментарную челюсть с находящимися в ней зубами. Подобные случаи в хирургии не редкость, и нет такого мучения патологии, в котором не имелось бы тому примеров.

Но о чём это нам говорит? Столь удивительное явление должно иметь глубокий смысл. И он, по моему мнению, может состоять лишь в том, что *каждая* клетка в теле обладает определённой латентной силой к воспроизводству всего индивидуума, вернее сказать, его физической оболочки, часть которой она составляет. И, может быть, при каких-то особых обстоятельствах, связанных, например, с какими-то нервными и вазулярными возбуждениями, одна из этих микроспопических единиц телесной структуры берёт и вдруг делает неуклюжую попытку в данном направлении.

Я считаю, что в будущем человечеству предстоит открыть несколько плазматических форм разной степени активности, что приведёт к возникновению новой науки, лучшим названием для которой будет «плазмология». Я также убеждён, что все психические явления во внешней среде, включая ясновидение, станут предметом исследования учёных-плазмологов. Я уверен, что все явления такого свойства, происходящие через посредство медиума, имеют один источник. Так, ясновидящий медиум может так же успешно «излучать» подобную субстанцию, которая образует вокруг него особую атмосферу, позволяющую духу проявляться перед тем, кто обладает необходимой силой восприятия. Подобно метеориту, который, пронзая атмосферу Земли, вспыхивает на мгновение, дух, проникающий в психическую атмосферу эктоплазмы, становится заметным для медиума лишь на краткий миг. Подобные рассуждения выходят за пределы известных нам теорий, но Тиндаль показал, как такие гипотезы могут дать ростки истины. Причина, по которой одни люди могут видеть призраков, а другим это не дано, кроется в том, что некоторые призраки при своём проявлении облачаются в покровы эктоплазмы, а другие – нет.

ХССП

Одна из любопытных особенностей теологического склада ума состоит в неспособности удержаться от заявлений, которые основываются на спорной предпосылке, полагая её заранее для себя разрешённой. Я должен также отметить, что некоторые из моих преподобных критиков, по всей видимости, унаследовали духовный дар прорицания, поскольку они нападают на меня прежде, чем узнают, *что* я скажу.

Некоторые из церковнослужителей называют меня агностиком. Какою бы ни была моя личная вера, этот вопрос представляет для других весьма микроскопический интерес. Но поскольку слово сказано, то я должен заявить, что не являюсь агностиком, хотя и выказываю к этой школе мысли то уважение, кото-

рое питаю ко всем серьёзно мыслящим людям. Я сторонник христианской системы в её простейшей и наименее догматической форме, поскольку в целом она есть самая благородная школа мысли, выработавшаяся по ходу развития земного человечества, хотя она и была настолько сильно обременена фанатиками и формалистами, что порой вообще затруднительно увидеть её первоначальные черты. Не бритая голова (или чрезмерно длинные волосы и окладистые бороды, как то принято в православии. — П.Г.), но всеохватывающее милосердие в сердце составляет суть этой веры. Я являюсь также убеждённым теистом и глубоко верю в непосредственное влияние, которое Направляющая Сила оказывает на дела этого мира. Высшая вера и высшая наука для меня сливаются воедино.

Я страстно выступаю в поддержку полной свободы совести и считаю, что любая заскорузлая догма недопустима и в сущности антирелигиозна, поскольку голословное заявление она ставит, вытесняя логику, во главу угла, чем провоцирует озлобленность в большей степени, нежели любое иное явление общественной жизни. Нет, наверное, ни одной книги, в которой я не пытался бы выразить это своё убеждение. Я терпим в своих религиозных взглядах, основывающихся на почтительном теизме, а не на учении той или иной секты. Думаю, самый благоприятный с точки зрения счастья человечества ход развития религиозной мысли в будущем состоит в том, чтобы представители различных вероисповеданий обратили своё внимание на имеющуюся между ними общность вместо того, чтобы делать упор на разделяющие их догматические и ритуальные элементы, к сути христианства не имеющие никакого отношения.

Наконец, я должен сказать, что не верю в то, будто Божественное Послание человеческой расе было раз и навсегда передано две тысячи лет назад, но считаю, что каждое произведение в прозе или стихах, при условии, что оно содержит в себе нечто полезное для индивидуальной души, является в определённом смысле посланием Мира Иного — посланием, которое растёт и развивается, как то и положено всему живому.

Свои размышления на эту тему мне бы хотелось дополнить словами поэта, созвучными с тем, что было сказано выше: «Все системы и школы нашей мысли преходящи: оне приходят в свой

день и затем исчезают. Но все они суть искры, вспыхивающие от света Твоего, ибо Ты, Господь, ярче их всех»*.

ХССIII

Каждый из нас идёт своей дорогой. Почему я должен обращаться других в свою веру? Мне не хотелось бы ради абстрактной истины лишать других людей их детской веры, которая облегчает им жизнь и делает её богаче. В своих бессвязных записках я дал бы неверное понятие о себе, коли вы смогли бы углядеть в них ожесточение против общепринятых форм веры. Я далёк от того, чтобы утверждать, будто они все ложны; и я гораздо лучше выражу свою позицию, если скажу, что все они истинны. Провидение не пользовалось бы ими, не будь они наиболее подходящими и в этом смысле божественными орудиями. Но то, что они содержат *окончательную* истину, это я отрицаю, с этим я согласиться не могу. Более простая и более вселенская вера займёт их место, когда ум человеческий созреет для такой перемены. И я верю, что эта новая религия будет основываться на тех критериях абсолютной и доказательной истины, о которых я говорил. Но старые религии до сих пор более подходят к складу некоторых умов и возрастов. Если они достаточно хороши для Провидения, дабы пользоваться ими в Своих целях, то они достаточно хороши и для нас, чтобы мириться с ними. Нам остаётся только ждать выживания самой истинной. Если и казалось, что я говорю что-то против них, то на самом деле я говорил против их сторонников, желавших бы ограничить благодать Всевышнего лишь незначительной группой своих приверженцев или тех, кто желает замкнуть религию за Великой Китайской стеной, не позволяя ей принять в себя новооткрывшиеся истины и без всякой надежды на развитие в дальнейшем. Именно с такими людьми первопроходцы прогресса не могут заключить перемирия.

* Our little systems have their day;
They have their day and cease to be;
They are but broken lights of Thee;
For Thou, oh Lord, art more than they.

XCCIV

Известный английский поэт, литературный критик, тонкий мыслитель Джеральд Массей в следующих выражениях высказал своё отношение к Спиритизму: «Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием Неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего более походит на морское плавание, совершаемое при задраенных люках в тёмном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только мерцанье свечи; и вот как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звёздной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадом огней во славу Творца».

XCCV

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские основания сомневаться в здравости собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь завесу, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто *вера*, и это — *знание*. Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не ВЕРЮ, я ЗНАЮ.

XCCVI

Можно было бы на этом поставить точку. В своём повествовании я предпринял попытку показать, как вполне материальные знамения, дарованные невидимыми правителями Земли, утолили жажду вещественных доказательств, в которых так нуждалось мыслящее человечество. Эти материальные знаки сопровождались спиритическими сообщениями, возвращавши-

ми нас к великим и простым религиозным истинам, к огню вдохновения, вспыхнувшему некогда ярким пламенем вероучения и угасшему со временем. Человечество утратило контакт со сверхъестественными силами, окружавшими его, и стремление к познанию оказалось в тисках сомнений, ограничивающих способность к восприятию нового учения. Спиритизм – величайшее движение, возникшее за последние два столетия – избавил человечество от той тьмы, в которую оно было погружено. Учение придаёт людям новые силы и раскрывает безграничные перспективы, простирающиеся далеко за пределы человеческого влияния. Уже виден пик этой вершины, и солнце озаряет наши земные долины светом истины.

ХССVII

Когда я размышляю о будущем человеческой расы, мне вспоминается, как однажды, стоя среди холодного и унылого нагромождения скал и снега на вершине альпийского перевала, я смотрел вниз на раскинувшийся вдали ландшафт Ломбардии, купавшейся в лучах солнечного света. Великолепная панорама голубых озёр и зелёных холмов тянулась в бесконечную даль и расплывалась в золотистом тумане, окутывавшем далёкий окоём. Точно так же у самых наших ног сейчас лежит Земля Обетованная, в сравнении с которой, когда мы достигнем её, земля нашей нынешней цивилизованной жизни покажется нам скудной и бесплодной. Уже авангард наш преодолел перевал. И ничто не препятствует нам теперь достичь этой чудесной страны, горизонты которой вполне явственно раскинулись перед взором тех, кто открыл свои глаза, дабы увидеть мир, нас ожидающий.

ХССVIII

Человек идёт из тьмы в свет. Пробыв некоторое время в свете, он идёт опять во тьму. Наши дни кратки, не будем же тратить этих дней попусту. Немного их в нашем распоряжении. Помните ли, что говорит Петрарка: «Начинающему жизнь кажется

бесконечной, а уходящему в вечность она представляется ничтожеством». Каждый день, каждый час нашей жизни должен проходить в служении Творцу. Мы должны развивать все начатки добра, заложенные в нашей душе. Что такое наши горести, тревоги и болезни? Это – облака, которые закрывают солнце только на одно мгновение. Суть жизни заключается в том, чтобы сделать хорошо то, что ты был должен сделать. Вот где вечность, вот что переживёт века. Итак, не давай себе отдыха. Успеешь отдохнуть, ибо смертный час недалёк.

XCCIX

Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма – вот движущая сила всякого нравственного развития. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет. Проникнитесь этой величественной истиной!

1899 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна Грейт-Вирли (Джон Диксон-Карр, пер. И. Можейко)	5
--	---

СТРАННЫЕ УРОКИ, ПРЕПОДАННЫЕ ЖИЗНЬЮ (пер. П. Гелевы)

Кровавая расправа на Мэнор-плейс	14
История любви Джорджа Винсента Паркера	27
Сомнительное дело об убийстве Мэри Эмслей	40

ПУБЛИЦИСТИКА (1879–1930 гг.) (пер. В. Полякова)

Предисловие русского издателя (Павел Гелева)	52
--	----

Гельсеминий и его ядовитые свойства	54
Об одном случае лейкоцитамии	55
Постановление о распространении заразных заболеваний	57
Обращение к Ассоциации молодых христиан Портсмута и их преподобному критику	58
Об американских медицинских дипломах	59
Подагра и наследственные осложнения	61
Карлейль: философ и личность	62
О проекте строительства спортивных площадок в Норт-Энде	65
Платформа юнионистов	68
О Королевском мемориале	69

О всеобщей вакцинации населения (1)	70
О всеобщей вакцинации населения (2)	73
Либеральные юнионисты	76
Подоходный налог и его расчёт	77
О лечении туберкулёза	78
«Во имя Нельсона»	82
Британия и Чикагская выставка	83
Протест доктора Конан-Дойля	84
Ещё одно письмо доктора Дойля	84
«Эстер Уотерс» и библиотеки	85
О бойкоте «Эстер Уотерс»	86
Г-н Конан-Дойль и Америка	88
Лекции в Америке	88
Письмо д-ра Дойля	90
«Таинственные истории»	90
Англия и Америка	91
Дело миссис Касл	94
Последний исторический казус доктора А.Конан-Дойля (1)	95
Последний исторический казус доктора А.Конан-Дойля (2)	97
О литературном этикете	98
Юбилей Нельсона (1)	100
Юбилей Нельсона (2)	100
Этические нормы литературной критики (1)	101
Этические нормы литературной критики (2)	104
Этические нормы литературной критики (3)	105
Война и добровольцы	106
Военное ведомство и изобретатели	106
Мистер Конан-Дойль и ведение обстрела под высоким углом	109
Эпидемия брюшного тифа в Блумфонтейне	111
К избирателям центрального Эдинбурга	115
Доктор Дойль и «Реформ-клуб»	117
Доктор Дойль и его работа в Южной Африке	118
Южный округ Дублина	118
Доктор Конан-Дойль и Католическая церковь	120
Выборы в южном Дублине	122

Доктор Дойль о раннем закрытии магазинов	125
Уроки Южноафриканской войны (1)	125
Уроки Южноафриканской войны (2)	129
Мистер Дойль и реформа армии	131
Подданные Её Величества	132
О гражданских стрелках (1)	133
Доктор Конан-Дойль поддерживает наши требования	135
О гражданских стрелках (2)	136
Стрелковый клуб в Андершоу	139
О южноафриканских игроках в крикет (1)	140
О южноафриканских игроках в крикет (2)	140
О взрывах на железных дорогах (1)	142
О взрывах на железных дорогах (2)	143
Письмо мистера Конан-Дойля в свою защиту	144
О фотографии Лиззи ван Зиль	145
«Причины и методы ведения войны» (1)	146
Война и европейское общественное мнение	149
Обращение доктора Конан-Дойля к нашим читателям	150
«Причины и методы ведения войны» (2)	151
«Причины и методы ведения войны» (3)	156
О новом протекционизме (1)	158
О новом протекционизме (2)	162
Конан-Дойль и его автомобиль	163
К 25-летию газеты	165
Сэр А.Конан-Дойль о рыболовном законодательстве	166
Мистер Бальфур и город Брэдфорд	166
Торговля твидом	167
В поддержку протекционизма	168
Ещё одно слово в защиту протекционизма	168
Дело «Каролины»	171
Мистер А.Л.Браун и сэр Артур Конан-Дойль	171
Стрельба как национальный вид спорта	174
Платформа сэра А.Конан-Дойля	177
И снова о мотофобии	178
О финансовой политике	180
К дискуссии о свободной торговле	181
Споры о финансовой политике	182
К избирателям приграничных районов	185

Чемберлен и Бёрнс	188
Сэр Артур Конан-Дойль и тарифная реформа	189
Автомобили и прибрежная оборона	190
Воскресные стрельбы	192
Книжная война	193
Сэр Артур Конан-Дойль и мистер Перрис	194
Дело Джорджа Эдалджи (1)	195
К вопросу о зрении	196
Дело Эдалджи (1)	197
Дело Эдалджи (2)	197
Последнее слово в деле Эдалджи	199
Дело Эдалджи (3)	201
Дело Эдалджи (4)	203
Дело Эдалджи (5)	205
Дело Эдалджи. Заявление в Палате общин	205
Письма Эдалджи	206
К предстоящим дебатам по делу Эдалджи	210
Дело Джорджа Эдалджи (2)	211
Дань уважения Дорандо	212
О «поселении йоменов»	212
Англия и Конго (1)	213
Англия и Конго (2)	217
Конголезский вопрос	218
О бельгийских опровержениях	220
О конголезском вопросе	220
О Конго	221
Преступления в Конго	223
Конголезский займ	224
Реформы в Конго	224
Йомены будущего	227
О подготовке кавалеристов	229
О кавалерийской подготовке	233
О реформе в Конго	234
Королевская декларация	234
Мистер Гусмен и цензура	235
Человек или морская свинка?	236
Бельгия и Конго	236
Предупреждение	237

Великобритания и Бельгия	237
Пробег принца Генри	239
Гомруль. Моя позиция по данному вопросу (1)	240
Гомруль. Моя позиция по данному вопросу (2)	242
И вновь о войне-добровольце (1)	243
Ещё раз о войне-добровольце (2)	243
О проблемах брака	244
О разводе (1)	245
О разводе (2)	246
Каучуковые злодеяния	247
О «мирной Ирландии» (1)	249
О «мирной Ирландии» (2)	249
О Гомруле	250
Мистер Бернард Шоу и «Титаник»	251
Мистер Шоу и сэр А.Конан-Дойль	254
Волнения рабочих. Ответ мистеру Уэллсу	254
Империя и Олимпийские игры	259
О нашем олимпийском фиаско	260
Об Олимпийских играх	260
Британия и Олимпийские игры	263
«Дело Оскара Слейтера»	264
Дело Слейтера (1)	265
Дело Слейтера (2)	266
О туннеле под проливом	267
Об Олимпийском комитете	268
О лорде Уолсли	270
Туннель под проливом (1)	271
О португальских политзаключённых (1)	272
О португальских политзаключённых (2)	273
Спячка перед Олимпиадой	275
Британский Олимпийский совет	277
Туннель под проливом (2)	278
Олимпийские игры	280
Об Олимпийском фонде (1)	283
Об Олимпийском фонде (2)	284
Некоторые соображения о Фонде поиска олимпийских талантов	284
О реформе брачного законодательства	287

Туннель под проливом (3)	290
Законопроект о запрете на ввоз птичьего оперения	291
Мои прогнозы и состояние финансов	292
О кентском угле	293
Националисты и вопрос о разделении округов	295
Лорд Хью Сесил и реформа брачного законодательства	295
La «Force mystérieuse»	296
О романе «В ядовитом поясе»	297
Ирландский компромисс и католические графства Ирландии	298
Ирландский компромисс. Политика уступок как альтернатива применению силы	300
Дело Оскара Слейтера (1)	301
Об Ирландии и Империи	304
О наших скрытых резервах	305
О гражданском национальном резерве	307
О подводных минах	307
О спасательных средствах для боевых кораблей	308
Спасательные круги для моряков	308
Мобилизация в Истбурне	309
«Опасность!»	310
О добровольческом гражданском резерве	310
Воинский призыв и как ему способствует пресса	311
О подготовке добровольческих подразделений	311
Сэр Роджер Кэйзмент	312
О подготовке добровольческих отрядов	313
О спасении жизней на море	314
Германская политика: ставка на убийство	316
Униформа для волонтеров	320
Об отношении к военнопленным	320
Об антиалкогольной кампании	322
Оборонная гвардия	322
Об использовании бронированных защитных средств	324
Об обязательной службе в армии	326
Возмездие	330
Об ударах возмездия с воздуха (1)	330
Об использовании добровольцев	331

О превентивных мерах	333
Предсказание господина Уэллса	335
Об ударах возмездия с воздуха (2)	336
О политике преднамеренного убийства	337
Об ударах возмездия	338
Упущенная возможность	339
Сдача Кута	340
О правосудии в Ирландии	342
О проекте строительства туннеля под проливом	342
Нательная броня и щиты	343
Волонтёры и униформа	345
И снова о нательной броне	346
О нательных щитах	347
Фильмы из Сомма	348
Сообщение генерала фон Арнима	349
Ирландия и война	350
Солдаты в Лондоне (1)	351
Солдаты в Лондоне (2)	352
Солдаты в Лондоне (3)	354
«Британская кампания во Франции»	354
О превосходстве британского солдата	355
Угроза от субмарин	357
О «заслугах» партии Шинн Фейн	357
О британской кампании 1915 года	358
Британские жёны немцев (1)	359
Британские жёны немцев (2)	360
Развод и разделённые семьи	360
Насилие и брак	361
Развод и временное разделение семей	362
О пользе ненависти (1)	363
О пользе ненависти (2)	366
Германские преступления и наглядная агитация	368
Синод и вопрос о разводе	369
О морских госпиталях	372
Ирландия и всеобщая воинская повинность	372
Преступные налёты на госпитали	373
О судьбе наших военнопленных	374
Откровения Тиссена	375

О наших военнопленных	375
Германские военные преступники	376
Развод и епископы	376
Эпсомский инцидент	377
О спекуляции	378
О положении дел на овощном рынке	380
Производители, продавцы и государство	381
Об отношении британцев к Германии	383
О германских военных преступниках	383
О бракоразводном законодательстве	384
О боевом духе. Письмо Джимми Лоуэсу	385
Пропаганда в Индии (1)	386
Призыв из иного мира	387
Речь короля	388
Ирландский сепаратизм	388
Крах британской промышленности	389
Зелёное излучение	390
Туннель под проливом (4)	390
О компенсации за Дарданеллы	391
«Внешние пределы»	392
Ответ «Психону»	393
Воскресный день на Уэмбли	393
О достоинствах бейсбола	394
Новинки американской литературы	395
Неплательщиков – в чёрный список	395
Армия Китченера	396
Об ирландской присяге	396
Дело Оскара Слейтера. Заявление Хэлен Лэмби	397
Дело Оскара Слейтера: фарс 1914 года	398
О преступлениях-рецидивистах (1)	400
О возможных изменениях океанских глубин	401
Памяти Томаса Гарди	402
Дело Оскара Слейтера (2)	402
Дело Оскара Слейтера (3)	403
Национальный мемориал «Женщины Блумфонтейна»	404
Дело Оскара Слейтера. Финансовые издержки	404
Скандал с апелляцией	405
О преступлениях-рецидивистах (2)	406

О преступниках-рецидивистах (3)	408
Правосудие в Марк-Кроссе	409
Пожар в Бигнелл-Вуде	410
Пропаганда в Индии (2)	410
Константинополь	411

ПРАВДА О ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

(Предисловие от издателя

<i>и композиционный перевод Павла Гелевы)</i>	413
---	-----

Артур Конан-Дойль

Уроки жизни

Серия «Символы времени»

Редактор *И. Парина*
Компьютерная верстка и дизайн *Г. Егорова*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 06.12.2002. Формат 84х108/32
Гарнитура «Times New Roman Cyr». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 31,92. Тираж 2000 экз. Заказ № 5496.

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу
можно приобрести в издательстве, а также
заказать наложенным платежом по адресу:

129344, Москва, Енисейская ул., 2

**E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>**

**т./ф. 189-17-35
т. 189-17-22**

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
на ГИПП «Вятка»
610033, г. Киров, Московская ул., 122.

Конан-Дойль часто получал письма, адресованные Шерлоку Холмсу, с описанием уголовных дел и с просьбой помочь.

Однажды вечером Конан-Дойль выбрал из стопки писем толстый конверт, набитый вырезками из газет. Вырезки относились к уголовному делу, завершённому три года назад. Дело выглядело таинственным, сенсационным.

Если в письме всё было правдой, то дело требовало, конечно, нового расследования. Давайте же внимательно ознакомимся с обстоятельствами этого загадочного дела.

ISBN 5-7784-0230-9

9 785778 402300

///AI PAF